

Рухийи Раббани
Бесценная жемчужина
Глава I

Детство и молодые годы Шоги Эффенди

Да будет благословенна и славна эта первая ветвь Божественного Древа Священной Любви, произросшая в благодати, нежная, цветущая и зеленеющая от двух Святых Древ; самая дивная, несравненная и бесценная жемчужина, сияющая из глубин Двух Бурных Морей.

Словно мощный поток солнечного света, прорвав мрачную грозовую завесу, высветил хрупкую фигуру маленького мальчика - внука пленника турецкого султана, жившего в городе-тюрьме Акко в турецкой провинции Сирия. Слова же эти были написаны Абдул-Баха в первой части Его Завещания и относились к Его старшему внуку - Шоги Эффенди. И хотя он уже был назначен наследственным преемником своего деда, ни сам ребенок, ни постоянно множась по всему миру войско последователей Бахауллы не знали об этом факте. На Востоке, где принцип наследования по прямой давно укоренен и считается в порядке вещей, никто ни минуты не сомневался, что поскольку Сам Бахаулла продемонстрировал таинственную суть этого великого принципа первородства, то и Абдул-Баха, Его сын и преемник, поступит так же. Еще задолго до Своей кончины, отвечая на вопрос одного из персидских верующих, кто же он, тот, кто все перейдет после Его смерти, Абдул-Баха написал: "Воистину знайте, что это - великая тайна. Подобно перлу, хранится она в своей раковине до срока, когда ей предстоит быть явленной. Настанет день, когда источится ее свет, и все тайны раскроются и станут очевидны". Новый свет проливают на этот вопрос дневники доктора Юнис Хана, который провел с Абдул-Баха три месяца в Акке в 1897 году, а затем еще несколько лет, начиная в 1900 года. Из его слов мы узнаем, что, возможно, благодаря достигшей Запада вести о том, что у Учителя родился сын, американский верующий написал Ему, что в Библии упоминается, что после Абдул-Баха "дитя поведет их за собою" (Исайя 11:6) и действительно ли это означает существование живого ребенка? В 1897 году Юнис Хан не знал об этом вопросе и что, отвечая на него, Абдул-Баха явил следующую Скрижаль: "О Служанка Божия! Воистину ребенок родился и жив, и многие чудеса произойдут от него. Ты еще узришь его наделенным совершенною внешностью, великими способностями, абсолютным совершенством, огромной силой и непревзойденной мощью. От лица его будет исходить сияние, озаряющее мир; посему помни об этом, сколько бы тебе ни пришлось жить, а след его останется в столетьях. И да пребудет с тобой слава и благодать Божия. Абдул-Баха Аббас».

Может вызвать удивление, что столь важная Скрижаль была неизвестна на Востоке, но не следует забывать, что в те поры не было практически никаких контактов между Бахаи Востока и Запада и Скрижали распространялись среди американских друзей в рукописных списках либо изустно. Когда Юнис Хан получил письмо из Америки, темные тучи в лице нарушителей Завета еще больше сгустились над головою Учителя, почему он и был в совершенном неведении относительно тех обстоятельств, которые могли заставить его друга обратиться с подобным вопросом к Абдул-Баха; тем не менее, в своем дневнике он отмечает, что узнал о существовании Скрижали лишь спустя много лет. Юнис Хан пишет: "Абдул-Баха прогуливался перед зданием "хана" (так называлось здание, где верующие Акки обычно собирались); подойдя, я сказал Ему, что некто написал мне из Америки, что мы слышали - Учитель сказал, что тот, кто по облику последует за ним, что он недавно родился и уже пребывает в мире. Ежели это так, то мы удовлетворены ответом, если же нет - что тогда? Выждав мгновение и глядя на меня многозначительно и со скрытым волнением, Он отвечал: "Да, это так". Услышав такие благие вести, душа моя возрадовалась; я укрепился в уверенности, что нарушители Завета обратятся в прах, что Дело Божие восторжествует в мире и что этот мир станет зеркалом мира небесного. Однако, дабы выяснить у Него, что именно Он разумеет под словом "облик", поскольку

мы, бахаи, вкладываем в него особый смысл и оно прозвучало для меня загадочно, я вновь спросил Его: "Означает ли это откровение?" Если бы Он ответил "да" или "нет", это могло бы вызвать еще большие недоразумения, но по счастью Его окончательный ответ развеял все сомнения. "Торжество Дела Божия в его руках", - отвечал Он. Затем Юнис Хан утверждает, что написал об ответе Абдул-Баха американскому верующему, но долгие годы хранил молчание об этом разговоре и даже про себя боялся представить, какие бы это могло иметь последствия и задаваться вопросом, где находится ребенок - в Акке или каком-либо ином месте. Подобную сдержанность со своей стороны он объясняет словами Бахауллы из книги Его Завета, в которых Он говорит, что все взоры должны быть устремлены на Средоточие Завета (Абдул-Баха), и теми интригами и распрями, которые на протяжении двух поколений раздирали семью Явления Божия. В другой части своего дневника Юнис Хан описывает, как он сам впервые увидел старшего внука Учителя: "Много дней населяющие Дом Паломников просили Афнана (отца Шоги Эффенди), чтобы он показал им мальчика. Однажды, неожиданно, в бируни (приемную Учителя) внесли четырехмесячного ребенка. Верующие с радостью приблизились к нему, однако я сказал себе: "взгляни на него только как на ребенка бахаи". Тем не менее, не в силах справиться со своими чувствами, я преклонил пред ним колени и на мгновение был совершенно заворожен красотой ребенка, приникшего к груди матери. Поцеловав его мягкие волосы, я ощутил в нем такую силу, какую трудно выразить словами, разве что сказать, что перед вами - Дитя на руках у Богоматери. Несколько дней лицо этого ребенка неотступно стояло у меня перед глазами, потом постепенно я позабыл его. Еще дважды довелось мне переживать подобное: когда ему было девять и когда ему было одиннадцать лет". Юнис Хан вспоминает также, что когда он увидел в младенце Шоги Эффенди внутренние и внешние свидетельства его величайшей духовности и неповторимого характера, он не мог больше сдержаться и доверил некоему старому и почтенному верующему те памятные, слышанные им от Абдул-Баха слова о том, что в руках этого мальчика - победа Дела Божия. Но, когда бы это ни произошло, факт заключается в том, что до того, как Учитель не скончался в ноябре 1921 года и Его Завещание не было найдено в Его сейфе, вскрыто и оглашено, никто из бахаи в мире не знал, что Шоги Эффенди - это та самая "несравненная жемчужина", причем столь несравненная и славная, что Абдул-Баха оставил его единственным после Себя вплоть до ноября 1957, когда он был призван в те Моря, что его породили. Шоги Эффенди родился в двадцать седьмой день месяца Рамазан, в 1314 году по мусульманскому летоисчислению. Это было воскресенье, 1 марта 1897 года по григорианскому календарю. Эти даты мы находим в одной из записных книжек Шоги Эффенди, которые он вел собственноручно в дни своего детства. Он был первым, старшим внуком Абдул-Баха, рожденным Его старшей дочерью Зийа Ханум и ее мужем Мирзой Хади Ширази - одним из семейства Афнанов, приходившимся родственником Бабу. Дед его неизменно обращался к нему Шоги Эффенди, и Он же наказал, чтобы к его имени постоянно добавляли титул "Эффенди", и даже просил его отца, чтобы тот называл его именно так, а не просто "Шоги". Слово "Эффенди" обозначает примерно то же, что "сэр" или "мистер" и добавляется к имени мужчины в знак уважения, как слово "Ханум", обозначающее "леди" или "мадам", добавляется к имени женщины.

В день рождения Шоги Эффенди Абдул-Баха и Его семья все еще были пленниками турецкого султана Абдул-Хамида; до тех пор, пока революция младотурков в 1908 году и последующее освобождение политических заключенных не освободила их от изгнания, которое для Него и Его сестры продлилось более сорока лет. В 1897 году все они жили в доме, известном как дом Абдуллы-паши - бывшем каменном здании больших турецких военных казарм, где Бахаулла, Абдул-Баха и сопровождавшие Их верующие были заключены с момента первого вступления на землю Акки в 1868 году. Это было то самое здание, где первая группа паломников в Запада посетила Учителя зимой 1898-99 годов и куда съезжались впоследствии многие первые верующие Запада; на омнибусе,

запряженном тремя лошадьми, они добирались от Хайфы до Акки, въезжали в укрепленный город-тюрьму и как гости проводили несколько дней в Его доме. Оттуда же ?Абду?л-Бах?, уже после Своего освобождения, переехал в Хайфу, находившуюся в двенадцати милях на другой стороне залива Акки. Пройдя через галерею, опоясывающую верхний этаж здания, они попадали в маленький закрытый сад, где росли цветы, плодовые деревья и несколько высоких пальм, откуда длинная лестница вела наверх в открытый дворик, двери из которого вели в разные комнаты и длинный коридор, по сторонам которого тоже находились жилые помещения.

Чтобы понять, что творилось в сердце Абдул-Баха, когда в возрасте пятидесяти трех лет у Него родился первый внук, надо вспомнить, что Он уже успел потерять не одного сына, самым дорогим и удивительным из которых был Хусейн, маленький мальчик красивой наружности и с большим достоинством, скончавшийся всего лишь несколько лет отроду. Их четырех оставшихся в живых дочерей Абдул-Баха три принесли Ему тринадцать внуков, но лишь старшей удалось подтвердить высказывание о том, что "дитя есть тайная сущность его родителя", не только в том значении, что она хотела подчеркнуть наследственные достоинства своего отца, но что ребенок вел свой род от Пророков Господних и унаследовал благородство от своего деда Абдул-Баха. Глубина чувств Абдул-Баха в это время нашла выражение в Его собственных словах, в которых Он ясно утверждает, что имя Шоги - дословно "устремляющийся" - было дано Его внуку Господом: "... Боже! Это ветвь, произросшая от древа Твоей милости. Благодатью Твоей дано будет ему возрасти, и потоки щедрот Твоих сделают его цветущей и плодоносной ветвью. Да возрадуются очи родителей его, Ты, кто даешь тому, кому пожелаешь, и Ты даровал ему имя Шоги, дабы мог он стремиться к Твоему Царству и воспарить в пределы незримого!" Из-за признаков, которые Шоги Эффенди выказывал еще в самую раннюю пору, симпатия к нему Учителя пускала в Его сердце все более глубокие корни.

Мы счастливы, что располагаем рассказом Эллы Гудалл Купер, одной из певых западных верующих, о встрече, свидетельницей которой она стала - встрече между Абдул-Баха и Шоги Эффенди - во время своего паломничества в марте 1899 года в доме Абдуллы-паши: "Однажды... я присоединилась к женщинам Семьи в комнате, где Пресвятой Лист обычно пил свой утренний чай; возлюбленный Учитель сидел в любимом углу дивана, откуда через окно справа Он мог наблюдать крепостной вал и расстилавшееся внизу лазурно-голубое море. Он трудился, записывая Скрижали, и мирную тишину комнаты нарушало только кипенье самовара, в котором молодая служанка готовила чай. Но вот Учитель оторвался от работы и с улыбкой попросил, чтобы Зийа Ханум спела молитву. Когда она закончила, из двери, напротив которой сидел Абдул-Баха, показалась маленькая фигурка. Сняв туфли, он вошел в комнату, не отрывая глаз от лица Учителя. Абдул-Баха взглянул на него с такой любовью и приветливостью, будто взглядом позвал мальчика к Себе. Шоги, красивый маленький мальчик, с камейно тонкими чертами лица и выразительными темными глазами, в которых светилась душа, медленно приближался к Учителю, словно тот притягивал его некоей невидимой нитью. И вот он уже стоял перед Ним. Абдул-Баха не обнял его; Он сидел совершенно неподвижно, только несколько раз медленно и величаво кивнул, как бы говоря: "Понимаешь? Наша связь - не просто физическая связь между дедом и внуком, а нечто куда более глубокое и значительное". Пока мы, затаив дыхание, следили за происходящим, мальчик поднял полу халата Абдул-Баха, почтительно приложил ее ко лбу, поцеловал, - и все это ни на минуту не сводя глаз с лица обожаемого Учителя. Через мгновение он отвернулся и принялся играть, как любой нормальный ребенок... В то время он был единственным внуком Абдул-Баха... и естественно все паломники крайне интересовались им". Какова же должна была быть борьба в душе деда, чтобы держать в таких строгих рамках Свою любовь к ребенку - так, чтобы ни малейший ее проблеск не подверг опасности его жизнь, ибо ненависть и зависть Его многочисленных врагов неустанно искали ахиллесову пяту, дабы добиться Его гибели и падения. Много раз, когда Шоги Эффенди вспоминал об Абдул-Баха, я

чувствовала, сколь безгранична и всепоглащающа была его собственная любовь к Учителю, однако он понимал, что Абдул-Баха скрывает Свою страстную привязанность, чтобы оградить его и предохранить Дело Божие от врагов и недоброжелателей.

Шоги Эффенди был небольшого роста, очень чувствительный, подвижный и озорной ребенок. Он не отличался крепким здоровьем, и это служило постоянным источником беспокойства его матери. Однако впоследствии он обладал железной конституцией, что вкупе с феноменальной силой характера и воли позволяло ему преодолевать любые препятствия на своем пути. На первых фотографиях мы видим худощавое лицо, огромные глаза и красиво очерченный подбородок, отчего в детстве лицо его походило на сердечко. Уже на этих ранних портретах заметна грусть, мечтательная задумчивость, склонность к страданию, которая подобна тени на стене - детской тени, принявшей размеры взрослого человека. Будучи уже мужчиной, он сохранил изящество и хрупкость сложения, что делало его физически больше похожим на его прадеда - Бахауллу. Он говорил мне, что сестра Абдул-Баха, Пресвятой Лист, беря его руки в свои, говорила: "Как они похожи на руки моего отца". У него были, что я называю "интеллигентные" руки: довольно широкая ладонь, сильные нервные пальцы, выступающие вены; он очень выразительно жестикулировал и был уверен в движениях. Амелия Коллинз, много лет прожившая в Хайфе, всегда говорила, что по этим рукам можно понять, сколь нелегка жизнь Хранителя. У него были те обманчиво карие глаза, которые людям, не имеющим возможности заглядывать в них так часто, как это делала я, иногда кажутся голубыми. На самом деле они были прозрачно ореховые, временами принимая теплый сероватый оттенок. Я никогда не видела такого выразительного лица и глаз, как у Хранителя; каждое переживание, каждая мысль отражались на его лице, как свет и тени отражаются на воде. Когда он был счастлив или обрадован чему-то, у него была привычка так широко открывать глаза, что они всегда казались мне двумя прекрасными солнцами, встающими над горизонтом, сияющими от переполняющего их чувства. Негодование, гнев, скорбь всегда одинаково ясно отражались в них, и, увы, поводы к тому были, настолько полной проблем и печалей была его жизнь. Ноги у него были такие же красивые, как и руки, маленькие, с высоким подъемом, производящие впечатление силы.

Может быть, это прозвучит неуважительно по отношению к Хранителю, если назвать его озорным ребенком, но он сам всегда говорил мне, что был признанным вожаком среди ребятни. Полный высоких помыслов, вдохновения, бесстрашный, маленький мальчик был неистощим на выдумки; если где-то что-то затевалось, то за этим, конечно же, стоял Шоги Эффенди! Эта неумная энергия часто служила источником беспокойства, когда он сломя голову носился по высокой крутой лестнице, а паломники, столпившись внизу, ожидали появления Учителя. Его бурные чувства невозможно было ничем обуздать, но именно за счет своего энтузиазма он, повзрослев, превратился в неутомимого, несгибаемого предводителя сил Бахауллы, ведя их от победы к победе к духовному завоеванию всей Земли. Мы располагаем весьма достоверным свидетельством этого качества Хранителя: желая сделать приятное Своему маленькому внуку, Сам Абдул-Баха написал ему на использованном конверте короткое послание: "Шоги Эффенди - человек мудрый, но крайне непоседливый!" Из этого, однако, вовсе не стоит делать вывод, что Шоги Эффенди был человек плохо воспитанный. Детям на Востоке - а уж тем более детям Абдул-Баха - прививают хорошие манеры с раннего возраста. Семья Бахауллы происходила от царей, и благодаря семейной традиции, независимо от Его учения, которое рассматривает вежливость как нечто обязательное, благородное воспитание и правила хорошего тона отличали Шоги Эффенди с детских лет. В те времена было принято вставать на заре и проводить первый час дня в комнате Учителя, где читали молитвы, а затем вся семья завтракала вместе с Ним. Дети сидели на полу, скрестив ноги, скрестив руки на груди, с видом величайшего почтения; если их просили спеть для Абдул-Баха, то между ними никогда не было никаких ссор или пререканий. Завтрак состоял из чая, который кипел, булькая в большом медном русском самоваре, и подавался очень горячим и сладким, из

белого пшеничного хлеба и козьего сыра. Доктор Зийа Багдади, близкий друг семьи, вспоминая об этих днях, рассказывает, что Шоги Эффенди всегда появлялся первым, боясь опоздать, после того как однажды получил хорошую встрепку - и не от кого-нибудь, а от собственного деда! Он также рассказывает историю о первой Скрижали, которую Шоги Эффенди получил от Абдул-Баха. Доктор Багдади вспоминает, что, когда Шоги Эффенди было всего пять лет отроду, он не отставал от Учителя с просьбой написать что-нибудь для него, и тогда Абдул-Баха собственной рукою начертал следующее прочувствованное послание: "Во имя Господне! О Мой Шоги! у Меня совершенно нет времени для разговоров - оставь Меня! Ты просил написать - Я написал. Что еще Я могу сделать? В твоём же возрасте лучше заниматься не чтением и письмом, а предаваться играм, распевая молитвы в честь Благословенной Красы так, чтобы лучше запомнить их и чтобы Я мог слышать твоё пение, потому что времени более у Меня ни для чего нет". Вероятно, что когда этот драгоценный подарок попал в руки мальчика, он вспомнил все молитвы Бахауллы, какие знал и принялся распевать их так громко, что было слышно на всю округу; когда же родители и другие члены семьи Учителя принялись ему выговаривать, то, по свидетельству Доктора Багдади, Шоги Эффенди ответил: "Учитель написал, чтобы я пел так, чтобы Он мог меня слышать! Вот я и стараюсь!" - и продолжал петь своим высоким голосом по несколько часов в день. Наконец родители стали умолять Учителя остановить его, но Тот отвечал, чтобы они оставили Шоги Эффенди в покое. Такова была одна сторона этого задания. Другая же заключалась в следующем: распевая молитвы, маленький мальчик запомнил некоторые из трогательных отрывков, написанных Абдул-Баха после кончины Бахауллы, и, когда он пел, слезы искреннего горя катились по маленькому лицу. Из другого источника нам доводилось слышать, что когда некий западный гость, живший в то время в Его доме, попросил Его явить несколько молитв специально для маленьких детей, то Абдул-Баха исполнил его просьбу, и первым, кто выучил и стал распевать эти молитвы, был Шоги Эффенди, который и позже пел их на встречах своих друзей. Няня Шоги Эффенди любила вспоминать случай, когда Учитель пожелал позвать для своего маленького внука некоего мусульманина, певшего в мечети, чтобы тот хотя бы раз в неделю приходил и своим мелодичным голосом пел для мальчика стихи из Корана. У Самого Учителя, матери Хранителя и вообще у многих в семье были приятные, напевные голоса. Все это должно было произвести глубокое впечатление на Шоги Эффенди, который не переставал петь до конца дней. Голос его невозможно описать: полный, скорее средний, ясный, с красивыми переливами - пел ли он по-английски либо по-персидски, но, пожалуй, более красиво звучало на арабском и персидском. Мне оно всегда напоминало жалобное пенье голубки, одиноко примостившейся на ветви дерева. Сердце мое сжималось, когда я слышала эту печальную жалобу, прорывающуюся сквозь уверенные звуки хорошо поставленного голоса; странным было и то, как необъяснимо менялся он, когда после пения в Усыпальнице Баба он отправлялся в Усыпальницу Учителя и читал там молитву Абдул-Баха "Ниц и в слезах, воздеваю я к Тебе руки..." В голосе Хранителя появлялась нежность и томление, которых мне больше никогда и нигде не доводилось слышать; перемена эта происходила всегда, всегда была одной и той же. В своих воспоминаниях об этих ранних днях один из верующих бахаи написал, что однажды, войдя в комнату Учителя, Шоги Эффенди взял Его перо и пробовал написать что-то. Абдул-Баха ласково притянул его к Себе, тихонько похлопал по плечу и сказал: "Сейчас не время писать, сейчас время беззаботно играть, ибо много придется тебе еще писать в будущем". Однако желание ребенка учиться привело к тому, что в доме Абдул-Баха организовали классы, занятия на которых вел некий старый верующий-перс. Я помню, что однажды, скорее всего тогда он жил в Акке, Шоги Эффенди и другим детям более старшего возраста преподавала итальянка, которая была для них кем-то вроде гувернантки - седоволосая женщина в годах, она как-то навещала нас вскоре после нашей свадьбы. Хотя ранние годы Шоги Эффенди прошли в городетюреме Акке, в окружении ровов и крепостных стен, с часовыми у двух ворот - это не

значит, что он был совершенно лишен свободы передвижения. Ему часто приходилось навещать дома бахаи, живших в черте города, ходить в хан, где останавливались паломники, в сад Ризван и в Бахджи. Много раз дед с удовольствием брал его с Собой на эти прогулки. Нам говорили, что однажды он провел ночь в Бахджи, дом этот с тех пор стал домом для паломников; случилось, Абдул-Баха Сам укладывал его спать, повторяя: "Я скучаю по нему". Его брали с собой в Бейрут - единственный большой город во всем районе, куда часто ездили члены семьи Абдул-Баха. Доктор Багдади рассказывает, как во время одного из подобных посещений, когда Шоги Эффенди пяти-шестилетним мальчиком сопровождал своих родителей, Пресвятой Лист и других членов семьи, он провел большую часть дня в комнате Доктора Багдади, разглядывая медицинские книжки и картинки в них и задавая вопросы. Видимо, Шоги Эффенди хотелось увидеть действительное вскрытие, картинки не удовлетворяли его. Эта горячая страсть к знаниям (и, без сомнения, огромные глаза, глядевшие так настойчиво и вопрошающе) окончательно сломали сопротивление молодого студента-медика, у которого уже была наготове жертва - большая дикая кошка, и он приступил к вскрытию в присутствии Шоги Эффенди, его дяди и слуги, подстрелившего животное. Все следили заворожено, в полном молчании. Когда все было окончено, и доктор Багдади невольно задавался про себя вопросом, что мог понять во всем этом такой маленький мальчик, то как же он был поражен, когда Шоги Эффенди слово в слово повторил все пояснения, которыми доктор Багдади сопровождал операцию. "Я подумал тогда, - пишет доктор Багдади, - что это не обычный ребенок, а воистину - бесценный, обворожительный ангел!" Поскольку одним из предметов, которые Шоги Эффенди изучал в 1916 году, была зоология, он наверняка вспомнил свой первый урок анатомии. Продолжая свой рассказ, доктор Багдади пишет, что в дополнение к столь необычной восприимчивости Шоги Эффенди был столь чувствителен и мягок по натуре, что если ему случалось обидеть кого-то из товарищей - даже если тот в чем-либо обманул его - он всегда сам обнимал и успокаивал его; перед тем как ложиться спать, он всегда просил своих маленьких друзей позабыть взаимные обиды. Иногда Шоги Эффенди беспокоили яркие, запоминающиеся сны, равно приятные и неприятные. Рассказывают, что однажды ночью он проснулся с плачем и Учитель попросил няню принести Шоги Эффенди к Нему, чтобы успокоить его; обратясь к Своей сестре, Пресвятому Листу, Учитель сказал: "Смотри, ему уже снятся сны!" Существует крайне мало свидетельств того, каким представлялся людям иных религий этот внук Абдул-Баха. Тем не менее одно из них заслуживает того, чтобы привести его целиком. Это воспоминания немецкого женщины-врача, Й. Фальшер, жившей в Хайфе и пользовавшейся женщин в доме Абдул-Баха. Следует помнить, что ее исключительно интересный рассказ стал известен только спустя одиннадцать лет после рассказываемых событий, но значения своего он не утратил. "Когда я вернулась домой 6 августа 1910 года после профессионального визита на гору Кармель, наш старый слуга Хадштите сказал мне: "Только что здесь был слуга от Аббаса Эффенди и попросил доктора прийти в "ассер" (три часа) на женскую половину дома Учителя, потому что у одной из женщин сильно разболелся палец". Мне не хотелось так рано отправляться с визитами в субботнее утро. Но поскольку я знала, что Учитель никогда не пошлет за мной в такое время без серьезной на то причины, то решила идти... Когда все было закончено, а на палец и руку я наложила повязку, Бейа Ханум отправила маленькую страдалицу в постель и пригласила меня немного отдохнуть и перекусить вместе с прочими женщинами. Мы потихоньку пили кофе, беседуя на турецком, который для меня легче арабского, когда в комнату вошел слуга и сказал: "Аббас Эффенди хочет, чтобы доктор зашла к Нему в "селамик" (комнату для рисования), прежде чем уйдет". ...Учитель попросил меня рассказать, как обстоит дело и миновала ли уже опасность заражения крови. Я дала Ему утвердительный ответ. В эту минуту в комнату вошел зять - муж старшей дочери Аббаса Эффенди - с явным намерением попрощаться с Учителем. Поначалу я не заметила, как вслед за высоким полным достоинства мужчиной в комнате оказался его старший сын, Шоги

Эффенди, и, по восточному обычаю поцеловав Ему руку, приветствовал своего боготворимого деда. Я уже несколько раз мельком видела мальчика. Бейа Ханум недавно рассказала мне, что этот отрок примерно двенадцати лет отроду - старший из мужчин, прямых наследников Пророка, и является единственным преемником и представителем визиря, т.е. Учителя. Пока Аббас Эффенди на персидском обсуждал какое-то дело с отцом Шоги Эффенди, Абу Шоги, стоявшим перед Ним, внук, вежливо поприветствовал нас, и поцеловав руку своей двоюродной бабушки, в самой почтительной позе расположился у двери. В эту минуту в комнате появилось довольно большое число знатных персов, возгласы приветствия и прощания смешались, люди входили и выходили, все это длилось около четверти часа. Бейа Ханум и я отошли к окну и вполголоса продолжали наш разговор на турецком. Тем не менее я не могла отвести глаз от еще очень молодого внука Аббаса Эффенди. На нем был европейский летний костюм: короткие штаны с длинными чулками, выше колен и короткая куртка. По росту и сложению ему можно было дать тринадцать или даже четырнадцать лет... На детском его лице, смуглом, уже достаточно серьезном меня прежде всего поразили большие печальные глаза. Мальчик неподвижно застыл на своем месте, поза его выражала покорность. Отец Шоги Эффенди и сопровождавший его мужчина попрощались с Учителем, но, прежде чем выйти, отец что-то шепнул сыну, после чего тот неспешным, размеренным шагом, совсем как взрослый, приблизился к своему возлюбленному деду, дождался, пока к нему обратятся, ясным звонким голосом ответил на персидском и со смехом был отпущен, хотя прежде ему снова было дозволено почтительно поцеловать руку деда. На меня произвело глубокое впечатление то, как мальчик медленно удалялся из комнаты, а его темные, лучащиеся умом и искренностью глаза ни на миг не отрывались от голубых, магически мерцающих глаз его деда. Аббас Эффенди встал и подошел к нам, мы мгновенно поднялись, но Учитель попросил нас, чтобы мы сидели по-прежнему, и Сам присел рядом с нами на скамейку. Мы по обыкновению ждали, пока Он первым нарушит молчание, что Он вскорости и сделал: "Итак, дочь моя, - начал Он, - как тебе понравился Мой будущий Елисей?" - "Учитель, если говорить откровенно, у мальчика лицо и темные глаза мученика - человека, которому придется немало пострадать!" В раздумье Учитель устремил Свой взгляд вверх наших голов и лишь долгое время спустя вновь обратил на нас взгляд, сказав: "Взор Моего внука - не взор первоходца, бойца или триумфатора, но в нем читается глубокая преданность, упорство и обязательность. И ты знаешь, дочь моя, почему он станет преемником тяжелого наследия - быть Моим Визирем (Главой, занимающим высокий пост)?" Не дожидаясь моего ответа, глядя более на Свою возлюбленную сестру и словно позабыв о моем присутствии, Он продолжал: "Бахаулла, Совершенство во Плоти - да благословенны будут Его слова - в прошлом, настоящем и во веки веков - избрал малого сего вовсе не потому, что я был Его первым сыном, а потому, что Своими внутренними очами прочел на моем челе печать Божию. Перед Своим вознесением к вечному Свету благословенное Явление напомнило мне, что и я тоже - независимо от первородства или возраста - должен буду выбрать из Своих сыновей и внуков того, кого Господь предназначит для сей великой миссии. Мои сыновья отошли в вечность еще в юные годы, и лишь у одного маленького Шоги Я вижу тень великого призвания в глубине его темных глаз". Последовала еще одна долгая пауза, затем, вновь обращаясь ко мне, Учитель произнес: "В наши дни Британская империя - величайшая в мире, и все больше расширяет свои границы, а язык ее стал всемирным. Мой будущий Визирь должен подготовиться к своим нелегким обязанностям в самой Англии, но прежде он должен получить здесь, в Палестине, фундаментальные знания в области восточных языков и овладеть мудростью Востока". Здесь я позволила себе вмешаться: "Но разве западное образование, особенно английского образца, жесткое по своей натуре, не опутает его гибкий ум путами интеллектуализма, не стеснится догмами и условностями его восточной иррациональной интуиции, так что он уже не сможет быть слугой Всемогущего, а превратится в раба рационального западного оппортунизма и пустой

повседневной жизни?" Долгое, долгое молчание! Затем Аббас Эффенди Абдул-Баха поднялся и громко и торжественно произнес: "Я вверяю Своего Елисея не британскому образованию. Я посвящаю и вверяю его Всемогущему. Божий взор будет следить за моим чадом в и Оксфорде - Иншалла (Да сбудется воля Господня)!" Не прощаясь, не сказав более ни слова, Учитель вышел из комнаты. Попрощавшись с Бейа Ханум, выходя, я увидела в саду Учителя, который стоял, очевидно погруженный в глубокие раздумья, глядя на смоковницу, усыпанную плодами. В ноябре 1921 года, будучи в Лугано, я узнала о кончине Аббаса Эффенди Абдул-Баха в Хайфе, и мои мысли вернулись к тому далекому августу 1910 года, и я пожелала всего доброго Елисию - Шоги - Иншалла!" Поскольку много лет спустя Абдул-Баха просил Своего доброго друга, лорда Лэмингтона, известного шотландского пэра и человека, который глубоко уважал Его и восхищался Им, помочь Шоги Эффенди устроиться в один из колледжей Оксфордского университета, то, возможно, Он и поделился с доктором Фальшеер Своими планами, но об этом мы не имеем достоверных свидетельств. Когда Абдул-Баха переехал в Свой новый дом в Хайфе, в котором члены Его семьи жили с февраля 1907 года, в каждой из комнат жил кто-то из членов Его семьи; в конце концов семьи двух из Его дочерей переехали в собственные дома неподалеку от дома Абдул-Баха, но дом был по-прежнему переполнен родственниками, детьми, слугами, паломниками и гостями. Позже, когда Шоги Эффенди возвращался домой из школы, небольшая его комната помещалась рядом с комнатой Абдул-Баха. Поскольку электрическое освещение еще только монтировалось и было подключено лишь после кончины Абдул-Баха, то семья пользовалась керосиновыми лампами. Зачастую, когда Учитель видел, что в комнате Шоги Эффенди глубокой ночью еще горит свет, Он подходил к дверям и говорил: "Довольно, довольно! Пора ложиться!" Но на самом деле усердие и серьезность Шоги Эффенди доставляли Ему большое удовольствие. Хранитель рассказывал мне, что как-то Учитель зашел в рисовальную комнату, где он работал, и встал у окна, глядя в сад, не поворачиваясь к внуку; смех и веселая болтовня доносились из соседней комнаты. Абдул-Баха повернулся к Шоги Эффенди и сказал: "Мне бы хотелось, чтобы и ты был как они - более земным". В другой раз Шоги Эффенди рассказывал мне, как Учитель сказал Своей жене: "Взгляни в его глаза, они - как родниковая вода". Еще он вспоминал, как Учитель, явно стоявший у окна, выходящего на главные ворота, увидел, как Шоги Эффенди вошел и быстро взбежал по лестнице. Послав за ним, Он сказал: "Не суетись, держись спокойно, с достоинством!" Это было уже в ту пору, когда Шоги Эффенди подрос и помогал Учителю во многих работах. В дни перед отъездом в Англию он носил длиннополый восточный костюм, подпоясанный кушаком и красную феску на голове. На фотографиях часто видно, как шла она ему: прядь мягких, темных, почти черных волос выбивалась на широкий гладкий лоб, лицо несколько располнело, однако сохраняло прежнюю красоту, прежние твердые очертания подбородка и большие, казавшиеся черными глазами. В его губах запоминалось то, что очертания нижней почти полностью повторяли верхнюю, причем цвет их был ярко-красный. Став юношей, он всегда носил маленькие, коротко подстриженные темные усы. До поездок Учителя на Запад домочадцы Его держались куда более восточных привычек. После Его возвращения мало-помалу кое-какие западные привычки стали проникать в их жизнь. Вспоминаю такие строки из своего из своего дневника: "Шоги Эффенди только что очень живо изображал, как обычно проходил ленч в доме Учителя в Его времена. Около одиннадцати утра Учитель появлялся в большой зале и спрашивал: "Ам Кули, ссат шане? (Который теперь час?)" В обязанности Ам Кули входило сообщать точное время. Служанки клали на полу старой чайной комнаты большой лоскут материи и вкатывали из коридора, где он стоял, большой, тяжелый круглый стол на низких ножках; его помещали на "скатерть", а на самом столе раскладывали несколько старомодных металлических тарелок (возможно эмалевых) и несколько ложек - не по числу завтракающих, а наугад, потом разбрасывали по столу нарезанный хлеб и накрывали его салфетками... Учитель входил, усаживался и призывал "байа беншид" (войти и сесть)

всех присутствующих: Своих зятей, Своего дядю, Своего двоюродного брата и т.п... и первым начинал есть - когда ложкой, а когда и руками. Иногда Он Сам подкладывал в тарелки окружавшим Его рис и прочее Собственными руками. Когда завтрак близился к середине, с кухни появлялась Ханум (Пресвятой Лист), снимал туфли в коридоре и с тарелкой какого-нибудь особенно лакомого блюда занимала место рядом с Учителем; место это всегда оставляли специально для нее. Постепенно подходили и остальные - женщина-гости, дети, дочери Учителя и т.д. (Учитель и мужчины, откушавшие первыми, первыми же и уходили из-за стола). После этого, говорит Шоги Эффенди, начинался настоящий бедлам: детские крики, возня, все начинали говорить разом и очень громко. Он сказал, что старшие дети, и он тоже, всегда следили, стараясь получить еду из рук Ханум, потому что считалось, что она всегда даст что-нибудь самое вкусное. Они называли это "кусочек от Ханум"; обычно он и доставался Хранителю - ее любимцу! После знатных дам место за тем же столом занимали служанки... После возвращения Учителя с Запада и трапезы устраивались все более на западный манер: появился фарфор, ложки, ножи, вилки и прочее..." Но вернемся в Акку, когда Шоги Эффенди был еще совсем маленьким. Хотя нет никаких сомнений, что Абдул-Баха старался делать все, чтобы детство Шоги Эффенди протекало как можно радостнее и спокойнее, невозможно было скрыть от столь чуткого и пронизательного ребенка серьезные опасности, угрожавшие его возлюбленному деду в годы непосредственно предшествовавшие свержению турецкого султана. Постоянные посещения турецких чиновников, посылаемых расследовать ядовитые измышления, которые нарушители Завета выдвигали против Абдул-Баха, их постоянные злоумышления против самой Его жизни, страх перед разлукой и новой ссылкой в Ливию - должны были создавать в семье Учителя атмосферу тревоги и постоянного беспокойства, которая не могла не коснуться и Шоги Эффенди. Это было время разгула нарушителей Завета; община верующих, прибывших в ссылку вместе с Бахауллой, за исключением горстки верных Ему до конца, была по большей части заражена этим смертельным заболеванием; некоторые открыто принимали сторону мятежного брата Абдул-Баха, Мухаммада Али, другие скрыто симпатизировали ему. Именно в эти годы Абдул-Баха строго-настрого запретил Шоги Эффенди пить кофе в доме у кого-либо у бахаи. Он боялся, что его драгоценного внука могут отравить! Шоги Эффенди рассказывал мне об этом сам, а когда человек вспоминает, какой опасности подвергался он, всего лишь маленький мальчик, легко представить, какая опасность угрожала всей семье. Возможно, потому, что положение ухудшалось день ото дня, Абдул-Баха послал Шоги Эффенди с его няней в Хайфу, где еще оставалось некоторое количество преданных верующих; когда точно это произошло, я не знаю, могу сказать только, что он был тогда еще совсем маленьким. Первым его иностранным языком был французский, и, хотя в более поздние годы он неохотно пользовался им в официальных случаях, поскольку считал, что со временем стал забывать его и утратил прежнюю легкость, но, по крайней мере на мой слух, владел им в совершенстве и неизменно мог сделать любое добавление или пояснение на французском с исключительной легкостью. В 1907 году он жил все с той же своей няней, Хаджар Катун, которая не расставалась с ним с детских лет, в нововыстроенном доме Абдул-Баха, который и стал Его последним пристанищем, а впоследствии - домом Хранителя. Именно здесь Шоги Эффенди приснился очень важный сон, который он пересказал мне, а я его записала. Он сказал, что когда ему было лет девять-десять и он жил со своей няней в этом доме и ходил в школу в Хайфе, ему приснилось, что он и другой мальчик, его приятель-араб, находятся в комнате, где Абдул-Баха обычно принимал Своих гостей в Акке, где Он жил и где родился Шоги Эффенди. В комнату вошел Баб, и одновременно появился человек с револьвером; он выстрелил в Баба, а затем сказал Шоги Эффенди: "Что ж, теперь твоя очередь", - и стал гоняться за ним по комнате, стреляя в него. В этот момент Шоги Эффенди проснулся. Он рассказал о сне своей няне, и та попросила передать его Мирзе Асадулле, чтобы тот поведал обо всем Учителю. Мирза Асадулла записал услышанное и послал Учителю, Который в ответ явил Шоги Эффенди следующую

Скрижалю. Странно, сказал Шоги Эффенди, но все это произошло как раз в то самое время, когда жизни Учителя грозила великая опасность и Он составил одно из Своих Завещаний, в котором назначил Шоги Эффенди Хранителем. Клянусь Господом! О мой Шоги, сон твой - к добру. Он доказывает, что, дабы оказаться пред ликом Того, Кто Свят, пусть душа моя и будет принесена Ему в жертву, Существо Возвышенное восприняло милость Божию и обрело Его величайший дар и высшее благоволение. Сон твой - истина. Надеюсь, что ты явишь чувства, достойные Красы Абха, и будешь приумножать день за днем свою веру и знания. Ночи посвящай молитве, днем же - исполняй свои обязанности. Абдул-Баха

Шоги Эффенди был особенно привязан к своей няне, о которой Абдул-Баха упоминает в письме к Своей сестре: "Поцелуй Шоги Эффенди, этот цветок в саду услад, и передай привет Хаджар Катун". В своем дневнике я записала: "Сегодня вечером Шоги Эффенди говорил мне, как он расстроен тем, что няня, которую он привез с собою, умерла в Александриите. Он добавил, что его мать решила избавиться от нее, когда та состарилась, и он горько переживал из-за этого, хотя ему было тогда всего лет десять. Когда пришло известие о ее смерти, он находился в Карме - саду своего отца. Он бродил по темному саду и кричал, призывая ее по имени - тогда ему было около двенадцати. Благоговейная любовь его к своей няне была притчей во языцех в его семье".

Поступил Шоги Эффенди в лучшую школу Хайфы - иезуитский колледж. Он рассказывал мне, что чувствовал себя там очень несчастным. И действительно я часто слышала от него, что он никогда не был по-настоящему счастлив в какой-либо школе или университете. Его врожденная жизнерадостность, чуткость и его окружение, разумеется столь отличавшиеся от того, что имели другие, не могли не отъединять его от них, и это было источником постоянной тоски и душевной боли; и в самом деле, он принадлежал к тем людям, в которых сочетание открытого и чистого сердца, глубокого ума и страстной натуры чаще всего являются источником многих страданий. Видя все это, Абдул-Баха решил перевести его в другую, католическую школу в Бейруте, которую он посещал как пансионер, но и там он чувствовал себя столь же несчастным. Когда об этом узнали в Хайфе, семья послала надежную женщину-бахай, чтобы она сняла для Шоги Эффенди в Бейруте дом, заботилась и ухаживала за ним. Вскоре после этого она написала его отцу, что он совершенно несчастен, похудел и вообще выглядит плохо. Отец показал это письмо Абдул-Баха, который как раз в это время вел переговоры с тем, чтобы Шоги Эффенди перевели в Сирийский протестантский колледж, впоследствии получивший наименование Американского колледжа в Бейруте, где имелась как школа, так и университет, и Хранитель поступил туда, когда получил то, что тогда приравнивалось к высшему образованию. Шоги Эффенди проводил каникулы дома, в Хайфе, по возможности вместе с дедом, которого он боготворил и служить Которому было высшей и самой заветной целью его жизни. Весь курс образования Шоги Эффенди строился так, чтобы он мог помогать Учителю, переводить для Него как устные беседы, так и Его писания на английский. Шоги Эффенди рассказывал мне, что в первые годы учения в Хайфе он просил Абдул-Баха дать ему свое, особое имя, чтобы отличаться от своих двоюродных братьев, которых всех одинаково звали Афнан. Тогда Учитель дал ему имя "Раббани", что значит "священный", и так называли его отныне его братья и сестры. Подобного в то время не практиковалось: людей называли по названию города, откуда они происходили, либо по имени какого-нибудь выдающегося члена их рода. Очень трудно точно проследить ход событий в эти годы. Все взоры были прикованы к деду, и, хотя многие любили и уважали Его старшего внука - когда светит солнце, светильник меркнет! Некоторые из паломников, скажем тот же Торнтон Чейз, который встречался с Учителем в 1907 году, первый из американских верующих, упоминает о собрании под названием "Шоги Афнан". И все же Чейз опубликовал фотографию, на которой Шоги Эффенди изображен в своем обычном, по всей видимости, для тех дней платье: короткие штаны, длинные темные чулки, феска на голове, куртка и широкий матросский воротник,

закрывающий плечи. Но достоверного материала, необходимого, чтобы заполнить на данный момент все пробелы, недостаточно. Даже те, кто сопровождал Абдул-Баха в Его поездках по Западу и вел подробные дневники, вряд ли обращали внимание на тринадцатилетнего мальчика, постоянно державшегося возле Абдул-Баха, когда Он ездил по странам Европы и Америки.

Как только Абдул-Баха освободился после Своего многолетнего заключения, и обосновался на постоянное жительство в Хайфе, Он начал обдумывать план будущего путешествия. Американская газета "Бахаи Ньюс" в одном из своих отчетов за 1910 год пишет: "Нас спрашивали, собирается ли Абдул-Баха отправиться в Египет. Абдул-Баха не давал никакой информации, что в ближайшее время намерен оставить Хайфу... в течение двух дней Он допускал в Свое присутствие только Шоги Эффенди и Своего слугу". Один из верующих бахаи вспоминает, как сентябрьским вечером, незадолго до захода корабль, на котором Абдул-Баха отплывал в Порт-Саид в Египет, вышел из гавани; Шоги Эффенди, сидевший на ступенях дома Учителя в тоске и печали, заметил: "Учитель сейчас на борту этого корабля. Он оставил меня, но в этом наверняка есть тайная мудрость!" - или что-то в этом роде. Без сомнения, прекрасно зная, что творится на сердце у Его внука, любящий Учитель вскорости послал за мальчиком, чтобы смягчить удар, нанесенный первой серьезной разлукой с Ним; но больше упоминаний об этом событии нет. Мы знаем, что Учитель около месяца пробыл в Порт-Саиде, затем проследовал в Александрию, а не в Европу, что было Его первоначальным намерением. Как долго Шоги Эффенди пробыл с Ним в Египте, мы не знаем, но поскольку школы открываются в начале октября, было высказано предположение, что он вернулся в Сирию. Но что можно точно сказать, так это то, что в апреле 1911 года Шоги Эффенди снова был вместе с Учителем в Рамлехе, предместье Александрии, поскольку американский бахаи, Луи Грегори, первая чернокожая Десница Дела, упоминает о том, что 16 апреля он видел "Шоги", красивого мальчика, старшего внука Абдул-Баха, и тот чрезвычайно почтительно и с любовью относился ко всем паломникам. В августе того же года Учитель отправился в Свою первую поездку по Европе и вернулся в декабре 1911 года. Сколько времени прошло, прежде чем Он вновь послал за Своим старшим внуком, мы не знаем, но зато можем с уверенностью сказать, что теперь у Него был план - возможно, зародившийся под влиянием путевых впечатлений, возможно - поскольку Ему очень недоставало Шоги Эффенди - план, заключавшийся ни больше ни меньше, чем в том, как взять Шоги Эффенди с Собой в Америку. Хранитель сам рассказывал мне, как Абдул-Баха велел заказать ему длинное платье и два тюрбана, зеленый и белый, как у Него самого, чтобы Шоги Эффенди мог носить их на Западе; когда все это было готово и доставлено и Шоги Эффенди, облачившись в новое платье, предстал перед Учителем, глаза Его вспыхнули от гордости и радости за внука. То, какое значение эта поездка на Запад вместе с Абдул-Баха могла бы иметь для Шоги Эффенди, оценить невозможно, однако этому замыслу помешали разного рода махинации, подстрекателем которых был некий доктор Амин Фарид, позднее вероломно и подло примкнувший к партии нарушителей Завета, племянник жены Абдул-Баха, один из сопровождавших Его в Америку и бывший для Него таким постоянным источником разного рода неприятных переживаний, что, по словам Шоги Эффенди, когда Учитель наконец 5-го декабря 1913 года оказался в Своем доме в Хайфе, Он первым делом прошел в комнату Своей жены и слабым голосом и словно отстраняя от Себя что-то сказал "Этот доктор Фарид вконец меня извел!" Сам Шоги Эффенди никогда не сомневался, что именно из-за козней Фариды ему не удалось совершить то историческое путешествие. 25и марта 1912 года Абдул-Баха, Шоги Эффенди, несколько секретарей и слуг отплыли на пароходе "Седрик" компании "Уайт Стар Лайн" из Александрии в Европу. В Неаполе врачи на итальянской таможне заявили, что один из секретарей, слуга и Шоги Эффенди страдают заболеванием глаз и обязаны вернуться обратно. В своем дневнике Мирза Махмуд, вспоминая эти события, пишет, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые Абдул-Баха, теми, кто Его сопровождал, и Его

американскими друзьями, этим троим было отказано в праве спуска на берег, к тому же власти заявили, что, даже если им разрешат следовать далее, американская медицинская комиссия не пропустит их. Абдул-Баха провел целый день, делая все возможное, дабы изменить это решение, но к вечеру после печального прощания Он вынужден был сесть на корабль и отплыть в Америку. Слова, с которыми Он обратился в ту ночь к сопровождавшим Его, совершенно очевидно доказывают, что Он считал повод, по которому Шоги Эффенди отправили обратно, надуманным: "Итальянцы посчитали нас турками, и отнеслись к нам соответственно. Троих из нас задержали. Секретарь и повар не в счет. Но почему они так строго обошлись с Шоги Эффенди, этим маленьким, беззащитным, беспомощным мальчиком? Они дурно обошлись с нами, хотя Я всегда помогал их общине в Александрии и Хайфе..." Шоги Эффенди говорил мне, что с глазами у него было все в порядке (он вообще никогда не страдал глазными болезнями), но доктор Фарид склонил Абдул-Баха отправить его обратно, с помощью всевозможных аргументов защищая точку зрения итальянских врачей. Он полностью объяснял исход дела вмешательством Фариды в ситуации, когда проявились столь характерные для него неограниченные амбиции и привычка к бесконечному интриганству. Легко представить, какую рану нанесло это пятнадцатилетнему мальчику, впервые в жизни отправившемуся в столь серьезное путешествие, но сколь более тяжелой была эта рана для Шоги Эффенди, так привязанного к своему деду, так переживавшего предстоявшее плавание на большом океанском пароходе в дни, когда столь долгие путешествия были относительно случайными и редкими! Он всегда вспоминал этот случай с грустью, но одновременно с той трогательной покорностью постоянным ударам, которыми награждала его жизнь. Легко объяснить это вмешательством Воли Божией, Его Промысла - но кто знает, ведь часто праведная поступь Бога подменяется ложными стезями, людскими злоумышлениями. Нет сомнения, что Учитель весьма горевал, однако не выдавал Своих чувств, чтобы тайна будущего Шоги Эффенди не раскрылась раньше времени и нечто еще более худшее не постигло бы его вследствие зависти окружающих. Мы располагаем письмом, которое Шоги Эффенди написал полгода спустя одному из секретарей Абдул-Баха в Америке; в нем он пишет, что, хотя и подписался на "Звезду Запада", получил не все номера и просит удостоверить его в том, что все номера, содержащие отчеты о пребывании Учителя в Америке, будут впредь доходить до него. С октября он помечает свои письма адресом Сирийской протестантской школы, куда, как он пишет, он собирается скоро поступить. Подписывается он "Чоки Раббани". Кажется, в первые годы он писал свое имя именно так, а кроме того иногда "Шоуки" или "Шоги". В конце концов имя приобрело форму "Шоги", что в наибольшей степени соответствует его английскому произношению. В своей записной книжке тех бейрутских дней он выписывает его, полностью транслитируя - "Shawki Rabbani", но на письме он эту форму никогда не использовал.

Мысли Абдул-Баха, несмотря на Его невероятную занятость сначала в первые изнурительные месяцы в Америке, а затем в Европе, наверняка часто обращались к Его любимому внуку. Мы находим упоминание о Шоги Эффенди в трех письмах, которые Учитель адресовал Своей сестре, Пресвятому Листу, Бахийе Ханум, в них Он беспокоится о внуке и не может скрыть Своей великой любви к нему: "Срочно пиши мне обо всем, что происходит с Шоги Эффенди и ничего не скрывай; так будет лучше всего". "Поцелуй за меня свет очей возвышенных душ - Шоги Эффенди". Строки эти ясно указывают на то, как переживал Он за мальчика, хорошо зная, что дела его не всегда складываются лучшим образом и как жестоко он страдает в разлуке с Ним. Мы располагаем также Скрижалью, в которой Абдул-Баха выражает Свою обеспокоенность здоровьем мальчика, хотя я и не знаю точно, когда она была написана: Клянусь Господом! Да пребудет слава Всеславного на Шоги Эффенди! О ты, кто еще молод летами и улыбка сияет на твоём лице, Я понимаю, что ты был болен и тебе пришлось провести несколько дней в постели; но никогда не пренебрегай отдыхом, иначе, подобно Абдул-Баха, от чрезмерных трудов

станешь слабым и не сможешь работать. Посему передохни несколько дней, в этом нет ничего страшного. Надеюсь, что и впредь пребудешь под защитой и покровительством Благословенной Красы. Наконец долгое путешествие завершилось и шестидесятилетний Учитель, изможденный Своими поистине грандиозными трудами, 16-го июня 1913 года вернулся в Египет. Вся семья поспешила увидеться с Ним, среди них и Шоги Эффенди, который впервые увидел Учителя через шесть недель после Его прибытия. Почему он не увиделся с возлюбленным Учителем раньше, быть может спросите вы? Но занятия в школе кончались только в начале июня, после чего Шоги Эффенди скорее всего пришлось плыть на пароходе из Бейрута в Хайфу (можно было добираться и по суше, караваном, что обошлось бы дешевле, но это был более долгий и тяжелый путь), где он присоединился еще к нескольким членам своей семьи и уже из Хайфы отправился в Египет, прибыв туда вместе с сестрой Учителя и прочими 1-го августа, в Рамлех, где Абдул-Баха вновь снял загородный дом. Шоги Эффенди так часто повторял, что "Учитель подобен океану", имея в виду, что Он способен принимать любые вести, как добрые так и дурные, внешне оставаясь при этом совершенно бесстрастным. Это невероятное самообладание лучше, чем любой газетный отчет, рисует тот факт, что, узнав о прибытии двух людей, которых Он любил больше всего в мире, Абдул-Баха провел целый час, беседуя с верующими и Своими друзьями, прежде чем вернуться домой и встретить их! Дневниковая запись от 2-го августа гласит: "Сегодня возлюбленный не пришел к нам утром, потому что принимал Пресвятой Лист и тех, кто пришли с нею". Тот, кто попытается представить радость подобной встречи и прочтет эти безыскусные, незамысловатые, на первый взгляд, строки, тот поневоле проникнется атмосферой достоинства и уважения, которая всегда царила в семье Абдул-Баха. Мы располагаем также некоторыми сведениями о жизни Шоги Эффенди там: прежняя привычка молиться в присутствии Абдул-Баха возобновилась, и Шоги Эффенди тоже, наверное, пел своим красивым молодым голосом, и Абдул-Баха время от времени подправлял его. В этом не было ничего необычного; я сама не раз слышала, как старшие члены семьи подсказывали верную ноту или подправляли интонацию, когда кто-нибудь читал стихи вслух; безусловно, в те годы Учитель не раз говорил то же Шоги Эффенди. Необычайно активный, всегда при каком-нибудь деле, Шоги Эффенди еще до возвращения в Бейрут постоянно в чем-то оказывал помощь Учителю. Он переписывал Его письма к персидским верующим, которые Абдул-Баха диктовал ему, сидя в саду своей виллы, где Он любил пить чай и принимал Своих гостей, исполнял Его мелкие поручения, вместе с другими принимая посетителей или встречая их на вокзале. На мрассказывали, как Абдул-Баха посылал Шоги Эффенди показать Своими друзьями знаменитый парк и зверинец в Александрии, как он посетил Каир, где, как нетрудно представить, он тут же отправился смотреть пирамиды, поскольку в Шоги эффенди был жив дух любителя приключений, и он страстно мечтал увидеть дальние страны, о чем свидетельствует его глубокий интерес к журналу "Путешествия", который он выписывал из Америки. Абдул-Баха привлекал к себе огромное внимание: множество паломников стекалось к Нему из восточных и западных стран, среди них такие знаменитые первоучители и миссионеры, как Луа Гетсингер и Мирза Аб уль-Фазл, которые в конце концов успокоились в египетской земле, под одним и тем же могильным камнем много-много лет спустя; миссионеры, отправляющиеся в Индию, чтобы там распространять Весть Бахауллы; делегации молодых студентов-бахаи из Бейрута и Персии; многочисленные интервью, которые Учитель давал представителям прессы и людям самого разного общественного положения. Один из секретарей, бывших вместе с Ним в Америке, написал тогда, какими бесконечно радостными и благодатными были те драгоценные дни, проведенные рядом с Учителем. И если даже в памяти секретаря это запечатлелось так живо, то какое же действие все это должно было произвести на Шоги Эффенди, лишённого счастья сопровождать Абдул-Баха на Запад, столь пострадавшего в Его отсутствии и жаждавшего новостей о Нем целых пятнадцать месяцев? В шестнадцать лет сердце

способно радоваться так, как редко случается позже; и несмотря на близящуюся войну, я уверена, что тот период, вплоть до кончины Учителя в 1921 году, был самым счастливым во всей жизни Шоги Эффенди. Помню два случая, связанных с днями, которые Шоги Эффенди провел в Египте рядом с Учителем и о которых он сам рассказывал мне. Он сказал, что однажды после обильной трапезы Учитель стал вспоминать о пребывании в Багдаде, когда Его Отец вернулся после добровольного отшельничества в горах Сулейманийя, когда все они были очень бедны - днях, тем не менее, когда из-под пера Бахауллы одно за другим выходили вдохновенные возвышенные писания и верующие каждую ночь до зари собирались, чтобы распевать их, приходя в экстаз от этого дивного Откровения, - и заключил Свой рассказ, сказав, что вкус черствого хлеба и фиников, которыми они питались тогда, слаще для Него любых иных яств. Другой случай удивил меня и многое для меня прояснил; я слышала его несколько раз: Шоги Эффенди рассказывал, что как-то возвращался из Александрии в Рамлех вместе с Учителем и неким пашой, ехавшим к Нему в гости, в наемной коляске; когда они добрались до места и вышли из коляски, Учитель спросил дюжего возницу, сколько Он ему должен, и тот запросил невообразимую цену; Абдул-Баха отказался платить, возничий настаивал, потом перешел к оскорблениям и наконец, схватив Учителя за кушак, грубо толкнул Его, продолжая настаивать на своей цене. Шоги Эффенди сказал, что все это, да к тому же происходившее на глазах у знатного гостя, привело его в крайнее смущение. Сам он был еще слишком мал, чтобы сделать что-нибудь и хоть как-то помочь Учителю, и чувствовал страх и бесконечное унижение. Напротив, Абдул-Баха сохранял совершенное спокойствие и отказывался от наглого требования. Когда же возница выпустил Учителя из своих рук, Тот заплатил ему ровно столько, сколько был должен, и, сказав, что своим поведением он сам лишил себя щедрых чаевых, которые Он намеревался ему дать, удалился в сопровождении Шоги Эффенди и паши! Безусловно, подобные случаи навсегда запечатлелись в памяти и наложили отпечаток на характер Хранителя, который никогда не позволял запугивать или обманывать себя и тех, кто работал с ним, в каком бы тяжелом и неудобном положении он ни оказывался. Зачатки характера, выработавшегося у Хранителя, мы видим еще в его детские и отроческие годы. В письме, отправленном из Бейрута 8-го марта 1914 года к одному из секретарей Учителя, которого он хорошо знал, он упрекает его в том, что тот редко ему пишет: "Немало времени прошло с тех пор, как я не получал никаких новостей из Хайфы и вообще ни слова от вас. Признаться, не ожидал этого. Надеюсь, что скудость корреспонденции сменится обилием писем с благими вестями из Святой Земли". Как твердо и величественно звучат слова семнадцатилетнего мальчика! Далее он выражает надежду на то, что "Наш Повелитель находится в добром здравии", и просит, чтобы все указания Учителя, а также информация, которой располагает его корреспондент касательно вопроса о Верховном суде, была прислана ему до 20-го марта. Глубина и пронизательность, с какой он постигал любую мысль Учителя, прослеживается в этом письме, равно как и в другом, где он запрашивает все экземпляры "Звезды Запада", в которых освещалась поездка Абдул-Баха по Америке. Причем это же самое письмо косвенно высвечивает еще одну их сторон увлечений и характера Шоги Эффенди: "Я только-только закончил карту Соединенных Штатов. Получилось очень красивое и живописно. Пожалуйста, вышлите мне список городов, которые наш Повелитель посещал, по порядку. Тогда я смогу нанести их все на карту". Великий картограф мира Бахаи уже принялся за работу! В записных книжках Шоги Эффенди начиная с 1917 года мы находим отметки о всех днях, когда в дом, где он жил в Бейруте, доставляли лед - и это так типично для методичного стиля всей его работы. До конца жизни он датировал дни получения своей газеты - лондонской "Таймс", привычку выписывать которую он, несомненно, приобрел еще когда учился в Англии, - вероятно, лучшей ежедневной газеты на английском языке во всем мире, единственной, которую Бахаулла упоминает по названию в одной из Своих Скрижалей. В этих книжках также - подробно составленный календарь Бахаи, основные принципы Веры, записи на

французском о еврейских Пророках, вычисления солнечного и лунного циклов, измерения, таблица весов, копии Скрижалей и данные, показывающие, что он работал над системой счисления абджад, равно как и масса других вещей. Шоги Эффенди всегда вел активную переписку со своими друзьями-бахаями. Из одного из таких писем, адресованных некоему Сейиду Мустафе Роуми в Бирму и датированных "Кайфа, Сирия, 28 июля 1914 года", он пишет, что весьма рад "благим вестям о быстром прогрессе Дела на Дальнем Востоке", что он показывал это письмо Учителю и "Святая добрая улыбка осветила Его лицо, а сердце преисполнилось радости. В тот раз я зашел узнать, в добром ли здравии Учитель, и записал несколько Его высказываний, которые и привожу. "Где бы и когда бы Я ни услышал благие вести о Деле, физическое мое самочувствие сразу улучшается". Поэтому могу сообщить, что Учитель чувствует себя прекрасно и счастлив. Передайте эти радостные новости индийским верующим. Очень надеюсь, что это удвоит их мужество, стойкость и рвение в распространении Дела". Шоги Эффенди также играл главенствующую роль во всех мероприятиях студентов-бахаями, учившихся в Бейруте, через который проходило множество паломников из Персии и Дальнего Востока на своем пути в Хайфу и обратно. В другом письме тому же корреспонденту с пометой "Сирийский протестантский колледж, Бейрут, Сирия, 3-го мая 1914 года" он пишет: "Возвращаясь к нашей деятельности в колледже, наши собрания, о которых я вам уже писал, реорганизованы, и только сегодня мы рассылаем письма с благими вестями из Святой Земли собраниям бахаями разных стран". В феврале 1915 года Шоги Эффенди получил первую премию на конкурсе Фрешмен-Софмор (за что именно не указано), учрежденном Студенческим союзом. Он хорошо учился, но сам никогда не претендовал на то, чтобы его считали выдающимся, блестящим ученым. Существует очень большая разница между глубоким, всеохватным, дальновидным и последовательно логичным умом и таким складом ума, который, движимый чаще тщеславием или расчетом, позволяет завоевывать популярность среди соучеников. В натуре Шоги Эффенди эти качества (я имею в виду тщеславие и расчет) отсутствовали полностью. Его воспламеняла высшая цель - служить Абдул-Баха и хотя бы отчасти облегчить груз трудов и забот, легших на Его плечи. В письме, датированном 15-ым января 1918 года, которое Шоги Эффенди прислал Ему из Бейрута, он сам пишет об этом так: "Я продолжаю учиться и овладевать знаниями, концентрируя на этом все свои усилия и стараясь делать все возможное, дабы приобрести то, что сможет помочь мне служению Делу в будущем". Едва вернувшись в Бейрут из Хайфы после рождественских каникул, Шоги Эффенди "по прибытии" тут же написал о том, что он "счастлив благополучно добраться до университета" после дождливой и холодной дороги. Каждая фраза письма Шоги Эффенди буквально излучает "любовь и страстную тоску" по Учителю; заканчивается оно так: "Я послал Вам по почте немного сыра, надеюсь, он Вам понравится". Подписано это послание: "Твой покорный и смиренный слуга Шоги". Если вспомнить, что за годы войны десятки тысяч были обречены голодной смерти в Ливане, то только тогда можно оценить истинное значение посланного в подарок куска сыра. То, что годы войны, в течение которых Шоги Эффенди учился в Бейруте, чтобы получить степень бакалавра искусств в Американском университете, омрачали его дух постоянным беспокойством, явствует из письма, написанного в апреле 1919 года, где он упоминает о "долгих и мрачных годах, кровавых, голодных, с витающим повсюду духом разложения, когда Святая Земля был оторвана от остального мира и переживала невероятные унижения, проявления тирании и разрухи..." Это были годы постоянно растущей опасности, нависшей над его возлюбленным дедом, годы ужасного голода, от которого страдало большинство населения, годы лишений, коснувшихся всех, не исключая и его семьи. По мере того как расколотившая мир борьба приближалась к концу, угроза бомбардировки Хайфы союзниками возросла настолько, что Абдул-Баха решил переселить Свою семью в небольшую деревню у подножия холмов на другой стороне залива Акки, где они прожили несколько месяцев и где Он тоже проводил часть времени. Но самая большая угроза жизни Учителя и Его семьи возникла в тот

момент, когда главнокомандующий турецкими войсками "жестокий, всесильный и беспринципный Джамал-паша, закоренелый враг Веры", как описывает его Шоги Эффенди, задумал распять Учителя и всю Его семью - сведения, поступившие от майора Тьюдора Поула, офицера победоносной армии генерала Алленби, вступившей в Хайфу в августе 1918 года, который утверждает, что это гнусное деяние должно было свершиться за два дня до их вступления в город, однако было сорвано быстрым продвижением англичан и соответствующим поспешным отступлением турецких сил. Скорее всего Шоги Эффенди закончил свои занятия в Бейруте и к этому времени находился рядом с Абдул-Баха, в полной мере разделив с Ним мучительную неопределенность этих дней. Когда я писала эту книгу, меня все время поражало, как мало упоминает Шоги Эффенди о событиях своей личной жизни; он вообще терпеть не мог так называемых пикантных биографических подробностей и не имел достаточного досуга, чтобы предаваться воспоминаниям. Все те годы, что мне довелось провести рядом с ним, его и без того усталый ум и дух были полностью отданы Делу, непосредственным, сиюминутным заботам, отягощавшим его каждый день. В 1918 году Шоги Эффенди получил степень бакалавр искусств. В письме к одному из своих английских друзей от 19-го ноября того же года он писал: "Я так рад и горд тем, что могу наконец приступить к своим Возлюбленным обязанностям теперь, когда закончил учебу на факультете наук и искусств Американского университета в Бейруте. С надеждой и нетерпением ожидаю услышать о вас и о том, как вы служите Делу, поскольку, сообщив о ваших успехах Возлюбленному, я смогу сделать Его счастливее, радостнее и сильнее. Прошедшие четыре года были годами несказанных потрясений, беспрецедентного угнетения и подавления личности, неопикуемой нищеты, жестокого голода и отчаяния, кровопролития и страданий, но отныне, когда голубь мира вернулся в свое гнездо, под свой кров, забрезжила золотая возможность распространения Слова Божия. Отныне Весть свободно может достигать этого освобожденного района. Воистину наступает Эра Служения. Ничто так ясно не показывает нам характер будущего Хранителя, как эти несколько строк, в которых сказалась его преданность делу Учителя, его страстное желание сделать Его счастливым и благополучным, сжатая оценка собственной роли, анализ того, что конец войны означал для ближайшего будущего Бахаи. Его постепенно складывающийся риторический стиль пока еще стеснен несовершенным владением английским, однако костяк его будущего величия уже виден в таких, к примеру, строках, как: "... все мы, друзья, большие и маленькие, молодые и старые, здоровые и недужные, находясь ли дома или вдали... рады недавним событиям; все - одна душа во множестве тел, объединенных стремлением служить во имя единения человечества". Шоги Эффенди исполнился двадцать один год. Его личное отношение к Абдул-Баха видно по этим ранним письмам: большая часть из написанных в 1919 году адресована "моему деду Абдул-Баха" и подписана "Шоги Раббани" (внук Абдул-Баха). Необходимо помнить, что в первые послевоенные месяцы, когда связь между Учителем и верующими, оторванными от Него долгими годами военных действий, восстанавливалась, было особенно желательно, чтобы как бахаи, так и не бахаи узнали, кто же такой этот "Шоги Раббани", который отныне выступал как секретарь и правая рука Учителя. "Звезда Запада" в номере за 270ое сентября 1919 года публикует сделанную крупным планом фотографию Шоги Эффенди в подписью "Шоги Раббани, внук Абдул-Баха" и указывает, что он является переводчиком последних Скрижалей, а его дневниковые заметки начинают публиковаться в этом же номере. Лично я, зная, насколько скрупулезно заботился Шоги Эффенди даже о мельчайших деталях работы Всемирного Центра, полагаю, что, вероятно, Сам Учитель поручил ему сделать их отношения предметом гласности. По мере того как потоки писем, отчетов и, наконец, паломников, стекались в Хайфу, работы у Абдул-Баха прибавлялось. Подтверждением тому - частные письма Шоги Эффенди к некоторым его друзьям-бахаи: "... длительный перерыв в нашей переписке с моей стороны объясняется исключительно огромным грузом работы, связанной с переписыванием и переводом Скрижалей... Всю

вторую половину дня я провел, переводя лишь часть умоляющих писем из Лондона". Под конец он пишет: "Испытывая к вам симпатию лично и как к единоверцу, вкладываю в это письмо две фотографии..." "День выдался таким деловым и напряженным, что голова у меня идет кругом. Несколько десятков человек по крайней мере, начиная от пашей и князей до простого солдата, желало видеть Учителя". "От зари до зари и даже глубокой ночью Возлюбленный занят, являя Скрижали, обращая Свои конструктивные, пронизанные любовью мысли и принципы к удрученному, разочарованному миру". "Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я чувствую, что мне нужно опять спешить к Нему, чтобы передать Его слова в ответ на умоляющие письма". Каждое слово отражает бесконечную энергию, преданность и энтузиазм этого молодого принца рядом со старым королем, готового поддержать Его со всей кипучестью своих молодых сил и исключительной страстностью своей натуры. Шоги Эффенди часто сопровождал Учителя на официальные выступления, число которых росло день ото дня. Немаловажное место среди них занимали встречи с британским военным губернатором Хайфы и беседы с главнокомандующим, сэром Эдмундом Алленби - генералом, который руководил силами союзников в Палестине и который позднее стал лордом и в немалой степени способствовал тому, что британское правительство пожаловало Абдул-Баха рыцарское звание. Шоги Эффенди писал: "Вот уже второй раз Абдул-Баха беседовал с генералом, и сегодня разговор касался в основном Дела и его успехов... Генерал - человек благородный, скромный и в то же время запоминающийся, обращение его отличается теплотой, а манеры - внушительностью". Внук Абдул-Баха становился известен теперь и в таких кругах. В официальном письме военного губернатора к Абдул-Баха говорится: "Ваше Преосвященство, сегодня я получил от Вашего внука такую-то сумму". Средства были переданы Шоги Эффенди от имени Учителя и предназначались для "Фонда возрождения Хайфы". Шоги Эффенди также проводил много времени с паломниками, и не только в присутствии Абдул-Баха, получая от них подробную информацию о прогрессе в деятельности бахаи в различных странах. Несмотря на то, что объем деятельности Учителя возрос настолько, что многие постоянно помогали Ему в тех или иных делах, безусловно, первое место среди них принадлежит Шоги Эффенди. Помню, что Хранитель рассказывал мне, как (полагаю, это было в начале 1920-го года) один из первых американских бахаи прислал в подарок Учителю каннингхемовский автомобиль; известие о том, что автомобиль доставлен в порт, пришло как раз в начале уикэнда, и Учитель поручил Шоги Эффенди проследить за тем, чтобы машину помыли и доставили в дом. Хотя следующий день был выходным и начальство порта отсутствовало, ему удалось получить машину, после чего он тут же доложил Учителю, что она стоит у дверей. По словам Шоги Эффенди, Учитель был очень удивлен, невероятно обрадован и спросил у него, как ему это удалось. Шоги Эффенди сказал Ему, что, взяв бумаги, он объехал нескольких чиновников, прося их поставить свою подпись и отдать необходимые распоряжения, чтобы машина сэра Абдул-Баха Аббаса была тут же доставлена к Нему. Случай этот типичен для той манеры, в какой Шоги Эффенди всю жизнь делал свою работу. Он предпочитал решать дела немедленно и всегда лично следил за тем, как они продвигаются, не допуская ни малейшей проволочки. Куда бы ни направлялся Абдул-Баха, Его возлюбленный внук шел вместе с Ним. Эта постоянная близость, длившаяся около двух лет, должно быть, доставляла глубокое удовлетворение обоим и не могла не оказать решающего воздействия на Шоги Эффенди. На протяжении этих лет, когда звезда славы Абдул-Баха взойшла не только на Востоке, но начинала озарять своим светом весь мир, Шоги Эффенди представилась возможность наблюдать, как Учитель общается с высокопоставленными чиновниками и многими выдающимися людьми, которых притягивала личность Того, в Ком многие видели чуть ли не нового восточного Пророка и величайшую религиозную фигуру Азии, равно как и поведение Учителя перед лицом неизменной зависти и интриг, которые плели против Него враги и недоброжелатели. Усвоенные уроки отразились в тридцатишестилетнем служении Шоги Эффенди Вере

Бахауллы. В письме к другу от 18-го февраля 1919 года Шоги Эффенди пишет о том, что находится в Бахджи вместе с Учителем, и продолжает: "Мой далекий друг, обращаюсь к вам с наилучшими пожеланиями из этого святого места!" Описывая мир и покой, царящие в Бахджи и особенно разительные после шумной жизни в Хайфе, он пишет: "Там воздух был наполнен удушливыми выхлопами автомобилей и паровым дымом, здесь же он чист, прозрачен и благоуханен". Если вспомнить, что я сама ездила в Бахджи в 1923 году в конном экипаже Абдул-Баха, а в 1918-ом автомобильное движение практически не существовало в послевоенной Палестине, то надо признать, что Шоги Эффенди обладал исключительно тонкой и чувствительной натурой - да так оно и было! Когда он описывает, как Учитель дважды в день навещал Святые Усыпальницы, бродя между пустынными цветниками, мы чувствуем в его описании радость тех поистине драгоценных дней, проведенных рядом с его возлюбленным. Но конец благой поры для Шоги Эффенди быстро приближался. Было решено, что теперь он отправится в Англию, в Оксфордский университет, где главной его и заветной целью было усовершенствоваться в английском языке, чтобы лучше переводить на этот язык Скрижали Абдул-Баха и другие священные писания. Решение Шоги Эффенди оставить Абдул-Баха после более чем двух лет, проведенных в постоянной помощи Ему, и в тот момент, когда, в послевоенные годы, переписка Учителя непрерывно множилась, основывалось на нескольких причинах: если он намеревался продолжать учебу, то чем скорее это произошло бы, тем лучше; у Абдул-Баха к тому времени набралось уже достаточное число секретарей; старший двоюродный брат Шоги Эффенди закончил учебу в Бейруте и вернулся домой; положение Самого Учителя и Его планы были благоприятны, и, главное, Его здоровье постепенно улучшалось. В 1918 году Тьюдор Поул, находившийся вместе с победоносной армией генерала Алленби в Палестине, писал: "... Учитель крепок и полон сил больше, чем когда Он приезжал в Лондон". О том же свидетельствует и Шоги Эффенди в своих письмах, написанных соответственно в апреле и августе 1919 года: "Состояние здоровья Возлюбленного - превосходное, Он крепок и полон сил, жизнерадостен и счастлив..." "Возлюбленный Учитель поистине находится в прекрасном здравии, крепок телом, деятелен, являет по несколько сот Скрижалей за неделю, удовлетворяет бесчисленные просьбы, принимает множество посетителей и паломников и часто подымается среди ночи для размышлений и молитвы". В это же самое время в письмах к своим английским и бирманским друзьям Шоги Эффенди сообщает поразительную новость о серьезном намерении Абдул-Баха совершить еще одну длительную поездку: "Заманчиво и многозначительно прозвучало для меня признание Самого Учителя о том, что Он обдумывает план путешествия через Индийский океан. Он заявил даже, что, с Божьей помощью, хочет предпринять поездку в Индию, затем в Индокитай, Японию и на Гавайские острова, после чего пересечь американский континент, добраться до вашего любимого Лондона, а оттуда - во Францию, Германию и Египет. Ах! с какой нетерпеливой, глубокой и искренней надеждой думаем мы о том, что столь великое путешествие, срок которому Он Сам определил в четыре или пять лет, свершится. Будем надеяться и готовиться к нему". "Возлюбленный заявил о Своем окончательном намерении отправиться в Индию, и мы надеемся, что это скоро произойдет, и Индия, объединив усилия всех наших друзей, окажет Ему подобающий прием". Очень немногие из нас, особенно в двадцать три года, могут представить, что их любимый умрет, тем более когда этот человек в расцвете сил и хочет отправиться в подобное путешествие! Неудивительно поэтому, что Шоги Эффенди, прощаясь с Абдул-Баха примерно весной 1920-го года с чистой совестью, полностью уверенный в том, что вернется во всеоружии, чтобы снова помогать Ему, и, я не сомневаюсь, в глубине души был уверен, что на этот раз наверняка будет сопровождать деда в это прекрасное путешествие и удостоится чести служить Ему день и ночь еще много-много лет. Думая о будущем Абдул-Баха, Шоги Эффенди забывал о Его возрасте (Учителю было семьдесят шесть лет) и о том факторе, который так часто разбивает наши сердца и навсегда хоронит наши надежды - о

вмешательстве темных сил Провидения в наши намерения и жизни. Каким ужасным ударом явилась для молодого Хранителя неожиданная смерть деда, видно из скорбных слов его письма, написанного в феврале 1922-го года, через несколько месяцев после кончины Абдул-Баха, далекому двоюродному брату: "Жестокие угрызения, преследующие меня, из-за того что меня не было рядом с Ним в Его Последние Дни на этой земле - их я возьму с собой в могилу, что бы мне ни удалось сделать для Него в будущем, и никакие успехи в изучении английского языка не возместят Его чудной, дивной любви ко мне". Немаловажным дополнительным штрихом к жизни Хранителя и к его ранней смерти в возрасте шестидесяти лет служит то, что, хотя Шоги Эффенди был еще совсем молодым в 1920-ом году, когда Абдул-Баха отправил его за границу учиться вместе с Лотфуллой Хакимом, который возвращался в Англию после своего первого паломничества в Хайфу, Учитель настоял, чтобы по пути он заехал в лечебницу, где мог бы хорошенько отдохнуть. Разумеется, произошло это не случайно: нервные силы Шоги Эффенди были истощены после долгих изматывающих лет войны, в результате нелегких трудов послевоенного периода, когда он активно помогал Учителю; становится ясно также и то, как серьезно заботился Абдул-Баха о его здоровье в те дни. Шоги Эффенди остановился в санатории в Нейи - пригороде Парижа. Он не был болен, он просто очень устал; в санатории он сошелся с несколькими бывшими там верующими, немного играл в теннис, ездил на экскурсии, знакомясь с городом, который сам по себе так прекрасен, навестил несколько семей бахаи в Барбизоне и, пробыв в общей сложности в Нейи два месяца, отправился в Англию в июле. Многочисленные преданные друзья Абдул-Баха встретили его там с искренней теплотой и дружелюбием. Некоторых из них он уже знал лично - д-ра Дж.Э.Эсслемонта, который недавно побывал в Хайфе и сотрудничал с ним и другими при переводе важной Скрижали Учителя; майора В. Тьюдора Поула, который встречался с Абдул-Баха во время Его пребывания в Лондоне, а также был в Палестине в составе британских оккупационных войск, оказывая верующим любую посильную помощь; и - лорда Лэмингтона. Шоги Эффенди привез с собой несколько писем своего деда к Его английским друзьям, как то явствует из письма, которое он вскоре по прибытии послал жене Али Кули-хана во Францию: 28 июля 1920 года Дорогая сестра! Я был ужасно занят с тех пор, как ступил на британский берег, и, надо сказать, дела продвигаются более чем успешно. Имея при себе Скрижали Учителя, обращенные к леди Бломфилд, лорду Лэмингтону и майору Тьюдору Поулу, я сумел близко познакомиться с выдающимися профессорами и ориенталистами в Оксфордском и Лондонском университетах. Обзаведясь рекомендательными письмами от сэра Денисона Росса и проф. Кэра к сэру Уолтеру Рейли - профессору, который читает лекции по английской литературе в Оксфорде, и к проф. Марголиусу - замечательному арабисту и ориенталисту их того же университета, я поспешил в Оксфорд после тяжелой деловой недели в Лондоне. К тому перед тем, как отправиться в Оксфорд, я получил письмо от Марголиуса, в котором он пишет, что сделает все, что в его силах, чтобы помочь родственнику Абдул-Баха. С ним и с главой Баллиольского колледжа - колледжа, из стен которого вышли такие великие люди, как лорд Грей, граф Керзон, лорд Милнер, м-р Эсквит, Суинберн и сэр Герберт Сэмюел - мне удалось поговорить о Деле и прояснить некоторые вопросы, которые для этих столь обремененных заботами и делами ученых до сей поры были не совсем ясны. Молитесь за меня, как я просил вас о том накануне моего отъезда, чтобы в этом великом интеллектуальном центре я смог осуществить свои намерения и добиться своей цели... Особый интерес представляет письмо, написанное несколько дней спустя лордом Лэмингтоном Учителю: 8 августа 1920 года Мой дорогой Друг! Я был рад получить Ваше письмо из рук Шоги Раббани и узнать от него, что у Вас все обстоит благополучно. Сам он тоже выглядит хорошо, и на меня снова произвели впечатление его ум и честная, открытая манера держаться. Надеюсь, ему удастся получить в Оксфорде то обучение, о котором он мечтает. Дня три ходил на заседания Палаты лордов, но, боюсь, они были малоинтересны... Отрывки эти дают нам указание на то, когда Шоги Эффенди

был в Лондоне, а также рассказывают о его времяпрепровождении в английской столице; поскольку он вез письмо от Абдул-Баха к лорду Лэмингтону, можно предположить, что он постарался доставить его поскорее и что горячее желание молодого человека познакомиться с работой праматери парламентов мира не укрылось от доброжелательного и опытного пэра, который сделал все возможное, чтобы Шоги Эффенди всегда был присущ интерес к политике, он старался держаться в курсе последних событий и наверняка с огромным удовольствием наблюдал Палату лордов и Палату общин. Помню, как после нашей свадьбы, когда мы впервые вместе приехали в Лондон, он взял меня с собой в Палату общин, и мы сидели в ложе для посетителей во время одного из заседаний. Если это произвело большое впечатление на меня - к тому же еще потрясенную недавней честью - оказаться так близко к Знаку Божиему на земле - легко представить, до какой степени могло увиденное и услышанное взволновать совсем еще молодого тогда Шоги Эффенди. За тот период он очень хорошо успел изучить Лондон и осмотрел главные его достопримечательности. Когда мы не раз отправлялись вместе в такие места, как Вестминстерское аббатство, собор Св. Павла, Тауэр, Британский музей, Национальную галерею, музей Виктории и Альберта, Сити или Кью-Гарденс, я всегда остро чувствовала, как много связано для него с этим знаменитым городом еще начиная со студенческих дней. Безусловно, он посмотрел столько всего в Англии, сколько позволяло ему очень скромное пособие, которое он получал от Абдул-Баха. То, что он жил очень экономно, я знаю по его собственным рассказам - как, например, о том, как он купил электрический утюг, чтобы самому гладить свое белье! Шоги Эффенди неоднократно навещал д-ра Эссемонта в частной лечебнице в Борнмуте. На фотографии мы видим их обоих, тесно обнявшихся, на фоне здания, а в письме, адресованном Шоги Эффенди д-ру Холлу после смерти Эссемонта, он красноречиво пишет о том, что значили для него эти посещения: "Я всегда буду вспоминать полные счастливого умиротворения дни, проведенные мною в Борнмуте вместе с недавно ушедшим от нас другом, Джоном Эссемонтом, и никогда не забуду, какими приятными были наши совместные санаторские обеды". Бывая в этой части Англии, Шоги Эффенди также нередко заезжал в курортный городок Торки. Много лет спустя мы вместе побывали там, и Хранитель показывал мне знаменитые баббакомбские спуски; мы гуляли по парку, где он когда-то бродил - по парку с его посыпанным песком темно-красными дорожками, которые, мне кажется, и навели его на мысль о красоте сочетания темно-красных дорожек, зеленых лужаек и декоративных ваз, и годы спустя он повторил его в своих прекрасных садах в Бахджи и на горе Кармель. Память о студенческой поре была действительно всегда жива в душе Шоги Эффенди. Помню, как уже на склоне лет он увлеченно рассказывал одному английскому паломнику, с каким удовольствием он намазывал куски черного хлеба девонширским маслом и малиновым джемом. Во время своего пребывания в Англии он был особенно близок с неким проживавшим в Лондоне старым и надежным персидским верующим, Зиаоллой Азгар-заде, с д-ром Эссемонтом, леди Бломфильд, а также с некоторыми из бахаи Манчестера. Несмотря на то, что больше всего он находился в Оксфорде, где усиленно занимался, он поддерживал тесную связь с Британской общиной бахаи и принимал участие в ее деятельности. В письме от 5-го мая 1921 года, написанном одним индийским верующим, читаем: "В среду вечером я отправился на очередное собрание бахаи в Линдсей-холл. Мистер Шоги Раббани читал документ, касающийся экономических проблем и способов их решения. Документ был составлен очень красноречиво и прекрасно звучал..." По-видимому, он выступал не только на собраниях бахаи, поскольку в письме из Баллиольского колледжа к одному из верующих он сообщает: "Позже вышлю вам документ о Движении, с которым я недавно выступал на заседании одного из оксфордских обществ". Однако не случайно слова Оксфорд и Кембридж так тесно соединились в памяти; в 1920 году они еще ярче сияли на академическом небосводе в своем гордом и прекрасном одиночестве, чем сейчас, когда университеты и университетское образование стали более распространенными. Баллиоль,

куда поступил Шоги Эффенди. имел чрезвычайно высокую репутацию, будучи одним из старейших колледжей Оксфорда. И сюда тоже Хранитель привозил меня, чтобы показать улицы, по которым он когда-то ходил, библиотеку Бодлея, реку, плавно текущую между обсаженными зеленым дерном берегами, кованые чугунные ворота, христианскую церковь, которой перевалило за тысячу лет, с ее просторной кухней и сказочным кружевом готических арок, часовню Магдалины и ее красоты, тихий квадратный двор, который Шоги Эффенди пересекал, идя на лекции, столовую, где он обедал, и узкий вход, ведущий в комнату, где он когда-то жил студентом. Все это очевидно было связано для него со множеством воспоминаний, однако, я думаю, по-настоящему счастливых среди них было мало. Много лет спустя один из бахаи написал Хранителю о своем разговоре с А. Д. Линдсеем, который к тому времени стал главой Баллиольского колледжа, а во время учебы Шоги Эффенди был руководителем его группы. Я храню копию его слов; при этом следует помнить, что они были сказаны не в специальном интервью, а в коротком, чисто информативном разговоре. "Идея образования Шоги Эффенди заключалась в следующем: он находил человека, мнению которого доверял, и задавал ему ряд вопросов. Получив необходимые ответы, Шоги Эффенди заносил их в маленькую книжечку. Однажды я вывесил свое расписание - "шедьюл", как мы говорим в Англии, а не "скедьюл", как говорят американцы; Шоги Эффенди подошел ко мне и спросил: "Что вы делаете между семью и половиной девятого?" - "Но послушайте! - воскликнул я. - Я обедаю". - "Ах, - сказал Шоги Эффенди с явным разочарованием, неужели вам нужно на это столько времени?" С подобной жадной жаждой знаний в Оксфорде я еще не сталкивался. И вот я посвятил ему лишние четверть часа, оторвав их от своего обеденного времени. Да, так это было - я пострадал из-за него". Случай этот вполне укладывается в представление об отношениях между Шоги Эффенди и его наставниками. Несмотря на добродушный тон, совершенно очевидно, что сей ученый муж даже в мыслях не имел, что память о нем сохранится для потомков исключительно потому, что он был руководителем Шоги Эффенди. Хотя все в колледже знали, а уж тем более руководитель группы, почему Шоги Эффенди вдруг прервал занятия и вернулся в Палестину, мы не найдем ни одного письма, в котором Линдсей хотя бы словом упомянул о своем личном отношении к этому студенту. Тем не менее они переписывались: в 1927 году Шоги Эффенди отправил д-ру Линдсею, кавалеру ордена Британской империи 2-й степени, письмо с извещением о том, что посылает ему Ежегодник Бахаи, который "демонстрирует характер работы, которой я был занят с момента моего неожиданного и прискорбного отъезда из Баллиоля". "Неоценимая помощь, - продолжает Шоги Эффенди, - которую я получил под Вашим руководством, сослужила великую пользу в моей трудной и ответственной деятельности, и я пользуюсь этой возможностью выразить мою благодарность и признательность Вам за все, что Вы для меня сделали". Более двух лет спустя в обращении ко всем когда-то учившимся в Баллиоле за помощью на нужды колледжа Линдсей благодарит его за книгу. Шоги Эффенди ответил на следующий же день, приложив к письму двадцать фунтов, и поблагодарил Линдсея за его послание, "напомнившее мне счастливые и бесценные дни, которые я провел под Вашим руководством в Баллиоле". Каким бы высоким ни было положение Хранителя, скромность и чувство справедливости, равно как и вежливость, всегда побуждали его оказывать доверие тому, что, как ему казалось, этого доверия заслуживало. В 1923 году в письме к профессору Доджу из Американского университета в Бейруте он называет это учреждение "великим образовательным институтом Ближнего Востока", перед которым он "чувствует себя в неоплаченном долгу". Совсем иным было отношение профессора Д. С. Марголиуса и его жены: в 1930 году она, выражая Шоги Эффенди благодарность за присланную книгу, пишет: "Нам приятно вспоминать об удовольствии, которое мы испытывали, принимая вас у себя во время вашего столь короткого пребывания в Оксфорде". И это был не единственный дом, где, как нам известно, ему оказывали прием, поскольку в письме к миссис Уайт, посланном пять лет спустя после отъезда, он пишет: "Я всегда с неизменным

удовольствием и очень живо вспоминаю вашу неоценимую помощь и то великодушное гостеприимство, которое вы оказывали мне во время моей учебы в Оксфорде... Ваш благодарный и навсегда преданный друг Шоги". В списке студентов колледжа за 1920 год значится запись, сделанная собственной рукой Хранителя: "Шоуки Хади Раббани, страшный сын Мирзы Хади Ширази, 23-х лет". В записной книжке мы нашли лись, где были тщательно отмечены даты начала каждого курса: 14 октября 1920 Политические науки - преподобный Карлейль 15 октября 1920 Социальные и политические проблемы - м-р Смит (Глава колледжа) 13 октября 1920 Вопросы социального и промышленного строительства - преподобный Карлейль 12 октября 1920 Политическая экономия - магистр гуманитарных наук, сэр Т. Х. Пенсон 16 октября 1920 Экономическая история Англии, начиная с 1688 года - сэр Пенсон 11 октября 1920 Логика - магистр гуманитарных наук, м-р Росс 12 октября 1920 Восточный вопрос - магистр гуманитарных наук, Ф. Ф. Уркхарт 10 октября 1920 Отношения труда и капитала - Клей, Нью-колледж

Он сохранил конспекты некоторых лекций, по крайней мере за первый период. Собственное представление Хранителя о том, почему и зачем он находится в Оксфорде, совершенно ясно; объяснение этому мы находим в письме одному из восточных верующих от 18 октября 1920 года: "Дорогой друг по духу... Слава Господу, я здоров и полон надежд и прилагаю все усилия, чтобы взять на вооружение все, что может понадобиться мне в моем будущем служении Делу. Надежды же мои состоят в том, чтобы как можно скорее взять то лучшее, что эта страна и это общество могут дать мне, и, вернувшись домой, отлить истины Веры в новую форму и тем самым послужить Святому Началу". Несомненно, он имеет в виду перевод учений Веры на совершенный английский язык, основы которого как раз и закладывались в Оксфорде. В письме от 22 ноября 1921 года к одному из английских верующих успехи, достигнутые Шоги Эффенди, видны вполне отчетливо; оно написано уже гораздо более умелой и уверенной рукой: "Все последнее время я целиком погружен в работу, просматривая множество переводов, и отослал мистеру Холлу собственный вариант перевода Скрижали королеве Виктории, колной самых насущных и универсальных советов, в которых так остро нуждается этот погруженный в печаль, утративший все былые иллюзии мир! Если вы еще не знакомы с этой Скрижалю, обязательно возьмите ее у мистера Холла, ибо, с моей точки зрения, это - одно из наиболее выдающихся и прочувствованных обращений Бахауллы касательно мировых проблем". Далее он пишет, что прилагает отрывки, "частью новые, частью старые", которые он выписал "читая литературу о Движении в библиотеке Бодлея". В письме того же времени на персидском, адресованном одному из лондонских друзей, он упоминает о следующем факте: "Пребывая здесь, я денно и ночью совершенствуюсь в искусстве перевода... Не даю себе ни минутной передышки. Благодаря Господу, мне уже кое-чего удалось добиться". Дела и занятия, в колледже и дома, отнимают столько времени, что он свободен только по воскресеньям, и поэтому его друг может навестить его в воскресенье в доме N 45 по Брод-стрит. После Бейрута и практически до конца жизни Шоги Эффенди имел привычку записывать отдельные вокабулы и типичные для английского языка обороты речи в своих записных книжках. Мы находим в них сотни слов и выражений, свидетельствующих о том, с каким тщанием он совершенствовался в языке, который любил до самозабвения. Ничего равного английскому для него не существовало. Он был великим почитателем перевода Библии, выполненного королем Джеймсом, а также историков Карлейля и Гиббона, стилем которых он восхищался, особенно это касается Гиббона, чей труд "Закат и падение Римской империи" был одной из любимейших книг Шоги Эффенди - так, что я просто не вспомню случая, когда бы ее, будь то дома или во время путешествия, не было у него под рукой. Когда он умер, рядом с его постелью лежала маленькая книжечка - часть этого сочинения, изданная в "Библиотеке для всех". Это была его собственная, любимая библия английского языка, и часто, читая мне извлечения из нее, он прерывал сам себя, восклицая: "Какой стиль! Какое владение языком! Какие плавные период - ты только послушай!" Произносимые его прекрасным

голосом, с тем выговором, который принято называть "оксфордским", но без малейшей претенциозности, слова окрашивались в благородные цвета, а значение их и смысл начинали сиять, подобно драгоценным камням. Особенно помню один из, увы, столь редких тихих, спокойных часов, когда летним вечером мы сидели на скамейке перед озером в лондонском Сент-Джеймс парке и он читал мне вслух Гиббона. Он буквально упивался им, и в писаниях самого Шоги Эффенди влияние стиля Гиббона прослеживается очень отчетливо, так же как и английский текст Библии просвечивает в его переводах Молитв Бахауллы, "Сокровенных Слов" и Скрижалей. Я знаю, что Шоги Эффенди был в Оксфорде в то же время, что и Энтони Иден; они знали друг друга, но настоящими друзьями не были, впрочем, я вообще ни разу не слышала, чтобы он упоминал о ком-нибудь иначе как о знакомом; у него сохранились связи с некоторыми из преподавателей, но по отношению к прочим он, как мне кажется, держался на расстоянии, быть может, из-за некоторой застенчивости, которую нелегко было разглядеть в величественном облике Хранителя, но которая столь сильно отличала его как человека. Он был членом дискуссионного клуба и любил играть в теннис; однако подробности его оксфордской жизни известны крайне недостаточно. Весь этот эпизод его жизни затмевает тень кончины Учителя, имевшей столь пагубные последствия для всей его жизни, что единственное, по чему мы можем действительно судить о влиянии на него Оксфорда, это отпечаток, наложившийся на его сочинения и характер. Даже столь краткое пребывание в университете с атмосферой и уровнем Оксфорда отточило его и без того ясный и логический ум, развило критические способности, усилило врожденное чувство справедливости и способность к рассуждению, а также добавило к восточному благородству, свойственному семье Бахауллы, те культурные штрихи, которые мы связываем с утонченнейшим типом английского джентельмена.

II

Кончина Абдул-Баха и ее незамедлительные последствия

Лондонский дом майора Тьюдора Поула часто использовался как распределительный пункт поступавших в Англию телеграмм и писем бахаи. Сам Шоги Эффенди, всякий раз приезжая в Л.ондон, наведывался туда. 29 ноября 1921 года, в 9.30 утра на адрес майора поступила следующая телеграмма: Лондон Его Святейшество Абдул-Баха вознесся в Царствие Божие. Оповестите друзей. Святой Лист В своих заметках об этом ужасном событии и его незамедлительных последствиях Тьюдор Поул вспоминает, что немедленно известил всех друзей, используя телеграф, телефон и почту. Я полагаю, что он позвонил Шоги Эффенди по телефону, прося как можно скорее приехать к нему в офис, но вряд ли решился сообщить по телефону о новости, которая, как он прекрасно понимал, могла оказаться слишком тяжелым ударом. Как бы там не было, около полудня Шоги Эффенди приехал в Лондон, отправился в дом N 61 по улице Сент-Джеймс (той, что рядом с Пикадилли и неподалеку от Букингемского дворца) и вошел в контору Поула. Самого майора в этот момент на месте не было, но Шоги Эффенди случайно заметил имя Абдул-Баха в лежавшей на столе распечатанной телеграмме, и прочел ее. Когда минуту спустя Тьюдор Поул вошел в комнату, он увидел, что Шоги Эффенди стоит застыв, изменившись в лице, потрясенный чудовищной новостью. Его отвезли в дом одной из лондонских верующих, мисс Гонд, где он пролежал в постели несколько дней. Учтившаяся в то время в Лондоне сестра Шоги Эффенди, Рухангез, леди Бломфилд и другие сделали все возможное, чтобы хоть как-то успокоить раненного в самое сердце юношу. Мгновенный отклик последовал со стороны д-ра Эссломонта; безусловно, первый, о ком подумал, узнав о случившемся, был Шоги Эффенди. В письме от 29 ноября он пишет: Частная лечебница, Борнмут Дорогой, дорогой Шоги! Это действительно был "гром среди ясного неба", когда сегодня утром я получил телеграмму от Тьюдора Поула: "Учитель скончался мирно Хайфе вчера утром..." Наверное, это очень тяжелая весть для вас, даже больше, чем для вашей семьи и для всех верующих бахаи. Что вы намерены теперь делать? Полагаю, вы поспешите обратно в Хайфу. В любом случае буду очень рад вас видеть, если вы заедете в

ближайшие дни... Просто пошлите телеграмму и комната для вас будет готова... буду очень рад, если хоть чем-нибудь смогу помочь вам. Прекрасно представляю, как вам сейчас больно и как вам хочется быть сейчас дома и какую страшную пустоту вы ощущаете в своей жизни... Христос стал ближе к своим возлюбленным после своего вознесения, и я молю, чтобы то же произошло и с теми, кого любим мы. Мы должны взять на себя ответственность за Дело, и тогда Его Дух и Сила пребудут в нас и с нами. После нескольких дней, проведенных в доме мисс Гранд Шоги Эффенди уладил свои дела и немедленно вернулся в Святую Землю. В письме к американскому верующему от 2-го декабря Тьюдор Поул писал: "Шоги Раббани с сестрой должны вернуться в Хайфу к концу нынешнего месяца, леди Бломфилд отправилась вместе с ними..." Вероятно, Шоги Эффенди заезжал в Оксфорд 30го декабря, так как профессор Марголиус выражал ему свои соболезнования в этот день и приглашал "заглянуть" к нему. Известно также, из письма, адресованного им студенту бахаи в Лондоне, увы, не датированного, что он принял предложение д-ра Эссемонта, поскольку он пишет: Ужасное известие настолько сковало мое тело, мой ум и душу, что я вынужден был пролежать несколько дней, не вставая, бесчувственный ко всему, блуждая мыслями и в страшном возбуждении. Постепенно Его сила возродила меня к жизни и вдохнула в меня уверенность, которая, я надеюсь, отныне будет направлять и вдохновлять меня в моем смиренном труде. День этот рано или поздно должен был настать, но как неожиданно и внезапно все произошло. Тем не менее тот факт, что Его Дело создало по всему миру столько прекрасных душ, служит верным залогом того, что ему суждено жить и процветать и ныне и впредь служить путеводной звездой миру! Я немедленно отбываю в Хайфу - получить указания, которые Он оставил, и окончательно и твердо решил посвятить свою жизнь служению Ему и с Его помощью выполнять Его указания до конца своих дней. Друзья настояли, чтобы я отдохнул несколько дней здесь вместе с д-ром Эссмонтом после удара, который я перенес, и завтра я возвращаюсь в Лондон, а оттуда - в Святую Землю. Возбуждение, охватившее сегодня весь мир Бахаи, есть толчок для дальнейшего развития Дела и должно пробудить каждую верующую душу, дабы принять груз ответственности, которую Он возложил на каждого из нас. Святая Земля останется центром мира Бахаи; новая эра отныне начнется в ней. Учитель, в Своем великом предвидении, укрепил основы Своего труда, и Его дух вселяет в меня уверенность, что плоды его явятся скоро. Я отбываю в Хайфу вместе с леди Бломфилд, если же мы задержимся в Лондоне, я обязательно навещу вас и расскажу о том, как дивно Учитель предначертал все, что надлежит сделать после Него и о Его замечательных высказываниях касательно будущего нашего Дела... С молитвой и верой в Его Дело, желаю вам добра и успехов в служении Ему Шоги Перед нами лишь короткий отрывок из удивительного письма, написанного еще до того, как основные положения Завещания Учителя стали общеизвестны, хотя, очевидно, Шоги Эффенди уже знал, что по прибытии в Хайфу его ожидает конверт, оставленный для него Учителем. Поистине кажется, что дух Учителя, паря в своем вечном полете, оказался над Англией и овеял Своим ореолом наследника Своего ненадолго опустевшего Дома! 22-го декабря 1921 года одна из дочерей Абдул-Баха писала: "Он записал Свои последние наставления и запечатал их в конверт, предназначенный Шоги Эффенди - поэтому мы не можем вскрыть его до прибытия Шоги, который, надеюсь, будет к концу этого месяца, поскольку он уже в пути". Высокий чин, о котором ему скоро стало известно, долгие годы воспитания под руководством возлюбленного деда - казалось, все вливает новые духовные силы в Шоги Эффенди в этот самый трагический момент его жизни. Угнетенный и подавленный, он все же находил время утешать других, что чем свидетельствует письмо, посланное ему 5-го декабря Э. Т. Холлом, одним из первых манчестерских верующих: Ваше любящее, ласковое и благородное письмо со словами ободрения пришло именно тогда, когда все мы были очень опечалены, но полны решимости, потрясены до глубины души, но пронесли смысл случившегося; и оно обратило прилив наших чувств в бурный поток мира и смирения с Волей Господней...

Ваше благородное письмо поняло наш дух и укрепило наши силы; ибо если вы в столь скорбный и тяжелый для вас час смогли преодолеть себя и даже утешить нас, то и нам подобает то же; так восстанем же и послужим Делу, что воспитало нас, подобно Матери... Знаю, что вам предстоит переделать тысячу дел, прежде чем вы отбудете в Святую Землю. Но все мы нежно любим вас, и все мы едины и сильны, как никогда ранее. Итак, возьмите с собой нашу любовь, и наши симпатии, и наши сердца в это Благословенное Место, ибо мы навечно едины с вами. Вскоре в Хайфу от Шоги эффенди пришла телеграмма о том, что в связи с трудностями, возникшими при оформлении паспорта, он не сможет приехать раньше конца месяца. Он отплыл из Англии 16-го декабря вместе с леди Бломфилд и Рухангез и прибыл в Хайфу поездом в 5.20 вечера 29 декабря из Египта, где причалил корабль, на котором он плыл. Множество друзей собралось на вокзале, чтобы проводить его до дома; рассказывают, что он был таким уставшим и разбитым, что ему понадобилась помощь, чтобы подняться по ступенькам. В доме его ждал человек, который один лишь мог хотя бы в какой-то мере облегчить его страдания - его возлюбленная внучатая бабушка, сестра Абдул-Баха. Она, такая хрупкая и всегда такая невозмутимая и скромная, за прошедшие недели успела доказать, что она - та самая крепкая скала, возле которой верующие искали прибежища посреди неожиданно разыгравшейся бури. Широта ее души, ее воспитание и положение вполне соответствовали той роли, которую она сыграла в Движении и жизни Шоги Эффенди в этот исключительно трудный и опасный период его жизни. Когда Абдул-Баха, ничем серьезно до того не болевший, так неожиданно и мирно отошел в иной мир, растерянные члены Его семьи начали просматривать Его бумаги в надежде найти какие-либо указания, относительно того, где Он желал быть похороненным. Не найдя ничего, они положили тело в центре трех комнат, прилегающих к внутренней Усыпальнице Баба. Они обнаружили Его Завещание, состоящее из трех отдельных, написанных в разное время завещаний, составляющих один документ, обращенный к Шоги Эффенди. Теперь Шоги Эффенди предстояло исполнить нелегкий долг - выслушать, что же было в нем написано; несколько дней спустя после его прибытия родственники прочли ему Завещание. Чтобы представить хотя бы в малой степени впечатлений, которое это произвело на него, мы должны вспомнить, что сам он неоднократно утверждал, и не только в разговорах со мной, но и со всеми теми, кто собирался за столом Дома западных паломников, что никогда и не догадывался о существовании чина Хранителя и уж тем более о том, что сам будет назначен им; что самое большее, чего он ожидал, поскольку был старшим внуком, это что Абдул-Баха может оставить ему указания относительно того, как проводить выборы во Всемирный Дом Справедливости и что он может быть назначен наблюдателем, осуществляющим надзор за тем, как эти выборы проходят. В этом доме, столь пустом ныне, столь чудовищно пустом, где каждая мелочь напоминала ему об ушедшем навсегда Учителе, он поистине погрузился в темные воды скорби и отчаяния. "Я часто испытываю, - пишет он миссис Уайт, - моменты затмения, глубокой печали, лихорадочного возбуждения, ибо, куда бы я ни ступил, я вспоминаю своего возлюбленного Учителя, и, что бы я ни делал, я чувствую страшный груз ответственности, который так неожиданно лег на мои слабые плечи". В этом письме, написанном 6-го февраля 1922 года, немногим более месяца спустя после его возвращения, он изливает другу свое сердце: "Как сильно чувствую я острую необходимость полного внутреннего восстановления, мощного притока сил, уверенности, Божественного Духа, по которому томится моя скорбящая душа, чтобы восстать, заняв уготованное мне место во главе Движения, отстаивающего столь славные принципы. Я знаю, что Он не оставит меня одного, я доверяю Его указаниям и полагаюсь на Его мудрость и тем не менее ежеминутно страстно желаю, прочной неколебимой уверенности в том, что мои надежды не обманут меня. Стоящая передо мной задача столь немислимо велика, понимание ничтожества собственных сил столь глубоко, что всякий раз, думая о своей работе, я поневоле падаю духом и отчаиваюсь..." Эта благородная женщина посылала Шоги Эффенди такие вдохновенные письма, что в своих ответах ей он

пишет о том, что, читая их, "не мог удержаться от слез", и восклицает: "О как необходим мне, при моей молодости и слабости, чей-то решительный ободряющий призыв, властное напоминание, слово утешения и поддержки!" Заканчивает он свое письмо весьма важной фразой, сообщая миссис Уайт, что не перестает повторять свои домочадцам ее мудрый совет - "не превращать Движение в секту", и подписывается "с искренней преданностью". В другом письме от того же месяца он пишет: "И вот среди подобных мучений двадцатичетырехлетний юноша вдруг обнаруживает, что он не только назначен "благословенной и святой ветвью, произросшей от Двух Святых Древ", чья тень "осенит все человечество", но и что он к тому же "есть Знак Божий, избранная ветвь, Хранитель Дела Господня - тот, к кому должны обратить свои взоры все из рода Агсан* и рода Афнан**, все Десницы Дела Господня и Его возлюбленные". Можно лишь надеяться, что открывшийся факт назначения его на подобную роль, когда он был еще совсем маленьким ребенком, несколько утешало его. Завещание Абдул-Баха состоит из трех частей; годы спустя Шоги Эффенди напишет, что "этот первый раздел был составлен в один из самых мрачных периодов Его заточения в крепости-тюрьме Акке". Именно в этом, первом разделе Шоги Эффенди удостоивается чина Хранителя, однако впоследствии Учитель сохранил этот факт в строжайшем секрете и собственноручно написал на Завещании, что "бумага эта долгое время хранилась в тайнике... и, поскольку Святую Землю ожидали страшные потрясения, она осталась неприкосновенна". Шоги Эффенди обнаружил также, что всякий, кто будет противостоять ему, оспаривать его или не доверять ему, будет противостоять Богу; что всякий, кто уклонится от его предначертаний либо отвернется от него, отвернется от Бога, и Учитель призывал гнев и кару Господню на головы подобных людей! Он также узнал, что пожизненно назначатся главой Всемирного Дома Справедливости и что он вкупе с этим органом руководствуются Самим Бабом и Бахауллой и что любой их решение - от Бога; посему каждый, кто не будет повиноваться им или станет бунтовать против них, будет бунтовать против Бога. Ему предписывалось в течение жизни назначить себе преемника: либо своего старшего сына, либо, при отсутствии у него необходимых качеств, другую ветвь - "Дитя, являющееся тайной сутью своего родителя". Он узнал, что Учитель до конца хранил нежную память о нем: "О вы, правоверные возлюбленные Абдул-Баха! Вам надлежит проявить величайшую заботу о Шоги Эффенди... дабы тень уныния не омрачила его светлого лика и день за днем возрастал он в счастье, радости и духовности и вырос подобный плодоносному дереву". Относительно несложно поверить в то, что кто-то держит мир на собственных плечах, однако очень трудно допустить, что именно вам предстоит подобное дело. Верующие признали Шоги Эффенди, но его крест был в том, чтобы самому признать себя. Безусловно, Пресвятой Лист и, вероятно, немногие из наиболее близких Учителю знали, еще до того как Шоги Эффенди прибыл в Хайфу, по крайней мере основное содержание Завещания, поскольку просматривали его на предмет возможных распоряжений относительно места захоронения Абдул-Баха. То, что это действительно так, подтверждают телеграммы, посланные Пресвятым Листом персидским и американским верующим 21 декабря 1921 года. Телеграмма в Америку гласит: "Памятное всемирное собрание примерно седьмого января. Молитесь о единстве и стойкости. Учитель оставил подробные распоряжения в Своем Завещании. Перевод высылаем. Уведомите друзей". Но до конца пункты Завещания оставались неизвестны, пока оно впервые не было зачитано Шоги Эффенди и официально не оглашено 3 января 1922 года. То, что Шоги Эффенди и вся семья Учителя пережили неопишуемые страдания в эти дни и даже в последующие годы, я ни минуты не сомневаюсь. Много раз мне доводилось видеть его в крайне подавленном состоянии: он лежал, не вставая, отказываясь от еды и питья, молча, свернувшись под одеялом, способный лишь безропотно мучиться, как бессильно прикипший к земле изнемогший путник; подобное состояние порой длилось несколько дней, пока силы наконец снова не возвращались к нему и он снова не вставал на ноги. Он мог затеряться в собственном мире, куда никто не мог за ним последовать. Однажды он

сказал мне: "Я знаю - этот путь тернист, но я должен пройти его до конца. Ничто не дается без боли". Ощущение покинутости, собственной неполноценности, жгучая тоска по деду, столь угнетавшие Шоги Эффенди в первые годы после его вступления в должность Хранителя, становятся еще более душераздирающими, когда мы вспоминаем один случай, о котором мне и еще нескольким персидским дамам рассказывала его мать и который описывает один из американских бахаи, присутствовавший при кончине Учителя, в письме, написанном несколькими днями позже. Кажется, дело обстояло так: за несколько недель до смерти Абдул-Баха, неожиданно войдя в комнату отца Шоги Эффенди, сказал: "Дайте телеграмму Шоги Эффенди, чтобы он немедленно возвращался". Мать его сказала нам, что, услышав это, она посоветовалась со своей матерью, и было решено, что телеграмма скорее всего только излишне взволнует Шоги Эффенди и поэтому лучше уведомить его о распоряжении Учителя письмом; письмо прибыло уже после Его вознесения. Мать Шоги Эффенди добавила, что, поскольку Учитель чувствовал Себя прекрасно, у них и в мыслях не было, что Он может так неожиданно умереть. Несомненно, предлог был хорош, но слишком типичен - один из многочисленных примеров вмешательства семьи в то, что они считали сугубо семейным делом, будучи слишком близоруки, чтобы понять, что Абдул-Баха всегда бывал прав и Ему всегда следовало повиноваться. Несомненно также и то, что это трагическое вмешательство человеческого начала явилось источником неисчислимых бед во времена Бахауллы, Абдул-Баха и Шоги Эффенди. В любом случае это сыграло решающую роль и не позволило Шоги Эффенди еще раз увидеть деда; не однажды он говорил мне, что чувствует: поступи он так, и Учитель мог бы дать ему какой-нибудь особый совет или наставление, не говоря уже о бесконечной умиротворяющей радости - лишней раз увидеть Его в этой жизни. После возвращения в Хайфу Шоги Эффенди занял свою прежнюю комнату, соседнюю с комнатой Абдул-Баха; однако немного позже он переехал в дом своей тетушки, стоявшей по соседству, и, пока был в Хайфе, жил там вплоть до лета 1923 года, когда Пресвятой Лист пристроила для него две комнаты и небольшую баню на крыше дома Учителя. Безусловно, было достаточно причин для его решения пожить какое-то время в другом доме; обстановка прежней комнаты постоянно терзала его различными воспоминаниями, толпы людей непрерывно наводняли дом Учителя, но присутствовал и еще один фактор, столь типичный для Шоги Эффенди с его глубоким, врожденным чувством справедливости: он считал, что, поскольку его семья удостоилась столь высокой чести и один из ее сыновей занял такое высокое положение, его долг теперь - осыпать почестями и всячески благодетельствовать своих родственников, чтобы хоть в какой-то мере восстановить равновесие. Посреди хлопот и переживаний, связанных с возвращением домой, у Шоги Эффенди не было возможности оправиться от тяжелых ударов судьбы, первый из которых он пережил в ту минуту, когда стоял в конторе Тьюдора Поула, вчитываясь в строки роковой телеграммы о кончине Абдул-Баха. Несмотря на такое его состояние, чин, определенный ему Учителем в Его Завещании, взвалил на его плечи груз ответственности, которую до самого конца своих дней он уже не мог разделить ни с каким отдельным лицом или институтом, так же ответственность, возложенную на Учителя, когда после вознесения Бахауллы Его Завещание провозгласило Абдул-Баха Его преемником. Надо было принимать решения. В первую очередь Шоги Эффенди определил порядок, в каком Завещание должно было быть оглашено публично. Из разных источников мы узнаем, что утром 3 января 1922 года Шоги Эффенди посетил Усыпальницу Баба и Гробницу своего деда; позднее в тот же день, дома у своего дяди, но в его отсутствие Последняя Воля Учителя была зачитана девяти собравшимся, большинство из которых составляли близкие Абдул-Баха, после чего Его печати, подписи и почерк были удостоверены ими.

Затем Хранитель распорядился, чтобы один из присутствующих, персидский верующий, снял с документов подлинную копию. В письме, написанном самим Шоги Эффенди одному из первых бахаи несколько недель спустя, он сообщает: "Завещание Абдул-Баха

было зачитано в сем доме 7 января 1922 года в присутствии бахаи из Персии, Индии, Египта, Англии, Италии, Германии, Америки и Японии..." На этом собрании Хранитель тоже отсутствовал, несомненно, по причине плохого самочувствия, с другой же стороны - по своей щепетильности. В согласии с местным обычаем - собираться в память о покойном на сороковой день после его смерти; несколько верующих-бахаи и множество знатных людей, включая губернатора Хайфы, собрались в зале в доме Учителя, где сначала была устроена трапеза, а затем - большое собрание, на котором в честь Усопшего произносились речи и были оглашены положения Его Завещания. Больше всего гостям хотелось услышать хотя бы несколько слов самого Шоги Эффенди, и он прислал послание с одним из своих друзей; Шоги Эффенди, находившийся рядом с Пресвятым Листом у нее в комнате, сказал, что слишком угнетен и подавлен, чтобы выступать, и вместо этого набросал краткую записку, которую зачитали от его имени и где он выражал сердечную благодарность от себя и от всей семьи Абдул-Баха присутствовавшему губернатору и выступавшим, которые своими искренними словами "оживили священную память о Нем в наших сердцах... Осмелюсь предположить, - пишет он далее, - что мы, Его близкие и Его семья, сможем своими словами и поступками доказать, что достойны славного примера, который Он нам оставил, и таким образом завоюем вашу любовь и уважение. Пусть Его вечный дух пребудет с нами и свяжет нас тесными узами навеки!" А вот начало этого послания: "Удар был слишком неожиданным и тяжким для моих юных лет, и посему я не смогу присутствовать на собрании возлюбленных возлюбленного Абдул-Баха".

Пресвятому Листу больше, чем самому Шоги Эффенди, подобало возвестить миру Бахаи положения Завещания Учителя. 7 января она отправила в Персию две телеграммы следующего содержания: "Памятные собрания проведены во всех странах. Повелитель всех миров в Своей Последней Воле явил Свои распоряжения. Копию высылаем. Уведомите верующих". И вторую: "Завещание назначает Шоги Эффенди Средоточием Дела". Здесь важно вспомнить, что, отвечая на запрос тегеранского Собрания и, несомненно, предвзято события, которые Он так ясно предвидел, Абдул-Баха написал: "Вы спрашиваете, на чье имя правительство сможет зарегистрировать в официальных документах наличествующее имущество и пожертвованные здания: все это следует зарегистрировать на имя Мирзы Шоги Раббани, сына Мирзы Хади Ширази, пребывающего ныне в Лондоне". Как бы ни велика была скорбь, вызванная кончиной Учителя в Персии, маловероятно, чтобы известие о назначении Шоги Эффенди явилось таким уж сюрпризом для наиболее осведомленных друзей, особенно после недавнего и столь многое проясняющего распоряжения Абдул-Баха. 16 января Пресвятой Лист телеграфировала в Соединенные Штаты: "В Завещании Шоги Эффенди назначен Хранителем Дела и Главой Дома Справедливости. Уведомите американский друзей". Несмотря на то, что с самого начала Шоги Эффенди проявил такт и умелость в разрешении проблем, с которыми ему приходилось постоянно сталкиваться, он очень нуждался в поддержке Пресвятого Листа, чей характер, положение и любовь к нему делали ее одновременно помощницей и прибежищем.

Сразу же после этих событий Шоги Эффенди выбрал из Завещания восемь отрывков и распространил их среди верующих; только один из них имел отношение к нему самому, он был очень коротким и звучал так: "О верные возлюбленные Абдул-Баха! Следует вам проявить величайшую заботу о Шоги Эффенди... Ибо, вслед за Абдул-Баха, он есть хранитель Дела Божия, Афнан, Десница (столп) Дела, и возлюбленные Господа должны повиноваться ему и обратить к нему свои взоры". Из всех громоподобных и грозных мест в Завещании, относившихся к нему, Шоги Эффенди выбрал для начального распространения среди верующих наиболее нейтральные. С самого начала он уже был руководящим и руководимым.

В эти первые годы в должности Хранителя он то и дело оказывался поверженным, но вновь подымался на ноги, сотрясаясь от страшных ударов, продолжал с еще большим рвением отстаивать суть. Любовь к Абдул-Баха неуклонно вела его вперед: "и все-таки я

верю, - восклицает он, - и твердо верю, в Его силу, Его указующий перст и Его вечно живое присутствие!.." Письмо, посланное Наир Афнану, племяннику Абдул-Баха, в феврале 1922 года, ясно отражает муки, терзающие его душу: "Ваше... письмо застало меня со всеми моими печальями и заботами... с моей болью, но даже не она, не столько скорбь утраты угнетает меня, сколько груз ответственности, которую Он возложил на мои слабые юношеские плечи..." "Посылаю вам лично, - продолжает Он, - копию Завещания дорогого Учителя; прочтя ее, вы поймете, что претерпел Он от рук Своих близких... и поймете также, сколь великую ответственность Он возложил на меня - ответственность, которую лишь творческая сила Его слов поможет мне вынести..." Письмо это не только раскрывает его чувства, но, учитывая, что оно было послано тому, кто принадлежал к стану врагов Учителя в дни после вознесения Бахауллы и к числу тех близких Абдул-Баха, которых Он так сурово порицает в Своем Завещании, показывает, с каким мужеством умел Шоги Эффенди глядеть в лицо прошлому, одновременно взывая к поддержке и верности в по-новому сложившихся условиях.

В ранних письмах Шоги Эффенди уже проявляются характерные для него сила, мудрость и достоинство. 19 марта 1922 года он послал одному из преподавателей Американского университета в Бейруте письмо, ясно и недвусмысленно заявляя о собственном положении: "Отвечая на ваш вопрос, являюсь ли я официально назначенным представителем Общины бахаи, заявляю: в своем завещании Абдул-Баха назначил меня главой всемирного совета, который надлежащим образом должен избираться представителями национальных советов последователей Бахауллы из разных стран..."

Не следует, однако, думать, что провозглашение Последней Воли Учителя разом разрешило все проблемы и с легкостью положило начало новой эре в развитии Дела. Это далеко не так. 14 декабря, еще до того, как Шоги Эффенди прибыл в Хайфу, Пресвятой Лист была вынуждена телеграфировать в Америку: "Настала пора великих испытаний. Друзья стойки и едины в своей решимости отстаивать Дело. Нарушители Завета разворачивают деятельность через прессу и другие каналы по всему миру. Изберите комитет из умных трезвомыслящих людей, дабы сдержать печатную пропаганду в Америке". Какими бы серьезными ни были события, на которые указывает телеграмма, их нельзя рассматривать в отрыве от сложной ситуации, сложившейся в Америке после смерти Абдул-Баха. Он был глубоко озабочен деятельностью нарушителей Завета в этой стране и даже предсказал в написанном за несколько лет до того письме, что после Его кончины разразится буря, и молился о спасении верующих. 8 ноября 1921 года Он телеграфировал Своему верному корреспонденту Рою Вильгельму: "Как дела и здоровье друзей?", на что м-р Вильгельм на следующий же день ответил со всей прямотой: "Чикаго, Вашингтон, Филадельфия охвачены волнениями, центры в Фернальде, Дайере, Уотсоне. Нью-Йорк, Бостон присоединиться отказались, строят созидательную конструктивную политику". Мгновенный ответ от Абдул-Баха последовал 12 ноября; составленный в сильных выражениях, он ясно показывал Его переживания и тревогу: "Сидящий рядом с прокаженным, заражается проказой. Тот, кто со Христом, бежит фарисеев и отвергается от Иуды Искариота. Не колеблясь бегите нарушителей. Уведомьте Гудалла, Тру и Парсонса телеграфом". В тот же день Учитель послал Рою Вильгельму еще одну телеграмму: "Взываю о здравии к божественной благодати". Это были Его последние слова, достигшие Америки.

Неожиданная кончина Абдул-Баха отнюдь не смягчила ситуацию. Безусловно, именно понимание ее серьезности стало причиной телеграммы, посланной Святым Листом, уведомляющей американских друзей о том, что Учитель оставил подробные указания в Своей Последней Воле. Постоянная лихорадочная деятельность Мухаммада Али, начавшаяся после вознесения Бахауллы, не утихла, не дремали и его приспешники в Соединенных Штатах. В то время журнал "Риэлити" был органом Бахаи, и на его страницах публиковались новости о нарушителях Завета и их деятельности; это чрезвычайно беспокоило умудренных опытом верующих, в особенности тех, кто имел

честь лично знать Абдул-Баха, "свободомыслящая" же и неопытная молодежь пребывала в беспечности, не отдавая себе отчета в грозящей опасности. Именно это нездоровое, неправильное отношение побудило Абдул-Баха меньше чем за два месяца до Своей кончины написать Скрижаль, опубликованную в "Звезде Запада", где Он старался доказать американским друзьям, что, проявляя легкомыслие в подобных делах, они подвергаются серьезному риску, поскольку еще Бахаулла предупреждал Своих последователей, что зловоние распространится по миру и что им следует избегать его, разумея под "зловонием" нарушителей Завета. Такое положение как бы перешло от Шоги Эффенди по наследству.

Один из первых и наиболее стойких американских бахаи писал Шоги Эффенди 18 января 1922 года, менее чем за две недели до публичного оглашения положений Завещания Абдул-Баха: "Как Вам известно, нарушители Завета у нас, в Америке, стали источником многих печалей и осложнений. Отравы глубоко проникла в среду друзей..." Во множестве подробных, изобилующих деталями статей целый поток обвинений излился на новоиспеченного Хранителя. Конечно, существовал и еще один аспект. С трогательным чистосердечием и доверчивостью бахаи Востока и Запада поспешили сплотиться вокруг своего юного вождя и клялись ему в своей любви и верности: "Мы жаждем помогать Хранителю в каждом его шаге и в глубине наших сердец разделяем с ним тяготы, обременившие его юные плечи..." "Здесь, в Вашингтоне, до нас дошла весть о том, что наш возлюбленный Учитель передал управление и защиту Святого Дела в ваши руки и что Он назвал вас главой Дома Справедливости. Пишу вам это краткое послание, всей душой откликаясь на священные указания нашего Возлюбленного Повелителя и заверяя вас во всемерной поддержке и верности..." "Возлюбленный нашего Возлюбленного, - обращаются к нему два толпа Веры в Америке, - сердца наши возликовали при известии о том, что Учитель не оставил нас безутешными, но сделал вас, Своего возлюбленного, средоточием единства Своего Дела, дабы сердца всех друзей могли обрести мир и уверенность". "Мы блуждали в беспросветной тьме, пока наконец благословенная телеграмма Пресвятого Листа не рассеяла ее - итак, отныне вы назначены Милостивым Повелителем нашим Главой и Хранителем, равно как и Хранителем Дела Божия и Главой Дома Справедливости". "Чего бы ни пожелал Хранитель Дела и что бы он ни посоветовал нам, своим слугам, это будут одновременно наши желания и наши намерения". В письме к Пресвятому Листу в августе 1922 года один из первых верующих, только что вернувшийся из Хайфы, пишет: "Все друзья чрезвычайно привязаны к Шоги Эффенди и желают лишь одного - следовать наставлениям нашего Повелителя и всячески поддерживать Хранителя Святого Дела..." Примерно в то же время другой верующий написал Шоги Эффенди, заверяя его в том, что, "несмотря на множество трудностей и больных мест, я чувствую целительную силу и верю, что Дело никогда еще не было столь крепко в Америке, как сейчас..." Несомненно, подобные послания служили великим утешением, однако, учитывая общее число верующих на Западе, они были для сокрушенного сердцем Хранителя плачевно немногочисленны. Печально сознавать, что многие из тех, кто наиболее тесно сплотился, чтобы поддержать его, позднее отошли от Дела и даже стали его противниками. Смерч с корнем вырывает деревья-великаны, но не приносит ни малейшего вреда простой траве.

Безусловно, верующих бахаи повсюду захлестнула волна великой любви и безграничной верности, когда они узнали о Завещании Учителя. На нарушителей Завета оно, однако, оказало прямо противоположное действие, побудив их к яростной активности. Подобно многоголовой чудовищной гидре, каждая голова которой еще сильнее шипит и брызжет ядовитой слюной, они язвили юного преемника Учителя. Единокровный брат Абдул-Баха, Мухаммад Али, его брат, его сыновья и приспешники; извечные враги Веры в Персии; люди, затаившие тайную неприязнь, равнодушные или полные амбиций - где бы и кем бы они ни были - начали возводить препятствия на его пути. 16 января двое старых американских бахаи, исполнявших свою миссию в Тегеране, прислали семье Учителя

письмо, где обрисовывали обстановку в столице; в письме этом содержится некий довольно любопытный факт, а именно, что Абдул-Баха прислал в Персию письмо, в которое Он вложил, в назидание друзьям, письмо к Нему от Шоги Эффенди, сообщающего новости о положении Дела в Англии. Письмо пришло уже после Его кончины, но в нем чувствуется гордость Учителя за Своего внука, и, если рассматривать его вместе с известием о Его вознесении и последовавшим вскоре назначением Хранителя, оно выглядит больше чем простым совпадением. Письмо от верующих тем не менее продолжали поступать: "... великий вопль поднялся против Дела... но стадо не рассеялось, овцы его не позабыли своего пастыря и с твердостью поддерживают отважного юного вождя, которым Возлюбленный благословил нас. Имя Шоги Эффенди всегда звучало для нас родным и привычным, и ныне весь народ Бахаи приветствует его. "Благословен тот, кто приходит во имя Господне..." "... Хотелось бы мне, чтобы вы не услышали голоса благодарных верующих: "Отныне мы утешены. Отныне - довольны. Дело расцвело вновь".

16 января Хранитель послал свое первое письмо персидским верующим, ободряя их, прихвывая упорно отстаивать Дело и Веру и в трогательных выражениях разделяя с ними скорбь по поводу кончины возлюбленного Учителя. 22 января Шоги Эффенди телеграфировал американским бахаи: "Святые Листья утешены нерушимой верностью и благородной решимостью американцев. Необходимо крепиться. Сердечно с вами". Днем раньше он написал первое письмо к ним, которое начинается так: "В этот ранний час, когда утренняя заря еще только брезжит над Святой Землей, когда скорбь Утраты еще окутывает густым покровом наши сердца, я чувствую, как моя душа, исполненная любви и надежды, обращается к великому содружеству Его возлюбленных так, за океаном..." Рки его уже крепко держат штурвал, и он видит излучины, по которым ему предстоит провести свой корабль, совершенно ясно: "широкая и прямая стезя учительства", таковы его собственные слова, иденство, самоотречение, беспристрастность, благоразумие, осторожность, честное стремление исполнять желания Учителя, сознание Его присутствия, окончательный разрыв с врагами Дела - такими должны быть цели, одушевляющие верующих. Еще четыре дня спустя он впервые пишет японским бахаи: "Сколь ни скорбел бы я в эти мрачные дни, стоит мне вспомнить о надеждах, которые почивший Учитель столь уверенно возлагал на Своих друзей в странах Дальнего Востока, надежда воскресает во мне и прогоняет мрак, навеянный Его утратой. Прослужив Его помощником и секретарем на протяжении почти двух лет после окончания Великой войны, я так живо вспоминаю сияющее выражение радости, преобразившей Его лицо, когда я открывал перед Ним ваши дела и нужды..."

Помимо прочего в эти дни Шоги Эффенди трудился над переводом Завещания своего деда на английский язык. Имоджен Хоуг, жившая некоторое время в Хайфе перед кончиной Абдул-Баха, писала 24 января: "Скоро Волю дорогого Учителя смогут прочесть в Америке и повсюду. Шоги Эффенди сейчас занят ее переводом". Пока Шоги Эффенди был занят подобного рода делами, копил силы и начинал, одно за другим, отправлять письма верующим разных стран, он получил письменное послание от Верховного комиссара Палестины, сэра Герберта Сэмюэля, датированное 24 января 1922 года:

Дорогой мистер Раббани!

Удостоверяю получение вашего письма от 16 января и благодарю за его искренность и теплоту.

Было бы досадно, если прискорбная кончина сэра Абдул-Баха помешала вам завершить оксфордское образование, и я надеюсь, что в данном случае этого не произойдет.

Я также крайне заинтересован в том, какие меры принимаются для обеспечения стабильности Движения Бахаи.

Если вам случится в ближайшее время быть в Иерусалиме, для меня будет большой радостью повидаться с вами.

Искренне ваш, Герберт Сэмюэль

Несмотря на дружелюбный тон, в письме содержится просьба - от имени правительства Ее Величества - в дальнейшем информировать Верховного комиссара о происходящем. И вряд ли стоит этому удивляться, учитывая деятельность Мухаммада Али. Вскоре после кончины Абдул-Баха Его не скрывающий недовольства, коварный единокровный брат (претендовавший на то, что и по сей день вправе быть преемником Бахауллы!), основываясь на законах ислама, выдвинул требование с притязаниями на часть имущества Абдул-Баха, на которую он якобы имеет право как Его брат. Он вызвал своего сына, который довольно давно уже жил в Америке и пропагандировал там требования отца, чтобы тот помог ему в новых неприкрытых нападках на Учителя и Его семью. Не довольствуясь тем, что уже показал свое истинное лицо, он взывал к гражданским властям, требуя передать опеку над Усыпальницей Бахауллы на том основании, что он является законным преемником Абдул-Баха. Британские власти отказали в иске, основываясь на том, что этот случай подлежит церковной юрисдикции; тогда Мухаммад Али обратился к главе исламской церкви и просил муфтия Акки взять на себя формальную ответственность за Усыпальницу Бахауллы; муфтий, однако, ответил, что не считает это возможным, поскольку учение Бахаи противоречит законам шариата. Когда все остальные средства были исчерпаны, он послал своего младшего брата Бадиулла и еще нескольких человек к Усыпальнице Бахауллы, где они в четверг, 30 января силой захватили ключи от Святой Гробницы, таким образом утвердив право Мухаммада Али быть законным опекуном и стражем места упокоения своего Отца. Этот наглый, бесцеремонный поступок вызвал такое возмущение в общине бахаи, что губернатор Акки приказал передать ключи официальным властям, поставил у Гробницы караул, но на большее не решился, отказываясь вернуть ключи какой-либо из сторон.

Не надо обладать чрезмерно богатым воображением, чтобы представить, каким ужасным ударом было это для Шоги Эффенди: известие принес уже затемно запыхавшийся взволнованный гонец, и, разумеется, все верующие были обеспокоены и угнетены тем, что впервые за много лет Пресвятые Останки попали в руки закоренелых врагов Средоточия Его Завета. Американский верующий, посетивший Усыпальницу вместе с самим Шоги Эффенди в марте 1922 года так описывает состояние дел в своем дневнике: "За все три моих последних посещения Бахдже нам ни разу ни удалось проникнуть дальше двора мавзолея - внутреннее святилище было опечатано... И никто не может сказать, чем закончится дело. Шоги Эффенди чрезвычайно озабочен случившимся". Тем не менее несмотря на свои чувства Шоги Эффенди оставался верным примеру Учителя, даже в самые бурные дни сохранявшего спокойствие, и ровным тоном отдавал распоряжения относительно того, где поместить светильники внутри и снаружи Усыпальницы, к которой как раз в это время подвели электричество.

Тот же мемуарист вспоминает, что, пока он был в Хайфе, Хранитель направил ряд телеграмм иракскому королю Фейсалу, призывая его и правительство страны принять меры против захвата священного Дома Бахауллы (обязательного места паломничества для бахаи всех стран), а также подготавливал посылку подобных посланий другими общинами бахаи. Это был новый жестокий удар для Шоги Эффенди; за несколько месяцев судьба нанесла ему четыре, и каждый являлся почитневыносимым испытанием для всего его существа.

Положение, в котором оказался Шоги Эффенди, было поистине тяжким. Хотя основная масса верующих сохраняла верность Делу, оно со всех сторон подвергалось нападкам врагов, воспрявших духом после кончины Абдул-Баха. Один из старых верующих, служивший в то время секретарем у губернатора Хайфы, рассказывал нам, что местные чиновники называли Хранителя не иначе как "юнцом". Помимо своих еще очень молодых лет, безбородый оксфордский студент, хотя и державшийся с достоинством, и не претендовал на роль бородатого патриарха, которого знал в Хайфе каждый и - любя или ненавидя, это уже другое дело - уважал как фигуру в высшей степени выдающуюся и примечательную. Шоги Эффенди не носил чалмы и длиннополого восточного платья,

которые всегда носил Учитель; он не ходил в мечеть по пятницам, как то обычно делал Абдул-Баха; он не беседовал часами с мусульманскими священниками, которые любили проводить часть дня в доме Учителя, а теперь, вне всякого сомнения, были не прочь прицениться к безбородому юнцу, которого Он поставил вместо Себя Главой Веры. Когда же близкие Абдул-Баха упрекали Хранителя за то, что тот ведет себя не так, как Учитель, он отвечал, что прежде всего должен безраздельно посвящать себя трудам во имя Дела. Все это лишь усугубляло его страдания и вызывало тревогу как в семье, так и у членов местной общины. Некоторые из них втайне подозревали, что на самом деле Шоги Эффенди не знает, что ему предпринять, как вести себя дальнейшем, и нуждается в том, чтобы над ним стояли люди старше и мудрее его, и что, чем скорее будет сформирован Всемирный Дом Справедливости, тем лучше это будет для Дела и всех, кому оно не безразлично.

Несомненно, что, пребывая в состоянии глубокого беспокойства и угнетенности, боготворимый, с разных сторон осыпaeмый советами и вопросами, укорами и обвинениями, он испытывал необходимость в поддержке. В марте 1922 года он собрал в Хайфе группу представительных и широко известных верующих: леди Бломфилд приехала вместе с ним из Англии, Иможден Хоуг уже давно жила в Хайфе; к ним присоединились - прибывшая из Англии мисс Розенберг, Рой Вильхельм, Маунт-форт Миллс и Мейсон Римей из Америки, Ипполит и Лаура Дрейфус-Барни из Франции, германский консул и немецкая верующая Алиса Шварц, а также майор Тьюдор Поул. Двое широко известных миссионера из Персии, Аваре и Фазель, тоже были призваны в Хайфу, но в силу ряда осложнений прибыли с большим опозданием; позднее Хранитель надолго отправил их с учительской миссией в Европу и Северную Америку соответственно. Сейид Мустафа Руми из Бирмы, Коринна Тру и ее дочь Кэтрин из Соединенных Штатов также прибыли впоследствии. В эти первые месяцы навещали Хайфу и другие паломники. Однако прежде всего большое значение имеет тот факт, что не только многие из старых верующих полагали, что следующим шагом должно стать образование Всемирного Дома Справедливости, но даже губернатор Хайфы в разговоре с одним из верующих, которого послал к нему Шоги Эффенди, сам коснулся этой темы, сказав, что, по его мнению, после учреждения Всемирного Дома Справедливости и узаконения Святынь Бахаи от его имени дело перестанет быть просто семейной ссорой и получит прочную законную основу как постоянная религиозная организация. Это мнение, которое разделяли не только британские власти, но и некоторые верующие, а также члены семьи Абдул-Баха, очень точно отражает отношение некоторых из них к Хранителю. Его молодость и его обстоятельства в первые годы служения склоняли их к мысли о том, что он нуждается в помощи и совете других членов Организации, Главой которой он является, в том числе и для того, чтобы обеспечить более прочные законные основания для отклонения притязаний врагов в Ираке и Палестине, которые, опираясь на закон шариата, требовали передать им Святыни Бахаи, находящиеся в этих странах.

Реакция Шоги Эффенди на подобные настроения и его консультации с верующими, которых он собрал в Хайфе, показали, что, едва вступив в должность Хранителя, он уже, как бы он ни сокрушался внутренне, проявил ум блестящего военачальника, видящего битву во всеохватности и не позволяющего отвлекаться на детали и сиюминутные нужды. В вышеупомянутом дневнике читаем следующую запись: "В первые дни моего пребывания в Хайфе Шоги Эффенди уделял много времени совещаниям с Маунтфортом Миллсом, Роем Вильхельмом, четой Дрейфус-Барнс, леди Бломфилд и майором Тьюдором Поулом, а также с приехавшими позднее Шварцами относительно учреждения Всемирного Дома Справедливости. В общем я был в курсе тем, которые они обсуждали. Похоже, идея состояла в том, что, прежде чем будет основан Всемирный Дом, Национальные Дома должны функционировать в тех странах, где живут бахаи. Мне понятно, почему Шоги Эффенди пригласил на эту встречу нескольких своих друзей из

Персии и Индии, но они не смогли приехать вовремя и встретиться с теми западными друзьями, о которых я уже упоминал".

Видимо, в результате этих дискуссий Хранитель распорядился, чтобы Шварцы вернулись в Германию и там продолжали работу над созданием местных и национальных органов; Рой Вильхельм и Маунтфорт Миллс должны были передать американским верующим - на грядущем Съезде - что исполнительный Совет, к тому времени являвшийся главной национальной организацией североамериканских бахаи, одновременно должен взять на себя законодательные функции, руководя всеми делами внутри страны, а не только исполняя решения, принятые на ежегодном съезде делегатами. Несомненно, присутствовавшим на встрече английским бахаи было поручено доложить о такой же всеобъемлющей концепции своей Общине. Но главное, это значит, что Шоги Эффенди немногим более двух месяцев спустя после того, как занял должность Хранителя, начал закладывать основы Административного Порядка, что и было предуказано в Последней Воле Абдул-Баха.

Но такое напряжение оказалось ему не под силу. Он назначил девять человек, которые временно должны были составлять Собрание, и в их протоколах от 7 апреля 1922 года мы находим запись о том, что было получено письмо от Пресвятого Листа, в котором она писала, что "Хранитель Дела Божия, избранная Ветвь, Глава и Вождь людей Баха, Шоги Эффенди, изнуренный бесконечной тоской и скорбью, был принужден остаться здесь - отдохнуть и восстановить свои силы, чтобы затем вернуться в Святую Землю для исполнения своих обязанностей". Далее она пишет о том, что на совете семьи Абдул-Баха и членов Собранию она назначена распоряжаться всем делами бахаи в его отсутствие. А Шоги Эффенди тем временем отбыл в Европу в сопровождении своей старшей двоюродной сестры. Произошло это 5 апреля. Принятое решение и письмо Хранителя Пресвятой Лист передала издателям "Звезды Запада", где они и были опубликованы в переводе с приложением факсимиле ее собственного письма и написанного на персидском письма Шоги Эффенди. Несомненно, подобные же сообщения были переданы и в другие ведущие центры Бахаи. В своем письме в "Звезду Запада" Пресвятой Лист объясняет, что она организовала Собрание из назначенных Хранителем лиц. Шоги Эффенди в своем письме сообщает:

Клянусь Господом!

Вознесение Его Святешейства Абдул-Баха в Царство Абха - само по себе наиприискорбнейшее событие и великое бедствие - погрузило вашего слугу в столь глубокую скорбь, что, будучи к тому же удручен неприятностями, которые доставляют мне враги Дела Божия, я считаю, что мое присутствие здесь в подобное время и в подобной обстановке противоречат исполнению моих важных и святых обязанностей.

По этой причине, не видя другого выхода, я на время оставил заботы о Деле, равно дома и за границей, на попечение Святого Семейства под руководством Пресвятого Листа до тех пор, пока, восстановив здоровье, силы, уверенность в себе и духовную энергию, я в соответствии с моей целью и желанием целиком и полностью не возьму в свои руки работу служения и не приступлю к осуществлению своего наивысшего духовного упования.

Его слуга и Привратник, Шоги.

8 апреля Пресвятой Лист отправила общее письмо друзьям. Сначала она благодарит их за письма с изъявлениями верности и пишет, что Шоги Эффенди рассчитывает на их содействие в распространении Вести; отныне и впредь мир Бахаи должен быть связан посредством Духовных Собраний, и местные вопросы должны рассматриваться ими. Далее же она пишет: "Вознесение нашего Возлюбленного Абдул-Баха столь глубоко потрясло Шоги Эффенди... что он искал необходимого покоя, дабы поразмыслить о стоящих перед ним обширных задачах, для чего и покинул на время эти места. В свое отсутствие он назначил меня своим представителем, и, пока он обременен своими

великими заботами, семья Абдул-Баха не сомневается, что все вы с успехом будете продвигать вперед Дело Бахауллы..." Отпечатанное на машинке, письмо написано по-английски и подписано персидским именем "Бахайя", а также скреплено личной печатью Пресвятого Листа.

На бумаге все выглядит вполне благополучно, однако в мыслях и душе Шоги Эффенди бушевала буря. "Он отправился, - пишет Пресвятой Лист, - в поездку по разным странам". Выехав вместе со своей двоюродной сестрой, он направился в Германию проконсультироваться с врачами. Помнится, он говорил мне, что у него обнаружили почти полное отсутствие рефлексов, что сочли серьезным симптомом. Девственная природа, однако, оказала на него целительное воздействие, что случалось уже со многими и до него. Несколько лет спустя, в 1926 году он пишет Ипполиту Дрейфусу, который знал его с детства и которому, он это чувствовал, можно открыться как близкому другу, что письмо Дрейфуса застало его "на пути в Верхний Берн, ставший моей второй родиной. Окруженный могучими горами с их безлюдьем, я постараюсь позабыть о досадных неприятностях, доставивших мне столько огорчений... Я невероятно сожалею, что при моем нынешнем состоянии здоровья я не склонен, да и не в состоянии серьезно обсуждать те жизненно важные проблемы, с которыми столкнулся и даже успел близко познакомиться. Обстановка в Хайфе невыносимая, а серьезные перемены невозможны. Заняться работой в каком-либо ином месте - вещь немыслимая, нежеланная и в глазах многих - просто скандальная... Не могу подобрать иных слов, ибо память моя сильно пострадала".

В первые годы после кончины Абдул-Баха, несмотря на то что Шоги Эффенди часто путешествовал по Европе с неумным интересом не просто молодого человека, но мужчины, преследуемого неотступными мыслями о громоздящихся перед ним гигантских задачах, он снова и снова возвращался в этот край диких высоких гор, край возвышенного одиночества.

Копии французских писем швейцарцу, в доме которого Шоги Эффенди останавливался много лет подряд, наиболее ярко раскрывают его характер, его любовь к тем, кого он называл "добрыми, простыми людьми", и нежные чувства, которые он так часто проявлял к своим друзьям.

22 декабря 1923 года

Дорогой мистер Хаузер!

Любезно присланная вами открытка с видом Юнгфрау и прелестно изображенным городом Интерлакеном воскресила во мне память о вашей незабвенной расположенности, доброте и гостеприимстве во время моего замечательного пребывания у вас. Я никогда их не забуду и с чувством нежной благодарности буду хранить память о них.

Посылаю вам несколько почтовых марок, которые, надеюсь, вас заинтересуют.

От всего сердца желаю вам, дорогой мистер Хаузер, счастливого Нового года и долгой, благополучной и счастливой жизни.

Всегда помню о вас и надеюсь увидеть снова

Бесконечно преданный вам Шоги

26 сентября следующего года он снова посылает ему письмо.

Дорогой мой мистер Хаузер!

Я вернулся и по возвращении первым делом решил написать моему незабвенному дорогому Хаузеру, под крышей дома которого я вкусил радости живописной Швейцарии и был очарован гостеприимством, которое никогда не сотрется из моей памяти.

Вспоминая о былых днях и о моих изнурительных приключениях, за которыми последовал отдых в уютном и скромном шале Хохвег, очарование которого я не в силах позабыть, я часто испытываю сильное желание увидеть вас однажды в кругу своей семьи,

в нашем доме и доказать вам свою благодарность и дружбу! Если же это невозможно, то я по крайней мере надеюсь, что вы всегда будете вспоминать мою благодарность и преданность.

Недавно получил по почте несколько новых мрак с портретом нового шаха, надеюсь, они вас заинтересуют.

От всего сердца желаю вам в вашей жизни долгих лет, радости и процветания и надеюсь однажды снова увидеться с вами в Интерлакене, в самом сердце моей любимой страны.

Остаюсь вашим верным другом

18 декабря он благодарит Хаузера за присланные ему открытки и, в свою очередь, посылает ему "скромный сувенир из города Хайфы", "столь непохожей и несравнимой с вашей живописной Швейцарией", и желает своему "дорогому и незабвенному другу" процветания в Новом году.

Старый этот швейцарец был проводником, в чьем доме Шоги Эффенди снимал крошечную комнату - мансарду, прячущуюся в ветвях старого дерева, и платил за нее по франку в день. Потолок был настолько низким, что когда его двоюродный дядя приезжал навещать его, он, при его высоком росте, не мог стоять выпрямившись. Обстановка состояла из маленькой кровати, умывальника и кувшина с холодной водой для умывания. Интерлакен расположен в самом сердце Верхнего Берна, и бесчисленные экскурсии отправляются оттуда в окрестные горы и долины. Часто еще задолго до зари Шоги Эффенди отправлялся на прогулки, в бриджах, норфолкской куртке, черных шерстяных крагах, подкованных горных ботинках, с палкой и дешевым маленьким холщовым мешком за спиной. Он осуществлял небольшие восхождения на некоторые горы или проходил через перевалы, тратя на это десять-шестнадцать часов, обычно в одиночку, хотя иногда его сопровождал кто-нибудь из молодых родственников; им редко удавалось выдерживать темп друг друга и уже через несколько дней начинались взаимные извинения. Отсюда он поднимался и на более высокие вершины, в одной связке с проводником. Эти его походы продолжались практически до самой женитьбы. Помню, как летом 1937 года мы впервые поехали в Интерлакен: Шоги Эффенди повел меня в дом Хаузера, желая представить жену старику, к которому был очень привязан и который с таким интересом выслушивал взволнованные рассказы о его дневных прогулках в горах, поражаясь неутомимой энергии и решимости молодого человека, но выяснилось, что старик умер. Хранитель взял меня с собой на небольшое тихое горное кладбище. Шоги Эффенди часто рассказывал мне истории о своих давних днях, показывал ту или иную вершину, на которую поднимался, или перевал, которые преодолевал пешком. Однажды, сказал он, ему удалось преодолеть два перевала, общей длиной сорок два километра. Зачастую он попадал под дождь, но продолжал идти, пока одежда на нем не высохла. Он действительно очень любил горные пейзажи, и я верю, что эти изнурительные многочасовые походы в какой-то степени исцеляли глубокие раны, нанесенные его сердцу кончиной Учителя.

Шоги Эффенди рассказывал мне, что практически никогда не брал в дорогу еды, а заходил в небольшой ресторанчик, где заказывал rommes sautee и как это было дешево и сытно, а потом возвращался домой, в свою комнату под карнизом, без сил валился на постель и засыпал, иногда среди ночи просыпаясь, чтобы глотнуть ледяной воды из графина, и снова засыпал, пока, движимый все тем же внутренним беспокойством, не подымался, чтобы снова пуститься в путь до зари. Есть что-то необычное и глубоко трогательное в том, что в последнее лето своей жизни он объездил все места, которые любил больше всего, чтобы еще раз взглянуть на них, словно длинные тени швейцарских гор дотягивались до него. В те далекие годы он не только был очень подавлен, но и предъявлял к себе самые строгие требования. Он установил для себя суровую дисциплину, которой должны были подчиняться и окружающие. Более чем скромная сумма откладывалась на лето, и, будь он один, или с кем-то из своих родственников, или

же со своим секретарем, или, как иногда случалось, к нему присоединялся кто-то из членов семьи - суммы этой должно было хватить. Чем больше собиралось людей, тем строже блюлась экономия. Он всегда путешествовал исключительно третьим классом, даже когда был уже в летах. Помню лишь несколько случаев, когда он ехал в первом или втором классе, и то только потому, что либо поезд был слишком грязный, либо мест в третьем классе не оказывалось. Если ему случалось ехать ночью, он спал на жесткой деревянной скамье, подложив под голову вещевой мешок, чего ехавшие вместе с ним не могли выдержать. Он создал для себя два стандарта: один - Глава Веры, который в глазах публики воплощал честь Веры и Дела, которые, по сути, он считал своей честью; другой - частное лицо, инкогнито, что не требовало его личного присутствия в тех или иных местах, к которому он, как человек по натуре скромный, и не стремился, к тому же испытывая отвращение при мысли роскошествовать за счет средств, которыми располагал ввиду своего высокого положения. Он не обязан был отчитываться ни перед кем в мире, и ни один бахаи не имел права спрашивать у него отчета в принимаемых им решениях, но по отношению к себе он был неумолим.

По мере того как он старел, а бремя ответственности, лежащее на его плечах, становилось все тяжелее, я осмелилась приложить все возможные усилия, чтобы заставить его относиться к себе не так сурово, по крайней мере, не отказываться от удобств скромной гостиницы, время от времени проходить проверку у врачей, иметь комнату с ванной, есть чаще, чем раз в день, как он это делал, и пищу более питательную и лучшего качества. С этими небольшими переменами он смирился еще и потому, что Милли Коллинз, в своей великой любви к нему, завела обыкновение предлагать ему небольшую сумму денег перед его "отпуском", прося его тратить их на себя, на любые свои желания. И только после моих горячих уговоров он согласился брать то, что предлагала ему Милли, относившаяся к нему с такой нежностью, и тратить небольшую часть этих средств на себя - остальное уходило на приобретения для садов, Святынь и Архивов; однако это доставляло ему истинное удовольствие, так что намерение Милли в любом случае было исполнено.

В первое или второе лето служения Шоги Эффенди сказал мне, что купил велосипед и много на нем ездит. Я часто удивлялась, как при его нервности, безрассудной храбрости и абсолютном неумении ладить с какими бы то ни было механизмами он неизменно возвращался домой цел и невредим! Как у типичного интеллектуала, у него не было чутья к механически устройствам, хотя, когда он хотел, он мог мастерить собственными руками тонкие, изящные вещи.

Несмотря на некоторое движение вспять - каковым действительно можно считать его первый отъезд из Святой Земли - силы, приведенные в движение Шоги Эффенди, уже начинали приносить плоды. Один из вернувшихся на родину американских паломников в апреле 1922 года доложил Американскому собранию бахаи, что "мы приехали в Святую Землю по просьбе Шоги Эффенди. В Хайфе мы встретились с бахаи из Персии, Индии, Бирмы, Египта, Италии, Англии и Франции... Первое сильное ощущение, охватившее меня по приезде, было, что Господь пребывает на небесах и что в мире все благополучно... Шоги Эффенди вышел на встречу весь в черном - впечатляющее зрелище. Подумать только, кем он на сегодня является! Все сложные проблемы, с которыми сталкиваются великие политические деятели мира, не более чем детская игра в сравнении с великими проблемами, стоящими перед этим юношей, проблемами всего человечества... Никто даже и представить себе не может эти потрясающие трудности... но Учитель не ушел. Присутствие Его Духа чрезвычайно ощутимо... И посреди этого сияния стоит юноша - Шоги Эффенди. Волны Духа исходят от этого молодого человека. И действительно, он еще молод внешнеюстью и поведением, но уже сейчас его сердце - средоточие мира. Божественный дух окружает его сияньем. Он один... может спасти мир и создать истинную цивилизацию. Трогательно видеть, как он скромен, мягок, бескорыстен. Письма его - просто чудо. Великая мудрость Божия в том, что Он снизошел к нам, дав нам великий ориентир для решения сложных проблем. Известия об этих проблемах, столь

похожих на наши, приходят к нему со всех концов света. Получая письма, он разрешает эти проблемы, не прибегая ни к каким догмам... Великие принципы, заложенные Бахауллой и Абдул-Баха, теперь имеют прочное основание в Царстве Божиим на Земле. Основание это создал уверенной рукой ныне Хайфе Шоги Эффенди". Остальные, призванные в Хайфу, свидетельствуют: "Когда прибываешь в Хайфу, встречаешься с Шоги Эффенди и видишь, как бьется его мысль и переполняющие его чувства, как удивительно легко он проникает в суть вещей - это поистине поражает". Они утверждают, что слышали, как однажды, легши спать в 3 часа ночь, Шоги Эффенди уже поднялся в шесть и как он трудился без еды и питья двое суток подряд. Собранным на Собрание друзьям Шоги Эффенди передал с одним из возвращающихся паломников букет фиалок и добрые пожелания всем верующим. Протокол Собрания гласит: "Отныне всем стало очевидно, что час устройства Царства Божия на земле пробил..." Руководствуясь инструкциями американских бахаи, посетивших Хайфу в начале 1922 года, Собрание избрало Национальное Духовное Собрание, которое заменило прежний Храм Единства Бахаи и поставило деятельность Веры в Северной Америке на совершенно новую основу. Осенью 1922 года Пресвятой Лист, глубоко встревоженная долгим отсутствием Шоги Эффенди, послала членов его семьи разыскать его и просить возвратиться в Святую Землю. Возвращаясь после одной из своих каждодневных прогулок, под вечер, на улице маленькой горной деревушки, Шоги Эффенди к своему величайшему изумлению увидел свою мать; в сопровождении еще одного из членов семьи Учителя она пешком проделала весь путь из Палестины; со слезами на глазах она рассказала ему, как страдает Бахией Ханум, вся семья и друзья, и убедила его вернуться, дабы занять положенное ему место. В заметке о новостях жизни бахаи "Звезда Запада" писала: "Шоги Эффенди, вернувшийся в Хайфу 15 декабря в пятницу, в добром здравии и прекрасном настроении, принял "бразды правления" Хранителя Дела Бахаи, доверенные ему в Своем Завещании Абдул-Баха". Собственные письма и телеграммы Хранителя отражают эту перемену в его положении. Два дня спустя после возвращения он писал верующим Германии: "То, что я не мог в силу печальных обстоятельств, оказавшихся сильнее меня, поеддерживать с вами тесную и постоянную связь... явилось для меня самого печальной неожиданностью и источником глубокого и горького сожаления...", однако, продолжает он, "ныне я вернулся в Святую Землю с новыми силами и значительно приободрюсь Духом". В тот же день он послал письмо французским бахаи: "Отныне, отдохнувший и полный оптимизма, я приступаю к своим нелегким трудам", пишет он и в Японию: "Долгие часы уединения и размышлений подошли к концу"; он пишет, что никогда не сомневался, "что мое неожиданное исчезновение из поля активной деятельности... не погубит нежные ростки ваших надежд". Он совершенно ясно дает понять, что его "неожиданное исчезновение" было необходимо: "Хотя период этот и несколько затянулся, - писал он в Америку 16 декабря 1922 года, - я, с рассветом этого Нового Дня, отчетливо чувствую, что это необходимое уединение, несмотря на временные неурядицы, которое оно могло повлечь, намного превзойдет по своим результатам любую службу, которую я мог бы смиренно принести к Вратам царствия Бахауллы". В своем уединении Шоги Эффенди отметил первую годовщину со дня кончины Учителя; оказаться в подобном положении в Хайфе, в гробнице Абдул-Баха вряд ли было бы ему под силу в первый год его в должности Хранителя.

"С чувством радостной уверенности", по его собственным словам, Шоги Эффенди предался теперь своей работе. Некоторые врожденные черты его характера, которые заставили одного из верующих написать ему, когда он еще учился в Бейрутском университете, "Ваше улыбающееся лицо всегда передо мной", - теперь вернулись к нему. Подтверждение тому - кипа телеграмм, которые он отправил 16 декабря 1922 года, в день своего возвращения практически всем бахаи мира; точные копии их я привожу из его собственных архивов:

Персия

"От всей души молюсь, чтобы Бог Сил, после моего вступления на стезю Служения, вновь благословил Своих отважных воителей в этой избранной Земле".

Америка

"Поступательное движение Дела продолжается и никогда не может быть остановлено. Молю Всемогущего, чтобы мои обновленные усилия при вашей неутомимой поддержке привели наконец к славной победе".

Великобритания

"Утешенный и полный сил, я присоединяю свои скромные усилия к вашим неустанным стараниям в борьбе за Дело Бахауллы".

Германия

"Неразрывно связанный с вами в своих помыслах, я с радостью и надеждой буду продолжать крепить активные связи в пожизненном служении Царству Бахауллы".

Индия

"Пусть наша встреча на славной арене служения докажет, что дух вашей страны способен быть знаменосцем великих побед".

Япония

"Полный уверенности и новых сил, ныне протягиваю вам через далекие моря руку братского сотрудничества в Деле Баха".

Месопотамия

"С новым рвением, отдохнув, ожидаю от вас радостных вестей в Святой Земле".

Турция

"Вернувшись в эти святыне благословенные места протягиваю вам руку дружбы в служению Делу Бахауллы".

Франция

"В ожидании радостных вестей от вас в Святой Земле".

Швейцария (эта телеграмма была отправлена 18 декабря)

"Молю моих швейцарских друзей по-прежнему полагаться на мою поддержку после возвращения в Святую Землю".

19 декабря он отправил еще две телеграммы:

Италия

"Передайте мои итальянским друзьям мои наилучшие пожелания в связи с моим возвращением в Святую Землю".

В Данн

"С любовью ожидаю благих вестей от австралийских друзей в Святой Земле".

Помимо этого Шоги Эффенди послал телеграммы еще несольким родственникам, в которых ясно видны его решимость, рвение и которые невольно трогают сердце пылкостью его молодых чувств. 18 декабря он телеграфировал своей тетке, совершавшей поездку по Египту: "Твердо и окончательно взял бразды правления в свои руки. Ужасно скучаю по вам. Сообщите о своем здоровье". В тот же день он направил телеграмму своему двоюродному брату: "Вновь вступил на стезю служения. Всемерно полагаюсь на твою поддержку", и еще одному из своих дальних родственников в тот же день: "... с доверием полагаюсь на твое сотрудничество".

Будучи человеком крайне педантичным, Шоги Эффенди в те первые годы аккуратно хранил все копии своих писем; позже груз работы и назнообразных проблем мешали ему делать это, однако до конца жизни он хранил копии всех телеграмм с пометой номера и даты. За несколько месяцев, проведенных в Святой Земле в 1922 году, он отправил письма в шестьдесят семь стран Востока и Запада. С 16 декабря 1922 года по 23 февраля 1923 он обращался в 132 места, причем в некоторые не по одному разу. В письме от 16 декабря 1922 он пишет: "Отныне с нетерпением буду ждать радостных вестей о развитии Дела и о расширении вашей Деятельности и незамедлительно делиться с верующими здесь и в других странах долгожданными новостями о поступательном ходе Дела". В этот период

корреспонденция его охватывала 21 страну и 67 городов, однако самих корреспондентов насчитывалось не более двух десятков, причем многие из них не были бахаи. Страны, с которыми он переписывался в первые годы своего служения, включают Персию, Францию, Англию, Германию, Италию, Швецию, Швейцарию, Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, острова Тихого океана, Японию, Индию, Бирму, Кавказ, Туркестан, Турцию, Сирию, Месопотамию, Палестину и Египет.

Со свойственными ему энтузиазмом и добросовестностью сразу же после своего приезда из Великобритании Шоги Эффенди уселся за письмо своим английским друзьям:

Дорогие мои братья и сестры в Боге!

В самом начале этого моего первого письма к вам я хочу искренне передать вам словами, как бы несовершенно они ни были, горячее желание, снедавшее меня в дни моего отсутствия, поскорее вернуться и, взявшись с вами за руки, приняться за великий труд упрочения, ожидающий каждого честного верующего в Дело Бахауллы. Счастливое чувство переполняет меня теперь, когда я могу с постоянством и силой держать в руках нити моих многообразных обязанностей, горечь разочарования, которое я всякий раз время от времени испытывал в истекшие утомительные месяцы, чувствуя свою неподготовленность, сменилось нынешним радостным ощущением, что физически и духовно я ныне лучше подготовлен к тому, чтобы принять на свои плечи груз ответственности Дела... Мне трудно даже выразить вам, какое радостное и благодарное чувство я испытал, услышав весть об организации Национального совета, основная цель которого заключается в том, чтобы направлять, координировать и согласовывать разнообразную деятельность друзей...

Заканчивая письмо, он уверяет их, что "с неизменной преданностью и обновленными силами" нетерпеливо ждет от них новостей, и ставит простую подпись "Ваш брат Шоги". В следующем письме от 23-го того же месяца он пишет им: "На протяжении последних месяцев я с нетерпением жду первых письменных посланий от моих западных друзей, с тех пор как они узнали о моем возвращении в Святую Землю". Он сообщает, что первое полученное с Запада письмо пришло от английского верующего, и продолжает: "От всего сердца надеюсь, что теперь, когда я вновь приступил к своим занятиям, я смогу предложить вам свою суромную помощь и совет в чрезвычайно важной работе, ожидающей вас в ближайшее время". В частном письме к родственнику, написанном 20 декабря, он исповедуется в своих глубочайших чувствах: "Воистину труд мой огромен, обязанности мои серьезны и разнообразны, но уверенность, которую внушают мне слова всеведущего Учителя, являются моим прибежищем и поддержкой на пути, который открывается моему взору".

23 декабря в первом письме, обращенном к недавно избранному Национальному собранию Америки, он пишет: "То, что в силу непредвиденных и неизбежных обстоятельств я не мог поддерживать с вами переписку с тех пор, как вы приступили к вашим разнообразным и сложным обязанностям, служит для причиной глубокого сожаления и печального разочарования". Это слова человека, пробудившегося от кошмара и теперь измеряющего глубину той бездны скорби, в которую он был ввергнут на протяжении последнего года своей жизни. "Тем не менее, - пишет он дальше, - меня поддерживает никогда не оставляющая меня уверенность - что бы ни случилось с борьбе за Дело Божие, какими бы неприятными ни оказались немедленные последствия этих событий, безграничная Мудрость заключена в них и в конечном счете они способствуют развитию Дела в мире".

В этих ранних письмах он предлагает членам Собраний писать ему и просит их уведомлять о своих "нуждах и желаниях, планах и ежедневной деятельности", чтобы он мог "своими молитвами и братской поддержкой хоть в малой степени содействовать успеху их славной миссии". Он прочувствованно благодарит за то, что его "скромные предложения" были выполнены, и уверяет друзей в своей "постоянной братской помощи".

Когда бахаи узнали из его телеграммы, что Хранитель вернулся в Хайфу, поток писем стал стекаться сюда со всех концов света. Однако как бы это ни вдохновляло и ни радовало, Шоги Эффенди оказался в довольно затруднительном положении, о чем он ясно говорит в письме к своему троюродному брату, написанном в первые годы его служения: "Одна из наиболее тяжелых проблем - моя частная переписка. Подражать примеру Учителя было бы самонадеянно с моей стороны и невозможно ввиду быстрого расширения Движения. Если же я буду писать одним и прерву переписку с другими, то, уверен, постепенно это приведет к трениям, неудовольствию и даже враждебности, поскольку вы сами прекрасно знаете, сколько многие из друзей жду многого, между тем как сами делают мало. Полностью прервать личную переписку, положившись на косвенные послания, составленные моими помощниками и секретарями, самому же писать, обращаясь непосредственно к Собраниям - тоже не решит проблему. Буду весьма благодарен услышать вашу точку зрения на эту головоломную проблему. Последний вариант имеет один явный недостаток - прекращение всех личных контактов с друзьями". В январе 1923 года Храниетль написал германским верующим, что "из-за чрезвычайно быстрого роста Движения во всем мире" он не может переписываться лично со всеми верующими Востока и Запада, поскольку "это будет отнимать слишком много времени и энергии и не позволит уделять должного внимания другим обязанностям, столь срочным и жизненно важным в наши дни. Посему я с большой неохотой вынужден буду довольствоваться прямой перепиской с каждой группой бахаи в любом месте, будь то город или небольшая деревушка, координируя их... деятельность через Национальное собрание..." В ноябре 1923 года эта проблема продолжает волновать его. Он пишет в Британское национальное собрание, что "уделяет ему самое заботливое внимание" и заверяет, что "ни одно письменное послание, сколь бы важным оно ни являлось, будет в первую очередь вскрыто и прочитано лично мною", в 1926 году он пишет : "Я настолько обременен разными заботами, что порой прихожу в отчаяние, и с превеликим трудом выкраиваю время для частной переписки".

Многие годы, на протяжении почти тридцати шести лет, вопрос о том, как же все-таки справиться с перепиской, волновал Хранителя; в конце концов он решил не отказываться отвечать на частные письма, особенно приходившие из западных стран, и стран, где появлялись новые верующие, поскольку с болью узнал, что Собрания не всегда оказывались достаточно мудры в обращении с людьми, оказывались неспособны помочь им залечить их раны и проявить свою активность в делах Веры. Эта частная переписка с отдельными верующими не всегда вызвала удовольствие у национальных организаций, считавших, что информация о важных событиях, прежде чем доходить до простых верующих, должна соответствующим образом официально отфильтровываться. В письме, написанном от лица Хранителя его секретарем в 1941 году и направленном в Национальное собрание, мы находим его объяснения собственной политики в подобных случаях: "Шоги Эффенди неоднократно заявлял верующим во всех странах мира, что все бахаи располагают полной свободой писать ему по любому удобному им поводу; естественно и он также свободен отвечать им в любой удобной ему манере. В настоящее время, когда Институты Дела только еще приступили к своей деятельности, он считает принципиально важным поддерживать эту обширную переписку, сколь бы обременительна она ни была. Иногда случается, что он узнает о том или ином важном шаге, могущем повлиять на интересы Веры, из частного письма, а не от Собрания; естественно, было бы предпочтительнее, чтобы сведения поступали из официального органа, но, каков бы ни был источник, Хранитель заботился исключительно о благе Веры, и если какой-либо шаг кажется ему пагубным, то он заявляет о своей позиции. В данном случае он полностью свободен поступать так".

"Сейчас, - пишет Шоги Эффенди Тьюдору Поулу в 1923, - здоровье мое окончательно поправилось, и я активно занят своей работой". Конечно же, переписка была далеко не единственной областью его деятельности; помимо этого "он был занят с несколькими

паломниками, посетившими в эти дни Святое Место". Он привык в эти первые дни своего служения проводить регулярные встречи в доме Абдул-Баха. В декабре 1922, пять дней спустя после возвращения он пишет: "Я в полной мере познакомил этих паломников и проживающих в Святой Земле друзей с вашими новостями во время наших встреч в бывшей приемной Учителя". Заботясь о гостях, разделяя с ними трапезу в Доме западных паломников, стоявшем напротив дома Абдул-Баха, навещая Усыпальницы Баба и Учителя вместе с восточными друзьями и часто заходят к ним на чашку чая в близрасположенный Дом восточных паломников, Шоги Эффенди одним этим уже посвящал достаточно времени и внимания улучшению и расширению Всемирного Центра Веры. 9 апреля 1922 года начались работы по строительству нового Дома западных паломников, планы которого, разработанные еще при жизни Абдул-Баха, Шоги Эффенди теперь активно воплощал в жизнь. Во время первого Ризвана, хотя Шоги Эффенди ненадолго уехал в то время из Хайфы, обе Усыпальницы, Бахауиллы и Баба, были озарены электрическим светом, следуя указаниям Учителя, сделанным перед кончиной, но вновь при участии и под контролем Шоги Эффенди. Уже во время визита мистера Рими в марте 1922 года Шоги Эффенди подробно обсуждал с ним различные возможности окончательного сооружения Гробницы Абдул-Баха, местоположение будущего Храма Бахаи на горе Кармель и общий план благоустройства местного ландшафта.

Пожалуй, это была самая приятная часть возложенных на него высоких обязанностей, хотя и она требовала от него огромного количества времени и энергии. Но что доводило его до полного изнеможения и отчаяния, так это деятельность нарушителей Завета. В день своего возвращения в Хайфу он писал: "Уже ... страшные предвидения Абдул-Баха касательно нарушителей Завета сбываются самым поразительным образом!" Положение продолжало непрестанно ухудшаться; в феврале 1923 он почувствовал, что необходимо телеграфировать в Америку: "Регистрируйте всю почту. Уведомьте друзей", из чего можно заключить, что он не был уверен, что вся корреспонденция доходит до него. В январе он написал Хусейну Афнану: "Полагаю, из прошедшего опыта вам известно, что я стою за абсолютную искренность и скрупулезнейшую справедливость во всем, что касается интересов Дела, и как бескомпромиссно отношусь я к врагам Движения, чьи злобные и неустанные усилия один лишь Господь может пресечь". Человек, которому были адресованы эти строки, внук Бахауиллы и племянник Абдул-Баха, сам в недалеком будущем стал видным сторонником нарушителей Завета; три его брата женились на трех внучках Учителя - две из них приходились сестрами самому Хранителю, - и это способствовало такому немислимо запутанному переплетению родственных чувств, обманам и ненависти, что в конце концов в конфликт была вовлечена вся семья Абдул-Баха и Шоги Эффенди потерял всех своих родственников. В этот момент сквозь облик во многом наивного юного Хранителя просвечивает стальная воля государственного человека, Защитника Веры и Заступника Верующих, которого Абдул-Баха оставил Своим последователям как величайший подарок, как Свое самое большое сокровище. Под конец уже цитированного письма Шоги Эффенди заверяет Афнана: "С чистым сердцем я смело гляжу вперед и различаю безошибочные признаки того, что вы с желанием и решимостью будете отстаивать Дело Учителя. и всячески избегать нарушителей Завета". По словам самого Шоги Эффенди, ему приходилось вершить свои труды "опалемым жгучим дыханием ненависти, задыхаясь от праха, поднятого от земли нападками неусыпного врага".

Положение Веры нуждалось в установлении прочных отношений с мандатными властями. Абдул-Баха был хорошо известным и высокоуважаемым человеком, однако маловероятно, чтобы хоть кто-либо в Палестине на единый миг мог себе представить, во что выльется "Движение", о чем Он Сам так часто говорил в дни, когда был избран его Главой. 19 декабря 1922 года Шоги Эффенди телеграфировал Верховному комиссару Палестины: "Примите мои лучшие пожелания и знаки моего личного к Вам расположения после моего возвращения в Святую Землю к своим обязанностям". Поскольку в городе

явно ходили слухи и сплетни, усердно раздуваемые нарушителями Завета, касательно восьмимесячного отсутствия Шоги Эффенди, то телеграмма в Иерусалим была с его стороны не только жестом вежливости, но и тщательно взвешенным шагом.

Однако более всего Шоги Эффенди волновала судьба Усыпальницы Бахауллы в Бахджи. Ключи от внутренней Гробницы по-прежнему находились у властей; право доступа в другие части Усыпальницы было предоставлено в равной мере бахаи и нарушителям Завета; смотритель-бахаи занимал свою должность как и прежде, и в целом положение продолжало оставаться крайне неопределенным. Шоги Эффенди не знал покоя до тех пор, пока, благодаря его постоянным представительствам, которые он направлял властям, поддержке и энергичному давлению со стороны бахаи всего мира, ему не удалось вновь взять опеку над Святой Могилкой в собственные руки. 7 февраля 1923 он писал Тьюдору Поулу: "Я имел долгую беседу с полковником Саймсом и полностью изложил ему точное положение дел, громкий глас всей Общины Бахаи и ее неколебимую решимость отстаивать Волю и Завещание Абдул-Баха. Недавно он отправил Мухаммаду Али послание, в котором просит выделить сто восемь фунтов на содержание полицейского, полагая, что, раз инициатива по захвату Гробницы исходила от него, то и расходы должен понести он. Тем не менее он не дал окончательного ответа на мою просьбу, и я ожидаю дальнейшего развития событий с глубоким беспокойством".

На следующий день Шоги Эффенди получил от своего двоюродного брата из Иерусалима такую телеграмму:

Его Преосвященству Шоги Эффенди Раббани, Хайфа.

Письмо получено предприняты незамедлительные шаги окончательное решение Верховного комиссара нашу пользу ключи ваши.

Упоминаемое письмо - письмо губернатора Акки, сэра Гилберта Клейтона, посланное им Верховному комиссару. В своем письме Тьюдору Поулу Шоги Эффенди сообщает, что он в очень дружественных отношениях с губернатором Хайфы, полковником Дж. Стюартом Саймсом, и несколько раз встречался с сэром Гилбертом; совершенно очевидно, что именно благодаря этим контактам власти приняли решение в пользу Хранителя, и ключи были официально возвращены законному смотрителю-бахаи, у которого их силой отобрали более года назад.

Однако хотя безопасность киблы мира Бахаи была теперь обеспечена раз и навсегда, дом Бахауллы, занятый багдадскими шиитами, по-прежнему находился в руках врагов Веры и продолжает оставаться в их власти по сей день; борьба за возвращение его под опеку бахаи долгие годы служила для Шоги Эффенди источником серьезного беспокойства.

Всякий, кто подробно вникает в какой-то определенный период жизни Хранителя, испытывает сильный соблазн сказать, что именно он был наихудшим, и это понятно, поскольку все его служен перенасыщено трудностями, напряженными ситуациями, огромными нагрузками. Но есть промежутки, точки, когда напряжение это возрастало или, напротив, спадало. 1922, 1923 и 1924 годы, в том что касается его личной жизни, представляют из себя героическую попытку вступить в схватку с "левиафаном" - Делом Божиим, - которое ему повелели обуздать. Вновь и вновь оказывался он сброшенным наземь. Раздираемый сомнениями в собственной способности быть преемником Абдул-Баха, борясь с самим собою, как то делали перед ним столькие Избранные и Пророки, оспаривая в глубине души свою судьбу, отрекаясь от своего креста, взывая к Богу, дабы Тот облегчил его страдания - он ничего не мог поделать. Бессильно бился он в сетях могучего Завещания Учителя. Намеки на это мы находим во многих письмах: "отчаянные порывы бури, налетевшей на меня после кончины Абдул-Баха..." "Я же, со своей стороны, оглядываясь назад... на злосчастные обстоятельства: недуги и физическое истощен, соповждавшие первые годы моего служения Делу, чувствую, сколь малы мои заслуги, и был бы решительно в отчаянии, если бы не ободряющая память и вдохновенный пример кропотливых и неустанных усилий, которые мои собратья во всем мире прилагали в эти

два решающих года для служения Делу". В другом письме он пишет: "... оглядываясь на мрачные дни моего затворничества, отравленные чувством тревоги и тоски... я очень хорошо представляю себе степень беспокойства, нет, отчаяния, охвативших мысли и души всех преданных слуг Возлюбленного в эти долгие месяцы неопределенности и гнетущего молчания..."

То, что его собственное состояние, невозможность соответствовать тому высокому положению, которое определил для него Учитель, угнетали его больше всего на протяжении многих лет, явствует почти из каждого письма. Еще в сентябре 1924 года он написал: "Скорблю по тем плачевным эффектам моих вынужденных и частых отлучек... моего продолжительного отсутствия, которые не могли не сказаться на общем положении дел, однако думаю, что мою страшную пассивность можно отнести не только за счет внешних проявлений дисгармонии, неудовольствия и неверности, как бы ни сковывали они мою работу, но также и за счет моих собственных несовершенств и слабости". С самого начала труднейшей его задачей было поверить в себя.

В начале лета 1923 года Шоги Эффенди снова покидает Хайфу, чтобы поправить здоровье и обрести успокоение среди одиночества горных вершин Швейцарии. Но в отличие от прежних лет, когда он, с помощью писем ли телеграмм, постоянно старался держаться в курсе дела, это был еще один окончательный уход, бегство в пустыню, вопрошания души, поиски единения с собою и со своей судьбой, чтобы наконец обрести силы вернуться к обязанностям своей высокой должности. Вернувшись в ноябре 1923 года, 14 числа того же месяца он направил американским верующим письмо, в котором после слов об очередном "вынужденном" отсутствии звучит фраза, дающая ключ к тому, что действительно творилось в его душе в те дни. Он пишет о "дивных откровениях Возлюбленной Воли и Завещания, столь поразительных в каждой подробности, столь возвышенных в своих наставлениях, что они бросают вызов и способны смутить самые глубокомысленные умы..." Разве можно усомниться, что и его ум был смущен? При великой скромности своей натуры, с одной стороны, и не менее великой веры в Учителя - с другой, столь характерных для Шоги Эффенди, он, безусловно, много думал о требованиях Завещания и о том, какой должна быть линия его собственного поведения теперь, когда "после долгого и ненарушимого молчания" он возвращался, чтобы вновь приняться за "служение Делу Бахауллы".

На этот раз он постарался вернуться точно к дню, когда отмечалась вторая годовщина вознесения Учителя. Событие это глубоко волновало его, что видно из телеграмм, которые он рассылал в разные страны, везде упоминая "о горестных воспоминаниях", и "скорби и тоске", которые вызывала в нем эта дата. В Персию он телеграфировал: "Сегодняшняя беспросветная скорбь возвестит о заре нового дня для нашей возлюбленной Персии". На протяжении многих лет, во многих своих посланиях он подчеркивал важность этой годовщины и связанные с ней ассоциации; она всегда затрагивала в нем глубокие и трагические воспоминания. Помню, как после тридцать пятой годовщины смерти Абдул-Баха Шоги Эффенди не уставал повторять: "Понимаешь ли ты, что я несу этот груз уже тридцать шесть лет? О, как я устал!"

Используя сравнение, можно, пожалуй, сказать, что крылатый Хранитель из хризалиды, из кокона детства перешел в новое состояние; быть может, ему не удалось полностью расправить крылья, но биение их становится все более могучим и уверенным, и воистину они начинают отбрасывать тень на все человечество. В его ранних сочинениях мы видим постепенный рост мастерства, совершенствование стиля, все большую отточенность и силу мысли. Давайте возьмем наугад несколько фактов и цитат, чтобы наглядно проследить эту эволюцию. С самого начала он обращался к верующим с той трогательной, доверительной интонацией, покорявшей все сердца, прося их молиться за него, чтобы в сотрудничестве с ними он смог достичь "по возможности скорой победы Дела Божия" во всех странах. Он бросает вызов, мысль его всегда пронизательна:

"Неужели мы позволим увлечь себя потоку пустых, противоречивых мыслей или же мы останемся неколебимо стоять на вечной скале Божественных Предначертаний?"

"... неужели мы поверим, что все, постигающее нас, предначертано свыше, а не есть плод нашего слабодушия или небрежения?" Еще в 1923 году мир и Дело видятся ему двумя разными началами, которые не следует сентиментально смешивать в единое целое, сваливать в одну кучу. Он уверяет, что Волю Господню "на время могут затмевать бессильные учения, жестокие теории, досужие измышления, модные концепции этого беспокойного, мятущегося века".

Снова и снова в письмах этих лет Шоги Эффенди упоминает, что долг каждого - "внести свою лепту и помочь заблудшему, страдающему миру". В письме одному из друзей он проводит в высшей степени знаменательное разграничение: "Настало время, когда друзьям... следует подумать не о том, как им помогать Делу, а о том, какие услуги Ему более Угодны". Что ж, мы вправе и до сих пор сомневаться в значении этих слов. Каковы нужды Дела, в каком направлении оно развивается, каковы его цели?

Интерес Шоги Эффенди к островам Тихого океана и понимание роли развития Дела в этой районе проявились уже в первые годы. В январе 1923 года он отправил на острова Тихого океана послание, составленное в нежных, романтических выражениях, где писал, что "даже самые имена их вызывают в нас столь возвышенное чувство надежды и восхищения, что ни жизненные невзгоды, ни течение времени над ними на властно", а в письме, датированном январем 1924, обращается к дорогим и возлюбленным Абдул-Баха в Австралии, Новой Зеландии, Тасмании и прилегающих землях: "Друзья и глашатаи Царствия Бахауллы! Свежий ветер, пропитанный благоуханием вашей любви и преданности нашему возлюбленному Делу, вновь донесся от далеких южных берегов в Святую Землю, напомнив всем нам о том неугасимом духе служения и самопожертвования, которое кончиан нашего Возлюбленного заставила ярко вспыхнуть во всех уголках земли".

Слова из письма к Американскому духовному собранию от декабря 1923 года словно бы обращены к самому себе: "Неисповедимая мудрость Божия уже столь ясно заявила о себе, что мы, те, кто призван нести величайшую в мире весть страдающему человечеству, должны вершить свой труд в тяжелейших условиях, посреди окружения, на поддержку которого рассчитывать не приходится, перед лицом небывалых испытаний, и без всяких дополнительных средств, или влиятельной поддержки - медленно, но верно стремиться к тому, чтобы завоевать и возродить людские сердца". Многим из этих ранних писем, обращенных к разным Духовным Собраниям, присуще это качество: перед нами не столько подробное философское рассуждение, сколько плод глубинных мучительных раздумий. В том же месяце он пишет: "... воистину, работа наша, особенно в сравнении с феноменальным ростом и развитием дел земных, продвигается мучительно и медленно, однако мы твердо верим и никогда не усомнимся в том, что великая духовная Революция, которую Всемогущий призвал нас произвести в сердцах человеческих, медленно, но верно приведет к полному возрождению всего человечества". "Сколь бы велико ни было наше смятение, какие бы неожиданные невзгоды ни поджидали нас в жизни, будем помнить, какой пример оставил нам Он (Учитель), и, вдохновленные и благодарные, будем нести наш крест со стойкостью, дабы в грядущем мире, пред ликом и в божественном присутствии нашего возлюбленного Утешителя, мы могли получить от Него истинную награду за наши труды". "Какие бы беды ни обрушились на нас, каким бы беспросветно мрачным ни казалось нас порой будущее, стоит ший нам не отступаться от своего дела и мы можем быть уверены, что Десница Незримого содействует нам, придавая событиям и происшествиям в мире такой ход, который поможет проложить путь к конечному осуществлению наших целей и упований человечества". "Наша первичная обязанность состоит в том, чтобы своими словами и делами, своим примером и поведением создать атмосферу, в которой слова Бахауллы и Абдул-Баха, копившие силы на протяжении без малого восьмидесяти лет, созрели и принесли плод, который один только способен

обеспечить мир и процветание в этом обезумевшем мире". "... итак, да восстанем, дабы проповедовать Его Дело со всей справедливостью, убежденностью, пониманием и мощью... превратим это в главную страсть нашей жизни. Рассеемся по отдаленнейшим уголкам земли, пожертвуем нашими личными интересами, удобствами, вкусами и удовольствиями, смешаемся с людьми разных рас и национальностей; узнаем их нравы, обычаи, мысли и привычки". Тон некоторых из этих писем напоминает его великие послания, в период создания Божественного Плана, однако все они были написаны зимой 1923-24 годов. Он сам сформулировал задачу - явить Веру "яркому свету всемирного признания", употребив это выражение в том же году.

С детства проникшись духом Учения, имея и редкую и почетную возможность читать и переписывать труды Учителя, Шоги Эффенди твердой рукой направлял западных и восточных друзей по предназначенному пути. Еще в марте 1922 года, в письме к американским верующим он заявил: "... друзьям Господа, где бы они ни жили, строго запрещается вмешиваться в дела политические". В самых ранних письмах он еще употребляет слово "первопроходец", а в 1925 перед ним - список центров Бахаи по всему миру!

Несмотря на то, что он описывал как "мой тяжкий и тернистый путь", несмотря на "груз ответственности и заботы, ставший моим нелегким жребием и моей почетной обязанностью", он ясно выражал и блестяще понимал нужды Дела и задачи, стоящие перед верующими. Подобным же образом он четко определял отношения, которые хотел установить между собой и верующими мира. 6 февраля 1922 года он пишет одному из персидских бахаи: "Невзирая на то, чем мне удастся стать в будущем, я хочу, чтобы меня знали и я сам воспринимал себя исключительно одним из работников Его Виноградника... что бы ни произошло, я полагаюсь на Его (Абдул-Баха) чудодейственную любовь ко мне. И я ни в коем случае не желаю своими поступками, мыслями или словами воспрепятствовать течению Его укрепляющего Духа, в поддержке которого я так нуждаюсь, сталкиваясь с ответственностью, которую Он возложил на мои юные плечи..." 5 марта он сделал следующую приписку к письму в Америку: "Позволю себе также выразить искреннее желание, чтобы друзья Господа повсеместно видели во мне лишь истинного брата, объединенного с ними единством служения Святым Вратам Учителя, и обращались ко мне устно и в своих письмах исключительно как к Шоги Эффенди, ибо мне желательно быть известным под тем именем, какое пожелал дать мне ваш Возлюбленный Учитель, поскольку оно, как никакое другое, способствует моему духовному росту и развитию". В 1924 году он отправил индийским бахаи предельно краткую телеграмму: "Отмечать мой день рождения не следует". В 1930 его секретарь писал от его имени: "Касательно положения Шоги Эффенди: оно должно быть именно таким, каким Учитель определил его в Своей Последней Воле, и никаким иным. Если кто-либо превратно истолкует хотя бы один из пунктов Воли, он извратит все ее значение. "Разослав открытое письмо, известное как "Завет Бахауллы", Шоги Эффенди раз и навсегда разъяснил собственное положение, категорически отделяя положение, определенное Бахауллой Абдул-Баха: "В свете этой истины молитвы, обращенные к Хранителю Веры, обращения к нему как к повелителю или учителю, как к его святейшему, а равно и испрашивание его благословения, празднование дня его рождения или любого события, связанного с его жизнью, равноценно отступлению от истин, заключенных в нашей возлюбленной Вере".

И еще одна цитата из письма, написанного в 1945 по его поручению секретарем: "... он никогда не заходил так далеко и не запрещал своим друзьям иметь у себя свои живописные или фотографические изображения; он просто предпочитал, чтобы они уделяли больше внимания возлюбленному Учителю".

III

Первые годы в должности Хранителя

Настало время задаться вопросом: что это был за человек, писавший о себе подобные вещи, какое впечатление он производил, как выглядел в глазах окружающих?

Вот как описывает его в своем дневнике американский верующий, который виделся с Шоги Эффенди в Хайфе в марте 1922 года: "... Шоги Эффенди встретил и приветствовал меня необычайно ласково и дружелюбно. Мы не виделись восемь лет, и, разумеется, я был удивлен произошедшими в нем переменами: вместо мальчика, которого я знал, передо мной стоял еще очень молодой, но уверенно державшийся, не по летам глубокомысленный и серьезный мужчина..." Шоги Эффенди дал ему прочитать машинописную копию Последней Воли Учителя, и вот как вспоминает американец о впечатлении, произведенном на него текстом этого Документа: "... никогда не приходилось мне читать ничего подобного этому Святому документу, от которого сердце мое столь возрадовалось. Он ... указал мне точное направление, в котором я должен двигаться, и постоянный центр, вокруг коего должны обращаться все мы во все время нашего пребывания в этом мире... Царя Царей, правящего миром, покровительствующего царям, знати и простому люду". Далее он вновь пишет о впечатлении от Шоги Эффенди: "Привыкнув к мысли, что сижу за столом напротив самого Шоги Эффенди, приглядываясь к нему, я был поражен его сходством с Учителем. Это сказывалось во всем: в посадке головы, чертах, развороте плеч, походке и в манере держаться в целом. Тогда-то и почувствовал я весь страшный груз ответственности, возложенной на этого молодого человека. Меня ошеломило, что он, чья жизнь, говоря с обычной, человеческой точки зрения, только начиналась, уже принял на себя эту великую ответственность, которая должна была бы надломить его, сделать чуждым самому себе и лишит свободы и радостей человеческой жизни, которые, хотя и преходящи, обладают определенной притягательностью для каждого из человеческих существ".

В 1929 паломник-бахай из Индии писал о Шоги Эффенди: "Мы должны понять Шоги Эффенди, чтобы помочь ему справиться с огромными задачами, которые он доверил нам. Он одновременно так невозмутим и так трепетен, так покоен и так подвижен". Это лишь короткий отрывок из блестящей характеристики одной из сторон характера Хранителя. Впечатление, которое он произвел на первого американского бахаи, приехавшего в Хайфу после второй мировой войны в 1947 году, высвечивает другие стороны его натуры: "В первый же момент он покорила меня теплой, любящей улыбкой и рукопожатием, от которого мне сразу же стало легко... В процессе наших бесед я постепенно знакомился со множеством присущих ему замечательных качеств: его благородством, достоинством, пламенным энтузиазмом, его способностью мгновенно переходить от тонкой шутки к глубокому негодованию, но всегда и во всем превыше всего была для него Вера Бахаи... Не забывая о практической стороне и безукоризненно логичный, он дал мне возможность почувствовать себя одновременно долгожданным гостем и необходимым помощником, причем обрисовал некоторые из обязанностей, к которым мне следовало приступить уже завтра! Совет, который он дал мне в ту первую встречу, был - во всех моих усилиях полагаться на него; он сказал, что хочет, чтобы я подробно следовал его наставлениям, - если же меня ждет беда либо я столкнусь с трудностями, то мне следует точно доложить обо всем ему, и он предложит мне новый план действий... У работавших в Международном центре бахаи, по крайней мере в тот период, не было специального выходного дня. Тогда все понимали, что каждое мгновение принадлежит Вере..." Потом она рассказывает о том, как Шоги Эффенди за обедом делился с ними ланами на будущее, содержанием телеграмм и посланий, готовившихся к отправке, а иногда показывал хранившиеся у него бесценные документы: "... Взволнованно блестя глазами, мысленно весь уйдя в обдумывание новых планов, он, зачастую оставив свое блюдо нетронутым, просил принести ему бумагу и карандаш и буквально зачаровывал нас своими новыми идеями и задачами, которые предстоят Бахаи... Возлюбленный Хранитель очень не любил собственных изображений - вот почему почти все дошедшие до нас фотографии не отражают его подлинного "облика". Во-первых, выражения столь быстро сменялись на его

лице, что потребовалась бы целая серия снимков, чтобы запечатлеть их все. Истинным удовольствием было видеть и слышать, как он смеется... когда же какое-то начинание удавалось успешно довести до конца, он сиял и лучился, как звезда. А какое у него было чувство юмора! Он был подобен высокой горе, могучий, незыблемый, но непокоренный, вздымающийся все новыми вершинами, разхверзающий новые бездны... он был до крайности скрупулезен и учил всех нас новому чувству совершенства и внимания к деталям... он собственнически входил во все расходы... Вся статистика, касающаяся Дела, заботила и вдохновляла его... Непостижимо было, как ему удается охватить разом деятельность Бахаи, начиная от "простых людей" вплоть до Всемирного центра..."

Муж этой верующей, тоже удостоившийся чести работать во Всемирном центре, в письме к американскому верующему, написанном в 1948 году, так описывал свои личные впечатления о Хранителе как о человеке: "Хотя мне и не часто приходилось сталкиваться с восточными людьми, должен сказать, что мало кто из них способен сравниться с Шоги Эффенди. Можно только поражаться широте его ума и его силе. Обладая железной волей и пламенным темпераментом, он в то же время в высшей степени привлекателен, мил, способен к пониманию, сострадателен и заботлив, как никто. Поистине, ему нет равных. Другого такого человека я не знаю. Как бы мне хотелось, чтобы и все бахаи удостоились чести узнать его, как узнали мы с Глэдис. Перу моему не под силу описать его в качестве Хранителя. Как ревностно должны трудиться все бахаи во имя этой великой личности! Бремя его велико".

А вот очень подробные и тонкие заметки паломницы, видевшей Шоги Эффенди в 1956 году: "Лицо его красиво, в нем столько чистоты и выразительности; порою оно непроницаемо, а порою смягчается нежной и величественной улыбкой... Огромные серо-голубые глаза... Нос отчасти остался таким же, как на фотографиях детства, отчасти приобрел твердость очертаний, как нос Учителя. На вид ему не дашь шестидесяти, скорее, лет сорок семь - сорок восемь. У него небольшие, тронутые сединой гладкие усы. Линии рта - твердые и чистые, зубы поражают ослепительной белизной. Улыбка его озаряет вас ни с чем не сравнимой благодатью... В общении он совершенно прост и прям. Сам он отнюдь не требует всех обычных в таких случаях почестей, но в присутствии его невольно робеешь. Он неизменно любезен и никогда не выходит из себя, слыша вопросы человека несведущего. Однако он никогда не скрывает от людей, какие вопросы важны, а какие нет, а на какие даст ответы в будущем Всемирный Дом Справедливости..." Она пишет также, что Шоги Эффенди председательствовал за столом "так просто и в то же время с истинно королевским величием - ведь только великий король может позволить себе быть простым!.. Иногда он напоминал мне могучий локомотив, тянущий за собой длинную-длинную вереницу вагонов - разумеется, не с мертвым грузом, хотя иногда и с полуживым! Я имею в виду тех верующих, которых надо постоянно обхаживать, уговаривать, побуждать, подталкивать к действию. Возлюбленный Хранитель видит далеко наперед все нужды, нехватку времени, бытовые трудности и проблемы. Он увлекает нас вслед за собою как мощный светоч. И, подобно локомотиву, он может двигаться быстрее или медленнее, но он не может уклониться от своего курса, он ДОЛЖЕН следовать по пути, определенному свыше. Глядя на него, чувствуешь, что это - совершеннейшее орудие, как бы лишенное личных качеств, но сверхчувствительное к любой мысли, реагирующее на любую обстановку. Мысль его невозможно поколебать. На нем ни в малейшей степени не сказываются личные предпочтения, дружба, деньги, приятные или неприятные ощущения. Он абсолютно выше всего этого... Хранитель также без обиняков сказал, что сейчас не время развивать эзотерическую часть Учения - напротив, Мы должны быть активны и позитивны и завершить десятилетний Крестовый поход... Он беседует и рассуждает, доводит свою мысль до конца и вдруг, одним движением, аккуратно складывает свою салфетку и встает... никакими средствами невозможно передать красоту Хранителя и исходящее от него свечение. Если он улыбается вам или бросает на вс один их тех быстрых пронизательных взглядов, то вы

чувствуете, как вся душа переворачивается в вас... он всегда заводит речь о Деле, касаясь темы десятилетнего Крестового похода. Если поступают хорошие новости, у него неизменно улучшается настроение, и наоборот, если новости дурные, он впадает в глубокое уныние... Ему нравится слушать, как восхищаются красотой Садов и Усыпальниц, тем, как они расположены, но при этом он уклоняется от признания собственных заслуг и не любит выслушивать хвалы в свой адрес... мы безуспешно старались запечатлеть в памяти его излюбленную манеру, подметить все до единого оттенка выражения на его лице, всегда бесстрашном и одновременно удивительно переменчивом... Увы, "лучезарная натура" Шоги Эффенди слишком часто затмевалась тенью неразумного поведения друзей, их вопиющего неповиновения или пренебрежения к его указаниям. И каждый терзался вопросом - кто и нас когда-либо и в чем-либо хоть раз не подвел его!?"

Я привела эти отрывки, потому что, как мне кажется, они так выпукло обрисовывают облик Хранителя, словно я вижу его собственными глазами. Не помню Абдул-Баха, которого никогда сама не видела, поэтому не могу поручиться за сходство, однако многие из старых бахаи утверждают, что оно явно. А теперь - несколько впечатлений о Хранителе Дела Божия, уже из моих собственных дневников.

"По своему темпераменту Шоги Эффенди - делатель, строитель, организатор и ненавидит отвлеченные умствования!.. Ни у кого из наблюдавших Шоги Эффенди не возникло и минутного сомнения, что он недостаточно подготовлен к этой стадии Дела, я же полагаю, что он был создан для того, чтобы делать именно то, что делал. Он - самый поразительный пример чловека одной направленности из всех мне известных. Все: его характер и вкусы, симпатии и антипатии - глубоки и интенсивны. Он словно некое тело, перемещающееся с огромной скоростью в одном направлении, что делает его движущие силы практически неисчерпаемыми. Ничто не устоит перед его настойчивостью; силы его всегда собраны воедино. Он хочет лишь одного, причем страстно желает его немедленного, полного и совершенного осуществления. Чтобы Храм - был построен, новая дорожка в саду - проложена. Он налетает как ураган и никогда не бросает дело, пока оно не закончено. Только вперед! Это поразительно. Ему нравятся зеленые лужайки, красные и белые тропинки, красные цветы герани, кипарисы и, конечно, еще разные вещи, но все это вовсе не значит, что ему нравится любое дерево и любой цветок. Нет, именно этот и именно здесь. То же - с едой, с некоторыми красками, с одеждой, ему нравится немного, нечто вполне определенное, но нравится страстно, до самозабвения, и ничего другого ему не нужно! И эта его почти узость, настойчивость, сфокусированная вокруг одной - двух тем, позволили ему за двадцать лет заложить основы Дела. Человек с католическими склонностями и темпераментом никогда не смог бы сделать этого!"

"Что-то в характере Хранителя - чувствительнее самого чувствительного сейсмографа - определяет глубже, чем интеллект, и не только по внешним данным, состояние человека, даже то в нем, о чем он сам, может быть, и не догадывается. Думается, мы должны использовать его как ориентир и указатель, и, если он определяет хотя бы малейшее отклонение в нас, то мы обязаны обратиться к себе, пока не узнаем, в чем дело". Мы вполне можем задаться вопросом - а не может ли он всегда служить нам указующим перстом, не найдем ли мы, внимательно читая его сочинения, указаний на наши индивидуальные, национальные или расовые изъяны, и, учтя их, действовать соответственно? "Шоги Эффенди, - писала я, - отзывается на правду, как безупречный камертон". "Он - Хранитель, и природа его отношений с Богом естественно - тайна, таинство. Он способен проникнуть в таинство, способен истолковать самые загадочные, мистические места в Писаниях, он способен трактовать о самых сокровенных предметах - он ощущает внутреннее побуждение к этому".

"Бахаулла был Пророк. Все дела Его и слова так необходимы сегодня миру. Учитель был живым воплощением Его мощи и Его учения. Он привнес в мир понятие служения в истинном смысле, понятие добра и религиозной жизни в ее наивысшей нетленной форме.

Затем понадобилось что-то новое; и в этот самый момент... многие, включая членов семьи Учителя и некоторых верующих, утратили правильную перспективу происходящего. Они хотели второго Абдул-Баха - новых патриархов в чине Хранителя. Но Господь, видимо, задумал иначе. Пожалуй, самым моим сильным впечатлением от личности Шоги Эффенди было впечатление тела, движущегося в неизменном направлении с невероятной силой и стремительностью. Если Бахаулла сиял, подобно солнцу, если Учитель, подобно луне, струил потоки мягкого света, Шоги Эффенди - нечто совершенно иное по самой своей природе, как тело, стремительно несущееся к своей цели, отлично от чего-то неподвижного и лучащегося. Еще его можно уподобить химическому элементу. Бахаулла собрал все, в чем мы нуждаемся, Учитель смешал и приготовил раствор; затем Бог добавил к нему всего один элемент, нечто вроде универсального катализатора, чтобы целое прояснилось и могло быть использовано по назначению - это-то и есть Хранитель... он создал именно, чтобы исполнить то, что необходимо для Дела - а следовательно и для самой планеты - в наши дни".

Хотя Шоги Эффенди в своей сути останется загадкой для любого существа в мире - пока не настанет день, когда новое Явление Божие, превосходящее его, не снизойдет до нас и не объяснит нам его тайну, - мы все же много знаем о нем и имеем право с нежностью хранить о нем память, пусть и не совсем совершенную.

Несмотря на глубокую скорбь и терзания, бьющая через край мальчишеская энергия этого еще по сути очень молодого человека в первые годы служения то и дело давала о себе знать. Он всегда был деятельным и нетерпеливым по природе - характерная черта, сохранившаяся в нем до конца жизни, - но в ту пору она совершенно ясно просвечивает в его письмах и телеграммах, равно как и в частных контактах.

Единственным его личным увлечением была фотография; у него сохранилось много прекрасно, художественно снятых швейцарских пейзажей и других мест, и мне удалось найти копию написанного в 1924 году письма, адресованного некоему фотографу из маленького швейцарского городка, где Шоги Эффенди (на французском) пишет ему: "С нетерпением ожидаю, когда вы получите отправленные мной фотографии... Надеюсь, вы уже получили их. Они очень дороги мне. Пожалуйста, уведомьте меня как можно скорее открыткой. Надеюсь, все они вышли удачно... Заранее благодарю, искренне преданный..." Даже на копии значится витиеватая подпись "Шоги", хотя почерк, разумеется, чужой.

Его стремление делать все быстро, не откладывая, бросается в глаза и в области садоводства; однажды он решил разбить лужайки перед Усыпальницей Баба и на других участках принадлежавшей бахаи земли. В мае 1923 он дает телеграмму своему старому другу-бахаи в Париж: "Как обстоят дела с лужайками?" - и, не получив ответа, вновь телеграфирует десять дней спустя: "Ответа до сих пор нет. Как дела с рассадой?" Наконец рассадка была получена, однако результаты, видимо, оказались неудовлетворительными, поскольку по возвращению осенью в Хайфу Шоги Эффенди продолжил кампанию, невзирая на клятвенные заверения старого садовника Абдул-Баха, что лужайки в Палестине испокон веку никто не разбивал! 29 сентября Шоги Эффенди сообщает двоюродному брату в Египет: "Наша рассадка явно не подходит. Не можешь ли ты прислать мне тридцать килограммов наилучшей рассадки, употребляемой в Египте и годной для нашего климата с его особенностями?" Через неделю он, очевидно, получил ответ, который, однако, не понял, и телеграфировал снова: "Удивлен. Объясни подробнее письмом". Объяснение последовало, впрочем, такое же маловразумительное, как и до того, и Шоги Эффенди, решив не обращаться больше к родственникам и друзьям, 18 декабря сам, напрямую, послал запросы в четыре разные фирмы, готовившие садовников и торговавших рассадой, - одну французскую и три английских - с просьбой выслать ему цветочную рассадку, рассадку для травы, черенки и луковицы. Он пишет, что "с нетерпением ждет" ответа! Летом того же или предыдущего года он уже организовал доставку нескольких кустов, потому что в декабре телеграфирует Дрейфусам в Париж: "Кармел ждет вас обоим с букетом из орлеанских роз".

Можно предположить, что Шоги Эффенди продолжал поддерживать дружеские отношения со своими поставщиками: в январе 1925 года в написанном на французском письме он сообщает: "Посылаю вам с этим письмом некоторую сумму и покорно прошу немедленно выслать мне многолетний английский райграс для лужаек. Я очень доволен, как прижилась рассада, присланная вами раньше, и надеюсь получить новую партию как можно скорее. Дорогой сэр, заранее благодарю и заверяю в своей самой искренней признательности. Шоги Раббани". Насколько мне известно, эти лужайки были первыми, которые в таких размерах разбивались когда-либо на земле Палестины. Английской садоводческой фирме под Норвичем Шоги Эффенди пишет: "... я большой любитель цветов и садов. Прилагаю несколько фунтов - быть может, вы подберете какое-нибудь живописное растение для меня".

Сомневаюсь, чтобы Шоги Эффендид за всю свою жизнь сам вырастил хоть один цветок, или что у него возникало такое желание. Его интересовало не садоводство, а сады, и он никогда не упускал возможности посетить какой-нибудь красивый или знаменитый сад; не могу даже припомнить, сколько садов мы посетили вместе за двадцать лет жизни. Скорее всего, если где-либо оказывался сад, мы отправлялись туда и часто, год за годом, навещали один и тот же, как старого друга. В первые примерно десять лет своего служения Шоги Эффенди делал все посильное, чтобы добиться того, чтобы сады в Святой Земле производили бы не меньшее впечатление, чем те, которыми он восхищался в других странах; в какой-то год он заказал несколько тысяч луковиц из Голландии, в другой - выписал несколько сот розовых кустов из Франции; у него даже было три папоротника, которые ему прислали с островов Антиподов, однако уровень мастерства его садовников (в сочетании с естественной неприспособленностью некоторых растений таких, как эти три папоротника, нарциссы, гиацинты, крокусы, рододендроны и другие) сводил к нулю все его усилия, и в конце концов он перестл ввозить что-либо кроме травяной рассады.

При жизни Абдул-Баха, когда были большие трудности с подой, он разбил в Бахджи и на склоне горы Кармель, рядом со Святыми Гробницами небольшие сады, состоявшие большей частью из цитрусовых деревьев и цветников. Шоги Эффенди изменил, расширил и упорядочил их. Помню, когда мы с матерью в 1923 году приехали на наше первое паломничество, она указала мне на практически совершенную планировку небольшого сада, прилегающего к Усыпальнице Баба, и сказала, что это символ Административного Порядка, который Хранитель созидает на всей земле. Уверена, что подобная идея не приходила в голову Шоги Эффенди; но тяга к упорядоченности была у него была врожденной, он просто не мог бы работать иначе.

Профессор Ален Локк из Говардского университета в Вашингтоне - один из паломников-бахаи, посетиших Хайфу в первые годы служения Шоги Эффенди - так описывает свои впечатления от их совместной прогулки по садам возле Усыпальницы Баба: "Шоги Эффенди в равной степени умеет видеть часть и целое, обладает даром исполнительского предвидения и видения будущего. Однако в беседе с ним, когда мы говорили о планах разбивки террас и садов, я впервые ощутил поэзию частных, освобожденных от обыденного, тривиального смысла. Они были важны лишь постольку, поскольку все они предназначены были подчеркнуть драматизм царящей кругом атмосферы и взволновать душу посредством эмоций".

Шоги Эффенди постоянно продолжал расширять сады, и слава о них постепенно росла. К концу его жизни около 90.000 человек в год посещали их и Усыпальницу Баба. Одна из посетительниц, простыми словами выражая впечатления многих, написала ему в 1935 году, что она "глубоко поражена сдержанной красотой Усыпальниц и уместностью окружающих садов".

Каждый год он привык расширять возделанные площади вокруг Усыпальниц Баба и Абдул-Баха. Несомненно, первым толчком в этом направлении послужило никогда не покидавшее его стремление во всех областях следовать желаниям покойного Учителя. Он

знал, что Абдул-Баха собирался устроить террасы, которые поднимались бы от старой немецкой колонии к Мавзолею Баба; и действительно Учитель даже начал работы над первой террасой. Годы спустя, Шоги Эффенди сам занялся их завершением и, несомненно, изучая планы, включил в них свою концепцию садов, окружающих Усыпальницу - поскольку это именно сады, а не один сад. Чтобы понять и оценить непередаваемо прекрасный эффект, которого Шоги Эффенди добился в Бахджи и на горе Кармель, надо познакомиться с его методом.

Каждый день, когда он бывал в Хайфе, он поднимался к Гробницам, часто навещая Усыпальницу Баба или Учителя, в праздничные же дни - всегда и ту, и другие. Озирая окрестности творческим взглядом, он мысленно вносил какие-то усовершенствования. Он знал, что Абдул-Баха задумал Усыпальницу, состоящую из девяти помещений, и пристроил недостающие три с южной стороны Гробниц. Внутренняя Усыпальница Баба была обнесена двумя стенами, восточной и западной, в которых имелись де простые деревянные двери с круглыми арками, открывавшиеся внутрь и создававшие вид на Святыню, а также украшавшие интерьер. Годы спустя, он изменил отделку Усыпальницы, без каких-либо потерь сделав ее более простой и неофициальной, что в значительной мере усиливает очарование этого Святого места. Внося улучшения, завершившиеся сооружением большой наружной части здания, Шоги Эффенди изучал голые горные склоны и мало-помалу, год за годом разделял их на участки. Следует помнить, что за исключением террас у него никогда не было какого-то общего плана. Именно это и придает садам на горе Кармель их уникальный характер. Во время прогулок у Шоги Эффенди возникали мысли устроить здесь или там часть сада, соответствующего топографическому рисунку местности. Без какой-либо суеты и суматохи, не пользуясь ничьими советами, с помощью необученных крестьян, которые выступали в роли садовников, он составлял свой план того или иного "участка". Иногда он нуждался в том, чтобы провести разбивку местности, но очень часто обходился без этого.

Из живых рассказов Шоги Эффенди о том, что нового он подметил и что собирается сделать - а он всегда делился со мной впечатлениями от своих прогулок - я поняла, что метод его состоит в том, чтобы пристально вглядываться в землю, которую он собирается возделывать; рисунок сам складывался у него в уме, он обдумывал его и не только по непосредственным, полученным на месте впечатлениям, но и по рисункам, которые делал. Хотя многие идеи во всех областях его работы приходили к Шоги Эффенди в виде озарения, вплоть до того, что иногда ему удавалось в единое мгновение охватить внутренним взглядом план задуманного сада, - он с кропотливой тщательностью прорабатывал размеры и детали своих эскизов, которые делались без масштаба, иначе это отнимало бы слишком много времени, но все размеры были просчитаны и указаны. К примеру, главная аллея должна была иметь длину, скажем, 25 метров и ширину - 2 метра; окаймляла ее полоса шириной 25 сантиметров; на полосе в 1.20 метра предполагалось посадить кипарисы, расстояние между которыми должно было составлять полтора метра и т.д. Когда все было окончательно распланировано, он сам руководил работой садовников. Используя привязанные к колышкам веревки, которые обозначали прямые линии, те же веревки и колышки, с помощью которых вычеркивались окружности, пядями - расстояние между вытянутыми кончиками большого пальца и мизинца - промеряя расстояние между деревьями, используя слегка подкрашенную землю, которую насыпали для обозначения границ дорожек, и прочие подобные же нехитрые средства, часто всего за полдня удавалось полностью разметить один из участков будущего сада. Как правило, точно зная, что он намерен делать, Шоги Эффенди распоряжался, чтобы другие садовники, следуя за теми, которые проводили разметку, по мере того как на земле возникал соответствующий рисунок, не теряя времени, копали ямы для кипарисов, тут же высаживали их, устраивали клумбы и сажали цветы вдоль дорожек - и все это время сам Шоги Эффенди, продолжая свои измерения, шел впереди! Среди арабов существует присловье, что, стоит кому-нибудь надеть на палец кольцо царя Соломона и повернуть его, как все вокруг изменится

во мгновение ока. Один из работников-арабов обычно приговаривал, что Шоги Эффенди, должно быть, нашел кольцо Соломона!

Трудно понять, почему большинство людей делает все так медленно, когда у Шоги Эффенди все получалось так быстро. Наивный лепет насчет "воли Божией" лично мне кажется недостаточным объяснением. Полагаю, что великим людям все и видится крупно, маленькие же - путаются в мелочах. Будучи истинно велик и ясно отдавая себе отчет в том, что именно он собирается делать, Шоги Эффенди не понимал, почему куча ничтожных мелочей - к примеру, обыкновение, дав подчиненным инструкции, затем предоставлять им самим себе, - должна помешать ему довести дело до конца, все - за один раз. Он организовывал все безукоризненно, и таким же быстрым и безукоризненным было исполнение; все, что он мог сделать сам, он и делал сам. Проволочки и неудачи случались обычно, когда он поручал работу другим.

Шоги Эффенди было присуще безупречное чувство меры. Он сам всегда говорил, что не умеет рисовать в воображении; иными словами, способность художника, закрыв глаза, мысленно представить себе законченное произведение, не принадлежала к числу его талантов. Но когда он видел эскиз и сам прорабатывал размеры, изучая участок земли, пропорции никогда его не подводили. Именно сочетание пропорциональности и оригинальности, не подавленной традицией либо излишком информации, делают его сады такими ни на что не похожими, такими восхитительно прекрасными. Если (как заявлял он сам) он не обладал зрительным предвидением, то ему в весьма сильной степени было присуще иное качество истинного художника - способность заставить вещь обратять форму под своими руками, вдохновляться в самый разгар работы, чтобы затем отдаваться бурному потоку этого вдохновения, освобождаясь от пут заданной цели.

Здесь еще проявилось еще больше, чем в его работе на участках, окружающих Усыпальницу Бахауллы в Бахджи. По его замыслу, Святая Гробница и примыкающий Дворец должны были стать как бы осью огромного колеса. Он приступил к работе после того, как переговоры с Израилем были завершены в 1952 году и более 145.000 кв. метров земли были закреплены за Святой Гробницей, чтобы компенсировать невозделанный каменистый участок, составляющий около четверти большой окружности, обращенной к Усыпальнице. Наняли бульдозер, и Шоги Эффенди надолго переехал в Бахджи, чтобы лично руководить работами.

На периметре окружности стоял полуразрушенный одноэтажный домишко, и Шоги Эффенди, желая получше рассмотреть всю площадку, поднялся на его крышу. Разница в высоте давала совершенно иной вид, и он починил стены и крышу, ведущую на крышу деревянную лестницу перенесли наружу, а внутри устроили офис и оборудовали место для обработки корреспонденции. Наблюдая за ходом работ с этого нового капитанского мостика, он в совершенно новой перспективе увидел Усыпальницу, расположенную посреди голой равнины. Это навело его на новую мысль; так как в процессе выравнивания была произведена большая выемка грунта, он распорядился сдвинуть всю эту массу на восток в виде высокого бруствера, поднявшись на который можно было бы видеть всю расстилающуюся перед глазами местность, похожую на красивый узорчатый ковер. Результат настолько понравился Хранителю, что он распорядился устроить не одну, а две террасы, по высоте приближавшиеся к небольшому холму.

В целом это было характерно для отношения Хранителя к Делу Божию, которое он призван был защищать, и, когда наконец новый участок обрел соответствующий вид, украшенный лужайками и цветочными клумбами, и фонарные столбы встали вдоль красивых красных дорожек, он тут же решил перенести место встречи гостей, рассаживая их вдоль полукруглой дорожки, обращенной к Усыпальнице, примерно в ста метрах от того места, которое предназначалось заранее. Я ничего не знала об этом изменении его планов и, вернувшись после собрания тем же вечером в Хайфу, спросила о нем у Шоги Эффенди. Он ответил, что "из-за уважения к Усыпальнице" отодвинул площадку для встреч несколько дальше от ее стен. С тех пор все собрания в Бахджи включая

посвященное Вознесению Бахауллы, которое проводится после полуночи, устраиваются на этом новом месте.

После кончины Хранителя, во исполнение его собственной воли третья терраса вознеслась над первыми двумя, завершив таким образом великолепный ансамбль садов Усыпальницы. Это означало, что исходный замысел "колеса" полностью изменился, так как теперь устроить сходящиеся к единому центру дорожки было невозможно. Так Шоги Эффенди не раз менял свои планы, на месте, собственными глазами убедившись в возможности создать нечто еще более прекрасное и достойное.

Шоги Эффенди □- так же как и Учиетль до него - обожал свет. Мрачные интерьеры он просто не выносил. Любовь к яркому освещению была в нем столь сильна, что я часто выговаривала ему за то, что он работает при слишком яркой настольной лампе, свет которой бьет прямо в глаза. Его комната всегда была залита ослепительным светом, все помещения Усыпальниц, большие и малые, ярко освещены, и одно из первых его нововведений как Хранителя заключалось в том, чтобы над дверью в Усыпальницу Баба, обращенной к террасам, и на ведущей к морю аллее вдоль подножия горы были установлены яркие светильники. Припоминаю, что в 1923 горожане подсмеивались над этим и спрашивали, отчего все это и зачем. Несомненно, что это побудило фанатичного христианина по имени Думит несколько лет спустя соорудить на крыше своего дома, находившегося недалеко от Гробницы Баба, большой светящийся крест, что не только не раздражало Шоги Эффенди, но, напротив, он говорил, что крест напоминает ему цветок в бутоньерке Усыпальницы!

Шло время, и вот уже сады Бахджи и Хайфы озаряли красивые фонари - на каждом из металлических столбов их было по четыре; девяности девять установили в одном лишь Бахджи. Когда их зажгли в первую ночь в честь праздника Ризван в 1953 году и мы подъезжали к Бахджи на машине, небо светилось, словно над небольшим городком! Хранитель сказал персидским паломникам, что свет сиял здесь всегда, но теперь это был "двойной свет". (На фарси здесь - тонкая игра слов, намекающая на то, что Бахаулла - тоже свет, светоч). Кроме того, Усыпальница в Хайфе по ночам освещалась прожекторами, так же как место упокоения Пресвятого Листа, матери и брата Абдул-Баха, а мощные отражатели подсвечивали здание Международных архивов.

Во всем, что бы он ни делал, Хранитель был скрупулезно точен, абсолютно не полагаясь на случай и в очень малой степени - на мнение своих сотрудников. Один из бесчисленных примеров тому - тщательность, с какой он всегда определял дату очередной годовщины Откровения Бахаи в Хайфе. Поскольку в датах лунного календаря имеется определенное расхождение - в некоторых случаях оно зависит от времени восхода молодой луны - Шоги Эффенди всегда очень заботился о том, чтобы точно установить время весеннего равноденствия; в случае, если оно происходит раньше определенного часа, Новый год Бахаи падает не на 21-ое, а на 20-е марта. Есть телеграммы, как, например, эта, которую он отправил в 1923 году своему двоюродному брату в Бейрут: "Уточни и телеграфируй точное время весеннего равноденствия". Несомненно, он считал, что в Американском университете располагают более точной, научной информацией. В 1923 он посылает телеграмму своему брату, который в ту пору учился в то же университете: "Узнай приблизительное число населения Римской империи в первые два века после Рождества Христова..." Но не только точность и аккуратность отличали его: с пронизательностью действительно большого писателя он понимал, что приведенные в нужном месте факты могут возыметь эффект драгоценного камня в ювелирной вещи - на нем все держится. Возьмем, к примеру, такой весьма прозаический факт, как тот, что пролив Мак Мердоу в море Росса расположен на 77-ом градусе южной широты; но когда Шоги Эффенди сообщил верующим, что книги Бахаи отправлены в Американскую антарктическую экспедицию с базой в проливе Мак Мердоу, и указал точную широту, все вдруг разом оживилось, погрузившись в волнующие романтические мечты!

В 1924 году Шоги эффенди предпринял решительное усилие, чтобы наконец покончить с одной из стоящих перед ним проблем. Он уже доказал своим недоброжелателям, что отнюдь не слаб и, несмотря на тяжелое положение, в котором оказался после кончины Учителя, не утратил ориентира и способности рассуждать здраво. В одном из писем читаем: "Трудно порвать с некоторыми нравами и обычаями прошлого и, учитывая необходимые требования и изменения на новом этапе развития Дела, превратить разнородную массу верующих, столь отличных друг от друга по своим взглядам и привычкам, в единую семью". Тем не менее он продолжал делать это, и весьма успешно. Более всего он нуждался в Хайфе в новых помощниках. Его отец едва знал английский; из троих его двоюродных дядюшек у двоих было свое дело в Хайфе, третий - жил в Египте. Старший из двоюродных братьев и родной брат - работали и учились. Хотя некоторые из членов семьи Абдул-Баха и оказывали ему помощь, объем работа, связанных с Делом, постепенно расширялся, и Шоги Эффенди уже предпринял перевод многих писаний на английский и пересылал их на Запад. Помимо этого его переписка росла, что становилось реальной проблемой. В январе 1923 он писал лондонским бахаи: "Присутствие сведущего помощника в моей переводческой работе в Хафе было бы весьма кстати и крайне желательно, и я хотел бы, чтобы члены Совета, рассмотрев дело, прислали на время кого-нибудь из английских друзей, кто мог бы помочь мне в этой наиважнейшей работе".

На призыв Шоги Эффенди откликнулся не кто иной, как его любимый друг д-р Эсслемонт. Он жил и работал в Хайфе, помогая Шоги Эффенди, вплоть до своей безвременной смерти 22 ноября 1925 года. У него уже были проблемы со здоровьем, и после кончины Учителя, в феврале 1922 он телеграфировал Шоги Эффенди: "Понемногу поправляюсь завещание получил искренне ваш". Связь между ними была очень тесной, и, когда Эсслемонт так неожиданно для всех скончался, Шоги Эффенди отправил его родственникам телеграмму: "Потрясены и скорбим в связи с неожиданной кончиной возлюбленного горячо любимого друга Эсслемонта. Все усилия оказались тщетны. Заверяю в искренних соболезнованиях от своего лица и от имени бахаи всего мира. Подробности письмом". Четыре дня спустя он писал им: "Не будет преувеличением сказать, что я не нахожу нужных слов выразить чувство личной утраты в связи с кончиной моего дорогого друга и соратника Джона Эсслемонта". Эсслемонт был не только выдающейся фигурой в международном движении Бахаи, автором книги, которая, по словам Шоги Эффенди, "станет источником вдохновения для грядущих поколений" (имелась в виду работа "Бахаулла и Новая Эра", ныне переведенная почти на сотню языков), но - лично для Шоги Эффенди - также и "душевнейшим из друзей, верным советчиком, неутомимым помощником, милым и приятным человеком", тесная связь с которым - тем, на кого он возлагал "глубочайшие надежды", так неожиданно оборвалась. Хранитель оплакивал друга своей студенческой поры, но, как и всегда, несмотря на личные переживания, положение вынуждало его исполнять обязанность Хранителя. Он немедленно телеграфировал в Англию, Америку, Германию, Персию и Индию с просьбой к верующим выразить свое сочувствие близким Эсслемонта, никто из которых не был бахаи, а также провести специальные памятные собрания. Более того он посмертно возвел его в ранг Десницы Дела.

Приезд д-ра Эсслемонта в Хайфу не только не разрешил стоявшие перед Шоги Эффенди трудности, но лишь еще больше разбередил его и без того истерзанное сердце. В январе 1926 года Шоги Эффенди жалуется на "тяжкий груз ответственности, ставший одновременно моей почетной участью", на "непрестанный тяжкий труд, беды и печали", на "тернистую тропу многотрудных забот и обязанностей". Через четыре месяца он пишет Хорасу Холли: "Я всегда испытывал сильнейшее желание иметь рядом с собою в Хайфе такого помощника, как вы. Смерть д-ра Эсслемонта явилась для меня тяжким ударом, однако надеюсь, что здешние обстоятельства и обстановка за границей помогут мне организовать работу в Хайфе на более систематической основе. Выжидаю благоприятного часа". Письмо было написано в мае. В сентябре он снова обращается к Хорасу, прося о

помощи и повторяя: "Как необходим мне здесь, рядом, подобный работник, столь же сведующий, исполнительный, методичный и внимательный, как вы. Понимаю, что в настоящий момент вы не оставите вашу должность, да и не можете это сделать. Какое-то время нам в Хайфе придется обходиться самим".

В промежутке между этими двумя письмами, когда Шоги Эффенди находился в Швейцарии, он писал Ипполиту Дрейфусу-Барни 30 июня 1926 года: "Я по-прежнему нуждаюсь в способном, надежном, трудолюбивом, методичном, опытным секретаре, который сочетал бы литературный дар с признанным положением в мире Бахаи. Доктор Эсселмонт - лишенный предрассудков, скрупулезный, преданный, скромный и чрезвычайно способный - был, безусловно, наилучшим из таковых. Скорблю об этой утрате... Думается, способный, скрупулезный секретарь, всем сердцем преданный своей работе, и двое советников, которые достойно и преданно представляли бы Движение в особые случаях, вкупе с двумя восточными членами Движения, чуткими и знающими, помогли бы мне увереннее встать на ноги и способствовали бы высвобождению сил, которые приведут Дело к его неизбежному торжеству... Не могу подобрать более точных слов, поскольку память моя в последнее время сильно ослабла".

Хотя письма эти носили частный характер, видно, что Хранитель не делал секрета их своих проблем; в октябре 1926 года он пишет в Америку, что "растущее значение и сложность работы, которая необходимо должна направляться из Святой Земли, усиливает чувство абсолютной необходимости создания в Хайфе чего-то наподобие Международного секретариата бахаи, который в роли советника и исполнителя помог бы мне в моих обширных и изнурительных трудах". Далее он пишет о том, что тщательно обдумал этот важный вопрос" и просил трех представителей из Америки, Европы и Персии приехать в Святую Землю, чтобы обсудить с ним меры, отвечающие требованиям сегодняшнего времени; он утверждает, что это не только поможет ему, но и укрепит связи между Всемирным центром и остальными верующими, а также явится предварительным шагом на пути к созданию "Первого Всемирного Дома Справедливости". Уже в мае он написал одному из тех, кого имел в виду в предыдущем письме: "Сможете ли вы вместе с Х. присоединиться ко мне будущей осенью в Хайфе? Стоящие передо мной проблемы крайне сложны, деликатны, и я ощущаю необходимость в сведущих, бесстрашных и надежных сотрудниках... Впрочем, прерываюсь, поскольку с трудом могу собраться с мыслями".

Сотрудничество, которое Шоги Эффенди рисует в этом письме, никогда не осуществилось, несмотря на его усилия; большое здоровье, события, происходящие внутри Движения, семейные и деловые осложнения, включая личные, внутренние проблемы - все способствовало тому, чтобы он оставался в одиночестве, лишенный сведущих помощников, как то и было еще в 1922 году, когда он впервые приступил к исполнению обязанностей Хранителя. К одному из тех, чью кандидатуру он наметил, он обращается в феврале 1927 года: "... надеюсь, вы присоединитесь ко мне в моих трудах, как только это будет возможно и удобно для вас". В сентябре он снова пишет к этому же другу, которого болезнь удерживала дома: "С тревогой обращаю я свой взгляд на работу, предстоящую мне этой зимой, поскольку понимаю, сколь велика и обширна она и как тяжело будет мне без подручных. Как я уже писал, одних собраний недостаточно - мне нужно тесное, постоянное сотрудничество с целью проведения мер, необходимых для расширения и укрепления Дела. Пока же буду придерживаться прежней моей линии в работе, которая, как мне представляется, имеет второстепенное значение и вполне могла быть поручена секретариату..." И вновь он пишет тому же верующему в октябре, что "в настоящее время делаю все, что в моих силах". Строки из январского письма 1928 года: "Все вопросы застыли на мертвой точке, и я с нетерпением ожидаю помощи от сведущих, верных и опытных людей".

Сердце сжимается от боли, когда читаешь эти письма Хранителя. Он уже не тот молодой человек и не так сломлен горем, как в первые годы своего служения; он ясно видит нужды

Дела, возможности, которым мог бы располагать, имей он помощников, чтобы посвятить себя чему-то более существенному, - но все тщетно: люди, которые ему нужны, либо попросту не могут, либо не хотят оставить свои дела и перебраться в Хайфу. В письме одного индийского паломника ситуация обрисована кристально ясно, и нет сомнения, что ясность эту внес сам Шоги Эффенди, так как в его обыкновении было говорить начистоту со всеми бахаи, посещавшими Святую Землю.

В письме от 15 июня 1929 года этот верующий сообщает: "Шоги Эффенди хочет, чтобы, прежде чем у нас появится какая-либо иная международная организация, в Хайфе был создан международный секретариат, но эта идея до сих пор не осуществлена из-за нехватки в должной мере способных и преданных верующих..."

Вопрос этот повис в воздухе, пока в 1951 году не был создан Международный совет Бахаи. Шоги Эффенди вплотную столкнулся с суровым фактом: никто не оказывал ему фактической поддержки во всех его предприятиях и начинаниях, поэтому впредь он решил полагаться исключительно на себя. Он взял на себя всю работу и делал ее, привлекая в качестве секретарей членов семьи Учителя. постоянно сталкиваясь со все усиливающимся пренебрежением с их стороны, смиряясь с бесконечной рутинной мелкой и более крупных дел, принимая свою судьбу со смирением, часто с отчаянием, но всегда решительно и твердо. Воистину можно сказать, что он в одиночку утвердил во всем мире Веру своих Божественных Предков и доказал, что принадлежит к той же высшей касте.

В те же самые годы, когда Шоги Эффенди прикладывал столько усилий, чтобы собрать вокруг себя группу сведущих сотрудников, разразился кризис неслыханной силы. Море Дела Господня, бичуемое извне ветрами судьбы и случая, теперь разбушевалось, и волны его нещадно обрушились на Шоги Эффенди, истощая его ум, силы и нервы. Благословенный Дом в Багдаде, где когда-то жил Бахаулла и который, по словам Шоги Эффенди, Он заповедал как "святой и лелеемый предмет паломничества и поклонения бахаи", еще при жизни Абдул-Баха с помощью гнусных махинаций был захвачен шиитами, но затем возвращен британским властям законным хранителям. когда известие о кончине Абдул-Баха достигло законренных врагов Веры, они снова возобновили свои нападки и предъявили требования на Дом. В 1922 году правительство отняло ключи Дома, несмотря на заверения короля Фейсала в том, что он чтит притязания Бахаи на здание, которое представители их общины занимали еще со дня отбытия Бахауллы из Багдада; теперь же Его Величество по политическим причинам отказался от своих слов и в 1923 ключи были снова несправедливо возвращены шиитам. Начиная с дней, непосредственно последовавших за кончиной Абдул-Баха, до ноября 1925 года бахаи не прекращали борьбу за Пресвятой Дом. Шииты сначала подали дело в собственный церковный суд, откуда оно скоро было передано в мировой суд, а затем предстало перед местным судом первой инстанции, принявшем решение в пользу бахаи. После чего это решение поступило в Высший апелляционный суд Ирака, который вынес окончательный вердикт, на сей раз в пользу шиитов.

Когда Хранителя уведомили об этом факте вопиющего попрания справедливости, он немедленно призвал весь мир Бахаи к ответным действиям: он направил девятнадцать телеграмм отдельным верующим и национальным организациям Персии, Кавказа, Туркестана, Ирака, Японии, Бирмы, Китая, Турции, Москвы, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Соединенных Штатов, Германии, Австрии, Франции, Великобритании и островов Тихого океана. Суть его указаний сводилась к тому, чтобы бахаи письменно и по телеграфу выражали свой протест Верховному комиссару Ирака. Персию и Северную Америку, где общины бахаи были особенно многочисленны, он просил о том, чтобы помимо прямого протеста местных собраний Национальные собрания не только вступили в контакт с Верховным комиссаром, но и прямо обратились к иракскому королю Фейсалу и британским властям в Лондоне. Собрания Индии и Бирмы тоже должны были выразить протест лично королю, однако не обращаться в Лондон. Таким странам, как Франция и Китай, с их сравнительно малочисленными общинами, Хранитель советовал собирать под

протестами подписи отдельных верующих. Указания обнаружили в Шоги Эффенди прирожденного стратега. В телеграммах, обращенных к миру Бахаи, он утверждал, что положение сложилось "опасное" и может иметь "самые серьезные последствия"; все требует "безотлагательных действий во имя защиты духовных притязаний бахаи на дорогое их сердцам, возлюбленное Место", это "священное прибежище", "Святой Дом Бахауллы". Он советовал даже, в каком именно тоне следует обращаться к властям: восточные верующие должны были "пылко, но и учтиво", "в твердых, недвусмысленных выражениях", со всей искренностью взывать к "уважению своих духовных притязаний" и к "свойственному англичанам чувству справедливости", в то время как верующие Запада - настаивать на том, что "срочно требуются незамедлительные эффективные меры... решительно протестуя против явной судебной ошибки, взывая к восстановлению попорченной справедливости, утверждая духовные притязания бахаи... и заявляя о своей решимости сделать все посильное, дабы защитить свои святыне и законные права". Скрупулезный во всем, Шоги Эффенди советовал американцам сделать так, чтобы послания местных собраний "были составлены предпочтительно в разных выражениях".

Разосланные за полгода сотни телеграмм и постоянная переписка с представителями, сотрудничавшими в деле защиты Пресвятого Дома, в полной мере и по сути свидетельствуют о том, насколько Шоги Эффенди был озабочен этой проблемой. Получив известия о решении Апелляционного суда, едва ли не первое, что он сделал - телеграфировал Верховному комиссару в Багдаде: "Приведенный в замешательство мир Бахаи с удивлением взирает на неожиданный вердикт, вынесенный судом относительно прав владения Домом Бахауллы. Памятуя о том, как долго находились они во владении Святым Обиталищем, они отказываются поверить в то, что Ваше превосходительство смирится со столь явной несправедливостью. Они дали себе торжественную клятву решительно отстаивать свои права. Ныне они взывают к возвышенному чувству чести и справедливости, которым, как они твердо полагают, руководствуется ваша администрация. От имени семьи сэра Абдул-Баха Аббаса и всей общины Бахаи - Шоги Раббани". В тот же день он дал телеграмму убитому горем смотрителю Дома Бахауллы: "Не печальтесь, Все в руке Божией. Пребудьте уверены".

В последующие месяцы во многих телеграммах Шоги Эффенди встречаются фразы типа "ни на йоту не отступать в деле, связанном с Домом". Он неоднократно обращался ко многим выдающимся личностям, не исповедующим Веру, и постоянно согласовывал свои усилия с помощниками в различных частях света. Прошло около месяца, и Шоги Эффенди обращается по телеграфу к нескольким Национальным собраниям, прося их "в мягких выражениях" снова обратиться к Верховному комиссару относительно "результатов расследования", которое обещали предпринять британские власти. Сражение казалось проигранным: политические и религиозные силы Ирака выступали в союзе и отказывались подчиняться какому бы то ни было давлению, в том числе и давлению со стороны британских властей.

Тем не менее Шоги Эффенди не желал мириться с поражением и не складывал оружия до тех пор, пока дело о Святом Доме не было представлено в Лигу Наций на рассмотрение Постоянной мандатной комиссии в ноябре 1928 года; мандатные власти поддержали право бахаи на владение Домом, а Мандатная комиссия рекомендовала Совету лиги потребовать от британского правительства сделать запрос правительству Ирака, что оно исправило ошибку и восстановило справедливость по отношению к бахаи в данном случае. В период с 1928 по 1933 год бахаи продолжали настаивать на своем, но безрезультатно ввиду отсутствия рычагов необходимых для принятия решения, в то время как влияние шиитов внутри Ирака было таково, что им не составляло труда заставить правительство уклониться от его принятия.

Краткий пересказ этих событий не дает никакого представления о ежедневном напряжении, сопряженном с ними, о колебаниях между надеждой и отчаянием, о постоянной смене настроения в зависимости от добрых или дурных вестей, изматывавшей

силы и надрывавшей сердце. Почти сразу вслед за решением Апелляционного суда умирает д-р Эсслемент. В такую критическую минуту потеря друга была вдвойне тяжким ударом для Хранителя.

Целую неделю до этого Шоги Эффенди рассылал послания бахаи всего мира по поводу еще одного глубоко беспокоившего его в то время вопроса. До него дошли слухи о том, что останки одного из видных деятелей сионизма собираются привезти в Святую Землю и предать подобающему захоронению на горе Кармель. Ввиду этого Шоги Эффенди обратился к верующим с просьбой о пожертвованиях для немедленного приобретения земель вокруг Гробницы Баба, с целью обеспечить неприкосновенность Святого Места. Отклик оказался настолько поразительным, что уже меньше, чем через месяц, Хранитель мог уведомить Общину о том, что великодушная и щедрая поддержка ее членов достигла цели, однако несомненно, что пусть и не надолго этот инцидент новым тяжким грузом лег на его плечи.

Столь тяжела была эта ноша, что в феврале 1926 он писал одному из верующих: "Я с головой погрузился в море дел, разнообразных забот и тревог. Мозг мой перегружен, и я чувствую, что становлюсь нерасторопным, что работа валится из рук из-за этой умственной усталости". Положение стало настолько серьезным, что он вынужден был уехать, взяв короткий "отпуск". "Непосильный груз ответственности и забот, - писал он в конце марта, - принудили меня уехать в то самое время, когда ... я с нетерпением и тревогой ожидал приезда моих друзей и сотрудников из разных частей света". Он действительно был болен, когда покидал Хайфу и ожидавшихся гостей, но, каким бы ни было его состояние в феврале и марте, его можно считать благополучным на фоне той депрессии, в которую он погрузился, получив из Персии зловещую телеграмму, посланную 11 апреля из Шираза: "Двенадцать друзей в Джахrome пали как мученики возможно дальнейшего распространения волнений", - на что он в тот же день ответил: "Потрясен неожиданным ужасным событием. Деятельность прекратить. Обращайтесь к центральным властям. Передайте родственникам искренние соболезнования". В этот же самый день он отправил в Тегеран послание столь значимое для духа Веры, что на фоне событий в Джахrome его никак нельзя оставить в стороне: "Искренне предлагаю всем верующим Персии Туркестана Кавказа принять добросовестное участие в новых выборах в Духовные собрания. Никто из истинных бахаи не должен остаться в стороне. Результаты немедленно направлять в Святую Землю с мест через центральные собрания. Действовать осторожно. Молю о помощи свыше". На следующий день, получив более подробную телеграмму из Шираза с рядом предложений, в том числе - арестовать зачинщика беспорядков, Шоги Эффенди телеграфирует в столицу: "Скорбим о мучениках Джахрома. Передайте Его Величеству от имени всех бахаи и от меня лично нашу глубокую благодарность за своевременное вмешательство и наше искреннее согласие в том, чтобы зачинщики ужасных злодеяний были подвергнуты немедленному наказанию. Поторопите все персидские собрания с отправкой подобных же посланий". Косвенным, но немаловажным указанием на его внутреннее состояние может служить то, что в первых телеграммах он передает название местечка - "Джахром", то есть в фонетическом написании, и лишь впоследствии транслирует - "Джахрум".

Какое значение все это имело для Шоги Эффенди, видно из письма к одному из его сотрудников, датированного 24-ым апреля. Уведомив о полученных от него письмах, Хранитель далее сообщает, что задержался с ответом из-за очередного приступа "злополучного недуга, разыгравшегося на этот раз с особой силой, и тягостных известий, полученных из Персии, о мученической гибели двенадцати наших друзей в городе Джахрум к югу от Шираза. Я, - продолжает он, - запросил о всех подробностях и немедленно сообщу в центры бахаи, как только получу достаточную информацию. По всей видимости, политические мотивы и личное соперничество сыграли не последнюю роль... Я передал послание шаху через Национальное духовное собрание Персии... Я также обратился с просьбой к собраниям за границей в по возможности мягких

выражения предать гласности эти известия в соответствующих газетах, однако полагаю, что вступать в прямой контакт с шахом им пока преждевременно... Печально и прискормно думать о том, что бахаи, и без того подвергавшиеся стольким унижениям, в настоящее время бессильны и беспомощны в своих попытках обеспечить себе необходимую помощь со стороны признанных властей. Видимо, за тщетностью их усилий стоит некий божественный замысел". В телеграмме тому же лицу, две недели спустя, Шоги Эффенди сообщает, что "глубоко удручен".

В письме от 21 мая к тому же верующему он пишет о своих сокровенных мыслях: "Сейчас я слишком устал, чтобы самому приниматься за какую-либо серьезную работу. Напала апатия, я стал раздражителен, и дело валится из рук... Попробую отлучиться куда-нибудь ненадолго, если не помешает новый непредвиденный кризис. Их уже столько обрушилось на меня за последние месяцы..." Но даже в таком состоянии Шоги Эффенди довел до конца то, что считал необходимым: "Думаю, что, если мы будем терпеливы и при наличии необходимого такта, мужества и сил, сможем использовать и эти события для дальнейшего расширения Дела и в его интересах". Он поднял все силы бахаи мира на защиту гонимой персидской общины, обеспечил широкую гласность в иностранной прессе и постоянно вдохновлял многие Национальные собрания на очередные шаги в деле, касающемся Пресвятого Дома.

Такова история одного из периодов жизни Хранителя; сколько же ударов обрушилось на него всего за каких-то полгода в то время, когда он мучительно пытался обрести равновесие, чтобы достойно нести груз, возложенный на него Учителем!

IV

Марта Рут и королева Мария

Шоги Эффенди любил повторять, что его страдания всегда приносят свои плоды. Пройдя огонь очередных испытаний - и действительно казалось, что страдания опаляют его, - он выходил из них невредимым, и благие вести, дождем излившись на него с небес, возрождали его к жизни. Боюсь, таинство жертвенности по-прежнему остается для меня тайной, но очевидно, что Святые мира сего одерживают свои победы дорогой ценой.

Именно в те дни, когда несчастья и беды буквально лавиной обрушились на Хранителя, газета "Торонто Дейли Стар" в своем номере от 4-го мая опубликовала заявление румынской королевы Марии, дававшей чрезвычайно высокую оценку Вере Бахаи - оценку, за которой последовали и другие во время визита королевы в Соединенные Штаты и Канаду; высказывания ее были опубликованы почти в двухстах газетах и доставили самую широкую и яркую известность Вере за всю ее историю. В частном письме от 29 мая Хранитель пишет об этом как о "самом удивительном и в высшей степени значительном событии в развитии Дела".

Уже одно то, что румынская королева - первая из коронованных особ, принявшая Веру, - признала высокое, исключительное положение Бахауллы, само по себе является главой в жизни Шоги Эффенди и неразрывно связано со служением Марты Рут, этой, по словам Шоги Эффенди, "выдающейся служительницы Веры Бахауллы", и ролью, которую она играла в его жизни - и действительно, любой рассказ о нем будет неполным без упоминания его отношений с этой возвышенной душой. По профессии мисс Марта Рут была журналисткой и происходила из видной американской семьи. Она встретила Учителем во время Его поездки по Соединенным Штатам и, вдохновленная Его "Скрижалями о Божественном Предназначении", в 1919 году встала под знамена Веры и отправилась в свои знаменитые путешествия, проповедуя Дело, путешествия не только более далекие и длительные, чем те, какие совершал до нее кто-либо из бахаи, но и зачастую, как говорил Шоги Эффенди, проходившие при "исключительно опасных обстоятельствах". К моменту вознесения Абдул-Баха ей было сорок девять лет - вполне заурядная, если не сказать простушка, с открытым взглядом на редкость красивых ярко-голубых глаз, эта женщина настолько преисполнилась веры, что была убеждена: Бахаулла

может все и сделает все, даже если, как она любила выражаться, человек будет просто стоять и наблюдать за тем, как осуществляется Его воля. Именно ее миссионерские путешествия - четыре из них кругосветные - в сочетании с ее поистине выдающимися качествами сделали ее столь дорогой сердцу Шоги Эффенди, назвавшего ее "прообразом странствующего миссионера-бахай". Служение других верующих никогда не давало ему столь глубокого удовлетворения, как известия о триумфальных победах Марты Рут. В октябре 1926 Шоги Эффенди писал о ней: "На ее примере мы воистину можем убедиться, какие чудеса способна являть неустрашимая вера вкупе с возвышенным характером, какие силы пробуждать, к каким вершинам - подниматься".

С первых же дней служения Шоги Эффенди она не только обратилась к нему своим любящим сердцем, но и постоянно стремилась получить от него совет насчет своих планов. Не будет преувеличением сказать, что они совместно задумывали все ее предприятия, осененные взаимной сердечной симпатией и доверием, столь редким в беспокойной жизни Хранителя. Они поддерживали тесную связь: поток писем и телеграмм извещал его о ее планах, ее нуждах, победах, она просила направлять ее, и его верные советы придавали ей мужества. В его письмах к ней, кого он в 1923 характеризовал как "неукротимую и ревностную ученицу Абдул-Баха", мы вновь и вновь наталкиваемся на фразы, в которых он выражает тепло своих чувств, фразы о том, что он читает ее письма "с гордостью и благодарностью", что они, как всегда "заставили его сердце возрадоваться", что "неизменно радостно слышать о вас, возлюбленная Марта". В июле 1926, когда Марта часто встречалась с членами королевских домов Европы, он писал ей: "... пишите мне чаще и со всеми подробностями, я жажду знать досконально все о вашей деятельности и ваших достижениях. Заверяю в своей безграничной любви..."; а вот отрывок из августовского письма: "С жадностью ловлю известия о вашем триумфальном шествии на стезе служения... Прилагаю копию моего письма королеве. Не рассказывайте никому о его содержании". Но он без колебаний подлился его содержанием с тою, кто наславлял королеву в Вере. В сентябре он писал: "Рад поделиться с вами содержанием ответа королевы Румынии на мое письмо. По-моему, письмо замечательное и превосходит все наши ожидания. Произшедшие в ней перемены, ее искренний тон, пронзительная исповедь и ее мужественная позиция это действительно красноречивое и убедительное подтверждение силы непобедимого Духа живой Веры Божией и вашего великолепного служения Делу".

О степени взаимного доверия Шоги Эффенди и Марты можно судить по телеграммам, которыми они обменялись в октябре 1926 года: "Возлюбленный правильно ли я решила отбыть Португалию конце ноября пожалуйста телеграфируй". Ничто так не приоткрывает нам нежную душу Марты, как этот ласковый вздох - "возлюбленный" - в начале, который так часто, естественно и бессознательно вырывался у нее по отношению к обожаемому Хранителю. "Делайте так, как велит вам Его воля. С нежностью и любовью", - ответил он. Вскоре после этого он высылается ей 50 фунтов - мою скромную лепту в помощь вашим великолепным трудам, свершаемым во имя нашего возлюбленного Дела". И это далеко не единичный случай; он то и дело высылал ей различные суммы, чтобы помочь "вашей образцовой работе на Винограднике Господнем", "ваших длительных путешествиях, растущих расходах и вашей поразительной великой работе" - таковы его собственные слова, и, наконец, однажды, когда до него дошло известие, что она больна. Он посылал ей деньги и на перевод и издание за границей книги д-ра Эсслемонта, которую Шоги Эффенди называл руководством в Вере, - работа, которой она активно занималась и о которой он постоянно просил ее не забывать, а также и на некоторые непредвиденные расходы. Обмен подарками ни в коем случае не носил одностороннего характера. "Получил золотое кольцо от вас, - пишет Шоги Эффенди, - носил его какое-то время сам, а потом передал Пресвятому Листу... вы даже представить себе не можете, какой моральной поддержкой, утешением и ободрением являетесь для нас и в тревожной, полной скорбей жизни наших персидских собратьев. Воистину велика будет ваша награда

в грядущем! Желаю удачи!" В постскриптуме к этому письму, написанному в феврале 1929 года, он добавляет: "Получил от вас прекрасный платок и постоянно ношу его как дорогое воспоминание". Еще один типичный для характера Шоги Эффенди штрих: внезапно подумав, что передачей кольца он может обидеть Марту, он тут же спешит уверить ее в том, как дорог ему посланный ею платок! По всей видимости, они часто обменивались подарками; иногда речь шла просто о посылках: он регулярно отправлял ей книги для распределения, а в одном из писем 1931 года пишет, что высылает две пачки бумаги с оттисками Величайшего Имени, "для переписки с выдающимися людьми". Однажды она перевела ему 19 долларов в счет телеграмм, которые он посылал ей, отвечая на ее вопросы.

Вот одна из телеграмм Марты к Шоги Эффенди: "Нежнейший любимый мечтаю услышать о тебе"; а вот одно из писем к ней: "... Грядущие поколения прославят память той, что с такой энергией, не давая себе передышки, прокладывала ясный путь всемирному признанию Веры Бахауллы". Он называл ее "несравненным глашатаем Дела". Что значили ее труды и ее письма для Шоги Эффенди в первые десять лет его служения, когда, как он сам писал ей, верующие "неохотно откликались" на нужды Дела и мало кто решался вступить на стезю миссионерства, - описать невозможно. "Ваши письма ... - писал он 10 июля 1926 года, - дали мне новый запас сил, радости и ободрили в ту минуту, когда я чувствовал себя вконец подавленным, усталым и впавшим в уныние". В июне 1927 он уверяет ее, что их переписка ему вовсе не в тягость и что "... напротив, она освежает его утомленную душу и пробуждает надежду и уверенность, часто омрачаемые тягостями хлопотами и заботами". В декабре того же года, когда копия письма принцессы Ияны к Марте была получена в Хайфе, Шоги Эффенди пишет Марте о том, что оно "вызвало слезы радости на глазах Пресвятого Листа... Уверен, - продолжает он, - что вы не представляете, что вы делаете для Дела Божия!" В сентябрьском письме 1928 года, которое начинается словами: "Дражайшая, драгоценнейшая Марта" - Шоги Эффенди, упомянув, как огорчают его положение Веры в России, далее пишет: "Уверяю вас, что, если бы не ваши чувства, я чувствовал бы себя совершенно обессиленным... На этом заканчиваю - не могу писать больше, слишком устал, и нарвы на пределе. Ваш печальный, но благодарный брат". Получив от нее в ноябре пять писем (по чему можно судить, как часто они переписывались), он отвечает: "Ваши прекрасные письма, постоянно напоминающие о всемогущей власти Бахауллы, свет которой вы несете в мир вашими обширными и благословенными стараниями, необычайно укрепляют и вдохновляют меня в моей работе...", и отправляет девять драгоценных камней, и 30 долларов - "сумму столь малую, столь несопоставимую с вашими поразительными трудами..."

Она все время без колебаний обращалась к нему с различными просьбами, когда чувствовала, что это - в интересах Дела. Хранитель хорошо понимал чистоту ее намерений, полагался на здравость ее суждений и почти неизменно откликался на просьбы Марты, будь то ободряющие письма к частным лицам или телеграфные послания выдающимся деятелям. "Прилагаю письма, о которых вы меня просили", - уведомляет он ее. В свою очередь и он нередко обращался к ней за помощью, используя ее как исполненного энтузиазма проводника интересов Веры, защитника от ее врагов, прося ее посещать, а иногда и выступать своим личным представителем на различных международных совещаниях и конференциях, чьи цели и интересы были близки к принципам Бахам. Пример тому - его письмо от 12 июня 1929, адресованное "Третьей двухгодичной конференции Всемирной федерации образовательных ассоциаций", проходившей в Женеве: "Дорогие соратники по борьбе за идеалы гуманизма: посылаю мисс Марту Л. Рут, американскую журналистку и международного миссионера бахаи, в качестве международного представителя Бахаи на ваш июльский конгресс. Она представит вам мое письмо с поздравлениями вашему крупнейшему конгрессу. С наилучшими пожеланиями в вашем благородном предприятии, ваш брат и соратник

Шоги". Часто это бывали конгрессы эсперантистов: Марта Рут владела этим языком в совершенстве. Многие телеграммы напоминали отправленную Хранителем в апреле 1938 года: "Марте Рут, Бомбей, Передайте Лиге объединенных вероисповеданий мои наилучшие пожелания и успешного результата дискуссий. Да способствует Божественное Провидение достижению высоких целей и расширению достойной всяческих похвал деятельности".

В марте 1936 Марта телеграфировала Хранителю, что сестра королевы Марии умерла; на следующий день последовал ответ: "... Заверьте возлюбленную королеву в глубочайшем сочувствии..." И он и она всегда понимали, как правильно, мудро и по-доброму подойти к делу. Марта, всегда державшаяся естественно и непринужденно, была ласковой и очаровательной женщиной. Несомненно, что именно ее прямоту, простоту и благородство души так расположили к ней царя Бахауллы - Хранителя - и первую из королев, принявших Веру. В 1934 в одной из своих телеграмм Шоги Эффенди сообщает: "Наша Мария с любовью благодарит замечательные послания".

Однажды она прислала такую телеграмму: "... ваша точка зрения чтобы я на днях передала поздравления президенту Гуверу", на что Шоги Эффенди мгновенно откликнулся: "Любезно прошу передать президенту Гуверу от имени последователей Бахауллы во всем мире их пламенные молитвы за успех его выдающихся усилий в отстаивании дела международного братства и мира - дело, на ниве которого они усердно трудятся уже около века". Ровно за год до того, во время посещения Японии в ноябре 1930, происходит подобный же обмен телеграммами; Марта передает: "Возлюбленная краса телеграфируйте поздравления императору", и - немедленный, в тот же день ответ Шоги Эффенди: "Любезно передайте Его Императорскому Величеству Императору Японии от меня лично и от имени бахаи всего мира выражения нашей глубочайшей любви и заверения в наших искренних молитвах о его благосостоянии и процветании его древнего государства". Любовь порождает любовь. Великая любовь Марты к Шоги Эффенди пробудила и в нем ответное чувство, подобно тому, как бриллиант, улавливая свет, вспыхивает в ответ ослепительными лучами.

В марте 1927 Шоги Эффенди писал Марте: "... Заверяю вас, дражайшая Марта, что, где бы вы ни были - Скандинавии, Центральной Европе, России, Турции или Персии - мои неотступные пламенные молитвы сопровождают вас, и я верю, что вы обретете защиту, источник сил и руководство, дабы исполнить вашу уникальную, беспрецедентную миссию как образцовый защитник Веры Бахаи".

Хотя Марте совершенно невозможно было отправиться в Россию, она совершила поездку в Персию, такую долгожданную для Хранителя. 22 января 1930 Шоги Эффенди телеграфирует ей: "Да укрепит вас Возлюбленный в вашем триумфальном путешествии в Персию". В начале апреля, когда Марта была уже в Индии, Шоги Эффенди пишет ей в ответ на почти дюжину ее писем: "Вы полностью заслужили ту честь, любовь и гостеприимство, которое так широко проявили по отношению к вам персидские друзья. У меня скопилось столько дел после моей долгой и тяжелой болезни, что я не мог вовремя ответить на ваши письма, но мысли о вас не оставляли меня ни на минуту, особенно когда я посещал Святые Усыпальницы и преклонял голову к священному порогу". Годы шли своим чередом, Марта Рут - уже поседевшая, но все такая же хрупкая и неудержимая - продолжала свои путешествия, пока ее не поразил, по словам Шоги Эффенди, "смертельный и мучительный недуг" и она скончалась в Гонолулу 28 сентября 1939 года. Боль сжигала ее в последние недели ее путешествия по островам Антиподов, и, возвращаясь в Америку, чтобы участвовать в осуществлении первого Семилетнего Плана, она буквально сгорела как свеча, расставшись с жизнью, которую, как сказал Хранитель, вполне можно считать лучшим из плодов Века Строительства Проповеди Бахауллы.

Хорошо помню день, когда Шоги Эффенди получил телеграмму с известием о ее смерти. Он сам тогда очень болел, страдая от приступов лихорадки (температура поднималась до 104 градус по Фаренгейту), и, уж конечно, подобные новости мало подходили к его

состоянию! Но мы никак не могли скрыть их от него. Ведь он был Хранитель, а умерла - Марта Рут. Несмотря на все увещевания матери, брата и мои, он сел в постели, бледный как смерть, осунувшийся, потрясенный неожиданным известием, и продиктовал телеграмму в Америку, извещавшую о смерти Марты. Он спросил, что еще он может сделать - весь мир Бахаи ожидал, что он скажет. В своем пространном послании, помимо прочего, он сказал: "Бесчисленные почитатели Марты в мире Бахаи вместе со мной оплакивают земной конец этой героической жизни... Потомки провозгласят ее главной Десницей... первого Века Бахаи... первым и лучшим плодом Века Строительства Веры..." Он сказал, что хочет разделить расходы на ее надгробие с Американским национальным собранием, надгробие той, чьи "деяния навек прославили американскую Общину бахаи". Это была последний сумма, которую он передавал Марте за восемнадцать незабываемых лет. Другу, в чьем доме она почилла, Хранитель послал телеграмму: "... возрадуйтесь, видя ее сидящей среди Горнего Сонма..."

Но в действительности, Шоги Эффенди еще задолго до этого воздавал нежную дань уважения "несравненной" Марте Рут, "главному послу Веры Бахауллы", как он ее называл, отголоски чего мы находим в открытом письме бахаи Запада, написанном в 1929 году: "И в заключение я хочу хотя бы в нескольких словах, воздать, пусть скромную, дань уважения нашей дорогой и возлюбленной сестре Марте Рут за ее блистательное служение в качестве примерного и неутомимого проповедника Дела. Ее путешествия по разным странам мира, столь длительные, столь широкие по размаху деятельности, которую она вела, столь вдохновляющие своими успехами и одержанными победами, украсят и обогатят историю бессмертной Веры Божией. Ее первые поездки в южные пределы американского континента, в Индию и Южную Африку, на восток Азии, на острова южных морей и на север - в страны Скандинавии; ее недавние встречи с правителями и монархами Европы и то впечатление, которое ее лотважный дух произвел в придворных кругах Балканских стран; ее тесная связь с международными организациями; контакты с пацифистскими обществами, гуманитарными движениями и видными эсперантистами; и наконец, в последнее время - победы, одержанные ею в университетских кругах Германии, - составляют убедительное свидетельство того, сколь велика власть Бахауллы. Эти поистине достойные страниц летописи труды, свершенные в одиночку, в стесненных финансовых обстоятельствах и при больном здоровье, насквозь проникнуты духом непревзойденной верности, самоотречения, скрупулезности и решимости". В его глазах она была "наиболее близкой к примеру, который оставил Сам Абдул-Баха Своим ученикам во время Своих поездок по странам Запада".

Марта Рут была твердо уверена, что обладает величайшей драгоценностью, когда-либо явленной миру - Вестью Бахауллы. Она верила, что, протягивая это сокровище каждому, будь то король или простой крестьянин, она оделяет его небесной благодатью. И именно эта гордая убежденность позволила ей, женщине небогатой и без какого бы то ни было веса в обществе, простой, немодно одетой, не располагающей широким образованием или выдающимся интеллектом, узнать больше королей и королев, принцесс и принцев, президентов и знаменитых людей и рассказать им о Вере Бахаи, чем то удавалось какому-либо иному верующему за всю историю Дела. Поскольку эта книга посвящена прежде всего Хранителю Веры и его жизни, мы не можем дальше вдаваться в подробности, широко представленные в литературе Бахаи. многочисленных бесед Марты Рут с выдающимися. прославленными людьми и их реакции на Весть, которую она принесла им. Сосредоточим же наше внимание на отношениях Шоги Эффенди и королевы Марии. Марта Рут подробно описала Шоги Эффенди первую из своих восьми встреч с королевой, состоявшуюся 30 января 1926 года в бухарестком дворце Контроцени по просьбе самой королевы, после того как она получила посланную ей Мартой Рут книгу д-ра Эсслемонта "Бахауллы и Новая Эра". Королеву совершенно очевидно привлекло учение Пророка, и поэтому, когда прошел слух о том, что она собирается посетить Северную Америку, Шоги Эффенди 21 августа 1926 года через секретаря отправил Американскому

национальному духовному собранию следующие указания: "Мы прочли в "Таймсе", что королева Мария Румынская отправляется в Америку. Кажется, наше Дело серьезно заинтересовало ее. Поэтому нам следует быть особенно начеку, чтобы не допустить какой-нибудь оплошности, которая могла бы настроить ее против нас. Шоги Эффенди хочет, чтобы, в случае, если таковая поездка действительно осуществится, друзья вели бы себя крайне осмотрительно и мудро и не предпринимали никаких собственных инициатив без совета Национального собрания".

Именно во время этого визита Ее Величества, до глубины души тронутая учением Веры, с которым она постепенно знакомилась, засвидетельствовала на "прекрасном, изысканном языке", как выразился Шоги Эффенди, "силу и возвышенный характер Послания Бахауллы - в открытых письмах, широко разошедшихся по газетам Соединенных Штатов и Канады". После одного из первых же писем Шоги Эффенди почувствовал "непреодолимое желание" написать королеве, выразить ей "радость, восхищение и признательность" от себя и от имени бахаи Востока и Запада за ее благородный вклад в дело Веры. Получив первое послание Хранителя, королева ответила ему 27 августа 1926 года письмом, которое он назвал "глубоко трогательным".

Бран, августа 27, 1926

Дорогой сэр,

Была глубоко тронута вашим письмом.

Поистине, весть Бахауллы и Абдул-Баха снизошла на меня, подобно великому озарению. И, подобно всем великим вестям, она явилась в час страшной тоски, внутреннего раздора и уныния, так что семя упало на благотворную почву.

Младшая моя дочь также обрела утешение и великую силу в писаниях возлюбленных учителей.

Мы передаем весть из уст уста, и перед теми, кто слышит ее, внезапно словно вспыхивает свет, и многое из того, что было запутанным и неясным, становится простым, светозарным и полным надежды, как никогда раньше.

То, что открытое письмо пролило бальзам на раны страдающих за Дело, поистине великое счастье для меня, и я воспринимаю это как знак того, что Господь принял мою скромную лепту.

Представившаяся мне возможность выразиться публично - тоже Его Воля, поскольку обстоятельства действительно складывались в цепь, каждое звено которой нечувствительно, шаг за шагом вело меня вперед, пока внезапно все не прояснилось моему взряду и я не поняла, что было всему причиной.

Ибо так вершит Он наши судьбы.

Кое-кто из людей моего положения недоумевает и порицает дерзость, с какой я выступила с речью, не подобающей коронованной особе, но я иду вперед по внутреннему зову, которому не в силах противиться.

С преклоненной головой я сознаю, что я тоже не более чем орудие во всемогущей Деснице, но знание это отрадно.

Мало-помалу завеса поднимается и скорбь уходит. Однако и скорбь была ступенью, приблизившей меня к истине, поэтому я не поднимаю голоса против скорби!

Да будете вы и те, кто идут за вами, благословенны и да послужит вам опорой святая сила тех, кто ушел раньше вас.

Мария

В "открытых письмах" королевы Марии - не только знаменитой красавицы, но и писательницы, женщины, обладавшей сильным и независимым характером, - опубликованных в 1926 году, 4-го мая и 28-го сентября в "Торонто Дейли Стар" и 27-го сентября в "Ивнинг Булитин" в Филадельфии, находим, между прочим, и такие слова: "Какое-то время назад некая женщина принесла мне Книгу. Я пишу это слов с заглавной

буквы потому, что это - дивная Книга, повествующая о любви и доброте, красоте и силе... Рекомендую прочесть ее всем. Если когда-либо имена Бахауллы и Абдул-Баха дойдут до вашего слуха и привлекут ваше внимание, не откладывайте их писания в сторону. Внимательно вчитывайтесь в их Книги, и пусть их славные, несущие мир и созидающие любовь слова и наставления проникнут в ваши сердца так же, как они проникли в мое. Обычно человеку кажется, что день его слишком загружен делами и для религии в нем не осталось места. Либо человек может довольствоваться той религией, которая у него уже есть. Но учение этих благородных, мудрых и добрых людей совместимо со всеми религиями, и в то же время - ни похоже ни на одну. Ищите их и будьте счастливее, чем прежде". "Сначала мы все воспринимаем Бога как некое существо или нечто, отдельное от нас самих... Это не так. Ограниченные нашим земным восприятием, мы не способны понять Его - не более, чем мы можем вопринять Вечность... В Боге - все, Все Сущее. Он есть сила, кроющаяся за всеми истоками. Он - неиссякаемый источник силы, любви, добра, прогресса, успеха. Стало быть, Бог есть Счастье. Это голос в нас, указующий, где добро и где зло. Но чаще всего мы не желаем слышать или превратно толкуем его. Поэтому Он и создал Своих Избранников, чтобы они спустились к нам, на землю и уяснили нам Его Слово, Его истинное значение. Отсюда Пророки; отсюда Христос, Мухаммад, Бахаулла, ибо человек время от времени нуждается в том, чтобы на земле раздался голос Бога, чтобы острее почувствовать существование Бога истинного. Эти обращенные к нам голоса облекаются плотью, дабы мы могли нашим земным слухом услышать и понять их". Шоги Эффенди, недавно получивший из Канады копию первого "открытого письма" королевы, 29 мая писал Марте Рут, что это "заслуженное и почетное свидетельство" ее "замечательных, образцовых усилий, направленных на распространение нашего возлюбленного Дела. Оно взволновало меня и придало необычайный запас новых физических и духовных сил; это ваша великая и памятная победа, по значению своему практически не имеющая себе равных в истории Дела". В этом же письме он просит Марту подумать о том, чтобы познакомить Ее Величество с известиями о жертвах Джахрума и по возможности заручиться ее поддержкой в деле о гонениях на персидских верующих. Несомненно, что это соображение повлияло на королеву в ее дальнейших отважных высказываниях в пользу Веры; что причина заключалась в этом, видно и по ее письму к Шоги Эффенди. Новость об этой победе дошла до Шоги Эффенди накануне очередной годовщины вознесения Бахауллы в Бахджи, в то время когда, как пишет Хранитель в одном из своих писем, адресованных широкому кругу верующих: "... Его скорбящие слуги, собрались вокруг Его возлюбленной Усыпальницы, молясь об избавлении своих гонимых собратьев в Персии". "Склонив головы, - пишет далее Шоги Эффенди, - с благодарностью в сердце мы признали ту яркую и славную дань, которую Ее Величество воздала Делу Бахауллы своим эпозальным заявлением, призванным возвестить о тех потрясающих событиях, которые, как предсказывал Абдул-Баха, в конце времен явят торжество Святой Веры Божией". События эти - начало отношений Марты Рут не только с королевой Марией, но и с другими коронованными особами и членами королевских домов Европы, а также, в некоторых случаях, и их прямых контактов с Шоги Эффенди. Он не только поддерживал, вдохновлял и руководил ею в этих отношениях, но, неизменно оставаясь в рамках достоинства и хорошего воспитания, всегда будучи искренен в отношениях с людьми, тем не менее старался использовать эти контакты на службу интересам Дела, повышая его престиж в глазах общественности и уязвляя тем самым врагов Веры. Вплоть до смерти королевы в 1938 году Марта Рут поддерживала тесную связь с ней, держала в курсе деятельности Бахаи и получала от нее собственноручно написанные письма, ято являлось одновременно знаком дружеского расположения и преданности Учению Бахауллы. Шоги Эффенди и королева тоже обменивались письмами и телеграммами; однако чаще он отправлял ей послания через Марту: они были в более близких отношениях, к тому же это не затрагивало высокого положения, какое занимали Хранитель и королева каждый в своей сфере. Был к тому же и

еще один фактор, который не так-то легко сбросить со счетов: постоянное давление, которому королева в силу своего высокого сана подвергалась в родной стране - стране, раздираемой церковными и политическими течениями и во время правления самой королевы, и в период, когда она правила как вдовствующая королева - давление в целью заставить ее воздержаться от высказываний о религии, еще малоизвестной в ту пору, считавшейся людьми несведущими ветвью ислама, и отказаться от ее открытой поддержки, которую большинство не только от всего сердца не одобряло, но и считало в высшей степени аполитичной. Сама королева в своем первом письме Хранителю пишет: "Кое-кто из людей моего положения недоумевает и порицает дерзость, с какой я выступила с речью, не подобающей коронованной особе..." И действительно, от нее требовалось незаурядное мужество и глубокая искренность, чтобы неоднократно делать достоянием общественности личные чувства по поводу Веры Бахаи; однако Ее Величество писала некоторые свидетельства в пользу Веры для публикации в "Мире Бахаи". 1 января 1934 года она написала Марте, приложив к письму одну из своих статей и сообщая новости личной и семейной жизни: "Подойдет ли моя статья для пятого выпуска? Вся сложность в том, чтобы не повторять уже сказанного..." 25 октября 1927 года Шоги Эффенди пишет Марте: "Всегда рад вашим письмам... также взволнован новостями, о которых вы сообщаете, особенно о вашей замечательной беседе с королевой и принцессой. Посылаю вам несколько камней Бахаи... подарите их от моего имени королеве, принцессе и прочим членам королевской семьи, которые, на ваш взгляд, достойны этого и способны оценить подарок... Пожалуйста заверьте королеву и принцессу в нашей великой любви, в том, что молимся за их счастье и благополучие и от всей души приглашаем посетить Святую Землю, где их ждут в Возлюбленном доме". За беседой, про которую Шоги Эффенди упоминает в цитированном письме, несомненно, стоят его советы и указания, которые находим в письме Хранителя к ней от 29 июня того же года: "Надеюсь, вам удастся встретиться не только с королевой Румынии, но и с ее дочерью, королевой Сербии, и королем Борисом Болгарским, и я полагаю, вы без колебаний опишете мне все подробности, касающиеся вашей работе в такой важной области". То, что королева получила драгоценные камни и приглашение Хранителя посетить его в Хайфе, явствует из ее телеграммы, отправленной из Синайского дворца 27 июля 1927 года: Шоги Эффенди Хайфа Искренняя благодарность вам и всем вашим с кем я чувствую такую тесную духовную связь Мария Марта Рут преуспела и в выполнении второго поручения Шоги Эффенди: в мае 1928 года она пишет ей: "... Ваши замечательные исторические беседы с членами румынской и сербской королевских фамилий вдохновили и взволновали всех нас..." Раньше, в апреле, королева вместе с дочерью Иляной посетила Кипр, и в своем письме Марте Рут Хранитель сообщает, что газеты опубликовали сообщение, будто бы королева намеревается приехать в Хайфу, спрашивает, "действительно ли это входило в ее планы и не помешало ли преждевременное обнаружение ее намерений предполагавшемуся паломничеству..." Во время пребывания королевы на Кипре Хранитель направил губернатору острова сэру Рональду Сторрсу, у которого гостила королевская семья, следующее послание: "Любезно прошу передать Ее Величество королеве Румынии и Ее Высочеству принцессе Иляне от имени семьи Абдул-Баха и друзей нашу сердечную благодарность за благородный вклад, который они внесли в идеалы, одухотворяющие Веру Бахаи. Заверьте из в наших наилучших пожеланиях и глубокой признательности". Сэр Рональд передал благодарный ответ королевы и принцессы Шоги Эффенди. А вот отрывок из длинного письма, собственноручно написанного Хранителем королеве и имеющего исторический интерес:

Хайфа, Палестина, 3-е декабря, 1929 Ее Величеству Вдовствующей королеве Марии Румынской Бухарест Ваше Величество Я получил от моей сестры Бахаи Марты Рут литографированный портрет Вашего Величества, на котором вы собственной рукой милостиво соизволили написать мне краткое, но прочувствованное послание. Я буду хранить этот замечательный портрет как зеницу ока и заверяю вас, что Пресвятой Лист и

вся семья Абдул-Баха в полной мере разделяют со мной чувства живейшего удовлетворения, получив столь поразительно прекрасный портрет королевы, которую мы все знаем, которой восхищаемся и которую любим. В течение последних нескольких лет я с глубоким сочувствием следил за беспокойными событиями, происходящими на вашей любимой родине, которые, я полагаю, причинили вам немало огорчений и забот. Но какие бы беды ни осаждали Ваше Величество на вашей земной стезе, уверен, что даже в самые печальные часы вы черпали могучую поддержку и радость при мысли о том, что ваши блестящие исторические высказывания о Вере Бахаи, а также последующие свидетельства вашего милостивого заступничества и забот о ее благополучии, обеспечили убежищем и придали новые силы множеству ее верных и многострадальных приверженцев на всем Востоке. Дорогая, возлюбленная королева, вам, несомненно долженствует обретаться в царствах, о которых пророчествовал Бахаулла и куда не под силу достичь никаким земным страданиям. Сразу же по выходе в свет второго тома "Мира Бахаи", который был осуществлен Американским книгоиздательским комитетом Бахаи, я отправил прямо в Бухарест на имя Вашего Величества и Ее Королевского Высочества принцессы Иляны экземпляры нескольких наиболее недавних и популярных публикаций Бахаи. Позволю себе в будущем году подарить вам третий том этого издания, которое, я полагаю, представит интерес для Вашего Величества. Разрешите в заключение еще раз выразить чувства глубокой благодарности и радости, которую семья Абдул-Баха и бахаи всех стран мира испытывает к Вашему Величеству за благородные высказывания, способствовавшие дальнейшему развитию их возлюбленной Веры. Семья Абдул-Баха также присоединяется ко мне в том, чтобы от всего сердца пригласить Ваше Величество и Ее Королевское Высочество принцессу Иляну при любом удобном случае посетить Святую Землю и дом Абдул-Баха в Хайфе, равно как и те святые памятные места, где протекала жизнь и где творили свои героические деяния Бахаулла и Абдул-Баха. Шоги

В 1930 году Ее Величество посетила Египет вместе с дочерью Иляной. Шоги Эффенди, уже наученный печальным опытом взаимоотношений с прессой во время визита королевы на Кипр, 19 февраля телеграфировал в Александрию: "Посоветуйте Собранию, в случае если королева посетит Египет, ограничиться лишь письменным приглашением и выражениями благодарности от лица Бахаи. Письмо должно быть кратким, по возможности продумать каждое слово. Против отправки цветов не возражаю. Любой частной переписки следует строго избегать. Уведомьте друзей в Каире". В надежде, что королеве все же удастся посетить Святыни Бахаи в Палестине, Хранитель заказал копию Скрижали Бахауллы, обращенной к бабушке королевы, королеве Виктории, исполненной в лучших традициях персидской каллиграфии и снабженную цветными иллюстрациями, сделанными в Тегеране. 21 февраля он дал телеграмму в Тегеран: "Иллюстрированная Скрижаль королеве Виктории должна быть доставлена в Хайфу не позднее десятого марта на одной или нескольких страницах". Это был его подарок королеве. Не располагая никакими известиями относительно планов королевы, когда она уже была в Египте, он прямо телеграфирует ей 8-го марта: "Ее Величеству, Вдовствующей королеве Марии Румынской, на борту Мэйфлауэр, Асван. Семья Абдул-Баха вновь присоединяется ко мне, посылая любящие и искренние приглашения вам, Ваше Величество, и Ее королевскому Высочеству принцессе Иляне посетить Его дом в Хайфе. Согласие Вашего Величества посетить Усыпальницу Бахауллы и город-тюрьму Акку, помимо своего исторического значения, явится великим источником сил, радости и надежды для безмолвно страдающих последователей Веры во всех странах Востока. С самой сердечной любовью молимся за счастье и процветание Вашего Величества". Не получив ответа на свое послание, Шоги Эффенди 26 марта вновь телеграфирует королеве, расположившейся в отеле "Семирамида" в Каире: "Из опасения, что мое предшествующее письмо и телеграмма, в которых семья Абдул-Баха посылает Вашему Величеству и Ее королевскому Высочеству принцессе Иляне свои приглашения, могло быть не доставлено по адресу, мы вновь имеем честь и удовольствие пригласить вас по возможности посетить Усыпальницы Бахауллы и

Абдул-Баха и город-тюрьму Акку. Глубоко сожалеем о безответственном вмешательстве прессы". Два дня спустя Шоги Эффенди получил телеграмму от румынского посла в Каире: "Ее Величество сожалеет, что, не будучи проездом в Палестине, не сможет посетить вас". Впечатление, произведенное сложившейся ситуацией на Хранителя, он сам описывает в своем письме Марте Рут от 2-го апреля 1930 года: "Вынужден в этом письме к вам скрывать некоторые подробности, касающиеся предполагаемого визита королевы в Хайфу. К сожалению, он не состоялся. Причины мне совершенно неизвестны". Далее он пишет о том, что, несмотря на его письменное приглашение и две его телеграммы, посланные в Египет, которые он приводит полностью, единственное, что он получил в ответ, была телеграмма румынского посла (ее он тоже цитирует). Похоже, что "безответственное вмешательство", о котором пишет Шоги Эффенди в своей телеграмме к королеве, было достаточно широким и получило отклик не только в Палестине, но и в Англии и Америке. Он пишет Марте: "Репортеры, бравшие у меня интервью для "Юнайтед Пресс", в отчетах для своих газет полностью исказили все, что я им говорил. Они извратили правду. Хотел быть по крайней мере уверенным, что королеве известно подлинное положение дел! Но как можем мы быть уверены, что наши письма Ее Величеству действительно попадают к ней. Думается мне, что вам следует обо всем написать ей, объяснить положение в целом и заверить ее в моем великом разочаровании". Он просит Марту рассматривать все это как строго конфиденциальное дело и пишет: "Лелею надежду, что подобное злосчастное развитие событий лишь усилит веру и любовь королевы и укрепит ее в решении восстать во имя распространения Дела". Совершенно очевидно, что Хранитель был весьма удручен таким неудачным поворотом, но он утешает Марту: "Не печалься и не впадай в уныние, дражайшая Марта. Семена, которые ты с такой любовью, набожностью и кропотливостью посеяла, взойдут..." Отсрочка посещения королевой и ее дочерью Святынь Бахаи, намерения, твердо принятого в глубине сердца, явилось источником глубокого разочарования не только для Хранителя, но и для самой королевы Марии. За кулисами между отважной и самостоятельной королевой и ее советниками, должно быть, разыгралась настоящая схватка, поскольку после долгого молчания она собственноручно написала Марте Рут, приоткрывая хотя бы немного из того, что произошло в действительности. В письме от 28 июня 1931 года она сообщает: "Мы обе, Ияна и я, испытали жестокое разочарование, когда нам воспрепятствовали посетить святыне места и встретиться с Шоги Эффенди, но в это время я переживала тяжелый кризис, и любое мое движение оборачивалось против меня и использовалось в политически неблагоприятных целях. Это заставило меня много страдать и самым безжалостным образом ограничило мою свободу. Однако есть периоды, когда человек неизбежно подвергается преследованиям, и, какой бы возвышенной натурой он ни был, зрелище людской низости и злобы вновь переполняет его болью и удивлением. В то время мне пришлось бороться за свою дочь; она пережила немалое горе, и я не имела сил восстать, бросив вызов всему миру. Но красота правды остается, и я держусь ее вопреки печальным превратностям жизни... Рада была слышать, что ваше путешествие оказалось таким плодотворным, и я желаю вам дальнейших успехов, зная, какую прекрасную весть вы несете по земле из страны в страну". Письмо заканчивается припиской, быть может, еще более раскрывающей отношение и характер Ее Величества, чем что-либо другое: "Еще несколько слов, которые могут пригодиться вам для вашей ежегодной Книги". Получив письмо королевы, Марта немедленно телеграфировала Шоги Эффенди основное его содержание, он ответил, что доволен, и попросил выслать ему также полный текст письма. Помню, как Шоги Эффенди много раз описывал мне, как Пресвятой Лист час за часом ожидала в доме Учителя прибытия королевы и ее дочери - Ее Величество только что отплыла в Хайфу, и это известие ободрило Шоги Эффенди, поверившего, что предполагаемое паломничество состоится; однако время шло, а новостей не было, хотя корабль уже пришвартовался в порту Хайфы. Позднее Хранитель узнал, что королеве и ее сопровождению на борту была устроена встреча, информировать о ее визите было бы

бестактно и неуместно; потом же Ее Величество усадили в автомобиль, умчавший ее из Палестины в другую ближнеазиатскую страну. Стоит ли после этого удивляться "людской низменности и злобе", о которых она писала Марте. Непреклонная верность этой "царственной верующей", как называл ее обычно Шоги Эффенди, перед лицом растущей изоляции, надвигающейся старости и политических трений в Европе, в которые постепенно втягивались многие из ее коронованных родственников, глубоко трогала Шоги Эффенди. 32 января 1934 он снова пишет ей: Ваше Величество Я глубоко тронут великолепной оценкой, которую Ваше Величество милостиво дали "Миру Бахаи", и хочу выразить свою неизменную сердечную благодарность за поразительные свидетельства того, с каким неизменным интересом вы поддерживаете Дело Бахауллы. Я почувствовал потребность самому предпринять перевод ваших обращений и не сомневаюсь, что бесчисленное множество последователей Веры на Востоке и Западе испытают необычайный подъем сил в своих неустанных трудах во имя конечного установления Величайшего Мира, предсказанного Бахауллой. Передаю Вашему Величеству через Марту Рут драгоценный манускрипт, принадлежащий перу Самого Бахауллы и иллюстрированный Его благочестивым последователем в Тегеране. Да послужит он знаком моего восхищения тем духом, который подсказал Вашему Величеству вслух выразить ваши благородные чувства и встать на защиту сражающейся и гонимой Веры. У врат Бахауллы приношу свои молитвы за счастье и благополучие Вашего Величества. Искренне преданный вам Шоги Послав королеве экземпляр своего недавнего перевода "Крупниц из Писаний Бахауллы" и получив от нее письмо с выражением "самой искренней благодарности", в конце которого она говорит: "Да пребудет с нами духовно Великий Отец, помогая нам жить по нашим силам", Шоги Эффенди пишет ей: Хайфа, 18 фев., 1936 Ваше Величество Мисс Рут передала мне оригинал вашего хвалебного послания, посвященного грядущему выпуску "Мира Бахаи". Глубоко тронут дальнейшими свидетельствами интереса и поддержки, которые Ваше Величество проявляет к Учению Бахаи. Общины бахаи всего мира с чувством гордости и благодарности будут всегда вспоминать эти прекрасные, впечатляющие и исторические по своему значению свидетельства, вышедшие из-под пера Вашего Величества - свидетельства, которые, вне всякого сомнения, воодушевят и вдохновят их в неустанных трудах во имя распространения Дела Бахауллы. Я очень рад узнать, что Ваше Величество извлекли для себя немало пользы из чтения "Крупниц", и чувствую, что труды мои по переводу этих отрывков полностью вознаграждены. Благодаря любезности миссис Мак Нейл передаю Вашему Величеству последние фотографии, недавно полученные из Америки, изображающие, как подвигается сооружение Храма Поклонения Бахаи в Уилметте. Дух Бахауллы да благословит Ваше Величество за великодушную поддержку, которую вы оказываете Его Делу. С глубочайшей благодарностью и преданностью Шоги

Упомянутая миссис Мак Нейл жила недалеко от Акки во дворце Мазра-йе, где некогда останавливался Бахаулла. Она познакомилась с королевой еще ребенком, на Мальте, когда же узнала от Хранителя о том, что та интересуется Верой, рассказала ей о своих собственных интересах и об ассоциациях, связанных с домом, где живет. Королева написала ей: "Было действительно прекрасно услышать о вас, что вы живете недалеко от Хайфы и, как и я, последователь учения Бахаи... дом, в котором вы живете... драгоценен памятью о Человеке, которого мы все боготворим..." Последняя дань, публично отданная Вере в 1936 году, за два года до смерти, очень точно передает, что значила для нее Весть Бахауллы: "Для ищущих света учение Бахауллы - путеводная звезда, которая приведет их к более глубокому пониманию мира, уверенности и доброму отношению ко всем людям" Шоги Эффенди писал, что она завоевала для себя "нетленное признание... под Отцовской Сенью Бахауллы" благодаря "смелому и эпохальному признанию Его Царства", "эта прославленная королева вполне может считаться одной из тех коронованных сторонников Дела Божия, которые появятся в будущем и каждого из которых, говоря словами Бахауллы, можно назвать "оком человечества, светозарным венцом на челе творения,

источником благодати для всего мира". Из всего вышесказанного можно видеть, как начавшийся еще в 1926 году тяжкий кризис, связанный с вступлением Шоги Эффенди в роль Хранителя, вновь высвободил заложенные в Вере духовные силы и привел к такой победе, как обращение первой королевы Бахаи.

V

Принцип света и тени

Достоверное изображение жизни Шоги Эффенди невозможно без упоминания о нарушителях Завета. Принцип света и тени, существующих по контрасту, оттеняющих друг друга, прослеживается как в природе, так и в истории человечества; солнце отбрасывает тени; свет настольной лампы окружен темнотой; ярче свет - гуще тень; зло в людях заставляет вспомнить о добре, а величие добра высвечивает зло. Всю жизнь Хранителя преследовали и мучили, отравляя ее, амбиции, глупость и зависть и ненависть людей, которые восстали против Дела и против него как главы этого Дела, людей, думавших, что они могут извратить суть Веры или скомпрометировать ее Хранителя, чтобы самим встать во главе соперничающей фракции и заставить верующих принять свое толкование Учения и того, по какому пути, как им казалось, должно развиваться Дело Божие. Никому и никогда не удавалось сделать это, однако ряд упорствующих в своем заблуждении людей никогда не оставлял попыток добиться этого. Новоявленные вожаки сбивали с толку людей недалеких, отлученные пытались развратить истинно верующих. За захватом ключей от Успальницы Бахауллы теми, кто нарушил Завет еще в годы служения Абдул-Баха, последовало, в первые годы служения Шоги Эффенди, отречение в Египте Фэга - основателя "Научного общества", в рамках которого он пытался сотрудничать с Администрацией, которую возглавлял Шоги Эффенди. Шоги Эффенди, особенно прочитав в Завещании Абдул-Баха об отречении прежних нарушителей Завета, был готов к их нападкам, однако столь неожиданный и мощный всплеск интриг и противостояние - там, где, казалось, дела обстояли спокойно, явилось для него серьезным ударом и источником новых тяжелых забот и опасений. Никогда не забуду его вида, когда он позвал маму и меня в свою спальню (происходило это в 1923 году); мы стояли у изголовья постели, где он лежал очевидно в полной прострации, под глазами - огромные, глубоко залегшие тени; он сказал нам, что не вынесет этого, что чувствует себя на краю гибели. Для столь молодого человека должно было быть страшно тяжело оказаться мишенью отравленных стрел и злобных нападков, но, пожалуй, еще тяжелее, осознав это, осознать необходимость прибегнуть к своему праву отлучения, чтобы спасти стадо от рыщущих кругом волков. Нарушители Завета всегда приводили Шоги Эффенди в болезненное состояние: словно бы в некоем мистическом смысле он сам был воплощенным Делом и любые нападки на него ранили Хранителя в самое сердце. На 1930 год приходится разгар нападков прямо скажем не очень умного американского верующего, заявлявшего, что Заявление Абдул-Баха не более, чем подлог. В это же время Шоги Эффенди писал Гьюдору Поулу: "... даже самым могущественным и решительным противникам Веры на Востоке, которые оспаривали самые основы Учения Бахауллы... ни на минуту и в голову не приходило, что Завещание может быть подложным. Они яростно напали на его положения, но никогда не оспаривали его подлинности. Думается мне, что чем большую огласку получит этот вопрос, даже если при этом окажутся затронуты некоторые правительственные круги, тем лучше будет для Дела..." Дальше он писал: "Не столько тревогу, сколько жалость вызывают у меня тщетные усилия миссис Уайт... такой весомый и важный вопрос она затрагивает - ведь речь идет не много не мало, как о репутации Дела, - что истина рано или поздно будет установлена... Убежден, что шумиха, которую она может поднять, не повредит, а лишь пойдет на пользу Вере". Он заявлял также, что "подлинность Завещания не подлежит и малейшей тени сомнения". Продолжительные и упорные усилия миссис Уайт, затронувшие достаточно широкий круг лиц, включая министра почт Соединенных Штатов, которому она писала, прося его запретить Американскому национальному собранию использование почты Соединенных

Штатов для "распространения ложных известий о том, что Шоги Эффенди якобы является преемником Абдул-Баха и Хранителем Дела Бахаи", а также к гражданским властям Палестины, от которых она требовала официально объявить Завещание подлогом (в чем, впрочем, ей было резко отказано), - и явились еще одним источником совершенно ненужных для Шоги Эффенди тревог и потребовали усиления бдительности и усилий с его стороны в то время, когда он был и без того перегружен и "с головой ушел в бесконечную работу". Единственное, чего добилась миссис Уайт, это ненадолго поднять маленькое облачко праха. В момент, когда ее лихорадочная деятельность достигла своего апогея, Британское национальное собрание отправило письменное сообщение немецким общинам бахаи (распространенное Национальным собранием), уведомляющее их, что британские бахаи считают себя в законном подчинении администрации Хранителя. Тем не менее Херригель, один из основателей германской общины, отрекся от Веры, руководимой Хранителем. Любопытным отголоском всех этих событий стало то, что муж миссис Уайт в 1941 году прислал Шоги Эффенди телеграмму, где сообщал, что "глубоко скорбит и покаянно просит прощения..." По-видимому, он никогда действительно не был согласен с ней. Шоги Эффенди ответил ему, что врата всегда открыты, дабы покаявшиеся могли вернуться, однако даже в эту последнюю минуту мистер Уайт не смог порвать со своей непримиримой супругой, так что душевная перемена не обратилась в перемену статуса. Даже Аваре, широко известный персидский миссионер, которого Шоги Эффенди направил в Европу - укреплять в людях веру - и которого он же впоследствии вынужден был заклеймить как "бесстыдного вероотступника", отрекся от Дела и занялся писанием книг (которые пишет и по сей день уже много лет) против него, понося в самых грязных выражениях не только Хранителя, но и Абдул-Баха, а под конец и Самого Бахаулла. Знаменательно, что его жена в отличие от мистера Уайта полностью порвала со своим мужем и осталась набожной и почитаемой бахаи благодаря мужественному акту веры. Ахмад Сохраб, который был тесно связан с Учителем, помогал Ему в качестве секретаря и пользовался почетным правом находиться рядом с Ним во время Его поездок по Соединенным Штатам и Канаде, напыщенный и амбициозный, учредил "Новое историческое общество" и благодаря своим дальнейшим действиям стал все более отдаляться от своих собратьев-бахаи, особенно в силу привычки во время публичных выступлений цитировать слова Бахауллы и Абдул-Баха как свои собственные. Можно с легкостью написать целую книгу об истории отречения одного этого человека и привести в ней бесчисленные письма и телеграммы, с помощью которых Хранитель сначала старался удержать Сохраба от его действий, а позднее - защитить американских бахаи от исходящих от него искажений правды, открытой лжи и попыток подорвать Административный Порядок, учрежденный Учителем в Его Завещании. И в этом случае любопытно отметить, что его жена и дочь, обе бахаи, полностью порвали все отношения с ним; таким поруганием было для них его поведение, что они даже сменили фамилию. О подобных, возникавших время от времени кризисах Шоги Эффенди писал: "Мы также склонны рассматривать как скрытую благодать те семена раздора, которые пытаются посеять между нами люди, отрекшиеся от своей веры или делающие вид, что продолжают исповедовать ее. Вместо того чтобы подрывать устои Веры, эти нападки, равно изнутри и извне, лишь укрепляют ее основания и еще ярче разжигают ее пламя. Призванные затмить ее сияние, они возвещают всему миру о возвышенности ее принципов, ее целостности и единстве, уникальности ее положения и убедительности ее влияния". Но даже история этих отречений не передаст верной картины того, что значило движение нарушителей Завета в годы служения Шоги Эффенди. Чтобы понять это, надо вспомнить древний рассказ о Каине и Авеле, историю родственной зависти и вражды, которая темной нитью вплетенная в ткань мировой истории тянется через все эпохи, которую можно проследить во всех ее событиях. Еще со времен младшего брата Бахауллы, Мирзы Йахьи, яд ереси, состоящей в противостоянии Средоточию Завета, проник в организм Веры и остался в нем. Тому, кто никогда не был знаком с этим недугом или же попросту не обращал на

него никакого внимания, не пытался проникнуть в его суть, трудно понять его разрушительную силу. Все члены семьи Бахауллы росли в мрачной тени вероотступничества. Бурные размолвки, примирения, окончательный разрыв связей, происходящие, когда близкий и часто дорогой тебе человек поражен духовным недугом и неизбежно близится к своей духовной смерти, непостижимы для тех, кто сам не пережил их. Слабость человеческого сердца, которое так часто прилепляется к недостойному предмету, слабость человеческого ума, склонного к самообману и к абсолютной уверенности в своей правоте, ввергают людей в эмоциональную неразбериху, которая лишает их способности судить здраво и заставляет расходиться в противоположные стороны. На Востоке, где чувство семьи по сей день носит ярко выраженный характер клана, члены ее связаны друг с другом гораздо теснее, чем на Западе. Не важно, что сделал Йахья, - чувство семейной сплоченности подсказывало, что, как бы там ни было, он в чем-то прав, так же как и Бахаулла в семейном понимании дела вовсе не нуждался в оправдании. Каждый легко может представить себе, что, если хотя бы намек на подобные отношения существовал в семье самого Бахауллы, дети в ней выросли бы с совершенно иным пониманием того, что же такое в сущности - нарушить Завет. В их душах укоренился бы изъясн - самый опасный из человеческих сомнений: что в конце концов даже Совершенный не так уж совершенен и время от времени, верша суд, может делать кому-нибудь небольшие поблажки. Когда такое сомнение овладевает человеком, в его существо проникает микроб, который может до поры не давать о себе знать, а потом вызвать вспышку заболевания. Мне всегда казалось, что раскол, произошедший в семье Бахауллы после Его вознесения и последующее неприятие двумя поколениями семьи Абдул-Баха, их противоречие Шоги Эффенди, - что истоки всего этого в тех умонастроениях, которые царили в Багдаде накануне того, как Бахаулла объявил о Своей Миссии. Зло коренилось там, ядовитый плод созрел восьмьюдесятью годами позже. Вера и послушание - два столпа, на которых покоится отношение человека к Богу, к Его Проявлениям, к Главе Веры. Человек должен верить даже в невидимое, обязан повиноваться, даже если не понимает почему. Нарушители Завета в семье Бахауллы, подобно лозе, обвив дерево, погубили его; стоило появиться новым побегам, она душила их тоже. Вот почему столь многие из молодых родственников, секретарей, членов общины, окружавших Средоточие Дела, периодически вовлекались в ссоры с членами семьи, и каждый раз один из больных членов отсекался, некоторые сочувствующие, но заблудшие отпали тоже. На бумаге все выглядит просто. Но когда год за годом душераздирающие сцены потрясают дом, ум немеет, нервы измотаны, а чувства запутаны до предела, то это уже просто ад, сущий ад. Прежде чем пациент ложится на операционный стол и ему удаляют больной орган, этому предшествует длительный период попыток применить терапевтические средства, надежда на излечение. Так же обстояло дело и с нарушителями Завета; болезнетворный источник установлен; следуют советы, предостережения, рекомендации; кажется, что наступило улучшение; новый приступ, еще более тяжелый; затем наступает судорожное состояние, в котором перемешаны раскаяние и готовность к прощению - затем все повторяется вновь и вновь, каждый раз хуже, чем прежде. В бесконечно разнообразном виде, но именно это происходило при жизни Бахауллы, и при жизни Абдул-Баха, и при Шоги Эффенди. Все это сегодня история, и нет нужды ворошить прошлое. Но одно, я думаю, следуют себе уяснить. Реакции людей незаурядных полностью отличаются от реакций нас с вами, людей простых. В подобных делах они - каким бы разным ни было их положение - полностью отличаются от нас. В ранние годы моей жизни с Хранителем я часто спрашивала, почему он так ужасно расстраивается из-за происходящего, почему так неистово реагирует на него, почему впадает в протрацию и уныние, видя нарушения Завета. Постепенно я стала понимать, что подобные существа, столь отличные от нас, как бы носят в душе некие таинственные весы; они автоматически определяют внутреннее состояние других людей - точно также как одна чаша весов мгновенно опускается, если

положить на нее что-то. Мы, простые верующие бахаи - рыбы в море Дела, они же - само море, и если в нем появляется, образно говоря, некое чужеродное тело, оно мгновенно реагирует на это; море выбрасывает своих мертвецов на берег. Шоги Эффенди, вынужденный часто публично заявлять о духовном падении не только известных бахаи, но даже членов семьи Самого Абдул-Баха, называл их "ветвями, отпадшими от Святого Древа и предавшими священное право своего рождения". "Частые отступничества недостойных близких" возлюбленного Учителя тяжким грузом ложились на его сердце, однако, пояснял он, отступничества эти суть не что иное, как "процесс очищения, к которому неисповедимая Мудрость порой прибегает, чтобы очистить тело своих избранных последователей, изгнав их из рядов нежеланных и недостойных..." Шоги Эффенди указывал, что люди враждебные Вере, всегда цеплялись за подобные факты как за признаки надвигающегося раскола, который, как они надеялись, приведет к ее падению. И надеялись втуне. Хотя такой феномен, как нарушение Завета, кажется врожденным элементом религии, это не означает, что он не наносит вреда Делу. Напротив, как передавал Шоги Эффенди одному из верующих после смерти родственника: "одно время покажет, какие разрушения повлек за собой ядовитый смерч, бушевавший более двух недель в семье Абдул-Баха". Конечно, много можно избежать за счет индивидуальных усилий и верности. Но даже еще важнее то, что разрушение не затрагивает само Средоточие Завета. Вся жизнь Шоги Эффенди была омрачена злобными нападками, направленными против него лично. Я убеждена: главной причиной того, что сердце Хранителя перестало биться в 1957 году, были психологические нагрузки, подтачивавшие его силы, невыносимое напряжение непрестанной тридцатилетней борьбы с нарушителями Завета. Остается лишь добавить, что поводом к отправлению процитированной телеграммы была смерть его сводного брата - и мы поймем, в какой атмосфере протекала жизнь Шоги Эффенди в годы его служения. Однажды он телеграфировал верующему, с которым был тесно и давно связан, по поводу крайне дурного обращения, которому тот подвергался со стороны ближайшего родственника: "От всего сердца сочувствую вашим страданиям вашему мужеству. Сообщил бы и раньше будь я в курсе дела. Равную чашу разочарования обращением ближайших родственников испил и я. Духовно пребываю рядом ваши тревоги и печали отойдут в прошлое главное продолжение ваших бесценных трудов. Горячо молюсь Святым Усыпальницам с глубочайшей любовью". Быть может, слова моего дневника, записанные между 1940 и 1945 под влиянием того, что я видела: Шоги Эффенди, переживающий череду затяжных изматывающих кризисов, все больше удаляющийся от своих родственников - лучше передадут, какое действие оказывало на него отступничество нарушителей Завета: "Он продолжает идти вперед, но, как путник посреди метели, не может открыть глаза из-за слепящего снега". "Он - как человек с обожженной кожей... и это просто чудо, что он еще может идти". "Уверена, что волна вернется вспять. Но только никогда, никогда не видеть Шоги Эффенди таким! Думаю, ничто в этом мире не способно загладить ран, нанесенных ему в последние годы! Время - великий целитель, но и оно не властно над душевной болью". "Все кажется безнадежно разбитым".

Нет сомнения в том, что эти периодические кризисы очень мешали его работе во имя Дела. Еще в 1926 году он писал к одному из довольно пассивных, равнодушных верующих, который затем превратился в одного из самых непримиримых нарушителей Завета: "Вы знаете, я отнюдь не сентиментальный человек. Я жажду работы, и все мои помыслы и устремления направлены на исполнение важных задач, если обстоятельства сложатся в мою пользу и я избавлюсь наконец от нападков извне и со стороны врагов внутренних".

О терпении Шоги Эффенди, которое он проявлял в ужасных ситуациях, возникавших в его семье, ярко свидетельствует, скажем, случай, когда однажды он на протяжении восьми месяцев откладывал отправку телеграммы, отлучавшей от общины его брата, в то время

как сам - тщетно - старался уладить положение и избежать необходимости отправки документа, содержание которого для него было столь мучительно. Влияние нарушителей Завета на Дело было таким губительным и опасным, что в последние годы своего служения Шоги Эффенди оповестил Десниц Дела, что отныне они должны назначать дополнительный орган для защиты интересов Веры.

VI

Черты личности Шоги Эффенди

Жестокость и неуступчивость, которые Шоги Эффенди проявлял, защищая Веру, не означают, что он не мог быть в то же время ласковым и добрым. Он был по сути человеком мягкосердечным, и, если ему удавалось хотя бы на время обрести мир в душе, изливал эту прирожденную доброту и ласку не только на окружающих, но и на отдельных верующих самыми разными способами. В его телеграфных архивах немало подтверждений тому. Снова и снова, когда несчастье обрушивалось на страну, где жили бахаи, он направлял туда запрос, как, например, в этой телеграмме в Персию: "Сообщите безопасности друзей. Обеспокоены известиями землетрясениях Персии Туркестане". Часто вслед за этим особо нуждающимся высылались материальная помощь. Когда американский верующий, разбитый параличом в Персии, вместе с женой возвращался в Соединенные Штаты, Шоги Эффенди отправил телеграммы друзьям в Бейруте, Александрии и Нью-Йорке, встречать корабль, на котором тот плыл, и оказывать больному всемерную помощь. В другой раз Хранитель практически одну за другой отправил семь телеграмм, чтобы помочь некоей верующей, которая столкнулась с трудностями, добираясь до Хайфы и возвращаясь после своего паломничества обратно. Его скрупулезность в подобных делах, а равно и его решительность, замечательно выразились в телеграмме, которую он направил в Египет: "В связи прибытием бахаи из Новой Зеландии сегодня вечером Каир сроком на один день. Уладьте вопрос с жильем. Он будет в тропическом шлеме. В случае задержки встретитесь его на следующее утро в девять в конторе Кука. Будьте с ним доброжелательны". Однажды, когда верующий по какой-то причине не смог высадиться в Хайфе, Шоги Эффенди телеграфировал, чтобы "его утешили от имени Хранителя". Узнав из телеграммы, что жена некоего человека "утратила покой не верит в вашу прежнюю расположенность просьба дать телеграмму утешить ее", Шоги Эффенди немедленно реагирует: "Заверьте... по-прежнему помню люблю доверяю". Верующему с Ближнего Востока, чьи родственники жили в Палестине, он телеграфировал: "Добро пожаловать советую взять детей с собой для свидения с горячо любимой бабушкой". В телеграмме, посланной одному из видных новообращенных, говорится: "Передайте принцессе мою любовь и лучшие пожелания. Да пребудет над нею всемогущая десница Бахауллы".

Дагмар Доул, набожный первопроходец Веры, умерла и была похоронена в Швейцарии. Однажды, когда я на несколько дней была прикована к постели, помню, как глубоко тронуло и удивило меня, когда Шоги Эффенди пришел ко мне и сказал, что навещал ее могилу - несколько станций по железной дороге от того места, где мы тогда остановились. Иногда, помимо общих указаний и ободряющих знаков внимания, которые он проявлял к верующим, он непосредственно вмешивался в их личные дела, если считал то нужным; в годы первого Семилетнего плана семнадцатилетний юноша решил отправиться в Южную Америку, но его стали отговаривать, ссылаясь на то, что он еще слишком молод и прежде надо немного подрасти и закончить учебу; Шоги Эффенди телеграфировал Американскому национальному собранию, чтобы дело было пересмотрено и юноше позволили ехать, а позднее любил с гордостью вспоминать готовность молодежи откликнуться на необходимость в первопроходцах. Старая, хромая женщина страстно хотела отправиться миссионером в Северную Африку; Шоги Эффенди вдохновил ее на это, и место, где умерла Элла Бейли, отмечено на одной из его карт золотой звездой!

Помню, как однажды за столом паломница рассказывала Шоги Эффенди, что они с мужем решили отправиться куда-нибудь в роли миссионеров, и спросила - куда им лучше поехать? Шоги Эффенди моментально ответил: "В Африку"; "В какое-то определенное место?" - вновь спросила паломница; "В Южную Африку", - ответил он. Несколько озадаченная этими мгновенными, похожими на короткие пулеметные очереди ответами, паломница спросила: "В какой-то определенный город?" - "В Йоганнесбург", - последовал ответ. Так судьба самой этой женщины и ее семьи определилась буквально в двух словах.

Иногда внутренний огонь, одухотворяющий бахаи, пылал настолько ярко, что они уговаривали Шоги Эффенди отменить собственные распоряжения. Примером этому может послужить случай с Мэрион Джек, которую Абдул-Баха называл "генерал Джек", а Хранитель - "бессмертной героиней", говоря, что она является ярчайшим примером для грядущих поколений миссионеров Востока и Запада и что никто не превзошел ее в "постоянстве, целеустремленности, самоотверженности и бесстрашии" за исключением "несравненной Марты Рут". Джеки - так ее обычно называли - жила в Софии, в Болгарии, и, когда началась война, Шоги Эффенди, тревожась за ее жизнь, телеграфировал: "Рекомендую вернуться в Канаду телеграфируйте наличию средств". Джеки ответила: "... как насчет Швейцарии", однако заверила Хранителя в полном повиновении. Шоги Эффенди дал телеграмму: "Одобрю Швейцарию", но Джеки не хотела оставлять своего миссионерского поста и просила разрешить ей остаться в Болгарии, на что Шоги Эффенди ответил: "Советую оставаться Софии с любовью".

Служение может быть разным, и в этом - великое чудо. Шоги Эффенди всегда советовал своим друзьям следовать путем умеренности и мудрости, но если они не делали этого, выбирая вершины героизма и самопожертвования, он безмерно гордился ими. В конце концов, в том, чтобы стать мучеником, нет ничего от мудрости или умеренности - и однако же венец славы нашей религии в том, что наш первый Пророк принял мученическую смерть и двадцать тысяч человек последовали по его стопам. Я старалась понять это чудо: умеренность с одной стороны, а с другой - слова Бахауллы: "... и тогда запишите алыми чернилами то, что случилось на Моем пути. Воистину это - высшая услада", и мне кажется, что лучший пример здесь - самолет: когда он медленно катится по земле, он целиком воспринимается в земных масштабах, ровно катящимся по гладкой взлетной полосе, но стоит ему взмыть в воздух, сложив свои шасси, и рвануться вперед на немыслимой, головокружительной скорости - и он уже в небесах, где идет иной отсчет ценностей. Пока мы находимся на земле, мы можем выслушать добрый, по-земному здравый совет, но если мы резко оттолкнемся от твердой опоры, в царство высшего служения и жертвенности, то подобный совет нам уже никто не даст, мы обретем бессмертную славу и станем героями и героинями Дела Божия.

В своей работе Шоги Эффенди старался использовать все; он мгновенно извлекал пользу из всего, что могло быть полезным Вере, будь то человек, предмет или участок земли. Хотя в основном он вел работу через посредство Собраний и Комитетов, он работал также и непосредственно с верующими. Примером тому может послужить Виктория Бедекян, известная как "тетушка Виктория". Много лет она писала письма, широко распространявшиеся на Востоке и Западе, и Хранитель вдохновлял ее в ее деятельности и даже иногда советовал подчеркнуть особо то или иное в ее посланиях.

Он никогда не поднимал шума вокруг источников информации; я имею в виду, что он не всегда дожидался, пока официальные источники подкрепят известие о прибытии миссионера либо какие-то другие добрые новости, о которых он узнавал из частной переписки или через паломников, он спешил включить эту ободряющую информацию в свои сообщения. Подобная широта, которую Шоги Эффенди позволял себе, приводила к тому, что вся работа, связанная с Верой, двигалась вперед семимильными шагами. Как и во всех великих лидерах, в нем было что-то от хорошего газетчика, понимающего огромную важность скорейшего распространения материала и что скорость сама по себе способна оказывать воздействие и будоражить воображение. Однако несмотря на

подобные его методы, мы ни на минуту не должны забывать о его беспримерной скрупулезности. Точность, с которой он подбирал статистические данные, изыскивал исторические факты, до мельчайших деталей прорабатывал свои карты и план - поистине поразительны.

В жизни Хранителя было несколько людей, к которым он был особенно тепло привязан помимо его обычной доброжелательности по отношению ко всем верующим, которые действительно с достоинством носили имя Бахаи. Однажды, когда он болел, Филип Спраг прислал ему телеграмму, выражавшую озабоченность в связи с его состоянием и заканчивавшуюся словами: "с любовью от всего сердца". Шоги Эффенди ответил: "Окончательно поправился. С меньшей любовью". Он часто по разным поводам посылал телеграммы своему поверенному в Италии д-ру Джакери с просьбой выслать то или иное необходимое для нужд Всемирного Центра, и многие из этих телеграмм звучат похоже на эту: "Любезно распорядитесь выслать еще двадцать четыре фонарных столба такого же образца с любовью". Далеко не все телеграммы Хранителя были составлены в таком тоне.

Существовали и иные. При этом, что некоторые были исключительно ласковыми, любящими, а большинство носило нейтральный деловой характер, третьи отличались крайней резкостью. Сохранилось достаточно много телеграмм Национальным духовным собраниям, похожих на ту, что была отправлена в Америку в 1923 году: "В ожидании более регулярных и толковых отчетов..." - другие содержали и более сильные выражения, например: "Остерегайтесь не повиноваться моим распоряжениям"; "Очередной раз предупреждаю"; "рекомендую обратить внимание", - и т.д. Ни одна из телеграмм не страдает многословностью и витиеватостями. "Пришли сестрой десять черных лент", - сообщает он брату в Бейрут. Первому бахаи, просившему разрешения приехать в Хайфу после окончания войны, когда паломничество было возобновлено, Шоги Эффенди ответил очень просто, в одном слове выразив все, что хотел сказать: "Ждем".

Вся жизнь и деятельность Шоги Эффенди - Хранителя, его мысли и чувства, его реакции и распоряжения как в капле воды отразились в его теле- и каблограммах; часто они более проникновенны, ярче раскрывают характер, чем тысячи писем, которые он писал отдельным людям, потому что письма обычно обрабатывались секретарями, и таким образом мы имеем дело уже не со словами самого Хранителя за исключением постскриптумов которые он писал сам и где по большей части молился за верующих, ободрял их и утверждал общие принципы.

Так же как его деду и прадеду, Шоги Эффенди было присуще тонкое чувство юмора, проявлявшееся всякий раз, когда ему представлялась возможность ощутить себя счастливым или в довольно редкие минуты душевного спокойствия. В глазах его загорался веселый огонек, на губах появлялась усмешка, а иногда он искренне, от души смеялся. Молодому паломнику, озабоченному предстоящей женитьбой, Шоги Эффенди заметил: "Только не упустите момент и не дожидайтесь, пока с неба к вам спустится ангел!" В телеграмме 1923 года к чете своих молодых родственников в Бейруте он передает: "Интересно знать, когда мои непослушные секретари закончат курс медицинского лечения. Телеграфируйте ответ". В кругу семьи, с теми, кого он хорошо знал, он любил шутку. Зачастую жертвой становилась я и, зная об этом, внимательно прислушивалась к тому, как он отреагирует на мои слова - уж не подсмеивается ли он надо мною. К примеру, помню как однажды (это было еще в годы войны) я зашла в его комнату и увидела, что он сидит с необычайно торжественным и озабоченным видом, пристально глядя перед собой. Это было необычно, и я встревожилась. Наконец он сказал, что произошло нечто ужасное. Я, естественно еще больше встревожившись, спросила, что же именно. По-прежнему с глубоко озабоченным выражением он торжественно заявил мне, что Черчилль умер. Поскольку это был один из самых тяжелых моментов войны, я страшно расстроилась, разволновалась и стала спрашивать, что же будет теперь с союзникам, когда их великий лидер умер и проч., и проч. Шоги Эффенди, вволю

налюбовавшись моим отчаянием, наконец не выдержал и разразился смехом! Он частенько так подшучивал надо мной, поскольку считал меня идеальным объектом - но постепенно моя легковёрность улетучилась, и на двадцатом году совместной жизни он сказал, что шутить надо мной становится все труднее. Иногда, робко, я сама пыталась играть в эту игру с ним, но у меня никогда не получалось так хорошо и очень редко когда удавалось подловить его.

С одной стороны, столь величественный, с другой - столь обаятельно открытый, простодушный и внутренне юный - таким был наш Хранитель! Когда Шоги Эффенди узнал, что я немного рисую, он дал мне задание: сделать для него несколько раскрасок и между прочим нанести на карту горы Кармель земельные участки, принадлежавшие общине бахаи. Однажды, когда я раскрашивала недавние приобретения, Шоги Эффенди сказал, чтобы я красила их в более светлый цвет. Я спросила почему. Для того, сказал он, чтобы было видно, что это именно "новые приобретения". Так непосредственно выразилась его радость от сознания того, что удалось еще несколько расширить владения Общины. Помню, как часы за часами я проводила раскрашивая по его просьбе фотографии разных размеров, в архитектурной проекции представляющие памятник Пресвятому Листу и два надгробия - ее матери и брата - по обе стороны от монумента.

Вслед за этим поневоле вспоминаются другие аспекты богато одаренной личности Шоги Эффенди. Он был крайне упрям в достижении поставленных целей, крайне решителен, однако всегда в пределах разумного. Хотя он никогда не изменял сами цели, он иногда менял пути их достижения. Раскрашивание фотографий, о котором я только что упомянула, хороший тому пример. Когда у него появилась мысль перенести останки матери и брата Бахйи-ханум из Акки на гору Кармель, он немедленно заказал два прекрасных мраморных памятника в Италии, повторявших тот, что был воздвигнут на могиле Пресвятого Листа. Так как в это время он отсутствовал в Хайфе, первоначальный замысел сводился к тому, чтобы два новых памятника непосредственно примыкали с боков к основному, и Шоги Эффенди распорядился, чтобы ему сделали эскиз; однако когда он вернулся и изучил план на месте, то решил, что красивее будет, если поставить их отдельно, парой, но на той же самой оси, как он в конечном счете и поступил.

Все время служения Хранителя свет Божественного Водительства озарял его путь, утверждал его в принятых решениях, вдохновлял на выбор. Но случай волен вмешиваться в любой замысел. Деяния Божии и совокупность людских усилий в большей или меньшей степени постоянно изменяют наши планы. Это происходило всегда с существами великими и малыми, и слова самих Пророков - тому свидетельство. Шоги Эффенди был подвержен этим силам, но часто он и сам менял свои намерения. Примеров, и весьма любопытных, тому множество: одно время он вынашивал идею разместить Мавзолей Бахауллы на горе Кармель, но позднее полностью отказался от этой мысли, навечно определив ему место в Бахджи; то, что изначально под названием Всемирного Крестового Похода, или Десятилетнего Плана, впоследствии преобразовалось в Семилетний План; вместо одного Храма за эти годы было построено три; вместо восьми европейских стран, который предполагалось охватить сетью общин, число их достигало десяти, и т.д. Если какие-либо силы извне, над которыми Хранитель был не властен, разрушали один из его планов - противостоя его развитию или осуществлению, смотря по обстоятельствам, - он мгновенно возмещал ущерб таким образом, что Дело, даже потерпев временное поражение или претерпев ряд притеснений, в конце концов выходило их схватки победносно, обогатившись новыми достижениями.

Шоги Эффенди мог сбиться с пути, но рано или поздно всегда достигал своих целей, и изобретательность его была поразительна. Хороший пример этому то, как он распорядился постройкой двух из трех больших новых Континентальных Храмов Бахаи, намеченных к возведению за время Десятилетнего Плана. Он взял у находившегося в Хайфе архитектора эскизы, которые оказались ему подходящими для Домов Поклонения в Сиднее и Кампале. Они выглядели достойно, имели соразмерные пропорции, были

консервативны по стилю и относительно умеренны по цене. Еще до того как архитектор смог представить детально разработанные чертежи и лично присутствовать на строительстве, Шоги Эффенди, еи придавая большого значения тому, что человеку склонному к панике, узко мыслящему представилось бы непреодолимым препятствием, проинструктировал оба Национальных собрания привлечь местные строительные фирмы к выяснению частностей и возведению зданий. Шоги Эффенди сам постарался снизить до разумных пределов первоначально завышенную фирмами сумму, и оба Храма были построены за цену, которую он считал приемлемой для Дела. Снова и снова его пронизательность и здравый смысл сэкономили деньги Веры, чтобы использовать их на другие всеобъемлющие задачи, не создавая временного дефицита из-за безрассудного увлечения одним единственным проектом.

Жесткая экономия была важным принципом Шоги Эффенди, и взгляды его на денежные дела были вполне определенны. Не раз он отказывал частным лицам в паломничестве, зная, что за этим человеком - долг, на том основании, что сначала следует рассчитаться с долгом. При мне Хранитель ни разу не подписывал счета, перед этим тщательно его не проверив, шла ли речь о ресторанном счете или сумме в несколько тысяч долларов! И если он находил цену завышенной, то обязательно на это указывал, равно как и наоборот. Много раз приходилось мне отправляться к недоумевающим людям и объяснять им, что в их расчетах была ошибка, и, если они не перепроверят их, то окажутся в проигрыше. Он часто и решительно торговался, когда полагал, что вещь того не стоит. Не однажды в тех случаях, когда прекрасные орнаменты для Усыпальниц, Архивов или садов были слишком дороги, а продавец не мог или не хотел идти на уступку, Хранитель отказывался от сделки, даже если вещь ему нравилась и деньги у него были. Он просто считал, что такой поступок будет неправильным, и не поступал так. Хотя у Шоги Эффенди был автомобиль и личный шофер (как до того у Абдул-Баха), поскольку в годы войны доступ во многие места был затруднен, он продал его и обходился такси. Не сомневаюсь, что он мог бы купить другую машину, как человек, располагающий деньгами, приобретает то, что ему нужно, но это просто не приходило ему в голову. Он был противником экстравагантности, кичливости и роскоши как таковых, отказывая себе и другим во многом, что казалось ему неоправданным или неподходящим.

Другой яркой чертой характера Хранителя была его прямота. Он мог буквально исповедоваться перед верующими. Свободно, с величавым достоинством и в то же время с подкупающей сердце доверительностью делился он с гостившими у него паломниками не только своими мыслями и толкованиями Учения, но и своими проектами и планами. Никто не располагал особым правом получать от него те или иные сведения. Невзирая на то, что он осуществлял свои грандиозные Планы через Национальные Собрания и при их непосредственном участии, он испытывал потребность подробно делиться этими Планами с людьми, с которыми встречался, - так, что многие паломники, вернувшись, знали уже почти все детали того, что скоро после этого сообщалось официально миру Бахаи. То же можно сказать и о его работе во Всемирном Центре. Его откровенность была столь полной, что иногда прямо за столом и делал небольшие наброски, чтобы показать, как именно собирается устроить сады на горе ***, какой будет "арка", какие и где будут построены здания и т.д.

Любое его новое начинание, внутринациональное или международное, проходило те же стадии, что и рассвет: первое, едва различимое глазом мерцание брезжило в его разговорах с паломниками либо было наполовину скрыто в его обращениях к бахаи мира; затем, по мере того как солнце его идеи поднималось над горизонтом, свет поставленных задач разливался все шире, и он фокусировал всю блистательную энергию своей мысли на них; и вот, наконец, сияя в полном блеске, являлись один за други - Семилетний План, Десятилетний План, предупреждения и обещания, заключенные в каком-нибудь новом замечательном открытом письме, руководства, касающиеся таких великих проектов, как завершение Усыпальницы Баба, Международных Архивов, одного из великих новых

Домов Поклонения или изложение некоторых основополагающих тем таких книг, как "Пришествие Божественной Справедливости" и "Обетованный День Настал".

Отношение Шоги Эффенди, обходительного и учтивого хозяина, к паломникам, доброта, которую он проявлял к ним в мелочах, откровенные разговоры с ними - все это потрясающим образом сказывалось на работе бахаи во многих-многих странах, ведь когда верующие, которым выпала счастливая возможность общения с Хранителем, возвращались в свои общины, они действовали как бродило, побуждая своих собратьев по Вере к новым усилиям, донося живой облик Хранителя до тех, кому не довелось увидеть его лично, создавая чувство близости к нему и ко Всемирному Центру, чего крайне трудно было бы достичь любыми иными средствами. В беседах с паломниками ему удавалось более непосредственно и убедительно донести до них свои взгляды и серьезные соображения на ту или иную тему, чем если бы это выразилось в письменной форме. Во время нашего паломничества в 1937 году я удостоилась почетной возможности записывать то, что он говорил за столом мне и маме, однако впоследствии я крайне редко делала это. Тем не менее в нескольких случаях я записывала его слова, и однажды, это было в 1954 году, когда он очень ярко и убедительно обратился к группе паломников по поводу срочных нужд Всемирного Крестового Похода и отношения бахаи к миссионерству: "Я могу предупреждать их, могу требовать, но я не могу зажать в них дух - в этом несчастье для меня и опасность для верующих, дух, который действительно..." "Они могут собраться и поехать, и никто не имеет права остановить их - ибо они независимы; просто получить визу и поехать..." "Дело побеждает, невзирая на бездействие большого числа его сторонников - неисповедимым, чудесным образом". А поскольку речь зашла о некоторых местах, где друзья работали миссионерами в школах, он сказал: "Они привносят в школы американский образ жизни вместо того, чтобы изгонять его и насаждать образ жизни бахаи". Но несмотря на все это, он изливал на паломников поток благоденствий - начиная с заботы об их физическом комфорте, как гостей в его доме вплоть до их духовного просвещения, наставляя их в Вере; когда же кто-либо из них хотел выразить ему свою глубокую благодарность, за честь, оказанную встречей с ним, он мгновенно уводил разговор в сторону, заявляя, что главная цель паломничества - посещение Святой Земли.

Воспоминания волной накатываются на меня, когда я думаю о паломниках, и о себе в том числе, как например, о рассвете того дня в 1923 году, когда я еще ребенком возвращалась в автомобиле Хранителя из Бахджи, куда все мы ездили отмечать вознесение Бахауллы. Я упрямо не хотела садиться на сиденье и устроилась на сложенный брезентовый верх автомобиля. Шоги Эффенди упрекнул меня и сказал, чтобы я держалась крепче и не упала, и я ответила, что ни за что не упаду. Голова у меня кружилась от великолепия утра, от щедрот, изливающихся на меня, и я ничего не боялась. В те дни там еще не построили дороги, и мы ехали прямо по берегу между Аккой и Хайфой, по мокрой полосе песка между дюнами и морем. Сотни маленьких крабов, сливаясь в бесконечную змеящуюся ленту, разбегались перед машиной, прячась по своим норкам. Солнце только что встало, и весь мир вокруг был свеж, чист и отливал розовыми красками. Шоги Эффенди стал говорить мне о том, как ему хочется увидеть Скалистые горы в Канаде, о своей любви к горам и альпинизму. До конца своих дней он с глубочайшим интересом следил за каждой попыткой подъема на Эверест. Его любовь к живописным пейзажам была поистине велика, и, будь он свободным человеком, уверена, большую часть жизни он проводил бы любуясь земными красками.

За год до смерти Хранителя двое швейцарских паломников приехали в Хайфу. Их общество всколыхнуло в нем память о Швейцарии, и его любовь к их стране словно заставила исчезнуть куда-то его обычную сдержанность во всем, что касалось его личной жизни и чувств. Мне нездоровилось, я лежала и не могла быть к обеду в Доме Паломников, но, вернувшись, Шоги Эффенди сказал, что "рассказал обо всем" - о вершинах, на которые поднимался, о своих прогулках в горах, о любимых пейзажах. Это

был редкий, совершенно нетипичный для него случай: видимо, швейцарские воспоминания действительно глубоко запали ему в душу.

Помню еще один случай, уже в самой Швейцарии, когда мы уезжали вечером из Зерматта. За все время, что мы путешествовали вместе, Шоги Эффенди не завязал ни одного знакомства и очень редко общался с иностранцами. У меня характер другой, и иногда я, потихоньку выскользнув из нашего купе в поезде в поезде или в какой-нибудь другой ситуации, вступала в оживленную беседу с попутчиками. Он всегда знал (и никогда не был против), когда это происходило. Думаю, что, когда я возвращалась, он по моим пылающим щекам и заговорщическому виду догадывался, где я была, и с пляшущими в глазах веселыми искорками спрашивал, что же это я такое поделывала. На этот раз, однако, он сам, к моему удивлению, завел долгую беседу, когда мы ехали сидя на жестких деревянных скамьях нашего вагона третьего класса. Собеседником его был сидевший напротив, действительно очень симпатичный и воспитанный юноша - сын русских эмигрантов, живших в Америке. Он впервые путешествовал по Швейцарии, и Хранитель с той добротой и одушевлением, которые так часто были свойственны его тону, во всех подробностях описывал ему места, которые обязательно следует посетить за довольно ограниченное время поездки. Он даже достал карту швейцарских железных дорог и показывал молодому человеку, какими путями и куда следует добираться. Я сидела сзади и слушала, глядя на красивое лицо юноши, такое вежливое, такое польщенное вниманием, которое неожиданно проявил к нему незнакомый пассажир, и, конечно, в глубине души молилась о том, чтобы нисходящая на него благодать, о которой я не могла дать ему знать даже намеком, приведет когда-нибудь его к Вере, Главой которой был этот незнакомец!

Но вернемся к встрече Шоги Эффенди со швейцарскими паломниками в Хайфе. Повинуясь внезапному порыву, он сказал им, что хочет, чтобы в Швейцарии тоже был свой Храм, расположенный недалеко от столицы страны, Берна, в месте, откуда хорошо видны Бернские Альпы, где он когда-то провел много месяцев, совершая прогулки по горам и восхождения. 12 августа 1957 года он сообщил тогдашнему Национальному Духовному Собранию бахаи Италии и Швейцарии свои пожелания по этому поводу. Вот что пишет его секретарь: "Как Хранитель уже объяснял г-дам ... его весьма беспокоит, чтобы Швейцария приобрела пусть небольшой участок земли и хотя в скромных масштабах начала строительство будущего швейцарского Машрик уль-Азкара. С его точки зрения, наилучшим местом являются окрестности Берна, с видом на Оберланд; и он также будет очень рад возможности лично от себя преподнести эту землю швейцарской общине. Не следует придавать этому делу широкую огласку, если только ортодоксальные круги в Берне не заявят протест, подобно тому, как это случилось в Германии. Как только ответственная комиссия подберет пригодный участок, он ждет подробного отчета от Национального Собрания". Это был уникальный подарок - ни одна община в мире не удостоилась больше такой чести. Участок в окрестностях Берна, площадью около 2.000 квадратных метров, обращен в сторону Гюберталя, откуда открывается вид на знаменитые горные вершины Финнстерархорн, Менх, Айгер и Юнгфау, по склонам которых когда-то отважно поднимался Хранитель и среди которых он провел немало часов в смертельной тоске после кончины своего деда.

Был случай, когда паломница из Канады сообщила Хранителю, что, проводя миссионерскую работу среди эскимосов и рассказывая им об основах Учения, очень трудно объяснить, что такое роза и соловей, так как это вещи совершенно им незнакомые. Шоги Эффенди прореагировал характерным для него образом. Прощаясь с паломницей, он дал ей небольшой флакон с маслом из лепестков персидской розы - самой сути этого цветка - и посоветовал производить помазание эскимосов этим маслом, добавив, что тогда, быть может, они получат хотя бы отдаленное представление о том, что имел в виду Бахаулла, когда писал о розе.

Вспоминается еще один случай. Среди последних паломников, покидавших Хайфу перед тем, как сам Шоги Эффенди навсегда покинул ее в июне 1957 года, было несколько

американских темнокожих верующих. До конца дней не забуду взгляд одной из этих паломниц, сидевшей напротив Хранителя за столом в Доме Паломников. Я всегда подмечала, что, встречаясь с ним - тем, кто относился к любому человеку как творению Божию, с единственным чувством радости, что Бог создал их такими, - люди забывали о своих горестях и печалях. Во взгляде паломницы читались одновременно великая любовь материнского сердца и преклонение - так, думается мне, должны глядеть ангелы в Раю на Господа.

В тех, кто имел счастливую возможность находиться рядом с Хранителем, независимо от их житейского и религиозного опыта, независимо от того, как долго они иповедовали Веру Бахаи - некоторые, как я, бессознательно, с самого детства, - постоянно складывалось понимание величия Дела, подкрепляемое словами Шоги Эффенди, его действиями и примером. Помню свое удивление, когда в большом послании к бахаи мира в честь Ризвана в 1957 году он упомянул (совершенно очевидно с гордостью, иначе бы он не стал делать этого) о "новообращенных бахаи из числа заключенных" тюрьмы Киталайя в Уганде. Мне и в голову не приходило, что можно, не испытывая стыда, упомянуть о том, что кто-то из бахаи находится в тюрьме! Но он во всеуслышание заявлял о заключенных - последователях Бахауллы. Он часто ссылался на это в разговорах с паломниками, и я, размышляя над тем, что он говорил, поняла, что Вера - для всех людей, святых и грешников, и поэтому в ней сочетаются два принципа. Один состоял в том, что общество должно управляться законами, искать защиту в законах и члены его должны также наказываться по закону; другой - в том, что вера в Явление Божие универсальна и затрагивает всех, поскольку акт веры как искра, озаряющая душу и дающее ей вечное сознание Бога, а на это имеет право каждый, и не важно, каковы его грехи. Не в одном письме, адресованном в разное время разным людям, Шоги Эффенди призывал учительствовать в тюрьмах.

Сочувствие, которое Пророки Божии выказывали по отношению ко всем недужным, ученым, изгоям и беднякам, выделяя их среди прочих, относясь к ним с особой заботой и любовью, всегда проявлялось в поступках и словах Хранителя. Но мы не должны путать этот факт с той несомненной истиной, что многие из тех, кто ныне относится к этим категориям, не только заслуживают специального внимания, но и сами располагают запасами внутренней силы и духовного величия, в которых так нуждается человечество. Возьмем, к примеру, индейцев западного полушария. Абдул-Баха писал: "Вы обязаны уделять серьезнейшее внимание индейцам - исконным обитателям Америки. Ибо они подобны древним обитателям Аравийского полуострова, которые до Откровения Мухаммада были как дикари. Когда же Свет Мухаммада воссиял среди них, они воспылали великим рвением и понесли этот Свет по всему миру. Так и индейцы, получив соответствующее воспитание и под праведным водительством, озарятся духом Божественных учений, а через них и весь мир". На протяжении всего своего служения Шоги Эффенди помнил эти слова и неоднократно наставлял верующих Канады и обеих Америк объединять эти души под знаменем Бахауллы. В одном из последних писем, написанных в июле 1957 года и обращенных к Национальным Собраниям западного полушария, он вновь усиленно подчеркивает важность этого вопроса и говорит о "давно ожидаемом обращении американских индейцев". Приведу несколько отрывков из его наставлений, записанных его секретарем:

"Задачей первостепенной важности является, безусловно, миссионерская работа; на каждой сессии вашего Собрания ей следует уделять самое пристальное внимание, все остальное - вещь второстепенная. Необходимо не только образовывать новые Собрания, группы и отдельные центры, но также фокусировать внимание на обращении в Веру индейцев. Цель - создать Всеиндейское Собрание, так чтобы эти долго время эксплуатировавшиеся и угнетаемые коренные обитатели континента получили возможность осознать, что являются равными партнерами во всех делах, касающихся Дела Божия, и что Бахаулла есть Явление Божие для них".

"Он был особенно рад видеть, что на Съезде присутствуют индейцы-верующие. Он придает огромное значение воспитанию исконных жителей обеих Америк в духе Веры. Сам Абдул-Баха говорил о том, сколь велики их скрытые возможности, и это их право и долг всех остальных бахаи не-индейцев проследить из тем, чтобы Весть Божия дошла до них ныне. Одной из наиболее важных целей вашего Собрания должно являться учреждение Всеиндейских Духовных Собраний. Подобным же образом следует изыскивать средства и способы к воспитанию других меньшинств. Друзьям следует постоянно иметь в виду, что в нашей Вере, в отличие от любого другого сообщества, меньшинствам уделяется, компенсируя их "зависимый статус", особая забота, любовь и внимание..."

"По мере формулировки целей, которым должно уделяться ваше безраздельное внимание в течение блажайших лет, он настоятельно просит вас помнить, что наиболее важной из всех является именно увеличение числа Духовных Собраний, групп и отдельных центров; это обеспечит широту и глубину основ, которые вы закладываете для будущих национальных органов. Верующим следует настоятельно советовать, соображаясь с нуждами своих конкретных районов, вести первичную работу в ближайших и более удаленных крупных и малых городах. Ваше Собрание должно вдохновлять их напоминанием о том, что именно малые народы, зачастую темные и бедные, оказали влияние на судьбы человечества в большей степени, чем народы богатые и прославленные. Ибо Тот, Кто отделял плевелы от зерна, а не ученые священники его города, на заре нашей Веры, восстал, прожил героическую жизнь и закончил ее мучеником!"

Подобные же чувства он выражал в отношении других народов и других рас. В письме от 27 июня 1957 года он писал, обращаясь к недавно образованному новозеландскому Духовному Собранию: "Он хочет, чтобы в процессе составления ваших планов работы на ближайшие шесть лет, вы особенно учитывали бы необходимость воспитательной работы среди маори. Эти первооткрыватели Новой Зеландии - глубоко культурная раса, на протяжении многих лет вызывавшая восхищение своим благородными качествами; при этом особые усилия следует прилагать не только к тому, чтобы устанавливать связи с маори, живущими в городах, и вовлекать их в дела Веры, но и ехать в их поселения, жить среди них и учреждать Собрания там, где по крайней мере большинство верующих, если не все, являются маори. Это будет поистине достойным достижением".

Паломнику, принадлежавшему к монголоидной расе, Хранитель говорил, что поскольку большинство людей на земле не относятся к белой расе, то нет никакого резона в том, чтобы большинство верующих-бахаи имели белый цвет кожи; напротив, Дело должно отражать сложившуюся в мире ситуацию. Для Шоги Эффенди различия отнюдь не были чем-то, что следует уничтожать, а скорее, законными, необходимыми и даже любопытными составляющими, которые делают целое еще более прекрасным и совершенным.

Шоги Эффенди не только постоянно внушал бахаи уважение к людям с другими этническими корнями, он учил их, что такое истинное уважение и почитание как черты необходимо присущие благородной человеческой натуре. К сожалению, западному миру сегодня недостает почтения к святыням. В нашем веке, когда, исходя из превратно истолкованной идеи равенства, требуют, чтобы каждая травинка была одинаковой высоты, глубокое уважение самого Хранителя к тем, кто стоял выше него, может послужить наилучшим примером. Неизменным образцом для всех бахаи может послужить беспредельное почтение, с каким он относился к двойному Проявлению Божию и к Абдул-Баха - будь то в своих писаниях, речах или в том, как он приблизился всегда к Их Усыпальницам. Когда бы Шоги Эффенди ни оказывался вблизи Гробниц, это всегда ощущалось во всем его существе. Его походка, когда он приближался к ним, то, как он неспешно, с величайшим достоинством и почтением подходил к порогу, преклонял колени и касался его лбом, что внутри самих Усыпальниц он ни на мгновение не

поворачивался спиной к местам, где были погребены бесконечно святые и любимые им существа, его интонации, отсутствие малейшей тени легкомыслия - все говорило о том, что человек приближается к святым святым, осторожно ступая по священной земле. Действительно, к чему как не к душе следует человеку обращаться в земной жизни - ведь она единственное, что он возьмет с собой, когда покинет ее. Именно это основополагающее представление - столь замутненное и позабытое современными философами, - наделяет даже прах высших существ мистической силой. Аромат некоторых роз столь силен, что даже через много лет после того, как они отцвели и засохли, в них уловим запах розы. Приблизительно так же таит в себе силу прах возвышенных духом божественных душ, побывавших в этом мире.

Это удивительное чувство благоговения - которое, стоит его дуновению коснуться нас, способно очистить наши незрелые души от тщеты и суетности, - было в огромной степени присуще Хранителю, который проникся им еще с детства, когда, скрестив руки, сидел на корточках перед своим великим дедом. Помню случай, произошедший после того, как мои родители в 1937 году, вернувшись в Канаду, прислал мне из дома мои книги и ранец. Я аккуратно расставила книги рядом с кроватью, так же как они стояли в моей комнате раньше, и поставила на них старую фотографию Абдул-Баха - параллельно краю моей кровати. Когда Шоги Эффенди увидел это, он воскликнул: "Ты поставила Учителя себе в ноги!" Мягко говоря, я была удивлена прочувзованностью этого замечания и сказала, что всегда ставила Его так, чтобы видеть Его лицо, просыпаясь по утрам. Шоги Эффенди сказал, что это неправильно. Из уважения к Учителю я должна поставить Его фотографию в изголовье. Раньше мне никогда не приходило в голову, что у комнаты есть верх и низ и что ассоциации, связанные с такими вещами, как фотография Средоточия Высшего Проявления Завета Божия и репродукция Величайшего Имени, столь священны, что даже в комнате они должны занимать самое "высокое" место. Пример такого отношения Хранителя содержится в письме, которое он через секретаря направил Американскому Национальному Собранию в 1933 году: "Что касается Скрижалей Бахауллы к Пресвятому Листу, Шоги Эффенди полагает, что будет неподобающе воспроизводить факсимиле Скрижалей почерком Бахауллы в предлагаемой брошюре. Он уже располагает копиями, которые будут иллюстрированы и разосланы в качестве подарков различным Национальным Собраниям для почетного хранения в соответствующих Национальных архивах".

Есть и другие примеры на ту же тему. Еще в 1923 году Шоги Эффенди направил тому же Собранию следующую телеграмму: "Достоинство Дела требует ограничений в использовании и распространении пластинок с записью голоса Учителя". Имелись в виду записи пения Абдул-Баха, сделанные во время Его поездок по Соединенным Штатам. И еще одно наставление Шоги Эффенди Американскому Собранию: "При проведении всех общественных мероприятий Национальным Управлением следует особо тщательно и строго заботиться о соблюдении подобающего порядка, тем более учитывая близость Дома Поклонения, порядка, который важен вдвойне, дабы воспитать у всех верующих нормы поведения и социального порядка, установленные в Учении Бахаи".

Речь здесь идет не о соблюдении ритуала. Вера Бахаи не имеет такового. Речь - об отношении. Хотя для самого Хранителя и было естественно простираться ниц перед порогами Святых Гробниц, ему было крайне непросто объяснить паломникам, что они свободны следовать или не следовать в этом его примеру. Он делал так потому, что таков был обычай в той части Востока, откуда были родом его предки. Иное дело - почитание; в одном случае речь шла о форме выражения, которую человек избирал лично для себя, в другом - о подобающем духе, которым должно исполняться сердце набожного человека, когда он приближается к величайшим святыням в мире.

В обыкновении Хранителя, следовавшего по стопам Учителя, Который провозгласил Себя Слугой слуг Божиих, было - стоя рядом с дверью Усыпальницы, производить помазание входивших в нее верующих розовой водой или розовым маслом. Сам он заходил

последним. Однако даже в атмосфере подобной кротости и смирения, чувство меры, привитое человеку обществом, чувство разницы в положении, не утрачивалось. Это он, Хранитель, вел верующих на молитву; это люди, занимавшие самое высшее положение в Хайфе, первыми входили в Усыпальницу, они шли вслед за Хранителем и им предоставлялось почетное право ехать в его машине, когда он отправлялся в Бахджи в связи с очередным праздником Бахаи. Вежливость, уважение, благоговение - все занимает свое место в порядке вещей.

Шоги Эффенди, проникнутый глубоким благоговением по отношению к Главным Героям нашей Веры, всегда был начеку, оберегая Их от малейших проявлений пренебрежения или кощунства. Примером тому может послужить случай, произошедший в январе 1941 года. Муниципалитет назвал короткую улочку напротив дома Абдул-Баха и Дома Паломников Запада "улицей Баха". Шоги Эффенди был крайне возмущен и немедленно послал своего секретаря к мэру заявить протест в связи с тем, что, поскольку это имя основателя нашей Веры, мы считаем этот акт не только не подобающим, но и оскорбительным. Муниципальные власти собрались и, обсудив вопрос, переименовали улицу в "Иранскую". Помню, что случай этот взволновал Хранителя настолько, что он сказал, что если табличку с названием не снимут тут же, то он сорвет ее собственными руками, даже если после этого ему придется сесть в тюрьму! Я была очень расстроена такой перспективой, поскольку мне не хотелось, чтобы он отправлялся в тюрьму без меня, а я не знала, как сделать так, чтобы оказаться там вместе с ним.

Образ Шоги Эффенди не будет полным, если не сказать о поистине необыкновенном художественном чутье, которым он обладал. Я не имею ввиду, что он мог бы стать художником; он был писателем *par excellence*. Но у него действительно был взгляд художника или архитектора. Кроме того ему было присуще то основное свойство, без которого я вообще не мыслю, как можно достичь больших результатов, величия в искусствах и науках - безупречное чувство пропорции, чувство пропорции, измеряемое даже не в сантиметрах, а в миллиметрах. Это он подсказал стиль Усыпальницы Баба - не столько в деталях, сколько в принципе - моему отцу. Именно он разработал проект здания Международных Архивов в такой степени, что его архитектор неизменно утверждал, что проект принадлежит не ему, а Шоги Эффенди. Великолепные сады в Бахджи и Хайфе Хранитель тоже разбил сам без чьей-либо помощи или совета, причем все измерения были произведены им же. Но чего люди, возможно, не понимают, что интерьеры Усыпальницы, Дворца Бахауллы, Дома Аббуда и Дворца в Мазра-йе вплоть до мельчайших деталей - тоже произведение самого Хранителя. Он не только постепенно дополнял и корректировал орнаменты, компоновку развешанных по стенам фотографий, расположение светильников и мебели, которые делают эти места столь прекрасными, но буквально все в них размещено под его наблюдением. Точное место каждой картины, вплоть до сантиметра, определял он сам. Он не только создавал красоту, радующую глаз любого посетителя, но и делал это по минимальной цене, приобретая вещи не из-за стиля или эпохи, а потому, что, несмотря на их дешевизну, они могли достичь эффекта благодаря своим внутренним достоинствам. Только когда он бывал в Усыпальницах и садах, я могла наконец прибратсья в его комнате. Часто я помню, как, несмотря на мои попытки и попытки служанки поставить вещи на его столе точно так же, как они стояли раньше, он входил в спальню, где всегда работал, и, бросив машинальный взгляд на стол, неуловимым движением руки подправлял стоявшие на нем предметы так, чтобы они снова заняли свое прежнее излюбленное положение, хотя я уверена, что только он один мог заметить разницу. Излишне говорить, что опрятность и чистоплотность его были феноменальны.

Шоги Эффенди любил изысканные вещи, но не из-за самой их изысканности, а из-за красоты пропорций. За многие годы я хорошо изучила, какие именно здания и архитектурные стили нравятся ему больше всего: он восхищался греческой архитектурой, образцом которой считал непревзойденный по своей пропорциональности Парфенон;

вторым его излюбленным стилем была готика, такая непохожая на греческую архитектуру, его приводили в восторг парящие арки и каменное кружево готических соборов; много раз мы посещали в Англию, а у себя в комнате он держал большую обрамленную фотографию Миланского собора. У него также были фотографии - часть дома, часть во Дворце в Бахджи - севильской Альгамбры, которую он считал очень красивой. Было еще одно здание, очень отличное от уже упомянутых по впечатлению и пропорциям - Синьория во Флоренции, - которую он, однако, тоже любил. Ничто так ясно не свидетельствует о здравости и глубине его художественного чутья, как высокая оценка, которую он давал этому массивному, тяжелому итальянскому дворцу, столь непохожему на другие его любимые здания.

Не скованный традициями в вопросах наук, Шоги Эффенди был чрезвычайно оригинален и изобретателен в достижении собственных художественных эффектов. Он делал вещи, на которые никогда не отважился бы авторитет, обремененный знанием того, что можно делать и что нельзя. Возьмите, к примеру, интерьеры построенного в греческом стиле здания Архивов. Чтобы расширить пространство огромного зала, где он собирался выставить множество священных и прочих предметов, которые должны были украсить его, Шоги Эффенди выстроил два узких балкона по всей его длине с чисто ренессансной, прекрасной по стилю деревянной балюстрадой. Большинство ниш внизу он украсил лаковыми японскими и резными панно из китайского тикового дерева. Шесть больших люстр из граненого хрусталя были выдержаны в чисто европейском вкусе. Когда я спросила Хранителя, какую мебель он собирается поставить на балконах, он сказал, что хочет использовать часть мебели из старых архивов, не выдержанную в каком бы то ни было определенном стиле и сделанную из простой фанеры, как в большинстве домов того времени. Тем не менее этот странный набор предметов, представляющих различные эпохи и различные страны, включающий бесчисленные *objets d'art*, в совокупности с озадал впечатление красоту, благородства, богатства и роскоши, которое трудно с чем-либо сравнить.

Другой пример необыкновенной изобретательности Хранителя - маленький сад, устроенный на высоте второго этажа в небольшом открытом внутреннем двореике Дома Аббуда в Акке. Не спрашивая ничьего совета - и следовательно непоколебимый в своих решениях - он использовал стыре изразцы, мелкую лепку, старый деревянный цоколь, металлическую фигуру павлина ир несколько растений и объединил их на небольшой площади сада так, что сад получился очаровательным и привлекал любопытствующих жителей Акки, посещавших дом в те дни, когда он был открыт, и зачарованно глядевших на эту новую невиданную красоту, еще больше прославившую общину бахаи.

Хранитель был поистине незаурядным человеком. Когда думаешь о его натуре и его достижениях, на ум поневоле приходят все новые примеры. Вряд ли отыщется человек, который бы умел так хранить верность тем, кто был верен ему. В садах, на одной из террас напротив Усыпальницы Баба, стоит маленькая цементная сторожка, размером чуть больше большого ящика. Здесь жил Аб уль-Касим, смотритель Усыпальницы, горячо любимый Шоги Эффенди за свою набожность и характер. За день до того, как этот человек умер, Шоги Эффенди рассказал мне об удивительном, дважды приснившемся ему сне, в котором обрамляющая Усыпальницу зелень вдруг исчезла, словно вспыхнула и сгорела в одночасье. Он был очень озадачен своим сном, потому что почувствовал, что сон - вещий. Когда несколько часов спустя к нему пришли с известием, что смотритель Усыпальницы мертв, он тут же понял скрытое значение сна. В разное время, на протяжении многих лет пока Хранитель строил Усыпальницу и расширял террасу перед нею, он разрушал сторожку, но всякий раз заново отстраивал ее, сдвигая немного к западу, помня о набожной душе смотрителя.

VII

Глубочайшие связи

Какие бы неизменно нежные отношения ни поддерживал Шоги Эффенди на протяжении своей жизни с близкими для него людьми, главными оставались отношения между ним и Пресвятым Листом. Весть о ее кончине застигла его в Интерлакене, в Швейцарии. Хотя он хорошо знал о ее состоянии, о котором в 1929 года писал, что Пресвятой Лист "ныне вступила в вечернюю пору своей жизни, зрение ее слабеет, и тени вокруг сгущаются, а силы быстро идут на убыль"; хотя он предчувствовал ее скорый конец, когда в марте в 1932 года писал американским верующим, настоятельно прося их ускорить работы по завершению купола "нашего возлюбленного Храма", и говорил, что "к моему голосу вновь присоединяется страстная и, возможно, последняя мольба Пресвятого Листа, чей дух, ныне стоящий у Великого Предела, стремится воспарить в Царство Абха... и она хочет быть уверена в счастливом завершении предприятия, успех которого так ярко озарял последние дни ее земной жизни"; хотя ей исполнилось уже восемьдесят два года - ничто не могло смягчить удар или утешить скорбь, охватившую Хранителя. Пятнадцатого июля он телеграфировал в Америку, извещая, что ее дух воспарил к Великому Пределу, горестно сетуя на "внезапное исчезновение моей единственной земной опоры, радости и отрады моей жизни" и информируя друзей, что "в связи со столь горестной утратой все религиозные торжества Бахаи следует отменить на девять месяцев"; повсюду, в местном и национальном масштабе должны были проводиться мемориальные собрания в память о ней - "последней близкой Бахауллы".

17-го июля он пишет американским и канадским верующим письмо, показывающее, что творилось в смятенном море его души, письмо, в котором он восхваляет жизнь, положение и деяния сестры Абдул-Баха, изливая свою любовь в могучем потоке незабываемых слов:

Дорогой и возлюбленный Пресвятой Лист! Сквозь пелену слез, застилающих мои глаза сейчас, когда я пишу эти строки, я ясно различаю твой благородный возвышенный образ и узнаю твой безмятежный, светящийся добротой лик. Сквозь могильную сень, разделяющую нас, я все еще могу заглянуть в твои синие, глубокие, любимые глаза и почувствовать в твоём умиротворенном взгляде безмерную любовь, которую ты питала в Делу твоего Всемогущего Отца, узы, которые связывали тебя с самыми малыми из его последователей, теплую привязанность ко мне, которую ты лелеяла в своём сердце. Память о твоей несказанной прекрасной улыбке будет ободрять мое сердце на тернистом пути, который мне уготован. Память о прикосновении твоей руки будет побуждать меня неуклонно следовать этим путем. Сладостное волшебство твоего голоса в самый черный час будет напоминать мне, чтобы я крепче держался за ту незримую нить, которой ты так твердо придерживалась всю свою жизнь.

Передай мою весть Абдул-Баха, твоему возвышенному и божественно приуготовленному Брату: если Делу, во имя которого вершил Свои труды Бахауллы, во имя которого Ты пережил годы скорбей и страданий, во имя которого пролились реки священной крови, если ему суждено в грядущие дни противостоять бурям еще более жестоким, то пусть Твоя тень, Твоя всеобъемлющая забота и мудрость осеняют Твое хрупкое, Твое недостойное дитя.

Невозможно перечислить все, что Пресвятой Лист сделала для Шоги Эффенди в годы, последовавшие за кончиной Учителя. Он не раз говорил, что она сыграла выдающуюся роль в смутные периоды истории Бахаи, и не в последнюю очередь - во время служения самого Шоги Эффенди после смерти Абдул-Баха. "Могу ли я исчислить все благодеяния, - писал Шоги Эффенди, - которыми она, неизменно заботливая, осыпала меня в самые критические и смятенные минуты моей жизни?" Он говорил, что для него она была воплощением всеобъемлющей нежности и любви Абдул-Баха. По мере того как ее жизнь шла на убыль, его - становилась все более полной. Как отрадно было ей видеть, что пока ее жизнь понемногу удалялась от берегов этого мира, Шоги Эффенди все больше упрочивался в своей роли Хранителя, способный противостоять нескончаемым ударам,

которые он переносил со стойкостью человека полностью созревшего для осуществления своей поразительной задачи.

После кончины Учителя Шоги Эффенди стал для Бахйи-ханум буквально всем, средоточием ее жизни - для него же она всегда была самым любимым человеком на земле после деда. Помню как во время нашего с матерью паломничества в 1923 году в главном зале в доме Абдул-Баха состоялось большое собрание бахаи; моя мать и Эдит Сэндерсон сидели там рядом с Хранителем, я же присоединилась к женщинам в соседней, примыкающей к залу комнате. Мы сидели в темноте, поэтому дверь была немного приоткрыта (в те дни, следуя восточному обычаю, мужчины и женщины были строго разделены), и слышали часть того, что происходило в зале. Кажется, один из восточных верующих в неожиданном порыве понялся и, бросившись вперед, распростерся в ног Шоги Эффенди; из нашей комнаты мы не могли видеть, что именно происходит, и только слышали громкий гул голосов, доносившийся снаружи. Пресвятой Лист, такая худенькая и хрупкая, с громким криком вскочила на ноги, испугавшись, что что-то случилось с молодым Хранителем. Кто-то пришел и объяснил ей, что ничего серьезного не произошло, но ее испуг, страх за Шоги Эффенди был настолько очевиден, что сцена эта навсегда отпечатлелась в моей памяти.

Вплоть до самой ее смерти у Шоги Эффенди было обыкновение раз в день есть вместе с нею за маленьким столиком в ее спальне. Он часто рассказывал мне, что, когда она видела его расстроенным, то говорила, чтобы он не ел, поскольку пища в таком состоянии вредна для здоровья. Другая история, которую он рассказывал мне была связана с небольшой суммой денег, которые он настоятельно предлагал ей как наследство Абдул-Баха; в конце концов Пресвятой Лист приняла деньги, но большую их часть отдала на устройство следующей террасы перед Усыпальницей Баба во исполнение заветного плана своего Брата.

Они были связаны так тесно, что Шоги Эффенди снова и снова, в телеграммах и других обращениях, особенно в первые годы своего служения, упоминал ее имя рядом со своим: "заверьте нас", "Пресвятой Лист и я", "мы" и т.д. Одна из телеграмм 1931 года даже подписана "Бахйя Шоги". Ничто так ярко не свидетельствует о силе его любви к ней, как тот факт, что в день нашей свадьбы Хранитель провел меня в ее комнату, где все сохранилось в том виде, в каком было при ее жизни, и там, стоя перед ее кроватью, мы совершили несложный обряд бахаи, взявшись за руки и произнеся на арабском: "Воистину будем жить, следуя Воле Божией".

До конца своих дней Хранитель проявлял эту нежную любовь к Пресвятому Листу, которая опекала его на протяжении тридцати пяти лет, гораздо больше, чем его собственная мать. Когда, находясь в Швейцарии, он узнал о ее смерти, то первой его мыслью было создать на ее могиле подобающий мемориал, который они поспешил заказать в Италии. Пожалуй, этот изысканно пропорциональный монумент, построенный из ослепительного белого каррарского мрамора, и нельзя назвать иначе, как храмом любви, воплощением любви Шоги Эффенди. Замышляя его план и композицию, он, несомненно, опирался на архитектуру построек подобного типа, и под его наблюдением архитектор включил его замысел в план памятника, возведенного на месте ее упокоения. Шоги Эффенди часто сравнивал звенья Административного Порядка с этим монументом, говоря, что основание из трех ступеней подобно местным Собраниям, колонны - национальным, а венчающий и единящий их купол - Всемирному Дому Справедливости, который не может существовать без прочного основания и несущих его колон. После того как монумент вознесся над могилой Пресвятого Листа во всей своей красоте, он разослал его фотографию во многие Собрания разных стран, а также нескольким специально отобранным частным лицам, которым он от всего сердца хотел преподнести этот памятный подарок.

Кресло, в котором он всегда сидел в ее комнате, он перенес в то место, где часто отдыхал во время работы, и оно прослужило ему до конца жизни; спальня его была увешана

фотографиями Бахйи-ханум в разные периоды ее жизни и несколькими изображениями памятника на ее могиле. В весьма прочувствованной телеграмме, отправленной им в Америку через семь месяцев после ее кончины, в которой он восхваляет верность и самоотверженность строителей Нового Мирового порядка, он пишет: "Основатель нашей Веры радуется знамениям их мудрости и деяниям Абдул-Баха горд их отвагой Пресвятой Лист сияет от радости при виде их верности". Он пишет, что память о ней останется и будет оказывать "облагораживающее влияние... среди обломков сокрушенного мира". Он украшал стены Архивов иллюстрированными Скрижалями, которые Абдул-Баха направлял ей, ее фотографиями и фотографиями памятника, воздвигнутого в ее честь, некоторыми из ее личных вещей. В день, когда он сказал мне, что хочет, чтобы я стала его женой, он надел мне на палец простое золотое кольцо с выгравированным на нем символом Величайшего Имени, которое Пресвятой Лист подарила ему много лет назад в знак того, что он - бахаи; он сказал, что до определенного времени никто не должен видеть его, и я носила кольцо на цепочке на шее вплоть до дня нашей свадьбы.

Каждый свой поступок на стезе служения Вере он связывал с именем Пресвятого Листа. Во время захоронения останков матери и брата Бахйи-ханум на горе *** он отправил следующую телеграмму: "... заветное желание Пресвятого Листа исполнено", имея в виду, что она часто выражала желание покоиться рядом с ними. В связи с этим важным событием он сказал, что рад счастливой и почетной возможности внести от своего имени тысячу фунтов в фонд Бахйи-ханум, предназначенный для завершающей стадии возведения американского Храма. Он писал, что перезахоронение останков было событием "огромного символического значения". Он говорил, что "объединение могилы Пресвятого Листа, ее матери и брата неизмеримо увеличивает духовную энергию этого освященного Места", которому предназначено развиваться в главный центр тех потрясающих устоев мира, всеобъемлющих и направляющих Административных институтов, заповеданных Бахауллой..."

Когда мантия Абдул-Баха, которую Он носил как Глава Веры, облекла плечи Шоги Эффенди, в нем произошла великая перемена. Какова была духовная природа этой перемены нам - столь бесконечно далеким от него как по положению, так и по масштабу нашей личности - вряд ли дано понять. Он часто повторял мне: "Когда они прочитали мне Завещание Учителя, я перестал быть обычным человеческим существом". В этом и без того представительном и благородном молодом человеке с течением лет все более явственно проступал отпечаток царственности, сквозившей в его лице, манерах, походке и обхождении. Это не было чем-то перенятым, он никогда не стремился копировать своего деда, скорее можно говорить о перемене свыше. Шоги Эффенди никогда не был безудержно откровенен с посторонними, он изливал душу лишь ближайшим родственникам и тем, кто в ранние годы были его помощниками и секретарями. Шли годы, груз лежащей на нем ответственности рос, и он все больше замыкался в себе, так что, когда члены Международного Совета Бахаи приезжали в Хайфу, он очень редко встречался наедине с его западными членами, обычно появляясь лишь чтобы попрощаться с ними или дать Десницам какие-либо указания, когда они должны были представлять его на конференции.

Наибольшей благосклонностью в этом отношении пользовались Милли Коллинз, чья несравненная любовь к Хранителю и благоговение перед ним сделали ее особенно дорогой его сердцу; после того как мой отец скончался в Канаде, Хранитель предложил Милли поселиться в Доме Учителя, в комнате, которую прежде занимал отец, потому что ее - в Доме Паломников Запада - была сырой, а Милли очень мучилась из-за артрита; за исключением Лотфуллы Хакима все члены Международного Совета Бахаи расположились в том здании, и Шоги Эффенди решал все дела с ними прямо за обеденным столом в Доме Паломников или присылал с поручениями кого-то из своих секретарей. Однако это вовсе не мешало ему часто выражать свое благоволение членам Совета, и прежде всего - Милли. Только она одна, за исключением единственного

человека, ответственного за его переписку (и, разумеется, помимо моего отца), знала его адрес, когда он отлучался из Хайфы, и соответственно поддерживала с ним постоянную связь. Столь великим и нежным было ее чувство к Шоги Эффенди, с которым она впервые познакомилась вскоре после кончины Учителя, что она почти никогда не писала непосредственно ему, адресуя свои письма мне, чтобы избавить его от необходимости отвечать ей. Она хорошо знала, что некоторые верующие в своем наивном эгоизме скопили целую коллекцию - по пятьдесят, шестьдесят и более писем, полученных от этого сверхзанятого человека! Поэтому она твердо решила не добавлять от себя ни малейшего груза, могущего обременить Хранителя, и все ее помыслы были направлены на то, чтобы всеми доступными ей средствами освободить его от излишних усилий и привнести в его жизнь пусть малую частицу радости. Ее забота о нем была столь велика, что, хотя они жили под одной крышей, когда он собирался уходить или возвращаться домой, она старалась не показываться из своей комнаты, чтобы не заставлять его тратить лишнюю минуту драгоценного времени и не напрягать усталую мысль, останавливаясь поприветствовать ее и поговорить с ней. Когда же из-за усталости или недомогания она не могла выйти, Смотритель ненадолго навещал ее и часто приносил ей какой-нибудь подарок. Помню, как однажды, когда она болела, он, зайдя к ней, снял теплый и мягкий кашемировый платок, подаренный ему верующими, и собственными руками повязал его Милли на шею. С тех пор это стало ее самым большим сокровищем, и она никогда не могла позабыть, как частица его тепла вместе с платком передалась ей.

Но подобные отношения представляли большую редкость в жизни Хранителя. Тем не менее отчасти похожим образом складывались они у него с моим отцом. Мне часто казалось, что одной из величайших благодатей, которыми Бог в Своей великой милости осыпал меня, была великая любовь между Шоги Эффенди и отцом. Связь эта восходит к дням женитьбы возлюбленного Учителя. Вплоть до последних десяти лет жизни отца гораздо более знаменитым деятелем в кругах бахаи была моя матушка; зимой 1898-99 она с первой группой западных паломников приехала к Абдул-Баха в Акку; она была первой бахаи на европейской земле, стояла у истоков общин бахаи во Франции и Канаде, была одной из первых и самых одаренных последовательниц Учителя и пользовалась Его великой любовью. Я упоминаю обо всем этом, потому что, однажды вечером придя к ужину в Дом Паломников Запада после нашего собрания, Шоги Эффенди сказал, что, не будь я дочерью Мэй Максвелл, он не женился бы на мне. Его слова не значат, что то было единственной причиной, но очевидно причиной весьма важной, поскольку в телеграмме от 3-го мая 1940 года, официально сообщавшей о ее смерти, произошедшей двумя днями раньше, он передает: "К священной связи упроченной ее выдающимися заслугами ныне добавилась великая честь мученической смерти. Глава ее заслуженно удостоилась двойного венца". Слова эти ясно указывают на ее отношение к его женитьбе. В Скрижали, которую Абдул-Баха обратил к одной из своих духовных дочерей, Он писал, что "ее общество возвышает и укрепляет душу". Вплоть до той поры, пока я не оказалась под непосредственным влиянием Хранителя, удостоившись чести пробыть рядом с ним более двадцати лет, могу откровенно сказать: моя вера в Бахаулла и небольшие заслуги в деле почитания Его и служения Ему полностью можно отнести за счет влияния матушки. Из всего вышесказанного можно заключить, что, когда я в январе 1937 года приехала с ней в Хайфу в третий раз, на отца среди верующих смотрели в первую очередь как на "мужа миссис Максвелл".

Моя мать знала Шоги Эффенди еще ребенком, когда приехала в Святую Землю в конце прошлого века; вновь она побывала здесь, уже с отцом, в 1909 году, но я не знаю, часто ли им удавалось видеться и виделись ли они вообще в этот раз в Шоги Эффенди. Кончина Абдул-Баха очень тяжело отразилась на ее здоровье; известие о Его смерти, неожиданно услышанное ею по телефону, произвело такой шок, что в течение года мы не были уверены, выживет ли она и останется ли в здравом уме. Единственное, с чем связывал все свои надежды отец, старавшийся развеять ее скорбь и не дававшие ей покоя мрачные

навязчивые мысли - она была уверена, что не увидит Учителя в мире ином, поскольку недостойна этого, - было ее новое паломничество в Хайфу - на этот раз, чтобы повидать юного преемника Абдул-Баха.

В апреле 1923 года мы прибыли в Хайфу, и не кто иной, как Шоги Эффенди буквально воскресил женщину настолько больную, что без посторонней помощи она не могла ступить и шагу и передвигалась исключительно в инвалидном кресле. С тех пор матушка полностью отдала свое сердце Хранителю и, вернувшись в Америку после двух долгих периодов пребывания в Хайфе, откуда мы отлучались в Египет, когда Шоги Эффенди был в Европе, она вновь принялась активно служить Делу. Я тоже три года спустя свершила паломничество в Святую Землю вместе с двумя подругами матери, так что когда мы приехали в Хайфу в 1937 году, то встретились уже не как незнакомцы, а как двое влюбленных в расцвете чувства.

Безусловно, та простота, с какой Шоги Эффенди решил судьбу своего брака, напоминая простую обстановку свадьбы самого Абдул-Баха в городе-тюрьме Акке, - пример, который должен заставить задуматься всех бахаи. Никто, за исключением его и моих родителей и его брата и двух сестер, живших в Хайфе, не знали о предстоящем. Хранитель чувствовал настоятельную необходимость держать свои планы в тайне, по прошлому опыту зная, источником скольких неприятностей неизменно становилось для Дела любое крупное событие. Поэтому и его слуги и местные верующие были поражены, увидев, как мы, сидя рядом в его машине, выехали посетить Святую Гробницу Бахауллы. Это было днем 25 марта 1937 года. В столь важную минуту его жизни, сердце влекло Хранителя к самому Священному для него Месту на земле. Помню, что по столь исключительному поводу я была вся в черном кроме белой кружевной блузки, ничем не отличаясь от восточных женщин, выходящих на улицы в дни, когда обычай велит надевать черное. Хоть я и была родом с Запада, Шоги Эффенди хотел, чтобы я по возможности естественно и непринужденно вписывалась в образ жизни его дома, по сути очень восточного, и я была только счастлива исполнять все его желания. Когда мы приехали в Бахджи, и вошли в Усыпальницу, он попросил меня дать ему кольцо, которое я по-прежнему носила втайне от всех на цепочке на груди, и надел его на безымянный палец моей правой руки - так же он всегда и сам носил свое. Обряд был свершен. Войдя во внутреннюю Усыпальницу, где покоятся останки Бахауллы, он собрал в платок осыпавшиеся лепестки и увядшие цветы, которые смотритель Усыпальницы обычно подбирал у порога и хранил в серебрянной чаше у изножья могилы Бахауллы. Он пропел Скрижаль Посещения, мы вернулись в Хайфу, где в комнате Пресвятого Листа и состоялась наша свадьба, о которой я уже рассказывала. За исключением этой поездки, того дня, когда он сообщил мне, что собирается удостоить меня столь великой чести, и одного или двух кратких моментов, когда он появлялся к обеду в Доме Паломником Запада, я больше никогда не оставалась наедине с Хранителем. Не было никаких особых торжеств, цветов, пышной церемонии, подвенечного платья, специального приема. Мать и отец Хранителя скрепили наш брак подписями на брачных свидетельствах, после чего я, перейдя улицу, вернулась в Дом Паломников Запада, где меня ждали мои родители, не присутствовавшие при происходившем ранее, а Шоги Эффенди отправился по собственным делам. К обеду Хранитель появился, как обычно, чрезвычайно ласково приветствовав и поздравив мою мать и отца. Взяв платок, полный драгоценных цветов, он со своей неподражаемой улыбкой, передал его моей матушке, сказав, что принес их для нее из внутренней Усыпальницы Бахауллы. Мои родители тоже подписали брачные свидетельства, и после обеда, когда все закончилось, мы с Шоги Эффенди пошли домой; мои вещи Фуджита перенесла еще во время обеда. Недолго посидев с семьей Хранителя, мы поднялись вверх в те две комнаты, которые Пресвятой Лист велела построить для него еще несколько лет назад.

Простота, несуетливость, скромность и достоинство, с которыми прошло это бракосочетание, не означают, что Хранитель вовсе не придавал ему значения - напротив.

За подписью его матери, но составленная самим Хранителем, в Америку была отправлена телеграмма следующего содержания: "Известите Собрания бракосочетания возлюбленного Хранителя. Неоценимой чести удостоилась служанка Бахауллы Рухийаханум мисс Мери Максвелл. Союз Востока и Запада провозглашенный Верой Бахаи скреплен. Зиайя мать Хранителя". Подобная же телеграмма была направлена в Персию. Столь долгожданная весть естественно вызвала великую радость среди бахаи, и поток посланий устремился к Шоги Эффенди со всех концов света. На поздравление Национального Собрания Бахаи Соединенных Штатов и Канады Шоги Эффенди ответил: "Глубоко тронут вашим посланием. Институт Хранительства, краеугольный камень Административного Порядка Дела Бахауллы, уже возвеличенный органической связью с двумя Основателями Веры Бахаи, отныне еще более укреплен прямой связью с Западом и прежде всего с американскими верующими, чье духовное предназначение состоит в том, чтобы возвестить новый Миропорядок Бахауллы". Со своей стороны хочу поздравить общину американских верующих с обретением жизненной связи между ними и могучим органом их Веры". На прочие бесчисленные послания он отвечал практически одинаково - с искренней любовью благодаря за поздравления. Но даже по этим телеграммам видно, как тонко разнятся его реакции в зависимости от характера и искренности того, кто их присылал. Когда человек, которому он особенно не симпатизировал или не очень доверял, присылал телеграмму с поздравлениями, желая, в первую очередь представить себя безупречным, Хранитель либо ограничивался заверением "молюсь за вас перед Святыми Усыпальницами", как бы желая этим сказать - "Я не нуждаюсь в ваших поздравлениях, зато вы, несомненно, нуждаетесь в моих молитвах!" Наиболее прочувствованный обмен телеграммами происходил тогда между Хранителем и ашхабадскими бахаи. Через посредника Шоги Эффенди телеграфировал: "С самыми добрыми чувствами благодарю бахаи Ашгабата за непереоценимое послание молю постоянно о спасении и заступничестве". Когда Джон и Луиза Бош прислали ему телеграмму: "Великое бракосочетание потрясло вселенную", - в ответе Хранителя мы ощущаем, как глубоко это исполненное неподдельной любви послание взволновало его: "Благодарю за невыразимо трогательное послание глубочайшей любовью". Еще один особенно теплый ответ был послан на острова Антиподов: "Заверьте возлюбленных Австралии Новой Зеландиир глубокой неизменной признательности".

Тем не менее самым важным в факте собственного брака Хранителю виделось сближение Востока и Запада. И не только это, но и установление новых и упрочение прежних связей. На запрос американского Собрания: "Просим уточнений относительно обнародования бракосочетания", - Шоги Эффенди решительно заявляет: "Одобряю самую широкую гласность. Особо подчеркнуть значение института Хранительства для связи Восток Запад и единения судеб Персии и Америки. Дайте понять о почетной мисси британцев", - прямой намек на шотландско-канадские корни моего отца.

Все это произвело такое впечатление на американскую общину, что ее национальный комитет информировал Хранителя о том, что каждое из семидесяти одного Собрания высылает по девятнадцать долларов "для немедленно укрепления новых связей между американскими бахаи и институтом Хранительства", - поистине самый необычный, идущий от сердца свадебный подарок самому Делу!

После нашей женитьбы работа Шоги Эффенди шла по-прежнему своим чередом. Мои родители еще на две месяца задержались в Палестине, большей частью не выезжая из Дома Паломников Запада; хотя Хранитель почти каждый вечер ужинал вместе с ними, возможности развиться более глубокому личному контакту не было. Наконец они собрались уезжать, и мать сказала мне: "Мери, как ты думаешь - Хранитель поцелует меня на прощанье?" (Хотя все называли меня теперь моим новым персидским именем, Рухийаханум, которое дал мне Хранитель, мои близким естественно позволялось меня Мери - именем, к которому они привыкли за долгие годы. (Я никогда не думала об этом и передала вопрос матери Шоги Эффенди, но, конечно же, ни о чем его не просила!

Родители уезжали днем, и после ленча Хранитель, один, отправился к матушке в Дом Паломников. Когда он ушел, я зашла к ней, и она глазами, сияющими как две звезды, сказала: "Он поцеловал меня".

Шли годы, и в 1940-ом матушка, одушевляемая страстным желанием еще как-то послужить Делу в знак благодарности за бесконечные благодеяния, которыми осыпал ее Учитель и последним из которых был совершенно неожиданный союз ее дочери и ее возлюбленного Хранителя, решила отправиться в Южную Америку и помочь миссионерам в Аргентине, где только начала складываться община бахаи. Глубокая связь между моим отцом и Шоги Эффенди зародилась именно в этот период времени. Хранителю нравился мой отец, привлекали его честность и твердые принципы, но ни времени, ни возможности для установления более тесного контакта прежде не было. Теперь же, когда матушка, всегда отличавшаяся хрупким здоровьем, в возрасте семидесяти лет решила отправиться на край света, Хранитель почувствовал, что это может означать для ее мужа. 22 января 1940 года он телеграфировал ему: "Глубоко ценю благородную жертву с любовью". В тот же день, когда матушка должна была подняться на борт корабля, он отправил ей телеграмму, в которой определял ее поступок как "полный гордой благородной решимости". Хранитель, отец и я согласились на столь длительную поездку, хотя понимали, что в таком возрасте, да еще с больным сердцем, это было, мягко говоря, рискованно.

Я обращаюсь к этим сугубо личным воспоминаниям потому, что за ними, в них как нигде проявился дух Хранителя, его великодушное и нежное сердце, его преданность в служении Делу, его беспристрастные оценки как Главы Веры, которые все, как в фокусе, отразились в поледующих событиях. Едва добравшись до Буэнос-Айреса, матушка скончалась от сердечного приступа. Я сама передала Шоги Эффенди три полученные мной телеграммы: одну от матушки с просьбой молиться за нее, другую от отца, в которой он сообщал, что она очень больна, чтобы подготовить меня, и третью - от моей двоюродной сестры Жанны Болль, извещавшую о ее смерти. Я видела, как менялось его лицо, пока он читал их, потом он устремил на меня глубоко встревоженный и обеспокоенный взгляд. Затем он, разумеется, не сразу и как можно мягко сказал мне, что матушка умерла. Не могу представить себе, чтобы на кого-то излился поток такой беспримесной доброты и заботы, какими одаривал меня Хранитель в эти дни страданий и скорби. То, как восхвалял он ее жертву, его описания того, какие радости ожидают ее в мире ином, где, как он выразился в телеграмме Национальному Собранию Ирака, сообщая друзьям о ее смерти, "души усопших окружают ее в Райском Саду, дабы получить ее благословение", как живо представлял ее бродящей по Небесным Чертогам и говорящей всем только об одном - о своей оставшейся на земле возлюбленной дочери! - все это приводило меня в такое счастливое состояние, что я часто смеялась вместе с ним от избытка радостных чувств, слушая его очередное пророчество, которое он словно умудрялся прочитать в моей душе.

И действительно ее смерть установила между Хранителем и Сазерлендом Максвеллом такие отношения, которые позволили ему подняться на посильные для него вершины служения, прежде чем он последовал за матушкой. 2-го марта Шоги Эффенди телеграфировал папе: "Глубоко скорблю утешен достойным концом столь возвышенной судьбы отважного служения Делу Бахауллы. Рухийа остро переживает невосполнимую утрату подобающим благодарным смирением принимая бессмертный венец который стяжала ее знаменитая мать. Советую погребение Буэнос-Айресе. Обещаю обеспечить работы возведению надгробия по вашему эскизу место где она пала в славной борьбе станет историческим центром миссионерской деятельности Бахаи. По завершении дел рад видеть в Хайфе. Заверяю глубочайшей любви и сочувствии".

Именно после этой телеграммы отец приехал в Хайфу, и она же подвигла его, мобилизовав глубокие профессиональные знания и опыт, стать орудием исполнения замыслов Абдул-Баха и создать подобающую надстройку вокруг Святой Гробницы Баба,

начатую Самим Учителем. В годы войны Шоги Эффенди, все более угнетаемый кризисом в отношениях с членами своей семьи, проникся еще большей симпатией к Сазерланду и еще ближе сошелся с ним, что хотя бы в некоторой степени восполняло и скрашивало наши страдания в ту пору. Нелегко находиться в близких отношениях с человеком несравненно более высоким по положению, не впасть в фамильярность и не утратить пиетета, подобающего столь возвышенной личности. Но отцу в этом смысле удалось не совершить ни единой ошибки. Иногда, когда ему случалось приносить новый эскиз Шоги Эффенди, тот встречал его сидя в постели, обложенный подушками, и приглашал отца сесть рядом, чтобы лучше разглядеть набросок и обсудить детали. Представьте, что значило для меня видеть склонившиеся рядом головы двух таких дорогих мне людей - одну уже совсем седую, другую-начинающую сесть на висках! Эти мимолетные мгновенья затишья и мирных семейных радостей в бурной атмосфере нашей тогдашней жизни часто подслащивали горечь нескончаемых скорбей.

Когда отец тяжело заболел зимой 1949-1950 года общий приговор врачей гласил: никакой надежды на выздоровление. Он уже очень слабо воспринимал окружающее, совершенно не узнавал меня, своего единственного боготворимого ребенка, и мог контролировать себя не больше, чем шестимесячное дитя. Если бы меня надо было убеждать в том, что душа существует, в то время я имела перед собой вполне наглядное доказательство. Когда Шоги Эффенди заходил навестить его, то несмотря на то, что отец не мог говорить и не подавал никаких сознательных признаков того, что чувствует близость Хранителя, легкая дрожь, пробегавшая по его лицу и рукам, некое еле уловимое, но тем не менее заметное движение откликалось на одно присутствие Шоги Эффенди. Оно было столь необычно и при этом столь очевидно, что его сиделка (лучшая в Хайфе) тоже замечала его и была в великом недоумении. Это шло вразрез со всеми законами человеческого рассудка и памяти, которые, по мере ослабления, гораздо ярче сохраняют далекое, чем непосредственное прошлое. Шоги Эффенди был уверен, что отец останется жив. По его настоянию, когда никто включая меня не питал уже ни малейших надежд, мы вместе с сиделкой поехали с ним в Швейцарию, где под наблюдением нашего семейного врача он быстро пошел на поправку, причем выздоровление было настолько полным, что несколько недель спустя, когда его новая швейцарская сиделка и я впервые вывезли его на прогулку и он заметил в саду, мимо которого мы проезжали, кафе, он тут же предложил всем вместе зайти и выпить по чашке чаю - предложение, переполнившее меня чувствами неопишуемого изумления и благодарности. После его излечения, в июле 1950 года, направляя в Америку отчет о том, как продвигается сооружение Усыпальницы Баба, Хранитель не удержался, чтобы не намекнуть на эти события: "Моя благодарность тем глубже после выздоровления ее талантливому архитектору, Сазерленда Максвелла, чью болезнь врачи признали безнадежной".

На протяжении всех лет, что отец боролся с болезнью, вконец поточившей его и силы и проявлявшейся в периодических закупорках желчного пузыря, одна из которых и привела его к смерти, я не уставала поражаться удивительной мягкости и терпению, какие Шоги Эффенди выказывал по отношению к этому старику. Здесь нам приоткрывается еще одна сторона характера Хранителя, нетерпеливого по натуре, всегда подгоняемого бесконечной работой. Не подберу слова, чтобы описать, в какой степени отец боготворил его. В основе его чувства лежала не только его глубокая вера в религию Бахаи, уважение и покорность в отношении его как Хранителя Веры, но и любовь к нему как к человеку, которым отец во всем глубоко восхищался, и, конечно же, личное человеческое участие и симпатия, которую он постоянно ощущал. Помню, когда единственная оставшаяся живых сестра отца умерла в 1942 году, Шоги Эффенди сказал ему, что отныне он вполне может считать Хайфу, а не Монреаль своим настоящим домом. Потом добавил, что совершенно неспособен обходиться без него теперь, когда его помощь так нужна ему. Отношение Шоги Эффенди к родственникам отца, которые не были бахаи (за исключением одной из его давно умерших сестер), крайне показательны для всей его натуры. Вспоминаю, как во

время нашей свадьбы эти родственники прислали мне свои горячие поздравления, где между прочим с любовью упоминали о "Шоги". Я была несколько смущена и не решалась показать письмо Знамению Божию на земле, но в конце концов решила, что мне следует сделать это, и прочла ему отрывок из письма тетушки. Он внимательно выслушал и минуту спустя ласково сказал: "Передай им, что я их тоже люблю". Обмен подобными посланиями длился много лет. Каким поистине изысканным, благородным и естественным был он во всех своих поступках!

Чтобы проявить свои чувства к отцу, Шоги Эффеди иногда с воодушевлением принимался умащать его розовым маслом. На Востоке не существует нелепого предубеждения против того, чтобы мужчины пользовались благовониями, и Хранителю очень нравилось это замечательное благоухание. Надо было видеть, какое выражение было в такие минуты написано на лице моего отца - типичного шотландца! Ведь он произошел из той среды и той части мира, где употребление парфюмерии мужчиной считается едва ли не кощунством. Он даже никогда не пользовался душистыми притираниями. На лице отца, встревоженного мыслью о том, что от него теперь будет слишком сильно пахнуть, светящегося радостью от ласкового внимания, которое уделял ему возлюбленный Хранитель, появлялось совершенно неопишное выражение!

В 1951 году Хранитель вновь решил поехать со мной и отцом в Швейцарию; и когда настало время возвращаться в Святую Землю мы узнали, что положение с продовольствием настолько сложное, что практически невозможно организовать для отца стогоую диету из свежих продуктов, необходимую, дабы предотвратить возобновление приступов; сам же он проявлял признаки беспокойства: после одиннадцатилетнего отсутствия ему хотелось домой, хотелось повидаться с близкими. Тогда Хранитель решил отправить его в Канаду в сопровождении все той же набожной сиделки, которая заботилась об отце в предшествующие годы и теперь снова была с нами. Там, в его старом доме, в городе, где он родился, и застало его известие о том, что Хранитель возвел его в ранг Десницы Дела Божия; жить ему оставалось уже совсем мало.

Поистине за всю жизнь Шоги Эффеди на его долю не выпадало столь тяжелого испытания, как длительная болезнь моего отца, его временное выздоровление, повторяющиеся приступы его недуга и наконец его смерть. Когда в марте 1952 года поступило известие о том, что он настолько плох, что если я хочу застать его в живых, то должна немедленно выехать в Монреаль, это было еще одним страшным ударом. Поспешно собираясь в путь, про себя я молила только об одном: что если уж ему суждено умереть, то пусть лучше это случится до моего отъезда: мне не хотелось оставлять Шоги Эффеди среди всех его трудов и забот только ради того, чтобы приехать, когда будет уже поздно. Молитва моя была услышана: пришло сообщение о том, что отец сбросил бремя земной жизни. Скорбь Шоги Эффеди была столь велика, что я даже не успевала подумать, что в конце концов умер мой отец. Я упоминаю обо всем этом, чтобы показать, как внешне факторы воздействовали на жизнь Хранителя, как тяжкие испытания, невзгоды и чувства, волнами накатывавшиеся на его сердце, подтачивали и изнашивали его.

После того как миссис Коллинз и я посетили Межконтинентальную конференцию в Чикаго в 1953 году, с одобрения Хранителя мы поехали в Монреаль, где я навестила могилу отца, уладила свои дела и в соответствии с волей родителей передала Канадскому Духовному Собранию наш дом - единственный дом в Канаде, который Абдул-Баха посетил во время Его поездок по Северной Америке. Шоги Эффеди никогда не забывал тех, кого любил; его вера и преданность во всех его отношениях были очень крепки. Направив телеграмму Духовному собранию бахаи Монреаля, он телеграфировал мне 9 мая 1953 года: "Дал указание монреальским друзьям почтить память Сазерленда на его могиле. Возложите венки. Также поручаю от моего имени приобрести на сто долларов как можно более красивых цветов желательного синего для украшения могилы. Присовокупите следующую надпись благодарной памяти Сазерленда Максвелла Десницы Дела

талантливому возлюбленному архитектору гробницы Баба Шоги. Сделайте большие фотографии друзей у могилы. Телеграфируйте дату время поминального собрания". Самым трогательным было то, что он не только дал мне в Хайфе флакон с розовым маслом, чтобы окропить им могилу, и цветы из Усыпальницы Баба, но и то, что он поручил купить для отца именно синие цветы, помня, что в одежде Сезерленд всегда отдавал предпочтение синему цвету. Когда я вернулась в Хайфу, Шоги Эффенди взял толстую стопку фотографий, которые я привезла, долго разглядывал их и оставил себе на память.

VIII

Очерк души

Стараясь хотя бы в самых общих, беглых чертах обрисовать жизнь возлюбленного Хранителя - ту сторону его жизни, которая известна, пожалуй, только самым близким его родственникам и домочадцам, - я решила привести несколько выдержек из собственных дневников. Следует учесть, что они не велись регулярно год за годом, а, подобно большинству дневников, представляют лишь беглый очерк событий, подробное описание которых заняло бы многие часы и к которым позже я уже практически не возвращалась из-за нехватки времени времени и сил. Конкретные люди не упоминаются в них не по каким-либо личным причинам, а просто потому, что составляют неотъемлемый фон повседневной жизни Шоги Эффенди, растворены в ней. Я специально старалась приводить те слова, которые были записаны в минуты глубоких переживаний, какие-то тонкие и точные наблюдения: потом, как правило, очень трудно воспроизвести их; я рискнула напечатать эти места, чтобы запечатлеть остро, почти болезненно ищущие выход чувства, не предпринимая никаких попыток придать им литературную отделку или как-то объяснить - чтобы хоть немного приподнять завесу над морем житейских дел и невзгод.

1939 "Порой мне кажется, что обостренная объективность Шоги Эффенди - качество, которым Бог особо отметил его. В Его руках он - орудие, абсолютно не осознающее себя. Его порывы резки, яростны, и вряд ли кто-нибудь (я имею в виду беспристрастного наблюдателя) усомнится в том, что его огромные достижения с влужении Делу все основаны на этих, не ведающих колебаний порывах. Все это плод его решений, но, разумеется не опрометчивых - прежде чем воплотить их, он вынашивает, обдумывает их неделями, иногда годами. Мудрость мира сосредоточена в этих раздумьях, но если он чувствует необходимость действовать срочно, то действует не раздумывая!"

1939 "Учитель оставил нам Залог. И этот Залог - Хранитель. Он сказал, что "никогда тень уныния не омрачит его лучезарный внутренний лик". Тень уныния! Столько клеветы было обращено против него, столько мучений изведаль он по вине тех, кто должен был бы поддерживать и ободрять его, что его "лучезарный лик" поистине редкость сегодня. Иногда я вижу, как словно солнечные лучи озаряют изнутри его дорогое лицо, и в то же время ему приходится столько страдать, что часто от одного этого он вынужден ложиться в постель, буквально в прострации, без сил!"

1939 Так, ему пришлось "претерпеть столько невыносимых страданий из-за предполагаемой высылки общины из Хайфы".

8, VIII, 39 "Сегодня встал в шесть утра и отправился за визами для нас (он всегда заранее заботился, чтобы мы могли выехать из Швейцарии), пробыв в дороге 18 часов. И такая гонка не первый день... она постепенно становится для меня образом жизни. Ничего не успеваю..."

6, IX, 39 "Вновь на Ближнем Востоке... изматывающее путешествие, почти все время не смыкали глаз. Была ночь, когда мы спали всегод полтора часа! Невозможно поверить, что война все-таки обрушилась на мир. Мы проезжали через затемненные города - войсковые обозы двигались мимо - нетерпение в ожидании следующих новостей по радио... Путь

перед Шоги Эффенди был, как всегда, открыт - казалось, декорации рушатся вокруг, но мы целы и невредимы и движемся вперед".

5, X, 39 "Он сказал, что чувствует себя надломившейся тростинкой. Несомненно, отчасти эт из-за болезни, десять дней его мучил страшный жар, иногда температура поднималась до 104 градусов! Х... и я находилась при нем день и ночь, и не будет преувеличением сказать, что мы прошли через настоящий ад. Почти все время оставаться наедине с больным Хранителем и незнакомым врачом было так напряженно и ответственно! Думаю, целую неделю мы спали не больше четырех часов в сутки!"

22, I, 40 "Хранитель и Дело - неуязвимы. Мне часто ужасно хочется сказать всем бахаи: "Следуйте за ним в рай и в ад, не отступайте от него, что бы вас ни ожидало - свет или тьма, жизнь и смерть, слепота и ясное зрение, держитесь его - в нем ваше единственное спасение". Сегодня вечером к нам пришел человек. Он вступил в дом будучи бахаи. Он покинул его нарушителем Завета. (Он наотрез отказался повиноваться Хранителю). Долго стоял он перед воротами. Мне хотелось крикнуть ему: "Неужели ты можешь так легко бросить свою душу?" После стольких лет в лоне Веры он так беспечно отрекся от нее! А что же еще жизнь дает человеку кроме души? И он отбрасывает этот самый драгоценный дар Божий потому, что ему трудно и неловко сейчас смириться с чем-то... Если бы друзья только знали, как Учитель и Шоги Эффенди оба страдали из-за поведения местных верующих. Среди них были хорошие люди. Но некоторые были развращены и порочны. И если кому-то пришлось не нраву Завет, они обращали свои нападки потив самого воплощенного Явления его, против его Образа, против Хранителя. Я сама видела это. Это подобно отраве. Он преодолевает действие яда, но терпит от него несказанные муки, потому же и Учитель писал о Себе в Своем Завещании как о "птице со сломанными крыльями". Это глубоко органично и не имеет никакого отношения к так называемым "чувствам".

Слова, сказанные Шоги Эффенди:

"Ты не можешь быть героем бездействуя. Это - камень преткновения. Дело не в метаниях взад и вперед, а в проявлениях твоего характера. Джеки (Мэрион Джек) сделало героиней ее поведение, героический дух, сказавшийся в ней. Марта (Марта Рут) была героиней действия. Она шла вперед, покуда у нее хватило сил".

Несколько замечаний Шоги Эффенди:

"Цель жизни бахаи - способствовать единению человечества"; "Наша жизнь - создать всемирную цивилизацию, которая, в свою очередь, отразилась бы на характере личности".

Слова Шоги Эффенди:

"Я знаю, что это мученическая стезя. И я должен пройти ее до самого конца. Ничто не дается без страдания".

2, I, 42

"Он говорит, что это, быть может, не последняя война перед Малым Миром, вероятно, потом наступит затишье, передышка, а затем война разразится с новой силой. Конечно, и в этом соевм предположении он отнюдь не категоричен, он просто говорит: "Быть может, это вполне возможно".

5, I, 42 "Вся семья (Шоги Эффенди) чувствует себя выбившейся из колеи, все расстроено в отсутствии дирижера - Хранителя - и соответственно они не могут нормально ощущать себя бахаи, когда не хватает главного".

7, I, 42 "Все это бесконечно терзает Хранителя. Я серьезно озабочена его сердечными болями. Прошлую ночь оно билось слишком сильно, слишком! А иногда, часами, он дышит тяжело и прерывисто, оттого что взволнован или расстроен... он как чувствительный барометр. Фигурально выражаясь, он регистрирует ваше духовное давление; нет никакого внешнего объяснения тому, отчего он иногда расстроен по причине, ему самому неведомой! Я тысячу раз видела, как это происходит. Реакции его инстинктивны и мгновенны. Зачастую, позже, когда проясняются детали события, можно на мгновение различить механизм произошедшего. В конце концов это убьет его. Как и

когда, несомненно, ведомо одному лишь Господу. Он всегда будет выходить победителем, как то всегда случалось и прежде. Но постепенно, мало-помалу бесконечные проблемы, вечная борьба то с одним, то с другим из родственников вконец измотают его. Он уже клонится под их тяжестью. Сердце его мечется и трепещет. Нервы - на пределе..." 16, 3, 42 "Они (семья Учителя) преуспели, по крупице сокрушая дух Шоги Эффенди. По натуре он жизнерадостен и энергичен, и, когда что-то доставляет ему истинную радость или зажигает энтузиазмом, его уникальный и удивительно светлый характер заставляет его взгляд лучиться и вспыхивать искрами. Но бесчисленные страдания, перенесенные вместе с Учителем, удары, которые ему пришлось вынести, когда он уже был Хранителем (причина их - несколько кризисов в развитии Дела)... словно тяжкие тучи сгустились над ним. Стоило ему (за те последние пять лет, что я имела возможность наблюдать его) хоть немного перевести дух и просветлеть, как кто-нибудь мимоходом обрушивал на него новый груз забот и печалей, и все начиналось сначала! Это преступно! Сколько раз я слышала, как он говорил: "Если бы мне удалось стать счастливым, если бы они только не мешали мне в этом, ты увидела бы, что я способен совершить для Дела!" Он как ручей, как ключ. Стоит ему забить, засверкать на солнце, как кто-нибудь, проходя мимо, обязательно затопчет его! Когда вы поймете, что вся его работа во имя Дела совершалась вопреки его страданиям, невзирая на гонения, а не потому, что он был свободен, и счастлив, и внутренне покоен, то вы поймете, сколь велико было свершение, и задумаетесь, каким оно могло бы быть, будь он счастлив. Шоги Эффенди оклеветали. Это единственное слово, которое я могу подобрать: оклеветали, оклеветали! Его загнали в угол, и он вынужден обороняться. Он говорит, что будет биться до конца..."

20, 3, 42 Когда Шоги Эффенди сидел у себя, работая над рукописью "Бог проходит рядом", два военных самолета в тренировочном полете зацепились крыльями, потеряли управление и разбились, причем один пролетел так низко над крышей нашего дома, что я решила, что он обрушится на комнату Шоги Эффенди. Он врезался в землю и взорвался примерно в ста ярдах дальше по улице.

26, 4, 42 "Шоги Эффенди разговорился со мной о своих несчастьях. Он говорит, что окружавшие Абдул-Баха убили Его, как убили они Бахауллу - он даже сказал: "Они убьют и меня". Он сказал, что Хаджи Али рассказывал ему, как за несколько дней до Своего вознесения Бахауллу позвал его в Свою комнату (поговорить о чем-то или что-то в этом роде). Когда тот вошел, Он ходил взад и вперед по комнате, меряя ее шагами, был слишком расстроен, чтобы говорить, и под конец знаком отпустил Хаджи Али. Хаджи Али видел, что Бахауллу разгневан, но Он не назвал ему причины. Потом Хранитель сказал, что Бахауллу должен был жестоко страдать, поскольку предвидел, что Мухаммад Али станет врагом Учителя в будущем. Но Он хранил это знание про себя".

18, 5, 42 "Шоги Эффенди часто повторяет: Учитель должен был сказать им (Своей семье), что после Него "все они будут сокрушены".

4, 7, 42 "Вторжение в Египет. Он думает, как поступить: остаться или уехать, если дела пойдут совсем уж плохо. Неопределенность держит нас всех в большом напряжении. Но мы уже настолько привыкли к разным треволнениям, что и это уже почти не волнует нас!"

3, 1, 43 "Всякий, кто узнал бы истинную историю жизни Шоги Эффенди, оплакал бы ее - оплакал его доброту, его чистое бесхитрое сердце, оплакал бы его труды и заботы, оплакал те долгие, долгие годы, в которые он столько страдал - всегда один, всегда преследуемый теми, кто окружал его!"

Вчера он пришел ко мне расстроенный из-за своей работы. Я спросила, почему он не читает книг других авторов, близких по манере к рукописи, над которой он работал ("Бог проходит рядом"), это должно внутренне поддержать, приободрить его... Он ответил: "У меня нет времени, нет. За двадцать лет у меня не было и свободной минуты!"

30, 1, 43 "Я действительно не на шутку беспокоюсь за Шоги Эффенди. Раньше, когда удрученное, подавленное состояние было для него привычным, он страдал, но все же

меньше, чем сейчас. Порой я думаю, что все это приведет его к преждевременной смерти... он дышит тяжело, как после бега, и у него такие тени под глазами. Он делает над собой усилие - закончить письма, которые за несколько дней грудой скопились у него на столе, но по несколько раз, иногда минут по десять перечитывает одно и то же место не в силах сконцентрировать внимание! Думаю, нет муки хуже, чем видеть муки того, кого любишь. И я ничем не могу помочь ему. Единственное - без конца думать о том, как Господь моет равнодушно глядеть на его страдания".

29, II, 43 "Хотя лето прошло довольно спокойно, без ужасных новых кризисов... думаю, Хранитель никогда не работал так много, как в эти "каникулы", и уверена, что и мне до сих пор не выдавалось таких тяжелых месяцев! Он часто повторяет "эта книга убивает меня", на что я неизменно отвечаю: "меня тоже". Действительно работа над Столетним Обзором ("Бог проходит рядом") была тяжелейшей; на протяжении двух лет он в буквальном смысле был рабски прикован к ней - и это не считая всех остальных его дел и забот..." (На днях Шоги Эффенди получил исключительно сухое, бездушное письмо от Национального Собрания, и я очень сердилась) "... самое сухое и холодное из писем, которые мне приходилось встречать. Почему он не берет примера с Хранителя, который даже людям умственно неполноценным пишет с любовью и лаской? Бахаи недостойны своего Хранителя, и единственное, на что я надеюсь, это что Господь не позволит им вконец выродиться".

Один из членов семьи скончался, вдова пришла к нам просить Шоги Эффенди принять завещанные мужем деньги для Дела и несколько драгоценных печатей Бахауллы, которые Абдул-Баха поручил ей хранить, когда отправлялся в поездки по Западу. Поскольку она поддерживала связи с отлученными членами семьи, Шоги Эффенди отказался от ее приношений... я передала ему содержание нашего разговора (сам он не захотел видеть ее и отправил вместо себя меня):

26, 12, 43 "Все это я в мельчайших подробностях пересказала Шоги Эффенди и принесла ему печати и завещание Х... Он велел передать ей, что тысяче печатей и даже горе Кармель готов предпочесть искренность и верность, и, если она полностью не порвет с семьей... в своем сердце, он ничего не сможет сделать для нее, и пусть она оставит себе печати и завещание... Хранителю очень хотелось иметь такие бесценные печати для Архивов, но, как он сказал мне, он не может так просто принять печати и выгнать эту женщину из дома! Меня поразило, что за двадцать три года, прошедших после смерти Учителя, постоянно находясь рядом с Шоги Эффенди, она не передала ему эти драгоценные реликвии, которые, по ее собственным словам, были не подарены ей, а лишь доверены на хранение! Увидев, что Хранитель отказывается принять их, она просила, чтобы их взяла я, но и я отказалась, сказав, что это будет против воли Шоги Эффенди..."

Весь день Шоги Эффенди - за машинкой, перепечатывает рукопись ("Бог проходит рядом"), а я вычитываю, перед тем как отправить Хорасу (Хорасу Холли, секретарю Американского Национального Собрания), чтобы быть уверенной, что все ошибки окончательно выправлены, а потом мы вместе часами читаем оригинал, правим и расставляем бесконечные ударения!

Я не записала даже, что папа по просьбе Хранителя подготовил проект Усыпальницы Баба. Сегодня минареты или шпили, предложенные Хранителем, были одобрены им, и папе предстоит сделать детальную разработку, окончательный эскиз которой будет выставлен на Столетие, к нему же готовится макет. Макет - самое главное испытание: если он понравится Хранителю, он объявит бахаи всего мира, что план утвержден.

Поистине дивно и замечательно, что папа получил это бесценное благословение на работу над Усыпальницей Баба. Если он добьется успеха, это будет прямой благодатью Божией, если же нет, то удивляться нечему: наша семья и без того уже осыпана всевозможными благами, далеко превосходящими наши заслуги!"

5, 7, 44 "По натуре своей Шоги Эффенди распорядитель и зодчий par excellence. Каким детским кажется человеческое видение мира по сравнению с Замыслом Божиим! Думаю,

что даже если бы мы молились Богу денно и ночью миллион лет, мы не продвинулись бы дальше первой буквы в наших благодарениях... а мы по-прежнему так слепы к дарам, которыми оделены!"

24, 7, 44 "Дальше Шоги Эффенди так не выдержит. Я очень беспокоюсь за него... они отнимают у него последние силы. Сегодня он был в ужасном состоянии и рыдал. Не могу писать об этом. Не могу больше терпеть! Как только Господь позволяет ему выносить такое".

18, 12, 44 "Да, это были годы. Думаю, Шоги Эффенди не пережить второго такого кризиса (открытая неприязнь со стороны домочадцев, местной общины и даже слуг). Надеюсь, это не повторится! Поражаюсь тому, как его здоровье и нервы выдержали на этот раз!"

30, 1, 45 "Не могу сейчас вдаваться в детали, но должна сказать, что число несведущих глупцов - если не негодяев, окружающих Шоги Эффенди, просто удручает. Он страдает невыносимо! Спит по пять - шесть часов в сутки. Мое беспокойство не знает границ..."

27, 2, 45 "Уверена, что этот вал не последний. Но чтобы только никогда, никогда не видеть Шоги Эффенди таким! Думаю, никто и ничто в мире не способно было бы противостоять тому, с чем столкнулся он в последние годы! Время - великий целитель, но шрамы от ран все равно остаются".

13, 4, 45 "...Когда я хочу убедиться в верности того или иного верующего по отношению к нему (Шоги Эффенди), я приглядываюсь к тому, кто ненавидит его - и если его действительно ненавидят в семье Шоги Эффенди, то я могу быть вполне уверена, что передо мной воплощенная преданность!"

6, 7, 45 "Али Аскара увезли в госпиталь... он очень сдал за последние три-четыре дня... все это так тяжело. Но я смирился бы и с этим, не будь это таким жестоким ударом для Хранителя... а они - живут, они и еще столько жалких, гнусных, никчемных людей - но жребий пал на Али Аскара! Шоги Эффенди говорил о нем как о самом "дорогом и близком" человеке. Верю - Господь поможет ему. Я знаю, знаю, знаю - Он сделает это. Он поможет ему восстать во славе... вчера ночью я думала, о том, что одна единственная капля любви Божией может вознаградить за тысячелетие страданий... Сегодня, пока я была дома, Шоги Эффенди ходил навестить его. Сейчас он задумал устроить ему роскошные похороны, потому что он (Шоги Эффенди) хочет этого и того же требуют его враги. Но все это так тяжело, так тяжело для него... Шоги Эффенди сказал: "Все, что осталось у меня в жизни, это ты, твой отец и Али Аскар, и вот - Господь забирает Али Аскара!"

8, 7, 45 "Я пошла в госпиталь к четырем часам и пробыла там до восьми вечера. Шоги Эффенди попросил меня сказать Али Аскару, что послал открытую телеграмму персидским друзьям, в которой называет его "львом в лесах любви Божией" и упоминает все его многочисленные заслуги и т.д. Когда я сказала об этом Али Аскару - он был в полном сознании, только очень слаб, - тень обаятельнейшей счастливой улыбки скользнула по его лицу... Я сказала ему, что прежде, чем оставить этот мир, он уже попал на небеса - небеса, где правит любовь Хранителя, где царит радость добродетели и молитвы. Какое-то время он молчал (если не считать еле слышно произнесенных слов признательности), потом - это ясно отразилось на его лице, - осознав, что подобная телеграмма значит, что он скоро умрет, собрал остаток сил и сказал, что просил передать книгу... что хочет... чтобы ее вручили от него Шоги Эффенди... Когда я вернулась и рассказала Шоги Эффенди о нашем разговоре с Аскаром Али и как он сказал, что хочет, чтобы его книгу передали Хранителю, на глазах его показались слезы! Бедный, возлюбленный Шоги Эффенди, самый несправедливо очерненный человек на земле! Всякий должен порадоваться за Али Аскара - позавидовать его царственной смерти... Сегодня Хранитель сказал жещинам, которых собрал в гостиной, что Али Аскар нес свое служение так, что под конец паломники, присылавшие ему письма, подписывались "слуга слуги этого дома"! Он сказал, что к Али Аскару можно отнести слова из Скрижали

Ахмеду, ибо он был рекой жизни для возлюбленных и языками пламени для врагов. Уходя же он сказал: "Ныне он среди Горнего Сонма беседует с равными себе!" Так чего же большего желать человеку от этой жизни? После полудня он отправился в Усыпальницу, а вернувшись, велел ... собрать все цветы от обоих порогов. Затем пошел один к Али Аскару, умастил его двумя флаконами розового масла, положил цветы на его тело... оплакал его... может ли кто-то пожелать большего от этого мира?! Вернувшись домой вечером, Шоги Эффенди очень трогательно рассказал мне, что, когда он был один с телом, ему пришли на память слова: "Как этот человек служил мне!" - и что ... подойдя, он отбросил покрывало и долго смотрел на него, и ему хотелось сказать: "Встань и ходи!" - настолько живым, привычно живым казался Али Аскар..."

II, 7, 45 "Похороны прошли безупречно. Шоги Эффенди рассказал об Али Аскаре; затем попросил, чтобы гроб перенесли в верхнюю комнату Дома Паломников, где он сидит; потом вместе со всеми он встал помолиться об Усопшем; окропил его розовым малосм; потом гроб подняли; Шоги Эффенди тоже нес его до двери, отдал распоряжения и сел в первое из двух ждавших у дома такси... погребальный кортеж состоял из двадцати пяти машин... потом все оставили Шоги Эффенди, он прошел в Усыпальницу, собрал все цветы и отнес их на могилу... Что ж, Али Аскар, должно быть, на седьмом небе - все вздыхали и завидовали ему, я тоже".

14, 7, 45 "Шоги Эффенди болеет. У него был желудочный приступ, как я полагаю, из-за нервного переутомления. Это уже не первый раз. Просто чудо, что он еще жив... а теперь доабвился еще и жар - молю Господа, чтобы не было ничего серьезного... только что я измерила ему температуру: 103 и 3,5!"

15, 7, 45 "Я так устала от страхов, которые рассказывает доктор Х... Теперь он говорит, что это может аппендицит и дизентерия, я представляю, как мы сломя голову мчимся в Иерусалим на машине скорой помощи (в Хайфе нет ни одного хирурга, которому мы могли бы доверить столь дорогого нам пациента) с Шоги Эффенди и папой - но я не верю, что дело дойдет до этого... надо что-то предпринять, обязательно надо немедленно что-то сделать, но от волнения мысль моя отказывается работать!.. каждый час измеряю ему температуру. Он такой кроткий, такой нежный - и каке же это преступление третировать его... благодарение Господу, надеюсь, что аппендицита у него нет..."

17, 7, 45 "Ему лучше, но, Боже, как я изнервничалась и устала!.."

20, 7, 45 "Злейшему врагу не пожелала бы тех страданий, которые довелось пережить с Шоги Эффенди. Это неопишимо - умственная и нервная подавленность... одиночество... работа, работа и снова работа день напролет. Покупка земли, разные проблемы, переписка, головоломные вопросы, обман, недоброжелательство, подозрения - и несть им конца".

11, 4, 46 "Шоги Эффенди сказал папе, что можно начать работы по строительству первого блока Усыпальницы - алилуйя!"

20, 4, 46 "... Все это чересчур для Хранителя... однако он написал дивное Послание в связи с новым Семилетним Планом и начал возводить Усыпальницу. Но как нелегко это ему дается!"

25, 5, 46 "У нас с Шоги Эффенди теперь никого не осталось кроме папы (и двух старых преданных бахаи, одному уже под восемьдесят), он повсюду и делает все сам: сам руководит всеми строительными работами, отвечает на все письма, сам рассылает телеграммы, улаживает все конфиденциальные дела, организует визы, участвует в переговорах с властями, посещает мэрию и т. д. - потом консультации, обсужден новых проектов и т. д. и все это в семьдесят один год. Он один проделывает всю работу за Али Аскара, Риаса и Хусейна. И - ни единой жалобы... мы обсуждали наши планы на будущее; Шоги Эффенди говорит, что нам надо уехать... ужасно тяжело даже подумать о том, чтобы оставить папу, старого обессилевшего человека, взвалить на него все хлопоты, связанные с Делом, труд без малейшей передышки. Но когда я заговорила с ним об этом сегодня, он отреагировал замечательно, сказал, что со всем управится, чтобы о нем не

беспокоились, что все будет прекрасно. Не могу выразить словами - слишком устала (три раза за день страшно плакала), как я восторгаюсь его силой духа, он такой непритязательный, скромный и в то же время такой благородный и героический".

18, 7, 47 "Она (Глэдис Андерсон) приехала 30 марта... Благодарение Господу, она теперь делает всю папину работу!.. руководит строительством, рассылает письма и телеграммы, ходит по поручениям, встречается с людьми... В конце апреля папа уехал на Кипр - первый отпуск за семь лет - и провел там шесть недель. Это заметно пошло ему на пользу, и он сразу же приступил к работе над эскизами и чертежами Усыпальницы Баба".

Отрывок из письма Рухзийа Раббани:

12, 2, 48

"Я уже привыкла к тому, что мне обычно помогала стенографистка-еврейка, но теперь евреи вряд ли согласятся ходить на нашу улицу, потому что она находится в арабской части города. На самом же деле она расположена на территории старой немецкой колонии, и наши соседи по большей части - арабы или англичане. Возможно, это покажется вам невероятным, но действительно здесь могут хладнокровно убить человека только за то, что он прошел не по той улице - такова Палестина сегодня. Конечно, найдется несколько смелых, рискованных людей, которые, улучив случай, доберутся до нас со скоростью девяносто миль в час, но таких считают, мягко говоря, сорвиголовами.

Все это так трагично. И самое печальное, что человек привыкает к таким условиям. Если раньше звук выстрела заставлял вас похолодеть от ужаса и преисполнял негодования, то когда это бесконечно повторяется, вы скоро просто привыкаете и, помянув стрелявшего (и противную сторону) недобрым словом, возвращаетесь к своим делам. Позже вам расскажут, кто и при каких обстоятельствах был убит. Отвратительно, невыразимо отвратительно, что из-за интриг и попустительства дела в Святой Земле дошло до такого состояния...

Гнев правит мною в эти дни. Бесмысленные, беспричинные убийства приводят меня в ярость. Большинство хочет единственно того, чтобы их оставили в покое. Кроважность не правило, а исключение. Но и такие случаи, увы, встречаются. Почему не убивают убийц? Насколько я могу судить всегда, в любой схватке страдают посторонние!"

1, 3, 48 "Оружие открыто продается в арабских кварталах. Здешние бахаи - из Акки, из Тивериады и т. д. - все подтверждают это... Хасан рассказывает, как он со своим двоюродным братом сидел в кафе на берегу озера; внезапно они услышали крики мальчика-разносчика: "Гранаты, продаю гранаты!" Хасан не поверил своим ушам, подозвал мальчика и спросил, чем он торгует. Тот ответил - бомбами. За спиной у него висел мешок. По просьбе Хасана он охотно снял его, разложил на земле и стал доставать из мешка ручные гранаты! (Ручные гранаты Милса) "Почем штука?" - спросил Хасан. "Семьдесят пять пиастров", - ответил разносчик! Стоит ли говорить, что сделка не состоялась... Несколько дней назад я сама видела из окна своей спальни человека с револьвером в руке, окруженного толпой арабов. Он решил проверить, в исправности ли оружие, и, подойдя к стене нашего сада, два раза выстрелил в нее, после чего тут же скрылся из города, вероятно, чтобы где-то кого-то убить".

11, 4, 48 "Папа с Беном (Беном Уиденом, мужем Глэдис Андерсон) отправились на бронированном такси в Тель-Авив! Они собираются 13-го вылететь самолетом из Лидды в Рим, чтобы, если удастся, подписать контракты на колонны и орнаменты для Усыпальницы".

Глэдис теперь сможет ночевать у нас дома... лучше ей быть рядом с нами - слишком часто стреляют, чтобы оставаться одной на ночь в Доме Паломников... Кроме того небезопасно ходить после наступления темноты по улицам... мы сказала Бену, что она на время переедет к нам, так что он будет спокоен".

21, 4, 48 "Обстоятельства таковы, что мы не сомгли поехать в Бахджи и посетили здешние Усыпальницы. В конце концов машина не смогла подняться вверх, в Сады,

впрочем, выехать она тоже не смогла бы, поскольку на дороге стреляют и она закрыта. Шоги Эффенди возвращался домой по лестнице вдоль стены, ограждающей Сад, мы с Глэдис шли следом".

23, 4, 48 "Устала до смерти, поэтому вкратце... О битве за Хайфу, я думаю, все уже знают во всех подробностях, поэтому расскажу только о том, как я провела эти несколько дней и ночей. Само сражение было упорным - настоящая война. Эту ночь я спала словно на болоте, которое постоянно сотрясается изнутри. Я так устала, что порой удавалось задремать, но потом сон и звуки рвущихся снарядов слились в какое-то монотонное одуряющее марево, лучше было уснуть или совсем подняться и проходить по комнате до утра. Все эти дни Шоги Эффенди был страшно расстроен из-за А... М... и прочих неприятностей".

25, 4, 48 "Я до сих пор пытаюсь докопаться до сути жтого меморандума. Дело в том, что 23-го, на следующий день после битвы за Хайфу мне позвонил доктор Вейншолл (юрист Хранителя) и спросил, как мы поживаем. Я ответила, что все в полном порядке и что мы стараемся реже выходить из дому. Он спросил: "Недеюсь, вы не уезжаете?" Я сказала - конечно, нет, и не собираемся, отчего нам уезжать? Он сказал - абсолютно никаких причин, и что он рад это слышать. Тогда я сказала: мы знаем евреев, евреи знают нас, и нам с их стороны ничто не угрожает. Вейншолл ответил, что все это, разумеется, так и есть и что все нас очень уважают. Потом спросил, не уезжает ли кто из наших слуг, и я ответила, что, конечно, нет. Потом мы еще немного поговорили о том, какая это глупость - массовый исход арабов, и Вейншолл попросил передать от него самые теплые пожелания Шоги Эффенди. Когда Шоги Эффенди узнал об этом, он попросил меня поблагодарить доктора Вейншолла и сказать ему, что он сам хотел бы у него кое-что узнать, после этого я подробно рассказала ему о женитьбе Мониба на дочери Джамалья Хусейна, и как его публично исключили из рядов верующих... Хранитель был очень удивлен и записал его имя и имя Хасана. Я сказала, что то же произошло и с Рухи, и поскольку он мог быть наслышан о раздорах в нашей семье, то истинная причина могла быть не столько религиозной, сколько иметь отношение к политическим симпатиям и т. д. Я сказала, что нам, наверное, следует послать ему (это было еще вчера во время другого нашего разговора) телеграмму, Хранитель отправил послание...

Сегодня я вновь позвонила Вейншоллу и сказала, что мы хотим передать ему список людей, с которыми нас ничто не связывает, даже если они и претендуют на то, что они - бахаи. Шоги Эффенди, сказала я, естественно недоволен тем, что люди, десять или пятнадцать лет назад отлученные от общины, теперь, чтобы установить добрые отношения с евреями, прикрываются своей принадлежностью к Вере, хотя мы даже не знаем, чем они занимались все эти годы".

27, 4, 48 "Вчера мы страшно переволновались: служанка постучалась ко мне, крича, что в дом ломятся. К счастью, я была уже одета и поспешно спустилась вниз... служанка между тем рассказала, что, подойдя к двери, увидела группу евреев, агрессивно настроенных, размахивающих винтовками и револьверами, так что от испуга ее чуть удар не хватил и она побежала за Бану, Бану пришел, и евреи стали кричать ему: "Открой дверь!", - тогда она сказала, что пойдет позовет хозяйку, а сама бросилась искать Б., которого нигде не было, потом позвала меня, а евреи все кричали: "Если не откроешь, высадим дверь!" В таком критическом положении я решила, что лучше всего немедленно впустить их. Их было пятеро, все - молодые люди. Я спросила, говорят ли они по-английски, и один ответил, что да, немного. Я спросила его, знает ли он, что это - дом Главы Общины Бахаи, и он сказал, что знает, но все же я думаю, что они не знали этого и привлекло их либо то, что незадолго перед тем у наших дверей остановился грузовик с арабами, и они решили, что мы прячем у себя арабов, либо из-за нашей машины, потому что один из первых из вопросов был: "Чья это машина стоит в гараже?" Когда я им все объяснила, они успокоились. Выяснилось, что один из них говорит по-персидски, потому что, как он сказал, мать его была родом из Персии, хотя сам он из "Ерушалема", и я все время

говорила с ним на персидском. Они не горели желанием обыскивать дом и вообще вели себя очень тихо и вежливо, первым делом сказав мне, чтобы я не боялась, на что я, разумеется, отвечала, что совершенно не боюсь! Мельком оглядевшись, они отказались заглянуть в комнаты и на кухню и ушли...

Глэдис и я то и дело ходим в еврейский квартал, как, впрочем месяцами ходили и раньше, когда обстановка была совсем другой. Думаю, это было очень мудро, хотя все арабы поголовно охотились за евреями и в начале нашей улицы стояли арабские посты, и было рискованно ходить туда, и мы делали это реже, но все-таки ходили. Это доказало многим евреям, которые знали нас, что мы не просто случайные приятели из тех, что вмиг улетучиваются, когда пахнет порохом. Правда, еврейские часовые всякий раз обыскивали нашу машину, и часто, если нас не знали в лицо, нам приходилось показывать наши американские паспорта. Однажды на прошлой неделе, когда мы возвращались из еврейского квартала и, подъезжая к шлагбауму, сбавили ход, машина с евреями, оттеснив нас, остановилась, и сидевшие в ней стали разговаривать с часовыми. Мы не могли проехать, те не двигались с места, и тогда я спросила часового, нельзя ли освободить проезд. Он слегка смутился и сказал, что будто бы недавно видел, как эту же машину вел араб. Я ответила: "Совершенно верно, вы знаете, чья это машина? Она принадлежит Шоги Эффенди, Главе Веры Бахаи, и у нас есть шофер-араб, который каждый день отвозит его в Сады Бахаи и обратно, а в других случаях мы управляем сами. Подождите - через четверть часа вы сами увидите эту машину на Горной дороге, и ее действительно будет вести араб". Поскольку это была истинная правда, похоже, что и часовой поверил мне, и больше проблем у нас не было...

Б... рассказал мне забавную вещь. Я спросила, уезжают ли наши соседи арабы... Он сказал, что они каждый день спрашивают его, а не уезжает ли Шоги Эффенди. Говорят, что уедут, как только уедет он. И еще: когда палестинский полицейский, который живет сейчас в доме у К..., спросил его, когда он уезжает, К... ответил: "Как только увидите, что уезжает Шоги Эффенди, хватайте свой пиджак, запирайте дом и поезжайте вслед за ним!" Потом добавил: "Если вы не скажете мне, что Шоги Эффенди собирается уезжать, и он уедет, то за мою жизнь будете отвечать вы". Неожиданное уважение со стороны соседей выглядит забавно после того, как они целых двадцать пять лет не обращали никакого внимания ни на Дело, ни на его Хранителя!"

4, 5, 48 "Сегодня украли машину! (Ее подарил Шоги Эффенди Рой Вильхельм. У Хранителя много лет не было своей машины: старую продали во время войны, потому что к ней не было запасных частей. (Боже мой, что за день! В половине третьего, когда мы с Глэдис сварили кофе и сели за ланч, служанка сказала, что пришел какой-то незнакомый еврей. Глэдис пошла спросить, чего он хочет. Короче говоря, это оказался председатель местного отделения "хаганы", мистер Фридман, а с ним еще десятка два вооруженных мужчин; мистер Фридман сказал, что их вызвал часовой "хаганы" (двое их стерегут нашу улицу), который увидел, как пятеро вооруженных человек возятся возле нашего гаража, когда же он наставил на них револьвер и сказал, что, если они не уйдут, он будет стрелять, те в ответ навели на него свои ружья, и, поскольку их было пятеро против одного, он отправился за помощью. У воров был джип, и, когда подкрепление прибыло, они уже исчезли. Но, поскольку дверь гаража была заперта и замок не поврежден, прибывшие решили, что машина по-прежнему внутри. Я посмотрела в замочную скважину: отвратительно пусто, а нашего "бьюика" - не следа! Бедняжка Глэдис бросилась к маленькой задней двери, но, увы! - машины не было. Часовой "хаганы" явно полагал, что воры - евреи (или англичане), но на все вопросы отвечал уклончиво. Фридман известил местный участок. Глэдис и Мансур дали знать воинским частям и заявили в полицейский участок в Стэнтоне. Я позвонила доктору Вейншоллу, который посоветовал нам обратиться в полицейский участок "Хадар Хакармел". Самым спокойным оставался Шоги Эффенди, он сказал только: "Вот уж порадуются мои враги!" Думаю, никто из нас на самом деле уже не надеялся вновь увидеть машину - и все же как печально

было думать о том, что наш большой, красивый !бьюик", который мы так долго ждали - исчез! Не без труда мне удалось договориться с евреем, шофером такси, по крайней мере необходимого Хранителю. "Если машину украли евреи, они ее вам вернут!" - сказал водитель. Я пошла вместе с Глэдис в полицию и ждала на улице, пока она оформляла протокол, а потом мы оставили описание машины Вейнхоллу - он сказал, что постарается помочь. После этого наш замечательный таксист отвез нас еще в один участок "хаганы", где мы снова подали заявление. Потом случилось нечто странное! Усталые и подавленные, мы шли домой, как вдруг Глэдис увидела в витрине косметического магазина на Херцль-стрит лосьон для рук, который я уже давно пыталась достать. Без особого желания, но я все же решила зайти и купить его. Хозяин магазина знал меня и папу уже много лет, поэтому спросил, как папины дела, я, в свою очередь, поинтересовалась, как поживает его престарелый отец... Я не хотела жаловаться и ничего не сказала ему насчет машины, но, заплатив за покупку, вышла, забыв ее взять. Это выглядело так нелепо, что, извиняясь, я сказала: "Я очень расстроена, у нас сегодня украли машину!" Хозяин ответил: "Но я сегодня же, примерно в начале третьего видел вашу машину в новом бизнес-центре! То-то мне показалось странно, что вы продаете такую новую, красивую машину!" Похоже, он видел нас в Глэдис в машине днем раньше и, надо же, запомнил даже американский номер! Он сказал, что в машине сидели евреи и вел ее тоже еврей, и что это был неподалеку от отеля "Савой". Он очень просил не называть его имени в качестве свидетеля, но я сказала, что тогда нам от этого будет мало пользы, и, поколебавшись, он сказал, что согласен. Разумеется, мы тут же бросились обратно в полицию и рассказали все, что услышали от хозяина магазина, а когда я вернулась домой, то увидела номер мистера Фридмана - он просил позвонить, я тут же перезвонила, еще раз все рассказала, и он ответил: "Этого мне достаточно. Теперь я знаю, что они в нашей части города, и я возьму их!" Немного погодя позвонили из полицейского участка "Хадар" и сказали: "Ваша машина найдена, так что не волнуйтесь - завтра можете ее забрать". И мистер Фридман тоже позвонил и сказал тоже самое, теперь уже наверняка, а четвертого примерно в одиннадцать утра он позвонил снова и сказал, что может заехать за Глэдис, отвез ее в полицию, и она забрала машину! Боже мой, как мы все радовались! Забавно, что вчера, еще до того как мы зашли в магазин, я все время повторяла, что только чудом машина может найтись!"

Получается, что те пятеро молодых вооруженных евреев (теперь все их имена известны), которые приходили сразу после захвата Хайфы и выдавали себя за людей "хаганы", и молодые люди в джипе (джип появляется то тут, то там и служит связующим звеном), которых Б... однажды вечером застал у дверей гаража, куда они хотели забраться, но он сказал им, что ломать дверь незачем, он и так ее откроет, и они вошли и окружили машину, и разглядывали ее, пока он наконец не сказал: "Если вы хотите знать, кому принадлежит эта машина, позвоните вашему начальству или доктору Вейнхоллу", - и тогда они быстренько ушли, - как бы там ни было, но мы все теперь не сомневаемся, что это были одни и те же люди и скорей всего - люди из "Иргун Цви Леуми", а не из "Хаганы"!

14, 5, 48 "Сегодня в полночь истекает срок действия Мандата! Итак, война, ее дыхание уже чувствуется, что-то несет нам будущее?... Папа и Бен должны вернуться завтра! Как я устала!"

15, 5, 48 "Скоро приедет папа! Я слышу, как стреляют пушкина холмах Хайфой и Накурой, где проходит ливанская граница. Вчера, когда евреи взяли Акку, мы тоже слышали перестрелку, но сегодня стрекотня пулеметов не умолкает целый день. Это напоминает мне, как англичане штурмовали ливанские позиции во время войны, только тогда мы были уверены, что бои постепенно удаляются. Сегодня - кто знает? А расстояния в Палестине такие крошечные - десять миль, и весь ход сражения может измениться в ту или иную пользу..."

Папа с Беном - их встречала Глэдис - приехали домой в половине второго. Они прилетели на самолете аргентинской авиакомпании, на два дня раньше расписания, потому что самолет не делал остановки в Александрии и Тель-Авиве. Поездка во всех смыслах получилась невероятно удачной. Как можно отблагодарить Господа за все Его милости и чудеса?"

3, 7, 48 "Сегодня Шоги Эффенди сказал папе, который пришел вечером повидать его после ужина: "Итак, сегодня, в десять часов пятнадцать минут вечера было принято историческое решение начать работы по возведению Усыпальницы!" - и они пожали друг другу руки!..

11.30 вечера. Слышу отдаленные выстрелы. Господи, помоги этой несчастной стране!"

6, 7, 48 "Шоги Эффенди очень озабочен тем, что военные действия могут снова начаться в пятницу. Перспектива не из лучших. Он сказал Бену, Глэдис и мне, что больше всего опасается за Усыпальницу Бахауллы. Теперь во Дворце живут бахаи из лагеря Мадж уд-дина и Шоа, и если придут арабы, то последствия будут совершенно определенными... ах, дорогой, сколько новых тягот, сколько проблем... если бы не наша вера, что бы мы делали?"

Он очень хвалил папу Бену и Глэдис, сказал, что все его любят, что у него самое чистое сердце и помимо всего прочего он избрал именно его архитектором Усыпальницы".

28, 12, 48 "Чувствую себя вконец измотанной. Кажется, у меня уже не осталось сил сопроставляться жизни... не знаю, насколько это серьезно. Надеюсь, что нет - ведь какой бы несчастной и жалкой я ни была, я все же еще кому-то нужна, все лучше, чем ничего..."

Сегодня вечером пришло уведомление от Солела Бонех: они просят за постройку Аркады 18.000 фунтов. Ужас! Шоги Эффенди крайне подавлен и обескуражен; часть камня уже доставили, остальное продолжает поступать; черепичный настил убрали, заложили фундамент, срыли склон горы за Усыпальницей! Он сказал, что не намерен соглашаться с этой дикой ценой - ах, милый! Столько проблем, столько проблем! Боже, дай мне силы и дальше нести мой крест и укрепи мои нервы...

20, 1, 49 "Попробую вкратце описать все наши новости. Погода отвратительная, и это при том, что еще восемьдесят неразгруженных ящиков с камнем для Усыпальницы стоят в порту. Всю ночь дождь мешал уснуть. Слушаю, как капли стучат по крыше, и думаю о том, как это скажется на работе, опять задержки, простои... и так все время - одно за другим. Кажется, что в этом году мы живем, как на бегах - все быстрее и быстрее..."

21, 1, 49 "Что за день, что за день! Такие дни - это уже чересчур. Вчера вечером Хранитель получил приглашение встречать премьер-министра, в мэрии устраивается прием. Он решил отправить вместо себя папу и Бена. Четыре дня лил дождь, но сегодня разрузка в порту снова началась. Настоящий сумасшедший дом..."

Только что, в четверг пятого звонил комендант, просил меня лично и сказал, что "исполнил свой долг" и договорился о встрече Хранителя с Бен Гурионом сегодня вечером в семь пятнадцать в доме у мистера Д..., который стоит на вершине горы... На бумаге все это выглядит ерундой... но пережить это на самом деле - убийственно. Все здесь дается с превеликим трудом. Но я очень рада, что Хранитель встретится с премьер-министром. Вчера вечером, когда он решил, что ему самому не подобает присутствовать на приеме, он сказал мне, что все же решил пойти на уступку и самому нанести визит премьеру, но в любом случае он не желает смешиваться с толпой и чтобы с ним обходились не так, как это приличествует его положению. Поэтому я попросила его разрешить мне позвонить коменданту, он согласился, и вот результат.

Сейчас семь, Хранитель и папа только что уехали, машину ведет Бен... Поскольку уже двадцать пять лет Хранитель прилагал все усилия к развитию Дела, к тому, чтобы местную общину признали всемирным центром, а его самого не главой местной или национальной общины, а всемирным главой Движения - возможность встретиться с премьер-министром очень важна. Несомненно, Бен Гурион думает, что проявляет

великую снисходительность - но если бы он только знал, какой чести удостоится он сам и как снисходителен Господь к нему сегодня вечером! Жизнь человека - такая малость, но сколько же в ней мирской тщеты.

Что ж, встреча завершилась. Длилась она около четверти часа. Когда они приехали, наружная дверь была распахнута настежь, Хранитель постучал вошел в дом и увидел Бен Гуриона с женой и хозяев - они доедали десерт в одном из этих маленьких домов, где комнаты отделаны друг от друга просто перегородками... Бен Гурион встал... провел Хранителя в соседнюю комнату, любезно предложил ему лучшее место и т. д. Потом он задал несколько вопросов о Деле, сказал, что слышал о нем, что это "социальное движение", Хранитель ответил, что это нечто гораздо большее, боговдохновенное и т. д. Однако старался не особенно акцентировать это. Бен Гурион также спросил о том, какое именно место занимает он сам в лоне Веры, и получил точный ответ.

Хранитель не хотел отрывать его от ужина, поэтому после краткой беседы встал, чтобы идти. Бен Гурион провел его до дверей, а слуга усадил в машину и придерживал дверцу... Бен Гурион спросил, можно ли где-нибудь прочитать об истории Дела, и Шоги Эффенди ответил, что с удовольствием пришлет ему книгу (он отправил ему "Бог проходит рядом"). Он сказал ему также, что при любой возможности будет рад показать ему Усыпальницы, однако премьер-министр отказался, сказав, что страшно занят, что, по моему, следует понимать как отказ... С другой стороны, очевидно, что если такой со всех сторон осаждаемый человек, как Бен Гурион, за два дня перед всеобщими выборами согласился на встречу, то это - дружеский акт с его стороны и проявление вежливости и расположенности со стороны коменданта Леви, устроившего эту встречу. Первым делом, Хранитель сказал, что хотел лично засвидетельствовать чувства, выраженные в письме, которое он посылал Бен Гуриону и о котором премьер-министр помнил. Да, конечно, ответил Бен Гурион... Хранитель писал ему с такой теплотой и симпатией... и я уверена - его удивительно чистая, искренняя и откровенная натура должна была произвести впечатление на такого искушенного сердцеведа..."

8, 2, 48 "3-го утром лихтер затонул со всем нашим грузом камня на борту! Еще один приятный сюрприз. Когда я сказала об этом Шоги Эффенди, он ответил: "Меня это больше не волнует". Он уже слишком привык к неприятностям, которые обрушиваются на него одна за другой! А нам казалось, что дело уже почти сделано! Эта погода, эти вечные осложнения, и вот теперь еще одно! Поговаривают, впрочем, что груз, быть может, удастся спасти".

11, 2, 48 "Шоги Эффенди едва ли не с утра до вечера каждый день - в Садах: за Усыпальницей ведутся земляные работы, которыми он руководит лично, чтобы они проводились как можно более экономно".

5, 4, 49 "Шоги Эффенди появился в гостиной - побеседовать с Глэдис, Беном (и со мной), как он иногда делает, когда выдается свободная минутка. Заметив у него на плаще грязь, я спросила, откуда это. Он ответил: "Воевал с генералом Грязью, победа осталась за ним!" Потом все же объяснил, что снова упал - подскользнулся, сейчас очень скользко после дождей, и все мы от души посмеялись".

3, 4, 52 "Сомневаюсь, хватит ли у меня времени и сил вести дневник дальше, а жаль - ведь я видела и знаю так много о здешней внутренней жизни и работе..."

15, 9, 55 "Думается мне, что у каждого человека свой ад. Однако, надеюсь, немногие живут в таком аду, как мы с Шоги Эффенди. Если кто-нибудь попросит меня дать более точное определение, то я, пожалуй, отвечу, что, хотя разновидностей ада и много, все они делятся на две: ад ответственности и ад безответственности..." (Тем, кто, быть может, не понимает значения, в каком употребляется английское слово "ад" здесь, - я имею в виду тягчайшие муки, жгучее, опаляющее страдание".

14, 11, 55 "До Хранителя дошло известие о том, что умер Варка. Шоги Эффенди сказал: "Он был самым прекрасным человеком среди нас", Да, конечно этого ждали уже давно,

однако он скорбит об утрате - так мало осталось выдающихся, талантливых людей среди бахаи".

IX

Война

Перечитывая свои дневники - столь малую часть которых я процитировала, а ведь там сотни страниц, исписанных за многие-многое годы, - я удивляюсь, что в них практически не упоминается мировая война, бушевавшая повсюду почти шесть лет и представлявшая такую страшную угрозу для Всемирного Центра Веры и в особенности для ее Главы и Хранителя. Ничто так красноречиво не свидетельствует о тяжелой внутренней борьбе, кризисах и переломах, которые он преодолел за все те годы, чем это "белое пятно". Бремя повседневных трудов, забот и усталости было столь велико, что незаметно оттеснило мысль о постоянной опасности на задний план. Шоги Эффенди внимательнейшим образом следил за политическими событиями и близко к сердцу воспринимал все происходившее. Его ум и аналитические способности не позволяли убаюкивать себя ложному самодовольству, порожденному довольно-таки наивным представлением, которое люди часто вкладывают в понятие "вера". Он прекрасно знал, что верит в Бога вовсе не означает, что в критические моменты человек не должен полагаться на свою мысль, недооценивать опасность, предвосхищать изменение ситуации.

С великой неохотой обращаюсь я к частной жизни Хранителя, такой незапятнанно чистой, но почти сплошь состоящей из тяжелых испытаний. Мною движут два основных соображения; первое состоит в том, что без хотя бы беглого взгляда на то, что ему пришлось пережить как человеку, невозможно в полной мере оценить величие его достижений; второе же сводится к тому, что на протяжении столетий любая знаменитая личность неизбежно становится предметом детального исторического исследования, многое выплывает на свет в воспоминаниях, собранных из самых различных источников, и, если не найдется очевидца, который мог бы правильно истолковать их, они подвергаются чудовищным искажениям, смешиваясь с разного рода нелепыми выдумками, не основанными абсолютно ни на чем.

Когда мой отец после неожиданной смерти мамы в Аргентине в марте 1940 года получил от Хранителя приглашение переехать жить к нам, Шоги Эффенди решил по личным соображениям отправиться в Англию. Тому, кто не побывал на ближневосточно-европейском театре военных действий, практически невозможно себе представить, с какими трудностями была сопряжена подобная поездка в данный исторический момент. Несмотря на престиж и влияние Хранителя, факт продолжал оставаться фактом: палестинские власти не могли предоставить визу для въезда в Англию, и мы направили наш запрос в Лондон. Кроме того Шоги Эффенди обратился к своему старому другу лорду Лэмингтону с просьбой использовать свои полномочия для получения визы, но к тому времени, когда отъезд в Англию, если нам вообще суждено было добраться туда, стал совершенно безотлагательным, не было получено никакого ответа от палестинских чиновников и ответ лорда Лэмингтона тоже запаздывал. Повинуясь силам, которые часто столь таинственным образом направляли его действия, Хранитель принял решение ехать через Италию (итальянскую визу ему получить не удалось), и, таким образом, 15-го мая мы покинули Хайфу на маленьком, пропахшем бенхином итальянском акваплане: вода плескалась у бортов, и вообще мы чувствовали себя совсем как в старой гребной лодке. Несколько дней спустя мы прибыли в Рим, и я поехала в Геную встретиться с отцом, который приплыл на "Рексе", совершавшем свой последний рейс в качестве пассажирского судна. Сразу же после нашего возвращения Хранитель послал меня и отца в британское посольство узнать, не поступила ли туда случайно наша виза, пересланная из Палестины. но никаких новостей не было, и консул сказал, что ничем не может нам помочь, поскольку каждый шаг предпринимается исключительно после соответствующего распоряжения из Лондона, а он уже давно не имеет связи со своим

правительством! С этими печальными известиями мы вернулись к Хранителю. Он снова отправил нас обратно. Разумеется, мы безоговорочно повиновались, ведь он был Хранителем, однако ни папа, ни я не представляли, что еще мы можем сделать. Тем не менее мы вновь сидели в кабинете консула и почти дословно повторяли ему то, что и без того недавно твердили много раз, пока мне не пришло в голову упомянуть, что Шоги Эффенди преемник и внук сэра Абдул-Баха Аббаса. До этого я уже, конечно, говорила о том, что он является Главой Веры Бахаи и т. д. Консул посмотрел на меня и сказал: "Я помню Абдул-Баха..." - и стал припоминать случаи, когда ему доводилось встречаться с Учителем; он был явно глубоко растроган. Потом он взял наши паспорта, поставил в них английскую визу и сказал, что, хотя он не имеет никакого права и поставленный им штамп недостоин бумаги, на которой теперь значится, это единственное, что он может для нас сделать; если мы решим все же поробовать въехать в Англию с такой визой, то должны учитывать, что нам могут отказать. После этого мы немедленно выехали во Францию и, проследовав через Ментону, направились в Марсель. Через несколько дней Италия вступила в войну против союзников.

Трудно описать последующий период. Все в целом представляется ярко высвеченным ночным кошмаром - нашим, маленьким, и огромным кошмаром, в который была вовлечена вся Европа. Наш поезд приближался к Парижу, и на каждой станции мы видели толпы беженцев - союзные войска терпели на севере одно поражение за другим. Получить точную информацию было невозможно, хаос разрастался. Приехав в Париж, мы окончательно пали духом: все порты, откуда корабли отправлялись в Англию, были закрыты, и нашей последней надеждой - надеждой час от часу становившейся все более призрачной, - оставался небольшой порт Сен-Мало, куда мы и поехали, рассчитывая сесть на корабль там. Нам и еще сотням людей, пытавшимся вернуться домой в Англию, пришлось ждать целую неделю, прежде чем два парохода пробились к Сен-Мало. Мне никогда не доводилось видеть Хранителя в таком состоянии, как в те дни. С утра до вечера он сидел неподвижно, застыв как каменное изваяние, так что мне казалось, будто страдание сдает его, как пламя - свечу. Дважды в день он посылал нас с папой в парходную компанию в порт узнать, нет ли каких новостей о прибытии судов, и дважды в день мы возвращались с одним и тем же ответом: "новостей нет". Со стороны может показаться странным, что он так ужасно беспокоился, но при его складе ума он бесконечно лучше чувствовал и понимал, какая опасность угрожает Делу - и, видит Бог, я тоже была просто больна от волнения. Мы оба с отца все еще переживали страшный удар после внезапной смерти мамы от сердечного приступа, и это, в сочетании с окружающим, делало отца глухим к происходящему, держало в состоянии, близком к оцепенению. Иное дело Хранитель: он прекрасно понимал, что если мы попадем в руки нацистов, которые уже запретили Веру у себя в стране и были тесно связаны с Великим Муфтием в Иерусалиме - активным проводником проарабской политики и заклятым врагом Хранителя, - то его, скорее всего, ожидает заключение, если не нечто худшее, а Дело лишится своего Главы, и некому будет ободрять и направлять мир Бахаи в дни, когда мир ввергнут в хаос. Наше положение очень напоминало мне то, в каком оказался Учитель в Акке, когда Ему тоже угрожала новая ссылка и Он тоже ждал известий о прибытии корабля. Наконец мы сели на первый из двух пароходов, пришедших в ночь на 20-ое июня, чтобы эвакуировать людей, оказавшихся в ловушке в Сен-Мало, и, плывя в кромешной тьме, на следующее утро добрались до Саутгептона. Насколько помню, на следующий день нацисты уже маршировали по улицам Сен-Мало.

С меньшими трудами пришлось нам выбираться из Англии. В то время широко развернулось движение за эвакуацию детей, которой уделялось первостепенное значение, и лишь благодаря положению Шоги Эффенди и личному знакомству моего отца с канадским Верховным Комиссаром в Лондоне, нам удалось достать билеты в Южную Африку, и 28-го июня мы отплыли в Кейптаун на пароходе "Кейптаун Кэсл". Это было быстходное судно, и, отчалив от английских берегов в составе большого каравана, мы

вскоре плыли уже одни; помню, как я наблюдала за странным зигзагообразным курсом корабля, который он постоянно менял, чтобы представлять как можно менее уязвимую мишень для подводных лодок. Поскольку вступление Италии в войну закрыло союзным кораблям проход через Средиземное море, мы были вынуждены добираться до Палестины в обход всего африканского континента. Хотя Шоги Эффенди уже однажды, когда он только-только вступил в должность Хранителя, доводилось пересекать Африку - это было в сентябре 1929 года, когда он, большей частью по суше, добирался из Англии через Кейптаун в Каир, - ему не удалось тогда получить визу на въезд в Бельгийское Конго, которое почему-то всегда привлекало его. Дух искателя приключений, любовь к прекрасным пейзажам влекли его на вершины гор и в чащу джунглей, результатом чего и стало предыдущее путешествие. И вот теперь, необъяснимым, чудесным образом, в самый разгар войны мы получили визу в Конго. Когда мы приехали в Стенвилль и совершили вылазку в девственный лес, окружавший город, я поняла, что одной из главных причин, приведших сюда Шоги Эффенди, была его влюбленность в красоту природы; ему хотелось видеть пору цветения в джунглях. Увы, место и время для этого были не совсем подходящие, и мы, разочарованные, отправились в дальнейший путь.

Шоги Эффенди очень заботился о здоровье моего отца (ему исполнилось шестьдесят шесть, и особо крепким здоровьем он похвастать не мог), поэтому не хотел, чтобы он сопровождал нас в изнурительном пути через материк; итак, мы благолучно оставили его в гостинице в Дурбане, полагаясь на то, что ему удастся достать билет на самолет. Список желающих был немалым, и часто люди, не имеющие отношения к правительству или к военным кругам, вынуждены были уступить свою очередь более важным персонам. За несколько недель ожидания он спроектировал надгробие для могилы мамы, в котором воплотились не только его и мои идеи, но и ценные предложения, внесенные самим Шоги Эффенди.

После трехдневного перегона от Стенливилля до Юбы в Судане мы с Хранителем спустились на пароходе по Нилу и оказались в Хартуме - насколько могу себе представить, самом жарком месте на свете - и вот, сидя после ужина на крыльце нашей гостиницы, мы увидели, как из темноты появляется группа недавно прилетевших самолетом пассажиров и среди них - не кто иной, как мистер У. С. Максвелл! Поистине счастливый и необычный случай свел нас вновь в самом сердце Африки, и это придало нам новых сил, поскольку мы и представить себе не могли, где и когда нам предстоит встретиться. Еще в Дурбане Шоги Эффенди сказал отцу, чтобы тот ехал в Палестину, остановился в какой-нибудь гостинице в Назарете и там дожидался нас, чтобы потом вместе отправиться в Хайфу.

К нашему удивлению, генерал-губернатор, сэр Стюарт Саймс, пригласил нас на ленч к себе во дворец (это было 1-го октября), и, возобновив таким образом старое знакомство, мы продолжили наш путь через Каир в Палестину и все втроем вернулись в Хайфу примерно через полгода после нашего отбытия. Легко представить, что подобное путешествие, с самого начала до конца полное неопределенности, опасностей и ожидания, само по себе было невероятным и предельно изматывающим. Хотя Шоги Эффенди никогда не был в западном полушарии и некогда не ездил на восток дальше Дамаска, тем более интересно, что ему дважды удалось пересечь Африку с юга на север.

Как поражены были бы жестоко гонимые английские бахаи, догадайся они по телеграмме, направленной их Национальному Собранию 27 декабря 1940 года: "телеграфируйте положению дел молось друзьям Лондоне Манчестере любовью уважением", - что Хранителю, как по узкому карнизу, удалось избежать грандиозной атаки на английскую столицу и что он только недавно вернулся в Святую Землю!

В годы, последовавшие за нашим возвращением в Палестину, грозная опасность нависла над Святой Землей - опасность, угрожавшая как Всемирному центру Веры и ее Хранителю, так и бахаи во многих других странах.

С детства глубоко проникшись духом Учения, чуткий и наблюдательный спутник своего возлюбленного деда, Шоги Эффенди всегда отдавал себе отчет в неизбежности того, что, пользуясь его собственными словами, можно охарактеризовать как "первые толчки всемирного землетрясения, ожидающего утратившее веру человечество". Но хотя он и предвидел приближение новой войны, он никогда намеренно не драматизировал события. В своем письме 1927 года к Марте Рут, делившейся с ним своими недобрыми предчувствиями, он старается успокоить ее: "Что касается войны, которая может разразиться в Европе, прошу вас - как можно меньше думайте об этом. Перспектива весьма отдаленная, в настоящее время опасности практически нет", - хотя в том же самом году он заявляет, что неизбежность нового смертельного противостояния становится все более очевидной. Вновь и вновь он подготавливает бахаи к тому, чтобы открыто взглянуть в лицо факту надвигающейся всемирной вспышки. В 1938 году он писал: "Параллельные процессы внутреннего разложения и внешнего хаоса ускоряются и день за днем неотвратно приближаются к своему апогею. Толчки, предшествующие взрыву этих сил, который должен "сотрясти человечество", уже ощутимы. "Время конца", "последние годы", предсказанные в Писании, в конце концов настали нас". А в своей книге "Пришествие Божественной Справедливости", написанной в 1938 году, он открыто говорит о будущей войне: "Кто знает, быть может, лишь эти немногие остающиеся, быстротекущие годы не будут омрачены столь опустошительными столкновениями как те, что предшествовали им". В апреле 1939 года он написал: "я слышу шорох последних песчинок в часах умирающей цивилизации".

Предвоенные сумерки сгущались над Европой, и я очень хорошо помню то почти осязаемое предчувствие катастрофы, которое охватило меня, когда, находясь в самом центре этого континента, Шоги Эффенди написал столь проникновенные и поэтичные слова, открывающие его телеграмму от 30-го августа 1939 года: "неотвратно спускается ночная тьма на беспечное человечество". В июле 1940 года, за неделю до отплытия из Англии Шоги Эффенди телеграфировал в Хайфу (через нее неизменно проходили все телеграммы и письма во время его отсутствия), что пламя войны "... ныне грозит опустошением Ближнему Востоку Дальнему Западу соответственно Всемирному центру главной уцелевшей цитадели Веры Бахауллы..." Кажется невероятным, что посреди стольких треволнений, после почти полугодового отсутствия, когда мы почти постоянно словно мчались по гребню приливной волны (сначала пытаюсь вовремя уехать из Хайфы, а затем - вовремя вернуться в нее), Хранитель сохранил умственные и душевные силы для того, чтобы по возвращении в Святую Землю приняться за такую книгу, как "Обетованный День Настал" - книгу, в которой он совершенно недвусмысленно пишет о том, что "карающий бич бедствий", вне зависимости от того, объясняются ли они политическими или экономическими причинами, обрушился на человечество прежде всего потому, что они на протяжении многих столетий пренебрегало Вестью Божией.

С поистине замечательным спокойствием встретил Шоги Эффенди трудности и опасности, с которым столкнула война и нас в Хайфе, и всех рассеянных по миру бахаи. Однако это не значит, что он не страдал от них. Бремя ответственности не покидало его; он не мог сложить его с себя ни на минуту. Помню, как однажды (я была вне себя, потому что он, даже когда бывал болен, всегда требовал полного отчета о происходящем) он сказал, что другие деятели, даже премьер-министры, в случае необходимости могут на короткое время переключать дела на своих представителей, чего он, пока жив, не может себе позволить. Ведь его функции были ниспосланы ему свыше, и ни на мгновение не мог передоверить их кому бы то ни было.

Хотя вторая мировая война практически не затронула Святую Землю, мы годами жили в ощущении неизбежной опасности того, что это может произойти. Как и многие другие страны, мы вынуждены были постоянно устраивать затемнение. А если учесть, что здания, составляющие дом Учителя, имеют около сотни окон, одно это превращалось для нас в серьезную проблему; конечно, не было необходимо, да и не было возможности

затемнять их все без исключения, но все равно нам частенько приходилось бродить в потемках и то и дело отвечать на звонки разгневанных представителей противовоздушной обороны. Хайфа - крупный порт с большим старым нефтеперерабатывающим заводом - была важным стратегическим пунктом. В целях обороны город располагал несколькими зенитными установками, две из которых размещались примерно в миле от дома Хранителя. Бомбежки наносили незначительный ущерб - зенитчики действительно работали на славу, но налеты случались часто, и все кругом было усыпано шрапнелью от крупнокалиберных зенитных снарядов. Это добавляло хлопот и волнений Шоги Эффенди, потому что кусок шрапнели величиной с виноградину легко мог повредить навсегда один из прекрасных мраморных памятников на могилах членов семьи Учителя; рядом с ними часто находили осколки, но ни одно надгробие все же не пострадало. Нам пришлось построить противовоздушное убежище, однако ни Хранитель, ни я никогда не спускались в него. Иногда во время ночной тревоги Шоги Эффенди вставал и выглядывал из окна, но обычно не делал даже этого. Самые жаркие бои разыгрались, когда британские войска вошли в Ливан, и целую неделю до нас доносился грохот тяжелой артиллерии, а порт в полумиле от нашего дома вишисты постоянно атаковали пикирующими бомбардировщиками.

Но все это никогда не представляло по-настоящему серьезной опасности. В ноябре 1941 года в своем телеграфном послании Шоги Эффенди предсказал будущее и так охарактеризовал, что ждет нас в ближайшие годы: "... близятся к пику страшные испытания миру охваченному неистовством саморазрушения..." Несмотря на то, что миру еще суждено было пережить, мы здесь, в Палестине, уже в 1941 году прошли через самые бурные месяцы войны, месяцы, причинившие Хранителю больше всего беспокойств. Именно в этом году Рашид Али предпринял в Ираке неудачную попытку анти-союзнического переворота; в Ливии генерал Роммель настойчиво теснил британские войска, и в конце концов (в 1942 году) немцы подошли к воротам Александрии; силы нацистов заняли Крит - второй плацдарм для их планировавшегося вторжения на Ближний Восток; наконец, британские и французские соединенные войска захватили Ливан, упразднив в этой стране режим, контролируемый вишистским правительством. Помимо этих более чем очевидных опасностей Великий Муфтий в Иерусалиме - враг Веры и ее Хранителя - твердо придерживался союза с нацистами. Не надо обладать слишком богатым воображением, чтобы представить себе, какая судьба ожидала бы Шоги Эффенди и Усыпальницы, Всемирный центр и архивные материалы, если бы победоносная германская армия, а с нею и коварный, полный ненависти и злобы муфтий захватили Палестину. Шоги Эффенди неоднократно повторял, что не так важно, как именно поведут себя сами немцы, как тот факт, что многочисленные местные недоброжелатели в союзе с муфтием смогут настроить их против него, тем самым усугубив ситуацию и без того крайне опасную, поскольку идеи Бахаи во многих отношениях враждебны нацистской идеологии.

Месяц за месяцем Шоги Эффенди следил за непрерывно приближающейся линией фронта, с глубочайшей обеспокоенностью взвешивая в уме, какую линию выбрать в случае возможного вторжения, как лучше со всех сторон защитить Веру, живым символом которой он был.

На протяжении всех лет войны Шоги Эффенди удавалось поддерживать связь с массой верующих в странах, где уже давно существовали многочисленные общины бахаи - таких как Персия, Америка, Индия и Великобритания, равно как и с новыми быстро растущими центрами Латинской Америки. Сравнительно небольшие общины в Японии, странах Европы, Бирме и в какой-то период - в Ираке были почти полностью отрезаны от него, что очень сильно печалило его и заставляло постоянно беспокоиться об их судьбе. Благодаря этому маленькому чуду, за счет которого Шоги Эффенди удавалось поддерживать связь почти со всеми бахаи мира, он мог не только рассылать руководящие указания Национальным Соборам, но и разъяснять, что означала эта великая война для нас,

бахай. В своем послании, известном под названием "Обетованный День Настал", он утверждает, что "цель Господа и состоит в том, чтобы Ему одному доступными путями, полное значение которых Он один в силах измерить, провозвестить Великий, Золотой Век столь долго разобщенному, столь долго страдавшему и претерпевшему столько мук человечеству. Нынешнее его состояние и даже его ближайшее будущее темно, удручающе темно. Однако его отдаленное будущее - ослепительно и славно, столь ослепительно и лучезарно, что глаз человеческий не в силах различить его... Длившиеся столетия, его детская и юношеская пора невозвратно ушли в прошлое, тогда как Великий Век, венчающий все века, знаменующий грядущий век единого человеческого сообщества, еще наступит. Потрясения этого переходного и самого бурного века в истории человечества по сути своей представляют необходимые предварительные условия и провозглашают неотвратимое приближение того Века Веков, "времени конца", когда безумие и распри, с самых первых дней запятнавшие анналы человеческой истории, наконец уступят место мудрости и покою ничем не нарушаемого, всеобщего и длительного мира, когда раздор между чадами человеческими сменится повсеместным примирением и полным единением различных элементов, составляющих человеческое общество... К этой стадии своего развития человечество - вольно или невольно - неуклонно приближается. И именно этому Веку чудотворно пролагает путь то великое и страшное испытание, через которое суждено пройти ныне роду человеческому".

Когда европейская фаза войны наконец завершилась в мае 1945 года, облегчение и радость, охватившие Хранителя, были столь велики, что он телеграфировал в Америку: "Последователи Бахауллы на всех пяти континентах единодушно выражают радость связи частничным прекращением войны произведшей грандиозные перемены человечестве", - и высказал то заветное, что лежало у него на сердце: "... возблагодарим божественное Провидение за явное вмешательство которое помогло в эти полные опасностей годы Всемирному Центру нашей Веры избежать...", - и далее выражает благодарение за чудесное спасение других общин, перечисляя воистину замечательные победы, одержанные во имя Веры во время войны и вопреки ей. В августе 1945 он вновь телеграфирует: "Возвысив наши сердца возблагодарим полное прекращение продолжительного беспрецедентного мирового конфликта", - и призывает американских верующих незамедлительно продолжить их работу, приветствуя отмену ограничений, позволяющую им теперь беспрепятственно приступить к осуществлению второй стадии Божественного Плана. Пожалуй, ничто не может послужить лучшим примером решимости, энтузиазма и блистательных качеств руководителя, воплощенных в Шоги Эффенди, чем эти послания, распространенные на заре пробуждения мира от самого страшного военного кошмара за всю его историю.

Независимо от положения в остальном мире, внутренняя ситуация в Палестине продолжала ухудшаться во всех отношениях. Почти поголовное истребление, постигшее евреев в Европе; недовольство, вызванное среди палестинских евреев политикой британских властей, строго контролировавших и ограничивавших поток еврейской иммиграции; горячее негодование в арабской среде, недовольной той же политикой - все это способствовало обострению напряжения и усилению взаимной ненависти. Многие из трудностей, от которых прочие страны начали понемногу избавляться, такие как нехватка продовольствия и карточная система, теперь давали о себе знать в здешних краях. Трудности пожидали буквально на каждом шагу. Правда, бомбежек или вторжения можно было больше не бояться, но в целом, по мере того как мы вступали в период, который Шоги Эффенди охарактеризовал как "самое тяжкое потрясение, выпавшее на долю Святой Земли в наше время", перспективы для этой маленькой, но священной страны стонувшие все более и более мрачными.

Шоги Эффенди чувствовал себя окончательно истощенным после напряжения военных лет, лет, во время которых он не только написал "Обетованный День Настал" и "Бог проходит рядом", но и ведал осуществлением - ибо кто станет отрицать, что именно его

безграничный энтузиазм и неиссякаемая энергия побуждали верующих к действию? - намеченного на первые пять лет Семилетнего Плана, во время которых он служил источником утешения, вдохновения и единения бахаи всего мира, во время которых он постепенно раздвигал границы Дела и развивал деятельность национальных общин, во время которых он положил начало уникальному проекту сооружения надстройки Усыпальницы Баба и во время которых он окончательно разошелся как с членами семьи Абдул-Баха, так и со своими близкими. Ему было уже под пятьдесят, волосы на висках поседел, плечи и спина ссутулились от долгого сидения за столом, сердце его было не только омрачено всем пережитым, но и, я твердо в этом уверена, надорвано им.

По мере того как срок действия британского мандата истекал (окончательно это должно было произойти 14 мая 1948 года), ситуация в Палестине ухудшалась с каждым днем. Страна, охваченная дурными предчувствиями, бурлила от ненависти, волна террористических актов росла. В конфликт оказались втянуты все: арабы, евреи и англичане; все три стороны хорошо понимали полную непричастность Хранителя к горячим политическим вопросам, и не будет преувеличением сказать, что, пользуясь повсеместным уважением, он оказался в полном одиночестве. Факт этот имеет огромное значение, так как на протяжении нескольких лет и прежде всего в месяцы, непосредственно предшествовавшие истечению срока действия мандата, нейтральной полосы между враждующими практически не оставалось; евреи платили за охрану еврейской общины, так же как арабы платили за охрану своей. То, что Хранителю удалось благополучно провести небольшую общину бахаи через все грозившие гибелью подводные рифы тех дней и что сам он никогда не прикасался к общинным фондам, чтобы поддержать своих восточных соратников (хотя все знали, что он родился и вырос в этой стране), доказывает, какую высокую репутацию он завоевал как человек непреклонных принципов и железной воли.

Тем не менее, хотя Хранитель и оказался в своего рода изоляции, это не означает, что он не подвергался опасности или что само Дело не очутилось в весьма затруднительной ситуации. Большие незастроенные участки земли, окружавшие Усыпальницу Баба и принадлежавшие общине бахаи, служили постоянным источником беспокойства, поскольку граничили с арабскими территориями. И с той, и с другой стороны население, часто становившееся жертвой снайперов, бомбовых атак и ручных гранат, боялось любого открытого пространства, любой незащищенной возвышенности. Поэтому Шоги Эффенди пережил однажды настоящий шок, когда глядя в свой бинокль увидел, что англичане установили неподалеку от Усыпальницы пулемет, нацеленный на дорогу, поскольку, очевидно, эта позиция представлялась им наилучшей, чтобы атаковать любого, кто появится поблизости. Пулемет в конечном счете убрали, но тревожное ощущение, вызванное этим эпизодом, осталось - ведь теперь нам угрожала страшная опасность быть незаметно вовлеченными в кровавый хаос, творившийся вокруг.

Помню и другой случай, когда один еврей, часто выполнявший для нас разную работу, только что покинул территорию Усыпальницы и вслед за ним явилось несколько арабов, которые принялись выспрашивать, где он (если бы его нашли, то скорее всего убили бы), и это могло иметь поистине ужасные последствия для общины, которая так страстно выступала против непрекращающегося кровопролития и была полностью нейтральной стороной в полностью нейтральной стороной в политической борьбе. Вокруг дома Учителя шла постоянная стрельба, иногда переходившая в небольшие сражения; ни в кого из нас ни разу не стреляли и не пытались нападать на нас, но не следовало недооценивать возможность попасть под шальную пулю. Поскольку теракты участились, некоторые районы, включая наш, по собственной инициативе устраивали ночное затемнение, отключая даже уличные фонари; часто, когда вооруженные действия принимали особенно ожесточенный характер или совершался крупный террористический акт, комендантский час устанавливался даже на дневное время, и только английские солдаты показывались то здесь, то там, их огромные танки с грохотом катили по обезлюдившим улицам, часто на

ходу стреляя наугад из пулеметов. От тоскливо-мрачного воя их сирен кровь стыла в жилах, а по ночам он просто наводил неподдельный ужас на и без того запуганных людей, вынужденных жить на краю вулкана, который может начать действовать в любую минуту. Невзирая на происходящее, Шоги Эффенди каждый день, как обычно, поднимался на гору Кармель и занимался своими делами, наблюдая за ходом работ в садах, посещал Усыпальницы и возвращался домой до темноты. За весь этот период я вспоминаю только один или два случая, когда в связи с ситуацией неожиданно устанавливали комендантский час, и он не успевал вернуться вовремя. Однажды, когда мистер Уиден вез его к Усыпальницам (наш водитель-араб уехал из страны), одна из двух ехавших за ними машин открыла огонь по другой, та обогнала машину Хранителя, и он оказался буквально между двух огней. Вторая машина скоро тоже обогнала его, и ехавшие в ней продолжали выяснять отношения с противником - но представьте себе, что мы пережили, когда слышали об этом инциденте! При всем том мы ровно ничего не могли сделать. Всякий, кому довелось пройти через подобное, знает, что в таких обстоятельствах существует только два варианта поведения: либо немедленно уехать, либо вести себя как обычно. Мы выбрали второй вариант. Отрывок из моих дневников, датированный 22-м февраля 1948 года, прекрасно передает атмосферу, в которой мы жили в то время: "Мы знаем, что Бахаулла незримо наблюдает за нами. Но мы - люди и не можем не тревожиться, когда зарево стоит над городом от канонады, а возлюбленный Хранитель еще не вернулся из Усыпальниц, и дорога закрыта, и ему придется возвращаться пешком - и когда все заканчивалось благополучно, мы знали, что это благодаря Бахаулле... не будет преувеличением сказать, что ни одной ночи не проходило без стрельбы. Выстрелы слышны всю ночь - то ближе, то дальше. Но все равно я быстро засыпаю, если только не разбудит звук взрыва..."

Но не это заставляло Шоги Эффенди проводить бессонные ночи. Главная его забота - сохранность Священных Усыпальниц. После окончания срока действия Мандата, когда началась арабо-израильская война, над ними нависла вполне реальная опасность, и это вызывало у него самое острое беспокойство. Бахджи находилось всего в пятнадцати километрах от границы, через которую армия могла прорваться в любой момент. Это служило первым источником тревоги; другой состоял в том, что в соответствии с обсуждавшимся планом, который какое-то время рассматривался всерьез, северная граница нового израильского государства должна была отделить Хайфу от Акки, и, таким образом, Всемирный Центр раскалывался надвое: Административный Центр раскалывался надвое: Административный центр оставался в одной стране, а Пресвятое Место, кибла Веры, отходило к другой - враждебной к ней и к самой Вере.

Если у кого-нибудь возникнет вопрос, почему подобные вещи причиняли такое беспокойство божественному Хранителю, попытаюсь дать на него свой ответ, объяснить так, как я его понимаю. Мне кажется, что в большинстве жизненных ситуаций участвуют три фактора: Воля Божия, складывающаяся из Его Милосердия, Всемогушества и жребия, который он предопределил людям, - Воля, которая в конечном итоге исправляет всякое зло; элемент случайности, который, как говорит Абдул-Баха, сроден природе вещей; и, наконец, свободная воля личности, несущей ответственность за свои поступки. Учитывая эти факторы, не стоит удивляться, что Хранителя глубоко заботила любая ситуация, так или иначе затрагивающая интересы Веры или угрожающая ей, и он беспокойно обдумывал встающие перед ним проблемы, изыскивая пути к безошибочному решению, наилучшую возможность извлечь выгоду для Дела.

Не раз Шоги Эффенди говорил о Божественной Длани, сохранившей Всемирный Центр в беспокойной и опасный период после конца британского мандата и до окончательного установления израильского государства. Одного перечня опасностей, которых удалось избежать за это время, и достижений этого периода - Хранитель перечисляет в своей телеграмме, направленной Американскому съезду бахаи 25-го апреля 1949 года - довольно, чтобы составить представлений о его глубоких и тревожных переживаниях и

серьезности проблем, с которыми ему приходилось сталкиваться. В опубликованном варианте этого послания указывается, сколь весомы были "свидетельства божественного покровительства сохранившего Всемирный Центр Веры в третий год второго Семилетнего Плана", и, как говорится далее, "Провидение положило конец длительным военным действиям терзавшим Святую Землю. Святые Бахаи в отличие от принадлежащих другим верам чудотворительно спасены. Опасности не менее серьезные чем те что угрожали Всемирному Центру Веры при Абд уль-Хамил Джамаль-паше и во время предполагавшегося захвата Гитлером Ближнего Востока предотвращены. В пределах Святой Земли основа и признано независимое суверенное государство чем положен конец продлившемуся двадцать веков статусу провинции. Премьер-министр новообразованного государства официально обеспечил защиту мест поклонения Бахаи и свершения паломничеств. Получено официальное приглашение правительства связи с историческим первым заседанием государственного парламента. Официально признаны брачные договоры Бахаи фонды Бахаи освобождены от налогов властями упомянутого государства. Недавно избранный глава государства в ответ на поздравительное послание его кабинету желает Вере Бахауллы процветания будущем".

В послевоенные годы, когда Вера Бахаи одерживала одну победу за другой, когда возникла Организация Объединенных Наций - самое могучее могущественное орудие для достижения мира, когда-либо созданное людьми, - многие из нас, несомненно, надеялись и страстно верили, что худшее в долгой истории, связанной с войной, уже позади и мы можем различить первые проблески той зари, которая, как твердо уверены все бахаи, ожидает мир. Но строгому, целеустремленному взгляду Хранителя события представлялись отнюдь не в таком свете. До последних своих дней он, основываясь на словах Самого Бахауллы, повторял то, что часто можно было услышать от него еще до начала войны: "Далекое будущее светло, ближайшее же - окутано мраком".

Среди окрыляющих посланий, которые он так часто рассылал бахаи всего мира, восхвалявших их замечательное служение Делу, среди планов, которые он детально разрабатывал для них, постоянно проскальзывала тревожная, предостерегающая нота. В 1947 году он писал о том, что Провидение не оставляет бахаи в их движении вперед, помогая им своей милостью "не уклоняться от пути истинного под влиянием встречных течений и бурных ветров, что неизбежно и все с большей силой будут сотрясать человеческое общество вплоть до того, как пробьет час окончательного искупления..." В этом сообщении, призывающем американскую общину не ослаблять усилий по выполнению наиважнейшей задачи - реализации второго Семилетнего Плана, он так говорит о будущем: "По мере того, как международная ситуация ухудшается, а судьба, ожидающая человечество, теряется во мраке... По мере того, как основы современного общества трещат и рушатся под давлением грандиозных катастроф и бедствий, а пропасть, отделяющая народ от народа, класс от класса, расу от расы и род от рода, ширится..." Далекие от того, чтобы преодолеть углы острых противоречий, мы не переставали чувствовать за спиной дыхание страшного прошлого и "постепенно углубляющегося кризиса". В одном из разговоров, состоявшихся в марте 1948 года, который я занесла в свой дневник, он высказался еще более откровенно: "Сегодня вечером Шоги Эффенди сказал мне несколько крайне любопытных вещей: он без обиняков заявил, что в свете нынешних событий говорить о том, что новой войны не будет, просто глупо, и, если она все-таки случится, утверждать, что никто не применит атомную бомбу - не меньшая глупость. Следовательно, мы обязаны учитывать, что война произойдет, атомное оружие будет применено и это вызовет ужасные разрушения. Однако бахаи, как ему кажется, уцелеют и составят ядро будущей цивилизации. Он сказал, что неправильно считать, что хорошее погибнет наряду с дурным, поскольку в определенном смысле все человечество запятнало себя, отвергнув и осудив Бахауллу после того, как Он во всеуслышание возвестил каждому Свою Весть. Он сказал, что святые в монастырях и грешники в самых смрадных клоаках Европы - все в равной мере порочны, ибо они отвергли Истину. Он

сказал - неверно полагать, как делают многие бахаи, что добро погибнет вместе со злом, что все люди злы, потому что в день сей они предали Бога поруганию и отвратились от Него. По его словам, остается надеяться лишь на то, что каким-то чудесным образом, невзирая на страшные разрушения, останется нечто, что сможет послужить основой для будущего".

В ноябре того же года, вновь побуждая американских верующих к упорному выполнению поставленной задачи, он писал: "По мере того, как судороги, в которых рождается новая эпоха, становятся все сильнее и тень нового конфликта, предназначенного внести весомый и, возможно, решающий вклад в появление нового Порядка, который знаменует пришествие Малого Мира, омрачает мировой горизонт... Гром чудовищных катастроф все чаще раскатывается над подавленным и охваченным хаосом миром... поэтому любое ухудшение в состоянии человечества, по-прежнему раздираемого опустошительным конфликтом и ныне близящегося к окончательной и решающей схватке, должно сопровождаться новыми проявлениями облагораживающего духа второго крестового похода..." В том же месяце он упоминает об "углубляющемся кризисе, угрожающем дальнейшим нарушением равновесия раздираемого политическими противоречиями, экономически разобщенного, утратившего социальную стабильность, нравственно упадочного и духовно погибающего общества". Далее он говорит о "надвигающихся признаках третьей волны испытаний, угрожающей поглотить восточное и западное полушария", и о том, что "все более густой мрак окутывает перспективу будущего". Он призывает всех бахаи "спокойно и уверенно глядеть в будущее, ибо час их величайших свершений, когда они смогут явить миру поистине героические деяния, неизбежно совпадет с апокалиптическим переворотом, который возвестит о том, что стремительно клонящееся к упадку человечество достигло предела отчаяния".

Так шло и дальше. Наши победы, вдохновенные похвалы, радость Хранителя и - неотвязное чувство тревоги. В 1950 году он говорил, что бахаи должны быть "неустрасимы" перед лицом опасностей, порожденных "непрестанно ухудшающимся международным положением", а в 1951 сообщил европейской миссионерской конференции, что "опасности", с которыми сталкивается этот "и без того изнедавший горечь испытаний континент", "постоянно множатся". Но наиболее подробно и в наиболее убедительных выражениях, чем когда-либо ранее, Шоги Эффенди высказался на тему будущего столкновения, его причин, развития, результатов и его влияния на Америку в своем самом серьезном и невольно заставляющем задуматься письме 1954 года. Он связывает "грубый" и "всеразьедающий материализм", господствующий в наши дни, с тем, о чем предупреждал еще Бахаулла, сравнивая его с "алчным пламенем" и рассматривая его как "главную причину надвигающихся страшных испытаний и потрясающих мир кризисов, вслед за которыми пламя пожаров охватит города и ужас и ненависть поселятся в людских сердцах". "Воистину, предчувствие опустошения, которым грозит миру этот всепожирающий пламень, видение развалин, на которые с ужасом будут взирать люди и народы, втянутые в трагическое всемирное противоборство, - зародились еще в годы последней мировой войны, знаменующей вторую стадию вселенского бедствия, которое, увы, неизбежно обрушится на забывшее своего Бога и пренебрегшее недвусмысленными предостережениями Его Посланца человечество".

Письма, содержащее все эти страшные картины будущего, было адресовано американским бахаи, и в нем Хранитель подчеркивает, что общее ухудшение ситуации в "заблудшем мире" и мощный рост числа вооружений, которому способствуют обе вовлеченные во всемирный конфликт стороны, - "попавшие в водоворот страха, подозрений и ненависти", - если не изыскать соответствующих мер, будет все больше затрагивать из собственную страну и "вовлечет американский народ катастрофу невиданных масштабов, непредсказуемую по своим последствиям для социальной структуру, образа жизни и взглядов американской нации и правительства... И действительно, над американским народом, с какой точки зрения ни взглянуть, нависла

серьезная опасность. Бед и напастей, которые ему угрожают, отчасти можно избежать, но по большей части они неотвратимы, ибо посланы Богом..." Далее он указывает, какие перемены эти неизбежные бедствия могут произвести в "устаревшей доктрине абсолютного превосходства", которой правительство и народ Америки до сих пор придерживаются и которая "так явно расходится с нуждами мира, стремящегося к добрососедству и вопиющего о единстве", - перемены, которые позволят этому народу избавиться от анахроничных взглядов и подготовиться к тому, чтобы сыграть ту великую роль, которую Абдул-Баха определил ему в построении Малого Мира. Грядущие "жестокие потрясения" не только "сплотят американский народ с дружественными народами обоих полушарий", но и очистят его от "скопившихся шлаков расовых предрассудков, воинствующего материализма, широко распространившегося безбожия и моральной распушенности, которые вкупе мешают ему взять на себя роль мирового духовного лидера, что было предсказано непогрешимым пером Абдул-Баха, - роль, которую ему предназначено сыграть, пройдя через тяжкие родовые муки".

В последнюю в его жизни зиму, словно устав от борьбы с нашими слабостями, отдав столько сил непрестанному труду и полностью, без остатка посвятив себя Делу, Хранитель высказывался на эту тему гораздо более резко и определенно, чем когда-либо раньше. Он не ограничивался предостережениями относительно того, что несет будущее, но и настойчиво подчеркивал, что все бахаи - и на Востоке, и на Западе - не прилагают достаточно усилий для выполнения своей великой задачи и не проповедуют в нужных масштабах Дело Божие - широко и открыто - на новых землях и островах земного шара, тогда как они имели достаточно времени и возможностей сделать это и, значительно увеличив число последователей Веры, создать духовное ядро, способное противостоять разрушительным силам, действующим ныне в обществе и взлелеять ростки будущего Миропорядка, который, как мы все твердо верим, должен возникнуть из сегодняшнего хаоса.

Быть обеспокоенным - не значит быть скованным в своих действиях. В одном из последних писем Хранителя к Европейскому Национальному Собранию, в августе 1957 года, его секретарь писал от его имени: "Он не желает, чтобы друзья боялись неприятностей, которые несет с собой будущее, или чересчур сосредоточивались на них. Они обязаны помнить, что если исполнят положенное им - то есть достигнут целей, намеченных в Десятилетнем Плане, - то могут быть уверены, что и Господь исполнит Свое и будет попечительствовать им". Политика бахаи во время мирового кризиса была изложена в другом письме, написанном месяцем раньше и обращенном к Африканским Национальным Собраниям, письме, в котором секретарь по его поручению пишет: "Поскольку ситуации в мире и той его части, где обитаете вы, постоянно ухудшается, друзья не должны терять ни минуты времени в своем стремлении подняться на еще более высокий уровень служения и, в особенности духовно, постоянно быть начеку. Наш долг - искупить грехи как можно большего числа наших братьев, в чьих сердцах еще не угас огонь истины, перед тем как их постигнет великая катастрофа, в которой они либо окончательно погибнут, либо выйдут из нее очистившись и укрепившись, готовые к тому, чтобы нести благочестивое служение. Чем больше верующих восстанут, как маяки во тьме, когда бы она ни объяла мир, тем лучше; отсюда и величайшая важность миссионерской работы в наши дни".

Еще раньше Шоги Эффенди указывал, что "чем суровее испытания, чем многочисленней задачи, чем меньше времени нам дано, чем более мрачным кажутся грядущие судьбы мира, чем более ограничены материальные ресурсы зарождающихся в нелегких условиях общин, тем щедрее неиссякаемые источники божественной силы будут заряжать их своей энергией, если не ослабеют они в своих каждодневных усилиях и требуемые жертвы будут с готовностью приняты". Итак, многое, очень многое зависело от нас; если бы мы приложили все свои усилия, то и на покровительство Господне мы могли бы уповать без малейших колебаний.

Если бы мы, поколение предрассветных сумерек, когда светило нового дня еще не возшло над горизонтом, задались вопросом, почему подобные катастрофы ожидают нас, то ответ - перед нами: Хранитель кристально ясно сформулировал его в своих обширных толкованиях содержания нашего учения. Прежде всего, он учил нас о двух факторах. Первый содержится в следующих словах Бахауллы; "Ибо сокро уклад дня сего прейдет, и другой явится на его место". Разорвать освященную временем защитную завесу, скрывающую бесчисленные социальные структуры, каждая из которых укоренена в собственных обычаях, верованиях и предрассудках, и заставить из вписаться в принципиально новый мировой уклад - остро, болезненно необходимая потребность, задача, которую может свершить один лишь Всемогущий Господь. Еще более мучительной делает эту процедуру состояние человеческих душ и умов; некоторые общества являются жертвами "вопиющего безбожия - прямого следствия из антирелигиозности", другие - в плену у "вульгарного материализма и расизма", которые, как утверждал Шоги Эффенди "узурпировали права Самого Бога", но при этом все - все люди на земле - виновны в том, что на протяжении целого столетия "отказывались признать Того, Чье пришествие было заповедано всеми мировыми религиями и в Чьей Вере единственно все народы могут и, в конечном счете, должны искать свое истинное спасение". В действительности, глубинной причиной того, что, как писал Шоги Эффенди, мир "переживает подобные муки", и является эта новая Вера, этот "бесценный перл Божественного Откровения, несущий в себе Дух Божий и воплощающий Цели, которые Он поставил перед всем человечеством в нынешнем веке". Сам Бахаулла сказал: "Мировое равновесие нарушилось под влиянием этого величайшего, животрепещущего нового Миропорядка". "Уже различимы признаки надвигающихся потрясений и хаоса, и все более явной и плачевной становится ущербность Порядка, царящего ныне". Родовые муки, сотрясающие мир, сильнее день ото день. Своенравный лик его обращен к неверию. Невместно сейчас говорить о том, куда это может завести его. Ибо разврат надолго проник в души. Когда же пробьет назначенный час - явится причина того, отчего сотрясутся его члены. Тогда и только тогда, воздымется Знамя Господне и Райский Соловей издаст свою трель". "Пройдет время, и на смену старым властям явятся новые. Тяжкий гнет повиснет над миром. И вслед за вселсенским содроганьем солнце справедливости войдет над горизонтом незримого царства".

И действительно, картина будущего, которую так ярко и красочно нарисовал перед нами Шоги Эффенди, настолько завораживает, что сердце каждого бахаи сбрасывает с себя оковы страха и преисполняется такой уверенностью и ликованием, что никакие предстоящие страдания и лишения, как бы велики они ни были, не способны ослабить его веру и сокрушить его упования. "Поистине, мир, - писал Шоги Эффенди, - движется навстречу своей судьбе. Взаимозависимость и взаимосвязь людей и народов земли, что бы ни говорили и ни предпринимали главы враждующих сил, уже свершившийся факт". Мировое содружество, которому "суждено возникнуть из кровопролития, мук и великих бедствий, обрушившихся на мир", и есть конечный результат действия этих сил. Первым наступит Малый Мир, который сами установят на земле народы, еще не осознавшие Откровения Бахауллы; "Этот грандиозный исторический шаг, который повлечет за собой перестройку жизненного уклада во всем мире, в результате всеобщего признания единства и целостности человечества, вдохнет в массы новый дух вследствие признания характера Веры Бахауллы и ее требований, что является основным условием того конечного слияния всех рас, вероисповеданий, классов и народов, которое должно знаменовать возникновение Его Нового Миропорядка". Далее он утверждает: "И тогда все народы и национальности провозгласят грядущий век единой человеческой расы и будут приветствовать его. И тогда водрузится знамя Величайшего Мира. И тогда во всем мире будет признано, провозглашено и прочно утвердилось господство Бахауллы. Тогда родится, процветет и увековечится всемирная цивилизация - цивилизация, которая будет жить такой полной жизнью, какой еще не видывало человечество и какую оно еще не в

состоянии постичь... Тогда планета, пробудившись благодаря всемирной вере ее обитателей в единого Бога и их приверженности одному всеобщему Откровению... станет Царствием Божиим на земле и сможет исполнить то святое предназначение, которое с незапамятных времен определено ей любовью и мудростью ее Создателя".

Х

Писания Хранителя

В том веке, когда люди играют словами, беспорядочно, как футбольный мяч, перебрасывая их справа налево, без малейшего уважения к их значению и правильному употреблению - стиль Шоги Эффенди выделяется своей ослепительной красотой. Умение находить радость в слове было одной из характернейших его черт, писал ли он на английском - языке, которому он отдал свое сердце - или на той смеси персидского и арабского, которую он обычно использовал в письмах, обращенных к верующим Востока. Несмотря на то, что он был столь непритязателен в своих личных вкусах, ему была присуща врожденная любовь к богатству и великолепию, проявившаяся в том, как он обустроил и украсил различные Святыни Бахаи, в стиле Усыпальницы Баба, в его архитектурных пристрастиях и в том, как тщательно подбирал он каждое слово. О нем можно сказать словами другого великого писателя, Маколея, - "он писал языком точным и блестящим". В отличие от столь многих мысль у Шоги Эффенди не расходилась с написанным. Из его фразы невозможно убрать ни одного слова, не исказив частично смысла - столь сжат и лаконичен его стиль. Такие книги, как "Бог проходит рядом", это квинтэссенция его стиля; из этого обзора столетней истории Веры с легкостью можно составить пятьдесят книг, и ни одна из них не будет поверхностной и не пострадает от недостатка материала - такой богатый источник представляет книга Хранителя, так глубоко трактует он тему.

Язык, каким писал Шоги Эффенди, обращался ли он к бахаи Востока и Запада, стал образцом, который эффективно не позволяет им опуститься до уровня безграмотных литераторов, столь плачевным образом характеризующих нынешнее поколение в том, что касается отношения к слову. Он никогда не шел на уступки, никогда не смирялся с невежественностью своих читателей, ожидая, что они, движимые жаждой знаний, постараются преодолеть ее. В полной мере используя свою богатую одаренность, Шоги Эффенди избирал единственно правильный способ для выражения своих мыслей, и его не заботило, знакомо ли среднему читателю употребленное им слово или нет. В конце концов, человек всегда может восполнить пробел в своих знаниях. Несмотря на блестящее владение языком, он сам, часто стремясь удостовериться, правильное ли слово он выбрал, заглядывал в большой словарь Вебстера. Зачастую одна из моих обязанностей состояла в том, чтобы передавать ему этот словарь, и, надо сказать, это был весьма тяжелый том! Нередко его выбор падал на третье и четвертое значение слова, едва ли не архаическое, но оно точно передавало смысл, который он хотел выразить, и он выбирал его. Помню, как однажды мама сказала, что стать бахаи это все равно что поступить в университет в той лишь разницей, что учеба никогда не заканчивается и ты не получаешь диплома.

В своих переводах писаний Бахаи и в еще большей степени в собственных сочинениях Шоги Эффенди создал образец, воспитывающий читателя и помогающий ему поднять свой культурный уровень, одновременно питая его ум и душу правдивыми мыслями.

С самых первых дней моей совместной жизни с Хранителем вплоть до самого конца я почти всегда присутствовала при том, как он переводил или работал над своими собственными книгами, писал длинные письма и телеграммы на английском. Ничего необычного в этом не было; он любил, чтобы кто-нибудь находился в таких случаях в комнате и он мог читать ему отрывки из написанного. Его сочинительская манера была новой и крайне занимательной для меня. Он писал, громко произнося вслух слова, которые затем ложились на бумагу. Думаю, эту привычку он перенес на английский из персидского; высокохудожественные сочинения на персидском и арабском не только могут, но и должны петься. Вспоминают, что Баб явил Кайум уль-Асму, читая ее вслух, и

Бахаулла являл Свои Скрижали подобным же образом. Такова была привычка Хранителя, писал ли он на английском или персидском, и я полагаю, что именно поэтому его длинные сложные предложения звучат более внятно и плавно, если читать их вслух. Длина некоторых из этих периодов иногда вызвала определенные комментарии с моей стороны; Шоги Эффенди отрывался от работы, поднимал голову и глядел на меня своими дивными глазами, чей цвет и выражение менялись так часто, глядел с затаенным вызовом - но ни разу не сократил ни одно предложение! Помню единственный случай, когда он, жалобно глядя на меня, согласился, что его предложение действительно длинное, но так и не изменил его. С другой стороны, ему нравилось употреблять конструкции, составленные из очень коротких фраз, следующих одна за другой, как щелчки бича. Он обращал мое внимание на эти стилистические контрасты, объясняя, в чем эффективность каждой манеры и как сочетание обеих обогащает целое и помогает достигать различных целей. Он очень любил прибегать к аллитерациям, столь часто встречающимся в восточных языках, но почти вышедшими из употребления в современном английском. Великолепным примером этого может послужить фраза из одной его телеграммы, где обыгрывается употребленная в разных словах буква "п": "Поскольку близится предел отпущенного срока положимся на неисповедимую помощь Провидения".

Метод Шоги Эффенди напоминал работу художника-мозаиста, который создает свои картины из отдельных, четко разграниченных кусочков; каждому слову определялось свое место, и если он сталкивался с трудным случаем, когда мысль грамматически никак не хотела вписываться в структуру периода, то он не менял ее, а - иногда буквально часами - сидел над фразой и, доведя меня до изнеможения, твердил ее вслух, борясь за то, чтобы подчинить ее себе, тому, что он хочет выразить, перебирая один за другим кусочки своей мозаики, пока наконец проблема не оказывалась решена. Только в очень редких случаях он бросал фразу и принимался подыскивать новую конструкцию. Еще одной отличительной чертой его работы было то, что при выборе слова, даже зная, что мысль, которую оно выражает, затаскана и избита, он не видел причины отказываться от него, а употреблял в его исконном, точном значении. Он не боялся говорить об "обращении" людей в Веру и называть их "обращенными"; он восхвалял "миссионерский пыл" пионеров-первопроходцев, "учительствующих в зарубежных областях", и говорил об их "трансатлантическом миссионерском предприятии", в то время ясно давая понять, что у бахаи нет священников, миссионеров и что мы отнюдь не стремимся вербовать прозелитов.

Помню, как однажды Шоги Эффенди дал мне прочитать статью из английской газеты, обращавшей внимание на развитие бюрократического языка, особенно в Соединенных Штатах, языка, в котором все большее количество слов постепенно утрачивали свой смысл, выхолащивались, что приводило к страшной путанице. Шоги Эффенди горячо поддерживал автора статьи! Слова были для него высоко точным инструментом. Помню также одно его замечательно тонкое высказывание, услышанное мною в Доме Паломников Запада. Он сказал: "Мы ортодоксальны, но мы не фанатики".

Часто язык Хранителя устремлялся к поэтическим высотам. Взять хотя бы такой отрывок, блистающий, как церковная утварь: "Следя за эпиходами первого действия этой величественной драмы, мы видим, как, подобно комете, является в небесах Ширазе ее Главный Герой, Баб, как, словно падающая звезда, с трагической быстротой пронесется он с юга на север по темному небу над Персией и гибнет в блеске своей славы. Мы видим, как созвездие Его приверженцев - опьяненных божественной благодатью героев - встает, излучая такой же слепящий свет, над тем же горизонтом, так же молниеносно сгорает, не щадя себя, и так же способствует становлению набирающей силы юной Божественной Веры". Он называет Баба "юным Князем Славы" и так описывает сцену Его захоронения на горе Кармель: "Когда все было кончено и земной прах Пророка-Мученика из Ширазе, наконец, нашел вечное упокоение в лоне святой горы Божией, Абдул-Баха, сняв Свою чалму, туфли и отбросив Свой плащ, низко преклонился перед открытым саркофагом - Его

серебристо-седые волосы, подобно нимбу, обрамляли Его преобразившееся, светящееся лицо - опустил голову на край деревянного гроба и громко возрыдал такими скорбными рыданиями, что все, находившиеся рядом, возрыдали вместе с Ним". "Второй период черпает вдохновение в величественной фигуре Бахауллы, непревзойденного в святости, поражающего величием Своей силы и мощи, недостижимого в сиянии Своей славы". "Среди теней, что стущаются вокруг нас, мы различаем проблески неземного величия Бахауллы, в нужный час просиявшие над горизонтом истории". Или вот эти слова, обращенные к Пресвятому Листу: "В сокровенных глубинах наших сердец Тебе, о возвышенный Лист Райского Древа, воздвигли мы сияющий дворец, над которым не властна рука времени, усыпальницу, навеки заключившую несравненную красоту твоего облика, алтарь, на котором веки не угаснет пламя твоей любви". Или эти - рисующие картину кары Божией: "В глубоких морях, в небесах и на земле, на переднем краю битвы, в царских чертогах и скромных хижинах, в святая святых, будь то мирские святыни или святыни церковные - повсюду зрим мы свидетельства таинственного возмездия и карающего гнева Божия. Тяжек наш долг перед Ним, и он растет, и настанет день, когда истребятся короли и пахари, и не будет пощады ни мужу, ни жене, ни ребенку, ни старику". Или вот эти слова - о том, как подобает вести себя истинным слугам Дела: "Об этих людях воистину можно сказать, что "всякая чужбина для них - родина, а всякая родина - чужбина". Ибо они - граждане Царства Бахауллы. А посему, хотя и влекут их временные блага и скоротечные радости, которые дарит жизнь, хотя и мечтают они вступить на стезю, ведущую к богатству, счастью и покою в этой жизни, не следует им ни на минуту забывать, что все это лишь преходящий, краткий отрезок нашего бытия, что сами они лишь пилигриммы и странники, чья истинная цель - Град Небесный и чей дом - Край немеркнувшей радости и света".

Живописующая сила пера Шоги Эффенди нигде не проявляется так ярко, как в подобных драгоценным ожерельям фразам, которые он выбрал, чтобы описать положение Бахауллы. Все нижеприведенные образы взяты из разных писаний Хранителя и собраны вместе, чтобы лучше передать их необычайную выразительность: "Вечный Отец, Бог Сил, Величайшее Имя, Древняя Краса, Возвышеннейшее Перо, Сокрытое Имя, Тайное Сокровище, Величайший Свет, Величайшее Море, Возвышенный Небосвод, Предвечный Корень, Дневное Светило Вселенной, Судия, Законодатель, Искупитель грехов человеческих, Устроитель Земли, Объединивший чад человеческих, Тот, Кто открыл долгожданное тысячелетие, Творец нового Миропорядка, Учредитель Величайшего Мира, Источник Величайшей Справедливости, Провозгласивший грядущий век единения человечества, Вдохновитель и Основатель мировой цивилизации". Или возьмите мастерски переведенные Шоги Эффенди титулы Абдул-Баха: "Движущая Сила Единства Человечества", "Символ Величайшего Мира", "Ветвь Закона Божия".

Когда американские последователи Абдул-Баха восстали, чтобы исполнить Его Предначертание, Шоги Эффенди сказал, что они "водрузили над миром венец славы" и отныне "могут начертать на своих щитах символы новых побед". В последнем Послании Ризвана, обращенном к бахаи всего мира, он употребляет поистине блистательные обороты: "Облекшись броней Его любви, твердо держа щит Его могущественного Завета, верхом на бесстрашном боевом скакуне, высоко вздымая копьё Слова Бога Сил, безоглядно полагаясь на Его обетования как на лучшую опору в своих странствиях, пусть обратят они свои взоры к неисследованным краям и направят свои стопы на стезю, ведущую к еще не достигнутым целям, уверенные в том, что Тот, Кто привел их к столь славным победам и хранит для них столько наград в Царствии Своем, не оставит их Своею поддержкой, обогащая из неотъемлемое духовное превосходство до таких пределов, которых не силах постичь ограниченный ум человеческий и воспринять человеческое чувство".

Литературная жизнь Шоги Эффенди чрезвычайно многообразна. С одной стороны, я могу назвать книги (не только его любимого Гиббона), которые он читал в часы отдыха на

протяжении тех двадцати лет, что мы прожили вместе, хотя и в молодые годы он читал очень много литературы по самым разным темам. В этом не приходится сомневаться, потому что к 1937 году, когда начался новый отрезок моей жизни здесь, в Хайфе, он уже был буквально завален день ото дня растущими горами материалов, которые ему приходилось читать в связи с его работой, и среди них - информационные бюллетени, протоколы Национальных Собраний, циркуляры и корреспонденция. Не посвящая он под конец жизни по меньшей мере двух-трех часов в день чтению, ему было бы просто не справиться с работой; он читал в поездах, самолетах, в саду, за обеденным столом, когда мы уезжали из Хайфы, а в Хайфе - часами - за своим письменным столом, пока не уставал до такой степени, что ложился в постель и продолжал читать, откинувшись на подушки. Он тщательно и с неподдельным интересом следил за политическими новостями и мировыми течениями в политике, черпая информацию в "Таймс", "Иерусалим Пост", а иногда в широко известных европейских ежедневниках - "Журнал де Женев" и в парижском издании "Нью-Йорк Геральд Трибьюн". Перед войной он подписался на английский журнал "Девятнадцатый Век", публиковавший много статей о текущих событиях, и это был единственный журнал, который, насколько мне известно, он читал, но после войны ему показалось, что уровень публикаций заметно упал, и он прекратил подписку. Слово "расправиться" не сходило с его уст; так он расправлялся со всем несущественным, стремился как можно скорее покончить со второстепенными делами, отбросить от себя банальный житейский мусор. Метод "расправы" он применял и к своей любимой газете. Он точно знал, какие именно страницы в "Таймс" содержат нужные ему новости - о главах партий и правительствах, новости международной жизни, и в особенности редакционные статьи и передовицы, - он быстро просматривал их, а потом начинал руками выдирать статьи, которые хотел прочесть более обстоятельно, остальное же выбрасывал прочь - "расправа" была свершена! Не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять, что это был не только эффективный способ работы с материалом, но и отражало глубокую внутреннюю усталость, стремление сбросить с себя излишний груз. С превеликими трудностями мне удавалось иногда просмотреть всю газету целиком, в основном же я читала длинные вырезки, которые Хранитель собственноручно давал мне со словами "прочитай, это интересно", и я то погружалась в атмосферу дебатов в Палате Общин, то пыталась разбраться в хитроумной статье о политическом положении, современных экономических и социальных течениях, о религиозных вопросах и так далее, и все это - в виде большой и не совсем опрятной пачки бумаги, которую я запихивала в сумочку или в карман, в ожидании не скорого момента, когда смогу прочитать все до конца.

У Хранителя был свой, довольно любопытный способ записи того, что он сочинял: работая над книгами, он предпочитал большим листам маленькие отрывные разлинованные листочки или же почтовую бумагу, на них же он записывал и свои пространственные послания. Первый вариант он писал исключительно от руки; если исправлений оказывалось слишком много, он садился и терпеливо перебеливал написанное. Печатал он на крохотной портативной машинке, двумя пальцами, по мере продвижения вперед внося в рукопись дальнейшие исправления. Не удивительно, что именно благодаря такой методе он создавал столь филигранно обработанные вещи как те, что вышли из-под его пера. Если речь шла о тексте на персидском, он передавал переписанный набело оригинал секретарю с тем, чтобы тот сделал каллиграфическую копию, которая затем направлялась в Тегеран. Мне всегда было интересно наблюдать, как после того, как он стал Хранителем, почерк его, когда он писал по-английски, начал незаметно приобретать наклон в обратную сторону; вообще же он обладал энергичным, ясным и легко читаемым почерком. Его персидскими текстами можно просто любоваться. В персидском и арабском существует множество каллиграфических стилей, Хранитель отдавал предпочтение одной из разновидностей "Шикасте Насталик"; у этого стиля свое очарование, сочетающее изящество и силу. Следует помнить, что каллиграфия считалась

высшим графическим искусством в исламских странах, и красивый почерк был одной из первых отличительных черт образованного человека. И Баб, и Бахаулла, и Абдул-Баха - все они обладали замечательным почерком, и в этом Шоги Эффенди еще раз подтвердил, что является их достойным наследником.

Однако стиль его не был вычурным, перегруженным излишними подробностями; перечитывая, страницу за страницей, мои порой слишком длинные письма к Национальным Соборам, он делал пометы на полях, чтобы я вставила какое-либо пропущенное слово или мысль. Затем, исполнив роль секретаря, он писал от себя постскриптом, обычно переходя с полей одной страницы на другую, в чисто восточном стиле. Главное, что я хочу сказать, это то, что если он исправлял ошибки по всему тексту какого-нибудь важного английского письма, его прежде всего заботило, чтобы выраженная в нем мысль была предельно ясной.

Невозможно переоценить значение переводов Шоги Эффенди на английский, поскольку он был единственным и полномочным толкователем Святых Писаний, каковым назначил его Абдул-Баха в Своем Завещании. Нередки случаи, когда из-за расплывчатости грамматических конструкций в персидских фразах возникает двусмысленность, дающая возможность разных читательских трактовок. Аккуратный и правильный английский язык, сам по себе не дающий почвы для двусмысленного прочтения, вкупе с блистательным умом и не менее блистательной способностью толкования Священного Слова, превратился в руках Шоги Эффенди в кристаллизующую движущую силу, помогающую глубже проникнуть в дух учений. Часто именно благодаря английским переводам Шоги Эффенди оригинальная мысль, заложенная в писаниях Баба, Бахауллы и Абдул-Баха, становилась отчетливо ясной, и превратное истолкование уже не грозило ей в будущем. Он был предельно скрупулезен в своих переводах и всегда абсолютно уверен в том, что употребленные им английские слова ни на грамм не отступают от формы и сути подлинника. Надо быть крупным специалистом в персидском и арабском, для того чтобы в полной мере оценить проделанную им работу. К примеру, читая оригинал, вы можете обнаружить, что то или иное арабское слово имеет один или два варианта перевода на английский; поэтому, выстраивая английские предложения, Шоги Эффенди попеременно употреблял такие слова, как "мощь", "сила" и "могущество", для перевода этого одного слова, всякий раз выбирая наиболее подходящий смысловой нюанс, избавляясь от повторов и яркими красками расцвечивая свой перевод без малейшего ущерба для истинного смысла и, даже напротив, усиливая этот смысл. Он часто повторял, что в арабском синонимы означают примерно одно и то же, в то время как в английском они всегда имеют легкий отличительный оттенок, что дает возможность более точно передать мысль. Он полагал также, что некоторые из возвышенно мирстических и поэтических писаний Бахауллы непереводимы, поскольку в переводе они будут звучать так экзотично и цветисто, что красота и значение подлинника полностью утратятся и у читателя сложится яневерное представление. Однажды, увы, только однажды в нашей суматошной, деловой жизни Шоги Эффенди сказал, что теперь я достаточно знаю персидский, чтобы понять оригинал, и, прочитав мне отрывок из Скрижали Бахауллы, спросил: "Неужели это возможно перевести на английский?" Два часа мы бились над этим отрывком - точнее говоря, в основном старался он, а я робко пыталась помогать ему. Стоило мне предложить фразу, которая передавала общий смысл, Шоги Эффенди мгновенно ответил: "Нет, нет, это не перевод! Ты не имеешь права менять или выбрасывать слова оригинала и заменять их тем, что они приблизительно значат по-английский". Он твердо полагал, что переводчик должен быть абсолютно верен оригинальному тексту, пусть в некоторых случаях перевод из-за этого звучал угловато и даже бессмысленно. Бахаулла же всегда настолько возвышенно прекрасен в каждом Своем слове, что вряд ли тут что-нибудь получится. В конце концов он сложил оружие и сказал, что, по его мнению, этот отрывок невозможно подобающим образом перевести на английский, и это при том, что он был взят далеко не из самой темной, мистической книги Бахауллы.

Помню только один случай, когда Шоги Эффенди сказал, что ему пришлось незначительно изменить оригинал: это было, когда сразу же после кончины Учителя он переводил Его Завещание. Речь шла о фразе, касавшейся Всемирного Дома Справедливости - "хранитель Дела Божия является его священным главой и пожизненным членом этого учреждения". Шоги Эффенди сказал, что решил заменить эпитет "неотъемлемый" более мягким - "пожизненный". Это стилистическое снижение интонации как нельзя лучше характеризует смиренное, глубоко почтительное отношение Шоги Эффенди ко Всемирному Дому Справедливости.

Хранитель был чрезвычайно острожен во всем, что касалось оригинального Слова, и всегда отказывался объяснять или комментировать предложенный ему английский текст (разумеется, если то не был его собственный перевод), прежде чем мог сверить его с подлинником. Столь же щепетилен он был в выборе слов, когда комментировал различные события, связанные с историей Веры, к примеру, отказываясь называть человека мучеником, что уже возводит его в определенный ранг, только на том основании, что он был убит, и, напротив, иногда употреблял это слово применительно к людям, умершим своей смертью, поскольку считал эту смерть мученической.

Другим крайне важным аспектом предопределенного свыше положения Шоги Эффенди, толкователя Учений, было то, что он не только охранял Святое Слово от разного рода неверных толкований, но и бережно поддерживал правильное соотношение между наиболее важными частями Учения и защищал законное положение каждой из трех Главных Фигур Веры. Любопытное подтверждение тому мы находим в письме А. Л. М. Николя - французского ученого, который перевел Байан Баба на французский и которого с полным правом можно считать бабидом. Многие годы ему казалось, что бахаи недооценивают и приуменьшают величие Баба. Когда он обнаружил, что Шоги Эффенди в своих сочинениях первоначально Баба, увековечил Его память в такой книге, как "Повествование Набиля", и неоднократно переводил Его высказывания на английский - отношение Николя полностью изменилось. В письме к одной из первых бахаи во Франции он писал: "Теперь я могу умереть спокойно... Слава Шоги Эффенди, который облегчил мои страдания и смирил мое беспокойство, слава тому, кто открыто признал заслуги Сейида Али Мухаммада, по имени Баб. Я так счастлив, что готов целовать Вашу руку, которая вывела мой адрес на конверте, доставившем мне послание Шоги. Благодарю Вас, мадемуазель, благодарю от всей глубины души".

К своей работе Шоги Эффенди относился объективно и практично. На протяжении многих лет он посылал свои переводы и рукописи собственных сочинений Джоржу Таунсенду, чье знание английского и владение этим языком всегда восхищало его. В одном из своих писем к нему Шоги Эффенди писал: "Глубоко благодарен Вам за крайне ценные для меня и подробные замечания..." Хорас Холли часто подбирал заголовки к открытым письмам Шоги Эффенди, обращенным к верующим Запада, а также, цитируя отдельные фразы из сочинений Хранителя, наиболее ярко иллюстрирующие основной тезис, снабжал разделы писем подзаголовками. Если это облегчало чтение его работы делало из более доступными для среднего американского верующего, Шоги Эффенди никогда не имел ничего против. Хорас сам был писателем, и его заголовки к сообщениям Хранителя фокусировали их основную мысль и будоражили воображение.

Одним из первых шагов, предпринятых Шоги Эффенди в начале своего служения, было распространение переводов Святых Писаний: год и десять дней спустя после оглашения Завещания Абдул-Баха он пишет Американскому Национальному Собранию: "Мне доставляет большое удовольствие поделиться с вами переводом некоторых молитв и Скрижалей нашего возлюбленного Учителя..." - добавляет, что верит, что "с течением времени сможет регулярно посылать переводы, на которые вполне можно опираться... которые откроют вам новое видение Его Славной Миссии... и позволят проникнуть в характер и смысл Его Божественного Учения". В письмах той поры, рассылаемых в разные страны, он вновь и вновь упоминает прилагаемые к ним новые переводы,

предназначенные для бахаи. Еще через месяц в одном из писем в Америку он пишет: "Прилагаю мой заново отредактированный перевод "Сокровенных Слов" Бахауллы, написанных частично на арабском, частично на персидском, и надеюсь в будущем посылать еще переводы Его Слов и Наставлений". 27 апреля того же года Шоги Эффенди вновь обращается к Американскому Национальному Собранию: "Прилагаю также мое переложение нескольких отрывков из Китаб уль-Акдаса, которые вы можете свободно распространять среди друзей". В ноябре он сообщает Собранию, что трудится над "транслитерацией восточных терминов... и верит в том, что друзья не пожалеют сил и терпения, скрупулезно придерживаясь авторитетного, хотя и в некоторых случаях произвольного, руководства для написания восточных терминов и выражений". Несомненно, транслитерация может показаться скучным и путаным делом, но при этом обычно упускают из виду, что благодаря транслитерации человек усваивает точное слово, и те, кто знакомы с этой системой, мгновенно угадывают, какое слово стояло в оригинале, реконструируя его арабский или персидский эквивалент. Для исследователей Веры эта скрупулезность чрезвычайно важна. Кроме того она помогает избавляться от многочисленных неправильных написаний.

Любопытно отметить, что сам Шоги Эффенди в вышеприведенной цитате пишет название книги Бахауллы - Китаб-и-Акдас, - в большей или меньшей степени полагаясь на его фонетическое произношение, именно потому, что он сам еще не взял на вооружение созданную им систему транслитерации. Следует сказать несколько слов об этой Пресвятой Книге, поскольку, хотя она и считается сводом Законов Бахауллы, по сути это небольшой по объему том, в основном касающийся иных предметов. До своей кончины Шоги Эффенди успел, на великолепном английском языке, познакомить бахаи Запада с большей частью содержания этой книги и со всеми законами, которые, как он считал, применимы к бахаи, в то время жившим в чужеродном окружении. Он не только переводил и распространял отрывки из наставлений; он стремился помешать тому, чтобы верующие из-за избытка рвения и будучи недостаточно дальновидны, не допускали ошибок при печатании и издании компиляций на темы своей Веры. Отвечая на предложение одного из друзей относительно публикации общедоступного молитвенника, он пишет человеку, передавшему ему это предложение: "Я согласен с ним, если при этом будет соблюдена предписанная Бахауллой классификация, в противном случае результат предприятия представляется мне скороспелым и неясным".

Сочинение, перевод и распространение книг о Вере Бахаи составляло едва ли не главный интерес в жизни Хранителя, от этого он никогда не уставал и всегда активно поддерживал данный процесс. В идеале местные и национальные общины должны самостоятельно оплачивать свои мероприятия, однако Хранитель прекрасно понимал, что в условиях Века Строительства нашей Веры это не всегда возможно, и оказывал существенную помощь, на протяжении многих лет финансируя перевод и публикацию литературы Бахаи из находившихся в его распоряжении фондов. В критические периоды, когда на кону оказывалось исполнение давно лелемых целей, Шоги Эффенди первым вставал на их защиту; так, в течение одного лишь года он оказал помощь Индийскому Национальному Собранию, внося на осуществление программы книгоиздательства более двух тысяч фунтов. Сразу же после завершения Американской межконтинентальной конференции, предварившей начало Десятилетнего Крестового Похода, Шоги Эффенди телеграфирует Американскому Национальному Собранию: "Ускорьте шаги публикации брошюр языках народов Америки". Два дня спустя он дает примерно такую же телеграмму Европейскому Собранию, единственно заменив слова о "языках народов Америки" на "европейские языки". Подобные же послания с заверениями в немедленной финансовой поддержке в размере тысячи фунтов были направлены в Индию и Великобританию. Он был постоянно озабочен самым широким распространением литературы бахаи на различных языках с первых же дней своего служения, и один нес всю ответственность за большинство переводов, осуществленных за тридцать шесть лет, что он пребывал в

должности Хранителя. Он использовал любую возможность. Письмо к одному поляку, который у себя на родине занимался изучением Веры, крайне показательны в этом отношении: Шоги Эффенди сообщает, что выслал ему выскказывания королевы Румынии Марии о Вере, и спрашивает, не мог ли бы он перевести их на польский и переслать ему! Это случилось в 1926 году, но точно такой же энтузиазм и настойчивость характеризуют его в этой области вплоть до последних дней жизни.

Кроме того в ранний период своего служения, когда эсперанто, особенно в Европе, получило быстрое и широкое распространение, Хранитель посвящал много внимания организации издания газеты бахаи на этом языке, объясняя издателю, что его "интерес продиктован горячим стремлением по возможности позволить бахаи изучать этот международный язык во всех уголках мира".

В Хайфе Хранитель собирал литературу на всех языках, размещая книги в своей собственной библиотеке, в библиотеках паломнических домов, во дворце Бахауллы в Бахджи и в Международных Архивах. В этой связи любопытно то, как он расставлял их, потому что такого мне никогда не приходилось видеть прежде: скажем, у него было какое-то количество дешевых изданий в скучных серых переплетах и гораздо большее число - в синих или каких-нибудь других обложках. И вот, используя эти цветовые сочетания, он создавал на своих книжных полках определенный узор: пять красных корешков, потом два синих, снова пять красных и так далее, что добавляло привлекательности к общему впечатлению, которое производил книжный шкаф, в ином случае выглядевший бы однообразно и скучно.

В 1931 году в письме к Марте Рут он пишет: "Сейчас в моей комнате стоят экземпляры семи опубликованных переводов" (речь идет о книге доктора Эссемонта), и просит ее ускорить дальнейшую работу над переводами: "Я буду лишь чрезвычайно рад помочь в их окончательном опубликовании". Через год, отправляя письмо в Бирму Сейиду Мустафе Руми, Хранитель не скрывает, какое удовлетворение дают ему эти новые публикации. Он пишет: "... прилагаю сумму в девять фунтов, чтобы помочь скорейшему завершению перевода книги на бирманский. Шестнадцать отпечатанных переводов уже собраны здесь и размещены во дворце Бахауллы в Бахджи рядом с Его святой усыпальницей, книга же в настоящее время переводится еще на шестнадцать языков, включая бирманский", Уже в 1935 он с радостью извещает того же друга о том, что "тридцать один опубликованный перевод распространен среди бахаи всего мира".

В записях Шоги Эффенди сохранились тексты бесчисленных телеграмм вроде той, что он отправил Асгар-заде в Лондон: "Просьба телеграфировать минимальную стоимость издания книги Эссемонта на русском"; очевидно, получив ответ, он посылает следующую телеграмму: "Высылаю почтой сорок фунтов. Добавьте необходимые пятьсот. Первая часть русской рукописи сегодня отправлена почтой. Остальное в самом скором времени. Глубоко признателен ваше сотрудничество непрерывные заботы". А вот телеграмма Ускули в Шанхай: "Телеграфируйте дате публикации книги Эссемонта. Отправьте пятьдесят экземпляров почтой. С любовью". Несмотря на свою крайне занятую жизнь, Шоги Эффенди то и дело приходилось отвлекаться, сосредотачиваясь на том или ином аспекте работы, требовавшем немедленного вмешательства.

Примером тому могут послужить четыре его телеграммы, отправленные одна за другой в один и тот же день Марте Рут в Европу, Америку, Новую Зеландию и Бирму в 1932 года: "Большая необходимость в срочном переводе книги Эссемонта на чешский, венгерский, румынский, греческий как подготовительный этап в миссионерской кампании в Европе. Готов оказать финансовую помощь жду проекта сметы. С любовью". "Желательно предпринять срочный перевод Эссемонта на язык Брайля. Прошу телеграфировать, насколько это возможно. С любовью". "Проинформируйте Б... чтобы он срочно позаботился переводе книги Эссемонта на язык маори". "Поспособствуйте срочному переводу книги Эссемонта на бирманский. С любовью". Он с нетерпением ожидал результатов нескольких запущенных их проектов, и вот еще несколько телеграмм,

отправленных позже в том же году: "Телеграфируйте изданию французского перевода Эсслемонта". "Весь в ожидании перевода книги Эсслемонта на курдский".

Шоги Эффенди вдохновил многих бахаи писать о Вере. Английской верующей, мисс Пинсон он телеграфирует в 1927 году: "Ваша книга великолепно издана и написана изысканным стилем. Посылаю необходимые девятнадцать фунтов"; телеграмма Хорасу Холли, 1926 года: "Любезно прошу выслать почтой сорок экземпляров вашей книги. Искренне ваш". Шоги Эффенди не только оплачивал публикации книг бахаи, но и специально заказывал их. Так, он телеграфирует в Америку: "Любезно прошу срочно выслать почтой самое дешевое издание книги Эсслемонта на сумму пятьдесят долларов. Высылаю чек почтой".

Факты и события могут быть полезны, только если рассматривать их под правильным углом зрения, подвергать глубокому и правильному истолкованию. Ум и пронизательность Шоги Эффенди, относившиеся к основным чертам его богато одаренной натуры, позволяли ему вылавливать наиболее значимые события, отдельные явления из того вороха несообразных и нелепых слухов, которыми обросло развитие Дела в разных странах, и показывать их в исторической перспективе, освещая их светом своей мысли и объясняя нам, что же происходило на самом деле и какое значение имели эти события сейчас и какое приобретут в будущем. Это было не статичное внешнее изображение форм, а скорее, описание того, куда движется левиафан в морских хлябях - левиафан соотнесенных между собою течений внутри Общины последователей Бахауллы, плывущий в безбрежном море Его Откровения. Где-то возникало новое Собрание, кто-то умирал, какой-то доселе неизвестный правительственный орган выдавал нужное свидетельство - все это само по себе представляло ряд разрозненных фактов, - но в глазах Шоги Эффенди они составляли часть узора, и он помогал нам увидеть, как сплетается перед нами этот узор. В номерах "Бахаи Уорлд" Хранитель проделывал ту же работу, но не только для верующих, но и для широкой публики. Он с поистине захватывающим драматическим искусством описывал процесс развития Веры, и масса как бы разрозненных событий и, на первый взгляд, никак не связанных между собой фотографий приводились как свидетельство притязаний Веры на статус всемирной, всеобъемлющей религии.

Интересно, что предложение издать первый том "Бахаи Уорлд" поступило к Шоги Эффенди от Хораса Холли, которое тот прислал ему в феврале 1924 года, хотя я ни минуты не сомневаюсь в том, что широта взглядов юного Хранителя и направление, которое он уже придал Делу в посланиях верующим Запада, подействовали на творческую натуру самого Хораса и навели его на эту идею. Шоги Эффенди подхватил ее, и с тех пор Хорас, одаренный писатель, стал первым помощником Шоги Эффенди в этом предприятии и, одновременно являясь Секретарем Американского Духовного Собрания, превратил "Бахаи Уорлд" в замечательное, единственное в своем роде издание. Том первый - "Ежегодник Бахаи", изданный в 1925 году, охватывающий период с апреля 1925 по апрель 1926 года и состоявший из 174 страниц, окончательно закрепил название "Бахаи Уорлд", предложенное Национальным Собранием и одобренное Шоги Эффенди; за ним последовал второй том - "Двухгодичный международный отчет". Всего до кончины Хранителя было издано двенадцать томов, самый большой из которых по объему приближался к тысяче страниц. И хотя все они были подготовлены к выходу в свет Американским Национальным Собранием, опубликованы его Издательским комитетом, составлены штатными редакторами и посвящены Шоги Эффенди, - было бы, наверное, более справедливо назвать их Книгами Шоги Эффенди. Сам он выступал в роли главного редактора; Американское собрание присылало ему огромный объем материала, входившего в каждый том, фотографии - он же принимал окончательное решение относительно того, что войдет, а что не войдет в очередной номер. Поскольку шесть из двенадцати томов вышли в свет в тот период, когда я удостоилась чести быть рядом с Хранителем, я сама видела, как он издавал их. Со своей поразительной

работоспособностью Шоги Эффенди без усталости просматривал пухлые кипы бумаг и фотографий, полученных из Америки, отбрасывая малосодержательные и неподходящие материалы; вслед за Оглавлением, которое составлял сам Хранитель, текст разбивался на разделы, и уже окончательно готовая рукопись по почте пересылалась обратно в Америку. Шоги Эффенди постоянно сетовал, что материалы не отвечают высоким стандартам. Исключительно благодаря его решительности и настойчивости тема "Бахаи Уорлд" производит такое блестящее впечатление. Издатели (часть из которых самостоятельно назначили себя на эту должность), боровшиеся с инертностью, составляющей препятствие любой организации, которые стремятся достичь своих целей посредством переписки с корреспондентами, зачастую находящимися за тысячи миль от них, вынужденные вступать в контакт со слабо осведомленной и плохо работающей администрацией, никогда не преуспели бы в сборе требуемого материала, если бы их усилия не подкреплялись авторитетом и энергией Хранителя. Любопытен и такой побочный штрих: после издания очередного тома Шоги Эффенди просил прислать ему в Хайфу все оригинальные рукописи, которые впоследствии хранились во Всемирном Центре.

Сразу же после выхода очередной книги он приступил к сбору материала для следующего номера. Помимо неоднократных напоминаний Американскому Национальному Собранию поступать подобным же образом он рассылал бесчисленные письма и телеграммы различным Собраниям других стран и частным лицам. К примеру, как-то в течение единого дня он послал три телеграммы Национальным Собраниям: "Бахаи Уорлд" необходимо требуется фотография Национального Собрания"; это требование нужного Шоги Эффенди материала предназначалось изолированному, оторванному от других центров в Шанхае. "Рукопись "Бахаи Уорлд" отправлена почтой. Прошу немедленной аккуратной публикации", - такого рода послания Американское Собрание получало довольно часто. Сам Шоги Эффенди готовил макет тома, распечатывал Оглавление, подбирал названия к фотоматериалам, подбирал все фронтисписы, решал, какого цвета будет переплет и, главное, в длинных подробных письмах детально и точно инструктировал Хораса Холли, которого он сам, как самого одаренного и сведущего человека, выбрал для составления Международного обзора текущей деятельности Бахаи, которому придавал большое значение. "Подробное письмо касательно Международного обзора содержит крайне толковые сведения", - телеграфирует ему Хранитель. Какими понимающими и обстоятельными были письма самого Шоги Эффенди на эту тему, показывают следующие отрывки из его письма Хорасу, написанного секретарем Хранителя, однако я практически не сомневаюсь - продиктовано оно было самим Шоги: "Шоги Эффенди тщательно ознакомился с присланными Вами материалами, частично изменил и перегруппировал их, дополнил за счет нового полученного им материала, придав им окончательную форму и вышлет почтой всю рукопись на Ваш адрес до конца текущего месяца... Он посвятил немало времени кропотливому изучению материала и его расположения и считает, что была проделана большая и отвечающая самым взыскательным требованиям работа... Он желает подчеркнуть особую важность следования установленному им порядку. Он надеется, что в отличие от предыдущего тома ничего не будет изменено в плане композиции материала".

Мы располагаем письменными свидетельствами того, что думал сам Шоги Эффенди о "Бахаи Уорлд". Еще в 1927 году, когда был издан всего лишь один том, он писал своему корреспонденту, не принадлежавшему к числу верующих: "Настоятельно советую Вам достать экземпляр Ежегодника Бахаи... который авторитетно и ясно позволит Вам составить представление о целях, требованиях и влиянии Веры". В открытом письме 1928 года, обращенном к "возлюбленным Господа и служанкам Всемилового на Востоке и Западе" и полностью посвященном теме "Бахаи Уорлд", Шоги Эффенди уведомляет их: "С самого начала я был постоянно и глубоко заинтересован в его развитии, лично участвовал в сборе материалов, организовывал его содержание и тщательнейшим образом проверял все публикуемые в нем данные. Я настоятельно и определенно рекомендую его

вниманию всех вдумчивых и ревностных последователей Веры как на Востоке, так и на Западе..." Он пишет, что материалы ежегодника легко читаются, увлекательны, всеобъемлющи и авторитетны; фундаментальные идеи Дела находят в нем сжатое и убедительное толкование, а тщательно отобранные иллюстрации дают наглядное представление о происходящем вокруг; ежегодник - единственное и непревзойденное в своем роде из всех изданий Бахаи. Шоги Эффенди всегда относился к "Бахаи Уорлд" - и приложил немало усилий к тому, чтобы это действительно было так - как к изданию, доступному равно широким слоями публики, исследователям, которое могло бы занять достойное место на библиотечных полках, а также как средство, по его собственному выражению, "покончить со злонамеренными ложными толкованиями и злополучными недоразумениями, которые, увы, столь долгое время омрачали лучезарную Веру Бахауллы".

Он часто преподносил эту книгу в подарок особам королевской крови, государственным деятелям, видным ученым, университетам, издателям газет и вообще людям, не имеющим прямого отношения к Вере Бахаи, посылая ее по почте с вложенной простой визитной карточкой "Шоги Раббани". Реакция одного из этих людей, американского преподавателя, замечательно передает впечатление, которое обычно производил подарок Шоги Эффенди: "Мы получили два экземпляра "Бахаи Уорлд"..."

Не могу выразить, насколько ценна для меня возможность внимательно изучить эту книгу, во всех смыслах настолько интересную и захватывающую... Особенно поздравляют Вас с тем, что Вы поддерживаете литературу, питающую дух единства в людях разных социальных слоев и групп, с надеждой взирающих на Вас в роли своего вождя". Но, пожалуй, самым серьезным признанием важности этого издания, в которое Шоги Эффенди на протяжении многих лет вкладывал столько сил и времени, было то, что сама гордая королева писала специально для него хвалебные отзывы в адрес Веры и согласилась, чтобы ее фото появлялось на фронтисписах нескольких томов. "Никакими словами, - писал Шоги Эффенди Марте Рут в 1931 году, получил от нее очередное послание королевы Марии, - невозможно выразить мою радость в связи с Вашим письмом и его бесценным содержимым, которое составит ценнейший, выдающийся вклад в будущий номер "Бахаи Уорлд".

Когда вглядываешься на достижения Шоги Эффенди, почти не верится, что он написал как таковую одну единственную собственную книгу, а именно "Бог проходит рядом", вышедшую в свет в 1944 году. Даже "Обетованный День настал", написанная в 1941 году и занимающая 136 страниц, это всего лишь открытое письмо, обращенное к бахаи Запада. Один этот факт - яркое свидетельство глубокой скромности, лежавшей в основе характера этого человека. Он поддерживал связь с бахаи, потому что у него всегда находилось нечто важное, что сказать им, потому что он был назначен руководить ими, потому что он был Хранителем Веры Бахауллы; им двигали силы, которые были сильнее его, над которыми он был не властен. Помимо основного потока корреспонденции, состоявшего из относительно коротких писем, потока, который непрестанно устремлялся от него к бахаи Запада и их Национальным Собраниям, существуют также открытые письма иного рода: некоторые были обращены к бахаи Соединенных Штатов и Канады, другие - к бахаи Запада в целом, последние были собраны в одном томе под названием "Миропорядок Бахауллы". "Миропорядок Бахауллы" и "Дальнейшие Соображения касательно Миропорядка Бахауллы" были написаны соответственно в 1929 и 1930 году; назначение их состояло в том, чтобы прояснить верующим истинный смысл и цели их Веры, ее основные положения, ее требования и ее будущую судьбу, а также направлять постепенно развивающуюся и приобретающую опыт Общину Северной Америки и других западных стран, способствуя лучшему пониманию их обязанностей, привилегий и назначения. В 1931 году за ними последовало письмо, озаглавленное "Цель нового Миропорядка", которое по мастерству и уверенности тона поднимается на шаг уровнем простых писем к соратникам по общему делу и отражает незаурядные способности к изложению мысли,

которые должны быть присущи великому вождю и великому писателю. В письме Хранителя, написанном в январе 1932 года, его секретарь, явно подразумевая "Цель нового Мировопорядка", утверждает: "Шоги Эффенди написал свое последнее письмо западным друзьям, поскольку почувствовал необходимость уяснить общественности позицию Веры Бахаи по отношению к первостепенным экономическим и политическим проблемам. Мы хотим, чтобы мир знал, в чем заключалась истинная цель Бахауллы". Поводом для написания этого письма Шоги Эффенди стала десятая годовщина со дня кончины Учителя, и он подробно описывает современное состояние мира и перемены, которые должны произойти между составляющими его частями в свете учений Бахауллы и Абдул-Баха.

В 1932 году появился "Золотой Век Дела Бахауллы" - мастерское изложение Божественных истоков Его Веры, которая, как писал Шоги Эффенди, питается "сокровенными источниками небесной силы". И вновь Хранитель разъясняет и уточняет отношение Его Завета к Заветам прошлого, а также останавливается на путях разрешения проблем современности. В 1933 году он адресует североамериканским бахаи труд "Америка и Величайший Мир", где подробно разбирает роль, уготованную Господом этой части света на протяжении данного исторического периода, вспоминает о самоотверженных путешествиях Учителя по западным странам и перечисляет победы, уже одержанные во имя Веры этой возлюбленной Общиной. Написанный в 1934 году объемистый трактат "Завет Бахауллы" вспыхнул над миром Бахаи, как ослепительно яркий свет молнии. Помню, что, когда я впервые читала его, меня охватило совершенно неопишное чувство: мне показалось, будто вселенная разверзлась вокруг и я заглянула в волну сияющих звезд бездну; все границы нашего разума были сметены; слава Дела Бахауллы и истинное положение его Главных Героев явились нам, и мы уже не могли быть такими, как были прежде. Можно было бы подумать, что ошеломительный эффект одного этого послания Хранителя должен был навсегда заставить душу отворачиваться от всего мелкого и ничтожного! И хотя в глубине сердца Шоги Эффенди уже вынашивал новые замыслы, я знаю по его замечаниям: он считал, что в "Завете" - во многих отношениях - высказал практически все, что хотел сказать.

В 1936 он пишет "Развитие Мировой Цивилизации"; и вновь, как он уже не раз делал, Шоги Эффенди связывает это развитие с кончиной Абдул-Баха. Он вновь разворачивает перед читателем картину современного мира: быстрый политический, нравственный и духовный его упадок, ослабление христианства и ислама, опасности, угрожающие беспечному, не внимающему человечеству, и - с другой стороны - действенные, боговдохновенные и внушающие надежду средства, которые предлагает учение Бахауллы. Замечательные письма Хранителя, игравшие столь важную образовательную роль благодаря не в последнюю очередь широкому использованию цитат из Самого Бахауллы, приведенных в переводе Хранителя, духовно поддерживали верующих, ибо мы знаем, что Слово Явления Божия есть главная пища души. В них также содержались бесчисленные прекрасно переведенные отрывки из Скрижалей возлюбленного Учителя. Хранитель щедро изливал свою благодать на верующих, и каждый раз это было для них пиром - так воспитывал он новое поколение могучих слуг Веры. Слова его воспламеняли их воображение, звали за собой к новым вершинам, помогали им все глубже укореняться в плодотворной почве великого Дела.

Действительно, на протяжении 1930 года можно заметить явные перемены в писаниях Хранителя. Держа в руке перо, как обоюдоострую шпагу, возвышается перед нами его величественная фигура. Если раньше в его сочинениях местами можно было почувствовать неуверенность, отзвук бед и обид, пережитых после вознесения Учителя и вступления в новую высокую должность, вопль сердца, скорбящего об утрате возлюбленного, самого дорогого существа в мире, - то теперь тон меняется: перед нами человек уверенно и сильно говорящий во всеуслышание то, что знает наверняка. Воистинь уже изведаль вкус войны. Раньше, озлобленному и духовно извращенному врагу удавалось

застигнуть его врасплох, расстроить, ранить. Теперь - что-то по-юношески ласковое и доверчивое навсегда осталось в прошлом. Перемена эта дает о себе знать не только в характере и мощи его обращений к миру бахаи, манере, в какой он создавал административную структуру восточных и западных стран, собирая воедино разрозненные и непохожие друг на друга общины, но и в красоте и уверенности его слога, с годами обретающего все больший блеск.

В тот же самый период, когда из-под пера Шоги Эффенди одно за другим стали появляться письма, проливающие свет на столь важные предметы, он взялся за перевод двух книг. В письме от 4 июля 1930 года Шоги Эффенди сообщает: "Я чрезвычайно устал после года напряженной работы, особенно после того, как ко всем остальным моим трудам добавился перевод Икана, который я уже отослал в Америку". Это был первый из его великих переводов-перевод книг, в которой Бахаулла излагает Свои взгляды на положение и роль Явления Божия, опираясь прежде всего на исламские учения и пророчества, книги, известной под названием Китаб-и-Икан, или Книга Несомненности. Трудно переоценить важность этого подспорья для западных бахаи, которое помогло им в изучении их Веры и бесконечно обогатило их понимание сути Божественного Откровения.

В том же году Хранитель приступил к работе над второй книгой, опубликованной в течение этого же периода; это не был перевод из Бахауллы или одно из открытых писем Шоги Эффенди, скорее, труд этот можно рассматривать как литературный шедевр и один из бесценных даров миру за все время его жизни. Это был перевод первой части повествования, составленного современником и последователем Баба и Бахауллы, известным под именем Набилъ, который был опубликован в 1932 году и назывался "Глашатаи зари". Если какому-нибудь скептически настроенному критику вдруг вздумается представить литературу Веры Бахаи недостойной лучших литературно-религиозно образцов, предназначенных только для посвященных, то он попросту будет не вправе обойти вниманием такую книгу, как "Повествование Набиля", которая с полным на то основанием может считаться классикой среди эпических повествований на английском языке. И хотя по виду это и перевод с персидского, но можно сказать, что Шоги Эффенди создал новое произведение на английском, и в этом отношении его перевод сопоставим с Фитцджеральдовским пересказом "Рубай" Омара Хайама, давшим миру поэму на иностранном языке, которая во многих отношениях затмевала достоинства оригинала. Самые яркие и восторженные отзывы на этот шедевр Хранителя принадлежат выдающимся личностям, не исповедующим Веру Бахаи. Драматург Гордон Боттомли писал: "... отрезок жизни, прожитый вместе с персонажами этой книги, одно из самых сильных впечатлений за все время; причем это было вдвойне волнующее переживание благодаря тому психологическому отсвету, которое оно бросало на события Нового Завета". Широко известный ученый и гуманист, член Культурно-этического общества, д-р Альфред В. Мартин, в своем благодарственном письме Шоги Эффенди, пославшем ему "Повествование Набиля", писал: "Ваша великолепная и поистине монументальная работа... останется классическим образцом на все времена. Сверх меры поражен Вашей способностью к такой работе вопреки грузу той основной деятельности, к которой обязывает Вас профессиональное положение". Один из его старых педагогов, Байярд Додж из Американского университета в Бейруте, получив экземпляр "Повествования Набиля", писал Хранителю: "... Последняя книга, "Глашатаи зари", видится мне особенно ценным вкладом. Сердечно поздравляю с ее публикацией. Представляю, скольких трудов должен был Вам стоить этот блестящий перевод, к тому же снабженный такими интересными примечаниями и фотографиями".

Позднее он более подробно высказал свое отношение к этой уникальной книге:

"Пользуясь летним досугом, прочел "Повествование Набиля"... Всякий, кто интересуется религией и историей - в глубоком долгу перед Вами за опубликование такой прекрасной работы. Глубинный смысл этой работы сам по себе столь впечатляющ, что кажется просто

неподобающим делать Вам комплименты касательно практических аспектов Вашего перевода. Все же не могу удержаться, чтобы не высказать, как я ценю то, что Вы, при Вашей и без того чрезмерно занятой жизни, смогли уделить время такому объемному и непростому труду.

Уровень владения английским и легкость, с какой читается перевод - поразительны, ведь, как правило, перевод читается с трудом. Вам блестящим образом удалось выдержать книгу в нейтральном тоне, а подстрочные примечания превращают Вашу работу, скорее, в научный исторический труд, чем в некое пропагандистское издание. Книга производит исключительно сильное впечатление именно потому, что перевод по-научному точен, а интонации оригинала - естественны и непринужденны, так что в целом работа должна показаться подлинником даже самому цинично настроенному критику.

С точки зрения исторической значимости работы невозможно переоценить. Кроме того она необычайно полезна, так как объясняет психологию, лежащую в основе наших великих течений, связанных с религиозным откровением. Безусловно, основная ценность заключается в том, что повествование проливает свет на ранний период истории Движения Бахаи. Истории жизни первых обращенных потрясают до глубины души.

Я дал свой экземпляр для прочтения профессору Кроуфорду и профессору Сили и надеюсь, что многие из наших преподавателей и студентов найдут свободное время, чтобы прочесть такую познавательную и вдохновляющую книгу.

Хотя столь проникательный и понимающий отклик, полученный от старого преподавателя, и должен был доставить большую радость Шоги Эффенди и тронуть его, несомненно самую высокую оценку его оттруда содержало письмо, полученное им от сэра Э. Денисона Росса, прославленного востоковеда с факультета востоковедения Лондонского университета:

27 апреля 1932 года

Дорогой Шоги Эффенди!

Было крайне любезно с Вашей стороны, что Вы вспомнили обо мне и прислали экземпляры двух Ваших последних работ, которыми я очень горжусь, особенно учитывая, что они получены от Вашего имени. "Глашатай зари" - поистине одна из самых прекрасных книг, какие мне доводилось видеть за многие годы; бумаги, печать, иллюстрации - все превосходно, а что до Вашего стиля, то он выше всяких похвал, и ни одна строчка не выдает перевода. Разрешите передать Вам мои самые теплые поздравления с тем, что Вам самым успешным образом удалось достичь главной цели, которую Вы ставили перед приездом в Оксфорд, а именно - в совершенстве овладеть нашим языком.

Помимо всего прочего, Повествование Набиля сослужит мне крайне важную службу в лекциях, которые я читаю каждый семестр о Бабе и Баха.

Недеюсь, что вы пребываете в добром здравии,

Остаюсь Искренне Ваш

Э. Денисон Росс

Сам Шоги Эффенди в письме к Марте Рут от 3 марта 1931 года так описывает, какой видится ему книга и что значила для него работа над ней: "Только что, после восьми месяцев непрерывного и тяжелого труда, закончил работу над переводом истории первых дней Веры и отослал рукопись Американскому Национальному Собранию. Книга состоит из шестисот страниц текста и двухсот страниц примечаний, которые я по крупице собрал за летние месяцы из различных источников. Я был настолько поглощен этой работой, что даже на время пришлось прервать переписку... Чувствую себя таким измотанным и усталым, что едва пишу... Воспоминания подлинные и в основном касаются Баба. Частично их читали Бахаулле, просматривал также Абдул-Баха... После

такого длительного и тяжелого напряжения перо буквально валится из рук, большей частью лежу..."

В ожидании скорого выхода книги, в октябре 1931 года Шоги Эффенди телеграфирует в Америку: "Обяжите всех англоязычных верующих сосредоточить усилия на изучении бессмертного повествования Набиля как существенной подготовительной работе перед новой интенсивной миссионерской кампанией необходимой в связи с завершением строительства Машрик уль-Азкара. Убежден что широкое распространение разнообразного и подлинного материала явится действенным оружием в критический момент. Решительно рекомендуем его всем возможным посетителям родины Бахауллы". Всего в книге, которую Шоги Эффенди рекомендует изучать верующим, семьсот сорок восемь страниц и более ста пятидесяти фотографий; в ней приведено факсимиле полного генеалогического древа Баба, собственноручно составленное Хранителем; кроме того текст, основанный на оригинальной рукописи Набиля, но преобразованный блистательным пером и мыслью Шоги Эффенди, снабжен обширными подстрочными примечаниями на английском и французском, собранными из бесчисленных источников и проливающих свет на события, о которых рассказывает повествование, что в огромной мере увеличивает его историческую ценность и интерес. Подписанный и нумерованный вариант - edition de luxe - в количестве трехсот экземпляров был отпечатан и издан вместе с основным тиражом. Два года исследовательской, компилятивной и переводческой работы ушло у Шоги Эффенди на то, чтобы дополнить и расширить это великолепное издание. В 1930 году он послал в Персию австралийского фотографа-бахаи, чтобы запечатлеть следы и историю жизни Баба на Его родине, сцены мученической смерти Его самого и Его последователей и другие исторически памятные места. Если бы Шоги Эффенди не сделал этого, большая часть этих достопримечательностей в их исконном виде была бы утрачена навсегда. Параллельно с отбором фотографий для "Повествования Набиля" Шоги Эффенди проделал тщательнейшие приготовления для пересылки в Америку "бесценного наследия" - оригинальных Скрижалей Баба, обращенных к девятнадцати Его ученикам, и еще одну, бесконечно ценную - Бахаулле, "Тому, Кого явит Господь"; со всех них были сняты факсимильные копии. На фронтисписе он решил поместить цветное изображение интерьера Усыпальницы Баба. Наконец у Хранителя появился достойный подарок - целиком и полностью плод его работы, который он мог посвятить той, кого любил больше всего на свете:

Пресвятому Листу
последней Свидетельнице Славного Героического
Века

Посвящаю я этот Труд
в Знак

Великой Признательности, Благодарности
и Любви

Впервые так близко познакомившись с историей жизни и эпохой Баба, бахаи Запада преобразились; словно драгоценная кровь этих первых жертв неожиданно окропила их. Им представилась возможность охватить взглядом стоящую за ними традицию, увидеть, что их Вера была Верой, за которую люди с готовностью жертвовали своей жизнью, понять, о чем говорил Шоги Эффенди и чего он ждал от них, когда называл их духовными преемниками Глашатаев Зари. Семена, которые эта книга заронила в сердца западных последователей Бахауллы вызревали в годы Десятилетнего Крестового Похода, и чем далее, тем более обильный урожай суждено им приносить по мере развития и победного шествия Божественного Предначертания Абдул-Баха по земному шару.

В 1935 году Шоги Эффенди вновь преподнес западным бахаи великолепный подарок - опубликованную под названием "Крупички из Писаний Бахауллы" рукопись, про которую сам Хранитель в письме к сэру Герберту Сэмюэлю пишет, что "она представляет собою подборку из наиболее характерных и доныне неопубликованных отрывков из

выдающихся трудов Творца Откровения Бахаи". Если вспомнить скупые строки Нового Завета, прославленные слова Будды и буквально горстку изречений, принадлежащих некоторым другим Божественным светочам, которые тем не менее на целые века преобразили жизни миллионов людей, то одни только "Крупички" служат руководством к действию и источником вдохновения, достаточным для духовного Завета любого Пророка. Профессор Норман Бентивич, благодаря Шоги Эффенди за присланный ему дарственный экземпляр "Крупички", сказал: "Приветствую эту книгу как еще один плод Вашего усердного благочестия", - тем самым прекрасно обозначив суть работы Шоги Эффенди - донести до западного мира слова Явления Божия. Но, конечно же, самыми дорогими были сказанные по поводу этой книги в одном из разговоров с Мартой Рут слова румынской королевы Марии: "даже сомневающиеся обретут в ней могучую силу, если прочтут ее в уединении и дадут своей душе расправить крылья". Получив в январе 1936 года от Шоги Эффенди дарственный экземпляр, королева написала Хранителю: "Разрешите выразить Вам свою самую искреннюю благодарность за чудесную книгу, каждое слово которой вдвойне драгоценно для меня в эти тревожные и беспокойные дни"; на что Хранитель ответил, что теперь чувствует - его усилия по переводу книги не пропали втуне, если королева смогла извлечь из чтения духовную пользу.

За "Крупичками" в 1936-37 годах последовал перевод под названием "Молитвы и Размышления Бахауллы", который вполне можно считать продолжением "Крупички", включающим не менее богатый дополнительный материал. И вновь старый педагог Хранителя, Байярд Додж, сумел тонко оценить значение этого труда: "За глубокими и поэтичными мыслями, с которыми сталкиваешься, читая "Молитвы и Размышления", стоит огромный объем тяжелой проработанной работы... Я уже говорил Вам, насколько изумляет меня совершенство, с каким Вы владеете английским". Получив экземпляр "Крупички", профессор Додж пишет Хранителю: "Вы достигли такого великолепного владения языком, что я уверен - изречения не потеряли при переводе ни своего смысла, ни обаяния". Когда же до него дошли "Сокровенные Слова" в переводе Шоги Эффенди, он снова, с неменьшим пониманием значимости этой работы, пишет ему: "Я понимаю, какой это великий труд - передать по-английски все великолепие и красоту восточной мысли, и я поздравляю Вас с тем поистине безупречным совершенством, которого Вы достигли".

Сразу же после выхода в свет этой алмазной россыпи мыслей, родившихся от общения с Богом, непревзойденных ни в одной другой религиозной книге мира, Шоги Эффенди приступил к работе над самым пространственным открытым письмом из написанных ранее, которое вышло в 1939 году под заголовком "Пришествие Божественной Справедливости". Оно было написано в течение года, который Хранитель провел в Европе из-за усиления террористических действий в Палестине, и обращено к бахаи Соединенных Штатов и Канады. В нем, как никогда раньше, Шоги Эффенди акцентирует роль, которую Общине предназначено сыграть в развитии судеб человечества на планете. Письмо определяет цели недавно начатого Семилетнего Плана - первого шага на пути воплощения положений Божественного Преднамерения Абдул-Баха - и указывает, что от успеха этого величайшего совместного предприятия, когда-либо затевавшегося последователями Бахауллы, неизбежно будет зависеть судьба всей деятельности по установлению Его Миропорядка на остальных континентах земного шара. Доброжелательной, но твердой рукой Шоги Эффенди подносит североамериканской Общине зеркало, отражающее черты окружающей ее цивилизации, и в выражениях, которые властно приковывают взгляд и от которых кровь стынет в жилах, рисует ее пороки, указывая на истину, над которой вряд ли многие из членов Общины задумывались, а именно, что те самые пороки цивилизации и были мистической причиной, по которой Бог ныне избрал их родину Колыбелью Своего Миропорядка. Поскольку содержащиеся в "Пришествии Божественной Справедливости" предостережения являются составной частью мировоззрения и наставлений, которые Шоги Эффенди оставил верующим за годы своего служения, их нельзя обойти молчанием, если мы хотим получить хотя бы мало-мальски правильное представление его

собственной миссии. В совершенно недвусмысленных выражениях он бичует нравственную распущенность, политическую коррупцию, расовые предрассудки и разъедающий основы общества материализм, противопоставляя им возвышенные образцы, данные Бахауллой в Его Учении, образцы, которым Он призывал подражать всех Своих последователей. Он предупреждает о скорой войне и призывает держаться стойко и мужественно, невзирая на любые грядущие испытания, могущие постигнуть их самих и их соотечественников, а также исполнить свою священную обязанность и победоносно завершить План, к осуществлению которого они недавно приступили в западном полушарии.

Другое открытое письмо, на сей раз обращенное ко всем бахаи Запада, появилось в печати в 1941 году. Получившее название "Обетованный День Настал", оно вкупе с "Пришествием Божественной Справедливости" делает упор на загнивании и упадке современного мира. В письме, написанном во второй год войны, Шоги Эффенди обрушивает гневные обвинения на пороки цивилизации, клеймит развращенность и греховность века сего, как стрелы, мечет слова Самого Бахауллы: "Ибо настало время погибнуть миру и народам, его населяющим". "Обетованный день настал, день, когда громы обрушатся на вас и бездны разверзнутся у вас под ногами, и раздастся глас: "Се, отведайте от плодов дел своих!" "Скоро, скоро кара Его падет на вас и адский прах ослепит вам очи". "И когда пробьет назначенный час, явится то, от чего содрогнутся сыны человеческие". "Близится день, когда огонь ее (цивилизации) пожрет города и Великий Глагол провозгласит: "Царствие сие есть Царствие Бога Всемогущего и Всеславного!" "Скоро настанет день, когда они возопят о помощи, но не будет им ответа". "Ибо мы определили вам срок, о люди! И если в назначенный час не обратитесь к Господу, то, воистину, Он наложит десницу Свою на вас и ниспошлет на вас страшные беды ото всех сторон. Ибо сурова та кара, коей Господь ваш покарает вас!" "О, народы земные! Воистину знайте, что беда неслышно крадется за вами и что тяжкое наказание ждет вас. Не думайте, что деяния ваши ускользнули от взора Моего. Клянусь Моей Красой! Все деяния ваши перо Мое начертало на смарагдовых скрижалях".

Хранитель рисует страшную, ужасающую и величественную карту того бедственного положения, в каком оказалось человечество, упорно не желавшее признавать Бахауллу. "Суровые испытания, потрясающие мир", писал он, суть "в первую очередь плод суда Божия, произнесенного над человечеством, которое на протяжении целого века отказывалось признать Того, Чье пришествие было заповедано всеми религиями". Воспомнив все страдания, гонения, клевету и жестокость, которые претерпели Баб, Бахаулла и Абдул-Баха, Шоги Эффенди рассказывает нам об Их чистоте, Их долготерпении и стойкости перед лицом этих испытаний и об Их бесконечной усталости от этого мира в тот час, когда, запахнувшись в полы Своих одежд, Они отлетали в Небесные Пределы Своего Творца. Перечисляя грехи человечества против Безгрешных, Шоги Эффенди обличающим перстом указывает на вождей человечества, царствующих особ, глав церкви и правителей, к которым двойное Божоявление прямо обратило Свою Весть и о чьем небрежении своим высшим долгом - прислушиваться к Гласу Господню - свидетельствует Сам Бахаулла: "Ибо два сословия среди людей захватили власть: цари и церковники".

Столь завораживающе глубокую и обширную тему представляют собой писания Шоги Эффенди, что, едва затронув содержание такой книги, как "Обетованный День настал", начинаешь блуждать в лабиринте блистательных мыслей, забывая о том, что истинная цель этих строк - не в том, чтобы обзреть содержание его книг, а в попытке обрисовать многосторонние обстоятельства его жизни. Однако не могу удержаться, чтобы не процитировать строки из письма, которое некий простой и скромный верующий прислал Хранителю, когда эта книга вышла из печати: "Обетованный День настал" явилась для меня поистине книгой книг, я влюблен в нее, и единственное, что мне теперь нужно, это лучше разобраться в собственных мыслях и чувствах. Спасибо тебе, Шоги Эффенди, за

твою доброту, ты даже не знаешь, как много сделал для меня... Ты сделал все для нас. Но что сделали для тебя мы?..."

В промежутке между этими, назовем их так, открытыми письмами - "Пришествие Божественной Справедливости" и "Обетованный день настал" - Шоги Эффенди подарили западным верующим пятую и последнюю книгу своих переводов из Писаний Бахауллы, над которой он работал зимой 1939-40 года, в не менее сложный и опасный период своей жизни, переслав ее в Америку для публикации накануне своего отъезда в Европу, где уже повсюду мерещился грозный оскал войны. "Послание сыну Волка" было последней из крупных работ Бахауллы; оно представляет из себя выдержки, сделанные Им Самим из Своих собственных Писаний (безусловно уникальный случай в религиозной истории!) на протяжении последних двух лет Его жизни и, таким образом, занимает особое место в литературе о нашей Вере. В телеграмме, отправленной незадолго до выхода книги, Шоги Эффенди сообщает: "Уповаю ее изучение поспособствует дальнейшему просвещению более глубокому усвоению истин которых зависит конечный успех миссионерской деятельности"...

Цитирую из своего дневника, запись от 22 января 1944 года: "Сегодня внесли самые последние исправления в последний раздел книги Шоги Эффенди - "Взгляд в прошлое и будущее", и завтра отправляем ее Хорасу. Прошло два года - а вероятно, и того больше - с того дня, как Хранитель приступил к работе. Для него это была действительно непрерывная работа, тяжкий, страшно изматывающий труд, но книга того стоит! Она - чудо". Так зачастую великие события в жизни находят выражение в краткой записи, сделанной теми, кто участвовал в них, и, вконец обессилив, добрался-таки до заветной цели, слишком устав и поэтому ограничиваясь лишь лаконичной дневниковой пометкой, описанием незначительного и случайного! И в данном случае прекрасное название того, о чем мы с Шоги Эффенди на протяжении двух лет не говорили иначе, чем как о "книге", возникло лишь в самом конце.

"Бог проходит рядом" это самый блестящий, самый удивительный рассказ о столетии, поистине "Прародительница" будущих исторических трудов, книга, в которой каждое слово - на вес золота, каждая фраза до предела насыщена мыслью, каждая мысль ведет читателя за собой в особую сферу. Вобрав множество выдающихся фактов, своей кристальной ясностью и точностью она напоминает снежинку, каждый узор которой совершенен, каждая тема блестяще очерчена, выверена, сбалансирована, завершена, являясь образцом и эталоном для тех, кому в будущем суждено изучать, по-новому оценивать и разрабатывать Послание и Миропорядок Бахауллы. Это одно из самых ярких и поразительных достижений в жизни Шоги Эффенди, его единственная в полном смысле собственная книга, поскольку все остальные рукописи, вышедшие из-под его пера, несомненно благодаря глубочайшей врожденной скромности и смирению, относятся к разряду писем, обращенных к той или иной конкретной общине или части мира Бахаи.

Работая над рукописью "Бог проходит рядом", Шоги Эффенди придерживался следующей системы: в течение года он, книгу за книгой, читал Писания Бахаи на персидском и английском и все, что было написано о Вере самими бахаи, будь то в рукописном или опубликованном виде, а также письменные свидетельства людей, не исповедовавших Веру, но донесших до нас ценные упоминания о ней. Думаю, в общей сложности количество прочитанного составило по меньшей мере две сотни томов. По мере чтения он делал заметки и компилировал факты, выстраивая их в определенном порядке. Всякий, кто когда-либо имел отношение к работе исторического характера, знает, сколь весома здесь непосредственно исследовательская сторона дела, как часто в свете соответствующего материала приходится решать - данным какого источника отдать предпочтение, знает, насколько изнурителен этот труд. Теперь представьте, в какой степени это было тяжело Хранителю, который одновременно должен был готовиться к грядущему Столетию Веры и постоянно принимать решения, касающиеся прокетов Усыпальницы Баба. Когда все составные элементы будущей книги были подготовлены,

Шоги Эффенди начал ткать из них узор - картину первого века Проповеди Бахаи. Он говорил, что в его задачу не входит писать подробную историю истекших ста лет, скорее - дать обзор наиболее ярких и значимых моментов зарождения и становления Веры, организации ее административных учреждений и того ряда кризисов, которые чудесным образом способствовали ее распространению и, высвобождая заключенную в ней Божественную силу, помогали одерживать победу за победой. Он явил нам панораму событий, которые, по его словам, "развернулись перед нашими глазами... за сто лет всемирного переворота", и приподнял завесу над первыми действиями то "поразительно цельной и возвышенной драмы, тайну которой не под силу постичь человеческому разумению, кульминацию которой лишь смутно различает человеческий глаз, финал которой никому не дано предугадать".

Сколько сотен часов Шоги Эффенди провел, читая источники и компируя свои выписки, сколько дней и месяцев он писал и зачастую переписывал следующие одна за другой, словно торжественная процессия, главы своей книги, сколько еще более утомительных дней просидел он за своей маленькой портативной машинкой, выстукивая несколькими пальцами - иногда, под конец, по десять часов кряду - окончательный вариант рукописи! А сколько часов провели мы, сидя глубоким вечером, когда дневная работа за машинкой была окончена, рядом за большим столом в его спальне - перед каждым лежало по три экземпляра отпечатанного днем текста, и мы вычитывали, делали исправления, расставляли от руки тысячи ударений на транслитерированных словах, которые Шоги Эффенди читал вслух, пока глаза его не наливались кровью, руки и ноги немели от усталости и напряжения - и так, пока не заканчивали целую главу или часть главы, напечатанную за день. Отступаться было нельзя. Снижать темп работы тоже не представлялось возможности. Хранитель старался обогнать самое время, чтобы преподнести западным бахаи этот неподражаемый подарок по случаю столетней годовщины зарождения их Веры. Несмотря на то, что он посылал исправленную рукопись в Америку в срок, по частям, из-за сложившихся в Соединенных Штатах условий с публикацией медлили, и книга вышла из печати только в середине ноября 1944 года.

Недостаточно будет сказать: "Взгляните, какой труд проделал этот человек". Важно - как и при каких обстоятельствах ему пришлось трудиться. Абдул-Баха написал "Скрижаль о Божественном Предначертании" когда был уже стар, изможден, и жизнь его, в конце первой мировой войны, подвергалась великой опасности. Шоги Эффенди, надломленный непосильным бременем двадцатилетних трудов, когда грозная волна второй мировой войны угрожала обрушиться на Святую Землю и уничтожить Всемирный Центр Веры и ее Хранителя, в дни, когда дом его сотрясали распри, вызванные нарушителями Завета, поставил перед собой задачу увековечить события первого века Эры Бахаи. Иногда, к сожалению, в эти годы мне приходилось видеть, как он плачет, словно его сердце вот-вот разорвется - так велики были его муки, такой чудовищный груз непрестанно давил на него!

Не довольствуясь только что завершенной историей на английском, Шоги Эффенди обратил свои мысли к дорогой его сердцу и преданной Общине исстрадавшихся и по-прежнему гонимых последователей Бахауллы у себя на родине и приступил к новой летописи первых ста лет существования Веры Бахаи в Персии. Это было схожее, хотя и сокращенное изложение того же предмета, несколько отличное по характеру от предыдущей книги, но не менее великолепное по богатству представленного материала и блестящему стилю. И хотя я постоянно помогала Хранителю все то время, пока он работал над рукописью "Бог проходит рядом", в данном случае такой необходимости не было. Разница между стилем персидской речи Шоги Эффенди, щедро уснащенной арабскими вкраплениями, и повседневным разговорным персидским языком примерно такова, как разница между языком Шекспира и современной журналистикой! При моем уровне владения персидским и полном незнании арабского я могла уловить не больше трех-четырех слов из десяти. Тем не менее Хранитель читал, или, скорее, пел мне

некоторые отрывки, и величие его слов, их отточенность и сила воздействия были очевидны для меня, хотя я и не всегда могла полностью понять их смысл. Помню, как, когда я подходила к его комнате, до меня доносился его бесконечно печальный, бесконечно прекрасный голос, тихо певший, пока он писал; нередко происходило любопытное: он выпевал предложение, записывая его, пока не попадалось слово, которое не ложилось в строку, и тогда любимый, бехотчетно напевающий голос резко смолкал, словно наткнувшись на преграду, потом вновь начинал с самого начала фразы, доходил до той же точки и, если ему не удавалось преодолеть препятствие на этот раз, он повторял подобную процедуру, пока наконец не подбирал точное слово! Как будто некая дивная птица, затерянная в собственном мире, выводила для себя самой свои трели. Это послание объемом в сто рукописных страниц - еще один шедевр Шоги Эффенди. Два эти обзора ста лет существования Веры, написанные с великим ущербом для его здоровья и жизненных сил, в годы, когда мир сотрясала война, были бесценным подарком Хранителя всем бахаи к Столетию Веры.

За последовавшие тринадцать лет Шоги Эффенди не перевел и не написал ни одной книги. То, что у него не было больше для этого времени, обернулось для нас великой потерей. Мждународная Община, которую он с такими муками воздвигал начиная с 1921 года, теперь так разрослась, что поглащала все его время и силы, не давая возможности для творческой работы, в которой так нуждалась его щедро одаренная натура. Тем не менее он продолжал руководить верующими и их Национальными Собраниями, обращаясь к ним с письмами и еще чаще с пространными телеграммами. В 1941 году Шоги Эффенди уже начал вести отчеты о победах, которые бахаи одерживали во всем мире. Из подобного типа обращений в конечном счете родились волнующие отчеты о сделанной работе, составлявшиеся ежегодно к празднику Ризван, отчеты, позволявшие верующим в каждой стране увидеть свои труды как часть единого великого целого.

С самого начала своего служения и чем дальше, тем больше Шоги Эффенди прибегал к помощи телеграмм и каблограм - не только потому, что это экономило время, но и потому, чкак он объяснял мне, что это имело большой психологический эффект; телеграфное послание заряжает человека ощущением безотлагательности и драматизма, а это - зачастую лучший способ добиться цели. Шоги Эффенди довел то, что можно было бы назвать телеграфным стилем, до уровня едва ли не нового литературного жанра. Часто он отправлял телеграммы по объему не меньшие, чем письма. И когда он составлял их, мысль его тоже как бы обретала сокращенную форму. Суть состояла не в том, чтобы сначала изложить мысль обычным стилем, а затем, отбросив все слова там, где это возможно, сохранить общее значение; он изначально мыслил будущий текст без таких слов, и в результате стиль становился предельно графичным, насыщенным и волнующим. И этот стиль - а зачастую и смысл - нарушается, если попытаться внести в текст все эти "если", "что", "и" для того, чтобы якобы прояснить значение. Делать подобные интерполяции, не оговаривая этого, является недопустимым вмешательством в тексты нашей Веры, как если бы издатель стал делать вставки в тексты самого Шоги Эффенди с целью "пояснить" мысль Шоги Эффенди там, где это кажется ему необходимым; с другой стороны пояснять текст, даже в скобках, значит заведомо считать читателя глупцом, неспособным самостоятельно понять, что именно хотел сказать Хранитель.

Вплоть до конца своих дней Шоги Эффенди продолжал вдохновлять мир Бахаи своими мыслями и наставлениями; из-под его пера выходили слова огромной силы, по значению равные многим томам. Но эта эпоха подошла к концу одновременно с завершением войны и ростом административной деятельности во всем мире. Но хотя внутренние силы никогда не покидали его, и часы, которые он проводил, трудясь на ниве Дела Божия, он проводил с полной отдачей до самой своей кончины, Шоги Эффенди чувствовал глубокую усталость.

Жизненный труд Шоги Эффенди довольно отчетливо делится на четыре основные части: его переводы Слов Бахауллы, Баба, Абдул-Баха и повествования Набиля; его собственные

сочинения такие, как летопись столетия - "Бог проходит рядом", равно как и непрерывный поток руководящих наставлений, рождавшихся под его пером и указывавших верующим значение, время и методы возведения их административных учреждений; долгосрочная программа расширения и упрочения материальных и финансовых ресурсов всемирной Веры, включавшая не только завершение, возведение новых и работы по отделке и украшению уже имеющихся Святынь Бахаи во Всемирном Центре, но и постройку Домов Поклонения, приобретение недвижимости для местных и национальных органов и расширение фондов в различных странах Востока и Запада, и, прежде всего, умелая ориентация мысли верующих и неверующих в направлении идей, заключенных в учении Веры, и в упорядочении структуры этого учения как широкого, всеобъемлющего взгляда на значение, скрытый смысл и цель религии Бахауллы, а по сути и самой религиозной истины в ее изображении человека как венца творения Божия и в ее стремлении к установлению Царства Божия на земле.

XI

Развитие международных институтов Веры

Развитие Всемирного Центра Веры под эгидой Хранителя является одним из основных достижений его жизни, которое по важности своей может сравниться лишь с расширением и упрочением Дела на всем земном шаре. Об уникальном значении этого Центра Шоги Эффенди писал: "... Святая Земля - кибла всемирной общины, сердце, из которого непрестанно бьет источник животворящей жнергии Веры, центральная точка, вокруг которой разворачивается разнообразная деятельность предустановленного свыше Административного Порядка".

Когда в 1921 году Шоги Эффенди принял ответственность, возложенную на него Завещанием Абдул-Баха, собственность бахаи в Хайфе и Акке состояла из Усыпальницы Бахауллы в Бахджи, расположенной в доме, принадлежавшем наследникам дочери Бахауллы из рода Афнан, где Он был похоронен после Своего вознесения; Усыпальницы Баба на горе Кармель, окруженной несколькими земельными участками, приобретенными еще при жизни Абдул-Баха, на одном из которых стоял Дом восточных паломников; из дома Аббуда, где Бахаулла много лет жил в Акке и котором Он повествует в Китаб-и-Акдас; Ризвана и прилегающих садов, а также дома Абдул-Баха в Хайфе. Дворец Бахауллы, расположенный рядом с Его Усыпальницей, был занят нарушителем Завета Мухаммадом Али; при этом почти вся собственность бахаи была зарегистрирована либо на имя нескольких членов семьи, либо на немногих отдельных преподавателей общины. Таким ненадежным в целом было положение Веры и принадлежавшей ей собственности по отношению к закону, что проведенная Шоги Эффенди за годы его служения работа по сохранению и расширению этих Святынь и окружающих их земель, по из регистрации - во многих случаях на имя узаконенных местных палестинских филиалов различных Национальных Собраний Бахаи - и по освобождению их от муниципальных и общенациональных налогов, - работа эта кажется едва ли не чудом. Когда мы вспоминаем, что позиция Хранителя в 1922 году была столь шаткой, что Мухаммад Али отважился захватить ключи от Святой Гробницы Бахауллы, что многие мусульманские и христианские деятели, завидуя мировому признанию, которым Абдул-Баха пользовался в последние годы Своей жизни, изо всех сил стремились опорочить Его юного преемника в глазах властей и что сам Шоги Эффенди, едва вступив в должность Хранителя, мгновенно столкнулся с очень серьезными проблемами самого разного рода, - мы не можем вновь не изумляться мудрости и искусству, с каким он управлял делами Всемирного Центра.

Героический век Веры миновал. Тот период, который Шоги Эффенди назвал Веком Строительства, открывался его служением и все время формировался при его непосредственном участии. Прекрасно понимая, что ни по своему положению, ни по своим способностям он не может сравниться с возлюбленным Учителем, Шоги Эффенди отказался подражать Ему в чем бы то ни было - в одежде, привычках, манере держаться.

Поступать так он считал безрасудным и неуважительным. Новый день открылся в истории Дела - новый день, требующий новых методов работы. Наступала эра эмансипации Веры, признания ее незвизимого статуса, становления ее Уклада, строительства ее учреждений. Абдул-Баха приехал в Святую Землю будучи изгнанником, узником; хотя во время Своих поездок на Запад и в своих письмах Он мог провозглашать независимый характер Дела Своего Отца, в местных условиях Он не мог вплоть до конца Своих дней отрешиться от обычаев, так долго связывавших Его с преобладающей мусульманской традицией; вести себя некрасиво, причинять вред окружающим было не в духе учения Бахаи. Но Шоги Эффенди, только что вернувшийся после учебы в Англии, молодой, воспитанный на западный манер, мог сделать это. Как бы ни любили и ни уважали Абдул-Баха, Его не воспринимали Главой независимой всемирной религии, а скорее - святым героем великой духовной философии всемирного братства, человеком знатным и выдающимся среди палестинской знати. Он подчинял Себе окружающих неподражаемой силой личного воздействия. Шоги Эффенди понимал, что ему никогда не удастся добиться этого в обстоятельствах, сопровождавших начало его служения, да он и не стремился к этому. Его функция повсюду - особенно же во Всемиром Центре - сводилась к тому, чтобы завоевать признание Дела в качестве мировой религии, обладающей таким же статусом и прерогативами, как христианство, ислам и иудаизм.

С самого начала он учитывал тот факт, что если ему суждено основать Всемирный Центр на нужной основе в годы, когда Вера Бахаи неизбежно должна распространяться за рубежом, то его собственное положение - положение не местного или национального Главы Веры, а ее Всемирного Главы - следует перевести на совершенно новое основание. Хотя Палестина и была священной землей для каждой из трех названных выше мировых религий, она в то же время не являлась из духовным либо административным средоточием, и следовательно все эти страны находились принципиально в ином положении, чем он. Он же, будучи Главой религии не меньшего масштаба и находясь непосредственно в ее духовном и административном средоточии, обладал правом превосходства по отношению к остальным религиозным Главам в стране. Но, хотя с самого начала своего служения Шоги Эффенди понимал это, он был достаточно мудр, чтобы сознавать, что у него нет ни малейшей надежды внушить эту точку зрения другим. Он нашел блестящий выход из положения, не ограничиваясь сферой деятельности Учителя и уклоняясь от прямого участия в различных социальных мероприятиях, будь то официальные или какие-либо другие. Он знал, что среди местных ученых мужей у него нет никаких шансов завоевать авторитет, подобающий его положению, и что если его вследствие его возраста и мощного влияния многочисленной мусульманской общины отодвинут как представителя Веры на второстепенный план, ситуация будет и в дальнейшем складываться вокруг этого прецедента и ему практически невозможно будет занять должное место как Главы Всемирной Религии. В первую очередь именно поэтому на протяжении тридцати шести лет Шоги Эффенди за исключением одного или двух случаев отазывался от всех государственных и муниципальных постов и таким образом не принимал участия в общественной жизни, постоянно, хотя и ненавязчиво настаивая на том, что он сам или лицо, назначенное им по собственному усмотрению, должны пользоваться соответствующим правом приоритета; к концу своей жизни он практически одержал победу в этой долгой битве, и, хотя представители бахаи не всегда удаивались такого приоритета, какого добивался Шоги Эффенди, они были надежно защищены от постоянной дискриминации на официальных постах. В тех редких случаях, когда он сам посещал мероприятия израильских властей, ему оказывались подобающие почести как Главе Всемирной Религии. Учитывая его постоянную занятость, кризисы, которые то и дело обрушивались на него на протяжении всей жизни, и то время, которое он уделял паломникам, полный отказ от общественной жизни на был так уж ощутим для Шоги Эффенди. Однако это усугубляло его изоляцию и серьезно ограничивало его

интеллектуальное общение, тот стимул, который могли бы стать для него встречи с людьми его масштаба.

Тем не менее в первые двадцать лет своего служения Шоги Эффенди находился в довольно тесном личном контакте с несколькими Верховными и районными комиссарами, что помогло ему вернуть ключи от Гробницы Бахауллы и закрепить за собой неоспоримое право на опеку над нею, вступить во владение Дворцом Бахауллы, получить разрешение захоронить ближайших родственников Абдул-Баха рядом с Усыпальницей Баба, в центре достаточно фешенебельного жилого квартала на горе Кармель, заставить власти признать брачные свидетельства бахаи на том же основании, что аналогичные документы иудеев, христиан и мусульман, и, главное, благодаря своим настойчивым усилиям - внушить британским властям представление о священной природе собственности бахаи в Палестине и - соответственно - освободить их от обложения муниципальными и национальными налогами, к чему он стремился.

Бахджи всегда было главной заботой Шоги Эффенди, и он решительно намеревался отстоять не только Усыпальницу, где покоился Бахаулла, но и Его последнее пристанище в этом мире, а также строения и земли вблизи от него. После кончины Бахауллы в 1892 году Мухаммад Али и его родственники до 1929 года владели этим домом, известным как "Каср", или Дворец, Уди Хаммара - зданием уникальным для Палестины в силу его величественного архитектурного стиля, которое было приобретено для Бахауллы до конца Его дней. К моменту, о котором идет речь, Дворец пришел в самое плачевное состояние: стены его были все в пятнах сырости, крыша провалилась, некогда прекрасные комнаты - заброшены или превращены в кладовки. В ноябре 1927 года Шоги Эффенди писал одному из друзей о том, что "Мухаммад Али до сих пор занимает Каср, и Маджиддин (его двоюродный брат) обратился к нам, прося починить крышу, которая может рухнуть каждую минуту. Ему недвусмысленно было отвечено, что мы не приступим к ремонту, пока все не выедут из здания". В конце концов Дворец пришел в такое состояние, что нарушителям Завета не оставалось ничего иного, как согласиться на требование Шоги Эффенди. 27 ноября 1929 года накануне восьмой годовщины со дня смерти Абдул-Баха Шоги Эффенди телеграфировал родственника: "... Каср оставлен. Восстановительные работы начались", - а 5 декабря он пишет одному из друзей: "... Мухаммад Али и его последователи, около сорока лет занимавшие Дворец Бахауллы, наконец оставили его; на фотографии хорошо видно, в каком состоянии находится ныне здание! Работы по восстановлению уже начаты, и паломники посещают комнаты, где скончался Бахаулла и гед Он провел самые мирные и счастливые дни Своей жизни". Через два года работы закончились. Стараниями Шоги Эффенди зданию вернули его былую красоту. Хранитель привез в Бахджи верующего, которому часто приходилось бывать здесь в юности и который мог со знанием дела и ответственностью наблюдать за ходом работ. Кровля, деревянные части строения, фрески на галерее, сложная роспись по трафарету на стенах всех комнат верхнего этажа, изящное перекрытие потолков - все было восстановлено в первоначальном виде. Но и после этого Шоги Эффенди продолжал украшать помещения Дворца дорогими коврами, которые присылали верующие из Персии, развешивал на стенах замечательно иллюстрированные свитки, принадлежавшие перу знаменитого калиграфа-бахаи, Мешкин Калама, обставлял комнаты книжными шкафами с переводами произведений авторов бахаи на различные языки, с бесчисленными фотографиями и представляющими исторический интерес документами, после чего пригласил посетить Дворец британского Верховного комиссара, и сам показывал ему здание. Когда осмотр подошел к концу, Шоги Эффенди спросил, не считает ли Его Превосходительство, что подобное место, столь священное для бахаи всего мира, никоим образом не может считаться чьей-то частной резиденцией и должно быть сохранено как центр паломничества и исторический музей. Его Превосходительство, на которого, несомненно, произвел сильное впечатление как сам защитник, так и приведенные им аргументы, дал свое согласие, и Дворец перешел в руки Хранителя. К апрелю 1932 года паломникам

предоставили почетное право проводить ночь в стенах священного здания, и двери его были открыты для посетителей, не исповедующих Веру, которые отныне могли бродить по прекрасным залам, разглядывая впечатляющий набор свидетельств всемирного характера Дела, многочисленные фотостатические копии регистраций Собраний бахаи, брачных свидетельств и прочих исторических материалов таких, как фотографии мучеников и первопроходцев Веры.

Помню, как вплоть до последних дней жизни Хранителя, несмотря на то, что Дворец принадлежал ему, его постоянно раздражало, что нарушители Завета по-прежнему занимают один из прилегающих домов. В ночь вознесения Бахауллы, когда Хранитель, как Глава Бахаи, посетил комнату во Дворце, где Он скончался, следовал в Его Усыпальницу, ему приходилось проходить мимо комнаты, в которой нарушители Завета держали своего хранителя и откуда часто раздавались громкие комментарии в адрес Шоги Эффенди, еще более омрачавшие и без того полную воспоминаний ночь. И только в июне 1957 года Шоги Эффенди смог, наконец, оповестить всех бахаи мира: "С чувствами глубокой радости воодушевления благодарности накануне шестьдесят пятой годовщины Вознесения Бахауллы возвещаем знаменательной эпохальной победе одержанной над бесчестной шайкой нарушителей Его Завета которые протяжении более шестидесяти лет окопались преддверии Пресвятой Усыпальницы Бахаи".

Начиная с января 1923 года, когда он написал старшему сыну дочери Бахауллы письмо с просьбой окончательно объявить, что, какими бы законными правами ни обладало семейство Афнана на Усыпальницу в Бахджи, место это по сути своей принадлежит всему Движению Бахаи, и вплоть до конца своей жизни Шоги Эффенди боролся за то, чтобы подвести прочную основу под законный статус этого Святого Места вопреки противодействию позорной шайки родственников, которая сопротивлялась его усилиям более тридцати лет. И только благодаря действию сил неисповедимого Провидения после окончания войны за независимость, в результате массового исхода арабов, среди которых было немало врагов Веры, Шоги Эффенди удалось в конце концов выйти победителем из этой растянувшейся на десятилетия схватки. В 1952 году давнее желание Шоги Эффенди осуществилось: окружающие Гробницу и Дворец Бахауллы зефмли, общей площадью более 145 тысяч квадратных метров, бил приобретены. Еще в 1931 году Шоги Эффенди пробовал склонить правительство реквизировать часть этих земель, коорые изначально являлись собственностью Дворца, но впоследствии были незаконно присвоены мусульманскими друзьями и приверженцами Мухаммада Али, однако власти отказались вмешиваться, а цена, которую запросили владельцы, в десять раз превышала рыночную стоимость земли. Хранителю пришлось ждать почти двадцать лет, прежде чем судьба в лице войны вернула земли законным владельцам. Помимо этого в последние годы жизни Хранитель приобрел Дом паломников, перешедший в ведение Абдул-Баха после кончины Бахауллы, и так называемый Чайный дом Учителя, где Он часто принимал верующих, включая первую группу паломников с Запада. В 1952 года правительство Израиля прекратило начатый в гражданском суде Хайфы нарушителями Завета процесс против Хранителя в связи со сносом дома в Бахджи и поддержало его заявление о том, что дело носит религиозный характер, таким образом еще раз дав ему возможность одержать победу над окопавшимися врагами Абдул-Баха, которые в своей неугасимой злобе и ненависти удерживали свой последний укрепленный пункт рядом со Святой Усыпальницей Бахауллы. Наконец, в 1957 году, и вновь не без содействия государственных властей, Шоги Эффенди - на основании их близкого расположения к святым местам паломничества - удалось получить ордер на экспроприацию домов, занятых теми, кого он называл "жалким охвостьем" нарушителей Завета и таким образом очистить Харам-е Акдас от этой духовной скверны. Нарушители Завета так горячо протестовали против этого распоряжения, которое влекло их выселение из Бахджи, что подали иск в Верховный суд Израиля, но проиграли дело и были вынуждены раз и навсегда покинуть святы места.

Хранитель не скрывал своего желания лично наблюдать за сносом этих домов, стоявших в непосредственной близости от Дворца и Усыпальницы, но ему уже никогда не суждено было вернуться в Святую Землю. Когда задуманный им план был приведен в исполнение и через несколько месяцев после его кончины дома сравняли с землей, обнаружилось, что план большого регулярного сада, который он разбил перед ними, выверен настолько тщательно, что его можно продолжить и - мне так и хочется сказать, расстелить, подобно ковру, - через все то место, которое ранее занимали дома вплоть до самых стен Дворца. Всегда помнивший о том, что в основе его миссии Хранителя лежит неукоснительное следование наставлениям возлюбленного Учителя, Шоги Эффенди отводил второе по важности место заботам об Усыпальнице Баба. Деятельность, связанная с этой второй наисвятейшей Усыпальницей Веры Бахаи, имела два аспекта: завершение самой постройки и защита окружающей ее территории. Во-первых надо было соорудить три дополнительных зала, а также надстройку, которая сама по себе представляет целое сооружение, безусловно, одно из самых прекрасных на побережье Средиземного моря; во-вторых - постепенно приобретать, что и осуществлялось на протяжении трети столетия, широкой оградительной полосы земли, окружающей Усыпальницу от подножия до вершины горы Кармель. Эта площадь примерно в пятьдесят акров лучше всего видна ночью - огромный темный V-образный участок в самом сердце города, в центр его словно вознилась золотая булава - залитая ярким светом Усыпальница Баба, величественно покоящаяся в лоне горе и оттеняемая бархатно-черным фоном садов. Тридцать шесть лет Шоги Эффенди благоговейно лелеял эту Святыню на Горе Божией; столь впечатляюще, ни с чем не сравнима и обширан проделанная им работа, что мне кажется, будто он вложил в эти камни и землю частицу своего существа.

Более ста лет понадобилось Бахаулле, Абдул-Баха и Шоги Эффенди, чтобы исполнить свой священный долг по захоронению останков Баба, долг, тянувшийся со дня Его мученической смерти в 1850 году до окончательного завершения Его Усыпальницы в 1953-ем. Начиная с момента, когда Он узнал о казни Баба, вплоть до Своего Вознесения в 1892 году Бахаулла охранял Священный Прах, руководя его перемещениями из одного тайного места хранения в другое. Посетив гору Кармель, Он собственноручно указал Абдул-Баха, где тело Баба должно обрести вечное упокоение, повелел приобрести этот участок земли, перенести тайно хранимые останки из Персии и предать их здесь погребению. Абдул-Баха, хотя и был в то время узником, смог получить маленький деревянный ящик с останками Баба и Его товарищей, разделивших с Ним мученическую смерть; ящик доставили из Персии сначала караваном, потом на борту корабля. Когда первая группа западных паломников посетила город-тюрьму Акку зимой 1898-99 года, драгоценные останки уже, под строжайшим секретом, хранились в доме Учителя.

Однажды, в 1915 году, стоя на ступенях Своего дома и глядя на Гробницу Баба, Абдул-Баха заметил: "Великая Усыпальница осталась незавершенной. Нужны еще десять - двадцать тысяч фунтов. Если будет на то Воля Господня, мы доведем дело до конца. Сейчас мы еще на полпути". Одному из паломников Он сказал: "Усыпальнице Баба надлежит быть выстроенной в великолепном, величественном стиле", - и даже заказал некоему жившему в Хайфе турку сделать набросок того, какой окончательный вид будет иметь Усыпальница. И хотя Он совершенно ясно представлял себе, как должна выглядеть Усыпальница, завершить работу выпало Шоги Эффенди.

В 1928 году он приступил к работам по выемке части скалы позади здания, чтобы расчистить место для трех дополнительных, больших, с высокими потолками и сводами залов. 14 февраля 1929 года он телеграфирует Афнана: "Работы возведению Макама начались" (персидское слово "Макам" - "Стоянка" - обозначает Усыпальницу Баба), а в декабре того же года - уведомляет одного из верующих: "сооружение трех дополнительных помещений, примыкающих к Усыпальнице на горе Кармель, скоро будет завершено, и предначертание Учителя - создать основание Мавзолея из девяти залов - выполнено". Интересно отметить, что завершение начатой Абдул-Баха постройки, само по

себе представлявшее немалый труд, и дорогостоящая и требовавшая особого внимания реставрация Дворца Бахауллы были предприняты в течение одного года и заняли примерно равное время.

Во всем, за что бы ни брался Шоги Эффенди, он руководствовался желанием Учителя. К 1907 году Абдул-Баха успел закончить шесть из девяти залов, в центре которых должно было покоиться тело Баба, и в этом же году в одном из них, обращенном к морю, уже проводились собрания. В 1909 Он собственноручно поместил останки Глашатая и Мученика Веры в окончательно предназначенное для их упокоения место. В следующем году Он отправился в поездки по западным странам, затем разразилась война, и последовала кончина Учителя. Но Он успел оставить основную идею плана постройки: девять залов, окруженных галереями, и венчающий здание купол. Шоги Эффенди постоянно помнил о плане Учителя, но выполнение его рисовалось крайне неопределенно. Когда и где искать архитектора, который смог бы разработать проект Усыпальницы, где взять деньги на строительство?

Ответ пришел самым неожиданным образом. В 1940 году после смерти моей матери в Буэнос-Айресе отцу остался совершенно одиноким, я была его единственным ребенком. С присущей ему и только ему добротой и лаской Шоги Эффенди сказал мне как-то, что теперь, после смерти матушки, место отца с нами. Хранитель пригласил его присоединиться к нам, и, несмотря на войну, арена которой расширялась с каждым днем, отцу это удалось. Много лет при осуществлении тех или иных строительных работ на землях, принадлежащих общине, Шоги Эффенди прибегал к случайной помощи местных архитекторов и инженеров. Кроме трех дополнительных залов Усыпальницы Баба, больших и выразительных надгробий на могилах ближайших родственников Абдул-Баха и работ по восстановлению Дворца, Шоги Эффенди осуществил сооружение красивых ворот перед входом на могилу Пресвятого Листа, снес дом Думита, когда представилась возможность приобрести его, и использовал камень, дверные и оконные рамы для расширения Дома восточных паломников, а также построил перекинутый через улицу мост, чтобы довести одну из террас до Усыпальницы. В 1937 году отец разработал план нескольких комнат дополнительно к тем, которые занимал Хранитель на крыше дома Абдул-Баха. За исключением подобных случаев, когда действительно требовалась помощь профессионала, Шоги Эффенди неизменно сам делал все замеры лестниц и боковых входов в сады. Лично у меня в таких вещах не было никакого опыта, и я помню, как однажды, когда ему захотелось построить более выразительный участок лестницы, ведущей к Усыпальнице Баба в конце новой дорожки, с контрфорсами по обеим сторонам, мы несколько часов трудились, выверяя пропорции, но, когда я в конце концов сделала бумажный макет в масштабе, вид его вызвал у нас обоих смутные опасения! Однако результат оказался не только любопытным, но даже вполне удовлетворительным. Дело в том, что Хранитель хотя и не был профессионалом, ему не хотелось без нужды тратить деньги на архитектора ради таких мелочей, которые для него самого оборачивались проблемой и отнимали понапрасну время. Однажды, вернувшись из садов Усыпальницы, он спросил меня, что я думаю по поводу таких-то и таких-то размеров для очередного пролета. Я ответила, что напротив через улицу, в Доме западных паломников живет один из лучших канадских архитекторов, и почему бы ему не попросить папу сделать эту работу для него. Помню, он удивленно взглянул на меня и спросил, действительно ли это возможно. Я заверила Хранителя, что для отца это сушая ерунда и он сделает промеры и эскиз за одну минуту. И дело вовсе не в том, что Шоги Эффенди не доверял отцу как архитектору; он уже посылал папе в Монреаль фотографии чугунных ворот, которые заказал для верхней террасы Усыпальницы, и просил его вписать ворота в окончательный чертеж; предложенный отцом вариант ему действительно очень понравился, но поскольку так и не удалось достигнуть согласия с муниципалитетом насчет границы террасы и муниципальной собственности, проект так никогда и не был осуществлен. Хранителю просто не пришло в голову, что после стольких лет борьбы в

одинокую рядом вдруг оказался кто-то, кто мог помочь ему в этих делах. Так началось это замечательное сотрудничество. Никогда не знала двух других людей, наделенных таким же безупречным чувством пропорции, как Шоги Эффенди и отец, причем у Хранителя оно было даже еще более развито.

Когда я оглядываюсь на жизнь Шоги Эффенди, мне кажется, что помимо великого Дела Веры, чьи победы так много значили для него, из всех верующих Марта Рут и Сазерленд Максвелл, каждый по-своему, давали ему наиболее глубокое личное удовлетворение. В чем-то они были очень похожи - набожные, смиренные души, обожавшие Шоги Эффенди и с радостью отдававшие преданному служению все силы. И хотя труды Марты были гораздо более значимы для Дела, таланты Сазерленда стали тем орудием, посредством которого Шоги Эффенди смог наконец с легкостью выразить творческую, художественную сторону своей натуры, что приносило обоим радость и удовлетворение. До последних дней своей жизни отец делал для Шоги Эффенди чертежи лестниц, стенных пролетов, колонн, светильников и множества ворот, ведущих в сады на горе Кармель. Будучи опытным архитектором, он помимо этого замечательно рисовал карандашом и красками и делал любую лепку и резьбу собственными руками. Помню, однажды вечером, после того как Шоги Эффенди попросил отца сделать чертеж главного входа на территорию Усыпальницы, включающий металлоконструкции, изготовленные для упомянутой выше незаконченной последней террасы, я принесла ему готовый эскиз. Хранитель сидел в постели и, когда я передала ему небольшой цветной рисунок, он долго молча смотрел на него и наконец воскликнул: "Это просто нечестно!" Я была весьма смущена подобной реакцией и спросила, что он хочет этим сказать. "Но, - ответил он, - разве можно устоять перед такой красотой!" Он не только построил вход по этому эскизу, но, вставив его в рамку, повесил рядом с кроватью.

Испробовав силы отца на нескольких небольших проектах и обнаружив, что его никак нельзя упрекнуть в недостатке таланта и усердия, Шоги Эффенди неожиданно - кажется, это было в конце 1942 года - сказал мне, что хочет, чтобы отец занялся разработкой чертежей для надстройки Усыпальницы Баба. Строитель наконец обрел орудие, с помощью которого мог воплотить предназначение Абдул-Баха.

Оглядываясь на последовавшие за этим решением месяцы, я поражаюсь тому, как Шоги Эффенди, полностью поглощенный работой над книгой "Бог проходит рядом" - время торопило закончить ее к близящейся Столетней Годовщине - удавалось уделять столько внимания этому другому великому начинанию. С самого начала Шоги Эффенди дал Сазерленду только самые краткие указания относительно того, что было желательно; он сказал, что Усыпальница не должна быть чисто западной или чисто восточной по стилю, что необходимыми деталями ансамбля должны являться купол и галерея, но при этом постройка не должна походить на мечеть или западный храм; иначе говоря, он предоставил отцу полную свободу при разработке проекта. Первый вариант, который представил отец, выглядел как постройка с галереей и верхним рядом окон, освещающих хоры, увенчанная пирамидальным куполом - Шоги Эффенди эскиз не понравился; обсудив форму купола с Сазерлендом, он сказал, что ему бы хотелось, чтобы по форме купол напоминал купол собора Святого Петра в Риме, который он считал самым прекрасным из всех существующих. Бог не только наделил Шоги Эффенди талантом архитектора, но помимо чисто архитектурного чутья Он с Своей бесконечной милости не только одарил его бесконечной духовной благодатью, но и редкой способностью в жизни любого профессионала - способностью обращать свое дарование и многолетний опыт в благородное вино, достойное выражение его гения. Второй эскиз, сделанный отцом, хотя и удовлетворил Шоги Эффенди с точки зрения пропорций, но показался слишком западным по духу, и он снова попросил переделать его. Отец остался доволен предложением и изменил стиль купола, используя те черты, которые уже применял однажды при разработке купола американского Храма Бахаи, участвовавшего в конкурсе и включавшего в некоторых своих деталях явно выраженные черты индийского стиля. Это

последний вариант пришелся весьма по вкусу Хранителю за исключением верхней части оконного ряда, который, с его точки зрения, должен был быть расположен выше. Неделю за неделей Сазерленд представлял Хранителю все новые эскизы, пока наконец ныне существующие и в высшей степени оригинальные минареты не были одобрены им 25 декабря 1943 года. Предложения, внесенные Хранителем, сказались также и на форме четырех углов аркады, которые он хотел видеть более остроконечными и которые были соответственным образом изменены. Хотя Шоги Эффенди очень понравился окончательный проект, разработанный отцом в красках, он сказал, что хотел бы иметь сделанный в масштабе макет, прежде чем принять окончательное решение по вопросу такой важности, поскольку, имея перед глазами макет, он сможет зрительно представить себе постройку; если больше возражений с его стороны не последует, он планировал публично огласить решение о принятии проекта, приурочив это событие к Столетней Годовщине Провозглашения Баба, которое должно было отмечаться в Хайфе.

В те дни было чрезвычайно трудно найти человека, который бы мог взяться за изготовление подобного макета, и хотя номинально был назначен некто, кто взялся за осуществление такой работы, практически большую часть ее делал сам отец, проделавший ее в крайне сжатые сроки. К маю макет был готов. Самым тщательным образом изучив его, Шоги Эффенди принял решение, и 22 мая пресса была оповещена, что проект Усыпальницы Баба избран и постройка ее завершится так скоро, как позволят обстоятельства. Во время дневного собрания мужчин-бахаи 23 мая в Доме восточных паломников, в присутствии Хранителя, а также большого числа посетителей из других стран, для увековечения события, произошедшего на заре Веры сто лет тому назад, макет уже стоял на столе Шоги Эффенди для всеобщего обозрения. Два дня спустя он телеграфировал в Америку: "... Известите друзей связи радостными событиями столетней годовщины Провозглашения Мученика Глашатая Веры отмеченного историческим решением завершении постройки Его гробницы возведенной Абдул-Баха месте избранном Бахауллой. Недавно разработанный проект купола представлен собранию верующих. Молось скорейшем преодолении препятствий пути завершения великого Предначертания задуманного Основателем Веры и взлелеянного Средоточием Его Завета".

Когда эта весть разнеслась по миру, он приближался к концу самой страшной войны в своей истории; бахаи западного полушария напрягали все силы, чтобы достичь исполнения целей своего первого Семилетнего Плана; верующие страдали от экономической разрухи, коснувшейся большинства стран. Несомненно, что в силу этих причин и потому, что Хранитель старался не использовать фонды Усыпальницы, осуществление этого проекта прошло незаметно, и о нем не было больше никаких сообщений вплоть до 11 апреля 1946 года, когда Шоги Эффенди дал указания мистеру Максверру приступить к работам по Усыпальнице и несколько позже сам уведомил об этом муниципальные власти:

Хайфа

7 декабря 1947 года

В Комиссию по городскому строительству и планированию города Хайфы.

Председателю

Уважаемый сэр:

В дополнение к прилагаемым чертежам и просьбе разрешения на строительство, хочу добавить несколько пояснений.

Часть гробницы Баба и Абдул-Баха, столь хорошо известного жителям Хайфы как Аббас Эффенди, уже частично существуют на горе Кармель. В нынешнем своем состоянии, несмотря на окружающие их со всех сторон сады, они имеют вполне обжитой, хотя и несколько воинственный вид.

В мои намерения ныне входит завершение строительства этого здания, сохраняя его первоначальный план и в то же время украсив его прекрасной монументальной надстройкой, таким образом улучшив общий внешний вид склонов горы Кармель.

Назначение этой постройки, по завершению работ, останется прежней. Иными словами она будет использоваться исключительно как Усыпальница, в которой покоятся останки Баба.

Из прилагаемых эскизов вы сможете убедиться, что здание состоит из аркады, включающей двадцать четыре мраморные или иные монолитные колонны, возвышающиеся над орнаментальной балюстрадой первого этажа здания. К возведению этой части здания мы хотели бы приступить незамедлительно, а к постройке промежуточной части и купола, который будет венчать всю композицию - впоследствии, как скоро как это будет возможно.

Архитектором этого монументального здания является мистер У. С. Максвелл, хорошо известный канадский архитектор, фирма которого производила строительство гостиницы "Шато Фронтенак" в Квебеке, здания парламента в Реджине, Художественной галереи, церкви Мессии и нескольких банковских зданий в Монреале. Полагаю, что его проект Гробницы Баба украсит наш город и привлечет в него дополнительных посетителей.

Искренне Ваш,
Шоги Раббани

Я процитировала это письмо целиком, поскольку оно показывает, насколько искусно, тактично и в то же время ясно Шоги Эффенди обращался к властям, что гарантировало ему необходимое разрешение на проведение строительства. 15 декабря Шоги Эффенди телеграфирует в Америку: "Получено счастливое разрешение завершение планов и спецификаций на возведение аркады окружающей Усыпальницу Баба что является первым шагом на пути завершения сооружения Купола замысленного Абдул-Баха и знаменует окончание предприятия начатого Им пятьдесят лет тому назад в соответствии указаниями Самого Бахаулла".

Однако хотя первые исторические шаги по преодолению препятствий на пути реализации этого плана были предприняты, препятствия эти продолжали расти день ото дня. Срок действия британского мандата истекал; Палестину продолжали потрясать гражданские волнения, которые скоро должны были вылиться в военное столкновение. Запасы необходимого для строительства Усыпальницы камня находились столь близко от ливанской границы, что никто не мог определенно сказать, когда начнутся поставки. Помимо этого огромное количество скального материала, необходимого для постройки, требовало значительного числа квалифицированного рабочих, которых практически невозможно было нанять в стране в это время. Ввиду этого Шоги Эффенди с присущим ему практическим и смелым складом ума принял иное решение: попробовать, нельзя ли произвести часть работ в Италии.

Невозможно привести все подробности, столь удивительной во всех отношениях была сага, в которую вылилось строительство Усыпальницы. Письмо, которое я от лица Хранителя написала доктору Уго Джакери, очень ясно дает представление об атмосфере тех дней: "... Мистер Максвелл... в силу ряда затруднений... не смог подписать никакого контракта на осуществление данной работы здесь в Палестине. Тем не менее он вступил в контакт с итальянской фирмой в Карраре относительно контракта на гранитные колонны, которые будут окружать первый этаж здания. Сейчас он отбывает в Италию с тем, чтобы, в первую очередь, подписать вышеупомянутый контракт, и, если удастся достать также камень подходящий для местных условий, заключить дополнительные контракты на капители колонн и часть резных украшений... Мистер Уиден... будет сопровождать мистера Максвелла, чтобы позаботиться о нем в пути и помочь ему в осуществлении его миссии... Поскольку местные условия крайне неопределенны, так же как и ближайшее будущее страны, Хранитель чрезвычайно обеспокоен тем, чтобы контракты в Италии

были заключены как можно скорее, прежде чем какие-либо обстоятельства отсрочат возвращение мистера Максвелла и мистера Уидена. Поэтому он будет чрезвычайно признателен Вам, если Вы сможете уделить необходимое время, чтобы помочь им, исполняя при них роль переводчика и наблюдая за тем, чтобы они вошли в контакт с нужными итальянскими фирмами, на которые можно положиться... К сожалению, ввиду того, что практически вся связь с Иерусалимом в данный момент прервана... мистер Уиден был не в состоянии связаться с итальянским консульством и получить визу. Если Вы не сможете организовать для него визу в Риме, когда его самолет прибудет туда, ему придется лететь на том же самолете в Женеву... и уже по возвращении присоединиться к мистеру Масвеллу... поскольку мистеру Максвеллу недавно исполнилось семьдесят четыре года, то, хотя он и пребывает в добром здравии, мы надеемся, что Вы должным образом позаботитесь о нем... Положение здесь настолько серьезнее, что для нас крайне важно, чтобы мистер Максвелл и мистер Уиден смогли успешно завершить все свои дела и вернуться в Палестину..."

15-го числа того же месяца я по поручению Хранителя написала Хорасу Холли, секретарю Американского национального собрания, подробно уведомляя его о готовящейся поездке в Италию и объясняя, что поскольку фонды Хранителя заморожены в Палестине из-за строгих валютных ограничений, "он хочет попросить друзей, имеющих к тому возможность, организовать заем с тем, чтобы финансировать заключение контрактов... он сам лично желает выступать в роли гаранта в этом деле и вернуть ссуду при первой же возможности. Он очень обеспокоен, чтобы по этому поводу не было никакого недопонимания. и двусмысленности. Он финансирует работу из международных фондов Дела и хочет заключить соглашения, по которому возместит временный заем... Наше положение здесь настолько неопределенно, что корреспонденция может прерваться в любой день, почему Хранитель и спешит довести до Вас эту информацию... если необходимые соглашения будут заключены и контракты подписаны, то мистер Джакери будет выступать как наш представитель в этом деле, получая суммы, которые Вы будете переводить из Америки, наблюдая за работами в Италии и приняв на себя всю полноту ответственности, если все мы вдруг окажемся отрезаны друг от друга... Хранитель настоятельно просил мистера Максвелла и мистера Уидена вернуться в Палестину не позже чем через три недели, поскольку опасается, что мы можем окончательно утратить с ними связь... Поразительно, однако работы во возведении Усыпальницы уже настолько продвинулись, что, кажется, уже можно предвидеть их завершение.

Но многие и серьезнейшие препятствия еще осталось преодолеть, и Хранитель верит, что они будут преодолены".

И все же даже в такое смутное время еще один шаг в невероятно сложной судьбе останков Баба и сооружении Его Гробницы был предпринят. С тревогой наблюдали мы, как на следующий день, 16-го апреля, мой отец и мистер Уиден отправились в путь на полностью бронированной машине: открытой оставалась лишь полоса обзора шириной в полдвойма, для того чтобы таксист мог следить за дорогой. До тех пор пока мы не получили телеграммы из Италии, мы находились в полной неопределенности относительно их судьбы. На половине пути к аэродрому им пришлось выйти из такси и пройти несколько сот метров, неся свои тяжелые чемоданы - совершенно ненужный труд, и тем не менее крайне характерная ситуация, могущая ожидать любого в те дни. Их самолет улетал одним из последних из аэропорта в Лидде, прежде чем он был взят штурмом и все полеты не прекращены на какое-то время. Во время их отсутствия разыгралась война за независимость, и вся страна погрузилась в тяжелые дни военного столкновения.

В течение 1948 года Шоги Эффенди - второй раз за двадцать лет - самостоятельно предпринял выемку скального грунта позади Усыпальницы, чтобы расширить площадку, необходимую для сооружения аркады. Работа была чрезвычайно трудоемкая, пришлось

вывезти сотни квадратных метров камня. Во все время проведения работ Хранитель проявлял свою обычную изобретательность: он приобрел партию старых рельс и тележку, проложил рельсы по дорожке, шедшей параллельно Усыпальнице и перед ней, и камень, спускавшийся по деревянным желобам, переправлялся на восточную часть террасы, где использовался для выравнивания уровня самой террасы. С раннего утра и до позднего вечера, часто проводя по восьми и более часов на ногах, день за днем и месяц за месяцем Хранитель руководил работами. Разумеется, это была работа не для него, но он хотел, чтобы все делалось не только быстро, но и экономно, и вряд ли кто-то мог заменить его на этом месте, учитывая его упорство и нестигаемую волю. Именно так, за счет своей неутомимой решимости и настойчивости, Шоги Эффенди превратил Святыни Всемирного Центра в то, что мы видим сегодня собственными глазами.

В моем дневнике 24 февраля 1949 года, в четверг, записано: "В воскресенье М... (подрядчик) приступил к закладке юго-восточного и западного оснований здания. Неделю спустя уложат камни у врат - итак, работа начнется по-настоящему". Долгие месяцы труда Хранителя подходили к концу; теперь здание начнет расти в высоту! Неустано Шоги Эффенди трудился над сооружением Усыпальницы, которую он называл "вершиной непреклонного Стремления Бахауллы - воздвигнуть вечный и подобающий мемориал Божественному Провозвестнику и Сооснователю Своей Веры". Он не только построил его, он вложил в него столько страсти, что мемориал поистине превратился в живое воплощение Веры Бахаи, здание, к которому было устремлено не только сердце самого Хранителя, но и всех верующих. Он превратил обычную постройку здания в волнующее, исполненное драматизма действие. Когда он объявлял о прибытии новых кораблей с грузом камня из Италии и называл количество полученных тонн, когда он сообщал о завершении новой части постройки или когда оповещал нас о том, что площадь купола будет равна двумстам пятидесяти квадратным метрам, или когда рассказывал о том, как прекрасна та или иная часть отделки, магия его слов и энтузиазм, которым они дышали, заставляли нас чувствовать прилив радости и ощущать себя соучастниками чего-то бесконечно волнующего и прекрасного - так, что обычный скучный факт из скучного делового отчета, составленного скучными людьми, воспламенял наше воображение и еще глубже связывал нас с нашей Верой. Стоит ли удивляться, что верующие, озабоченные положением в своих странах в послевоенный период, тянулись к нему и старались всячески помогать за пять лет завершить поистине "предприятие всемирного масштаба", обошедшееся в три четверти миллиона долларов.

Первоначально Шоги Эффенди предполагал соорудить только аркаду Усыпальницы, а остальную часть надстройки завершить позднее, но широкая поддержка бахаи всего мира, внесших свой вклад в постройку священного здания, общее ухудшение международной ситуации, экономические трения, приведшие к росту цен, и тот факт, что квалифицированные строители, осуществлявшие работы по возведению аркады столь успешно, по-прежнему находились в распоряжении компании, поставившей камень из Италии, определили его решение не прерывать строительство.

Подобное начинание, отнявшее столько лет и сопряженное со столь многими трудностями, не прошло бесследно для здоровья Хранителя. Переговоры с главным инженером и подрядчиком, которых я лично представляла Хранителю, зачастую проходили с большими трудностями, поскольку никому из них не удавалось хоть как-то отклонить Шоги Эффенди от принятых решений или провести его в деловом отношении; либо предлагаемые ему ставки оказывались слишком высоки, что он наотрез отказывался принять их, либо - как произошло в одном случае - он заявил о том, что на неопределенный срок прекращает строительство Усыпальницы, ибо не намерен платить безрассудно завышенную цену. Он прокладывал себе путь сквозь все препятствия, и часто я, к собственному удивлению, оказывалась мечом в его руках! Не только камень, но даже иногда цемент и металлоконструкции приходилось вывозить из Италии, ввиду

острого местного дефицита, и это тоже было источником бесконечных тревог и осложнений.

Помимо подобных проблем существовала еще одна, которая долгое время беспокоила Хранителя и даже явилась причиной приостановки сооружения надстройки Усыпальницы, поскольку следует помнить, что аркада лишь окружает существующее здание, а не возвышается на нем. Чтобы достроить Усыпальницу, восемь бетонных столбов должны были поддерживать ее внутренние стены, упираясь в скальное основание. Это было сильным источником беспокойства Хранителя, потому что точные размеры помещения, где покоятся останки Абдул-Баха, неизвестны и существовала более чем реальная опасность при установке столбов обрушить одну из стен. Никогда еще присущие Хранителю благоговение, достоинство и святость не раскрывались в такой мере, как в связи с этой проблемой. Шоги Эффенди говорил, что если мы хотя бы частично повредим свод, то тело Учителя придется переносить в другое место. С моей точки зрения, все выглядело очень просто; тело на время можно куда-то перенести. Какой речью разразился тогда Шоги Эффенди! Жаль, что я точно не запомнила его слов. Он говорил, что с останками Учителя нельзя обращаться так бесцеремонно. Их нужно перенести подобающим образом, с пышной церемонией, подобающим же образом положить в другом месте и затем почтительно перезахоронить. Где вопрошал Шоги Эффенди он найдет людей достойных участвовать в таком торжественном и священном событии среди членов местной общины, начисто лишенных рвения, в основном слуг, да еще сейчас, когда двери во все соседние страны закрыты? И, наконец, где он найдет достойное место для упокоения священных останков Абдул-Баха, пока не завершены работы по внутренней отделке Его Усыпальницы? Сам голос его дрожал об благоговения и священного трепета. После этого случая я гораздо глубже прониклась религиозным духом. После того как отец с инженером тщательнейшим образом простучали стены и потолок, а присутствовавшие на церемонии погребения Учителя старые верующие указали место, где по их воспоминаниям мог находиться свод, было решено, что если столбы расположить как можно ближе к наружным стенам, то крайне маловероятно, что один из них заденет свод гробницы, и работы начались.

В марте 1952 года Сазерленд Максвелл умер после длившейся двух лет болезни. И хотя смерть его не могла помешать выполнению проекта, разработанного им для Усыпальницы, но для купола очень не хватало крупномасштабных цветных эскизов, придававших особую детальность и блеск совершенства его работе. В знак признания заслуг отца и доктора Джакери при сооружении Усыпальницы Баба Шоги Эффенди назвал их именами двое врат оригинальной постройки, а позже - одни из врат восьмиугольного здания - в честь мистера Айюаса, руководившего сооружением барабана и купола.

Когда Усыпальница, в создание которой он вложил столько любви и заботы, была наконец закончена, Шоги Эффенди, считая, что ей присущи исконно женские качества - прекрасный облик и чистота - назвал ее "Королевой горы Кармель". Он описывал ее так: "она величаво высится на Святой Горе Божией, в своей блистающей золотой порфире, белоснежных одеждах, в ожерелье из изумрудной зелени - вид, который пленит любого, смотреть ли на нее с воздуха, с моря, с равнины или холма". Из всех бесчисленных отрывков, в которых Шоги Эффенди восхваляет и объясняет глубокое духовное значение этого Места, самым поразительным является тот, где он рассматривает останки Глашатая и Мученика Веры как центр некоего духовного водоворота. Баб, которого Сам Бахаулла описывал как "Суть, вокруг Которой обращаются реальности всех Посланников и Пророков", в царстве духа, сказал Шоги Эффенди, в форме Священного Праха, оставленного Им на земле, есть сердце и средоточие девяти концентрических кругов: первым и самым большим из этих кругов является сам земной шар; в него вписан второй - Святая Земля, которую Абдул-Баха называл "Гнездом Пророков"; третий круг внутри этого Гнезда - Гора Божия, Виноградник Господень, прибежище Илии, Чье Возвращение

символизировал Сам Баб; все, находящееся на Горе, свято и принадлежит международной Общине Веры; сады и террасы представляют Пресвятой Двор; на этом Дворе, во всей своей поразительной красоте стоит Мавзолей Баба - Раковина; в Раковине же заключена Бесценная Жемчужина, Святая Святых, Гробница, построенная Самим Учителем; внутри Святилища находится Склеп, или Рака, центральное помещение Усыпальницы; внутри Склепа - алебастровый Саркофаг, Пресвятой Гроб, в котором, как писал Шоги Эффенди, "хранится неоценимое Сокровище, Святой Прах Баба".

Шоги Эффенди называл Усыпальницу "институтом", и трудно переоценить роль, которую этот институт призван был сыграть "в расширении Всемирного Административного Центра Веры Бахаи и в возникновении его высших институтов, представляющих в зародыше ее будущий Миропорядок". По мере того, как Усыпальница росла во всем своем величии, Шоги Эффенди все больше приоткрывал ее истинное значение; он писал, что это не только первое и самое святое здание, возведенное во Всемирном Центре Веры, но и "первый из международных институтов, возвещающий об учреждении Верховного Законодательного Органа Всемирного Административного Центра..."

Прах Бахауллы, "Средоточие Поклонения", или "Кибла", для верующих был слишком священным по своей сути и слишком бесконечно возвышенным по Своему положению, чтобы выступать в качестве духовного двигателя, заряжающего Своей энергией институты Его Миропорядка. В свою очередь, Прах Баба, который описал собственное положение по отношению к Бахаулле как "Кольцо на руке Того, Кого явит Господь", "Кольцо, Которое Он может повернуть, когда того пожелает", был избран Самим Бахауллой Средоточием, вокруг которого должны объединиться Его Административные Учреждения и под Чьей сенью они будут действовать по Его воле; при этом Он Сам выбрал место захоронения на горе Кармель и повелел Абдул-Баха приобрести этот участок, перенести останки из Персии и захоронить их именно здесь. Следует помнить, что еще задолго до провозглашения Бахауллой Своего положения именно Баб поднял клич, призывающий к установлению "Нового Уклада". А посему выбор Его останков был наиболее подходящим и знаменательным для этой цели. Шоги Эффенди очень четко провел это разграничение, когда говорил о двоякой природе многих зданий Всемирного Центра: обеих Усыпальниц, двух родственных Административных и Духовных Центров Веры.

Вряд ли приходится сомневаться, что, когда Шоги Эффенди прочел Завещание Абдул-Баха, первой его мыслью было скорейшее учреждение Высшего Административного Органа Веры Бахаи - Всемирного Дома Справедливости. Одним из самых первых его шагов на этом пути было - в 1922 году - призвать в Хайфу самых почтенных верующих и обсудить с ними данный вопрос. Он постоянно возвращается к этой же проблеме в своих обращениях - так, в первом же своем письме в Персию он упоминает о Всемирном Доме Справедливости и заявляет, что вскоре объявит друзьям о предварительных мероприятиях по его избранию. У него никогда не возникало ни малейшего сомнения относительно его значения и того, как он должен функционировать; в марте 1923 года он писал о нем как о "Верховном Совете, который будет направлять, организовывать и объединять деятельность Движения во всем мире". Несомненно, что в первые дни служения Хранителем руководили две силы: первая - его юношеская нетерпеливость и пыл, побуждавшие его как можно скорее выполнить наставления возлюбленного Учителя, в том числе - учредить Всемирный Дом Справедливости; вторая - руководство свыше и покровительство, обещанное ему в Завещании; вторая влияла на первую. Раз за разом Шоги Эффенди пытался предпринять хотя бы предварительные шаги к выборам, но раз за разом Рука Провидения направляла события таким образом, что преждевременные действия оказывались невозможны. На одном из совещаний в 1922 года ему, должно быть, внезапно стало ясно, что, сколь бы желанной ни была даже предварительная ступень формирования Всемирного Дома Справедливости, опасно предпринимать такой шаг в данный момент. Прочная административная основа, необходимая для выборов и

дальнейшей работы, отсутствовала, равно как и достаточное число сведущих и квалифицированных верующих, из среды которых мог бы осуществляться выбор.

Обнаружив, что врата к созданию Всемирного Дома Справедливости еще закрыты, Шоги Эффенди попытался учредить хотя бы первичные формы, которые могли бы предшествовать выборам. Когда в начале своего служения он думал о том, чтобы вызвать в Хайфу людей, которые помогли бы ему в его работе, он имел в виду образование определенного органа во Всемирном Центре. Это явствует из его собственных слов. 30 августа 1926 года он писал одному из бахаи: "Я с беспокойством думаю о средствах и путях создания в Хайфе чего-то вроде эффективного и компетентного Секретариата... Я много размышлял над этим и до сих пор повсюду ищу сведущего, надежного и обязательного помощника, который мог бы беспрепятственно и неограниченно посвящать... свое время столь деликатному и ответственному заданию. Если это удастся, я питаю самые радужные надежды на укрепление жизненно важных связей между Центром в Хайфе и Собраниями бахаи в других частях света". 7 декабря того же года он уведомил одного из родственников, что двое видных верующих присоединились к нему в Хайфе и что "мы надеемся сформировать нечто вроде международного Секретариата Бахаи..." Тем не менее истинное значение, которое придавал этому Секретариату Шоги Эффенди, ясно видно из письма, написанного им две недели спустя, в котором он представляет этих двух верующих мистеру Абрамсону, комиссару Восточного района Палестины; упомянув их имена, он продолжает, что "... просил этих двух представителей Веры Бахаи... приехать в Хайфу, дабы обсудить со мной и другими представителями бахаи Востока формирование Международного Секретариата Бахаи как предварительный шаг к учреждению Международного Совета Бахаи".

В письме паломника-индуса своему другу, посланном из Хайфы 15 июня 1929 года, читаем: "Шоги Эффенди говорит... что до тех пор пока Национальные Собрания в разных странах не стабилизируются и не завоюют более организованных и прочных позиций, невозможно учредить даже неформальный Дом Справедливости. Он хочет, чтобы не мешкая разработали устав Национального Собрания и зарегистрировали его в правительстве Индии - как устав религиозного либо коммерческого предприятия... В своих последних письмах верующим Востока Шоги Эффенди просит их также незамедлительно способствовать официальному признанию Духовных Собраний в качестве Верховных религиозных судов..."

Интересно отметить, что в письме к миссис Станнارد, которая заведовала Международным Бюро Бахаи в Женеве - организацией, ставившей своей целью развивать деятельность Веры в европейских странах и самым широким образом стимулировать ее международные функции, организацией, которую непосредственно курировал и вдохновлял сам Шоги Эффенди, - он в августе 1926 года пишет, что хочет, чтобы Бюллетень Бахаи, издаваемый этим Бюро, отныне публиковался на "трех ведущих европейских языках, а именно, английском, французском и немецком... В своей телеграмме я также выразил готовность расширять общую и финансовую поддержку, с той целью чтобы бюллетень печатался на трех официально признанных языках западной части мира Бахаи... Ваш Центр в Швейцарии и журнал бахаи, издаваемый на эсперанто в Гамбурге, - оба в какой-то степени предназначены разделить те функции, которые в будущем перейдут к Международному Совету Бахаи".

Во множестве подобных посланий, особенно в первые десять лет своего служения, Шоги Эффенди не скрывает постоянной заинтересованности в образовании чего-то наподобие Международного Секретариата или Совета, откладывая избрание самого по себе Всемирного Дома Справедливости, функции, роль и значение которого представлялись ему все более всеобъемлющими. Некоторое время в течение лета 1929 года Хранитель обдумывал идею созыва Международной Конференции Бахаи, на которой верующие могли бы неофициально собраться, чтобы обсудить пути и средства ускорения формирования восточных Национальных Духовных Собраний, а также - общие вопросы

администрования, и таким образом ускорить день, когда, как то предсказывал Абдул-Баха, будет избран Всемирный Дом Справедливости. Некоторые старые бахаи придерживались несколько иной точки зрения на то, что должно происходит на подобного рода конференции, считая, что желательнее избрание некоего временного органа. Когда Шоги Эффенди стало известно об этом, он немедленно телеграфировал, 12 декабря 1929 года, двум верующим, принимавшим наиболее активное участие в устройении этой конференции, и категорически запретил ее проведение, мотивируя это тем, что не хочет, чтобы она стала "источником смуты, взаимонепонимания или прямого противостояния". Он отступил перед лицом великой опасности, которую видел в том, что люди незрелые, не проникшиеся глубоким пониманием Административного Порядка, над созиданием которого он трудился, примут не себя власть, ответственность и функции, исполнять которые пока они совершенно очевидно неспособны. В течение более двадцати лет дело касательно Всемирного Дома Справедливости пребывало в состоянии неопределенности, а постоянные упоминания о его создании, которые можно обнаружить в ранних письмах Шоги Эффенди, прекратились после создания им Международного Совета, состоявшего из членов, назначаемых непосредственно им самим. Исходя из того, что он говорил мне в разное время, не сомневаюсь, что, сразу после того как он стал Хранителем, он почувствовал, что определенные видные верующие стремятся войти в состав Дома Справедливости либо какого-то еще временного учреждения, в чем он усматривал приуменьшение собственной роли, а с их стороны - желание взять в свои руки бразды правления Делом Божиим; все они по возрасту годились ему в отцы, и, каково бы ни было их мнение относительно Завещания Учителя, он представлялся им во многих смыслах неопытным юнцом.

С самого начала Шоги Эффенди сконцентрировался на увеличении и укреплении "различных, местных и национальных Собраний". Еще в 1924 году он заявлял, что они являются "краеугольным камнем, на котором покоится и на котором в будущем учредится и поднимется Всемирный Дом". В более поздние годы, призывая к созданию новых национальных органов, Хранитель практически неизменно прибегал к фразам и формулировкам, похожим на ту, которую мы находим в его телеграмме, обращенной в 1951 году к Четвертой европейской миссионерской конференции: "... Будущее здание Всемирного Дома Справедливости зависит от прочности и стабильности основ заложенных различными общинами на Востоке Западе, предназначенных укреплению за счет возникновения трех Национальных Собраний... ожидаем возникновение подобных учреждений европейском континенте..." Предверая выборы этого величественного Органа, Шоги Эффенди выступал с заявлениями, которые, дополняя слова его Основателя, Бахауллы, и недвусмысленно ясные прерогативы, возложенные на него Абдул-Баха в Его Завещании, могли лишь облегчить выполнение задач Всемирного Дома по крайней мере на тысячу лет. Шоги Эффенди называл Всемирный Дом Справедливости "зачатком и предвестником Нового Миропорядка"; он говорил, что "будущий Дом" станет Домом, на который "потомки станут взирать как на последнее прибежище среди обломков цивилизации"; что ему предназначено быть "последним звеном, венчающим строение изначального Миропорядка Бахауллы"; Всемирный Дом Справедливости должен был стать "высшим законодательным органом в административной иерархии Веры" и ее "высшим избирательным институтом". Хранитель утверждал: "На Доверенных Дома Справедливости" Бахаулла "возлагал обязанность издавать законы по вопросам, прямо не выраженным в Его Писаниях, и обещал, что "Господь ниспослет им потребное вдохновение". Он писал также, что "... власть и прерогативы Всемирного Дома Справедливости, обладающего исключительным правом издавать законы по вопросам, недостаточно четко обозначенным в Пресвятой Книге; положение, освобождающее его членов от какой бы то ни было ответственности по отношению к тем, кого они представляют, и от обязанности согласовывать с ними свои взгляды, убеждения и чувства; специфические положения, в соответствии с которыми масса верующих должна свободно,

демократическим путем избирать Орган, представляющий единственный законодательный институт в мировой Общине Бахаи, - таковы некоторые из черт, в своей совокупности отличающие Порядок, отождествляемый с Откровением Бахауллы, от всех прочих существующих ныне систем человеческого правления".

Совершенно неожиданно - дело было в Швейцарии в ноябре 1950 года, когда мой отец, как выразился Шоги Эффенди, "чудодейственно" излечился от тяжелого недуга, - Хранитель, к моему немалому изумлению, отправил несколько телеграмм, в которых приглашал приехать в Хайфу первую группу тех, кто позднее стал членами Международного Совета Бахаи. Как и всему, что он делал, этому поступку предшествовала забрезжившая в потемках мысль, которая в конце концов, подобно яркому светилу новой идеи, поднималась над горизонтом. После нашего возвращения в Святую Землю, когда прибывший первым Лотфулла Хаким, Джесси и Этель Ривелл, а также Амелия Коллинз и Мейсон Рими собрались за столом в Доме паломников Запада вместе с Глэдис Уиден и ее мужем Бэном, которые уже жили там, Хранитель возвестил нам о своем намерении создать на основе нашей группы Международный Совет, и все мы были потрясены беспрецедентной смелостью этого шага и тем, какой бесконечной благодатью оделял он всех присутствующих, равно как и весь мир Бахаи в целом. Тем не менее лишь 9 января 1951 года он оповестил об этом событии в своей исторической телеграмме: "Известите Национальные Собрания на Востоке Западе великом эпохальном решении формировании первого Международного Совета Бахаи предшественника высшего административного учреждения предназначенного возникнуть в конце времен в пределах под сенью Всемирного Духовного Ценра Веры уже существующего городах близнецах Акке Хайфе".

Исполнение пророчеств Бахауллы и Абдул-Баха, образование независимого израильского государства после истечения двухлетнего срока, развертывание исторического предприятия, связанного с возведением надстройки Усыпальницы Баба, наконец, достигшие полной зрелости девять в полную силу функционирующих Национальных Собрания - все это вместе взятое подтолкнуло Хранителя к принятию исторического решения, ставшего поистине краеугольным камнем в развитии Административного Порядка за тридцать лет. В продолжении той же телеграммы Шоги Эффенди говорит о том, что новое учреждение имеет тройную функцию: укреплять связи с властями недавно возникшего государства, помогать ему в строительстве Усыпальницы (поскольку лишь аркада была к тому времени завершена) и вести переговоры с гражданскими властями по вопросам, касающимся статуса личности. Впоследствии к этим функциям добавятся и другие, произойдет это тогда, когда "первое, зачаточное Международное Учреждение", поднявшись до уровня официально признанного Суда Бахаи, преобразуется в избирательный орган и достигнет конечного развития в форме Всемирного Дома Справедливости; Дом Справедливости, в свою очередь, обрастет вспомогательными учреждениями, в совокупности составляющими Всемирный Административный Центр. Послание это, столь волнующее по своему размаху, прозвучало над миром Бахаи подобно раскату грома. Как искушенный инженер, постепенно, по частям собирающий свою машину, Шоги Эффенди теперь укрепил раму, которой суждено было своевременно поддерживать последнее, венчающее звено - Всемирный Дом Справедливости.

Четырнадцать месяцев спустя, 8 марта 1952 года, в пространной телеграмме, обращенной к миру Бахаи, Шоги Эффенди возвестил о расширении Международного Совета Бахаи: "Состав членом включает отныне Амануэль-Баха Рухийа избранного осуществления связи между мной и Советом. Десницы Дела Мейсон Рими, Амелия Коллинз, Уго Джакери, Лирой Айоас соответственно назначаются президентом, вице-президентом, освобожденным членом, генеральным секретарем. Джесси Ривелл, Этель Ривелл, Лотфулла Хаким казначеем, западным и восточными секретарями-ассистентами". Изначальный состав членом был изменен вследствие отъезда мистера и миссис Уиден в связи со здоровьем, прибытием мистера Айоаса, предложившего свои услуги Хранителю,

и включением в состав Совета доктора Джакери, который продолжал оставаться в Италии и наблюдал за сооружением Усыпальницы - буквально каждый камень ее добывался в карьерах этой страны, там же подвергался обработке и затем по морю отправлялся в Хайфу, золотые же плитки для кровли были заказаны в Голландии, - а также действовал как представитель и доверенное лицо Шоги Эффенди, заказывая и приобретая многие другие предметы, которые требовались в Святой Земле. В мае 1955 года Хранитель оповестил, что число членов Совета увеличивается до девяти человек за счет включения Сильвии Айовас. По своим функциям Международный Совет Бахи был схож с Секретариатом, который Хранитель хотел учредить еще много лет назад; члены Совета получали наставления непосредственно от самого Шоги Эффенди в неофициальной обстановке за столом Дома паломников, а вовсе не как члены какой-то формальной организации; собрания проводились нечасто, поскольку все без исключения члены были постоянно заняты исполнением многочисленных дел, которые поручал им Хранитель. Шоги Эффенди искусно использовал новое учреждение для того, чтобы создать в представлении правительства и городских властей образ международного органа, управляющего административными делами Всемирного Центра. Общественность не беспокоило, какой реальной властью обладает Совет; мы, составлявшие его, знали, что буквально за всем стоит Шоги Эффенди; общественность же тем не менее начинала прозревать в Совете нечто, что со временем могло развиваться во Всемирный Дом Справедливости.

Между первым и вторым обращениями, в которых Шоги Эффенди информировал мир бахаи о создании и членах Международного Совета Бахаи, он предпринял еще один фундаментальный шаг в историческом развитии Всемирного Центра Веры - 24 декабря 1951 года Хранитель официально объявил о назначении первых Десниц Дела Божия, числом двенадцать человек, равномерно распределенных между Святой Землей, Азией, Америкой и Европой. Вот имена людей, возведенных Хранителем в столь высокий чин: Сазерленд Максвелл, Мейсон Рими и Амелия Коллинз, представлявшие Десницы Дела Божия в Святой Земле; Валиулла Варка, Таразулла Самандари и Али Акбар Фурутан в Азии; Хорас Холли, Дороти Бейкер и Лирой Айоас в Америке; Джордж Таунсенд, Германн Гроссман и Уго Джакери в Европе. Два месяца спустя, 29 февраля 1952 года, Хранитель возвестил друзьям на Востоке и Западе об увеличении числа Десниц Дела Божия до девятнадцати, добавив к ним канадского представителя Фреда Шопфлехера, американку Коринну Тру, представителей Персии Зикруллу Кадема и Шуаулла Алаи, Адельберта Мюльшлегеля в Германии, Мусу Банани в Африке и Клару Данн в Австралии. Дважды назначив Десницы Дела Божия, Шоги Эффенди дал понять, что для него ныне пробил час прибегнуть к подобному шагу в соответствии с предвидениями Абдул-Баха в Его Завещании и что это - процесс, параллельный предварительному формированию Международного Совета Бахаи, предназначенного увенчаться образованием Всемирного Дома Справедливости. Он объявил также, что на возвышенный институт Десниц в соответствии с Завещанием Абдул-Баха возлагается священная двойная функция - распространять Веру и хранить ее единство.

В последнем послании Шоги Эффенди миру Бахаи в октябре 1957 года он возвестил о том, что назначает "новые Десницы Дела Божия... Девять новооблеченных этим возвышающим чином: Инек Олинга, Уильям Сирс и Джон Робартс на западе и юге Африки; Хасан Бальюзи и Джон Ферраби в Великобритании; Коллис Фезерстоун и Рахматулла Мухаджир на островах Тихого океана; и, наконец, Аб уль-Касим Фаизи на Аравийском полуострове - избраны из обитателей четырех континентов земного шара и, представляя Ростки, принадлежат равно к черной и белой расе и происходят из христианской, мусульманской, еврейской и языческой среды".

За двухмесячный период 1952 года Хранитель созда Вахид - девятнадцать Десниц Дела и сохранял это число вплоть до 1957 года, когда прибавил к ним еще восемь, таким образом доведя общее число до трижды превышающего девять. После кончины одной из

девятнадцати Десниц Шоги Эффенди назначил нового члена. Двое из назначенных так Десниц заняли места своих отцов: "плащ" отца лег на мои плечи 26 марта 1952 года после смерти Сазерленда Максвелла; Али Мухаммад Варка наследовал своему отцу 15 ноября 1955 года и тоже стал Доверенным Хукука. После того как Дороти Бейкер погибла в результате несчастного случая, Пол Хейни был назначен новой Десницей Дела 19 марта 1954, а вслед за кончиной Фреда Шопфлехера - Джалал Хазе был возведен в этот чин 7 декабря 1953: вскоре после смерти Джона Таунсенда, 27 марта 1957 года, Хранитель назначил новой Десницей Агнессу Александр; таким образом, число девятнадцать сохранялось до третьего назначения Десниц, возведенном в последнем великом обращении Шоги Эффенди посреди Всемирного Крестового Похода.

В промежутке между 9 января 1951 года и 8 марта 1952 года в Административном Порядке Веры в ее Всемирном Центре произошли замечательные, имевшие далеко идущие последствия - последствия, которые, как писал Шоги Эффенди, на много лет вперед означали возведение "структуры ее высших институтов", "высших Органов ее развивающегося Порядка", которые, пока пребывая "в зачаточном состоянии" складываются вокруг Святых Гробниц. В своих писаниях он указывает верующим, что прогресс и становление Миропорядка Бахауллы руководствовался духовной энергией, высвобожденной тремя могучими "хартиями", которые привели в движение три различных процесса - первый, заключенный в "Скрижали горы Кармель" Самого Бахауллы, два другие, вышедшие из-под пера Учителя, представлены соответственно в Его Завещании и Его "Скрижали о Божественном Предначертании". Первый действовал на земле, которая, по словам Шоги Эффенди, "является географическим, административным, духовным сердцем всей планеты", на "Святой Земле - Средоточии и Стержне, вокруг которого вращаются предначертанные свыше, неуклонно множющиеся учреждения всемирной искупительной Веры", на "Святой Земле - Кибле мировой общины, сердце, непрестанно струящем могучие силы животворящей Веры, центральной точке, вокруг которой разворачивается разнообразная деятельность предустановленного свыше Административного Порядка". Основным зерном "Скрижали горы Кармель" были слова Бахауллы о том, что "отныне Господь ниспошлет Свой Ковчег вам и явит людей Бахаи, упомянутых в Книге Имен"; под "людьми Баха", пояснял Шоги Эффенди, следует разуметь членов Всемирного Дома Справедливости.

Тогда как Завещание Учителя оказывало влияние на весь мир благодаря возведению административных учреждений, которые Он так ясно обрисовал в Своей Хартии, а Его "Скрижаль о Божественном Предначертании" подразумевала духовное завоевание планеты путем распространения учения Бахауллы и - соответственно - рассматривала весь земной шар как поле сражения, - "Скрижаль горы Кармель" озаряет своей благодатью непосредственно гору Кармель, это "Святое Место", которое, как писал Шоги Эффенди, "под сенью крыл Усыпальницы Баба... пребудет главным Средоточием и Центром тех перевернувших мир, объяввших его своей сетью и направляющих его административных учреждений, заповеданных Бахауллой и предсказанных Абдул-Баха, которые должны действовать в согласии с принципами, управляющими родственными институтами Хранительства и Всемирного Дома Справедливости".

Значение "ширящейся славы" этих учреждений, о которой так часто писал Шоги Эффенди в посланиях, с которыми обращался к единоверцам в последний год своей жизни, подвигло Джорджа Таунсенда написать ему 14 января 1952 года в письме, где он Благодарит Хранителя за возведение его в чин Десницы Дела: "Разрешите мне обратиться к Вам со скромными словами восхищения и благодарности за видение близящегося Торжества Божия, которое, исключительно благодаря Вашим заслугам, воочию предстало изумленному миру Бахаи".

В своих последних письмах Шоги эффенди раскрывал как положение, так и некоторые функции новоучрежденного органа Десниц. Он приветствовал постепенное развертывание в "начальные годы" второй эпохи Века Строительства этого "величественного

учреждения", которое Сам Бахаулла не только предвидел, но некоторых членов которого Он успел Сам назначить еще при жизни, и которое Абдул-Баха формально учредил в Своем Завещании. Помимо поддержки, которую Десницы Дела уже оказали Хранителю в Святой Земле при сооружении Усыпальницы Баба, укрепляя связи с израильским государством, расширяя масштабы международных вложений в Святой Земле и осуществляя предварительные меры по учреждению Всемирного Центра Бахаи, они также приняли участие в четырех крупных Межконтинентальных миссионерских конференциях, состоявшихся в течение Святого Года с октября 1952 по октябрь 1953 года, на которых они представляли Хранителя Веры и после которых - по его просьбе - объездили всю Северную, Южную и Центральную Америку, побывали в Европе, Азии и Австралии. В апреле 1954 года Шоги Эффенди заявили о том, что этот орган вступил во вторую фазу своего развития, знаменуемую укреплением связей между ним и Национальными Духовными Собраними, занятыми выполнением Десятилетнего Плана; пятнадцать Десниц, находившихся за пределами Святой Земли, должны были в период Ризвана, каждый на своем континенте, назначить из числа верующих Вспомогательные Органы, членам которых предписывалось действовать в качестве "депутатов", "помощников" и "советников" при Десницах и оказывать им все большую помощь в проведении Десятилетнего Крестового Похода. Эти органы должны были состоять из девяти членов в Америке, Европе и Африке, семи - в Азии и двух - в Австралии. Они несли прямую ответственность перед Десницами за деятельность, проводимую на соответствующих континентах; Десницы, со своей стороны, обязаны были поддерживать тесные контакты с Национальными Собраними своих регионов и информировать их о деятельности находящихся в их ведении вспомогательных органов; кроме того в их обязанности входило поддерживать тесную связь с Десницами Дела, находящимися в Святой Земле, которые действовали как связующее звено между ними и Хранителем. Как раз в это время Шоги Эффенди учредил Континентальные фонды Бахаи для обеспечения работы Десниц и сам внес первый взнос в каждый из них в размере тысячи фунтов.

Год спустя Шоги Эффенди поручил тринадцати Десницам Дела участвовать от его лица в тринадцати Съездах, намеченных на 1957 год для избрания новых Национальных Собраний; с момента, когда он официально назначил Десницы, до самой смерти Хранитель неизменно продолжал использовать их для этой цели. В 1957 году, ровно за четыре месяца до своей кончины, Шоги Эффенди в пространном телеграфном послании оповещает верующих о том, что "победоносное завершение ряда исторических мероприятий" и "свидетельства растущей враждебности извне", а также "настойчивые махинации внутри Движения" и предвидение "страшных столкновений приуроченных сплотить Воинство Света борьбе светскими и церковными силами тьмы" неизбежно требует еще более тесного сотрудничества между Десницами всех пяти континентов и Национальными Собраними, чтобы совместными усилиями раскрыть "бесчестные действия внешних врагов принятием мудрых эффективных мер противостоять их предательским замыслам" и защитить массы верующих, предотвратив распространение пагубного влияния этих злых сил. В начале телеграммы Шоги Эффенди подчеркивает, что Десницы помимо новых обязанностей по присутствию на Национальных Духовных Собраниях в процессе осуществления Всемирного Духовного Похода должны отныне исполнять свою "первостепенную обязанность" - наблюдать за жизнью Всемирной общины бахаи и отстаивать ее интересы в тесном сотрудничестве с Национальными Собраними. Свое величественное послание он завершает такими словами: "Призываю Десницы Национальные Собрании каждом континенте отныне самостоятельно установить прямой контакт по возможности часто получать отчеты соответствующих Вспомогательных Национальных Комитетов осуществлять недремлющее наблюдение решительного исполнения неуклонно священных обязанностей. Обеспечить сохранение драгоценного духовного здоровья Веры общинах Бахаи жизнненности веры отдельных членов правильное функционирование ее кропотливо обустроенных учреждений

плодотворное всеохватное развитие ее предприятий исполнение ее конечной цели все прямо зависящее достойного исполнения нелегкой ответственности возложенной следующего чином Хранителя первым предопределенной свыше административной иерархии Миропорядка Бахауллы".

Последнее крупное послание в жизни Шоги Эффенди - датированное октябрём, но фактически разработанное еще в августе, - вновь подчеркивает важность и значение института Десниц Дела. В нем Шоги Эффенди не только назначает последний контингент Десниц, но и предпринимает в высшей степени значительный шаг, учреждая Вспомогательные Комитеты на каждом континенте: "Это позднейшее увеличение группы высокопоставленных служителей стремительно развивающегося Всемирного Административного Порядка, включая дальнейшее расширение высокого института Десниц Дела Божия, требует, ввиду недавнего принятия ими священной обязанности защитников Веры, того, чтобы Десницы назначали на каждом континенте соответственно Вспомогательные Комитеты, равные по числу членов уже существующим и исполняющие особую функцию - наблюдения за безопасностью Веры, таким образом дополняя деятельность своих предшественников и соратников, чей долг отныне должен состоять исключительно в исполнении Десятилетнего Плана".

Практически невозможно себе представить, в каком положении оказался бы мир Бахаи после смерти Шоги Эффенди, не позаботясь он своевременно о Десницах Дела и не обяжи Национальные Собрания тесно сотрудничать с Десницами в исполнении первостепенной обязанности - защиты интересов Веры. И разве не различимо в этих последних посланиях темное облачко на горизонте, размером с ладонь?

Завещание Учителя недвусмысленно давало Шоги Эффенди полное право, обязывало его назначать Десницы Дела. В первые тридцать лет своего служения - за единственным исключением - он возводил людей в чин Десниц лишь посмертно. Это была высшая честь, какой мог удостоиться верующий при жизни или после смерти, и Шоги Эффенди удостоивал звания Десниц многих бахаи на Востоке и Западе уже после их кончины; наиболее выдающейся среди них была Марта Рут, которую Хранитель охарактеризовал как возвышеннейшую из Десниц, появившихся на протяжении первого века Веры с начала Века Строительства. Исключением же стала Амелия Коллинз. Хранитель телеграфировал ей 22 ноября 1946 года: "Ваши великие заслуги международном служении исключительная набожность и последние ваши достижения побудили меня возвести вас в чин Десницы Дела Бахауллы. Вы первая кто удостоен этой чести прижизненно. Время оглашения предоставьте на мое усмотрение". Обычно Шоги Эффенди извещал возводимого в чин Десницы одновременно с публичным оглашением своего решения. Троице из них - Фреду Шопфлюхеру и Мусе Банани, которые были на паломничестве в Хайфе, когда Хранитель оповещал верующих о своем решении, - и мне он сообщил о возведении в чин лично. Не стану и пытаться описывать те чувства изумления, собственной недостойности и почти чуда, которые переполняли сердца избранников. Каждый словно оказывался во власти благодатного потока еще большей любви и еще большей преданности Хранителю.

Создание Места, могущего стать, по выражению Шоги Эффенди, "центральным средоточием" могущественнейшего из институтов Веры, потребовало долгих лет подготовительной работы, включая отлаживание механизма Административного Порядка и возведение надстройки Усыпальницы Баба, а также общее укрепление Всемирного Центра. Место это представляло из себя не что иное, как место упокоения матери, сестры и брата Абдул-Баха, тех, по словам Шоги Эффенди, "трех несравненно драгоценных душ", которые "вслед за тремя Основными Героями нашей Веры возвышаются над множеством Письмен, мучеников, десниц, миссионеров и учредителей Дела Бахауллы".

Давним желанием Пресвятого Листа было, подобно своему брату, Махди, покоиться рядом с матерью, погребенной в Акке. Но когда Бахия-ханум скончалась в 1932 году тело ее было подобающим образом предано земле на горе Кармель, рядом с

Усыпальницей Баба. Шоги Эффенди явилась мысль перенести останки ее матери и брата, столь недостойно похороненных в Акке, в непосредственную близость к ее могиле, и в 1939 году он заказал в Италии два мраморных памятника, по стилю напоминающих тот, что высился над ее могилой. К счастью, оба памятника прибыли в Хайфу в целостности и сохранности, несмотря на войну. Однако "конечное осуществление этой столь долго лелеемой в глубине сердца надежды" оказалось далеко не простой задачей. Прочитав выдержку из собственного опубликованного отчета об этих событиях, поскольку я, разумеется, находилась в то время в Хайфе: "Пока могилы готовили, высекая их в скале, Хранитель узнал, что нарушители Завета протестуют против права бахаи на перенесение праха матери и брата Абдул-Баха на новое место, хотя и опасаются заявить властям о своих так называемых притязаниях на погребение на правах родственников. Тем не менее как только гражданские власти получили истинное представление о положении вещей, а именно о том, что эти же самые родственники были заклятыми врагами Учителя и Его семьи, что они предали Дело Бахауллы во имя своекорыстных интересов и что Сам Абдул-Баха открыто обличает их в Своем Завещании, - они поддержали план Хранителя и немедленно подготовили необходимые бумаги для эксгумации останков. Опасаясь возможных дальнейших проволок, Шоги Эффенди сам два дня спустя перевез останки Пресвятой Ветви и ее матери на гору Кармель".

На рассвете в сопровождении нескольких верующих Шоги Эффенди отправился в Акку, вскрыл одну могилу за другой и привез останки в Хайфу. Позднее он сам рассказывал мне об этом; для него самого во всех отношениях это было испытание близкое к нервному шоку. Во-первых, существовала вполне реальная опасность того, что нарушители Завета решатся вместе с частью своих сторонников явиться на кладбище и силой помешать осуществлению задуманного; в этом отношении они могли рассчитывать на симпатии мусульман, считающих вскрытие могил величайшим святотатством, и действительно в некоторых случаях эксгумация может превратиться в величайшее надругательство. Кроме того - стоять рядом с могилой, которую раскапывают на твоих глазах - дерзкое предприятие, тем более можно себе представить, каким испытанием это было для чувствительной натуры Шоги Эффенди! Когда сняли слой земли, лежавшей на гробе матери Учителя, он увидел, что дерево практически не повреждено за исключением нескольких мест сверху, после чего он приказал осторожно снять крышку. Хранитель сказал, что тело, завернутое в саван, лежало так, словно можно было различить живые черты, но рассыпалось в прах при первом же прикосновении. Тогда он спустился в могилу и собственными руками помог перенести кости и прах в новый, специально подготовленный гроб; потом гроб закрыли, погрузили в ожидавшую рядом машину и проехали на второе арабское кладбище, где была похоронена Пречистая Ветвь, и открыли ее могилу. Поскольку она была похоронена на двадцать лет раньше и захоронение производилось поспешно - Бахаулла находился в заключении и под строгим надзором в казармах Акки - гроб рассыпался полностью, и Шоги Эффенди вновь сам подобрал кости и несколько горстей праха и вновь сам положил их во второй, ожидавший своей очереди гроб. И хотя в целом все закончилось успешно, прежде чем вернуться в Хайфу, Шоги Эффенди пришлось пережить несколько часов тяжелейшего нервного напряжения. Я снова процитирую свои записи тех дней, потому что в них - куда более яркая картина произошедшего, чем то, что подсказывает мне память много лет спустя: "Сумерки окутали гору Кармель, и покровы тьмы сгустились над заливом Акки. Группа людей собралась в ожидании на ступенях возле ворот. Неожиданно люди приходят в волнение, садовник торопится включить освещение у входа, и в полосах яркого белого света появляется процессия. Человек в черном поддерживает плечом тяжелый край гроба. Это - Хранитель Дела, и он несет смертные останки Пречистой Ветви, возлюбленного сына Бахауллы. Медленно он и его спутники поднимаются по узкой дорожке и в молчании приближаются к дому, рядом с которым покоится Пресвятой Лист. Преданный слуга торопливо проходит вперед с ковром и светильником из Святой Усыпальницы и быстро

подготавливает залу. Благородное, волевое лицо Хранителя появляется в дверном проеме, драгоценный груз по-прежнему опирается о его плечо, затем гроб на время оставляют в скромной комнате, окна которой обращены к Бахджи - Кибле Веры. И вновь те же преданные слуги, ведомые своим Хранителем, возвращаются к воротам и вновь поднимаются по тропинке с другой священной ношей - телом жены Бахауллы, матери Учителя".

5 декабря, к моменту, когда эта непростая задача была благополучно выполнена, американское Собрание получило от Шоги Эффенди следующую телеграмму: "Блаженны останки Пречистой Ветви и матери Учителя благополучно перенесены освященные окрестности Усыпальницы горе Кармель. Длившимся долгие годы унижением решительно покончено. Интриги нарушителей Завета целью сорвать планы потерпели поражение. Заветное желание Пресвятого Листа исполнилось. Сестра брат мать жена Абдул-Баха соединились вместе предназначено образовать средоточие Административных Институтов Бахаи Всемирном Центре Веры. Донесите радостную весть всех американских верующих. Шоги Раббани". Полная подпись Хранителя требовалась, поскольку шла война и вся корреспонденция проходила цензуру.

Утонченный вкус и чувство гармонии, присущие всему, что делал Хранитель, в полной мере нашли отражение в мраморных памятниках, которые он воздвиг на могилах четырех близких родственников Абдул-Баха. Спроектированные в Италии по указаниям самого Шоги Эффенди и выполненные там же в белом каррарском мраморе, они были морем доставлены в Хайфу и установлены на заранее отведенных местах на протяжении десяти лет - с 1932 по 1942 год; вокруг них Хранитель разбил прекрасные сады, которые мы обычно называли "Сады Памятников" и которые он собирался превратить в центральную ось той арки на горе Кармель, вокруг которой в будущем объединятся Международные Институты Веры.

Три недели драгоценные останки лежали в комнате, о которой я рассказывала, а 26 декабря Шоги Эффенди телеграфировал: "Накануне Рождества возлюбленные останки Пречистой Ветви и матери Учителя были выставлены для торжественного прощания в Святой Усыпальнице Баба. На Рождество они были преданы священной земле горы Кармель. Присутствие церемонии ближневосточных верующих глубоко трогательно. Подобающе посвятить грандиозный Семилетний План американской общины вечной памяти этих двух святых душ которые вслед за Основателем Веры и Совершенным Образцом возвышаются вместе с Пресвятым Листом над всем сонмом верующих. Примите моего имени почетный вклад тысячу фунтов фонд Бахийи-ханум предназначенного для заключения следующем апреле окончательного контракта завершающей стадии возведения Машрик уль-Азкара. Не медлите воспользоваться бесценной возможностью обетованной помощи свыше".

Талант Хранителя - делать все с достоинством, подобающим образом, всегда верно следуя примеру своего возлюбленного деда, наилучшим образом проявился в тех почестях, которыми сопровождалось упокоение двух святых душ, столь любимых и Бахауллой и Абдул-Баха. Вообще все это событие настолько уникально в истории религии, что я чувствую настоятельную потребность рассказать здесь о нем как можно более полно. И вновь хочу привести отрывок из уже цитированной выше статьи: "Уложен последний камень двух склепов, полы выложены мрамором, дощечки с именами установлены в головах, земля выровнена, к месту их последнего упокоения ведут две дорожки... И вот вновь Хранитель несет их, чтобы выставить для торжественного прощания в Святой Гробнице Баба. Бок о бок, в неземном величии, лежат они у святого порога лицом к Бахджи, горят свечи, поставленные в изголовье гробов, верки положены в изножье... Следующим вечером, когда садилось солнце, мы вновь собрались в Святой Усыпальнице... Медленно, на руках верующих, которых ведет за собой Шоги Эффенди, ни на минуту не оставляющий свою драгоценную ношу... Вот они обошли вокруг Усыпальниц, и гроб возлюбленного Махди, который несет Хранитель, а вслед за ним гроб

матери Учителя медленно проплывают мимо нас. Вокруг Усыпальницы, через освещенный сад, вниз по белой дорожке и дальше - по залитой лунным светом дороге следует эта торжественная процессия. Высоко, так, словно неведомая сила несет их по воздуху, над головами идущих следом, гробы движутся по предназначенному пути... Вот они проплывают перед нами, отчетливо видные на фоне ночного неба... Они приближаются, Хранитель почти касается щекой своей драгоценной ноши. Они движутся вперед, к склепам. Близок миг, когда Пречистая Ветвь обретет покой. Шоги Эффенди первым ступает на расстеленный на полу ковер и мягким движением опускает гроб на предназначенное место. Он сам кладет на него цветы, ласково проводит рукой. Затем, точно так же, Хранитель ставит гроб матери Учителя в соседнем склепе... Подходят каменщики, чтобы заложить вход в гробницы... Склепы усыпаны цветами, и Хранитель окропляет их розовым маслом... И вот звучит голос Шоги Эффенди, он поет Скрижали, явленные Бахауллой и предназначенные Им для чтения над могилами усопших".

Если вспомнить, что все эти события, столь деликатные по своей природе, столь волнующие, столь надрывные, происходили не менее, чем через два месяца после того как Хранитель оправился от тяжелейшего недуга, приковавшего его к постели, мы можем лишь вновь поразиться пафосу, которым была проникнута вся его жизнь, его нестигаемой решительности, мужеству и благочестию, которое вдохновляло его во всем.

В конце концов Шоги Эффенди, ведомый властной силою свыше, достиг своей цели и учредил "центральное Средоточие". Но только четырнадцать лет спустя он смог оповестить мир Бахаи о том, что намерен предпринять шаг, который "знаменует учреждение Всемирного Административного Центра Веры на горе Кармель - Арки, о которой говорит Бахаулла в заключительных строках Своей "Скрижали о горе Кармель". Шаг этот был - возведение здания Международных Архивов.

Еще в самом начале тридцатых годов, вскоре после завершения работ, связанных с постройкой трех дополнительных залов Усыпальницы Баба, Шоги Эффенди открыл во Всемирном Центре Архивы, временно размещенные в них и включавшие, прежде всего, драгоценные реликвии Бахауллы и Абдул-Баха, которыми уже владела семья Учителя и многие из старых верующих, живших в Палестине. Посещение Архивов было всегда глубоко волнующим. "Если бы кому-то довелось пройти по залам музеев, в которых собраны подлинные реликвии, сохранившие память о днях жизни Христа, - писала я в 1937 году, побывав там, - то какие бы чувства охватили христианина? Если бы он смог увидеть Его сандалии, на которых сохранилась пыль дорог Вифлеема и Иерусалима, или плащ, облекавший Его плечи... или кусок холста, прикрывавший Его голову от солнца - какое чудесное, благоговейное вдохновение снизошло бы на последователей Его Веры! Если бы его глазам представилась хотя бы строка, начертанная Его рукой... Для большинства людей в мире все это лежит за пределами воображения; но бахаи, верующие в новейшее Явление Воли Божией на этой планете, удостоились такой неординарной привилегии".

Когда бахаи узнали больше об этих Архивах и о паломниках, все большее число которых посещало их, когда они увидели, как бережно хранятся исторические материалы и святыни, как красиво они оформлены, каким почетом окружены - они начали присылать из Персии поистине бесценные предметы, связанные с тремя Главными Героями Веры и с ее мучениками. Среди этих, всегда с готовностью принимаемых поступлений были предметы, принадлежавшие Бабу, подаренные Ростками, которые чрезвычайно обогатили собрание. Оно выросло до таких размеров, что позднее небольшой дом, где находились перед перезахоронением останки Пречистой Ветви и его матери, Хранитель превратил в дополнительные Архивы, и для удобства их стали называть "Большими" и "Малыми", а также "новыми" или "старыми" Архивами.

В 1954 году, во время первых лет Всемирного Похода, Шоги Эффенди решил приступить к строительству "первого из главных зданий, предназначенных составить основу Всемирного Административного Центра Бахаи на горе Кармель". Его выбор пал на

здание, которое он считал одновременно срочно необходимым и доступным, а именно, постройки, которая могла бы вместить святыни и исторические реликвии, собранные в Святой Земле, которые к тому времени были размещены разрозно в шести комнатах двух отдельных домов. К Новрузу 1954 года началась закладка фундамента. Выбирая первоначальный проект для важных построек, Шоги Эффенди руководствовался тремя вещами: здание должно быть красивым, иметь величественный вид и непреходящую художественную ценность, а не подражать преходящей (и, с его точки зрения, уродливой) современной архитектурной моде. Он был великим поклонником древнегреческой архитектуры и считал афинский Парфенон одним из красивейших зданий на земле; в данном случае он тоже ориентировался на пропорции Парфенона, единственно изменив ордер капителей, предпочтя ионический дорическому. После того как в окончательный проект были внесены его многочисленные поправки, Шоги Эффенди утвердил его, и постройка здания, которое он называл "впечатляющим и поразительно красивым" завершилась в 1957 году. Строимость строительства составила примерно четверть миллиона долларов; так же, как и Усыпальница баба, здание заказали в Италии, где полностью были изготовлены составляющие его блоки, затем на корабле перевезенные в Хайфу; все каменные части были пронумерованы, мало того - составлены подробные схемы, указывающие место установки каждой, что значительно облегчило и упростило процесс. Если не считать фундаментов и железобетонных панелей для пола, стен и потолка, можно с полным правом сказать, что здание целиком было создано за границей, а затем уже собрано на месте.

Никакое другое из предпринятых Шоги Эффенди начинаний не демонстрирует так ясно его оригинальность, полную независимость от посторонних взглядов и суждений, его решимость и необычайную скрупулезность. Сначала он долго выверял по протянутым на земле веревкам, обозначавшим размеры здания, какое именно положение оно будет занимать, и бился до тех пор, пока не достиг желательного результата; потом он приступил к благоустройству окружающего участка - прокладывал дорожки, сажал деревья, разбивал лужайки. После чего он уведомил Лироя Айюаса, которому было поручено наблюдение за работами в Хайфе (аналогично этому Уго Джакери наблюдал за проведением работ в Италии), что строительство должно начаться с задней части здания, так, чтобы его фронтон вписался в уже окружающие его сады, причем практически вся его длина с трех стороны была вымерена с точностью до плюс-минус пяти метров! В результате здание росло метр за метром, окруженное уже вполне разросшимися пышными садами, а когда оно было закончено, вокруг лежал не пустырь, как это обычно бывает, и создавалось впечатление, что оно стоит здесь уже годы. Невозможно не различить за всем этим руку Провидения, устроившего все так, что Хранитель с его безупречным вкусом, его совершенным чувством гармонии руководил постройкой от начала до конца и успел завершить ее до своей кончины. И действительно, приготовления были столь всеобъемлющи, что когда пришло время размещать в Архивах мебель в *objets d'art* он сам приобрел ее и обставил залы, практически все необходимое было под рукой, а исторические реликвии, которые он с таким тщанием собирал в Большом и Малом Архивах, с легкостью находили каждая свое место, уже предусмотренное Хранителем.

В последнем Послании к Ризвану, в котором Шоги Эффенди обратился ко всему миру Бахаи, ясно отражается его удовлетворение зданием Архивов - творением его рук; объявив о его завершении, Хранитель пишет о том, что оно "благодаря своей живописности, классическому стилю и изящным пропорциям, вкупе с величественным златоглавым Мавзолеем, высящимся за ним, в огромной степени способствует прославлению центральных институтов Мировой Веры, свившей свое гнездо в лоне священной Горы Божией".

В послании от 27 ноября 1954 года, адресованном миру Бахаи и вновь приуроченном к годовщине кончины возлюбленного Учителя, Шоги Эффенди подробно говорит о значении этого здания, делая акцент на том, что теперь, когда долгожданное приобретение

необходимого участка земли свершилось, стало возможным приступить к возведению Международных Архивов Бахаи. "Возведение этого Здания, - продолжает он, - в свою очередь, предвещает, в течение последующих эпох Века Строительства Веры, сооружение других строений, которые послужат административными центрами таких ниспосланных свыше институтов, как институт Хранительства, Десницы Дела и Всемирный Дом Справедливости. Эти Здания в форме широко раскинувшейся арки, гармонизируя друг с другом по архитектурному стилю, окружают места последнего упокоения Пресвятого Листа, самой выдающейся женщины в рядах последователей Откровения Бахаи, ее брата, которого Бахаулла принес в жертву во имя ускорения движения мира на пути к его конечному единству, и их матери, которую Он провозгласил Своей избранной "спутницей во всех мирах Божиих". Полное завершение этого удивительного предприятия знаменует собою кульминацию развития всемирного предустановленного свыше Административного Порядка, чье начало уходит своими корнями в завершающие годы Героического Века Веры".

Столь великое значение придавал Шоги Эффенди этой "арке", линии которой он тщательно, пядь за пядью, выверял на земле и которая раскинулась на горе, подобно некоему огромному своду, сомкнувшемуся над местом упокоения ближайших родственников Абдул-Баха, и по правую руку от которой высятся ныне Архивы, что он писал о ее завершении в последнем Послании к Ризвану в 1957 году как о "плане, предназначенном обеспечить завершение арки, служащей основанием возведению будущих зданий, составляющих Всемирный Административный Центр Бахаи, - плане, который успешно завершён".

ХII

Становление Всемирного Центра

Непременным условием, позволившим осуществить такие великие начинания, как возведение надстройки Усыпальницы Баба, постройка Архивов и сооружение террас на горе Кармель, равно как и многие другие мероприятия, было приобретение земель в Хайфе и Бахджи; этой задаче Хранитель придавал огромное значение и старался решать ее на протяжении всех лет своего служения. До кончины он успел соорудить большие защитные валы, окружающие святейшую из всех Усыпальниц, Гробницу Бахауллы, места упокоения Баба, Абдул-Баха, Его матери, сестры и брата. Помимо этого он выбрал и распорядился приобрести участок земли на горе Кармель, где в будущем должен разместиться Храм Бахаи, возведенный на Святой Земле. Если учесть, что во времена Абдул-Баха земельные владения Бахаи на горе Кармель едва ли превышали 10,000 квадратных метров, а Шоги Эффенди к 1957 году довел эту цифру до 230,000 квадратных метров, а Бахджи, соответственно, эти показатели составят 1,000 квадратных метров в 1921 году и 257,000 квадратных метров в 1957-ом, то мы получим представление о его достижениях только в одной этой области. Благодаря щедрости отдельных бахаи, благодаря их даяниям, благодаря тому, что они всегда откликнулись на его призывы в критическую минуту, благодаря использованию фондов Всемирного Центра, Шоги Эффенди смог осуществить приобретения в подобных масштабах и совершенно преобразил положение Веры в ее Всемирном Центре.

В мае 1931 года Хранитель телеграфировал Национальным Собраниям Бахаи Соединенных Штатов и Канады: "Американское Собрание узаконено как религиозный орган в Палестине американские верующие получили право владения собственностью. Уведомьте почтой получения ими документов подтверждающих право собственности. Престиж Веры чрезвычайно возрос ее основания упрочились с любовью". Это был первый шаг в основании палестинских, а впоследствии - израильских, филиалов некоторых Национальных Собраний и регистрации на их имя собственности в Святой Земле. Хотя право распоряжаться этой собственностью целиком было сосредоточено во Всемирном Центре, эта акция необычайно повысила престиж Веры, ее Святыни укрепились, ее

всемирный характер яснее предстал взгляду властей, а национальные общины бахаи воодушевились и почерпнули запас новых сил. Послания Шоги Эффенди, касающиеся этой темы, чрезвычайно ясно отражают его политику и мотивы его действий: "Учрежден палестинский филиал индийского Национального Собрания. Поздравьте верующих Индии Бирмы включением их Национального Собрания первый законно учрежденный институт восточной части мира Бахаи..." "... признание выдающихся заслуг постоянно обогащающихся достижений связанных выдающейся общиной мира Бахаи организовавшей перевод значительной ценной собственности приобретенной непосредственной близости Усыпальниц горе Кармель на имя палестинского филиала американского Собрания..." "В Святой Земле будут предприняты все возможные усилия в знак уважения к величию духа, движущего австралийскими и новозеландскими верующими, а также к их непрерывным и достойным всяческой похвалы трудам... дабы ускорить перевод части международных фондов Бахаи на имя недавно учрежденного израильского филиала вашего Собрания - этот акт принесет одновременно огромную духовную и материальную пользу вашему Собранию и укрепит связи между ним и Всемирным Центром..."

Еще до своей кончины Шоги Эффенди успел основать девять подобных филиалов: американский, канадский, австралийский, новозеландский, английский, иранский, пакистанский, аляскинский, а также филиалы Национальных Собраний Индии и Бирмы. Когда Шоги Эффенди завершил строительство трех дополнительных залов Усыпальницы Баба и реставрацию Дворца Бахауллы, тем самым дав зримо, осязаемо почувствовать силу общины Бахаи, и, благодаря победам, одержанным над нарушителями Завета, продемонстрировал братинским властям, что пользуется прочной поддержкой бахаи всего мира, он вплотную приступил к задаче освобождения Святынь Бахаи от муниципальной и государственной пошлины. Было проще свободить от налогов здание, открыто служащее местом священных собраний и посещаемое паломниками, чем добиться того же в отношении постоянно увеличивавшихся земельных участков, принадлежавших Вере, большинство из которых было зарегистрировано на частных лицах. Государственные и муниципальные власти всегда с большой неохотой отазываются от источников дохода, крайне опасаясь, что прецедент может быть использован другими общинами и принесет им ощутимый ущерб. Поэтому окончательное освобождение от всех форм налогообложения, включая таможенные сборы, которого Шоги Эффенди добился для зданий и собственности Бахаи по всей стране, можно считать поистине крупным достижением. Самые важные победы в этой области были одержаны еще в дни действия британского мандата, причем правительство Израиля утвердило статус Бахаи еще до создания нового государства в 1948 году.

В первых шагах, которые Шоги Эффенди предпринял в начале тридцатых годов с целью добиться от этой формы признания, ему в большой степени помог сэр Артур Вочоуп, Верховный комиссар Палестины в этот период, который, судя по его письмам к Шоги Эффенди, был человеком великодушным, учтивым и обладавшим возвышенным строем мыслей. 26 июня 1933 года он пишет Хранителю: "Получив Ваше письмо от 21 июня, спешу выразить свою благодарность и заверить Вас, что, когда дело, о котором Вы упоминаете, будет представлено мне и потребует решения Совета, я рассмотрю его самым внимательным образом". Почти год спустя, 10 мая 1934 года, Шоги Эффенди телеграфирует в Америку: "Продолжительные переговоры палестинскими властями завершились освобождением от налогов всех земельных участков окружающих Усыпальницы горе Кармель", - и указывает, что считает этот шаг решающим для "обеспечения косвенного признания святости Всемирного Центра Веры..." В связи с этим сохранилось также еще два письма, одно из них датировано 16 мая 1934 года, в котором сэр Артур пишет Шоги Эффенди: "Надеюсь, что свобода от налогообложения поможет Вам в Вашей прекрасной работе", и письмо Шоги Эффенди к сэру Артуру, отправленное шестью днями раньше, где он заявляет: "Недавно получил от Районного комиссара в

Хайфе благодатное известие о том, что просьба об освобождении от налогов собственности Бахаи на горе Кармель была одобрена правительством". Далее он выражает от своего имени и от лица всех Бахаи глубокую благодарность Его Превосходительству за активное заинтересованное участие, принятое в этом деле, и пишет, что решение это - прямой путь к осуществлению "нашего плана постепенного благоустройства этих участков, которые к обоюдному удовольствию смогут быть использованы также и жителями города Хайфы"...

Однако, читая о счастливом, как в сказке, исходе этих событий, вряд ли можно себе представить, через что пришлось пройти Шоги Эффенди, когда он хлопотал о приобретении собственности для Всемирного Центра, сохранении ее и освобождении от налогов. В телеграмме Американскому Национальному Собранию от 28 марта 1935 года он рассказывает об одном из эпизодов, подобных которому в те дни было бесчисленное множество: "Контракт на приобретение и перевод палестинскому филиалу Американского Собрания собственности, расположенной в центральном районе Усыпальниц на горе Кармель, подписан. Четырехлетняя тяжба, потребовавшая неоднократных запросов Общины Бахаи на имя Верховного комиссара, закончилась. Владельцам требуется четыре тысячи фунтов. Половина суммы собрана. Не смогут ли американские верующие совместными усилиями внести одну тысячу фунтов до конца мая и оставшуюся часть в течение девяти месяцев. Чувствую необходимость призвать всю Американскую Общину подчинить интересы Веры в национальных масштабах срочным нуждам ее Всемирного Центра" - на что Американское Собрание через два дня ответило: Американская Община Бахаи "в едином порыве приложит все усилия дабы исполнить почетную обязанность возложенную на нее возлюбленным Хранителем".

Сколько раз Шоги Эффенди привлекал всеобщее внимание к Святой Земле, считая ее "сердцем и главным нервом Веры". Оберегать ее, способствовать ее развитию и ширить славу о ней по всему миру составляло часть первостепенных обязанностей Хранителя. Помимо официальных контактов с государственными и муниципальными властями он поддерживал дружеские отношения со многими видными и простыми людьми, не принадлежащими к Общине. Универсальный, открытый дух, столь отличавший Хранителя, полное отсутствие даже намека на предрассудки и фанатизм, ласковая обходительность, столь характерная для его натуры - все это нашло отражение в его письмах и посланиях этим людям. В первые годы своего служения он вел длительную переписку с российским великим князем Александром, которого он, как явствует из тона его писем, очень любил. Обычно он обращался к князю: "Истинный брат мой в служении Господу!", "Дорогой брат мой в любви к Господу!" Великий князь был весьма заинтересован течением "Единство Душ", и Шоги Эффенди поддерживал его в этом: "На меня производит все большее впечатление, - писал он, - поразительное сходство наших целей и принципов, и я молю Всемогущего благословить Своих слуг в их служении нуждам страждущего человечества". Великий князь в своем письме Хранителю пишет: "... Должен признаться Вам, дорогой брат и соратник, что в моем скромном труде я время от времени чувствую себя подавленным и обескураженным... власть злых сил, под гнетом которых живет большинство людей, поистине удручает". И Шоги Эффенди находит замечательный, ясный ответ: "... Уверяю Вас, мой дорогой соратник в служении Господу, что меня тоже зачастую приводит в уныние зрелище того, как мощный вал эгоистичного и грубого материализма угрожает вот-вот захлестнуть мир, но я чувствую, что, какой бы многотрудной ни была наша общая задача, мы должны упорно продвигаться к поставленной цели и постоянно и горячо молиться о том, чтобы вечный дух Божий преисполнил людские души и заставил их прозреть для служения спасению человечества. Что-то подсказывает мне, что в эти дни скорби и уныния еще большее значение следует уделять молитве и настойчивым личным усилиям..."

Шоги Эффенди поддерживал связь не только с румынской королевой Марией и со значительным числом ее родственников, но и с другими особами королевской крови

такими, как греческая принцесса Марина, позднее ставшая герцогиней Кентской, и с египетской принцессой Кадрией. Многим из них, равно как и таким выдающимся людям, как лорд Лэмингтон, многим бывшим Верховным комиссарам Палестины, ученым-ориенталистам, университетским профессорам, воспитателям и другим Шоги Эффенди посылал экземпляры последних выпусков "Бахаи Уорлд" либо один из своих недавно опубликованных переводов, вкладывая в книгу свою визитную карточку - практически единственный повод, когда он пользовался ими, по большей части употребляя их, чтобы делать заметки! И если знакомство было обоюдно почтительным, с большой долей взаимного уважения, он никогда не забывал откликнуться, когда кто-либо из его друзей переживал утрату, выражая свои "сердечные соболезнования" с связи с "великой потерей". Подобные послания, часто в форме кабло- или телеграмм, глубоко трогали тех, к кому были обращены, и создавали Хранителю репутацию, полностью противоречившую тому его образу, который всеми силами старались создать нарушители Завета. Часто поздравлял он людей и в связи с женитьбой или повышением по службе.

Помимо личных связей Шоги Эффенди поддерживал гораздо больше контактов с некоторыми организациями, не относившимися к Общине, чем то обычно принято полагать. Особенно это касается эсперантистов, основная цель деятельности которых была близка принципу Бахаи о создании всемирного вспомогательного языка в интересах обеспечения мира во всем мире. Мы располагаем копиями его личных посланий Всемирным Конгрессам Эсперантистов в 1927, 1928, 1929, 1930 и 1931 годах, и, несомненно, он отправлял множество подобных посланий и в другие годы. Шоги Эффенди не только тепло откликался на попытки установить с ним дружеские контакты, но часто сам брал инициативу в свои руки и посылал представителей бахаи на конференции различных течений, чьи интересы совпадали с интересами Бахаи. Так, в 1927 году он отправляет во Всемирную Ассоциацию Эсперантистов письмо, которым уведомляет, что Марта Рут и Джулия Голдман собираются присутствовать на конгрессе в Данциге в качестве официальных представителей Общины Бахаи и что, как он полагает, это "будет способствовать укреплению связей между эсперантистами и последователями Бахауллы, один из официальных принципов которых - принятие международного вспомогательного языка для всего человечества". В этом письме, адресованном делегатам и друзьям, посетившим девятнадцатый Всемирный Конгресс Эсперантистов, он пишет:

Мои дорогие соратники в служении человечеству

С огромным удовлетворением обращаюсь я к вам... и от всего сердца желаю полного успеха в работе, которую вы осуществляете на благо человечества.

Уверен, вам интересно будет узнать, что в результате неоднократных и настоятельных призывов Абдул-Баха многие Его последователи даже в самых глухих и отдаленных местах Персии, куда еще не проник свет западной цивилизации, а также в других странах Востока, упорно и с энтузиазмом изучают эсперанто, с будущим которого они связывают самые благие надежды...

Сам Хранитель также пользовался большим уважением среди людей, трудившихся во имя идеалов сходных с теми, что исповедовали бахаи. Сэр Френсис Янгхасбэнд в 1926 году писал ему с связи со "Всемирным Конгрессом Религий": "Теперь мне бы хотелось попросить Вас о большом одолжении. Хочу еще раз попытаться убедить Вас приехать в Англию для участия в Конгрессе. Ваше присутствие здесь окажет огромное влияние и получит должную оценку. Мы же, со своей стороны, охотно берем на себя все расходы, с которым это может быть связано". Хранитель отклонил это приглашение, однако подготовил документ от лица Общины Бахаи, который и был представлен на Конгрессе. Он чувствовал, что его собственные замыслы и работа не позволяют ему войти в эту дружески распахнутую перед ним дверь.

В 1925 году израильская администрация в Иерусалиме пригласила его участвовать в мероприятии, связанном с открытием местного университета. Шоги Эффенди

телеграфировал ответ 1-го апреля: "Благодарностью любезное приглашение сожалею невозможности присутствовать. Бахаи молятся учреждению этой цитадели знаний мгущей способствовать возрождению земли полной священных воспоминаний для всех нас земли с которой Абдул-Баха связывал самые возвышенные надежды" Сердечным и теплым был также ответ на телеграмму Хранителя: "Администрация Иерусалима глубоко признательна за ваше дружеское послание и добрые пожелания надеемся что недавно открытый университет сможет внести свою лепту не только в развитие науки и образования но и послужить лучшему взаимопониманию между людьми то есть тем идеалам во имя которых несут свое служение Бахаи". Прошло двадцать пять лет, но эта связь не прервалась: "Еврейский университет выражает глубокую признательность за присланный Вами чек на сумму 100 фунтов и рассматривает его как вклад Его Превосходительства Шоги Эффенди Раббани в деятельность этого учреждения... Были счастливы узнать, что Его Превосходительство осведомлен о проводимой в университете важной работе, и с радостью принимаем его великодушный дар..."

Телеграмма, отправленная Шоги Эффенди в Индию в декабре 1930 года, предствляет особый интерес - до конца ее дней он с нежностью включал имя Пресвятого Листа в свои послания там, где находил это особенно уместным: "Передайте Всеиндийской Азиатской Женской Конференции от лица сестры Абдул-Баха Пресвятого Листа и от меня лично нашу глубокую заинтересованность в их начинаниях. Да благословит Всемогущий их возвышенные усилия".

Помимо обширной переписки с выдающимися личностями и многочисленными обществами Шоги Эффенди принимал у себя дома с визитами таких видных людей, как лорд и леди Сэмюэль; сэр Рональд Сторрс, еще один друг Абдул-Баха; Моше Шаррет, который позднее стал из самых известных и широко любимых израильских государственных деятелей; профессора Нормана Бентвича, а также многих писателей, журналистов и представителей знати.

Но как бы ни были важны подобные контакты, несомненно самыми важными следует считать отношения, которые Хранитель поддерживал с официальными лицами во Всемирном Центре, будь то во времена британского мандата или после основания государства Израиль в результате войны за Независимость. Но какими бы теплыми ни были эти отношения с представителями обоих правительств, вне всякого сомнения они могли бы быть гораздо теплее и принести гораздо более весомые плоды, если бы не постоянное вмешательство и козни со стороны разного рода врагов Веры - отступников бахаи и исполненных зависти представителей других религиозных групп. Ущерб, наносимый ими был тем больше, что сторонникам Шоги Эффенди, к сожалению, по большей части не хватало размаха и внушительности. Как-то он заметил мне, что очень сожалеет о том, что большинству добрых людей не хватает здравого смысла, а многим умным людям - доброты, тогда как идеальный вариант это человек умный и добрый одновременно. Как Хранитель он в полной мере претерпел от тех и от других и очень редко сталкивался с людьми, в которых сочетались бы качества, желательные для него. Помню, как в другой связи он рассказал мне о персидской поговорке, гласящей, что лучше иметь умного врага, чем глупого друга! Хорошим примером тому, с чем приходилось сталкиваться Хранителю, может послужить замечание одного из его родственников, которое мне довелось услышать самой: в ответ на вопрос некоего англичанина, может ли он повидаться с Шоги Эффенди, родственник Хранителя ответил, что, конечно, да, но только пусть не рассчитывает на ответный визит, поскольку это не в обыкновении у Хранителя. Легко представить себе, как подобные бестактные или попросту глупые реплики возводили вокруг Шоги Эффенди стену отчуждения и непонимания, что - вкупе со слухами, которые распространяли действительные недоброжелатели, - выставляло его в глазах общественности в совершенно неправильном свете; если Шоги Эффенди лично встречался с человеком, то, как правило, производил на него такое впечатление, что тот уже не задумывался, отдаст ему Хранитель визит или нет. Но, естественно, услышав

подобное, он уже не искал с ним встречи. Интеллект же самого Хранителя был столь совершенен, что, строго направляя своих товарищей и сотрудников, он часто выходил победителем из таких, на первый взгляд, безвыходных положений, что это могло показаться чудом. Не будучи казуистом по натуре, он мог предугадать работу чужой мысли и, будучи постоянно начеку, никогда не брался за дело, пока не наступал подходящий момент, и не поддавался на чужие ухищрения, которые могли надолго вовлечь Дело в затруднительную ситуацию.

Когда задумываешься над тем, какое высокое положение занимал Шоги Эффенди и каковы были его способности и таланты, невольно сожалеешь о том, что он был обделен обществом великих мира сего, которые, хотя бы и в малой мере, могли подарить ему интересное, плодотворное общение. О том, что ему в жизни не хватало подобных отношений, он не раз говорил мне. Шоги Эффенди видел людей насквозь, и это была скорее божественная, чем обычная человеческая проницательность.

Общаясь с государственными и муниципальными чиновниками, Шоги Эффенди с самого начала старался внушить им мысль, что Вера эта независимая религия, всемирная по своему характеру, и что ее постоянный Духовный и Административный Центр должен находиться в Святой Земле. Он потратил тридцать шесть лет, добиваясь у властей признания и права на то, что, исходя из статуса Веры Бахаи, ему самому полагается обхождение, подобающее наследственному Главе этой Веры. В силу различных причин - таких как немногочисленность Общины Бахаи в Палестине, нападки на авторитет Хранителя со стороны нарушителей Завета сразу же после кончины Учителя, нежелание всех гражданских властей ввязываться в религиозные разногласия, как британское, так и израильское правительство было несклонно относиться к Шоги Эффенди с тем пиететом, какого требовал его уникальный чин, и поэтому за немногими исключениями он избегал посещения официальных мероприятий. Если мы вспомним, что со времени Своего прибытия в Акку в 1868 году до Своей кончины в 1921 Абдул-Баха ни разу не ступал на иерусалимскую землю, поскольку, как говорил Шоги Эффенди, Он хотел, чтобы Ему оказывали прием, подобающий Его высокому положению и исторической значимости Его визита в Иерусалим, и поэтому Он постоянно избегал поездки туда, - то мы составим хотя бы слабое представление о том, что значила эта борьба.

Еще на заре своего служения Шоги Эффенди имел повод самому испытать, какие плачевные последствия может повлечь его принятие тех предложений, которые местные власти присылали ему в связи с визитом какого-либо высокопоставленного чиновника в Хайфу. Он как-то рассказывал мне о приеме, который давал Районный комиссар в честь Верховного комиссара. Войдя в зал, Хранитель увидел, что Верховный комиссар сидит в центре зала на самом почетном месте; единственное свободное кресло находилось по правую руку от него. Решительно пройдя вперед, Шоги Эффенди занял это кресло; поскольку это кресло предназначалось для Районного комиссара и он не хотел публично просить Шоги Эффенди освободить его, принесли еще одно; Шоги Эффенди прекрасно понял, что, повторись такая ситуация, ему никогда не позволят занять почетное место, и никогда больше не посещал подобные мероприятия.

Намек на это или по крайней мере намек на проблему, вставшую перед Шоги Эффенди, мы находим в его письме полковнику Стьюарту Б. Саймсу, бывшему губернатору Хайфы, который недавно был переведен в Иерусалим и назначен Главным секретарем палестинской администрации. 17 мая 1925 года Шоги Эффенди послал ему письмо по поводу этого назначения. Похоже, что полковник Саймс некоторое время спустя прибыл в Хайфу с официальным визитом, ибо мы располагаем письмом Хранителя от 25-го числа, в котором он пишет, что "Ввиду различных соображений, вытекающих из того, что статус Общины Бахаи до сих пор не определен, я, к великому сожалению, считаю для себя лично невозможным участвовать в официальных мероприятиях, организуемых в Вашу Честь. Таким образом я лишаюсь великого удовольствия и привилегии высказать не только от имени местной общины Бахаи, но и от лица Бахаи всего мира глубокую

благодарность за доброжелательство и возвышенное чувство справедливости, которое Вы проявили в различных ситуациях, связанных со внезапной кончиной Абдул-Баха. Ни на минуту не сомневаюсь, Вы поймете, что мое вынужденное отсутствие на этих публичных мероприятиях ни в коей мере не отразится на тех теплых и сердечных чувствах, которые Бахаи всегда испытывали к представителям власти, имея все основания относиться к ней с уважением и доверием". Далее он приглашает самого полковника, его жену, миссис Саймс, и ее мать на чай в свои сады либо, в случае если это для них неудобно, обещает сам нанести визит. Любопытно отметить, как четверть века спустя подобная же ситуация повторилась в связи с визитом премьер-министра Бен Гуриона и что Шоги Эффенди, руководствуясь теми же мотивами, избрал ту же линию поведения.

Хранитель поддерживал самые дружеские отношения с полковником Саймсом, который занимал пост губернатора Финикии, выступал с речью на похоронах Учителя и присутствовал на собрании в честь сорока дней Его кончины. Именно полковнику Саймсу в связи с его отставкой Шоги Эффенди писал 5 апреля 1922 года: "Поскольку, по состоянию здоровья, я вынужден на время покинуть Хайфу, на время своего отсутствия назначаю своим представителем сестру Абдул-Баха, Бахийю-ханум", и далее: "С целью помочь ей вести дела Движения Бахаи в этой стране и во всем мире, я также назначил комитет из следующих лет, исповедующих Веру Бахаи (восемь человек из местной общины, трое из которых являются зятьями Абдул-Баха)... Председатель этого Комитета скоро будет избран его членами, бюллетень о выборах подпишет Бахийя-ханум, располагающая всеми полномочиями вести дела в мое отсутствие. Чрезвычайно сожалею, что не смогу увидеться с Вами до своего отъезда, в противном случае я мог бы более подобающим образом выразить Вам удовлетворение, которое я испытываю, зная о том, что Ваше врожденное чувство справедливости подвигнет Вас на защиту Дела Бахауллы, когда обстоятельства того потребуют".

Дружеские теплые отношения между полковником Саймсом и Шоги Эффенди и то уважение, с каким он относился к Хранителю, отражаются в его ответном письме: "Мне приятно сообщить Вам, что, по истечении продолжительного срока возвратившись в Святую Землю, отдохнув и поразмыслив, я вновь приступаю к исполнению своих официальных обязанностей" и далее "После кончины моего возлюбленного Деда я чувствовал себя слишком изможденным и подавленным, чтобы деятельно распоряжаться делами Движения Бахаи. Теперь же, когда я вновь полон сил и готов приступить к моим многотрудным обязанностям, хочу выразить Вам свою искреннюю благодарность за то участие, которое Вы принимали в Движении за время моего отсутствия". Следующий абзац письма поистине выдает ту необыкновенную теплоту, с которой Хранитель относился к мистеру Саймсу: "Великое удовольствие и честь для меня - возобновить мое знакомство с Вами и миссис Саймс, которое, надеюсь, с течением времени в искреннюю взаимную дружбу".

Шоги Эффенди закончил письмо выражением "наилучших дружеских пожеланий" и подписался просто "Шоги". Переписка с полковником Саймсом, который впоследствии был удостоен рыцарского звания и стал губернатором Судана перед самым началом и в годы второй мировой войны, продолжалась еще многие годы даже после его отставки.

В 1927 году Шоги Эффенди писал ему: "Мне представилась возможность послать Вам экземпляр моего последнего сообщения, обращенного к Бахаи западных стран, по поводу ситуации, сложившейся в Египте... Все мы чрезвычайно одушевлены мыслью о том, что перед лицом таких тонких и запутанных политических событий, Палестина находится под властью администрации, которой руководят высшие побуждения справедливости и которой все члены Общины Бахаи имеют основания быть благодарными. Рад тому, что Ежегодник Бахаи заинтересовал Вас..." - и вновь это письмо сопровождается самыми теплыми словами в адрес мистера и миссис Саймс. А вот письмо от 27 декабря 1935 года, где Саймс (теперь уже сэр Стюарт) пишет Шоги Эффенди "из дворца в Хартуме": "Благодарю и еще раз благодарю за Ваши душевные рождественские поздравления и за

присланную Вами Книгу..." и еще одно - из Судана, в котором он 9 апреля 1936 года пишет: "Благодарю Вас за любезно присланный мне том V "Бахаи Уорлд". Хотелось бы мне, чтобы хотя бы некоторая часть Духа Бахаи приложился также и к международным отношениям! Надеюсь, что Ваши дела идут благополучно..."

Последнее письмо от сэра Стюарта, которое удалось обнаружить в архивах Шоги Эффенди, было написано в июле 1945 года и свидетельствует о постоянстве отношений Шоги Эффенди с людьми, которые обоюдно относились к нему с той же теплотой и учтивостью, которую он всегда был готов обратить на них. До него дошла весть о том, что сын Саймасов погиб на войне. "Моя жена и я, - писал ему Саймс, - были очень тронуты Вашей телеграммой. Это действительно проявление большой сердечной доброты, что Вы не забыли о нас в нашем горе...", а в заключение своего пространного письма Хранителю Саймс пишет: "Если будете в Англии, надеюсь, посетите нас. Ибо для нас было бы большой радостью вновь встретиться с Вами, с самыми теплыми пожеланиями..."

Другой чиновник, правда далеко не такой высокопоставленный, который имел прямое касательство к делам Общины Бахаи, и к ее Всемирному Центру, был Районный комиссар. В годы, когда Шоги Эффенди начал добиваться осязаемого признания Веры и предоставления ей определенных привилегий, этот пост занимал Эдвард Кейт-Роач, кавалер ордена Британской империи 4-ой степени. Хотя и далеко не такой видный человек, как полковник Саймс, он тем не менее по-дружески и с симпатией относился к Шоги Эффенди, и переписка между ними продолжалась с 1925 по 1939 год. Кейт-Роач, несомненно потому что знал, что начальство поддержит его, не только в большой степени содействовал в облегчении работы Шоги Эффенди, но и сам делал ему предложения, которые порой вполне устраивали Шоги Эффенди. Первый вариант письма, обращенного к нему Шоги Эффенди, так прост и в то же время дышит той теплотой, с которой Хранитель неизменно реагировал на обращение к нему чужих людей, если, конечно, они были сделаны в должном тоне, и поэтому не могу удержаться от того, чтобы не процитировать его. Помечено оно было просто: "Хайфа, 25-12-25", далее говорилось: "Дорогой мистер Кейт-Роач: Очень тронут Вашим дружелюбным и доброжелательным посланием, а также Вашими поздравлениями, поэтому спешу заверить Вас, что взаимно полностью разделяю чувства, выраженные в нем. От всей души желаю счастливо встретить Рождество, искренне Ваш Шоги Раббани".

Из множества писем, которыми обменивались Шоги Эффенди и Кейт-Роач, явствует, что встречались они достаточно часто. Когда Кейт-Роач лежал в иерусалимском госпитале, Шоги Эффенди писал ему: "Благодарю за Ваше письмо... Очень рад, что здоровье Ваше поправляется, и надеюсь, что, когда Вы вернетесь, мы встретимся за чашкой чая у нас в садах, окружающих Усыпальницы". Почти во всех письмах, которые Шоги Эффенди посылал Кейт-Роачу и Саймсу, содержатся приглашения на чай в садах на горе Кармель; в письмах к полковнику Саймсу Шоги Эффенди иногда приглашает его вместе с супругой. Таким образом Шоги Эффенди не только проявлял по отношению к этим чиновникам свое гостеприимство, но и давал им возможность, находясь в окружении принадлежавших Общине Бахаи садов и памятников, собственными глазами убедиться в том, какое развитие получили эти земельные участки, и, я не сомневаюсь, что он извлекал пользу из их присутствия, делясь с ними своими планами на будущее и заручаясь их симпатией и поддержкой. И действительно, многие из этих встреч преследовали именно такую цель.

С первый же дней в чине Хранителя до 40-ых годов Шоги Эффенди имел обыкновение встречаться с чиновниками, инженерами, юристами и другими людьми, не принадлежащими к Общине Бахаи, но имеющими отношение к его важному делу; он не посещал их конторы, предпочитая видаться с ними у них дома, либо еще чаще они приходили к нему в гости, и он проводил их по землям, окружающим Усыпальницы. Примером тому, к чему приводило это дружеское сотрудничество, могут служить события, произошедшие в 1932 году. 19 ноября памятник, предназначенный для могилы

Пресвятого Листа, был доставлен в порт Хайфы. Двадцатого числа того же месяца Шоги Эффенди пишет Кейту-Роачу: "Могу ли я просить Вашей помощи в связи с установлением мраморного памятника на могиле сестры Абдул-Баха, который был благополучно доставлен в Хайфу вчера днем. Чиновник таможенного департамента изъявляет согласие освободить его от ввозной пошлины, если на то будет получено необходимое разрешение высших властей. Таким образом, я обращаюсь к Вам в уверенности, что Вы предпримете все возможное для ввоза в Палестину произведения искусства, которое, в некотором отношении, можно рассматривать как уникальное для данной страны. С глубочайшей признательностью и благодарностью. Искренне Ваш". 22 ноября Шоги Эффенди вновь пишет ему: "С глубочайшей благодарностью воспринял известие о Вашей дружеской и своевременной помощи в моем деле. Памятник был доставлен в полной сохранности, и я получил необходимые указания относительно его немедленной установки. Еще раз благодарю Вас, с наилучшими пожеланиями..." Тот факт, что памятник был ввезен беспошлино, создал прецедент, имевший далеко идущие последствия, на протяжении грядущих десятилетий укреплявший позиции Веры в ее Всемирном Центре и постепенно расширявший для нее области свободные от налогообложения, что завершилось заключением контрактов с государством Израиль, причем таких, которые вряд ли были возможны во времена Британского мандата. Четыре дня спустя Шоги Эффенди напоминает Районному комиссару об еще гораздо более значительной просьбе, с какой он обращался к нему; Все письмо, немедленно отправленное вслед за двумя процитированными выше, является образцом тонкой дипломатии - соблазнительно сказать Божественной и исходящей от самого Шоги Эффенди - поскольку Всевышний выстраивал последовательность событий, а Хранитель использовал представленные ему возможности.

Хайфа,

26 ноября 1932 года

Дорогой мистер Кейт-Роач:

Уверен, Вам будет интересно узнать о том, что я предпринимаю необходимые предварительные шаги для расширения террас, образующих составную часть Усыпальниц и ведущих к германской колонии.

Я уже встречался с чиновником из муниципального строительного ведомства, и он отнесся к моей идее весьма благожелательно. Вследствие чего я предполагаю направить в Городскую комиссию по планированию официальное заявление, оглашающее условия, на которых мы намерены открыть и расширить террасы, беря на себя все материальные затраты и согласно заранее принятому общему плану.

Выражаю искреннюю уверенность в том, что к концу 1933 года Ваше желание, а также работы, к осуществлению которых я лично приложу все усилия, будут полностью закончены.

Уверен, что предложение, которое я недавно представил на Ваше рассмотрение относительно признания священным местом Дворца в Бахджи, который является составляющей частью Усыпальницы Бахауллы, получит Вашу благосклонную оценку, и Вами будет подписан документ, необходимый для освобождения от пошлины предметов, предназначенных для этого здания.

Совершенно очевидно, что Шоги Эффенди не только полностью держал в курсе дела Районного комиссара, но и что с его помощью учтиво и по-дружески добивался для Веры тех привилегий, которые, как он считал, ей подобают. Кейт-Роач, также несомненно уверенный, что иерусалимская администрация с одобрением относится к работе Шоги Эффенди, оказывал ему активную помощь и сотрудничество. И вот 2 февраля 1934 года Шоги Эффенди посылает ему письмо, ставшее одной из основных вех в длительной борьбе за освобождение собственности Бахаи от налогообложения:

Дорогой мистер Кейт-Роач,

В соответствии с Вашей просьбой прилагаю официальное заявление, подписанное мною как Хранителем Веры Бахаи, которое, надеюсь, поможет освободить от налогов земельные участки, окружающие международные Усыпальницы Бахаи на горе Кармель.

Буду крайне признателен, если Вы отдадите распоряжение, требуемое для освобождения от таможенной пошлины золотого орнамента ворот, составляющих часть входа в гробницу Пресвятого Листа.

Прилагаю ключ от верхних ворот Усыпальницы, которым, как я надеюсь, Вы сможете воспользоваться, гуляя по Садам.

Заверяю Вас в своей глубокой благодарности и искренней душевной оценке Вашей помощи и благожелательного отношения к делам Общины Бахаи.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

Три месяца спустя, 10 мая Хранитель вновь пишет Районному комиссару: "Хочу выразить Вам свою глубочайшую признательность в связи с предпринятыми Вами действиями, способствовавшими освобождению от налогов всей площади, окружающей международные Усыпальницы Бахаи на горе Кармель". Так была одержана одна из великих побед в развитии Всемирного Центра.

В другом письме, датированном 21 июня 1935 года, Шоги Эффенди привлекает внимание Кейта-Роача к вопросам, связанным с судебным делом: "Любая помощь, которую Вы сможете оказать в этом отношении, наверняка будет воспринята с глубочайшей признательностью не только мною, но и теми многочисленными Собраниями Бахаи, которые я представляю". На протяжении все лет своего служения Шоги Эффенди всегда старался ясно дать понять чиновникам, что, хотя он и является Главой Веры, за ним стоят ряды Бахаи других стран, которые всеми силами готовы поддержать его призывы и требования; и, выражая свою благодарность, он часто присовокуплял к ней чувства признательности, испытываемые верующими во всем мире.

Хотя Хранитель по уже упомянутым причинам не посещал официальные правительственные мероприятия, он нередко и охотно приглашал чиновников к себе. Вот отрывок из его письма Кейту-Роачу: "... Рад возможности пригласить Вас завтра на чай во второй половине дня, мы смогли бы обсудить несколько вопросов... Мы могли бы встретиться и в Гостинице, если это для Вас удобнее, в любое подходящее Вам время". 27 декабря 1936 года в любезном письме с пометкой "лично" Кейт-Роач благодарит Шоги Эффенди "за очаровательные, прекрасные рождественские поздравления". Он не только благодарил Шоги Эффенди за присланный в подарок букет цветов, но и - часто - за различные книги Бахаи, которые он весьма ценил.

После свадьбы Хранителя в марте 1937 года Кейт-Роач писал ему: "Разрешите от всего сердца поздравить Вашу супругу и Вас в связи с бракосочетанием и пожелать и в дальнейшем плодотворно трудиться на ниве тех славных дел, которую уготовал для вас Господь. Сообщите, когда я могу навестить вас. С глубоким уважением..." На это столь искренне и теплое письмо Шоги Эффенди ответил в тот же день, 23 апреля: "Глубоко тронут чувствами, которые Вы выразили по поводу моей женитьбы. Для меня чрезвычайно дороги Ваши добрые пожелания, и я всегда буду с чувством благодарности вспоминать о помощи, которую Вы оказывали мне в моей нелегкой работе. Буду очень рад видеть Вас в любой удобный для Вас день. С чувством искренней благодарности за Ваше послание..." Вскоре после этого Кейт-Роач получил назначение на пост Районного комиссара в Иерусалим, но дружеские отношения между ним и Хранителем не прерывались, и несколько лет спустя мы поздравляли его с женитьбой, с своих предыдущих письмах он не раз делился с нами своими матримональными планами. Поскольку мы практически не располагаем воспоминаниями об отношении Шоги Эффенди к его приятелям, не принадлежавшим к Вере, я подробно остановлюсь на

переписке с Кейтом-Роачем, так как она приоткрывает для нас еще одну грань многосторонней натуры Хранителя.

Сразу же по возвращении в Святую Землю после кончины Учителя Шоги Эффенди начал проводить четкую политику, информируя местные власти и, прежде всего, правительство в Иерусалиме не только о своих планах, но и своих трудностях и различных критических ситуациях, таких как захват ключей от Усыпальницы Бахауллы в Бахджи и Его Дома в Багдаде, равно как и о гонениях и притеснениях, которым подвергалась Вера. Начиная с первого письма Верховному комиссару, другу Абдул-Баха, сэру Герберту Сэмюэлю, которое он послал 16 января 1922 года, Шоги Эффенди поддерживал контакт с правительством вплоть до конца своих дней - сначала с британским, позднее с израильскими представителями. Когда Шоги Эффенди весной 1922 года, подавленный и больной, покинул Палестину, он оповестил сэра Герберта о мерах, принятых им для обеспечения безопасности Дела во время своего отсутствия; после возвращения в Хайфу 15 декабря того же года он 19-го телеграфирует сэру Герберту: "Примите мои наилучшие пожелания и знаки уважения в связи с моим возвращением в Святую Землю и приступлением к моим официальным обязанностям".

В мае 1923 года Шоги Эффенди вновь информирует губернатора Хайфы и Верховного комиссара о происходящих событиях, в частности о том, что "Духовное Собрание Бахаи в Хайфе официально восстановлено"; "согласуя свою деятельность со мной, - пишет он далее, - оно будет управлять всеми местными делами в районе. Я недавно известил об этом его превосходительство Верховного комиссара..." В письме, о котором он упоминает, датированном 21 апреля, заявляется, что Хранитель прилагает экземпляр своего недавнего послания общинам Бахаи Запада, повторяющего текст письма на персидском, обращенного к общинам Бахаи Востока: "Поскольку в Вашем последнем письме Вы изъявили желание узнать о мерах, предпринимаемых для упрочения стабильности Движения Бахаи... то я буду только рад пролить дополнительный свет на любой вопрос, который может возникнуть у Вашего Превосходительства в связи с прилагаемым письмом или любой другой проблемой, касающейся интересов Движения в целом".

Невозможно подробно пересказать всю тридцатилетнюю историю отношений Шоги Эффенди с властями, сначала палестинскими, а позднее - израильскими. То, что ему удалось завоевать и поддерживать их доброе расположение, пользоваться их сотрудничеством в различных начинаниях, предпринимаемых во Всемирном Центре, а также из признания Центра как исторического сердца Веры Бахаи, могущей пользоваться теми же правами, что и другие религии на Святой Земле - и даже в некоторых отношениях несколько большими правами - все это перед лицом непрекращающихся клеветнических нападок многочисленных врагов, которые открыто или тайно противились каждому шагу Хранителя, свидетельствует о необычайной мудрости и терпении, которые отличали Шоги Эффенди как руководителя Дела Божия.

Когда срок назначения сэра Герберта Сэмюэля подходил к концу, 15 июня 1925 года, Хранитель направил ему одно из тех посланий, которые так действительно укрепляли связи и атмосферу доброжелательства в отношениях между Шоги Эффенди и властями, выражая от себя лично и от имени всех Бахаи неизменное чувство благодарности и глубокой признательности за "доброе и великодушное участие, которое Его Превосходительство принимал в решении различных проблем, преследовавших верующих после кончины Абдул-Баха... Помня об актах симпатии и доброй воли, которую демонстрировала палестинская администрация под Вашим руководством, Бахаи уверенно направят свои усмлия, дабы внести свою лепту в материальное процветание и духовное развитие земли, столь священной и дорогой для них". Сэр Герберт живо откликнулся на это письмо: "... Я был чрезвычайно рад на протяжении всех пяти лет моей службы поддерживать самые дружеские отношения с Общиной Бахаи в Палестине и очень ценю те проявления доброй воли, которые она не раз высказывала по отношению к администрации и лично ко мне".

Когда в 1929 году в Палестине произошли волнения, Хранитель отправил 10 сентября крайне важное письмо тогдашнему Верховному комиссару, сэру Джону Ченеллору:

Ваше Превосходительство:

С чувством глубокого сожаления я узнал о пагубных событиях в Палестине и, находясь вдали от дома, спешу выразить Вашему Превосходительству искреннее сочувствие и мою внутреннюю солидарность перед лицом вставшей перед Вами нелегкой задачи.

Палестинская Община Бахаи, которая по религиозным причинам глубоко связана с этой землей, всей душой скорбит о диких вспышках религиозного фанатизма, и я осмеливаюсь надеяться, что, по мере того как влияние идеалов Бахаи будет распространяться, они окажутся в состоянии в будущем оказывать растущую поддержку Вашей администрации в выработке духа добрососедства и терпимости среди религиозных общин Святой Земли.

Чувствую настоятельную необходимость предложить Вашему Превосходительству от имени Общины некоторую сумму как вклад в облегчение страданий и нужд других людей, независимо от расы и вероисповедания...

В том же 1929 году, 4-го мая Шоги Эффенди подал от лица Общины Бахаи в Хайфе официальную петицию в правительство, в результате чего получил разрешение осуществлять в соответствии с законом Бахаи такие дела, касающиеся личного статуса, как заключение браков; таким образом, в этом отношении Бахаи уравнились в правах с иудейской, мусульманской и христианской общинами в Палестине. Шоги Эффенди приветствовал это как "шаг огромного значения, не имеющий себе равных в религиозной истории какой бы то ни было страны". Брак самого Хранителя был официально зарегистрирован в полном соответствии с законами Бахаи и именно в результате этой, одержанной им во имя Веры победы.

Одним из занимавших важную должность Верховного комиссара в годы, когда Дело начало добиваться ощутимых результатов в борьбе за признание своего независимого статуса, был сэр Артур Вочоуп, который, так же как и полковник Саймс лично симпатизировал Шоги Эффенди и который, как можно предположить, понимал, сколь велик груз ответственности, легший на плечи молодого человека, назначенного Главой Веры Бахаи. Именно в период его управления - который частично совпал со сроком пребывания Кейта-Роача на посту Районного комиссара в Хайфе, - были одержаны великие победы в завоевании определенных уступок со стороны властей; самой важной из них вслед за правом Общины руководствоваться собственными законами, регулирующими статус личности, - было освобождение от налогов всех земельных участков, окружающих Усыпальницу Баба на горе Кармель. В отличие от большинства прочих Верховных комиссаров сэр Артур, по-видимому, лично встречался с Шоги Эффенди, поскольку он упоминает об этом в некоторых из своих писем.

В письме от 26 июня 1933 года сэр Артур заявляет: "Получил Ваше письмо от 21 июня и спешу поблагодарить Вас за него, а также хочу заверить Вас, что как только дело, о котором Вы упоминаете, будет доложено на Палестинском Совете по Святым Местам, я рассмотрю его самым внимательным образом. Также получил выпуски "Бахаи Уорлд" за 1930-32 годы. Чрезвычайно благодарен Вам за эту крайне интересную книгу... Надеюсь еще раз посетить прекрасные Сады, разбитые Вами на склонах холмов в окрестностях Хайфы".

13 марта 1934 года Шоги Эффенди пишет сэру Артуру: "... Поскольку дело, о котором недавно было доложено Вашему Превосходительству, относительно Усыпальниц Бахаи на горе Кармель имеет жизненно важное международное значение, я попросил мистера Х... приехать в Палестину, чтобы посоветоваться со мной о нем. Буду крайне признателен, если Ваше Превосходительство любезно согласится с мистером Х... чтобы окончательно выяснить один или два пункта, которые мне не до конца понятны и от которых будут зависеть мои будущие действия в этом вопросе". 1 мая того же года Шоги Эффенди вновь

пишет ему: "Глубоко признателен за радушное и ободряющее послание с планом благоустройства Общиной Бахаи склонов горы Кармель, присланный Вами с мистером Х... Ваш план добавил мне энтузиазма. К сожалению, существуют весьма влиятельные силы, которые всячески стараются помешать его воплощению. С одной стороны, это просто недалёковидные государственные деятели, прилагающие все усилия к тому, чтобы развернуть работы на северном склоне горы Кармель с целью извлечь скорейшую выгоду. Однако куда более опасными для нашего плана представляются те, кто решительно ищет путей пресечь все усилия, предпринимаемые последователями Бахауллы. Мы полагаем, что именно эти люди поддерживали дело, возбужденное против нас Дометом (Думитом), почему мы и посчитали себя вправе отвести дело из суда и представить его на личное рассмотрение Вашего Превосходительства... С наилучшими пожеланиями и с просьбой еще раз принять заверения в моей признательности Вашему Превосходительству за доброжелательность и поддержку..." Дело, о котором идет речь, тянувшееся четыре года, было наконец прервано в 1935 году в связи с подписанием контракта на приобретение земель Думита, после чего Шоги Эффенди телеграфировал Американскому Духовному Собранию, что собирается зарегистрировать их на имя палестинского филиала. Интересно, что в послании Бахаи Хранитель транслитерировал имя, чего не сделал в письме Верховному комиссару.

Какое-то время Шоги Эффенди предпринимал попытки освободить от налогообложения собственность Бахаи вокруг Усыпальницы Баба, и в конце концов ему это удалось. За официальными строчками письма сэра Артуру от 11 мая 1934 года сквозит внутреннее торжество по поводу очередной одержанной победы:

Ваше Превосходительство:

Недавно получил от Районного комиссара в Хайфе радостное известие о том, что петиция об освобождении от налогообложения собственности Бахаи на горе Кармель была одобрена правительством.

Спешу выразить Вашему Превосходительству от имени Всемирной Общины Бахаи и от себя лично нашу глубокую признательность за доброжелательный и действенный интерес, проявленный Вашим Превосходительством в этом деле, интерес, который, я в этом нисколько не сомневаюсь, в значительной степени повлиял на благополучный исход. Смею надеяться на дальнейшую поддержку Вашим Превосходительством нашего плана постепенного благоустройства этой собственности в интересах жителей Хайфы, к чему решение правительства ныне открывает возможность.

На это письмо сэр Артур лично ответил пять дней спустя:

Дорогой Шоги Эффенди,

Благодарю Вас за письмо от 11 мая и за те теплые слова, которые оно содержит. Я всегда очень доброжелательно относился к Вашему проекту благоустройства склонов горы Кармель и надеюсь, что меры по освобождению от налогов помогут Вам довести до конца Ваше замечательное предприятие.

Искренне Ваш.

Артур Вочоуп.

В другом письме Верховный комиссар сообщает: "Чрезвычайно благодарен Вам за любезно присланный экземпляр "Глашатаев Зари". Обязательно прочту книгу с большим интересом, ведь Вы знаете, как глубоко поразил меня этот прекрасный рассказ, который я впервые услышал в Персии. Книга очаровательно выглядит, иллюстрации же и репродукции лишь увеличивают ее привлекательность. Еще раз благодарю за Ваше теплое отношение и чудесный подарок..." Сохранились и письма, в которых сэр Артур благодарит Хранителя за "Крупичи" и очередные выпуски "Бахаи Уорлд". Последнее письмо, присланное этим человеком в феврале 1938 года, человеком, который, занимая столь высокий пост, помогал Шоги Эффенди одерживать кардинально важные победы во Всемирном Центре Веры, - проникнуто характерным для него духом учтивости и доброты: "... Я всячески старался навестить Вас в Хайфе, чтобы своими глазами увидеть,

каких Вы добились успехов в разведении Садов, и лично попрощаться с вами... К сожалению, ввиду чрезвычайной занятости в последние дни... это мне не удалось, так что использую хотя бы письменную возможность попрощаться с Вами и выразить свои наилучшие пожелания Общине Бахаи". Вверху письма он приписал от руки: "Слышал, что Ваши сады все красивее год от года".

К тому времени, когда срок Мандата подходил к концу и пострадавший народ Палестины готовился отстаивать его в нелегкой борьбе, Организация Объединенных Наций назначила специальную комиссию по Палестине, которую возглавлял судья Эмиль Сендстрем. 9 июля он прислал Шоги Эффенди письмо из Иерусалима, в котором сообщал, что в рамки компетенции данной комиссии входит самое тщательное рассмотрение религиозных интересов исламской, иудейской и христианской общин на территории Палестины, и присовокуплял: "Буду признателен, если Вы представите мне письменное свидетельство касательно религиозных интересов Вашей Общины в Палестине". Поскольку ответ Шоги Эффенди представляет для Бахаи историческую значимость, я процитирую его полностью:

14 июля 1947 года
Мистеру Сендстрему,
Председателю
Специальной Комиссии Организации Объединенных
Наций по Палестине.

Сэр:

Получил Ваше любезное письмо от 9 июля, в связи с чем хочу поблагодарить Вас за представленную мне возможность предложить Вашему вниманию и вниманию Ваших уважаемых коллег заявление, касающееся отношения Веры Бахаи к Палестине, а также нашей позиции по вопросу о будущих изменениях в статусе этой священной земли, ставшей яблоком раздора.

Дабы создать у Вас более полное представление о Вере Бахаи, прилагаю к этому письму краткий очерк ее истории, целей и значения, равно как и небольшую брошюру, в которой излагаются наши взгляды на современное состояние мира и путей, по которым, как мы надеемся и верим, он должен и будет развиваться.

Положение Бахаи в этой стране в определенной мере уникально: хотя Иерусалим это духовный центр христианства, он не является административным центром Римской церкви ни какой-либо иной христианской конфессии. Подобным же образом, хотя мусульмане и рассматривают его как место, где расположена одна из самых священных усыпальниц ислама, святыни Веры Мухаммада и центр паломничества магометан находятся на Аравийском полуострове, а не в Палестине. Единственные, кто может притязать на связь с этой землей хотя бы отчасти в той же мере, в какой это делают Бахаи, - иудеи, поскольку в Иерусалиме находятся руины их священного Храма и в нем же располагались религиозные и политические учреждения, связанные с их прошлым. Но даже иудеи в одном отношении уступают Бахаи, так как на палестинской земле похоронены все трое Основоположников нашей религии и Палестина не только центр паломничества Бахаи всего мира, но и постоянный центр нашего Административного Порядка, Главой которого я имею честь являться.

Характер Веры Бахаи целиком и полностью лишен политической окраски, и мы не станем ни на одну из сторон в разворачивающемся ныне трагическом конфликте, которому суждено определить будущее Святой Земли и населяющих ее народов, и не можем сделать какого бы то ни было заявления или дать совет, каким должно быть политическое будущее этой страны. Наша цель - установление мира во всем мире, наше желание и наша мечта - видеть торжество справедливости во всех сферах человеческого общества, включая политику. Многие приверженцы нашей Веры происходят из

мусульманской и иудейской среды, поэтому мы без предрассудков относимся и к той и к другой стороне и постоянно заботимся о том, чтобы примирить их для их же пользы и на благо всей страны.

Однако, какое бы решение относительно будущего Палестины ни было принято, нас прежде всего беспокоит, чтобы тот, кто станет представлять власть в Хайфе и Аккре, признал тот факт, что в этих городах расположен духовный и административный центр всемирной Веры, и чтобы независимость этой Веры, ее право управлять своими международными делами из своего Центра, право Бахаи из любой страны земного шара посещать его в качестве паломников (пользуясь теми же привилегиями, какими пользуются иудеи, мусульмане и христиане, посещая Иерусалим) были официально признаны и постоянно охранялись.

Усыпальница Баба на горе Кармель, расположенная там же Гробница Абдул-Баха, находящийся вблизи ее Дом паломников Востока, сады и террасы, окружающие эти места (открытые для посещения представителями всех конфессий), Дом паломников Запада, у подножия горы Кармель, резиденция Главы Общины, несколько домов и садов в Аккре, связанных с заточением Бахауллы в этом городе, Его Святая Гробница в Бахджи, в окрестностях Аккры, Его Дворец, который ныне сохраняется как историческая достопримечательность и музей (доступ в Гробницу и Дворец также открыт для верующих всех конфессий), равно как и ряд строений и земельных участков в долине Аккры - все это является собственностью Бахаи в Святой Земле. Кроме того следует отметить, что практически вся эта собственность освобождена от государственных и муниципальных налогов как имеющая религиозный характер. Некоторые из этих обширных владений являются собственностью палестинского филиала Национальных Духовных Собраний Соединенных Штатов и Канады, признанных как религиозные организации в согласии с законами страны. В будущем еще несколько Национальных Собраний Бахаи, через свои палестинские филиалы, станут владельцами части международных фондов Веры в Святой Земле.

Ввиду вышеизложенного прошу Вас и членов Вашей Комиссии учесть охрану прав Общины Бахаи в представлениях, которые будут сделаны Организацией Объединенных Наций в связи с будущим Палестины.

Позвольте мне использовать эту возможность, чтобы выразить Вам и Вашим коллегам мою глубокую признательность за тот дух, в котором вы проводили ваше расследование в непростых условиях, царящих ныне в Святой Земле. Верю и молюсь о том, что итогом ваших дискуссий станет скорое и справедливое решение клубка запутанных проблем, сложившихся в Палестине.

Преданный Вам

Шоги Раббани

Следует помнить о том, что единственным из видных людей занимавших разные посты и не бежавших из Палестины накануне Войны за Независимость, был Шоги Эффенди. Этот факт не ускользнул от внимания новых властей. Такого рода поступками Хранитель внушал людям из иной среды, не имевшим основания верить ему на слово, представление о себе как о человеке безукоризненно цельном и строго приверженном тому, что он полагал правильным курсом, которым под его руководством движется Вера Бахауллы. В значительной степени благодаря этому, а также знанию того, что такое на самом деле Учение Бахаи, о чем авангард еврейского Движения за Независимость был уже достаточно хорошо осведомлен, новые власти с чрезвычайной готовностью шли на самое разнообразное сотрудничество. Одним из первых жестов, предпринятых в том время, когда бои еще продолжались, было помещение на Усыпальнице Бахауллы, более удаленной и изолированной, чем Усыпальница Хайфы, таблички с надписью "Zien Sainte", или

"Святое Место", что обеспечивало Святыне почтительное отношение со стороны всех евреев.

Тем не менее старая проблема - как добиться соответствующего к себе отношения во время официальных церемоний, - стоявшая перед Хранителем еще при старой администрации, продолжала сохранять свою остроту и при новой власти. В январе 1949 года мистер Бен Гурион, премьер-министр Временного правительства, прибыл в Хайфу с первым официальным визитом, и мэр города, естественно, пригласил Шоги Эффенди присутствовать на приеме, который давали в муниципалитете в честь премьера. Перед Хранителем встала довольно сложная дилемма: его отсутствие, как бы он его не мотивировал, навеняка было бы воспринято как оскорбление нового правительства; с другой стороны, отправься он на прием, он неизбежно смешался бы с толпой и никакой речи не могло бы идти о соблюдении подходящего этикета (что подтвердил и мой отец, посетивший мэрию в качестве официального представителя Шоги Эффенди). Тогда Хранитель решил, что поскольку присутствие на официальных приемах для него исключено, а выразить любезность в отношении премьер-министра нового государства более чем желательно, он нанесет Бен Гуриону частный визит. Дело было улажено с большим трудом, благодаря стараниям мэра Хайфы, Шабатая Леви, так как время пребывания премьер-министра в Хайфе было крайне ограничено: до первых всеобщих выборов в новом государстве оставалось всего два дня.

Встреча, продлившаяся около четверти часа, состоялась вечером в пятницу, 21 января, в частном доме на горе Кармель, где остановился Бен Гурион. Премьер часто расспрашивал Шоги Эффенди о Вере, о том, какое положение занимает он сам, и попросил Хоанителя подобрать для него какую-нибудь книгу, из которой он мог бы узнать больше о Бахаи; ответив на вопросы Бен Гуриона, Шоги Эффенди обещал послать ему экземпляр своей книги "Бог проходит рядом", что он позднее и сделал и за что премьер-министр искренне поблагодарил его.

Типичным для всей истории Дела и для проблем, с которыми оно постоянно сталкивалось, было появление 20 декабря 1948 года в ведущей англоязычной газете пространной статьи, где в самых благожелательных выражениях излагалось учение Веры и упоминалось положение Шоги Эффенди как ее Всемирного Главы. 28 января 1949 года в разделе писем этой же газеты было опубликовано краткое, но весьма заявленное, подписанное "Обозреватель Бахаи при ООН", категорически опровергавшее статью и утверждавшее, что "мистер Раббани не является ни Хранителем веры Бахаи, ни ее Всемирным Главой"; как источник более подробной информации заявление рекомендовало Новое Историческое Общество в Нью-Йорке. Поскольку никакого "Обозревателя Бахаи при ООН" никогда не существовало, было очевидно, что шаг этот предпринят по указке вновь преисполнившихся надежд нарушителей Завета, старавшихся очернить Шоги Эффенди в глазах новой власти и отвлечь внимание от его положения, ссылаясь на жалкую кучку сторонников Ахмеда Сохраба в Америке. Когда позднее, в 1952 году, нарушители Завета в Бахджи возбудили в местном суде дело против Шоги Эффенди, требуя сноса старого здания, расположенного рядом с Дворцом Бахауллы, Сохраб безуспешно пытался оказать давление на министра по делам религий с целью дискредитировать требования Бахаи. С такими порой явными, порой скрытыми нападками пришлось столкнуться Хранителю на пороге нового этапа развития Веры в ее Всемирном Центре.

Теплое, дружеское отношение властей к самому Шоги Эффенди и к Вере Бахаи нашло отражение во многих документах. И слова подкреплялись делами: число зримых свидетельств признания государством статуса Веры в ее международном штабе росло.

Шоги Эффенди давно мечтал взять под свой контроль Дворец в Мазра-йе, где Бахаулла впервые поселился, когда навсегда покинул стены города-тюрьмы, Акки. Эта собственность, ранее принадлежавшая исламской церкви, к тому времени утратила былых хозяев. Правительство намеревалось превратить ее в дом отдыха для государственных

чиновник. Все попытки добиться через соответствующие ведомства прав на эту собственность не давали результата до тех пор, пока Шоги Эффенди прямо не обратился к Бен Гуриону, объяснив значение Дворца для Бахаи и свое желание, чтобы паломники могли посещать это место, столь тесно связанное с Бахауллой. Последовало личное вмешательство премьер-министра, и здание было передано Бахаи как историческая достопримечательность. 16 декабря 1950 году Шоги Эффенди с гордостью оповестил мир Бахаи, что ключи от Дворца доставлены ему израильскими властями после более чем пятидесятилетнего перерыва.

Дела Община Бахаи в вопросах, касающихся повседневных контактов с правительством в связи с работой Всемирного Центра, были переданы под юрисдикцию министерства по делам религий, и в первое время ими ведал глава департамента, занимавшегося делами мусульманской общины. Шоги Эффенди резко возражал против такой постановки вопроса, представлявшей Веру как в некотором смысле ветвь ислама. После ряда напряженных переговоров, 13 декабря 1953 года Хранитель получил от министра по делам религий письмо, адресованное "Его Превосходительству Шоги Эффенди Раббани, Всемирному Главе Веры Бахаи". В послании говорилось:

...Рад сообщить Вам о своем решении учредить в нашем министерстве особое ведомство по делам Веры Бахаи. Надеюсь, оно окажет Вам помощь в вопросах, касающихся Центра Бахаи в нашем государстве.

Как министр по делам религий государства Израиль, хочу заверить Ваше Преосвященство, что все святые, равно как и Всемирный Центр Веры Бахаи, будут взяты под охрану государства.

Одержанная победа была тем более своевременной, что последовала непосредственно вслед за уже упоминавшимся судебным процессом против Шоги Эффенди, возбужденным нарушителями Завета в связи со сносом дома, прилагавшего к Усыпальнице и Дворцу Бахауллы в Бахджи. Никогда не упуская случая публично унижить и дискредитировать Главу Веры, будь то Абдул-Баха или Хранитель, они имели дерзость призвать Шоги Эффенди в суд как свидетеля. И вновь, крайне обеспокоенный за честь Веры в ее Всемирном Центре, Шоги Эффенди прямо обратился к премьер-министру, направив к нему в Иерусалим в качестве своих представителей Президента, Генерального Секретаря и Освобожденного Члена Международного Совета Бахаи, которого он специально вызвал из Италии, чтобы они осуществили намеченную им стратегию. Визиты представителей Шоги Эффенди в столицу Израиля оказались успешными, и, мотивируя свое решение тем, что вопрос носит чисто религиозный характер, правительство изъяло его из-под юрисдикции гражданского суда. Когда интриганы поняли, что их план унижить Шоги Эффенди терпит крах, они изъявили желание уладить дело путем переговоров. Такой исход вполне устраивал власти и Общину Бахаи, что явствует из писем, адресованных Хранителю двумя членами администрации премьер-министр - людьми, которым Вера многим обязана за их искренние усилия, направленные на защиту ее интересов в этот период:

Канцелярия премьер-министра
Иерусалим, 19 мая, 1952
Его Преосвященству Шоги Раббани,
Всемирному Главе Веры Бахаи.
Хайфа.

Ваше Преосвященство,
Мне поручено уведомить Вас о получении Вашего письма от 16 мая на адрес премьер-министра.

Не сомневаюсь, что Вы уже знаете, что спор между Вами как Всемирным Главой Веры Бахаи и членами семьи основателя Веры разрешен и следовательно нет необходимости принимать административные меры для решения данной проблемы.

Позвольте мне выразить Вам нашу благодарность за ту мудрую и благожелательную позицию, которую Вы заняли в упомянутом конфликте и которая позволила нам принять справедливое и, как мы полагаем, долгосрочное решение касательно лиц, желавших раздора.

Премьер-министр заверяет Вас в своем глубоком личном уважении и шлет Вам наилучшие пожелания.

Искренне Ваш,

С. Эйнат

Советник по правовым вопросам

Второе письмо пришло от Вальтера Эйтана, Генерального директора Министерства иностранных дел, оно было адресовано Шоги Эффенди и отослано 20 мая того же года:

... Приложив со своей стороны все усилия, чтобы помочь Вашему Преосвященству в решении этого, столь долго дискутировавшегося вопроса, я с огромным удовлетворением узнал сегодня утром о том, что достигнуто полное соглашение. Искренне верю, что это кладет конец беспокойствам лично для Вас и для всей Общины Бахаи и что теперь Вы сможете приступить к беспрепятственному осуществлению всех Ваших планов.

Важно отметить, что во всех этих письмах подчиненных президента Шоги Эффенди именуется "Ваше Преосвященство"; конечно, хотя этот титул далеко не соответствует его высокому положению, однако он был принят еще в самом начале служения Хранителя, но никогда не употреблялся официально до образования самостоятельного еврейского государства.

Сердечные отношения, установившиеся между Хранителем и официальными лицами государства Израиль, побудили Шоги Эффенди завести речь о возможном посещении президентом Усыпальницы в Хайфе; когда было получено известие о том, что президент склонен согласиться на подобное приглашение, Шоги Эффенди пригласил его официально и началась подготовка к утру 26 апреля 1954 года, поскольку начальник президентской канцелярии уведомил Шоги Эффенди, что президент именно в этот день "будет рад нанести официальный визит". В намеченное время президент с супругой, в сопровождении двух чиновников, прибыли в дом Учителя, где после небольшого завтрака Хранитель преподнес им в память об их визите персидский альбом в серебряном переплете, иллюстрированный миниатюрами и содержащий несколько фотографий Усыпальниц. Затем президент и сопровождающие его лица вместе с Шоги Эффенди и его окружением проследовали в сады на горе Кармель. То, что впервые за всю историю Дела президент независимого государства нанес официальный визит подобного рода, явилось очередным краеугольным камнем развития Всемирного Центра Веры. Президент и сопровождавшие его проявили знаки глубочайшего уважения перед Усыпальницей Баба: прежде чем войти в нее, они сняли туфли, как это делаем мы, мужчины же оставались в шляпах, как это делаем мы, мужчины же оставались в шляпах, как принято у евреев, чтобы выразить почтение к святыне; глубоко волнующе было видеть застывших перед порогом президента Бен Цви рядом с Шоги Эффенди - президента в его европейской шляпе и Хранителя в его привычной черной феске. После кратких пояснений Шоги Эффенди, выйдя из Усыпальницы, мы все вместе обошли сады и попрощались у Дома паломников Востока, где ожидала президентская машина.

29 апреля президент отправил личное послание Хранителю: "Я хотел бы выразить благодарность за Ваше дружелюбие и гостеприимство, а также за время, проведенное с большим интересом в прекрасных Садах и великолепной Усыпальнице... Я глубоко ценю дружеское отношение Общины Бахаи к Израилю и искренне надеюсь, что нам всем доведется увидеть, как крепнет дружба между всеми народами земли". 5 мая Хранитель

ответил на послание президента не менее радушным письмом: "... Для меня было великим удовольствием встретиться с Вашим Превосходительством и миссис Бен Цви и показать Вам одно из мест паломничества Бахаи в Израиле... С Вашего позволения миссис Раббани и я, в сопровождении мистера Айоса, желали бы нанести ответный визит Вашему Превосходительству и миссис Бен Цви в Иерусалиме..." Ответный визит был намечен на вторую половину дня 26 мая; за чаем мы провели время в приятной беседе с президентом и его супругой, тоже по-своему яркой личностью, как и ее муж, и не менее привлекательной. В промежутке между этими двумя визитами Шоги Эффенди послал президенту несколько книг Бахаи, которые обещал ему, на что президент ответил благодарностью и заверениями, что прочтет их с большим интересом. Скрупулезный во всех без исключения делах Шоги Эффенди 3 июня писал президенту: "Хочу поблагодарить Вас и миссис Бен Цви за вашу доброту и гостеприимство. Миссис Раббани и я остались крайне довольны нашей встречей, и я уверен, что Ваше посещение Святынь Бахаи, равно как и наш визит в столицу Израиля, послужили укреплению взаимного уважения и связей, объединяющих Бахаи и народ и правительство Израиля. С самыми теплыми пожеланиями Вам и миссис Бен Цви..." Так завершилась еще одна памятная глава в процессе завоевания признания Всемирного Центра Веры.

Хотя главные дела Всемирного Центра обычно улаживались в Иерусалиме в непосредственном контакте с высокопоставленными чиновниками, значительная часть работы осуществлялась с помощью муниципальных властей в Акке и Хайфе, особенно в Хайфе. Интересно, что из всех многочисленных контактов Общины Бахаи с муниципальными инженерами Хайфы первый состоялся еще при жизни Самого Абдул-Баха, когда д-р Циффрин предложил Его рассмотрению проект монументальной лестницы и кипарисовой аллеи, которая вела бы от расположенной у подножия горы Кармель старой колонии тамплиеров вверх, к Усыпальнице Баба. Учитель не только одобрил предложенный план, но и выделил землю для его осуществления, а также возглавил список подписчиков для сбора средств на "Монументальную Лестницу Баба" - так назывался этот проект - пожертвовав сто фунтов.

Помимо борьбы, которую Шоги Эффенди искусно и настойчиво вел за предоставление городскими властями концессий и за признание ими уникального статуса Веры Бахаи в Хайфе и Акке - двух городах, образующих Всемирный Центр, он поддерживал дружеские отношения сотрудничества с мэром Хайфы в том, что касалось многих муниципальных начинаний, включая поддержку, которую он оказывал властям - будь то муниципалитет или, в более раннюю пору, Районный комиссар, когда им требовалась финансовая помощь в благотворительной работе.

Письмо, направленное Шоги Эффенди в первые годы своего служения, 7 февраля 1923 года, полковнику Саймсу, как нельзя лучше отражает его политику и позицию, занятую им в подобного рода делах: "Я недавно узнал о благотворительном бале, который миссис Саймс организует в помощь беднякам Хайфы. Памятуя о том, что возлюбленный Учитель оказывал нуждающимся постоянную поддержку, и искренне желая следовать по Его стопам, я прилагаю к этому письму 20 фунтов как личный вклад в собираемый фонд... Полагаю, что Вы прекрасно провели время в Египте, и надеюсь в ближайшем будущем встретиться с Вами и миссис Саймс..." Те же чувства он выражает с неменьшей силой два года спустя в другом письме полковнику: "Внимательное изучение Вашего циркуляра от 16 февраля 1925 года, где упоминается об учреждении Благотворительного фонда Хайфы, заставило меня вспомнить о глубоком интересе, который Абдул-Баха проявлял по отношению к благотворительным организациям. Вдохновляемый теми же чувствами и желая следовать по стопам возлюбленному Учителю, спешу передать Вам сумму в 20 фунтов для облегчения страданий бедняков Хайфы".

Видя людей в бедственном положении, Шоги Эффенди всегда тепло откликался на их нужды. В апреле 1926 года он писал Комиссару Северного района: "Прекрасно понимая, сколь тяжелы страдания, причиненные недавними беспорядками, и памятуя о любви и

заботе, которую Абдул-Баха всегда проявлял к страждущим и нуждающимся, я с большой радостью вношу 309 фунтов как мой личный вклад для облегчения положения бедных и лишенных крова... Заранее признателен, если Вы время от времени будете уведомлять меня о требующейся помощи, где бы и кто бы в ней не нуждался". В 1927 году он вновь откликается на стихийное бедствие, направляя в государственный секретариат в Иерусалиме 100 фунтов как свой вклад в Фонд борьбы с последствиями землетрясения. На протяжении многих лет, в больших или меньших масштабах, он следовал примеру Учителя, прозванного "Отцом Бедняков".

То, что эта финансовая помощь, связанная с той или иной необходимостью, встречала теплый прием, самоочевидно: так, Комиссар Северного района в 1934 году благодарит Шоги Эффенди за его "великодушный вклад в дело облегчения тяжелого положения в Тивериаде", а также за его "дружеское послание", которое комиссар обещает передать "Районному комиссару Тивериады". В 1950 году Председатель муниципальной комиссии и мэр Хайфы благодарит Шоги Эффенди за присланные им 500 фунтов - "великодушный вклад Вашего Преосвященства, направленный на облегчение положения бедняков Хайфы. в связи со столетней годовщиной Мученической Смерти Баба". Делая такого рода вклады, Хранитель практически неизменно добавлял, что они "должны распределяться поровну среди нуждающихся членов всех общин безотносительно к их национальности и вероисповеданию".

Общая политика Веры в вопросах благотворительности отчетливо выражена в письме от 7 мая 1929 года, адресованном мэру Хайфы, в котром Хранитель уведомляет его о получении циркуляра касательно борьбы с нищенством в Хайфе и заявляет: "К счастью, эта проблема не затронула Общину Бахаи, поскольку любое вымогательство строго запрещено нашими законами. Тем не менее я ценю важность и своевременность принимаемых Вами мер и с удовлетворением прилагаю чек на 50 фунтов от имени Общины Бахаи в поддержку любого плана, который разработает муниципалитет для облегчения положения бедняков и помощи нуждающимся в Хайфе. Заверяю Вас, что члены Общины будут жестко соблюдать любые ограничения, которые могут быть введены".

В годы, когда народ Палестины, а впоследствии Израиля, переживал большие трудности, только в промежутке между 1940 и 1952 годом, Хранитель передал муниципалитету Хайфы более десяти тысяч долларов на нужды бедняков всех вероисповеданий. Помимо этой помощи, оказываемой через правительство и муниципальные органы, он откликался на призывы многих благотворительных обществ, оказывал индивидуальную помощь тем, кого считал достойным, и даже иногда жертвовал деньги на некоторые особые цели мечети в Хайфе. Зачастую он делал неожиданные, спонтанные пожертвования: так, он внес 100 фунтов на счет государственной психиатрической лечебницы в Акке - она помещалась в здании бывших турецких казарм - когда комнату, где жил Бахаулла, передали под опеку Бахаи, здесь же можно упомянуть сумму, пожертвованную им на сооружение Института физики, начатое Вейцмановским национальным мемориальным обществом.

Впрочем, не одними лишь благотворительными деяниями демонстрировал он местным властям свои добрые намерения. Практически на любую просьбу, с которой к нему обращались, он откликался с искренним, сердечным теплом. Хороший пример тому - переписка с мэром Хайфы, Аба Хоули, длившаяся на протяжении 1952 года. В Еврейском техническом колледже в Хайфе был намечен общенациональный симпозиум по проблемам просвещения, который должен был совпасть с еврейским праздником Ханука - Праздником Света. Его Милость письменно уведомил об этом Шоги Эффенди. В письме говорилось: "Буду признателен, если и Вы также поддержите наши усилия по успешному проведению этой конференции и сообразовите дать распоряжение о праздничной иллюминации прекрасной Усыпальницы на горе Кармель с 12-го по 19-ое декабря 1952

года включительно. Как обычно, в тех случаях, когда к нему обращались в учтивой форме, Шоги Эффенди тепло отозвался на просьбу мэра.

7 декабря он пишет ему:

Ваша Милость:

Ваше письмо от 30 ноября было получено мной по возвращении из Бахджи, и я хочу заверить Вас в том, что Община Бахаи будет счастлива оказать посильное содействие в том, чтобы Хайфа имела праздничный освещенный вид в дни проведения в Еврейском техническом колледже симпозиума по проблемам просвещения, особенно поскольку симпозиум этот проводится одновременно с праздником Ханука.

Я отдам распоряжения о том, чтобы Усыпальница была специально иллюминирована в этот период (и действительно, Усыпальница была залита светом каждую ночь после захода солнца), и, в свою очередь, хочу передать через Вашу Милость приглашение всем участникам и гостям Симпозиума - посетить Усыпальницу и сады в один из вечеров, когда они будут осматривать город, чтобы насладиться прекрасным зрелищем. Если Вы сможете уведомить нас заранее, будут сделаны специальные приготовления и ворота Усыпальницы откроют для гостей.

Искренне Ваш,

Шоги Раббани

Всемирный Глава Веры Бахаи

Другой яркий пример того, как Шоги Эффенди вел себя в тех случаях, когда считал просьбу достойной внимания, - помощь, оказанная им в 1943 году, когда Районный комиссар Акки обратился к нему с письмом о возможном предоставлении для размещения начальной школы восьми комнат в доме Аббуда (это большое здание являлось местом паломничества бахаи). Шоги Эффенди отдал несколько комнат под школьные классы, сказав при этом, что не возьмет никакой платы.

ХIII

Становление Административного Порядка

Одновременно с тем, как Хранитель закладывал осязаемые, материальные основы Веры в ее Всемирном Центре и завоевывал для нее признание правительства страны, в которой этот Центр был расположен, и муниципальных властей города, где со временем должна была разместиться постоянная штаб-квартира ее основных учреждений, он проводил аналогичную работу и за границей. Годы спустя он сам определил свою деятельность как тройное, предпринятое во всемирном масштабе усилие продемонстрировать независимый характер Веры, расширить ее границы и увлечь число ее приверженцев. Однако, для того чтобы справиться со своей задачей, ему требовались соответствующие орудия, и таковыми стали - в полном согласии с положениями учений - местные и Национальные Собрания - блоки, из которых воздвигался Административный Порядок. Интересно, как сам Шоги Эффенди в одном из своих писем 1941 года к человеку, не принадлежавшему к Вере, четко определяет свое отношение к этой первостепенно важной задаче: "... Административный Порядок, который я, как основной толкователь, назначенный Абдул-Баха, всемерно старался учредить... в соответствии с подробными указаниями, изложенными Абдул-Баха в Его Завещании..."; вполне очевидно не удовлетворенный несколько расплывчатой формулировкой, он перефразирует ту же мысль, говоря, что "был наделен властью и призван" учредить его.

Хотя Шоги Эффенди крайне редко упоминал о себе лично (и действительно, в его открытых посланиях крайне редко встречается местоимение "я"), власть, которой он был наделен в Завещании, была такова, что без нее Административный Порядок Бахаи никогда не был бы построен, Всемирная Община Бахаи никогда не воявилась бы в том виде, в каком она существует сегодня, и никогда не были бы заложены основы

Миропорядка Бахауллы. По мере того, как множились местные и национальные институты Дела и упрочивалась их основа, истинное положение Хранителя становилось все более очевидным не только для бахаи старшего поколения, которые всегда принавали его, но и для множества новых и зачастую неискушенных верующих, которые не успели постичь его истинное значение и последствия. Существует письмо, в котором Хранитель был вынужден, дабы защитить Дело, прямо изложить свои административные полномочия; оно было написано в ответ на проникнутое духом исключительного непонимания письмо секретаря одного из Духовных Собраний, и - редчайший случай! - Хранитель не снабдил свой ответ собственноручным постскриптумом, а лишь лаконично пометил: "Прочитано и одобрено, Шоги". Вот что говорится в этом письме:

Равно как все Местные Собрания находятся в полной юрисдикции Национального Духовного Собрания, все Национальные Собрания находятся в полной юрисдикции Хранителя; если он полагает, что какое-либо решение должно быть принято в интересах Дела, он не обязан советоваться с ними для его принятия. Он вправе судить о том, насколько благоразумные и оправданы решения, принимаемые этими органами, а не наоборот. В тексте Завещания этот принцип звучит совершенно недвусмысленно. Хранитель не только является Хранителем Дела в полном значении этого слова, но и назначенным толкователем Учения; в своих решениях он руководствуется тем, что защищает его высший и благие интересы и способствует их осуществлению.

Он всегда имеет право вмешаться и отменить то или иное решение Национального Духовного Собрания; не обладай он этим правом, он был бы абсолютно неспособен защищать Веру, равно как и Национальные Духовные Собрания, будучи лишены права отменять решения Местных Собраний, не смогли бы руководить жизнью национальной общины Бахаи и заботиться о ее благосостоянии.

Крайне редко случается - однако все же случается - что он чувствует необходимость изменить верховное (как Вы пишете) решение того или иного Национального Духовного Собрания; но он без колебаний поступает так в случае необходимости, и соответствующее Национальное Духовное Собрание обязано с легким сердцем и без колебаний принять это как меру, направленную на укрепление интересов Веры, которой ее избранные представители обязаны ревностно и преданно служить.

Не удивительно, что Шоги Эффенди характеризует период развития Веры, наступивший после вознесения Абдул-Баха, как "Железный Век", "Переходный Век", как "Период Строительства". Это был век, когда создавались местные, национальные и международные институты Дела, институты, которые, по словам Хранителя, в течение Золотого Века Бахаи неизбежно должны преобразиться в Мировое Содружество. "Животворный дух" Веры, писал он, достиг той точки, когда он готов "воплотиться в институты, предназначенные направлять его крепнущие силы и стимулировать его рост". Основные принципы Административного Порядка, основы которого были заложены в Завещании, он определили еще в первые годы своего служения в бесчисленных письмах к верующим всего мира, в которых он ясно очертил функции Собраний, сферы их юрисдикции и - что еще более важно - дух, который должен вдохновлять и побуждать их к действию, если они стремятся к достижению своей цели в обозримом будущем.

Административные учреждения можно уподобить сосудам и артериям человеческого организма, сеть которых позволяет циркулировать животворному потоку учений Бахауллы по всему миру; посредством их общество преобразится в "то заповеданное Христом Царствие, тот Миропорядок, чьи владения - весь земной шар, чей девиз - единство, чья движущая сила - Справедливость, чья определяющая цель - воцарение истины и равноправия, чей венец - полное, неколебимое и вековечное счастье рода людского".

Определив чисто технический механизм проведения выборов в Собрания и того, как им следует вести свои дела, Хранитель, в те ранние годы, чаще всего затрагивал вопрос единства; если "девизом" будущего общества должно было стать "единство", то, совершенно очевидно, существенно важно кропотливо культивировать его среди самих Бахаи. В 1923 году Шоги Эффенди пишет одному из местных Собраний: "Полная гармония и взаимопонимание между друзьями, в рамках самого Духовного Собрания и вне его; полное доверие со стороны верующих к любому решению, принятому их избранными представителями; а также сознательное отрешение последних от личных симпатий и антипатий во имя основополагающих интересов Движения - вот то единственно прочное основание, на котором можно строить в будущем конструктивную работу и подтверждать свою верность интересам Дела". Его обращения к Национальным Собраниям проникнуты тем же пафосом, о чем свидетельствуют отрывки из двух писем 1925 года: "Первейшим требованием к любому начинанию, в котором принимают участие верующие, служит присутствие духа бескорыстного товарищества, надежного, искреннего сотрудничества... истинный дух братства Бахаи - единственное средство, помогающее устранить многие житейские препоны, единственный путь к разрешению тех проблем, с которыми нам неизбежно придется сталкиваться в наших трудах во имя возлюбленного Дела". "Активное, сплоченное и гармоничное Национальное Собрание, сознательно и правильно избранное, энергично действующее, отдающее себе отчет в важности и многообразии лежащей на нем ответственности, находящееся в постоянном и тесном контакте со своим Международным Центром в Святой Земле, а также пристально следящее за любыми изменениями, происходящими в непрерывно расширяющейся сфере его деятельности - вот что, бесспорно, является на сегодняшний день первейшей необходимостью и имеет огромное значение, поскольку оно есть тот краеугольный камень, на котором в конечном счете будет покоиться здание Божественного Учреждения".

Медленно, терпеливо, с бесконечной любовью и пониманием Шоги Эффенди наставлял Собрания Востока и Запада в том, как вести дела Движения - на правильной основе, в соответствии с духом учений. Члены этих в полном смысле слова новорожденных институтов, подобно детям, были склонны время от времени ссориться между собой; однако Хранитель никогда не позволял им подвергать опасности интересы самой Веры. В одном из таких случаев, когда широко известное Национальное Собрание, устав от выходов одного из своих членов, проголосовало за его исключение, Шоги Эффенди направил Собранию строгую, предостерегающую телеграмму, в которой говорилось, что подобный акт может иметь "отзвук во всем мире нанести непоправимый вред Делу Бахауллы", и было отдано распоряжение восстановить членство имярека, предать забвению все споры и критику, так как это могло "подорвать авторитет института Национальных Собраний".

Пример этот достаточно показателен; Хранитель прекрасно понимал, что самый мир, верующие и Собрания еще недостаточно зрелы; учреждение "справедливости", которая сама по себе является довольно возвышенной материей, предполагает определенную зрелость, опытность и глубокое знание учений со стороны людей, связанных с выполнением этой задачи. И это требует времени. Снова и снова, на протяжении всего своего служения, Хранитель отказывался разбирать дела, с которыми к нему обращались, и призывал конфликтующие стороны подняться над ситуацией, постараться простить и забыть взаимные обиды, сосредоточиться на самых главных, самых безотлагательных нуждах Веры, на достижении целей текущих Планов и распространении целительной Вести по всему свету. Разумеется, в тех случаях, когда речь шла о разводах, о финансовых спорах и прочих, вполне конкретных вопросах, он советовал верующим обращаться в свои Собрания и требовал от последних тщательного разбирательства и вынесения окончательного решения; по мере того как с течением лет административные учреждения обретали все большую зрелость, он все настоятельнее советовал верующим обращаться со

своими проблемами в Национальные Собрания, чтобы и сами бахаи, и Собрания могли активнее набираться опыта и учились на практике применять богоданные принципы учения Бахауллы в своей личной жизни и жизни общины; и тем не менее там, где источником конфликта были разногласия, злоречие и взаимное недоверие, он неизменно призывал друзей стать выше этого на благо Дела. Его предостережения, укоры и призывы в таких случаях, как прикосновение прохладной ладони к пылающему от жара лбу, успокаивали и смирляли враждующих, гасили взаимную неприязнь до тех пор, пока глубинное чувство любви к своей Вере вновь не преисполняло их сердца и не залечивало раны.

Только окончательно убедившись в том, что национальные органы - в тех странах, где их образованнее представлялось возможным - избраны правильно и действуют в соответствующем духа, Шоги Эффенди переводил из на четкую и ясную законную основу. Благодаря его поддержке в 1927 году, пять лет спустя после того, как он вступил в должность Хранителя Веры, был заложен один из краеугольных камней истории Бахаи. Этим краеугольным камнем стало "составление и принятие Национального Устава Бахаи, разработанного и выдвинутого избранными представителями Американской Общины Бахаи". Шоги Эффенди называл это событие первым шагом в "объединении Всемирной Общины Бахаи и укреплении ее Административного Порядка" и говорил, что Устав это "достойное и верное изложение конституционной основы общин Бахаи во всех странах, предвещающее конечное возникновение Всемирного Содружества Бахаи".

Это документ явился "хартией" для всех Национальных Собраний, был переведен на такие крупнейшие языки мира Бахаи, как персидский, арабский, французский, немецкий и испанский, а его положения, основанные на ведущих линиях, намеченных самим Шоги Эффенди в его толкованиях учений Веры, и на том, что он называл "законченной системой всемирных институтов, содержащейся в учениях Бахауллы" - были подытожены им самим в следующих словах: "Текст национального устава включает Декларацию Обязанностей группы ее избранных представителей, в статьях которой изложены характер и цель национальной общины Бахаи, определены ее функции, указано местоположение главной канцелярии и дано описание ее официальной печати, а также ряд подчиненных законов, которые определяют статус, порядок избрания, полномочия и обязанности местных и национальных Собраний, описывают отношение Национального Собрания ко Всемирному Дому Справедливости, а также к местным Собраниям и к отдельным верующим, очерчивают сферу действия Национального Устава и его отношение к Национальному Собранию, раскрывают характер выборов Бахаи и устанавливают требования для участия в голосовании во всех общинах Бахаи".

Разработка Подчиненных Законов Духовным Собранием бахаи Нью-Йорка в 1931 году стала еще одним значительным шагом вперед в развитии Административного Порядка; за ним год спустя последовало узаконение этого Собрания в штате Нью-Йорк. Об этих законах Шоги Эффенди написал, что они "послужат образцом для каждого местного Собрания Бахаи в Америке и примером для каждой местной общины во всем мире Бахаи". Формулировка этого прототипа всех национальных уставов Бахаи, равно как и разработка подходящих регламентов для любого местного Духовного Собрания, заложили прочную основу, на которой как Национальные, так и местные Собрания Бахаи могли добиться узаконения в соответствии с законами страны, где они функционировали, и, таким образом, получить право выступать в качестве официальных владельцев такой собственности Веры, как земельные участки, национальные и местные штаб-квартиры, исторические достопримечательности и в некоторых случаях Дома Поклонения Бахаи - шаги, которым Шоги Эффенди придавал огромное значение. В 1928 году раздались первые призывы Хранителя к восточным Национальным Собраниям - также приступить к созданию своих национальных уставов, взяв за пример документ, разработанный американцами, и, кроме того, добиваться признания своих религиозных судов, наделенных полномочиями применять законы Бахаи в случаях, касающихся статуса

личности, таких как заключение браков, разводы, наследование и так далее, случаях, которые во многих исламских странах не входят в юрисдикцию обычных гражданских судов.

Это была настоящая битва независимой Веры за обретение полного признания своего исторического положения и права на то, чтобы ее рассматривали на одном уровне с другими мировыми религиями. В процессе постоянной ориентации отдельных общин Бахаи на достижение их общей цели - превращения в полностью унифицированный международный орган, управляемый из Всемирного Центра и устремленный к установлению всемирного братства между людьми, мира во всем мире и, в конечном счете, к созданию всемирного содружества наций, - Шоги Эффенди использовал образование Организации Объединенных Наций как нового средства для более быстрого достижения этой наиглавнейшей цели.

Как только стало очевидным, что возникновение этого международного органа позволяет негосударственным организациям посылать своих аккредитованных представителей на различные конференции и съезды, организованные при их содействии, Шоги Эффенди настоял на том, чтобы тогдашнее Национальное Духовное Собрание Бахаи Соединенных Штатов и Канады получило этот статус, которого удалось окончательно добиться в 1947 году. К этому времени были представлены на рассмотрение бахаистская Декларация прав и обязанностей человека, а также Уложение о правах женщин. Был назначен комитет Бахаи в составе Организации Объединенных Наций, и наблюдатель Бахаи посещал заседания ООН. Поскольку статус этот был слишком ограничен, пришлось изыскивать пути и средства для его расширения. Это удалось сделать за зиму 1947-1948 года, когда семь Национальных Духовных Собраний уполномочили американский орган действовать от их лица, как их представитель, под названием Международная Община Бахаи, должным образом признанная как международная организация, аккредитованная в ООН; такой статус повышал престиж Веры и расширял привилегии официальных представителей Бахаи, которые регулярно присутствовали и принимали участие в различных конференциях Организации Объединенных Наций, открытых для имеющих такой статус. По мере образования новых Национальных Духовных Собраний, они также присоединялись к процессу и усиливали организацию, представляющую мир Бахаи.

Важность, которую Шоги Эффенди придавал этому звену, связующему Дело с величайшей международной организацией, когда-либо созданной человечеством, явствует из его собственных слов: "оно знаменует важный шаг вперед в борьбе нашей возлюбленной Веры за то, чтобы получить должную оценку в глазах мировой общественности и быть признанной в качестве независимой Мировой Религии. Этот шаг должен сыграть роль благоприятную для повсеместного развития Дела, особенно в тех странах, где - прежде всего это касается стран Востока - оно до сих пор преследуется, где приуменьшается его значение, где на его последователей смотрят свысока". Когда в 1955 году мощная волна гонений обрушилась на Общину Бахаи в Персии, бережно поддерживаемые и развиваемые связи с Организацией Объединенных Наций уже начали приносить первые плоды; в результате подробного доклада об оскорблениях, которым подвергались последователи Бахауллы, и о жестоком обращении, которое они вынуждены были терпеть у себя на родине, представленном на рассмотрение Генерального секретаря ООН, глава этой организации назначил комиссию, возглавляемую Верховным комиссаром по делам беженцев, и поручил ей вступить в контакт с персидским правительством и получить официальное заверение в том, что права бахаистского меньшинства отныне и впредь не будут никоим образом ущемляться. Хранитель придавал этим отношениям такое значение, что отдельный пункт об "Укреплении связей между Всемирной Общиной Бахаи и Организацией Объединенных Наций" был включен им в список из двадцати семи пунктов первоочередных задач Десятилетнего Плана.

Историю Дела, писал Шоги Эффенди, "рассмотренную в правильной перспективе, можно представить как ряд пульсаций, кризисов, меняющихся громкими победами, неизменно

приближающих ее к предустановленной свыше цели". Хотя кончина кого-либо из Главных Героев Веры - будь то Баб, Бахаулла или Абдул-Баха - неизбежно влекла за собой очередной кризис, большая часть тех ударов, которые лишь способствовали ее движению вперед, являлись результатом преследований, которым она, как правило, хотя и не всегда, подвергалась со стороны своих заклятых врагов - церковников-мусульман. За тридцать шесть лет служения Шоги Эффенди последователи Веры в Персии периодически становились жертвами самых ужасных и кровавых зверств как в местном, так и в общенациональном масштабе; ее приверженцы в Турции подвергались гонениям, противостояли потоку ложных обвинений и клеветы; ее последователям в Египте постоянно грозила опасность физической расправы, под угрозой находилось их имущество, их кладбища и их законные права; Собрание верующих в России было распущено, их Храм национализирован, а сами они по большей части - депортированы или сосланы в ссылку; Община Бахаи в Германии была официально распущена в июне 1937 года, тогда же была запрещена ее деятельность, конфискованы архивы, а некоторые из ее членов подверглись допросам и даже арестованы.

Подобные события повергали Хранителя в глубокую скорбь, отнимали огромное количество времени и лишь увеличивали и без того тяжелую ношу, обременявшую его сердце и ум. Основной заботой, тем не менее, продолжала оставаться Персия, где "оклеветанная, растоптанная и униженная, прошедшая через тяжкие испытания община" непрестанно была вынуждена бороться за то, чтобы выжить перед лицом постоянной угрозы. Дела этой "нежно любимой" Общины - как он часто и с любовью называл ее - продолжали заботить его вплоть до самых последних дней его служения. Он не уставал обращаться со своими посланиями к ее отдельным членам и к ее избранному национальному собранию, в обращениях же к бахаи Запада это было постоянной темой различных просьб, призывов к поддержке и защите своих собратьев, объяснений того, почему персидская Община, которая, по его словам, вынесла на своих плечах всю тяжесть событий Героического Века Веры, подвергается такому угнетению со стороны своих же соотечественников.

Тот факт, что Верховное Явление Божие осуществилось на земле Персии и что поэтому она - по словам Шоги Эффенди - возлюбленная "Колыбель нашей Веры и предмет нашей нежнейшей привязанности; тот факт, что - как он писал - наступит время, "которое станет свидетелем духовного и материального возвышения Персии над другими народами" - факт этот еще не означает, чтобы можно было ожидать скорого исполнения этого пророчества. "Только человек, пристально и беспристрастно наблюдавший за нравами и обычаями персидского народа, - писал он в одном из своих открытых писем, - может в полной мере оценить огромность задачи, стоящей перед всяким сознательным верующим в этой стране" по причине "преобладающих тенденций разных слоев общества" таких, как апатичность, лень, отсутствие чувства общественного долга и верности каким бы то ни было принципам, неспособность к сосредоточенному усилию и постоянству действий, а также склонность к скрытности и слепому повинению невежественному и фанатичному духовенству. И так как Весть Бахауллы должна изменить весь мир, она изменит и Его родину, и она, придя под Его сень, увидит открывшуюся перед ней возвышенную стезю.

Было время, когда Шоги Эффенди, как явствует из его писем, надеялся, что основатель новой династии Пехлеvidов, который ввел множество безотлагательных реформ, ускорит наступление очередной фазы в развитии Веры Бахауллы в этой стране. В 1929 году он писал о том, что верующие Персии "вкушают первые плоды долгожданной эмансипации". Учитывая процесс намечавшихся реформ, он посоветовал Национальному Собранию скорейшим образом добиваться разрешения на печатание своей литературы и на учреждение книгоиздательского треста Бахаи. Когда в этом было отказано, он, в январе 1932 года, телеграфирует в Америку: "Прошу срочно передать через тегеранское Собрание двух письменных сообщений персидскому правительству и шаху выражением от имени американских верующих живейшей признательности недавние благотворные

внутренние реформы, особенно подчеркивая духовные связи между обеими странами и открыто прося снятия запрета на ввоз литературы Бахаи, акцентируя ее высокую нравственную ценность, особенно книги Набиля и "Бахаи Уорлд". Однако надеждам Шоги Эффенди не суждено было сбыться; реформы оказались недостаточно широкими и не затронули вызывавшей всеобщее недоброжелательство общины, и в просьбе было отказано. Решив не сдаваться без борьбы, Хранитель пять месяцев спустя вновь телеграфирует в Америку: "Прошу срочно адресовать шаху письменную петицию от имени американских верующих упоминая Рэнсом-Келер как избранного представителя уполномоченного подавать прошение о ввозе литературы Бахаи в Персию. Подчеркните благодарную оценку внутренних реформ и духовные связи между обеими странами особо отметив дань уважения писаний Бахаи в отношении ислама и его нравственной ценности для Персии. Отправьте почтой прошение Национальному Собранию Персии".

Этот эпизод - великолепный пример того, как Хранитель старался использовать любое подручное средство в интересах Веры. Американская верующая миссис Кейт Рэнсом-Келер, женщина выдающихся способностей и твердого характера, прибыла в Хайфу на паломничество, и Шоги Эффенди принял решение отправить ее в Персию. Прежде чем стать бахаи, она была служительницей христианской церкви и отличалась могучим и страстным ораторским даром. Хранитель довольно долго, на протяжении нескольких недель, держал ее в Хайфе, давая ей наставления, подробно рассказывая о ситуации в Персии и о том, что, как он полагал, она сможет сделать, чтобы помочь Вере обрести большую свободу или, по крайней мере, хоть какое-то признание. И хотя миссия Рэнсом-Келер не увенчалась успехом, так как шах отказался встретиться с нею, визит этого эмиссара Хранителя имел исторические последствия для персидской Общины Бахаи: глубоко проникнувшись тем, что говорил ей Хранитель о развитии Административного Порядка в этой стране, Кейт Рэнсом-Келер смогла вдохновить в общей своей массе запуганную, бесконечно унижаемую и отчасти впавшую в апатию общину новым сознанием миссии, ожидающей ее в будущем, и бозотлагательностью непосредственно стоящих перед нею задач. Однако, как и в случае с д-ром Эсслементом, новое орудие недолго прослужило Хранителю. 28 октября 1933 года он посылает телеграмму в Америку: "Драгоценная жизнь Кейт принесена жертву возлюбленному Делу Бахауллы на Его родине. На персидской земле во имя Персии она бросила отважный вызов силам тьмы и боролась с ними проявив неукротимую волю и несгибаемую верность. Ее беззащитные персидские собратья скорбят внезапной утрате своего мужественного защитника американские верующие с благодарностью и гордостью хранят память своей первой выдающейся мученицы. Скорблю оплакиваю уход земной жизни бесценного сотрудника верного советчика дорогого и преданного друга. Прошу местные Собрания подобающим образом организовать мемориальные встречи в память о той чьи международные заслуги принесли ей высокий чин Десницы Дела Бахауллы". Смерть эта обернулась одновременно великой утратой для Персии и великой победой для Америки.

То, что эмиссар Шоги Эффенди, Кейт Рэнсом-Келер, в полной мере заслуживает посмертных почестей, которые он так щедро воздавал ей, находит широкое подтверждение и в ее собственных словах, написанных в Персии в дни, когда она глубоко переживала неудачу своей главной миссии: "Я потерпела неудачу, чего со мной никогда не случалось раньше. Месяцы тяжких безрезультатных усилий неотступно стоят перед глазами. Только тот, кого в будущем, быть может, заинтересует моя злополучная история, сумеет сказать - далеко или близко от кажущихся недостижимыми вершин услужливого безразличия пало наземь мое старое изможденное тело. Грохот битвы еще стоит у меня в ушах, и по сей день еще не рассеялся дым, чтобы я могла удостовериться, продвинулась ли я хоть на шаг вперед или все время была на ложном пути. Все в мире имеет смысл, имеет его и страдание. Жертва и несомые ею муки это - завязь, живой организм. Человек не властен нанести ему вред, вытоптать, как топчет он ростки земли. Ибо навеки распускается он в благоуханных полях вечности. И пусть мой цветок будет невзрачным и

хрупким, как простая незабудка, орошенная каплями крови Куддуса, которые я собрала на Сабземейдане в Барфуруше; и если ему суждено привлечь чей-то взгляд, пусть тот, кто обречен неравной борьбе, хранит его во имя Шоги Эффенди, бережет его в память о нем". В декабре 1934 года Шоги Эффенди телеграфировал персидскому Национальному Собранию: "Узнайте и уведомите телеграфом окончательно ли закрыта школа Тарбийат". Подоплека этого вопроса становится ясной из ответа Собрания Хранителю:

"Вслед за Вашим запросом в день казни Баба обе школы Тарбийат в Тегеране были закрыты ввиду чего министр образования распорядился полностью закрыть обе школы спросив у нас почему мы не желаем скрывать свои убеждения..." Случай этот может послужить классическим примером борьбы персидских бахаи, постоянно руководимых и ободряемых Шоги Эффенди, за обретение хотя бы минимальной степени свободы в следовании своей Вере, которая насчитывала самое большое число приверженцев с стране после ислама. Обе школы Тарбийат - для мальчиков и для девочек - целиком принадлежали бахаи и находились в их ведении, просуществовав тридцать шесть лет. Основанные еще при жизни Абдул-Баха, в 1898 году, они были особенно дороги Его сердцу; школы всегда имели самую блестящую репутацию, и, хотя основную массу учеников составляли бахаи, занятия посещали и дети из семей других вероисповеданий. Школы всегда закрывались на Девять Священных Дней Бахаи, но в этот раз под явно неубедительным предлогом, что бахаи принадлежат к вероисповеданию, которое официально не признано в стране, министерство образования неожиданно потребовало, чтобы школа оставалась в эти дни открытой. Это означало скорее отступление, чем продвижение вперед в битве за самостоятельность, в которой Дело ценой отчаянных усилий старалось одержать победу, и Шоги Эффенди дал категорический отказ, приказав Собранию закрыть школу накануне дня мученической смерти Баба. А поскольку он не желал ни того, чтобы верующие скрывали свои религиозные убеждения, ни того, чтобы школа оставалась открытой в Священные Дни, а правительство продолжало настаивать на своих распоряжениях, школа Тарбийат, одна из лучших в Персии была закрыта насовсем и остается закрытой по сей день.

На следующий день после того как он получил ответ из Тегерана с печальной новостью, обращаясь к бахаи той страны, гед они пользовались самой большой свободой во всем мире, Шоги Эффенди не скрывает своего гнева, которым дышит каждое слово, когда он перечисляет унижения и страдания, которым подвергались и подвергаются бахаи в Персии: "Недавно полученные сведения указывают преднамеренность попыток подорвать все учреждения Бахаи в Персии. Закрыты школы Кашане, Казвине, Султанабаде. В некоторых ведущих центрах включая Казвин Керманшах изданы приказы приостановке учительской деятельности, запрещении собраний, закрытии Зала Бахаи, упразднении права погребения покойных кладбищах Бахаи. Бахаи Тегерана под угрозой тюремного заключения вынуждены регистрироваться как мусульмане в удостоверениях личности. Торжествующее духовенство подстрекает население. Прошение тегеранского Национального Собрания шаху не принято. Разьясните послу Персии тяжесть недопустимость подобной ситуации".

Эти совершенно неожиданные удары, нанесенные общине Бахаи в дни, когда логично было бы ожидать, что проводимая в стране либеральная политика наконец затронет и последователей Веры, которая одна со времен царя Дария и его преемников действительно прославила нацию - в эти дни персидским бахаи удалось созвать Съезд, делегаты которого в достаточной степени представляли Общину Бахаи в Персии, чтобы избрать Национальное Собрание, дату возникновения которого Шоги Эффенд помечает в своих статистических записях 1934 годом; еще в 1927 году была созвана, по словам Хранителя, "первая историческая представительная конференция из нескольких делегатов" и разработаны планы о проведении в будущем ежегодных собраний такого рода, а с 1928 года он начинает называть органы, избираемые на этих собраниях Национальным Духовным Собранием Персии. Одной из основных причин того, что

выборы, "проведенные по образцу", как писал Шоги Эффенди, "того метода, которому следовали их собратьям в Соединенных Штатах и Канаде", так долго откладывались, явилась невозможность, в существующих условиях, выполнить требования Хранителя, подразумевающие, что предварительным условием правильной административной процедуры избрания общенационального органа должен быть тщательно составленный список всех верующих стран.

В 1931 году Шоги Эффенди дал указание персидской общине приобрести земельный участок для ее будущего Машрик уль-Азкара и начать строительство Хазират уль-Кудса в Тегеране. Несомненно, что частично из-за этих попыток утвердить свое право на существование как признанной общины разгневанные власти, и не помышлявшие о том, чтобы официально признавать ее, так упорствовали в своей решимости не замечать ее существования, несмотря не предпринимаемые в разумных рамках Хранителем и Общиной усилия не провоцировать без особой на то нужды народ и правительство. Примером подобной умеренности может послужить его указание женщинам-бахай не идти по главе движения за женскую эмансипацию, начатого шахом, - эмансипацию, повлекшую отказ от ношения чадры и полностью согласную с учениями Баба и Бахауллы, - дабы не навлечь на себя новых неприятностей.

Положение бахаи на Востоке, особенно в Персии, на самом деле никогда не было вполне спокойным и безопасным, постоянно балансировало на краю и всегда заставляло людей жить в ожидании новой вспышки жестоких и зачастую кровавых преследований. То и дело в разных местах случались убийства бахаи - некоторых из них Хранитель упоминает как мучеников; возможность нападков и преследований ощущалась повсеместно как жар скрытого, до поры тлеющего пламени, где-то это ощущение было сильнее, где-то слабее, но присутствовало оно постоянно. Когда на персидских друзей обрушивались очередные беды, Хранитель мгновенно отклкался любящими посланиями, денежными вспоможениями, наставлениями, как правило обращенными к Американскому Национальному Собранию - вступить за своих собратьев и требовать справедливости. Часто встречались сообщения, подобные тому, которое я привожу ниже и которое хорошо передает дух этих посланий: "советую... провести специальные молитвенные собрания Храме благоговейно прося помощи незримых воинств Царства Абха избавления страданий собратьев родине Бахауллы. Возможно непрерывные усилия удвоенные старания американцев возместят вынужденную длительную пассивность части Его последователей".

Однако наиболее тяжелый кризис из всех, что пережила персидская Община Бахаи за все тридцать шесть лет служения Хранителя, вспыхнул в 1955 году, когда, как он сообщил по телеграфу, в делах самой большой общины Бахаи в мире произошло резкое, неожиданное ухудшение. В пространной телеграмме от 23 августа он известил Десниц и Национальные Собрания о происходящем: вслед за захватом властями национальной штаб-квартиры персидских верующих в Тегеране и разрушением большого украшенного купола, венчающего это здание (разрушение, в котором, вооружившись кирками и мотыгами, приняли участие главные священнослужители и генералы персидской армии), местные административные штабы Бахаи по всей Персии также подверглись захвату, парламент страны объявил Веру вне закона, в печати и на радио вспыхнула злостная клеветническая кампания, поставившая целью исказить историю Веры, очернить ее Основателей, представить ее учения в превратном свете и дать ложное истолкование ее целей и намерений - после чего волна злодеяний обрушилась по всей стране на членов пострадавшей общины. Перечисляя "акты вандализма" и подводя итог нанесенному ущербу, Шоги Эффенди упоминает: осквернение Дома Баба в Ширазе - одной из первейших Святынь Веры в Персии, которая в результате была жестоко повреждена и изуродована; захват дома предков Бахауллы; грабеж, которому подверглись принадлежавшие верующим лавки и сельские хозяйства, поджоги и разрушение их имущества, их полей, выкапывание и осквернение праха покойных на кладбищах бахаи;

взрослых избивали; молодых женщин несильственно похищали и силой заставляли выходить замуж за мусульман; над детьми издевались, всячески поносили их, исключали из школ и избивали на улицах; торговцы устроили бойкот бахаи и отказывались продавать им продовольствие; пятнадцатилетняя девочка стала жертвой насилия; одиннадцатимесячного ребенка растоптала толпа; на верующих оказывали всяческое давление, чтобы заставить их отречься от своей Веры. На днях, продолжал Хранитель, двухтысячная толпа под звуки труб и барабанов топорами и саблями зарубили семью из семи человек, старшему из которых было восемьдесят лет, а самому юному - девятнадцать.

По распоряжению своего Хранителя уже более тысячи групп и Собраний бахаи со всего света направили телеграммы и письма персидским властям, протестуя против подобных несправедливых и незаконных действий, совершаемых против их беззащитных братьев. Кроме того все Национальные Собрания обратились с письмами к шаху, правительству и парламенту, выражая свой решительный протест против чинимого произвола и незаконного преследования ни в чем не повинной общины исключительно на религиозной почве. Поскольку все это не вызвало никакого ответа со стороны официальных представителей, Хранитель поручил Международной Общине Бахаи, аккредитованной в качестве неправительственной организации при ООН, обратиться с этим вопросом к представительству Организации Объединенных Наций в Женеве, причем он сам назвал имена тех, кого желал видеть представителями Общины в такой ответственный момент. Воззвание Бахаи было распространено среди членов Социально-экономического совета, вручено Директору Отдела по правам человека, а также ряду специальных агентств неправительственных организаций, пользующихся правом совещательного голоса. Американское Национальное Собрание и все местные Собрания и группы обратились также к президиуму Соединенных Штатов с просьбой заступиться за гонимых членов братской общины в Персии.

Впервые в истории подвергшаяся новому нападению Вера получила возможность защищаться достаточно действенным оружием. Важность этого момента ясно определил Шогги Эффенди. Каким бы ни был конечный результат этих "душераздирающих" событий, одно стало совершенно очевидно: юная Вера Божия, которая на протяжении двадцати пяти лет после вознесения Абдул-Баха создавала механизм предустановленного свыше Административного Порядка, а впоследствии использовала новые административные органы для систематической пропаганды Веры посредством разработки ряда национальных планов, увенчавшихся Всемирным Походом, ныне, непосредственно вслед за тяжким испытанием, обрушившимся на подавляющее число ее последователей, представала перед миром, выступая из мрака неизвестности. Широкий мировой отголосок, который получили эти события, восславленные потомками как "трубный зов Господень, неизбежно должны были, благодаря коварству "исконных, закосневших в пороке и фанатизме противников" Дела, привлечь внимание правительств и глав государств на Востоке и Западе к факту существования Веры и к непреходящей важности ее требований. Столь бурными были обстоятельства, сопровождавшие эти события в Персии, и столь впечатляющим их отзвук за рубежом, что Хранитель заявил: они проложили путь освобождению Веры от оков исламской ортодоксии, а также окончательному признанию самостоятельного характера Откровения Бахауллы у Него на родине.

Учитывая великие страдания и бедственное положение персидских верующих, Шогги Эффенди учредил фонд "Помощь Гонимым" и первым пожертвовал на "эту благородную цель" восемнадцать тысяч долларов. Не довольствуясь этим жестом солидарности Бахаи, он призвал к сооружению в самом сердце Африки, в Кампале, "Материнского Храма" этого континента - "вечного утешения" для "гонимых масс" наших "отважных братьев" в Колыбели Веры. Тем самым он нанес тяжкий удар силам тьмы, ополчившимся на

старейшую в мире цитадель этой Веры, самым мощным оружием, находившимся в его распоряжении - с помощью сил творческого прогресса, просвещения и веры.

Трудно представить себе, как один человек, совершенно одинокий в своем швейцарском отшельничестве, не имея поблизости никого, кто мог бы помочь ему советом или утешить в столь трудный час, мог перенести известия о буре, так неожиданно разразившейся в Персии в 1955 году; что в одиночку он разрабатывал свою стратегию, давал телеграммы своим помощникам - различным Национальным Собраниям - оповещая их о том, какие действия следует предпринять, как назначал тех, кому предстояло защищать интересы Веры в самой крупной и могущественной международной организации, когда-либо созданной человечеством - в Организации Объединенных Наций - как утешал пострадавших, собирал средства для помощи им, как не щадя себя сражался за них.

Обращаясь к истории ликвидации Веры в России, мы должны вспомнить, что одна из первых общин Бахаи в мире возникла именно там, на Кавказе и в Туркестане, еще в конце прошлого столетия, и что многие персидские верующие находили там убежище от гонений, которым подвергались у себя на родине. Они обосновались в нескольких городах, прежде всего в Ашхабаде, где воздвигли первый в мире Бахаи Храм и открыли школы для детей-бахаи, просуществовавшие более тридцати лет. Дела их шли налаженно. К 1928 году они создали ряд Духовных Собраний (включая одно в Москве), два из которых, центральные, несмотря на отсутствие собственности, были избраны широким кругом национальных представителей, руководили делами своих общин и были зарегистрированы в опубликованном в Соединенных Штатах перечне как Национальные Собрания Кавказа и Туркестана. В сентябре 1927 года в письме, адресованном местному Собранию Ашхабада, Шоги Эффенди дал ему указание постепенно готовить делегатов от всех Собраний Туркестана для встречи в Ашхабаде и проведения выборов в Национальное Собрание. 22 июня 1928 года пришел ответ ашхабадского Собрания: "В соответствии общим положением 1917 советское правительство национализировало все Храмы на особо оговоренных условиях предоставив свободную арену соответствующим религиозным общинам отношении Машрик уль-Азкара правительство предоставило такие же условия Собрание разрешено настоятельно просим телеграфировать указания". Мгновенно последовал отклик Хранителя, пославшего телеграмму Московскому Собранию: "Требуется решительное вмешательство целью воспрепятствовать экспроприации властями Машрик уль-Азкара. Запросите подробностях Ашахабад..." - и в Ашхабад: "снесите Московским Собранием касательно прошения властям имени всех бахаи России. Действуйте твердо решительно поддерживаю молось".

Вспоминая о событиях, произошедших в России, следует провести четкую грань - что признавал и сам Хранитель - между трудностями, выпавшими на долю русских верующих, и преследованиями, которым подвергались бахаи в Персии. В Персии верующие становились, и до сих пор становятся, жертвами всех мыслимых форм несправедливости потому, что являются последователями Бахауллы; в России ситуация была совершенно иная. Бахаи подвергались дискриминации вовсе не потому, что они бахаи, виной всему стала политика правительства, организовавшего гонения на все религиозные общины.

В сентябре 1928 года, в письме к Марте Рут, Шоги Эффенди рассказывает не только о происходящем в России, но и о том, как эти события повлияли на него лично: "Лето в этом году выдалось для меня крайне мрачное, поскольку положение Дела в России продолжает ухудшаться день ото дня. Машрик уль-Азкар реквизирован государством, закрыт и опечатан. От друзей требуют огромную сумму для того, чтобы они могли взять его в аренду, в противном случае власти угрожают распродать его по частям. Ситуация критическая, и многие семьи эмигрировали в Персию. Встречи не проводятся, Собрания распущены, введены строгие ограничения и наказания... эти и прочие события приводят меня в глубокое уныние". Миграцию бахаи из России в Персию он категорически не

одобрял. Так, он уведомляет ашхабадское Собрание о том, что "отъезд друзей Иран крайней степени нежелателен", и говорит, что в случае необходимости они могут поменять персидское гражданство на русское. Он и раньше настаивал на том, чтобы иммигранты-бахай учили русский язык и переводили на него литературу Бахаи. В 1929 году он пишет персидскому Национальному Собранию, что ашхабадским верующим следует оставаться на месте и держаться сплоченно и дружно в ожидании, пока черные тучи несправедливости не рассеются и не покажется солнце праведного суда.

Все преследования, сколь бы ни усугублялись они неразумными действиями самих жертв, множась за счет неразумного поведения подчиненных, выполняющих распоряжения вышестоящих лиц - в отдельных случаях даже злонамеренные, - заключают в себе частицу тайны, чуда, которое нам не дано постичь в нашей земной жизни. Тем не менее, есть все основания полагать, что некоторые наши беды мы навлекаем на себя сами.

Излагая свой взгляд на происходящее в России, Шоги Эффенди в пространном письме от 1 января 1929 года, обращенном к бахаи Запада, говорит, что русские бахаи в последнее время испытали на себе "всю суровость принципов, уже провозглашенных государственными властями и повсеместно применяемых в отношении других религиозных общин"; бахаи, "как то и подобает из положению верных и законопослушных граждан" повиновались "мерам, которые государство, свободно распоряжаясь своими законными правами, решило применить". Меры, которые предприняли власти, "верные своей политике экспроприации в интересах государства всех зданий и памятников религиозного характера", в результате привели их к экспроприации и взятию под свой контроль "столь дорого сердцу каждого бахаи, столь почитаемого бахаи всего мира ашхабадского Машрик уль-Азкара". Кроме того, "государство отдало устные и письменные приказы, официально доведенные до сведения Собраний Бахаи и отдельных верующих, отменяющие все собрания и встречи... запрещающие создание комитетов при всех местных и национальных Собраниях, а также образование фондов... настаивающие на праве полной и регулярной инспекции дискуссий, проводимых на Собраниях Бахаи... вводящие строгую цензуру на всю приходящую и исходящую корреспонденцию Собраний Бахаи... налагающие запрет на все периодические издания Бахаи... и настаивающие на высылке всей руководящей верхушки Дела, будь то проповедники или должностные лица Собраний Бахаи. Всем этим требованиям, - продолжает Шоги Эффенди, - последователи Веры Бахауллы с чувством жгучей муки, проявив героическую стойкость духа, единодушно и безоговорочно подчинились, памятуя об основных принципах поведения бахаи, которые вкупе с их административной деятельностью, сколь плачевные последствия вмешательство в нее не имело для расширения Дела (поскольку временное ее прекращение еще само по себе не является отступлением от принципа верности своей Вере), заключаются в безусловном уважении и беспрекословном повиновении решениям и авторитетным декретам своих правителей - в согласии с ясно и недвусмысленно выраженными повелениями Бахауллы и Абдул-Баха". Далее он говорит о том, что после того как бахаи Кавказа и Туркестана исчерпали все законные средства, стремясь хоть в какой-то степени смягчить наложенные на их деятельность ограничения, они приняли решение "сознательно исполнять взвешенные и обдуманые постановления признанного ими правительства" и "с надеждой, которую не дано погасить в их душах никакой земной власти... препоручили интересы своего Дела тому недремлющему, тому всемогущему Божественному Избавителю..."

Шоги Эффенди заверил бахаи, что, если он посчитает целесообразным на более поздней стадии прибегнуть к помощи мира Бахаи, он непременно сделает это. В апреле 1930 года он почувствовал, что время настало; драгоценное сокровище - Храм, который бахаи удалось взять в аренду у властей после его конфискации, теперь находился под угрозой раз и навсегда быть отнятым у своих законных владельцев, против которых государство продолжало ужесточать меры. И Хранитель телеграфирует американскому Национальному Собранию: "... требуется немедленное вмешательство. Особо подчеркните

международное значение Храма..." В предварительном подробном письме он уже наметил линии подхода к решению проблемы, того, когда и в каком случае верующие за рубежом должны поднять голос протеста: местные и национальные Собрания Востока и Запада должны были обратить внимание русских властей на то, что категорически отрицают какой бы то было политический умысел или мотив, могущий быть ложно вмененным в вину собратьям, а также на "гуманитарный и духовный характер работы, которую соединенными усилиями осуществляют Бахаи всех стран и национальностей", на международную значимость Здания, которое почитается как первый Всемирный Дом Поклонения Бахауллы, план которого принадлежит Самому Абдул-Баха и которое было построено под Его руководством, на коллективные пожертвования верующих всего мира. Но, когда жребий был окончательно брошен, Шоги Эффенди телеграфировал ашхабадскому Собранию о своем распоряжении "подчиниться решению государственных властей". Случай подобный тому, что произошел с первым из двух Храмов Бахаи, возведенных при покровительстве Абдул-Баха, в первую очередь может послужить образцом на все времена для Собраний Бахаи и неиссякаемым источником информации для отдельных верующих относительно их долга перед правительством, каким бы это правительство не было.

Еще две страны - Турция и Египет - кроме уже упомянутых России, Персии и Германии стали ареной серьезных репрессий и суровых ограничительных мер, принятых против Веры, при жизни Хранителя. В Турции, где после падения халифата проводилась, как писал Шоги Эффенди, "бескомпромиссная политика, поставившая целью секуляризацию государства и отделения церкви от него", осуществлялись широкие гражданские реформы - реформы, которым бахаи целиком и полностью сочувствовали. Поэтому возникшие трения диктовались не религиозными предубеждениями, а тем фактом, что новый режим считал, что религиозные группировки в прежней Турции часто служили прикрытием для политической крамолы, и, когда агенты правительства увидели, что Община Бахаи хорошо организована, открыто проводит свою работу и распространяет Веру. это вызвало у них подозрения и тревогу, в домах многих верующих были произведены обыски, изъята найденная литература, некоторые подверглись суровым перекрестным допросам, и большое число взято под стражу. Дело привлекло к Вере внимание широких кругов общества, отчасти за рубежом, но прежде всего в турецкой прессе, которая встала на сторону бахаи и чья поддержка обеспечила гласное и беспристрастное слушание во время процесса в Уголовном суде 13 декабря 1928 года. Это событие ознаменовало новый этап в развитии Дела: "никогда прежде за всю историю Бахаи, - писал Шоги Эффенди, - государственные чиновники не предоставляли последователям Бахауллы возможности рассказать широкой аудитории о принципах и истории своей Веры..."

Любопытно, что среди бумаг Собрания Константинополя (ныне город этот называется Станбул), попавших в руки властей, обнаружилось одно из писем королевы Марии, в котором она восхваляет Веру, и эта находка оказала определенное влияние на судей в ходе расследования. Председатель константинопольского Духовного Собрания Бахаи, давая показания перед судом, блестяще изложил основные положения Веры, включив в свою речь неотразимую цитату из Самого Бахауллы: "Перед Праведным Судом говори Истину безбоязненно". В конце концов бахаи пришлось уплатить штраф за нарушение закона о том, что все организации должны быть зарегистрированы правительством и получить соответствующее разрешение на проведение публичных собраний, однако даже такой результат имел огромное значение для Веры как в масштабах страны, так и за рубежом. Шоги Эффенди резюмировал решение суда в открытом письме бахаи Запада от 12 февраля 1929 года: "Что касается вынесенного судом решения... оно ясно показало, что, хотя последователи Бахауллы, в простоте душевной положившись на концепцию духовного характера своей Веры, не посчитали необходимым потребовать разрешение на проведение административной деятельности и поэтому подвергались наложению штрафа, тем не менее - к удовлетворению официальных представителей - они не только доказали

невиновность Дела Бахауллы, но и достойным образом справились с задачей укрепления его независимости, его Божественного происхождения и его соответствия обстоятельствам и нуждам нынешнего века".

За этим первым крупным столкновением Бахаи с новым турецким государством, возникшим после падения халифата, последовали и другие. Мирские власти постоянно стояли на страже, охраняя государство от действия реакционных сил, и, поскольку память у официальных лиц оказалась довольно-таки короткой, те же подозрения вновь пали на баахи и в 1933 году против них опять были выдвинуты обвинения, аналогичные случаю 1928 года. 27 января Шоги Эффенди телеграфирует Американскому Национальному Собранию: "Около сорока бахаи арестованы Константинополе и Адане предъявлены обвинения в подрывной деятельности. Требуйте турецкого посла Вашингтоне немедленного представления своему правительству просьбой освобождения законопослушных последователей неополитической Веры. Также рекомендуйте Национальному Собранию телеграфировать властям Ангору и вступить в переговоры Государственным департаментом". Одновременно он направляет телеграмму Национальному Собранию Персии: "Немедленно обратитесь турецкому послу представлением освобождения бахаи Стамбула и Адане обвиненных политическим мотивам". На следующий день он дал телеграмму видному турецкому политическому деятелю:

Его Превосходительству Исмаат-паше
Анкара

Как Глава Веры Бахаи с удивлением и скорбью узнал заключении последователей Бахауллы в Стамбуле и Адане. Соответственно прошу Ваше Превосходительство вмешаться в интересах последователей Веры доказавших верность своему правительству на чьи эпохальные реформы они взирают чувством глубокого восхищения.

Бахаи, хорошо знакомые с ситуацией в целом еще под подробным письмам Хранителя в дни первого процесса, немедленно предприняли меры, и их представления турецким властям, равно как и обращение последних к решению уголовного суда в предыдущем случае, после многомесячных усилий привели к освобождению и полному оправданию заключенных. 5 марта Хранитель информировал Американское Собрание: "Друзья Стамбуле оправданы 52 человека до сих пор находятся под стражей Адане возобновите энергичные требования немедленного освобождения", - а 2 апреля телеграфирует: "Друзья Адане освобождены. Рекомендую выразить благодарность турецкому послу".

Если мы вспомним, что одновременно с процессом 1933 года в Турции, в дни пребывания миссис Кейт Рэнсом-Келер в Персии, Шоги Эффенди вел яростную борьбу за права персидских верующих, то получим хотя бы отдаленное представление о числе и характере проблем, с которым ему приходилось постоянно сталкиваться. Несмотря на растущую подохрительность со стороны турецких властей, Хранителю еще при жизни удалось заложить достаточно прочные основания общины Бахаи в этой стране, таким образом, что после его кончины, исполняя основные предначертания Десятилетнего Плана, она смогла успешно провести выборы собственного независимого Национального Духовного Собрания.

За три года до первого судебного процесса над турецкими верующими в Египте - стране, которую одной из первых озарил Свет Откровения Бахауллы, - произошли события, которым Хранитель придал огромное значение. Свирепые нападки на небольшую группу бахаи в глухой деревушке Верхнего Египта закончились тем, что, по словам Хранителя, стало "первым шагом на пути конечного всемирного признания Веры Бахаи как независимой законно существующей религиозной системы". Законы, касающиеся статуса личности, почти во всех исламских странах подлежат ведению церковного суда; когда бахаи упомянутой деревушки создали собственное Духовное Собрание, деревенский

староста, в порыве религиозного фанатизма, начал восстанавливать односельчан против трех женатых мужчин, ставших бахаи; через официальные каналы поступило требование к их исповедующим магометанство женам - развестись с мужьями на том основании, что они не желают состоять в браке с еретиками. Дело поступило в апелляционный церковный суд в Бебе, который 10 мая 1925 года вынес приговор, резко осуждавший еретиков за нарушение законов и заповедей ислама и аннулировавший браки. Уже одно это было значительным сдвигом, но еще большее значение Хранитель придавал тому, что "суд сделал недвусмысленное, поразительное и в полной мере историческое заявление о том, что исповедуемую этими еретиками Веру следует рассматривать как иную религию, совершенно независимую религиозную систему". Резюмируя основные положения приговора, Шоги Эффенди цитирует слова, имевшие великую историческую важность для Бахаи:

"Вера Бахаи это новая, полностью независимая религия, с собственными верованиями, принципами и законами, которые отличаются от верований, принципов и законов ислама и находятся в непримиримом противоречии с ними. Ни один бахаи, следовательно, не может рассматриваться как мусульманин, и наоборот, равно как и ни один буддист, индуист или христианин не может считаться мусульманином".

И пусть текст этого приговора был отдельным, частным явлением и отныне хранился в архивах безвестного египетского провинциального суда, он тем не менее стал бесценным оружием в руках верующих всего мира, которые как раз и старались утвердить эту независимость, столь недвусмысленно провозглашенную решением суда. Но дело на этом не кончилось; впоследствии приговор местного суда был утвержден высшими церковными властями Каира, размножен и пущен в обращение самими мусульманами.

Хранитель, который всегда старался обратить находившееся у него под рукой - будь то человек или листок бумаги - в оружие в битве за признание и раскрепощение Веры, теперь крепко держал этот новый разящий меч, который вложили ему в руки сами враги Веры, и продолжал борьбу до конца своих дней. Он утверждал, что то была первая Хартия, провозгласившая независимость Веры от оков исламской ортодоксии. Под его дальновидным руководством бахаи Востока использовали ее как рычаг, позволивший им добиться признания факта, что Вера не является еретически ответвлением ислама, и бахаи Запада - сумели окончательно снять с Веры подобное же обвинение. На нее ссылались даже тогда, когда Шоги Эффенди настойчиво обращался к израильскому министру по делам религий, решительно протестуя против того, чтобы дела Общины Бахаи находились в ведении главы отдела, ответственного за положение мусульманской общины Израиля, указывая, что это создает превратное впечатление, будто мы являемся ветвью ислама, и заявляя, что он предпочитает, чтобы дела Бахаи подлежали юрисдикции главы христианского отдела, поскольку тогда не могло возникнуть никакой двусмысленности относительно независимого статуса Веры Бахаи. Ознакомившись с подобной аргументацией, министерство по делам религий учредило самостоятельный отдел Бахаи.

Используя все тот же мощный рычаг приговора суда в Бебе, Национальное Духовное Собрание Бахаи Египта на протяжении нескольких лет боролась за обретение хотя бы минимального признания независимого религиозного статуса своей Общины. Чтобы добиться этого, Собрание опубликовало свод законов Бахаи, касающихся вопросов статуса, и, опираясь на этот документ и ссылаясь на неоднократные случаи нападения фанатично настроенных мусульман на верующих-бахаи, получило от египетского правительства, официально выделенные общинам городов, где проживало значительное число бахаи, земельные участки, которые отныне могли использоваться исключительно как места захоронения Бахаи.

Свод законов о личном статусе был переведен на персидский и английский и использовался как руководство для ведения дел Бахаи в тех странах, где отсутствовали соответствующие гражданские законы. Хотя в результате этого мусульманские власти некоторых стран, таких как Египет, Персия, Палестина и Индия, пошли на ряд уступок, все же факт продолжал оставаться фактом: официальное положение бахаи, в особенности в Египте и Персии, было в высшей степени двусмысленно, и зачастую они оказывались совершенно бесправны в некоторых отношениях, словно бы жили на некоей необитаемой нейтральной полосе. Это в первую очередь касалось заключения и расторжения браков, которые регистрировались Собраниями Бахаи, проводились в согласии с законами Бахаи, но практически не имели никакой законной силы в глазах правительств этих стран. Тот факт, что большие общины верующих с гордо поднятой головой встретили обрушившиеся на них тяготы, не желая унижаться перед глядевшими на них с открытой издевкой соотечественникам, и по сей день продолжают борьбу за признание своих прав в таких основных вопросах, есть высочайшая дань духу веры, который породило в их сердцах учение Бахауллы, и неукоснительной преданности, с какой они исполняли наставления своего возлюбленного Хранителя, и в частности - не обращать внимания на "любые проявления непопулярности, недоверия и критики, которые может повлечь за собой строгая приверженность своим нормам и правилам".

Перечисляя эти события, которые, в конечном счете, должны привести к признанию и эмансипации Веры, Шоги Эффенди написал в своей книге "Бог проходит рядом" следующие памятные слова: "Община Бахаи, верная священным обязательствам по отношению к своему правительству и сознавая свой гражданский долг, повиновалась и впредь будет повиноваться всем административным распоряжениям, которые периодически издаются гражданскими властями... Однако она будет упорно сопротивляться тем приказам, которые способны привести ее членов к отречению от своей веры или к отступлению от ее основных духовных Богоданных принципов и понятий, предпочитая тюремное заключение, ссылку и все виды гонения, включая смерть, которую уже приняли двадцать тысяч мучеников, отдавшие свои жизни на стезе Основателей Веры, следованию диктату преходящей власти, требующей от них отречься от своей приверженности делу".

Шоги Эффенди управлял делами Веры, оставаясь принципиальным и неколебимым в основном и проявляя гибкость и уступчивость в вопросах второстепенных, - черта, всегда свойственная поистине великим лидерам. И если в вещах основополагающих, фундаментальных компромисса быть не может, то, управляя делами мировой общины, неизбежно приходится считаться с тем фактом, что люди находятся на разных стадиях развития. Мудрое умение Шоги Эффенди-руководителя проявлялось в том, что к разным общинам он и относился по-разному, никогда не позволяя ни одной из них - находись она в каком-либо из крупнейших городов мира с его сложной, многогранной жизнью или в деревушке, населенной неграмотными крестьянами, - пренебрегать основами учения Бахауллы, но в то же время признавая, что нельзя одинаково спрашивать с пятилетнего ребенка и с подростка или требовать одинаковой умудренности, смирения и опытности от двадцатилетнего юноши и от человека, за плечами которого без малого семьдесят лет жизненной школы. Именно потому, что Шоги Эффенди понимал эту разницу в степени опытности и зрелости между различными общинами, он относился к Персидской Общине Бахаи - старейшей среди всех общин мира, прошедшей испытания огнем, - с величайшей строгостью, если не сказать суровостью, ожидая, что ее находящиеся в особом почетном положении верующие при любых обстоятельствах должны стать примером верности и повиновения законам Бахауллы. Исходя из этой политики, он не только тщательно готовил старейшую из западных общин - Североамериканскую Общину Бахаи - последовать немногочисленным, но основополагающим законам, которые он в конце концов дал им, но и на протяжении многих лет проявлял к американским бахаи снисходительность, ожидая того момента, когда они будут в состоянии сознательно воспринять и применять

эти законы. Учитывая эти факторы, он рекомендовал Национальным Собраниям, занятым распространением Веры в очень многих странах, открытых в годы Всемирного Похода - странах, чьи обитатели происходили в основной своей массе из языческой среды, - требовать от прозелитов Дела Бахауллы хотя бы минимального знания Его учений и законов перед тем, как принимать их в Общину Величайшего Имени.

Последнее письмо, адресованное Шоги Эффенди одному из самых крупных африканских Региональных Собраний, как нельзя лучше иллюстрирует разницу в уровне развития различных Общин Бахаи. В письме, датированном 8 августа 1957 года (менее чем за три месяца до его смерти), написанном лично по поручению Хранителя, его секретарь подчеркивает самую суть его мыслей о таком сверхважном предмете на данной стадии истории Бахаи:

"Во время визита миссис ... Хранитель обсуждал с ней проблемы учительской работы в ... где Послание находит самый живой отклик и население прилегающих районов также готово развернуть соответствующую деятельность. Он полагает, что те, кто несет ответственность за прием новых верующих, должны учитывать, что наиболее важным и основополагающим критерием для вступления в общину должно являться признание кандидатом положения Бахауллы на сегодняшний день. Мы не можем ожидать от людей неграмотных (что, впрочем, не стоит в прямой связи с их умственными способностями), и тем более при столь малом объеме доступной литературы на их родном языке, чтобы они проявляли такую же осведомленность в Учениях и знание всех тонкостей, как их темнокожий собрат, живущий, к примеру, в Лондоне. Гораздо важнее внутренние качества и энтузиазм, проявляемые личностью, и признание нынешнего положения Бахауллы в мире. Посему друзья не должны быть чересчур строги. в противном случае та волна великой любви и энтузиазма, с какими африканский народ встретил Веру, пойдет на убыль; будчи крайне чувствительны, они интуитивно почувствуют, что к ним относятся с пренебрежением, и работа в целом может серьезно пострадать.

Цель новых Национальных Собраний в Африке, так же как и цель любого административного органа, состоит в том, чтобы нести Послание людям и вербовать тех, чьи убеждения искренни, под знамена Веры.

Ваше Собрание должно ни на минуту не упускать это из виду, смело расширять число общин, подлежащих вашей юрисдикции, и постепенно наставлять друзей в учительской и административной работе. Настоящие трагедией будет, если учреждение этих великих административных органов зайдет в тупик, а учительская работа окажется в состоянии застоя. Мы обязаны постоянно помнить, что уровень знаний о Вере первых Бахаи не идет ни в какое сравнение с тем, что мы имеем сегодня; тем не менее они проливали свою кровь, они были теми, кто восставал, дабы сказать: "Верую", - не требуя никаких доказательств и зачастую не прочитав ни слова из Учений. Поэтому те, кто отвечает за принятие новых членов, должны быть уверены прежде всего в одном - в том, что сердце новообращенного действительно преисполнено духом Веры. Остальное можно постепенно возводить на этом основании.

Хранитель надеется, что в новом году африканские миссионеры-бахаи получат возможность более широкого общения с новообращенными и смогут углубить их знание и понимание Учений".

Взвешенность суждений - одно из основных отличительных качеств интеллекта Шоги Эффенди - полностью раскрывается в советах и наставлениях, которые он приводит в том же письме:

"Что же касается вопросов племенной специфики, Хранитель советует вам быть исключительно осмотрительными и осторожными, прививая бахаи новые нравы и обычаи. Это должно делаться только с учетом каждого индивидуального случая. с величайшей мудростью и добротой, ни в коем смысле не навязывая силой детального соблюдения всех законов Бахаи прямо сегодня.

Само собой разумеется, что, если у мужчины-бахай уже есть одна жена, он не может взять вторую, каковы бы ни были племенные законы. Ваше Собрание должно делать разницу между этим фундаментальным положением и прочими особенностями жизни внутри племенной общины, в которую новообращенный бахай может быть глубоко погружен и от которой он сам не может отстраниться, пока элемент Бахай в его общине не станет достаточно силен.

Хранитель поддерживает мнение вашего Собрания, что в настоящее время было бы крайне неразумно накладывать суровые санкции, лишая друзей права избирательного голоса. Наилучшая политика - политика любви и постепенного воспитания".

Всем этим Шоги Эффенди дал нам понять, что великое древо Миропорядка Бахауллы в начале - не то иное, как хрупкий росток, упование на Него. Постепенно он будет расти, как все живое на земле, становиться все больше и все более и более зрелым. Следуя наставлениям Абдул-Баха, изложенным в Его Завещании, Шоги Эффенди считал своей основной задачей распространять Веру во все уголки земного шара и привести под ее знамена все народы Земли; он понимал, что сначала следует отделить сырой материал от того, что составит основу будущего общества; и несмотря на то, что для создания этого общества будущего требовались столь многочисленные и разнообразные предпосылки, в первую очередь массы следовало объединить под сенью Бахауллы - лишь после этого Его Миропорядок мог возникнуть во всей своей славе.

Закладывая основание и создавая образец для всех административных учреждений Бахай, Хранитель провел шестнадцать лет в Северной Америке - Колыбели Административного Порядка Веры. Пользуясь современной терминологией, он соорудил стартовую площадку, откуда мог запускать свои ракеты - масштабные образовательные Планы, разработка которых отнимала у него так много времени в последние двадцать лет его жизни. Шоги Эффенди абсолютно ясно доказал, что "административный аппарат Веры следует строить как орудие, а не как подмену Веры как канал, по которому устремляются Его обетованные благословения, как преграду на пути жесткого подхода, могущего сковать и замедлить развитие освободительных сил Его Откровения..." "Тем, в чьи руки попало столь бесценное наследие, - продолжает он, - необходимо с благочестивым рвением следить за тем, чтобы орудие не вытеснило саму Веру, чтобы ненужная забота о сиюминутных мелочах, связанных с административным аппаратом Дела, не замутил ясности взора его деятелей, чтобы пристрастность, амбиции и многословие с течением времени не затмили сияние, не запятнали чистоту и не ослабили эффективность Веры Бахауллы". Четыре года спустя после того, как в январе 1922 года он завязал переписку с бахай Востока и Запада, Шоги Эффенди начал обращать усиленное внимание на этот момент, в котором он совершенно очевидно на протяжении всех лет своего служения видел источник серьезной опасности. В январе 1926 года он пишет Национальному Собранию бахай Соединенных Штатов и Канады, что "по мере того как административная работа Дела расширяется, по мере того как различные его ветви обретают все больший вес и становятся все более многочисленными, абсолютно необходимо, чтобы мы ни на минуту не забывали главного - а именно, что вся эта административная деятельность, сколь бы гармонично и действенно она ни осуществлялась, не цель, а только средство, и поэтому ее следует рассматривать как прямое орудие пропаганды Веры Бахауллы. Так будем же с неослабным вниманием следить за тем, чтобы, совершенствуя административный механизм Дела, не потерять из виду Божественного Назначения, ради которого он был создан".

Когда в 1957 году в Европе были избраны первые Региональные Собрания - посреднические органы, которые должны были управлять делами в некоторых из Стран Десяти Задач второго Семилетнего Плана, а формирование независимых Национальных Собраний отложено на более поздний срок, Хранитель обратился к каждому из вновь избранных органов с письмом, в котором еще раз подчеркивал - как он уже неоднократно на протяжении многих лет делал в обращениях к другим Национальным Собраниям - что

вопрос администрирования является всего лишь средством, но никак не целью самой по себе. "Предназначение административных органов Бахаи на сегодняшний день заключается в обучении, увеличении числа членов, расширении Собраний и Групп", - писал по его поручению секретарь одному из этих Национальных Собраний; а вот строки из другого письма: "Основной целью Администрации Бахаи в настоящее время является распространение Веры. Администрирование служит только координации действий и защите интересов Веры. Друзья обязаны ясно об этом помнить; он также полагает, что ему следует указать вашему Собранию, приступающему к выполнению своей исторической задачи, на то, что он неоднократно подчеркивал в обращениях к старым, испытанным национальным органам, а именно, что вам следует тщательно избегать введения правил и распоряжений, которые могли бы затруднить плавное проникновение Веры в ваш регион, создать перед верующими ненужные препятствия и запутать их. Не нуждаясь ни в каких иных руководствах кроме тех, которые содержатся в учениях, национальные органы должны делать все возможное для того, чтобы побуждать друзей учиться самостоятельно, активно служить Делу, открывать новые центры, превращать группы в Собрания..."

Когда был сформулирован и начал осуществляться первый Семилетний План, Хранитель, как всегда четко представлявший себе непосредственно стоящие перед ним задачи, в 1939 году информировал североамериканских бахаи, исполнителей этого Плана, что они "способствуют росту и укреплению пионерского движения, ради которого, в первую очередь, и разработан и создан Административный Порядок".

Подобно тому как во вселенной существует множество галактик, находящихся на различных стадиях развития, различные части мира Бахаи, вкуче образующие вселенную Дела Божия, также стоят на разных ступенях эволюции. Общины Ближнего Востока продвинулись куда дальше в применении законов и заповедей Бахаи к жизни верующих, однако им не удалось добиться самостоятельности, они были не признаны и скованны в своих действиях. Западные общины в Северной и Южной Америке, Европе и Австралии пользовались гораздо большей свободой, но в силу своего культурного прошлого и того, что в их странах законы о личном статусе находились в ведении гражданских, а не религиозных судов, намного отставали от Востока в применении законов своей Веры и в соблюдении ее заповедей. Новообращенные бахаи во многих из наиболее отсталых стран мира были свободны в том смысле, что, в отличие от своих восточных собратьев, не становились жертвами фанатичного правительства, чей государственной религией был ислам, но им далеко не всегда удавалось применять законы Бахаи, шедшие вразрез с племенными нравами и обычаями тех обществ, в которых они жили; дополнительным препятствием для них являлся тот факт, что их историческое прошлое во многих отношениях было столь отлично от прошлого и традиций народов иудейского, христианского и мусульманского мира - тех же, на основе которых выросла и Вера Бахаи. Учитывая эти факторы, Шоги Эффенди, подобно дирижеру большого оркестра, с полным основанием мог считать, что каждая община мира Бахаи исполняла свою партию в грандиозной симфонии целого. И, хотя части этого целого были столь различны, каждая обязана была придерживаться своей партитуры. Пока мы не сможем охватить взглядом всю картину, которую являет собой мир Бахаи на современной стадии своего развития мы будем неспособны правильно понять и оценить созданное Шоги Эффенди за годы его служения, постичь, сколь волнующи его достижения.

Эти различные примеры указывают на то, что, хотя человечество едино, как едина Вера, хотя Административный Порядок един, каковым станет и Миропорядок в будущем, укрепление законов, заповедей и административных процедур Дела должно развиваться различными темпами в различных местах. Так, прошло довольно долгое время, прежде чем бахаи Востока и Запада достигли такого уровня зрелости и понимания своего Административного Порядка, что Шоги Эффенди решился ввести среди них применение санкций. Он потратил многие годы на возведение организационной системы, основы

которой были уже заложены Учителем, системы, в рамках которой бахаи - в силу своих верований, привилегий и ответственности - четко разграничивались от не-бахаи, прежде чем он смог предпринять шаг, направленный на обеспечение того, чтобы внутри общин Бахаи верующие осуществляли сознательные усилия, следуя учениям Бахаи, если же они чересчур пренебрежительно относились к держащимся в учениях принципам, то отныне существовал способ наказания - санкции - не дававший возможности порочить доброе имя и независимый характер Веры и помогавший хранить репутацию общины. Основной санкцией было лишение верующего административных прав; это означало, что он или она не могли впредь принимать участие в выборах Бахаи, быть избранными в Собрания и комитеты Бахаи, получать брачные и разводные свидетельства Бахаи, а также посещать собрания членов Общины. Крайне интересно отметить, что, когда Шоги Эффенди вводил эту санкцию, которая является самым суровым наказанием для Бахаи и которую ни в коем случае нельзя смешивать с отлучением нарушителей Завета, предоставляющим изоляцию ввиду некоего духовного недуга, он совершенно ясно дал понять Национальным Собраниям, что ее можно применять исключительно как крайнюю меру, использовать (в странах Запада) исключительно с одобрения Национального Собрания и прибегать к ней лишь в крайних случаях. Для стран Востока, где многие законы, касающиеся личного статуса, находились в ведении Собраний, речь шла об определенных положениях Акдаса; для западных стран, где сложилась иная ситуация, речь шла о законах, которым, по мнению Хранителя, должны в настоящее время следовать бахаи, таких как обязательное согласие обоих родителей на брак, соблюдение брачной церемонии Бахаи и следование законам Бахаи о разводе. Эта санкция применялась также в случаях, когда бахаи, полностью пренебрегая учениями своей Веры, вмешивались в политические дела, либо в случаях того, что Хранитель именовал "вопиющей безнравственностью", которая могла испортить репутацию всей общины, либо, наконец, за серьезные нарушения "ведущих, основополагающих принципов Веры Бахаи", которые "сторонники Дела... по мере развития и упрочения Административного Порядка призваны утверждать и неукоснительно блюсти". Шоги Эффенди ясно дал понять, что к лишению избирательного голоса следует относиться очень серьезно и по возможности вообще избегать этой меры как для того, чтобы оградить отдельных верующих от слишком поспешного возмездия со стороны разгневанных органов, так и для того, чтобы друзья осознали, что быть бахаи - почетная привилегия и одновременно - ответственность и что, теряя свои права в общине, они лишаются чего-то весьма важного, чего-то очень дорогого.

Столь важную процедуру, как применение санкций, Шоги Эффенди осуществлял в отношении бахаи всего мира независимо от того, в каком обществе они живут, это составляло часть его постепенного претворения в жизнь заповеданных Бахауллаой законов и принципов, которые, как он утверждал, "являются основой институтов, на которых, в конечном счете, будет покоиться Его Миропорядок".

Управление делами Веры из Всемирного Центра, которое требовало жесткости и универсальности в основополагающих вопросах и одновременно позволяло, а иногда и принуждало проявлять гибкость в делах второстепенных, служит любопытным предметом для разного рода наблюдений. В годы своего служения Шоги Эффенди постоянно разрушал всевозможные оковы, связывавшие бахаи с прошлым, с обществом, в котором они жили, и создал их знание Веры и ее административных институтов. Подобно умудренному опыту врачу, он давал общие правила сохранения здоровья всем и отдельные рекомендации в отдельных случаях. Примеров тому существует бесчисленное множество, я хочу привести лишь несколько.

В 1923 году Шоги Эффенди написал Национальному Духовному Собранию Индии и Бирмы о том, что женщины-бахаи должны принимать участие в административной деятельности наравне с мужчинами - женщины в этой части света уже пользовались большей свободой, чем то обычно принято было считать на Западе. Но в таких странах

Ближнего Востока, как Персия, Египет и Ирак, где женщины в повседневной жизни находились под тяжким гнетом, Хранитель, не желая без нужды провоцировать мусульманское население столь вызывающей мерой, разрешил женщинам-бахай принимать участие в административных делах Веры только четверть века спустя. Несмотря на громкие хвалы и дань уважения, которую он воздавал женщинам-бахай, несмотря на свидетельство Абдул-Баха о том, что "вставая в ряды Веры, женщины проявили поистине несвойственное их слабости мужество", невзирая на фундаментальный принцип Учений Бахаи о равенстве между мужчиной и женщиной, Шоги Эффенди, разрабатывая механизм Административного Порядка, сознательно оставлял его в тени, отводя ему чисто второстепенную и относительно незначительную роль по сравнению с главной задачей - защитой общих интересов Веры и самого ее существования в исламских странах.

Еще одним замечательным примером того, как Хранитель, давая подробные указания различным Национальным Соборам, осуществлявшим свои Планы под его общим руководством, изменял их, внося коррективы в соответствии с ситуацией, является учреждение в годы Всемирного Похода местных фондов Бахаи и местных штаб-квартир: поскольку в цели Десятилетнего Плана входило приобретение национальных Хазират уль-Кудс и основание национальных фондов, он дал указание Национальным Соборам - вести дела, не полагаясь на и без того крайне ограниченные ресурсы Веры, несущей на своих плечах основную тяжесть намеченной программы, и не ожидая вспомогательных перечислений на местном уровне. Не оговори он особо этот момент, главные цели никогда не были бы достигнуты; однако летом 1957 года секретарь послал от его имени письмо одному из Региональных Собраний Африки, где говорилось следующее: "Теперь, когда работа во всем мире Бахаи продвигается столь успешно, в соответствии с поставленными задачами, и завершено основание Хазират уль-Кудс и национальных фондов, он полагает, что друзьям следует предоставить свободу распоряжаться дополнительными Хазират уль-Кудс и фондами по своему усмотрению".

Именно благодаря подобной политике Хранителю задолго до своей кончины удалось возвести здание Административного Порядка Веры и превратить его в слаженно действующую международную организацию. Ему никогда не удалось бы добиться этого при жизни, не обладай он таким удивительным чувством гармонии. Он всегда знал, в каком случае может уступить давлению обстоятельств, не нанося вреда Вере, а когда следует любой ценой настаивать на соблюдении какого-то определенного принципа, чтобы не подвергать риску главное. Возьмем для примера два крайних случая - оба касаются одного и того же предмета: Национальных Съездов. Когда в 1932 году Американское Собрание предложило ему, в целях более строгой экономии, не проводить в этом году Съезда, а выборы провести по почте, он тут же откликнулся телеграммой: "Духовная польза проистекающая от общения и дискуссий делегатов на Съезде в совокупности перевешивают финансовые соображения. Постарайтесь избежать ненужных затрат". В другой раз, в 1937 году, обращаясь к делегатам Съезда с телеграммой по поводу первого Семилетнего Плана, он призвал делегатов продлить Съезд для того, чтобы подробно обсудить этот План, который им предстояло разработать и осуществлять. Однако в свое время, давая Австралии и Новой Зеландии распоряжение - сформировать совместный национальный административный орган, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что, поскольку эти страны разделяют значительное расстояние и расходы на переезды будут также немалые, Национальное Собрание, организуя свои встречи, может столкнуться с определенными трудностями. Совершенно очевидно, он решил, что преимущества в данном случае перевешивают издержки; австралийские и новозеландские бахаи проводили Съезды в 1934, 1937 и 1944 году - всего три за декаду; большая часть работы осуществлялась в процессе переписки, кворум же созывался в Австралии в экстренных случаях. Этот пример, столь разительно отличающийся от совета, который Хранитель дал американским верующим, показывает, как Шоги Эффенди, благодаря

своей мудрости и здравому смыслу, добивался столь стремительного развития Веры, никогда не позволяя побочным, второстепенным соображениям сбивать его с намеченного пути и отклоняться от поставленной цели. Огромное значение - как только была заложена солидная основа для их избрания - имело формирование новых Национальных Собраний; было желательно, чтобы Съезды приводились ежегодно, чтобы в них участвовало как можно большее число делегатов, чтобы Собрания встречались для консультаций как можно чаще, но все это было не главное; в случае необходимости, цели можно было достичь и иными средствами.

Другой, также крайне характерный пример этого удивительного чувства меры - отношение Шоги Эффенди ко всему, что касалось вопроса о фондах Веры. Положения о поддержке Дела Божия были разработаны Самим Бахауллой, о них же часто упоминалось Абдул-Баха; но лишь в 1923 году Шоги Эффенди приступил к закладке оснований систематической финансовой поддержки работы. 12 марта этого года он пишет в открытом письме, обращенном к "возлюбленным Господа и слугам Милосердного в Америке, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Японии и Австралии": "Поскольку прогресс и развитие духовной деятельности зависит от материальных средств и обусловлен ими, абсолютно необходимо, чтобы немедленно вслед за учреждением местных и Национальных Духовных Собраний были учреждены фонды Бахаи... Святая обязанность всякого сознательного и преданного слуги Бахауллы, желающего воочию узреть, как продвигается вперед Его Дело, состоит в том, чтобы по своей воле, великодушно вносить посильную лепту в увеличение Фонда". 6 мая он посылает более обстоятельное письмо Американскому Собранию, где утверждает в частности, что для усиления и подкрепления предпринятой Собранием, жизненно необходимой образовательной кампании, эффективного и правильного ведения его многообразной деятельности необходимо "срочно учредить Центральный Фонд, который в случае, если его будут великодушно поддерживать отдельные друзья и местные Собрания, в самом скором времени даст вам возможность быстро и решительно осуществить ваши планы". В письме, датированном октябрём того же года, глубокая забота Хранителя о работе, которую верующие должны были срочно начинать после кончины Учителя, отразилась в следующих словах: "Дело, которое ныне жестоко нуждается в материальной помощи и поддержке".

С одной стороны, было очевидно, что искупительный Порядок Бахауллы ни при каких обстоятельствах не может быть установлен без огромных финансовых затрат, с другой же - существовали два принципа, к которым Шоги Эффенди считал нужным привлечь внимание бахаи, так как, будучи неправильно истолкованными, принципы эти могли воспрепятствовать столь остро необходимому притоку средств в различные Фонды Бахаи. Первый из них заключался в том, что поскольку на бахаи снизошла благодать - узнать и принять Бахауллу на пороге великого нового дня, стать Его людьми и удостоиться почетного права строить Его Божественное Царство на земле, они могли по собственной воле возместить своим собратьям данные им блага; ведь нельзя же сначала просить людей заплатить за что-то - в данном случае за все многочисленные учреждения Веры Бахаи - а потом преподносить им ту же вещь в подарок! Шоги Эффенди очень ясно сформулировал суть дела еще в 1929 году: "Я полагаю, мы должны принять как аксиому и ведущий принцип администрации Бахаи тот факт, что к участию в руководстве всей деятельностью, имеющей сугубое отношение к миру Бахаи... могут быть привлечены лишь те, кто уже встал в ряды верных нестигаемых сторонников Веры. Ибо даже если не учитывать тяжкие осложнения, могущие возникнуть в связи с привлечением не-бахаи к деятельности финансовых институтов, имеющих прямое отношение к Вере... следует помнить, что специфические институты Бахаи, которые необходимо причислить к дарам, принесенным в мир Бахауллой, будут функционировать наилучшим образом и оказывать наиболее мощное воздействие на мир только в том случае, если их станут поддерживать исключительно те, кто совершенно сознательно и безоговорочно подчинил себя целям и

требованиям Откровения Бахауллы". Таков был первый великий, духовный принцип. Второй - практический, материальный, который мог повлечь "тяжкие осложнения", - заключался в том, что принимая деньги на постройку школ Бахаи, Храмов Бахаи и других учреждений Бахаи, включая разнообразную деятельность, проводимую Собраниями, от не-верующих, вы рисковали тем, что эти доброжелатели, будь то правительство страны, частные лица, организации или филантропические общества, могут решить, что они вправе и дальше распоряжаться вложенными средствами и вмешиваться в руководство делами, имеющими сугубо внутренний характер для Бахаи. Так как это было очевидно невозможным, Хранитель настаивал на том, чтобы бахаи принимали финансовую поддержку от не-бахаи только в чисто гуманитарных целях - к примеру, на благотворительную помощь людям всех рас и вероисповеданий, а не непосредственно бахаи.

Второй и, по его собственным словам, "кардинальный принцип", изложенный Шоги Эффенди в его послании 1926 года к Американскому Национальному Собранию, заключался в том, что "все пожертвования в Фонд должны носить чисто и строго добровольный характер. Каждый обязан совершенно отчетливо уяснить себе, что любое принуждение, даже самое косвенное и незначительное, подрывает самые основы принципа, по которому Фонд формировался с самого начала". Это наставление логически вытекает из взгляда религии Бахаи на Послание Явления Божия в наши дни как на Его добровольный дар людям всего мира; все люди были призваны Им примкнуть к Его Божественной Пастве, и в таком случае от них требовалась прежде всего вера, а не деньги. В отличие от столь многих церквей здесь не было никаких вступительных взносов, никаких принудительных сборов, закупленных вперед мест в Храмах. Бедные могли найти здесь прибежище, равно и для богатых двери были открыты.

Но, отвлекаясь от двух этих принципов, - каковы же были обязанности Бахаи по отношению к Фонду? О том, что такие обязанности вполне реально существуют, Шоги Эффенди писал Американскому Собранию в 1935 году: "Пополнение фондов в поддержку Национальной Казны в настоящее время является живительной кровью рождающихся институтов, которые вы возводите. Из значение трудно переоценить". В этом же послании он говорит о том, что Национальный Фонд и есть та самая "скала, на которой должны покоиться и учреждаться все институты". Он говорит, что Фонд "будет получать все большую поддержку от всех верующих как в индивидуальном порядке, так и в результате коллективных усилий, от отдельных групп и от местных Собраний". На протяжении более трети века Хранитель словом и делом внушал бахаи правильное понимание того, что означает для них иметь Фонд Бахаи, как поддерживать его и расходовать его средства. В связи с этим напрашивается крайне любопытное сравнение: подобно тому как сердце, пульсируя, гонит поток крови по артериям и капиллярам, питая каждую отдельную клетку, Международные, Национальные и Местные Фонды возвращают верующим те блага, осуществление которых стало возможным благодаря их пожертвованиям. Международные институты, являясь сердцем Всемирной Общины, разносят по земле славу о ней; национальные институты, Храмы Бахаи, летние школы, дарственные фонды, образовательные учреждения, литература, информационные бюллетени - исполняют ту же функцию в национальном масштабе; местные же Фонды дают верующим возможность находить места для собраний, вести образовательную деятельность и служить интересам Веры в целом в больших и малых городах, в деревнях и селах.

Шоги Эффенди дал ясно понять, что одной из главных обязанностей и привилегий последователя Бахауллы является возможность поддерживать Его Дело в этом мире. Он также дал понять, что самый факт даяния гораздо важнее пожертвованной суммы; пожертвованный бедняком пени, который для него и его семьи - целое сокровище, так же драгоценен, так же необходим и имеет такое же право на уважение, как сотни и тысячи долларов, вносимые более состоятельными бахаи. Вновь и вновь он делал акцент на двух моментах: даяние - всеобщий закон, символ нашей общей любви к Вере и солидарности с

ней, даяние - это жертва. Когда срочно требовались средства для возведения великого Материнского Храма Запада, Хранитель писал: "Нельзя отрицать, что эманация духовной силы и вдохновения, которая будет исходить от главного Здания Машрик уль-Азкара в огромной мере будет зависеть от уровня и разнообразия вносящих свои средства верующих, равно как и от природы и степени самопожертвования, которые повлечет их добровольный вклад". Богатому человеку трудно решиться на жертву, потому что он много имеет; бедняку же пойти на нее легче, потому что он неимущ. Деньги, пожертвованные на нужды Дела любим даятелем, несут с собой частицу его благословения.

Мне вспоминается один пример такого даяния - приношения бедного и кроткого в Царстве Божиим, о котором сам Хранитель рассказывает в книге "Бог проходит рядом": "... трогательная сцена, когда Абдул-Баха, получив из ук персидского друга, недавно прибывшего в Лондон из Ашгабата, хлопчатобумажный платок с завернутыми в нем куском черствого черного хлеба и сморщенным яблоком - приношением бедного рабочего-бахай, уроженца этого города, - развернул его перед собравшимися гостями и, оставив Свое блюдо нетронутым, разломил этот хлеб на части и, взяв Себе одну, разделил остальные между присутствовавшими". Первый Храм Бахаи, возведенный в России, Материнский Храм на западе Америки и еще три великих Дома Поклонения Бахаи в Европе, Африке и Австралии - все были сооружены на вклады верующих всего мира, причем многие из них действительно являлись жертвой со стороны мужчин, женщин и даже детей Бахаи.

В самом начале, давая первые руководства, касающиеся необходимости формирования национального Фонда и создания местных Фондов, Шоги Эффенди в телеграмме 1923 года определяет еще один фундаментальный принцип, связанный с даяниями: "Отдельные верующие свободны самостоятельно избирать цель своих пожертвований. Также особо рекомендуется делать общие, добровольные и частные вклады как со стороны отдельных членов общины, так и со стороны местных Собраний в центральный Фонд для разумного и справедливого распределения Национальным Собранием". Коротко и просто, как всегда, он ставил все на свое место; Фонды Собраний - национальные и местные - требовали постоянной добровольной поддержки, однако принцип свободы каждой личности, в высшей степени присущий Вере, также сохранялся.

Сам Шоги Эффенди неоднократно поддерживал различные начинания во многих странах. Вскоре после кончины Учителя он стал оказывать помощь Американскому Храму; в 1957 году он объявил, что берет на себя треть расходов по возведению трех новых Храмов Бахаи, которые планировалось соорудить в годы Всемирного Похода; он поддерживал осуществлен переводов и издание книг Бахаи, оказывал вспоможение кладбищам Бахаи и приобретал помещения и участки для различных штаб-квартир бахаи - всего не перечислишь. Поступая так, он давал пример всем верующим и всем учреждениям Бахаи - пример того, какую радость может приносить добровольное даяние, участие наравне с другими в осуществлении планов Дела Божия. Его полная откровенность в подобных делах, случаи, когда он открыто заявлял, что в данный момент не располагает средствами, необходимыми на те или иные нужды Дела, трогательные слова, которым он сопроводил небольшую сумму для Американского Храма: "Прошу принять мою скромную лепту в 19 фунтов в поддержку многочисленных пожертвований, внесенных в Казну Храма в прошлом году", - все это не только служило примером для бедных и богатых верующих, но и вполне реально побуждало из следовать по его стопам в счастливом сознании, что перед ними открыта такая стезя.

Постоянно побуждая бахаи восстать для распространения своей Веры среди духовно алчущих толп их собратьев - людей, Хранитель часто обращался к ним со словами Самого Бахауллы: "Сосредоточьте ваши усилия на проповеди Веры Божией. Всякий, кто достоин столь высокого призвания, да восстанет и осуществит его. Всякий, кто не способен на это, должен назначить вместо себя того, кто провозгласит Откровение..." - добавляя, что те,

кто не может занять места, где присутствие бахаи так срочно необходимо, должны, памятуя об этих словах Бахауллы, "решить... вопрос о назначении депутата, который от имени верующих восстанет, чтобы осуществить столь благородное предприятие". Не раз он сам через Национальные Собрания уполномочивал бахаи выполнять особые поручения.

Хранитель указывал Бахаи мира то, что про себя я любила называть путеводной линией мысли, те или иные темы для размышления в различных областях деятельности. Они были, если прибегнуть к помощи нехитрого, но достаточно выразительного сравнения, чем-то вроде железнодорожных путей, по которым идут поезда специального назначения; эти пути помогают поезду не уклоняться от конечной цели. Для того чтобы по достоинству оценить жизненный труд Шоги Эффенди и понять, как ему удалось возвести институты будущего мирового сообщества, мы должны вспомнить некоторые из этих главных тем.

XIV

Не уяснив для себя ряда истин, заключенных в Деле Божиим, невозможно правильно понять его эволюцию. Одну из этих истин Абдул-Баха выразил так: "От начала времен до сего дня свет Божественного Откровения, воссиявший на Востоке, озарил пределы Запада. Однако, достигнув Запада, сияние это стало еще ослепительней". Таков был общий принцип феномена религии на нашей планете, но Завет Бахаи дает нам возможность отчетливо проследить за своеобразным действием этого принципа на протяжении более ста двадцати пяти лет. В Своей первой и самой великой книге Кайум-уль-Асма Баб призвал народы Запада оставить свои города, чтобы обеспечить победу Его Дела. В Своей Пресвятой Книге, Китаб-и-Акдас, Бахаулла обратился к правителям американского континента с призывом восстать и откликнуться на Его Призыв. Ко дню сегодняшнему помимо этого изначального толчка, нашедшего выражение в высказываниях двух Явлений Божьих, Дело черпало свои силы в усиленном личном внимании со стороны Средоточия Завета. Непосредственно вслед за вознесением Бахауллы, когда Имя Его впервые прозвучало на Всемирной Колумбовской Выставке в Чикаго в 1893 году, Северную Америку буквально захлестнули волны божественной эманации, выходящей из-под пера и окружавшей самую личность Абдул-Баха, а позднее - непрерывные руководства и наставления Шоги Эффенди. Хранитель рассказывал, что Божественный План Абдул-Баха был вдохновлен словами Самого Бахауллы из Китаб-и-Акдас и в немалой степени являлся результатом прямых контактов между Абдул-Баха и американскими и канадскими верующими в процессе Его поездок по Северной Америке.

Сочетание Отеческой любви к своему первенцу, к первой нации Запада, откликнувшейся на Его Весть, и жизненной энергии, присущей Новому Свету, замечательным, чудесным образом обусловило не имеющее параллелей в истории положение и силу североамериканских бахаи. Сам Учитель наградил их титулом "Апостолов Бахауллы" и они, как пишет Шоги Эффенди, стали "предметом нежной заботы Абдул-Баха... средоточием Его надежд, адресатом Его обетований и благословений". В годы служения Шоги Эффенди он проявлял по отношению к ним не меньшую благополучность и уважение, чем Учитель, вдохновляя и побуждая их к действию, - по сути, это было продолжением той же любви и той же политики. Хранитель отзывался о них как о "неутомимой, неуклонно продвигающейся вперед, величественно разворачивающейся Американской Общине Бахаи", как о "колыбели и цитадели Амминистративного Порядка", "отмеченной непревзойденной милостью Всемогущего". В своих бесчисленных письмах он часто обращался к ним - "мои славные и возлюбленные братья", столь "горячо любимые, богато одаренные, наделенные несгибаемой решимостью". По его словам, Абдул-Баха наделил их "духовным первенством", они стали Его "главными доверенными лицами" на службе того "данного свыше, направляющего мир" Божественного Плана, коорый возлагал на них всемирную миссию - "священное и

неотъемлемое право американских последователей Бахауллы". Более того, они не только являлись исполнителями содержащегося в Плате Наказа, но и "Исполнителями Воли Абдул-Баха", что превращало их в "первостроителей начального Порядка Бахауллы", в "глашатаев мировой цивилизации" и в "привилегированных зодчих и стражей законов Веры Бахауллы". Наблюдая за воплощением истин, заключенных в Учении, Шоги Эффенди указывал, что за дело принялись силы, "которые, подобно могучему размаху маятника, заставили перенестись административный центр Веры из ее колыбели на берега американского континента". "Американские верующие, предтечи Золотого Века, ныне достойно наследовали своим персидским собратьям, которых Героический Век Веры наградила венцом Мучеников"; они стали "духовными преемниками героев Дела Божия". Их предназначение, предназначение "возлюбленной", "обладающей возвышенным строем мыслей и отважной", "Богоизбранной" общины, этой "непобедимой армии, этого могущественного органа Веры", исполняющего свою уникальную миссию, состояло в том, чтобы быть "призванными творцами и превостроителями Миропорядка Бахауллы". Становление американской Общины Бахаи Шоги Эффенди считал одним из самых возвышенных эпизодов первого века Веры; ее развитие было напрямую связано с действием Воли Учителя. Единственное, о чем Хранитель со свойственной ему скромностью предпочел умолчать, было то, что все это стало возможным благодаря его собственному применению наказов, заключенных в Завещании, и верности им.

В одном из первых своих писем, в которых он в качестве Хранителя обратился в 1923 году к Нью-Йоркскому Духовному Собранию, Шоги Эффенди несколькими словами определяет свое отношение к Америке, отношение которое никогда не менялось вплоть до конца его дней: "Памятуя о недвусмысленных и вдохновенных пророчествах нашего возлюбленного Учителя касательно преобладающей роли, которую Западу предназначено сыграть на ранней стадии всемирного триумфа Движения, сразу после Его кончины я с надеждой и упованием обрел свой взгляд к берегам далекого континента..." "Как часто, - писал он в том же году Американскому Национальному Собранию, - мне приятно хотелось оказаться ближе к полю вашей деятельности, чтобы постоянно, осязаемо и зримо наблюдать за каждой подробностью вашей разнообразной и крайне важной работы".

Отношения взаимного доверия и нежной дружбы установились между юным Хранителем и теми, кого он называл "детьми Абдул-Баха" с той самой минуты, когда они узнали о том, что он назван преемником Учителя. Когда положения Его Завещания вступили в силу после официального оглашения 7 января 1922 года, национальный орган, все еще известный как "Храм Единства Бахаи", или "Исполнительный Совет", телеграфировал ему 20 января: "Америка крайним удовлетворением восприняла известие назначении предлагаем верное преданное сотрудничество". И Хранитель и Американская Община были тогда юны, в годы его служения они как бы росли вместе, и это глубоко трогательно. После кризиса 1922 года и временного отхода от дел он, вернувшись в Хайфу, 16 декабря телеграфировал в Америку: "Поступательное движение Дела не было и никогда не может быть остановлено. Молю Всемогущего, чтобы мои силы, ныне освеженные и окрепшие, вкуче с вашими неослабными усилиями помогли довести его до окончательного торжества". 19-го числа на эту телеграмму последовал ответ Национального Собрания: "Ваша Весть освежила и возродила все сердца что касается возобновления деятельности направленной достижение единства объединенные силы Америки всегда готовы оказать помощь с любовью преданностью пожеланиями счастья".

В одном из первых писем Хранителя к ним, проливающим свет на его настрой в самом начале пути, письме, которое начинается словами "Членам Духовного Национального Собрания, избранным представителям всех верующих американского континента" и датировано 23 декабря 1922 года, Шоги Эффенди, обращаясь поименно к девяти членам Собрания, между прочим пишет: "... Решительность, с какой вы воплотили в жизнь мои скромные предложения, чрезвычайно обнадежила меня и вдохнула уверенность в мое сердце. Я несколько раз перечел отчеты о вашей деятельности, скрупулезно изучил все

шаги, предпринятые вами для упрочения основ Движения в Америке и с чувством глубокого удовлетворения ознакомился с вашими планами дальнейшего становления и распространения Дела в вашей великой стране..." Он заверяет их, что не только ожидает "радостных известий об углублении и расширении Дела, которому наш возлюбленный Учитель отдавал все свое время, свою жизнь, жертвовал всем", но и вспоминает об их "трудах и любовном служении, всякий раз преклоняя голову перед Священным Порогом". Подписано ниже - "Ваш собрат в служении Ему".

Мы должны всегда помнить, что именно это ранее сотрудничество с Америкой, предопределенное судьбами Веры, привело к учреждению и росту Административного Порядка во всем мире. Эталон этого Порядка совершенствовался в Америке, хотя в зачаточной форме он существовал еще в дни Абдул-Баха. Начиная с 1923 года, когда Шоги Эффенди написал: "Вновь заверяю вас о своей готовности и желании быть полезным верным и преданным слугам Бахауллы на этой земле", - он ни разу не отступился от своих слов. В 1939 году он пишет: "Я, со своей стороны, исполнен решимости способствовать внутреннему побуждению, заставляющему вас идти вперед навстречу своей судьбе".

К моменту вознесения Абдул-Баха североамериканские бахаи переживали самый разгар кризиса, спровоцированного нарушителями Завета. Удар, нанесенный Его кончиной, волна муки и отчаяния, захлестнувшая их, сменились приливом надежды и любви, когда они обратили свои взоры на юного Хранителя. Успешной ли окажется помощь, зависит от двух обстоятельств: от того, кто нуждается в помощи и жаждет ее, и от того, кто хочет и в состоянии эту помощь оказать. Почувствовав живой отклик со стороны американских верующих, Шоги Эффенди начал активно помогать Америке с первых же дней своего служения. Так он телеграфирует Съезду 1923 года: "... горячо молюсь, чтобы Съезд уже в этом году смог приступить к невиданной доселе образовательной кампании. И пусть в Послании к Ризвану будет начертано: единение, вдохновение, рост". Капитан крепко взялся за штурвал. Сквозь бури и штили, в годы испытаний и бедствий, в периоды войны и мира, в юности, зрелом возрасте и под конец жизни Шоги Эффенди уверенно вел вперед свой корабль, с любовью, наставляя и ободряя эту "выдающуюся общину Мира Бахаи", Общину, которая, как он однажды написал, "отмечена непревзойденной милостью Всемогущего... выделяется среди братских общин благодаря откровению Плана, непосредственно вышедшего из-под пера ее Основателя", "признанную несокрушимой Цитаделью Веры Божией и Колыбелью набирающих силу институтов ее Миропорядка", "чье восхождение к престолу вечного владычества уверенно предсказало Само Средоточие Завета".

"Когда бы я ни вспоминал, - пишет Шоги Эффенди 6 января 1923 года одному из американских местных Собраний - год спустя после оглашения Завещания Абдул-Баха, - послания, исполненные любви, доверия и надежды, в которых наш Возлюбленный обращался с блистательными словам Своих бесчисленных Скрижалей к возлюбленным братьям в Америке, я чувствую, что рано или поздно тайна этой безграничной любви откроется и великий континент, столь близкий и дорогой Его сердцу, явится во всем блеске Славы Его Откровения".

Совершенно невозможно отделить становление Административного Порядка в мире от эволюции североамериканской Общины Бахаи, и прежде всего самих американских верующих, поскольку два эти процесса представляют собой неделимое целое. За немногими исключениями на протяжении тридцати шести лет эта Община являлась образцом во всех административных делах, и основные директивы, касавшиеся учительства, всемирных замыслов и планов, изложенных в открытых письмах, Хранитель адресовал американской общине, которая печатала и распространяла их. Это ни в коем случае не означает, что Хранитель игнорировал персидскую и другие Общины, вовсе нет. Он поддерживал независимые, глубоко личные и любящие отношения с каждой из них - более старыми и образованными одновременно с американской Общиной, - причем никто

не только не страдал от недостатка его внимания, но, напротив, отношения эти ширились год от года. Он всегда и для всех оставался Хранителем. Однако североамериканское сообщество верующих неисповедимая воля Провидения наделила особой ответственностью и удостоила особых почестей. В своей книге "Америка и Величайший Мир", написанной в 1933 году, Шоги Эффенди ясно и четко определяет положение Америки: все еще скорбя о кончине Учителя, он писал: "Администрация несокрушимой Веры Бахауллы ныне явилась на свет". Вознесение Абдул-Баха освободило "могучую энергию", которая "кристаллизовалась в этот высший, этот непогрешимый Орган для осуществления Божественного Предначертания". В Завещании Абдул-Баха был изложен его характер и основные принципы, Америка поклялась в верности делу создания Административного Порядка: "Ей и только ей... надлежит быть неустрашимым сторонником этого Порядка, краеугольным камнем его зарождающихся учреждений и ведущим проводником его влияния".

Прирожденный администратор, с неизменно ясным, трезвым умом и сдержанным, уравновешенным темпераментом, Шоги Эффенди в высшей степени систематично приступил к организации дел Веры. На протяжении первых двух - трех лет он аккуратно заносил в список все отправляемые им письма, пока избыток корреспонденции, различные проблемы, усталость и отсутствие помощников не лишили его возможности и дальше вести переписку самому. Из этих списков мы узнаем, что он писал: в Америку, Великобританию, Францию, Германию, Японию, Месопотамию, Кавказ, Персию, Туркестан, Турцию, Австралию, Швейцарию, Индию, Сирию, Италию, Бирму, Канаду, на острова Тихого океана, в Египет, Палестину, Швецию и Европу. Среди них также много писем в отдельные центры Америки, Европы, Северный Африки, Ближнего и Дальнего Востока. Шестьдесят шесть помечены периодом 1922-23 годов, восемьдесят восемь были написаны в период с 1923 по 1924 год и еще девяносто шесть - с 1924 по 1925. Мы видим, как он протягивает дрожащие, иногда в буквальном смысле слова, от усталости и болезни руки, чтобы крепко ухватиться за бразды правления широко раскинувшимся царством Бахауллы, наследником которого он стал в 1921 году.

Значительное число бахаи по-прежнему находилось в Персии и проживало на соседних территориях; существовала также небольшая, но не менее преданная община в Северной Америке, еще меньшие по размеру общины в Европе, Африке, Индии и в тихоокеанском регионе. Большинство этих верующих, включая нескольких членов семьи Абдул-Баха, имели довольно смутное понятие о том, что же на самом деле представляет Вера, не знали, какие формы она примет в будущем, в соответствии с наставлениями Учителя в Его Завещании, и практически не разбирались в механизме Административного Порядка. Несмотря на то что уже существовали так называемые Духовные Собрания, зачастую они носили совсем иные названия, их функции и членство в них часто имели расплывчатый характер и мало походило на то, что мы сегодня понимает под Духовным Собранием. Американский национальный орган, существовавший в подобном неустойчивом виде начиная с 1908 года, был известен как "Храм Единства Бахаи"; в 1909 году он был узаконен и сформировал "Исполнительный Комитет"; помимо делегатов Национального Съезда имелись "альтернативные делегаты"; чикагское Собрание называлось "Дом Духовности Бахаи Чикаго", оно состояло одновременно из девяти основных и двух "консультативных членов", в Нью-Йорке девять человек образовывали так называемый "Консультативный Совет Нью-Йоркского округа"; бахаи одного калифорнийского города писали Шоги Эффенди, что ими избран - в качестве местного Собрания - комитет из двенадцати человек; хотя еще более чем за десять лет до кончины Абдул-Баха уже проводились выборы, формирование и функционирование так называемых административных органов носили случайный, зачаточный в полном смысле слова характер; положение в Персии было также неопределенным, кроме того огромная аморфная масса верующих подвергалась таким жестоким гонениям, что Хранителю потребовались годы, чтобы создать из этого хаоса некое подобие порядка; остальные

страны также слабо разбирались в принципах, на которых основывался Административный Порядок Бахауллы. В 1922 году британские бахаи спонтанно образовали "Совет Бахаи" для разрешения внутринациональных проблем; в Индии существовало нечто вроде Национального Собрания, так как, по словам Шоги Эффенди, хотя в Бирме в 1923 году и был собственный "Центральный Совет", он находился в ведении "Всеиндийского Национального Собрания"; в 1921 году в Германии был созван Национальный Съезд, однако выборы в национальный орган прошли только в 1922. В течение первых лет развертывания Административного Порядка делами Бахаи в Персии, на Кавказе и в Туркестане управляли крупные местные Собрания, исполняя функции Национального Собрания, или Национального Совета, в ожидании времени, когда станет возможным проведение представительного и свободного Национального Съезда. Пока же Абдул-Баха перед Своей кончиной, а после нее - Шоги Эффенди и остальные Бахаи лишь готовились принять новорожденное дитя Администрации Бахаи. В 1922 году во всем мире Бахаи насчитывался лишь один орган - в Америке, - который отдаленно напоминал избранное Национальное Собрание в том виде, в каком мы знаем его сегодня.

На пути этой рассеянной по всему миру, разнородной, неорганизованной, но преданной массы верующих стояли и другие препятствия. Так, персидские друзья хотя и отдавали себе отчет в полностью независимом характере своей Веры - в независимости, во имя которой они бесстрашно шли на муки и смерть, - тем не менее не смогли окончательно избавиться от некоторых национальных привычек и пороков, полностью расходящихся с тем, чему учил Основатель Веры. Еще продолжала существовать смутная связь с традициями ислама и с многочисленными злоупотреблениями, выросшими на почве его постепенного многовекового упадка. Принцип единобрачия на практике строго не соблюдался и не проник в сознание масс; по-прежнему широко распространено было употребление алкоголя; категоричекий запрет Бахауллы на употребление наркотиков плохо приживался в стране, где повсеместно бытовала привычка к опиуму и прочим наркотическим веществам. На Западе, особенно в Америке, где проживала самая многочисленная группа последователей Веры, бахаи, хотя и приверженные всем сердцем к вероучению, которое они недавно приняли, по-прежнему были связаны с различными церковными и прочими обществами и организациями, которые лишь истощали их и без того ограниченные ресурсы, ослабляли их способность к согласованной и целенаправленной деятельности во имя Дела Божия и наносили ущерб любым притязаниям на его независимый характер. Ни на Востоке, ни на Западе бахаи не имели четкого представления о том, что им следует раз и навсегда порвать с принадлежностью ко всем политическим партиям и к любой политической деятельности. Шоги Эффенди боролся с этим состоянием неопределенности, в котором пребывал мир Бахаи, двумя способами. Первый заключался в том, чтобы создать универсальный, надежный и приемлемый метод организации общинной жизни и дел Бахаи, основанный на Учениях и их трактовке Абдул-Баха; второй - в образовании верующих, разъяснении им целей их религии, обязательств, которые она накладывает, и ее истин.

Организаторский талант Шоги Эффенди - одна из самых ярких его отличительных черт, несомненно заложенная в него свыше для осуществления нужд Века Строительства Веры, - отчетливо проявился, когда он быстро и в то же время соблюдая крайнюю осмотрительность, приступил к построению единообразной всемирной системы национальных и местных Собраний. Первым делом надлежало найти правильное название для существовавшего в Америке административного органа и должным образом провести выборы в него. Немедленно вслед за оглашением положений Завещания Абдул-Баха многие видные американские бахаи прибыли в Хайфу, чтобы посетить Усыпальницы и встретиться с Хранителем. Одна из них, Коринна Тру, сообщает Шоги Эффенди в письме от 4 мая 1922 года: "Дух, царивший на Съезде, был поистине прекрасен, а Ваше письмо открывает новую эру Дела Бахаи. Шестьдесят пять центров Канады и Соединенных Штатов прислали своих делегатов... Я представила друзьям план, о котором

Вы рассказывали мне, когда я была в Хайфе... В результате Съезд избрал "Национальное Духовное Собрание", или Исполнительный Совет... Девять входящих в него мужчин и женщин, готовые верно и преданно служить Вам в любое время, просят у Всемирного Центра Завета подтверждения их права помогать Вам во всех делах, связанных с развитием Дела..." Миссис Тру была избрана в это Собрание так же, как и некоторые другие старых бахаи, получавшие наставления непосредственно от самого Шоги Эффенди в первые месяцы его пребывания в чине Хранителя.

4 апреля 1923 года Шоги Эффенди телеграфировал в Америку: "Настоятельно прошу переизбрать все местные Собрания первый день Ризвана 21 апреля". Отголоски того, что Шоги Эффенди придает большое значение системе и единообразию выборов Бахаи, а также соответствующему названию избранных органов, разнеслись по всему миру Бахаи. Повсюду, постоянно вдохновляемое и поддерживаемое им, началось движение за выборы в местные Собрания и передачу им определенных функций в соответствии с принципами, которые заложил еще Абдул-Баха, но которым не было уделено должного внимания. Несмотря на первые усилия по формированию Собраний, Шоги Эффенди еще много лет предстояло активно трудиться над достижением этой задачи, так как зачастую друзья полностью пренебрегали выборами и перевыборами своих местных органов. Бахаи, полные энтузиазма, но не до конца разобравшись в ситуации, приветствовали руководство своего Хранителя. По мере того как он уяснил положение дел верующим, оно очевидно становилось все более ясным и для него самого. Во вторых экземплярах его писем, написанных в декабре 1922 года Национальным представителям, мы находим термины "Национальное Духовное Собрание" и "Духовные Местные Собрания". В том же месяце он обращается к французским верующим в Париж: "Я получил бы истинное удовлетворение от известия об основании местного Духовного Собрания, правильно организованного, эффективно функционирующего и официально признанного членами великой семьи Бахаи. Настоятельно прошу вас, в случае если подобное собрание еще не сформировано, учредить как можно скорее такой постоянный и надежный центр Дела, поскольку, хотя на первый взгляд это и может показаться чистой формальностью, это не только восполнит пробел в единообразном управлении Движением по всему миру, но и, я уверен, станет тем ядром, которое объединит вокруг себя множество душ в будущем..." Не удивительно, что, если Шоги Эффенди относился к бахаи с такой любовью, тактом и прямотой, как видно по этому отрывку одного из многочисленных его писем, он повсеместно встречал поддержку и сотрудничество, и как только этот отклик доходил до него, ответные поздравления и похвалы Хранителя не заставляли себя долго ждать. В данном случае ему пришлось ждать больше года, прежде чем он смог наконец телеграфировать в Париж: "сердечные поздравления связи открытием Духовного Собрания".

Некоторые общины, следуя наставлениям Абдул-Баха, уже успели учредить у себя комитеты. Судя по переписке между Шоги Эффенди и Американским Национальным Собранием в период с 1922 по 1923 год в Америке уже существовали такие Национальные Комитеты, как Образовательный, Издательский, Ревизионный, Комитет по детскому образованию, Библиотечный, Комитет Звезды Запада, Дружбы между народами и Комитет по делам Национальных Архивов. Когда просматриваешь документы, составленные Хранителем в раннюю пору его служения, удивительно и любопытно видеть, что суть их - та же, что лежит в основе позднейших актов и положений. Шли годы, и круг его мыслей расширялся, темы получали все более подробную разработку, он взрослел, и Дело взрослело вместе с ним, но зачатки всего этого проявились в еще в те дни, когда он только-только приступил к управлению делами Веры. Наставления и распоряжения, с которыми он обращался к самым первым национальным органам и оцинам, лишь по форме, но не по сути отличаются от тех, с которыми он выступал под конец жизни. Вот, к примеру, его телеграмма Американскому Национальному Съезду в 1923 году: "... В этот решающий час в истории Дела вы стоите на пороге новой эры;

функции, которые вы призваны выполнять, скрывают в себе безграничные возможности; груз возложенной на вас ответственности тяжел и величественен; взоры множества людей обращены ... к вам в ожидании узреть зарю того Дня, которому суждено стать свидетелем исполнения Его Божественного Обетования". В этих лаконичных формах - события почти тридцати пяти грядущих лет.

Воспитание и образование бахаи в духе принципов, на которых основана социальная система Бахауллы, на долгие годы стало основной заботой Хранителя. Он прививал им привычку сознательно разбираться в Учениях, стремиться распространять их среди окружающих, усваивать хотя бы начатки общинной жизни, организуя праздники, проводя встречи и отмечая Святые Дни. Однако в то время они еще не привыкли работать организованно как члены определенной организации в самом подлинном смысле этого слова. Они не привыкли открыто практиковать систему взаимоотношений в лоне своей Веры. Шоги Эффенди с самого начала понял, что предстоящая ему работа требует от него, прежде всего, чтобы он досконально знал, что происходит в общинах Бахаи во всем мире, как проистекает их деятельность и насколько они способствуют построению административной системы Дела. А это, в свою очередь, требовало интенсивной переписки не только со всеми национальными органами, но и со всеми местными Собраниями; национальные органы еще не окрепли или даже вовсе не существовали, местные Собрания, как правило, были и того слабее. Он чувствовал настоятельную необходимость поддерживать контакт со всеми ними - как на Востоке, так и на Западе. В декабре 1922 года он уведомил Американское Национальное Собрание: "Буду признателен, если вы проинформируете все местные духовные собрания о том, что мне хотелось бы по возможности скорее получить от всех местных собраний подробные детальные отчеты об их духовной деятельности, о характере и организационной структуре соответствующих собраний, протоколы открытых и закрытых собраний, официальные отчеты о положении Дела на сегодняшний день в подведомственных им провинциях и об их планах на будущее. Прошу передать им всем мои наилучшие пожелания и заверения в моей искренней поддержке их благородной работы на ниве служения человечеству". Год спустя он в том же духе писал Немецкому Духовному Собранию: "Весьма желательно получать от Национального Духовного Собрания регулярные, внятные и своевременные отчеты о современном положении Дела во всей Германии с перечислением мероприятий в различных Центрах Бахаи, учрежденных в стране в последнее время".

В его планы входило не только собирать информацию во Всемирном Центре, но также стимулировать и вдохновлять угнетенные восточные общины, доводя до них благие вести о жизни братских общин Запада. Он ясно излагает свою политику в письме Нью-Йоркскому Местному Собранию в феврале 1924 года: "Как я уже сообщал в моем первом письме Национальному Духовному Собранию, я был бы очень рад получать от каждого Центра Бахаи в Америке регулярные подробные отчеты о положении Дела и деятельности друзей. Я с радостью передам из друзьям на Востоке, которые ныне, в тревожный час тяжелых испытаний, я уверен, с воодушевлением узнают об уверенном и мирном развитии Веры в вашей стране... жду от вас добрых известий..."

Эта система

моей искренней поддержке их благородной работы на ниве служения человечеству". Год спустя он в том же духе писал Немецкому Национальному Собранию: "Весьма желательно получать от Национального Духовного Собрания регулярные, внятные и своевременные отчеты о современном положении Дела по всей Германии с перечислением мероприятий в различных Центрах Бахаи, учрежденных в стране в последнее время".

В его планы входило не только собирать информацию во Всемирном Центре, но также стимулировать и вдохновлять угнетенные восточные общины, доводя до них благие вести о жизни братских общин Запада. Он ясно излагает свою политику в письме Нью-Йоркскому Местному Собранию в феврале 1924 года: "Как я уже сообщал в моем первом

письме Национальному Духовному Собранию, я был бы очень рад получать от каждого Центра Бахаи в Америке регулярные подробные отчеты о положении Дела и деятельности друзей. Я с радостью передам их друзьям на Востоке, которые ныне, в тревожный час тяжелых испытаний, я уверен, с воодушевлением узнают об уверенном и мирном развитии Веры в вашей стране... жду от вас добрых известий...”

Эта система должна была работать по двум направлениям, как он писал “Национальному Совету” британских Бахаи в декабре 1922-го года: “Постепенно приступая к переписке со всеми местными Центрами Бахаи на Востоке, я непременно собираюсь просить верующих всех стран непосредственно через свои Духовные Собрания посылать - в форме регулярных подробных отчетов - радостные известия о продвижении Дела собраниям своих духовных братьев и сестер на Западе”. “С любовью и нетерпением ожидаю ваших писем”, - писал он лейпцигским бахаи. “Надеюсь, что японские друзья отныне будут присылать мне регулярно подробные письма, рассказывая в них о своей разнообразной духовной деятельности и о планах будущего служения Делу Бахауллы”, - писал он верующим Японии. Такие же письма направлял он и бахаи островов Тихого океана. Подобные же чувства нашли выражение в многочисленных ранних письмах, обращенных к местным центрам различных стран. Но не так-то просто было добиться столь желанного для Хранителя конкретного отклика. Сколько времени на протяжении всех лет своего служения он отдал, призывая бахаи к исполнению их задач и обязанностей! В 1923 году он телеграфирует в Америку: “Жду частых подробных отчетов от Национального Собрания”. А вот телеграмма 1924 года: “Ни одного письма от Национального Собрания за последние два месяца”. В 1925 году он направляет телеграмму в Индию: “Нетерпением жду регулярных подробных отчетов Национального Собрания”. Конечно же, подобные напоминания были нередки и направлялись не в одну страну.

В глубине сердца Бахаи, искренние, преисполненные любви люди, с верой и упованием собравшиеся под сенью Бахауллы, прекрасно понимали всю крепость уз международного единства. Но этого было мало. Настало время инстинктивному чувству превратиться в активно, повседневно действующую динамичную мысль. Помимо создания единообразной системы выборов Бахаи и потока привходящих и исходящих отчетов и писем, Шоги Эффенди предпринял ряд шагов, чтобы усилить и укрепить некоторые издания Бахаи, уже существовавшие, когда он стал Хранителем, а в свое время поддерживаемые и вдохновляемые Самим Абдул-Баха. Самым старым и наиболее известным из них была публиковавшаяся в Америке “Звезда Запада”. Кроме нее в Германии издавалось “Солнце Истины”, в Бирме публиковалась “Заря”, в Индии - “Новости Индийских Бахи”, и “Хуршид-е Хавар” в Ашхабаде. Все эти издания Шоги Эффенди поддерживал с большим энтузиазмом. В феврале 1923 года он написал сирийским верующим, чтобы они организовали подписку на журналы Бахаи “Звезда Запада”, “Новости Индийских Бахаи” и “Хуршид-е Хавар”, издаваемый верующими на территории России, издаваемый верующими на территории России, и оказывали им финансовую помощь. Эталон подобных изданий он красноречиво обрисовал в письме к издателям бирманской “Зари” два месяца спустя: “Отличающаяся широтой взглядов, прогрессивная и практичная в отстаивании своей точки зрения, преданная священным традициям и принципам Дела, скрупулезная в методах работы, беспристрастная, возвышенная и яркая по стилю, она решительно и беспрепятственно движется на пути к поставленной цели”. В начале 1923 года он писал издателю “Новостей Индийских Бахаи”: “Недавно я обратился к друзьям в Персии, Туркестане, на Кавказе, в Ираке, Египте, Турции, Америке, Великобритании, Германии, Сирии и Палестине с просьбой посылать в “Новости Индийских Бахаи” регулярные отчеты об их деятельности и подробные статьи на духовные темы, надеясь тем самым расширить сферу распространения и повысить престиж этого, одного из ведущих органов общины Бахаи во всем мире... Буду с надеждой и интересом следить за всеми стадиями его развития и вносить посильную лепту в достижение поставленной Вашим журналом благородной цели”. Сходные письма с

изложением той же политики в отношении журналов Бахаи были направлены в Германию и Америку. Хранитель неоднократно обращался с настоятельными просьбами к различным национальным общинам Бахаи мира - посылать свежую информацию и соответствующие статьи в эти издания, дабы поддерживать их, пропагандировать Веру и вдохновлять верующих.

Также по инициативе Шоги Эффенди “Духовное Собрание Бахаи Хайфы” должно было “каждый девятнадцать дней рассылать циркулярные письма всем Цетрам Бахаи на Востоке”. Письма составлялись на персидском. Прилагались английские копии. “Учрежденное в Хайфе Духовное Собрание, - писал Хранитель швейцарским бахаи в феврале 1923 года, - отныне будет регулярно оповещать вас о новостях из Святой Земли...” Эти письма с новостями из Хайфы, тщательно проверяемые самим Хранителем, содержащие подготовленные им материалы, продолжали поступать адресатам, пока Духовное Собрание Хайфы не было распущено Шоги Эффенди с связи с эмиграцией местной общины в период с 1938 по 1939 год. Подобные меры позволяли ему, как черпаком, перемешивать содержимое огромного котла - общины верующих всего мира, - не давая ей застаиваться, побуждать составляющие ее элементы к еще более активным действиям, к сотрудничеству и взаимопониманию.

Но давайте на минуту остановимся и зададимся вопросом: что же это была за Администрация, над учреждением которой Хранитель без устали трудился? Возникнув, она, по словам Шоги Эффенди, должна была “одновременно воплощать, защищать и питать” дух несокрушимой Веры. Это было уникальное в истории явление, ниспосланное свыше и целиком и полностью отличное от всего, что имело место в религиях прошлого. По сути эта Администрация являлась двигателем будущего Мирового Порядка и Мировой Цивилизации, которым предстояло составить основу Мирового Содружества всех народов планеты. Несмотря на то, что структура ее избирательных органов была основана на всеобщем равенстве и тайном голосовании, в своем конечном виде она отличалась от классической модели демократии, в которой избранные лица несут постоянную ответственность перед избирателями: органы Бахаи во все времена ответственны лишь перед Основателем своей Веры и Его Учения. В то время как при демократии избранные лица не могут преступать собственных решений и отказываться от собственных рекомендаций, в свою очередь контролируемых и одобряемых или не одобряемых теми, кого они представляют, верховные представители Дела Божия одновременно выступают как слуги всех слуг Божиих - иными словами, являются органами верующих - однако несут ответственность перед лицами, стоящими еще выше их - боговдохновенным и богонаставляемым Хранителем, или единственным толкователем, а также перед Всемирным Домом Справедливости, высшим избранным органом, или единственным законодателем. Легко видеть, что при подобной системе люди, не скованные растлевающим влиянием занимаемого положения, политических факторов и переменчивым настроением масс, не удовлетворенных действием демократического принципа в чистом виде, могут свободно выбирать то, что считают наиболее подходящим для управления собственными делами и защиты своих прав, с одной стороны, и для служения интересам Дела Божия - с другой.

Избранные органы Бахаи можно уподобить огромной сети ирригационных труб, сооруженной людьми для собственного блага. Но дающие жизнь горные воды, текущие по этой системе, не зависят от людей, от труб, по которым они бегут, и воды эти - боговдохновенные советы Хранителя и Высшего Органа Дела, которые, по Завету Бахаи, они получают непосредственно из источника двойного Явления Божия. Система Бахауллы, писал Шоги Эффенди, “никогда не может выродиться ни в одну из форм деспотизма, олигархии или демагогии, которые рано или поздно разрушают любой рзкотворный мезанизм и по сути своей ущербные политические институты”. Еще в 1934 году Шоги Эффенди мог с полным правом написать о работе этой системы, которая так быстро распространялась и пускала корни в мире Бахаи, что она проявила мощь, которую

“разочарованное и неприятно пораженное общество” не в силах игнорировать. Жизнеспособность его учреждений, препятствия, преодоленные его деятелями, энтузиазм его странствующих учителей, высокое самопожертвование и самоотречение его поборников, дальновидность, душевный мир, надежда, радость, цельность, дисциплина и единство его стойких защитников, тот факт, что самые разные народы смогли очиститься от предрассудков и влиться в единую структуру его системы - все свидетельствует, как писал Шоги Эффенди, о мощи непрестанно ширящегося Порядка Бахауллы.

Шоги Эффенди обладал качествами прирожденного государственного деятеля. В отличие от большинства бахаи, которые, увы, склонны, подобно Икару, взмывать ввысь на восковых крыльях одной лишь надежды и веры, Шоги Эффенди соорудил свой летательный аппарат из прочных материалов, годных для воздушной Среды, строя его по кусочкам, заботливо и осмотрительно. За первые несколько лет своего служения он добился единообразия в самых существенных вопросах Администрации Бахаи. Там, где национальные общины были достаточно сильны, он учредил краеугольный камень этой Администрации - местные Собрания и общенациональный орган. К 1930 году в соответствии со “Справочником Бахаи” Американского Национального Собрания таковых насчитывалось девять: на Кавказе, в Египте, Великобритании, Германии, Индии и Бирме, Ираке, Персии, Туркестане, а также в Соединенных Штатах и Канаде. Собрания Кавказа, Туркестана и Персии в течение многих лет отличались от остальных в том смысле, что проведение Национального Съезда, где делегаты могли бы свободно встретиться для избрания своего общенационального органа, оказывалось невозможным. Тем не менее правящий орган (по-английски Хранитель называл его Национальным Собранием, по-персидски же ипользовался другой термин, отличный от того, который стал применяться впоследствии, когда прошли национальные выборы) существовал и занимался делами национальной общины; положение в России, однако, привело к роспуску Национальных Собраний Кавказа и Туркестана, а позднее и вся деятельность бахаи была полностью запрещена.

В своих трудах по учреждению Административного Порядка Веры Шоги Эффенди опирался на талантливых и преданных сотрудников как на Востоке, так и на Западе, которых Господь словно специально призвал для того, чтобы чутко улавливать замыслы Хранителя, живо воспринимать его указания и повеления, откликаться на его мысли конструктивными предложениями и быстро воплощать его пожелания, приспособлявая их к местным нуждам.

Параллельно с этим практически внезапным возникновением Административного Порядка происходил процесс воспитания подлинного понимания значения и требований Веры - воспитания, которое мог осуществить лишь тот, кто обладал исключительным правом толкования Учений. Поскольку нельзя отделить движущую силу от одухотворяющего ее начала, бросим хотя бы беглый взгляд на некоторые из этих основополагающих истин, к которым Шоги Эффенди привлекал наше внимание на протяжении многих лет.

Одним из наиболее замечательных достижений Шоги Эффенди было то, что он значительно расширил наш умственный кругозор. Он обозревал проблемы Дела с подобной Эверестувершины своего всеохватного понимания его требований. За тридцать шесть лет ничто не стало меньше, напротив, все приобретало еще больший размах и масштабность. Открылась беспредельное пространство, вольнее стало не только дышать, но и мечтать. Бахауллы был Открывателем пятисоттысячелетнего цикла. Он был вершиной шеститысячелетнего цикла пророчеств, начиная от Адама. Его Откровение было лишь частью бесконечной цепи Божественных Заповедей. Хранитель подвел итог этой концепции в своем блистательном заявлении, представленном на рассмотрение Специальной комиссии по Палестине при Организации Объединенных Наций: "Основной принцип, провозглашенный Бахауллой... сводится к тому, что религиозная истина носит не абсолютный, но относительный характер, что Божественное Откровение есть

постепенно развертывающийся процесс, что все великие мировые религии имеют божественное происхождение, что их основные принципы находятся в полном согласии, что цели их - едины, что их учения есть не что иное, как грани единой истины, их функции дополняют друг друга, что различие между ними заключается в несущественных аспектах их учений, и, наконец, что их миссии представляют последовательные стадии духовного развития человеческого общества. Цель Бахауллы... не в том, чтобы разрушить, а чтобы дополнить Откровения прошлого... Его цель... в том, чтобы восстановить изначальные истины, которые несут эти учения, таким образом, чтобы они соответствовали нуждам... века, в который мы живем... Бахаулла отнюдь не претендует на то, что Его собственное Откровение конечно, скорее, Он делает допущение, что истина в еще большей мере... раскроется на грядущих стадиях непрерывного и безграничного развития человеческого рода".

В этом же заявлении он с кристальной ясностью устанавливает взаимоотношения между Административным Порядком и Откровением: "Административный Порядок Веры Бахауллы, которому суждено превратиться во Всемирное Содружество Бахаи... в отличие от систем, возникших после смерти Основателей других религий, имеет божественное происхождение... В этой связи следует отметить, что Вера, которой этот Порядок служит, которую он охраняет и развитию которой способствует, по сути своей носит трансцендентальный характер, внациональна, стоит вне политики, чужда фанатизму и диаметрально противоположна всякой политике или течению мысли, ставящей своей целью возбуждение розни между расами, классами и нациями. Она свободна от всех атрибутов церковности, не имеет духовенства и обрядов и существует исключительно на добровольные даяния своих верных приверженцев".

К чему именно вела такая концепция, Хранитель говорит в одном из своих обращений к Бахаи Запада: "Всемирная федеративная система, правящая по всей земле... сочетающая и воплощающая идеалы Востока и Запада, избавившаяся от проклятой язвы войны... система, в которой Сила стоит на службе Справедливости, чья жизнь основана на признании единого Бога и приверженности одному общему Откровению - вот цель, к которой движется побуждаемое единящими силами жизни человечество".

Хотя все это было и так, многое в мире еще обстояло неблагоприятно. Что конкретно - об этом Шоги Эффенди ясно говорит нам в своей книге "Обетованный День Настал": "Бог предоставил человечеству целое столетие, чтобы оно могло наконец признать Основателя Откровения, присоединиться к Его Делу, провозгласить Его величие и учредить Его Порядок. В сотнях томов... Глашатай этой Вести провозгласил, как то не делал ни один Пророк до Него, Миссию, которую Господь возложил на Него... Как - с полным правом можем мы задаться вопросом - каким образом мир, объект Господнего изволения, отплатил Тому, Кто пожертвовал всем ради этой цели? "Весть Бахауллы, писал Шоги Эффенди, встретила глухую стену равнодушия со стороны высших слоев общества, неукротимую ненависть со стороны церковников, поношения персидского народа, сугубое пренебрежение правителей, к которым Он обращался, зависть и злокозненность со стороны иностранцев; все это свидетельствовало об отношении к Вести "поколения, погрязшего в самодовольстве, не пекущегося о своем Боге и позабывшего о знамениях, увещеваниях и предостережениях, явленных Его Посланцем". Таким образом, человеку пришлось вкусить от дела рук своих. Человек отказался от прямой стези, ведущей его к великой цели через приятие Обетованного Ныне, и сам избрал долгий, горький, кровавый и темный путь, на котором его в буквальном смысле ждали все муки ада, прежде чем он вновь смог приблизиться к цели, изначально находившейся от него на расстоянии вытянутой руки.

Слова Самого Бахауллы совершенно ясно говорят нам о том, что ожидает человечество, изначально отказавшееся принять Его Откровение: "О люди, Мы назначили вам час! И если, когда он пробьет, вы не обратитесь к Богу, воистину Он наложит на вас Свою Длань и уязвит вас отовсюду. Поистине сурова кара, которой ваш Господь покарает вас".

"Настало время погибнуть миру и людям, что населяют его". "Обетованный день настал, день, когда беды дождем обрушатся на вас и бездны разверзнутся у вас под ногами..." "Скоро изведаете вы всю тяжесть кары Его, и адский пламень опалит вас".

С самого начала своего служения Шоги Эффенди, глубоко постигнув дух Учений, предвидел, какой оборот неизбежно должны были принять события. Еще в январе 1923 года в письме Американскому местному Собранию он рисует такую картину будущего: "Вихрь лживости и эгоизма увлекает отдельных людей и целые народы, и, если не противиться ему, он поставит под угрозу существование самой цивилизации либо окончательно погубит ее. Наша задача и почетное право - постоянно и настойчиво привлекать внимание мира искренностью наших побуждений и помыслов, широтой наших взглядов, преданностью и упорством в нашей работе на службе человечества". Он не только ясно представлял себе ситуацию и пути ее улучшения, но и был достаточно искушен и проницателен, чтобы после восьмидесяти лет пренебрежения со стороны большей части человечества сомневаться в возможности предотвратить мировую катастрофу. "Мир, - писал он в феврале 1923 года, - все больше и больше удаляется от духа Божественных Учений..." Не единожды, изустно и в письменных обращениях к паломникам, Шоги Эффенди напомнил бахаи о весьма примечательном предостережении Бахауллы: "Если цивилизация, столь часто превозносимая учеными представителями искусств и наук, выйдет из границ разумного и умеренного, она навлечет на людей великое зло. Услышьте глас Того, Кто Всеведущ. Погрязнув в излишествах, цивилизация может стать источником зла не менее изобильным, чем тот источник добра, каковым она являлась, пребывая в рамках умеренности... Близится день, когда пламя пожрет ее города".

Еще в самом начале Шоги Эффенди понял, что жизненные силы человека подтачивает огромная раковая опухоль - материализм, который достиг на Западе степени развития, не шедшей ни в какое сравнение с тем упадком, который он неизменно провоцировал в цивилизациях прошлого. Поскольку многие не знают, что означает слово "материализм", не лишне будет привести выдержку из словаря Уэбстера, который определяет некоторые его аспекты как "тенденцию придавать излишнее значение материальным интересам; приверженность материальному началу и запроса", а также приводит другое определение материализма - как теории, трактующей человеческую природу в терминах физических и материальных, а не с точки зрения духовных и нравственных понятий. Внимание Шоги Эффенди к этому явлению, к породившему его злу и к злу, которое оно, в свою очередь, влечет за собой, нашли отражение в многочисленных отрывках его писаний, начиная с 1923 по 1957 год. В 1923 году он упоминает о "хаосе и грубом материализме, в которых ныне погрязло человечество". Несколько лет спустя он пишет об "апатии, грубом материализме и поверхности сегодняшнего общества". В его письме к Американскому Национальному Собранию, написанном в 1927 году, читаем: "в самом сердце общества, где отвратительные признаки растущей невоздержанности и распущенности дают новый толчок развитию сил мятежа и реакции, день от дня все более очевидных". В 1933, в открытом письме американским бахаи он говорит о "неистовых безумствах, метаниях, фальши и лживости, столь характерных для нынешнего века". В 1934 году в открытом письме бахаи Запада - о "признаках надвигающейся катастрофы, разительной напоминающей падение Западной Римской империи, катастрофы, угрожающей смести все здание сегодняшней цивилизации". В том же обращении он говорит: "На какие тревожные мысли наводят беззаконие, коррупция, неверие, подтачивающие жизненные силы цивилизации и ведущие к ее упадку!" В открытом письме 1936 года к бахаи Запада он пишет: "куда бы ни обратили мы свой взор... повсюду бросаются в глаза свидетельства нравственного упадка, которые являют нам окружающие нас мужчины и женщины как в своей частной жизни, так и в своих отношениях внутри общества". В 1938 году он пишет о "смутных временах, когда отовсюду грозят опасности, когда повсеместно царит продажность", и говорит о корне зла: "антирелигиозной лихорадке, сотрясающей члены

человечества", а также о "мире, озаренном меркнувшим светом веры", о мире, в котором торжествует слепой национализм, процветают расовые и религиозные гонения, о мире, в котором ложные теории и доктрины угрожают благоговейному почитанию Господа, о мире, "пронизанном вульгарным и хищным матриализмом, распадающемся под гнетом вредного воздействия нравственного и духовного упадка".

В 1941 году Шоги Эффенди открыто заклеил главные язвы современного общества: "растущее беззаконие, пьянство, увлечение азартными играми, преступность; безудержная страсть к удовольствиям, богатству и прочей мирской суете; нравственная распущенность, обнаруживающая себя в безответственном отношении к браку, ослаблении контроля со стороны родителей, в увеличении числа разводов, в падении критериев литературы и прессы, а также в упрямом отстаивании теорий, которые в корне отрицают нравственную чистоту и целомудрие - таковы свидетельства морального упадка, затронувшего страны Востока и Запада, проникнувшего во все слои общества и отравившего своим ядом мужчин и женщин, молодых и старых, свидетельства, новым пятном ложающиеся на свиток, где запечатлены многочисленные преступления нераскаявшегося человечества". В 1948 году он вновь бичует пороки современного общества: "сотрясаемого политическими бурями, экономически несостоятельного, социально неустойчивого, нравственно упадочного и стоящего на пороге духовной смерти". Не боясь постоянно твердить об одном и том же, Хранитель стремился защищать общины Бахаи и не давать им утратить бдительность перед лицом окружающих опасностей.

К концу жизни Шоги Эффенди еще более часто и открыто высказывался на эту тему, подчеркивая, что, хотя Европу и можно считать колыбелью "безбожной", "повсеместно восхваляемой, однако плачевным образом ущербной цивилизации", главным представителем ее являются ныне Соединенные Штаты и что проявления ее в настоящее время в этой стране до такой степени позволили развиваться самому разнузданному материализму, что теперь он представляет угрозу всему миру. В 1954 году в письме бахаи Соединенных Штатов, составленном в выражениях, которые он прежде никогда не употреблял, он перечисляет необычайные привилегии, которыми пользовалась эта община, одержанные ею замечательные победы, но вместе с тем заявляет, что она переживает критический момент в своей истории, причем не только в собственной истории, но и в истории своей нации, которую он уподобляет "раковине, скрывающей самую большую драгоценность всемирной общины последователей" Бахауллы. В этом письме он указывает, что страна, частью которой являются американские бахаи, "переживает исключительно серьезный с точки зрения духовной, нравственной, социальной и политической кризис - кризис, серьезность которого поверхностный наблюдатель рискует недооценить.

Непрестанное и вызывающее тревогу падение нравственных норм, примером чему может послужить устрашающий рост преступности, распространение политической коррупции в самых высоких кругах, ослабление священных уз брака, безудержная погоня за удовольствиями и развлечениями, а также заметная утрата роли родительского контроля, несомненно является наиболее очевидным и печальным аспектом начавшегося упадка, который четко просматривается в судьбах всей нации.

Параллельно с этим во все сферы жизни проникает зло, которое нация, а также все те, кто существует внутри капиталистической системы, испытывают наравне с государством - заклятым врагом этой системы - и его союзниками; имя этому злу - вульгарный материализм, который, придавая огромное значение материальному благосостоянию, забывает о духовном начале, которое одно может служить надежной основой человеческого общества. Это тот самый злостный материализм, первоначально зародившийся в Европе, развившийся до невиданных масштабов на североамериканском континенте, затронувший азиатские народы и страны, протянувший свои отвратительные щупальца к берегам Африки и ныне проникший в самое ее сердце, - тот самый материализм, который Бахаулла категорически и вдохновенно осудил в Своих Писаниях,

сравнив его с всепожирающим пламенем и рассматривая его как главную причину страшных бедствий и сотрясающих мир кризисов, в результате которых пожар войны неизбежно охватит города и ужас и смятение поселятся в сердцах людей".

Шоги Эффенди напомнил нам, что еще Абдул-Баха во время Своих поездок по Европе и Америке - с трибун и кафедр - не устал возвышать Свой голос, "настойчиво и вдохновенно" выступая против "этого всеразъедающего, тлетворного материализма", и указывал, что одновременно с ростом "отвратительной нравственной распущенности, с увлечением материальными благами" над политическим горизонтом также сгущаются тучи, "свидетельством чему - постоянно углубляющиеся противоречия между главными представителями двух антагонистических направлений мысли, которых, как бы ни различались их идеологии, последователи Бахаулла должны совместно осудить за их пренебрежение теми духовными ценностями и вечными истинами, на которых, единственно, в конечном счете, может быть основана устойчивая и процветающая цивилизация".

Хранитель постоянно обращал наше внимание на то, что цели, критерии и практическая деятельность современного мира, по большей части, либо прямо противоположны, либо в извращенной форме представляют то, к чему стремятся и во что верят Бахаи. Советы, которые он давал нам в подобных вопросах, касались не только тех вопиющих явлений, о которых шла речь в приведенных выше цитатах. Он наставлял нас - мы же добровольно следовали его наставлениям - в вопросах хорошего вкуса, учил здравомыслию и правильному воспитанию. Часто он говорил: наша религия - религия золотой середины. среднего пути, любые крайности ей чужды. При этом он подразумевал отнюдь не политику компромиссов и уступок, суть его мысли хорошо передают слова Самого Бахаулла: "не преступайте границ умеренности"; "тот, кто судит здраво и справедливо, ни при каких обстоятельствах не должен выходить за рамки умеренности". Мы живем, пожалуй, в самом невоздержанном из всех существовавших в мире обществ, которое рушится на глазах, потому что оно отвратилось от Бога и отреклось от Его Посланца.

Однако Шоги Эффенди это общество виделось иначе, чем оно видится нам. Будь это не так, он не был бы нашим вожатым и нашим заступником. И если Явление Божие нисходит в мир из небесных чертогов и возвещает новый век, положение и функции Хранителя совершенно иные. Он во многом, очень во многом был человеком двадцатого века. Не отделяя себя от мира, в котором жил, он в то же время воплощал его лучшие качества: ясный, логический ум давал ему возможность легко и беспристрастно судить обо всем. Понимая чужие слабости, он тем не менее не смирялся с ними и решительно отвергал неправильную точку зрения, по которой зло следует прощать, так как оно всемирно и неизбежно. Этот момент нельзя недооценивать. Мы склонны думать, что общепринятое правильно потому, что оно общепринято; что какая-то точка зрения правильна потому, что ее придерживаются наши вожди и наши учителя; что то или иное соответствует действительности потому, что в этом, ссылаясь на свой авторитет, убеждают нас знатоки. Шоги Эффенди никогда не поддавался такой самоуспокоенности. На все в современном мире - будь то сфера политики, нравственности, искусства, музыки, литературы, медицины, социальных наук - он смотрел сквозь призму учений Бахаулла. Совместимо то или иное с путеводными линиями, прочерченными Бахаулла? Если да - это правильный путь. Нет? Значит, это опасная и неверная дорога.

Шоги Эффенди дал нам то, что я для себя привыкла называть "путеводными линиями" - ясное понимание великих принципов, доктрин и идей нашей религии. Для примера можно взять наугад хотя бы несколько, но именно они, на мой взгляд, имеют особое значение для формирования мировоззрения Бахаи в сегодняшнем мире. Одна из самых лживых современных доктрин, диаметрально противоположная учениям всех религий, утверждает, что человек не несет ответственности за свои поступки и что его следует прощать за тот или иной грех, поскольку это, якобы, влияние среды. Шоги Эффенди был непримиримым врагом подобной точки зрения, так как она в корне противоречила словам

Бахауллы: "Справедливость есть воспитатель мира, ибо ее поддерживают два столпа - награда и наказание. В них же - источник жизни для мира". Индивидуумы, народы, общины Бахаи, род людской - все отвечают за свои деяния. И хотя на принимаемые нами решения воздействуют многие факторы, суть веры Бахаи в том, что Бог дает нам шанс, придает силы и помогает сделать правильный выбор и в этом случае нас ожидает награда, в противном же - наказание. Такая концепция противоречит учениям подавляющей части современных психологических школ. Принцип этот чрезвычайно ярко проявился в моей личной жизни. Когда возлюбленный Хранитель неожиданно оказал мне великую честь, избрав меня в жены, мне показалось, что для меня, по крайней мере, все тревоги, связанные с тем, каков будет итог моей духовной жизни, остались позади. Я словно бы умерла и попала в рай, где ничто уже было надо мной не властно. Однажды в беседе Шоги Эффенди сказал мне по этому поводу: "Твоя судьба - у тебя на ладони!" Я пришла в ужас! Все снова вернулось, снова я всю жизнь должна была бороться, чтобы не совершить проступка, чтобы спасти свою душу.

Отношения Хранителя со всем миром Бахаи, с частными лицами, официальными представителями и не-бахаи строились исключительно по этому принципу. Он был бесконечно терпелив, но рано или поздно провинившегося ожидало скорое и справедливое наказание; награда тоже не заставляла себя долго ждать и всегда была больше, так мне казалось, чем того заслуживал удостоившийся ее человек.

Писания Баба, Бахауллы, Абдул-Баха и Шоги Эффенди - на персидском, арабском и английском - являются высочайшими образцами литературного стиля. В их Книгах не найдешь ни одного слова, подобного стертой монете. Помню, как однажды некий паломник искренне и мягко упрекал Хранителя за то, что простым людям в Америке трудно разобраться в его писаниях, и предлагал хоть чуточку упростить их язык. Хранитель твердо отвечал, что это не выход; выход, сказал он, заключается в том, чтобы люди повышали свой языковой уровень, и добавил - своим выразительным прекрасным голосом, с прекрасно поставленной интонацией, и огонек сверкнул в его глазах, - что сам пишет по-английски. Намек на то, что подавляющая часть литературы, появляющейся по ту сторону Атлантики, никогда не достигала подобного уровня, прозвучал совершенно прозрачно!

Хранитель требовал от журналов Бахаи "возвышенного, впечатляющего стиля" и, конечно, во все времена сам служил его образцом.

В первое время после свадьбы я довольно смутно представляла себе, каково отношение Хранителя к современному искусству. Мне самой нравились великие эпохи в нашей, отечественной, и других культурах, и я гадала, как отнесусь к тому, если выяснится, что Хранитель восхищается современными течениями в живописи, скульптуре и архитектуре. Надо было развеять свои страхи. Иногда нам удавалось вместе выбирать в какой-нибудь знаменитый европейский музей или картинную галерею. Вскоре я с великим облегчением обнаружила, что его любовь к гармонии и красоте, к зрелому стилю и благородству исполнения была подлинной и глубокой. Какими бы искренними и логически обоснованными ни выглядели на первый взгляд поиски нового стиля, последовавшие за общим крушением старого мирового уклада, Шоги Эффенди никогда не давал себя увлечь всему поверхностно новому, даже если бы оно выражало мировосприятие Бахаи. Он слишком хорошо знал историю, чтобы принять отражение упадка гнущего общества за рождение нового стиля, черпающего вдохновение в Миропорядке Бахауллы! Он понимал, что дерево плодоносит всегда в конце, а не в начале роста; понимал, что сначала должна явиться новая мировая система, основанная на мире во всем мире и единении народов, и лишь затем, в Золотом Веке, расцветет новое, зрелое искусство. Чтобы избавиться от малейших сомнений на этот счет, достаточно бросить взгляд на Усыпальницу Баба или построенное Хранителем здание Международных Архивов; взгляните на четыре отобранных им проекта Храмов - на горе Кармел, в Тегеране, Сиднее и Кампале. Они намеренно консервативны, основаны на опыте прошлого; однако они также основаны и

на стилях, выдержавших испытание временем и отстаивших право на существование до тех пор, пока одновременно с развитием мира под влиянием учений Бахауллы не возникнет новый, органически сложившийся стиль. Я записала одно из замечаний Хранителя, которое он сделал, просматривая проект и эскизы Храма в Кампале: "Несчастливые африканцы! Неужели они стали бахаи, ради того чтобы собираться в таком чудовищно уродливом месте?" Он встал на защиту своих возлюбленных братьев и сестер на этом континенте, распорядившись выбрать проект, разработанный во Всемирном Центре, проект, который ему нравился и получил его одобрение. В письме 1956 года к двум разным Национальным Собраниям по поводу двух различных Храмов секретарь так излагает его точку зрения: "Он полагает, что, поскольку речь идет о Материнском Храме... вопрос этот чрезвычайно важен; при любых обстоятельствах он должен иметь достойный вид, а не следовать авангардистским взглядам в архитектуре. Никто не знает, как посмотрит на нынешние стили два или три поколения спустя; Бахаи не смогут позволить себе оплатить постройку нового Храма, если возведенный ныне покажется в будущем неподобающей архитектурной причудой". "Ему жаль, что он вынужден разочаровать мистера Ф., Однако не подлежит ни малейшему сомнению, что подобный экстравагантный проект не может быть принят. Хранитель с полной уверенностью полагает, что, невзирая на мнения новейших школ в архитектуре по этому поводу, образцы стилей, представленных сегодня по всему миру, не только крайне уродливы, но и совершенно лишены изящества и достоинства, которые хотя бы в какой-то степени обязаны присутствовать в облике Дома Поклонения Бахаи

Никогда нельзя забывать, что в своих вкусах подавляющее большинство людей отнюдь не привержено крайностям современной моды и то, что представителям авангардных течений может казаться прекрасным, зачастую кажется безвкусицей обычному простому человеку".

Мысли, определявшие отношение Хранителя к литературе и искусству, он применял и к столь любимой им музыке.

Из вышесказанного следует, что Хранитель стремился прививать Делу и его бесценным институтам такие высокие нормы достойного и прекрасного, которые хранили бы его Святое Имя, священную природу его учреждений, его международный характер, его новизну и обетования, что он хотел защитить его от причуд и капризов переходного века, равно как и от неподобающего вредного влияния развращенной, исключительно западной по духу цивилизации. В этой связи следует помнить о том, что вплоть до сегодняшнего дня большинство последователей Веры по происхождению своему были арийцами, в то время как большинство человечества к ариям не относятся. Помню лицо первого японского паломника-бахаи, когда Шоги Эффенди, устремив на него пристальный взгляд своих удивительно выразительных глаз, сказал, что поскольку большинство людей не принадлежит к белой расе, то и нет никаких оснований, чтобы большинство бахаи были белыми. Искренний пафос, с которым Шоги Эффенди произнес эти слова, явно были откровением для человека с Дальнего Востока, возвращавшегося домой после длительного пребывания в Соединенных Штатах.

Многие ли бахаи в полной мере воспринимают тот факт, что, так же как от них требуются чистота, честность и правдивость, учение Бахауллы восхваляет такие качества, как учтивость, чувство собственного достоинства и почтительность? Одна из первых телеграмм Шоги Эффенди в Америку особо подчеркивает это: "Достоинство Дела требует ограниченного использования записей голоса Учителя". Чувство святости - одно из величайших благословений, данных человеку. Хранитель неоднократно обращал на это наше внимание: "постарайтесь, чтобы никто не фотографировал портрет Баба, когда он будет выставлен для обозрения". Созерцать воспроизведенные на холсте лики двух Явлений Божиих, будь то Баб или Бахаулла, было особо почетной привилегией, в отличие от разглядывания передаваемых из рук в руки дешевых репродукций.

Толкование Шоги Эффенди изложенных в учениях взглядов на роль, которую некоторые народы призваны сыграть в истории в самом начале Цикла Бахаи, было подобно озарению, оно будило мысль и часто резко расходилось с нашим собственным, ограниченным взглядом на эту тему. Причину того, почему Персия стала Колыбелью Веры, а Америка - Колыбелью ее Административного Порядка, следует искать в учении о том, что величайшая сила в мире есть сила Святого Духа, божественная алхимия, могущая превратить грубый кусок меди в благородный золотой слиток. В "Пришествии Божественной Справедливости" Хранитель вновь внушает нам эту фундаментальную истину: "Утверждать, что какие-либо врожденные качества, высокие нравственные нормы, способность к политической деятельности и социальные достижения той или иной расы или народа могут служить предпосылкой для появления в их среде кого-либо из этих Божественных Светочей, будет абсолютным извращением исторических фактов и в конечном счете приведет к полному отрицанию неоспоримых толкований ясных и вдохновенных слов Бахауллы и Абдул-Баха". Далее он говорит о том, что расы и народы, особо избранные и отмеченные Богом, должны безоговорочно признать и мужественно засвидетельствовать, что были избраны лишь из-за того, что пребывали в вопиющей нужде, из-за плачевного упадка и вырождения, из-за своей неисправимой порочности, а вовсе не из-за какого-либо расового превосходства, политических способностей или духовных добродетелей. Именно на этом основании Баб и Бахаулла считали Персию Колыбелью Веры, а Америку - Колыбелью ее Миропорядка. Благодаря исполнению этого великого закона являет нам себя слава Божия и человек постигает, что источник его собственной силы и славы Божией - един. Так представители "одного из наиболее отсталых, самых малодушных и развращенных народов", приняв Божественную Весть, преобразились в нацию героев, "способных осуществить подобную же революцию в жизни всего человечества", и это доказывает животворящую силу духа Откровения Бахауллы. Тот же принцип, утверждал Шоги Эффенди, приложим и к Америке: "Именно благодаря тем язвам, которые, невзирая на прочие замечательные качества и достижения, безудержный материализм, к несчастью, породил в этой стране", она была отмечена особой печатью и стала знаменосцем Нового Миропорядка. "Так и только так, - говорит он далее, - Бахаулла мог наилучшим образом продемонстрировать преступно беспечному поколению Свое Всемогущество, показать, как из самой гущи людей, погрязших в материализме, ставших жертвой одной из самых опасных и стойких форм расовых предрассудков, известных своей политической коррупцией, пренебрежением к закону и падением нравственных норм, с течением времени вышли те, кто воплотил в себе такие основополагающие добродетели, как самоотречение, нравственная прямота, воздержанность, бескорыстное братство, святая дисциплина и духовная пронизательность", которые позволили им сыграть выдающуюся роль в учреждении Всемирной Системы Бахауллы.

Когда Шоги Эффенди приступил к работе над книгой "Пришествие Божественной Справедливости", однажды, рассуждая на эту тему, он неожиданно заявил, что Соединенные Штаты - самая политически коррумпированная страна в мире. Я была просто поражена этим замечанием, потому что всегда считала само собой разумеющимся, что именно благодаря нашей демократической системе и нашему политическому развитию Бог избрал нас строителями Своего Административного Порядка? Я осмелилась возразить и сказала, что в Персии, безусловно, еще больше процветает политическая коррупция. Нет, ответил Хранитель, политическая коррупция больше всего процветает именно в Америке. Должно быть, по выражению моего лица он понял, как тяжело мне смириться с этим новым взглядом, потому что, неожиданно указав на меня пальцем, сказал: "Надо проглотить. Лекарство горькое, но полезное". Я молча проглотила горькие слова, Хранитель же продолжал развивать свою тему, и лишь когда я прочитала посвященные ей выдающиеся отрывки, с течением лет, ясно увидела, что он провозглашал выведенные им из учений великие духовные истины и законы, в которых для нас, стоит

лишь протянуть руку, заключен источник целебной силы. Как бахаи, мы ничем не гаратнированы от неправильных идей, от смешения наших ограниченных, путаных, навязанных средой понятий с учениями Божественного Наставника. Искажение мыслей и фактов не может привести ни к чему хорошему. Поэтому я и смотрю на эти великие темы, на эти утверждения истины, данные нам Хранителем, как на путеводные линии мысли, которые позволяют нам видеть вещи такими, какие они есть, и прийти к правильному пониманию своей Веры.

Верный фактам, реалистичный подход Хранителя означал, что он не только способен оценить подлинную силу Дела, но и отдает себе отчет в его недостатках на сегодняшний день. И он никогда не смешивал то и другое. В письме 1926 года к молодежному лидеру Соединенных Штатов, не-бахаи, он говорит: "Мы верим в то, что дух Божий постепенно направляет людей и народы, а миссия Бахаи - том, чтобы стойко защищать возвышенные принципы, явленные Бахауллой. Бахаи никогда не останутся равнодушными при виде великих гуманитарных начинаний подлинных лидеров общественной мысли и всегда рады возможности вместе с другими движениями поднять свой голос в имя мира, истины и справедливости". Однако он никогда не переоценивал наши возможности и силы. В июле 1939 года он писал Американскому Национальному Собранию (представлявшему самую свободную и самую мощную общину в мире Бахаи) о том, что оно не должно навязывать свою волю тем, в чьих руках находится судьба персидских бахаи; что пока они еще не способны начать достаточно масштабную кампанию, могущую завладеть воображением человечества и пробудить в нем сознательность, дабы исправить зло, причиняемое из гонимым собратьям; что силы, которыми они в настоящее время располагают в национальных государственных органах, несоразмерны с требованиями и величием Дела Бахауллы; что они не могут занять должное положение и пользоваться полномочиями, потребными для того, чтобы "обратить вспять процесс трагического упадка человеческого общества и его институтов".

В 1948 году Шоги Эффенди писал: "Не нам рассуждать о ежеминутной скрытой работе неисповедимого Провидения, равно приурочивающего падение обреченного Порядка и будущее торжество Плана, несущего в себе ростки всемирного духовного возрождения и окончательного искупления". Не раз говорил он паломникам о двух планах: о нашем, внутреннем - о Божественном Преднамерении, которое мы должны воплотить в жизнь своими руками, и о всеобщем Замысле Всемогущего Бога, который Он осуществляет иными путями, ускоряя достижение Своих целей посредством внешних по отношению к Делу сил. В той мере в какой бахаи будут трудиться в рамках своего Плана и способствовать его как можно более скорому осуществлению - учреждению Царства Бога Сил на земле, - благословение Бахауллы осенит их и Его благодеяния даруются им; но в той же мере в какой мир, отвергая Его Весть, упорствует в следовании своим злонамеренным целям, Господь воздаст людям и народам, сокрушив их во прах, силой обратив их в единый мир, который они отказались строить в мире, повинувшись наставлениям Посланника Божьего.

Хранитель постоянно указывал не только на резкое различие между плавным объединением, слиянием последователей Бахауллы в единую, духовно оправданную всемирную систему и распадом, ненавистью и взаимным уничтожением рас, религий и политических партий, но так и на опасности, поджидающие Бахаи, если они не будут держаться в стороне от непрекращающихся раздоров и распрей, сотрясающих мир. В сентябре 1938 года, когда человечество неумолимо двигалось к бездне второй мировой войны, Шоги Эффенди распространил телеграмму, содержащую суровые предупреждения и категорическое указание всем верующим - придерживаться политики строжайшего нейтралитета: "Преданность миропорядку Бахауллы безопасность ее основных институтов настоятельно требуют всех ее верных сторонников прежде всего первостроителей Американского континента в эти дни когда злоеущие вышедшие из-под контроля силы углубляют пропасть разделяющую людей народы вероисповедания классы

несмотря давление быстро формирующегося общественного мнения как индивидуально так и коллективно решительно воздерживаться в частных беседах равно официальных выступлениях пуликациях прямых и косвенных обвинений принятия чьей-либо стороны политических кризисах ныне сотрясающих окончатльео расколовшееся человеческое общество. Seriously опасаясь чтобы обратный эффект подобного вмешательства компромиссов не разрушил основу не засорил источник благодати питающей систему Божественного по сути вненационального сверхъестественного порядка столь тщательно разработанного столь недавно учрежденного".

Патриотизм Бахаи проявляется не в приверженности национальным предрассудкам или политическим системам, а в двух основных формах: служение определенной стране за счет поддержания ее высших духовных интересов и безоговорочное подчинение правительству, каким бы это правительство ни было. В 1932 году Хранитель указывал, что расширение деятельности бахаи во всем мире и "разнообразии общин, которые трудятся при разных формах правления, в корне отличающихся друг от друга по своим нормам, политике и методам, необходимо требует от всех... членов той или иной общины избегать любых действий, которые могут, вызвав подозрения или спровоцировав столкновения с правительством, навлечь на их собратьев новые гонения..." и продолжает: "Как еще, позволю себе спросить, может так широко разбросанная по миру Вера, не знающая политических и социальных границ, чья паства включает в себя представителей самых разных рас и национальностей, которой по мере ее становления придется все больше полагаться на добрую волю и поддержку различных, а иногда и враждующих правительств земли, - как же еще такая Вера может преуспеть, отстаивая свое единство, защищая свои интересы и обеспечивая постепенное и мирное развитие своих институтов?" В другой связи Шоги Эффенди писал: "Так пусть же они открыто провозгласят, что, в какой бы стране они ни жили, какими бы развитыми ни были их институты, каким глубоким - желанием усилить законы применять принципы, возведенные Бахауллой, они, ни минуты не колеблясь, подчинят действие таковых законов и применение принципы требованиям правительства своей страны. При своем стремлении руководить административными делами Веры и совершенствовать ее систему, они ни при каких обстоятельствах не должны нарушать положения конституции, принятой в стране, и уж тем более - не допускать того, чтобы мезанизм их Администрации вытеснял или подменял собою полномочия правительства". Телеграмма, посланная Хранителем в 1930 году одному из ближневосточных Собраний, очень четко определяет правильную позицию бахаи по данному вопросу: "в случае если правительство не имеет возражений считаю необходимым формирование Собрания". Бахаи, по меткому выражению Шоги Эффенди, не политическая, а "Божественная партия". Они - проводники Его Божественного Правления.

Свободу суверенного государства следовать собственной политике, какой бы ущерб она ни наносила интересам Бахаи, Шоги Эффенди поддерживал и в 1929 году, когда советское правительство экспроприировало первый Храм Бахаи в мире. Невзирая на скорбь, охватившую Хранителя в связи в этой акцией, он писал, что, руководствуясь статьями принятой конституции, власти действовали "в рамках своих признанных и законных прав". Когда стало окончательно ясно, что никакие воззвания не достигают цели, он отдал распоряжение всем бахаи страны подчиниться декретам правительства, веря, что со временем, как они писал, Бог "приподнимет завесу, скрывающую от взгляда правителей благородство цели, искренность замысла, прямоту поведения и гуманность идеалов, которые характеризуют пока еще небольшие, но уже достаточно мощные общины Бахаи в любой стране и при любой власти".

Не следует думать, что по мере того как Вера набирала силы, одерживая победу за победой, эта фундаментальная политика, провозглашенная Шоги Эффенди всего через восемь лет после того, как он стал Хранителем, претерпела какие-либо изменения. Это далеко не так. В 1955 году, когда в течение двух лет число стран, вставших под знамена

Веры, почти удвоилось, он обратился с телеграфным посланием ко всем Национальным Собраниям, призывая верующих, принимавших участие в самом великом Походе, когда-либо предпринимаемом со времени появления Веры, "где бы они ни находились далеко или близко от дома какими бы жесткими ни были политические режимы при которых им приходится трудиться вновь обдумать всю меру ответственности налагаемую основными требованиями их служения Делу Бахауллы... выше поднять уровень посвященности бдительно бороться с любыми формами искажений искоренять подозрения не поддаваться малодушию не обращать внимание на критику еще более убедительно демонстрировать верность своим правительствам укреплять доверие гражданских властей своей полной искренности утверждая универсальность целей замыслов Веры провозглашая духовный характер ее основных принципов заявляя о внеполитическом характере ее Административных институтов".

При полной непричастности к политической борьбе вопрос о преданности правительству включает три момента: повинование, мудрость и, наконец, использование признанных законных каналов. Часто фактору мудрого принятия взвешенных решений не уделяют должного внимания, хотя Хранитель совершенно ясно писал о том, что его всегда следует принимать в расчет; я имею в виду не только его слова: "разнообразие общин, которые трудятся при разных формах правления, в корне отличающихся друг от друга по своим нормам, политике и методам, необходимо требует от всех... членом той или иной общины избегать любых действий, которые могут, вызвав подозрения или спровоцировав столкновения с правительством, навлечь на их собратьев новые гонения..." - но и его неоднократные указания общинам и отдельным верующим - быть мудрыми и осмотрительными в служении своей Вере. В мире, где радио и пресса ежечасно обрушивают потоки клеветы и обвинений на другие государства и их политические системы, бахаи нелегко быть мудрыми. Если вспомнить, как радовался и как горд был Шоги Эффенди, когда первое Духовное Собрание образовалось в самом сердце исламского мира, вспомнить щедрые похвалы, которыми он приветствовал зачинателя этого предприятия - не только бахаи по вере, но и еврея по происхождению, что заставляло его подвигать свою жизнь двойному риску, - и то, как целых два года этот человек был вынужден хранить молчание, чтобы не выдать себя, до тех пор, пока однажды, трепеща от страха, с молитвой в сердце, не провел первого, кому также суждено было принять Веру, в заднюю комнату своей лавки, где принялся постепенно приоткрывать ему предмет Веры, - только тогда можно представить себе, что имел в виду Шоги Эффенди под мудростью.

В некоторых странах он запретил бахаи стремиться к гланости и приказал порвать все связи с некоторыми сектами и национальностями, которые, узнав о Вере или приняв ее, могли подвергнуть всю пионерскую работу серьезному риску. В этом заключалась самая суть мудрого, здравого подхода, и всякий раз, когда о ней забывали, это приводило к беде.

С другой стороны, в определенных странах и в определенное время Хранитель, напротив, активно требовал от пионеров и Собраний, если к тому не было препятствий, защищать интересы Веры через легальные каналы, добиваясь ее законного признания, а также обеспечивать поддержку со стороны общественности, используя средства массовой информации.

Однако в подобных случаях, затрагивающих международные интересы и благополучие Веры, руководство должно исходить из Всемирного Центра, который по самой своей природе является единственным авторитетом, могущим выносить суждения по столь тонким и важным вопросам.

Еще одной из наиболее важных путеводных линий мысли было выведенное Хранителем из учений Бахаи понятие единства. Шоги Эффенди писал, что "принцип объединения, который" Дело "отстаивает и с которым отождествляет себя", враги Веры стремятся "представить в ложном свете, как поверхностную и пустую претензию на единообразие"; "Следует покончить с сомнениями относительно цели, одшевляющей всемирный Закон

Бахауллы... с одной стороны, он отрывает чрезмерную централизацию, с другой - отрицает все притязания на единообразие. Его девиз - единство в многообразии..." Хотя принцип Единого Человечества и ставил целью, по утверждению Шоги Эффенди, создание "органически единого во всех основных аспектах своей жизни мира", мир этот должен был состоять из "бесконечно разнообразных по национальным характеристикам, объединенных в содружество ячеек". Он писал о "разнообразии будущего общества Бахаи" и, требуя, чтобы бахаи уделяли особое внимание привлечению к Вере различных рас, заявлял: "Смешение этих в высшей степени разнородных элементов человеческой расы, гармонично слившихся во всеобъемлющее братство Бахаи, ассимилированных в процессе развития предустановленного свыше Административного Порядка и вносящих каждый свою лепту в обогащение и прославление общинной жизни Бахаи, безусловно является целью, достижение которой должно согреть и заставлять радостно биться сердце каждого бахаи". Вера, писал Шоги Эффенди, "не игнорирует и не стремится нивелировать разнообразие этнических корней, климатических условий, истории, языка и обычаев, образа мыслей и нравов, которыми отличаются друг от друга народы и национальности".

В век прозелитизма, когда нации и политические блоки, различные общества и организации с утра до вечера вдалбливают людям в головы нужные им истины, стремясь лепить их по своему образу и подобию, стремясь навязать друг другу свои политические системы, свою привычку одеваться, образ жизни, характер жилища, систему здравоохранения, свою философию, нравственность и социальные законы, совершенно очевидно, насколько важно для Бахаи опираться на собственные учения и их просвещающие толкования, оставленные Хранителем. Сегодня западный мир охвачен страстью к единообразию. Он старается как можно скорее заставить всех выглядеть одинаково. В результате же, хотя, несомненно, делается много хорошего и материальные блага достигают все большего числа людей, происходят многие вещи, диаметрально противоположные методам и целям Бахауллы.

Помимо неверия, безнравственности и преклонения перед деньгами и прочими материальными богатствами, наш западный материализм стремительно распространяет по всему миру настроения отчаяния, тревоги и чувство глубокой неполноценности среди так называемых отсталых народов. Стоит, пожалуй, сопоставить тлетворное влияние, которое эта кичливость, самодовольство и избыток богатства оказывали на другие народы, с тем, на чем строил свои отношения с этими народами Хранитель. Почему Шоги Эффенди составлял и публиковал такие подробные списки "народностей" и "племен", вставших под знамена Веры? Быть может, он относился к ним как к отдельным жемчужинам, из которых можно было составить драгоценное украшение для Дела Бахауллы? Почему он повесил на стенах Дворца в Бахджи изображение первого пигмея-бахаи и первого потомка древних инков, принявшего Веру? Разумеется это были для него не диковинные трофеи, а скорее, лики возлюбленных Иосифов мира, наконец вернувшихся домой, в шатер своего Отца. Прекрасно помню, как однажды Шоги Эффенди узнал, что один из паломников ведет происхождение от древнего королевского рода Гавайских островов. Казалось, он весь лучится радостью и удовольствием, и словно сияющий покров облек этого человека, на долю которого в жизни из-за текущей в его жилах туземной крови выпадали по большей части издевательства и насмешки! Не следует думать, что все это - частные свойства характера Шоги Эффенди или какая-то особая политика. Нет, и еще раз нет. В этом - отражение самой сути учений о том, что каждая частица человеческого расы наделена своеобразными качествами и талантами, необходимыми для того, чтобы новый Порядок Бахауллы мог быть разнообразным, богатым и совершенным.

Шоги Эффенди не только проповедовал эту идею, он активно внедрял ее в жизнь через свои многочисленные воззвания, обращения и наставления Собраниям Бахаи: "Первое всеиндейское Собрание учреждено Мейси Небраска", - торжественно возвещает он в 1949 году. Постоянно помня о словах Абдул-Баха из "Скрижали о Божественном

Предначертании" - "уделять большое внимание образованию и учительской деятельности среди индейцев, коренных жителей Америки", Шоги Эффенди прелседовал эту цель вплоть до последних месяцев своей жизни, когда, в июле 1957 года, он писал Канадскому Национальному Собранию, что "затянувшееся обращение" американских индейцев, эскимосов и других меньшинств должно получить новый мощный толчок, способный "удивить и побудить к более активным действиям все общины Бахаи западного полушария".

Годом раньше в одном из обращений Шоги Эффенди к Национальному Собранию Соединных Штатов секретарь пишет: "Возлюбленный Хранитель полагает, что вопросам контакта с национальными меньшинствами в Соединенных Штатах не уделяется должного внимания... Он считает также, что вашему Собранию следует назначить специальный комитет по надзору за возможностями подобного рода работы, а затем дать соответствующие указания местным Собраниям, одновременно побуждая всех верующих проявлять активность в данной области, открытой для любого, поскольку меньшинства всегда остро чувствуют свое одиночество и часто гораздо быстрее откликаются на доброе отношение, чем благополучное большинство населения".

Естественным результатом такой политики явилось совершенно уникальное отношение Веры Бахаи к меньшинствам, так полно описанное Шоги Эффенди в книге "Пришествие Божественной Справедливости": "Дискриминация в отношении любой народности, основывающаяся на ее социальной отсталости политической незрелости и немногочисленности, есть вопиющее нарушение духа Веры". Если вы принимаете Веру, "вы должны автоматически и раз и навсегда отринуть различия классов, вероисповеданий и рас и более не возвращаться к ним ни под каким предлогом, невзирая на давление обстоятельств фактов или общественного мнения". Далее Шоги Эффенди утверждает принцип, настолько расходящийся с общепринятыми взглядами, что он заслуживает крайне внимательного рассмотрения: "Если какая-либо дискриминация и допустима, то лишь дискриминация в пользу, но ни в коем случае не против меньшинства, касается ли то расовых или иных вопросов. В отличие от наций и народов земли, будь то народы Востока или Запада, демократы или сторонники авторитарного режима, коммунисты или капиталисты, представители Старого или Нового Света, которые игнорируют, подавляют или истребляют расовые, религиозные или политические меньшинства, находящиеся в их юрисдикции, всякая организованная община, вставшая под знамена Бахауллы, должна считать своей первейшей и неизбежной обязанностью поддерживать, ободрять и защищать любые меньшинства, к какой бы вере, расе, классу или национальности они ни принадлежали. Принцип этот поистине жизненно важен, а следовательно, точно так же как при равенстве голосов в процессе выборов, как при прочих равных показателях на занятие какой-либо должности представителями различных рас, вероисповеданий или национальностей в пределах общины, предпочтение без колебаний должно быть отдано партии меньшинства лишь на том основании, чтобы стимулировать и вдохновлять его, предоставлять ему возможность трудиться в интересах общины". Однажды Шоги Эффенди так сжато и вместе с тем блестяще определили механизм работы этого принципа, что я записала его слова: "меньшинство среди большинства важнее, чем большинство среди меньшинства". Иными словами, показателем меньшинства является не численная расстановка сил в рамках нации, а численная расстановка сил внутри проводящей выборы общины Бахаи - так далеко простиралась его забота о любых меньшинствах. Хранитель любил говорить, что, когда наконец будет образовано государство Бахаи, права религиозных меньшинств внутри него будут строго охраняться Бахаи.

Вера Бахаи не только защищает общество в целом и охраняет права меньшинств, она также отстаивает индивидуальные права - международные права отдельного народа и права отдельного индивидуума внутри общины. "Предсказанное Бахауллой единство человеческого рода, - писал Шоги Эффенди, - подразумевает учреждение всемирного содружества... внутри которого автономия входящих в него государств полностью и

решительно охраняется наравне с личной свободой и инициативой отдельного индивидуума".

Хранитель поддерживал авторитет Собраний так же стойко и последовательно, как и защищал отдельных верующих, питая глубокую любовь к "рядовым" последователям Бахауллы. Пожалуй, нет ни одного воззвания к миру Бахаи или к национальным общинам, которое в то же время не было бы обращено к каждому бахаи отдельно, не только побуждая его инициативу, но и подчеркивая, что без его участия все планы обречены на провал. В письме 1927 года к Американскому Национальному Собранию он писал: "Молясь в стенах Святых Успальниц, я буду смиренно просить о том, чтобы свет Божественного Водительства озарил ваш путь и позволили наиболее эффективным образом использовать тот дух индивидуальной предприимчивости, который, однажды возгоревшись в сердцах всех и каждого, направляемый Величественным Законом Бахауллы, возложенным на нас, приблизит наше возлюбленное Дело к его славной цели". В "Пришествии Божественной Справедливости" он указывал, что долг каждого верующего "как человека, преданного Божественному Предначертанию Абдул-Баха... состоит в том, чтобы приступить к осуществлению и развитию" всех видов деятельности, которая, с его точки зрения, может помочь в осуществлении Плана, постоянно сообразуясь с рамками, установленными административными принципами Веры. Он советовал Американскому Национальному Собранию, удерживая руководство делами бахаи и право окончательного решения в своих руках, одновременно "воспитывать чувство взаимозависимости и сотрудничества, взаимопонимания и обоюдного доверия" между Национальным Собранием, местными органами и отдельными верующими.

Кроткие всегда удостаивались особой благодати. В 1925 году Шоги Эффенди писал: "Случается, что люди самые скромные, малообразованные и неискушенные, подвижные исповедимой силой самоотреченного, пылкого и набожного благочестия вносят заметную и памятную лепту в споры высоких представителей любого Собрания". Хранитель всегда горячо возищался натурами кроткими и чистосердечными и недолго любил людей агрессивных и амбициозных. Его точка зрения ясно отражена в его воззваниях к пионерам-первопроходцам. В годы первого Семилетнего Плана он писал: "каждый верующий, даже самый скромный", не должен чувствовать себя отстраненным от участия в великом зачинающемся движении первопроходцев, и никому, "будь он стар или млад, богат или беден", нельзя чинить препятствий, если они действительно хотят послужить Делу. Не останавливаясь на этом, Хранитель пишет в "Пришествии Божественной Справедливости": ".. несмотря на скромность происхождения, несмотря на свой ограниченный опыт, ошранные средства, недостаточное образование, несмотря на тяжелую нужду и заботы, неблагоприятную среду - все обязаны принимать участие... Как часто... самые незаметные привержнцы Веры, необразованные и практически не обладающие опытом, не занимающие никакого положения, а иногда и не блещущие умом, могли одерживать победы во имя Дела - победы, пред которыми блекли самые блестящие достижения ученых, мудрых и опытных". Далее Шоги Эффенди говорит о том, что если Христос, Сын Божий, смог вдохнуть в Петра, столь невежественного, что, деля свой хлеб на семь частей, он останавливался на шестой, поскольку это - Шабат, День отдохновения, такой дух, что тот стал Его преемником, то что может помешать власти Бахауллы, Отца, наделять ничтожнейшего из Своих последователей силой творить чудеса, которые затмят сотворенное первыми апостолами Иисуса. Не довольствуясь подчеркиванием долга, возложенного на кротких, Хранитель в недвусмысленных выражениях наставлял людей другого рода: "Таким образом, каждому американскому верующему, особенно же тем, кто живет в достатке, независимо, привык к комфорту и постоянно озабочен погоней за материальными благами, необходимо сделать шаг вперед, посвятив свои средства время и самую жизнь Делу столь великой важности, что человеческому взору не под силу даже смутно различить его будущую славу". А как трогательно звучат его слова о том, что сердце Хранителя "не может не преисполняться радостью, а мысль черпает новое

вдохновение при каждом зримом свидетельстве того, как человек откликается на свое высокое призвание".

Вопрос о том, кто такой верующий, как он становится таковым и как вплетается в ткань гибкого, но при этом стройно организованного всемирного Административного Порядка Веры, был совершенно ясен для Шоги Эффенди, но, к сожалению, далеко не так ясен самим Бахаи. Хранителю Дело всегда представлялось чем-то живым и растущим, на разных уровнях, а разных местах. В основном, в коренных вопросах должно соблюдаться единообразие; однако в остальных делах допустимы и даже необходимы различия. Так, фордовский автомобиль повсюду будет автомобилем, потому что это - механизм. Но члены большой семьи - не механизмы, и поэтому они все различны - у каждого свой возраст, каждый находится на определенной стадии развития, роста. Никто не ждет от пятимесячного младенца такого же поведения и сообразительности, как от его деда - университетского преподавателя физики. Поначалу гораздо больше ожиданий связывалось со старыми восточными общинами, особенно с персидской, чем с более молодыми общинами Бахаи, такими как американская и европейская, от них же, в свою очередь, ждали куда большего, чем от еще более молодых общин Африки и островов Тихого океана. Следует помнить, что, вслед за нашей Верой, ислам - самая молодая из явленных миру религий. Бахаи, вышедшие из исламской среды, в некотором смысле ближе к законам, которые дал нам Бахаулла, потому что Его закон возрос на почве законов ислама, хотя во многом и упразднил их. Поэтому совершенно естественно, что верующие, вышедшие из этой среды, гораздо легче перенимали нормы Бахаи в вопросах статуса личности и с самого начала следовали законам и заповедям Бахауллы, которые можно было применять в том обществе, в каком они жили, те же, кто принял Веру, выйдя при этом из языческой среды или из рядов более старых религий, должны были прежде пройти долгий постепенный путь образования в духе Веры.

Прежде чем пытаться понять, что дает человеку право стать бахаи, попробуем взглянуть на то, как виделось Хранителю Дело Божие и как он управлял им. Если мы проследим пути развития религий прошлого, то увидим, что одним из главных зол было в них отчетливое стремление их последователей придать подвижному, экспансивному, одушевляющему Веру духу некую застывшую форму. Религия - живой, растущий организм. Сам Шоги Эффенди дал прекрасное поэтическое описание этого естественного процесса роста в своем послании к Межконтинентальной конференции в Чикаго в 1953 году, сравнив историю религии с деревом, которое росло тысячу лет - от Адама до Баба, давая новые побеги, на которых распускались листья, из почек появлялись цветы, и которое, наконец, произвело Святой Росток - Провозглашение и Откровение Баба. Росток этот, отсеченный безжалостной рукой палача, просуществовал всего шесть лет, но успел дать масло для светильника, чей свет вспыхнул перед Бахауллой во тьме Сейях-Чаль, чье пламя воссияло над Багдадом и озарило Адрианонополь, чьи лучи позднее достигли берегов американского, австралийского и европейского континентов, чье сияние сегодня, в Век Строительства разливается над всем земным шаром и, набирая силу, еще многие тысячелетия будет светить над планетой. Поистине мы переживаем всего лишь младенческую пору!

Мелкие натуры инстинктивно пытаются ограничить сферу своего существования, оградить стенами свою маленькую жизнь, подогнать все под свою мерку, чтобы чувствовать себя уютно и безопасно. Это неизбежно означает, что кирпичи, из которых они строят свои стены, взяты из дома, где они жили прежде, что, фигурально выражаясь, переехав на новое место, они стремятся окружить себя старыми, привычными вещами. Натуры крупные, значительные, напротив, раздвигают горизонты, устанавливают новые границы, освобождая место для роста. Читая письма Хранителя и те, что приходили ему, достаточно несложно подметить, что он постоянно поддерживал абсолютное равновесие между тем, что было важно и пригодно для нынешнего состояния Веры, и тем, что могло вредно отразиться на ее развитии, сковать его, превратив живые учения в незрелую догму,

слишком узкую, ограниченную национальными или провинциальными интересами, по сектантски замкнутую и поэтому неспособную развиваться в новый Миропорядок с собственным всемирным правительством и всемирным сообществом. Став бахаи, я часто размышляла над тем, почему многие люди, будучи в жизни выдающимися практиками как врачи, бизнесмены, юристы, инженеры и так далее, не применяют своих способностей в жизнедеятельности общины. В результате получалось, что для них Утопия - это как бы фильм: достаточно заправить пленку, включить аппарат, и на экране сама собой появится живая, реальная жизнь.

Иное дело - Хранитель. Он приступал к очередной задаче - будь то возведение Административного Порядка, воплощение Божественного Предначертания Абдул-Баха, организация своей работы или работы мира Бахаи - совершенно так же, как то делали великие художники эпохи Возрождения, трудясь над своими полотнами и величественными фресками. Сначала появлялись эскизы, картоны, запечатлевавшие идею в целом: масштаб, цвет, пропорции; затем целое разбивалось на квадраты; части переносились на постоянную поверхность, и великие путеводные линии заполнялись контурами, объемными фигурами; затем шла проработка деталей, появлялись цвета, краски и так - с бесконечным терпением - пока не достигалось искомое совершенство. Таков был метод Шоги Эффенди, и он никому не позволял начинать работу, пока не был окончательно готов сам холст. Что же это означало на практике?

Начинаешь вспоминать - и примерам нет конца. После кончины Учителя мы хотели назавтра же иметь свой Дом Справедливости. Прошло сорок два года, прежде чем основание, на котором он мог бы прочно покоиться, ярус за ярусом возникло в виде местных и Национальных Собраний. Мы хотели получить английский перевод Акдаса. Не скоро, но большая его часть была переведена, и еще многое мы усвоили из цитат, которые часто приводил сам Шоги Эффенди; с некоторыми законами, заповедями и подробностями, не до конца проясненными, мы познакомились позже, в свой черед; все это требовало очень тщательной работы, часть которой выполнил сам Хранитель под конец жизни. Нередко бывало, что группа энтузиастов, горячих голов хотела немедленно организовать где-нибудь в тихой сельской местности поселение Бахаи и на практике воплотить экономические принципы учений (разумеется, это было бы лишь плоскотное, а не объемное, полнокровное осуществление Утопии), но Шоги Эффенди неизменно отвечал: время еще не пришло, сосредоточьте усилия на увеличении числа верующих, групп, Собраний. Мы хотели построить школу в столице; нет, только не в столице, был ответ - там любая неудача, вполне возможная при нехватке рабочих рук и ограниченности фондов, будет на виду и скомпрометирует Дело, лучше начать где-нибудь в глубинке, скромно, не привлекая особого внимания. Мы хотели, чтобы у Бахаи был свой университет - разве могло прийти в голову писателю, которому никогда в жизни не приходилось одалживаться и который никогда не слыл миллионером, что подобное предприятия парализует всю остальную деятельность в стране и даже потребует фондов, и без того ограниченных, которые предназначались, чтобы открыть перед Верой весь мир! Безошибочный инстинкт во всех случаях предостерегал Шоги Эффенди от того, что в коммерции называется сверхзатратами. Он шел на риск, но только если риск этот был оправдан. Здравый смысл в нем был столь же силен, сколь и вера. Он твердо верил в чудеса, но никогда не относился ко Всемогущему, как к соучастнику по заговору. Изучая жизнь Абдул-Баха, мы и здесь обнаружим то же удивительное равновесие практического, трезвого ума и неколебимой веры.

Вспоминается еще один маленький, но не менее показательный пример. Речь - о спиритуализме. "Хранитель полагает, - пишет секретарь, - что сейчас ему не время делать какие-либо особые заявления по этому поводу... существуют вещи более важные, на которых друзьям следует сосредоточить свое внимание, в частности, учреждение новых собраний и групп". Часто ответ был именно таким: "не время", "еще не пора". Водрузите знамя Бахауллы в отдаленнейших уголках земли, обратив человечеств в Его Веру, заложите

основы Царства - и не думайте о том, как расставить безделушки в доме, который еще не достроен.

С первых же дней своего служения Шоги Эффенди принялся за создание порядка в тогда еще относительно маленьком мире Бахаи, состоявшем из всего лишь тридцати пяти стран, которых коснулся хотя бы луч Света Бахауллы. Про себя он ясно видел великие путеводные линии, а с годами, по мере того как община верующих росла и становилась опытнее, видение это приобретало все большую ясность и отчетливость. Сам Абдул-Баха в Своем Завещании предугадывал подобное развитие его характера, когда писал о Хранителе, что "день ото дня счастье его, радость и сила духа будут прибывать и уподобится он плодоносному дереву". Время и объем моей книги не позволяют подробно, хронологически воспроизвести эту эволюцию. Мы должны попытаться ухватить общие черты и проследить за тем, как они постепенно дополнялись деталями. Всякий раз, что я слушала Шоги Эффенди и наблюдала за ним, я чувствовала, что это единственный истинный Бахаи в мире. Каждый, притязающий на то, чтобы быть Бахаи, несет в себе частицу Веры, имеет свое представление о ней, смотрит на нее со своей точки зрения, так или иначе окрашенной и ограниченной его индивидуальностью, но Хранитель видел Веру как целое, во всем ее величии и совершенной гармонии. И он обладал не только видением, но и способностью анализировать и с поразительной ясностью выражать то, что видит.

Возьмем, к примеру, его краткое определение того, что представляет из себя Вера Бахаи в общем порядке вещей: "... следует твердо заявить, что Откровение Бахауллы безоговорочно упраздняет все прежние Заветы, бескомпромисно поддерживает все заключенные в них вечные истины, полностью и решительно признает Божественное происхождение их Творцов, не покушается на святость их подлинных Писаний, отвергает любые попытки принизить статус их Основателей или их духовные идеалы, проясняет и согласует их функции, заново утверждает их общую, неизменную и основополагающую цель, примиряет кажущиеся расхождения их доктрин и требований, с благодарной готовностью признает их вклад в постепенное развитие единого Божественного Откровения, без колебаний признает, что оно само лишь звено в цепи среди постоянно развивающихся Откровений, дополняет их учения законами и заповедями, соответствующими безотлагательным нуждам и продиктованными растущей восприимчивостью стремительно развивающегося и непрестанно меняющегося общества, а также провозглашает свою готовность и способность принять в свое лоно враждующие секты и фракции, дабы они стали единым всемирным Братством, действуя в рамках системы и в согласии с положениями предначертанного свыше, всеединящего и всеискупительного Порядка". И читателю моментально становится ясно, какое место во всемирной исторической панораме занимает этот "величайший и духовной и религиозной истории человечества Завет".

"Основной миссией" этой Веры - "одновременно сути, обетования, примирителя и объединителя всех религий" - является построение Божественной Цивилизации. Помню, как в ходе беседы Шоги Эффенди с его бывшим преподавателем из Американского университета в Бейруте, отвечая на вопросы этого человека, он замечательно определил, что такое цель жизни для Бахаи. Хранитель говорил о том, что целью жизни Бахаи является активная деятельность, направленная на достижение единства человечества. Затем он указал на то, что Бахауллы явился именно в то время, когда Его Послание могло и должно было быть направленным всему миру, а не только отдельным людям; что путь к спасению сегодня лежит через спасение мира, изменение мира, всемирное преобразование общества и что возникшая в результате мировая цивилизация, в свою очередь, отразится на составляющих ее людях и приведет их к искуплению и преображению. Снова и снова Шоги Эффенди подчеркивал в своих писаниях и устных беседах, что оба процесса обязательно должны протекать одновременно - преобразование человека не должно отставать от преобразования общества. Для него всегда было очевидно, что

индивидуальное возрождение, как он писал, обращаясь к не-бахай в 1926 году, есть "прочное и надежное основание, на котором измененное общество" может развиваться и процветать. Но как можно было создать образец будущего общества, хотя бы маленький хрупкий зародыш будущего Всемирного Содружества Бахауллы, как проложить путь в новый мир, если все ургом было по-прежнему пронизано вымирающими, обреченными общественными отношениями?

Вооружившись, как скальпелем, толкованием писаний Веры, Шоги Эффенди приступил к операции. Хотя внимательное чтение нших учений и без того поккзывает, что Всемогущий Господь во все века давал людям одну религию, а Пророки излагали ее каждый в свою историческую эпоху, неизменным оставался тот факт, внушал Шоги Эффенди, что долгом ченловека при появлении очередного Завета было придерживаться его во всех его формах, полностью порывая с внешними формами и подчиненными законами старых релегий. Как мог любой честный христианин оставаться в стенах своего храма, молясь о пришествии Отца и Его Царствия, если сердцем он прекрасно понимал, что истинный Отец - Бахаулла и Его Царствие возникало одновременно с установлением Его законов и системы, отраженной и воплощенной в Административном Порядке? Бахай Востока и Запада в той или иной степени смутно понимали это, но теперь, читая обращения Хранителя, начинали различать четкую границу между светом и тенью, не оставляющую места мирным сумеркам - компромиссу с родственными чувствами, общественным мнением и личными убеждениями. Свет или тень - таков был выбор. Одно лишь сознание того, что они являются всемирным корпусом людей нового Дня, нового Завета, как никогда пржеде, сказало очистительное и укрепляющее воздействие на всех верующих мира. Если прибегнуть к нехитрой метафоре, Бахулла построил корабль, Учитель развел пары, а Шоги Эффенди отдал якоря и пустился в спокойное плавание. Шло время, и уже не только не-бахай начинали по-новому смотреть на нас, но и мы сами начинали видеть себя по-новому. Постепенно мы осознали, что мы - не новая часть общества, в котором живем, а само по себе новое общество, что мы - будущее.

Именно с учетом этого процесса мы должны рассматривать, как с течением времени изменилась ситуация в том, что касается вступления в общину новых верующих. В первые полторы декады служения Шоги Эффенди от органов Бахай, особенно на Западе, требовалась полная уверенность в том, что лица, становящиеся бахай, отдают себе отчет в серьезности своего шага. Одним из необходимых условий был разрыв с прошлым. "В противном случае, - писал Шоги Эффенди в 1927 году, - те, чья вера еще незрела, будут бесконечно пребывать в совтоянии неопределенности и не смогут всем сердцем, со всей поной отдаться учениям Дела". На протяжении этих лет Вера приобрела гораздо большую известность, завоевала признание во многих западных странах как независимая религия со своими собственными законами и системой - в этом процессе огромную помощь оказал ей мусульманский суд в Египте, заявивший, что она не является частью ислама и чужда ему, как христианство и иудаизм, - а также была широко признана в качестве полноправной Веры. Тем не менее, Шоги Эффенди, ни на минуту не ослаблявший бдительность и чрезвычайно чувствительный ко всему, что касалось жизни Дела, подметил среди административных учреждений тенденцию чересчур усердствовать в выполнении его распоряжений, отданных в 1933 году, о приеме новых верующих "без излишней поспешности". Черзмерная жестокость поставила под угрозу главную цель всех учреждений Бахай - обратить человечество в Веру Бахауллы. Со всем пылом стараясь осуществить указания Шоги Эффенди, бахай местами впадали в крайность и производили столь строгий отсев, что стать бахай оказывалось более чем сложно. Поэтому в 1938 году Шоги Эффенди счел необходимым дать распоряжение американским Собраниям - "отказаться от слишком строгого соблюдения второстепенных требований, которое может стать препоной на пути всякого искреннего кандидата" - и подчеркнул, что обязанность общин бахай состоит в том, чтобы воспитывать новых верующих уже после принятия в Веру, давая им время достичь необходимой зрелости.

По мере того как Вера обретала цельность и силу, по мере того как на Востоке и Западе образовывались и начинали мощно и систематически функционировать все новые и новые Национальные Собрания, по мере того как народы земли все больше отдавали себе отчет в существовании новой религии как независимого Откровения со своей собственной системой, - Шоги Эффенди корректировал свои указания. Особенно же отношение к принятию новых бахаи изменилось в период великого Десятилетнего Плана Образования и Консолидации; теперь мы были сильны, теперь мы стояли на прочной неколебимой основе, теперь мы наконец, наконец-то могли свободно общаться с массами людей по всему миру. Распахните двери настежь и спешите в спасительный кочег Бахауллы! Настал час исполнить заповедь Абдул-Баха: "Увещивайте народы в этих странах, в их столицах, на островах, в собраниях и церквях - да вступят они в Царствие Абха!"

Иными словами, добившись своей цели, Шоги Эффенди изменил и свою тактику. Он уведомил Американское Национальное Собрание, что от кандидата, в первую очередь, должно требоваться признание им положения Баба, Предтечи; Бахауллы, Творца, и Абдул-Баха, Образца Веры; подчинение всему, что было Ими явлено; твердая приверженность положениям Завещания Учителя; а также тесная связь с духом и формой всемирной системы Администрации Бахаи. Таковы были "основные факторы", и дальнейшие попытки углубить их, сделать более подробными могли, по словам Шоги Эффенди, лишь запутать дискуссию и привести к противоречиям, пагубным для роста Дела. Чтобы покончить с этим весьма деликатным предметом, он настоятельно просил друзей "воздерживаться от слишком жесткого проведения демаркационной линии", если только не возникнет какое-либо всовершенно непредвиденное обстоятельство и другого выхода не будет.

Баб, Бахаулла, Абдул-Баха и Шоги Эффенди были Великими Учителями. Служение каждого, столь разное по характеру, в первую очередь было посвящено возвышенной цели - привести человечество под сень целительной, умиротворяющей, пробуждающей душу к новой жизни Веры. Вновь и вновь, с неослабным упорством, на протяжении тридцати шести лет Шоги Эффенди спалчивал нас во имя достижения "первоочередной задачи - обучения людей Вере... задачи", как он уверял нас в своем последнем Послании Ризвана, обращенном к Миру Бахаи, "... столь священной, столь важной и столь безотлагательной; которая не может оставить равнодушным ни единого человека; краеугольного камня на котором будут незыблемо покоиться многочисленные институты набирающего силу Порядка - подобная задача должна с течением времени завоевать приоритет среди всех прочих сфер деятельности Бахи"; задачи, которой Сам Бахаулла отдавал приоритет, о чем Шоги Эффенди постоянно напоминал нам, подкрепляя свои призывы цитатами из писаний Бахауллы: "Учите Делу Божьему, о люди Баха, ибо Бог возложил на каждого долг возвещать Свое Послание, и это - самое почетное из всех деяний". "Сосредоточьте ваши усилия на распространении Веры Божией". "Настал день, когда нельзя молчать. И немало придется пострадать людям Баха, когда с величайшим терпением и выдержкой поведут они за собой народы земли к Величайшему Горизонту". "Отомкните уста и не уставайте возвещать Его Дело. И это будет для вас большим благом, нежели все сокровища прошлого и будущего..." Бахаулла придавал такое значение учению Его Делу, что он твердо наставляет Своих последователей, которые неспособны сами принять в нем участие, "исполнить свой долг и назначить вместо себя того, кто сможет возвещать Откровение". В 1938 году Шоги Эффенди писал, что "Наказ Учителствовать, имеющий такое жизненно важное отношение ко всем", должен стать в грядущем "первостепенной заботой" каждого отдельного Бахаи и что Собрания на всех своих заседаниях должны уделять специальное время тому, чтобы "честно и набожно рассматривать пути и средства, могущие способствовать расширению и развитию учительской капмании".

Хранитель совершенно ясно и неоднократно заявлял, что учительствующему следует "вначале воздерживаться от применения и навязывания тому, кто стремится обрести новую Веру, слишком жестких правил и законов... Пусть не довольствуется до тех пор,

пока не внушит своему духовному чаду столь глубокого и сильного стремления, которое заставит его самого, в свою очередь, восстать и посвятить свои усилия пробуждению других душ, а также поддержке законов и принципов, лежащих в основании принятой им Веры".

Если собрать все написанное Хранителем на тему учительства, то получится объемистый том. Причем цель везде была ясна, обязанности четко определены, методы приемлемы и гибки. Так много слов употреблял Шоги Эффенди, характеризуя новых Бахаи, примкнувших к Вере Бахауллы: он называл их "обращенными", "кандидатами", "Верными приверженцами", "новыми верующими", "открытыми последователями" Веры и еще многими, яркими и выражающими глубокую симпатию именами; он говорил о том, что они "вступили в воинство", называл и "обращенными", "провозгласившими свою веру", "принявшими Веру", "вставшими под знамя Бахауллы", "отстаивающими Его Дело", "вступившими в ряды правоверных" и т.д. В наш век засилья банальных, стереотипных клише не вредно об этом помнить. Могу добавить, что мне ни разу не приходилось слышать от него чего-либо неподобающего в связи с принятием Высшего Явления Божьего, какой-нибудь уродливой и бессмысленной фразы, которые часто служат синонимом духовного возрождения. Шоги Эффенди никогда не отказывался от правильного употребления английских слов, только потому что некоторые слова приобрели непопулярные дополнительные значения. В Вере Бахаи нет священников и миссионеров, однако Бахаи становятся "миссионерами" во имя великой цели "обращения новых верующих".

XV

Осуществление Божественного Предначертания Абдул-Баха

Для того, чтобы составить связную картину того, что Шоги Эффенди называл первой эпохой в развитии Божественного Предначертания Абдул-Баха, эпохи начало которой он объявил в 1937 году, которая должна была закончиться в 1963 и включала "три последовательных" похода, следует обратиться назад, изучив его писания хронологически, поскольку в них ясно отразилось движение его мысли и возникновение графика, лежащего в основе осуществления его планов. Сразу после кончины возлюбленного Учителя главной целью жизни Хранителя стало исполнение Его желаний и завершение Его трудов. Божественный План, задуманный Им в один из наиболее мрачных периодов в истории человечества, был, по утверждению Шоги Эффенди, "уникальным и великим замыслом Абдул-Баха", воплощенным в Его Скрижалях к Бахаи Соединенных Штатов и Канады, который "на много поколений вперед теснейшим и неисповедимым образом сплетал воедино" судьбы всех последователей Бахауллы североамериканского континента; целых двадцать лет, пока в результате медленно возникавшего Административного Порядка не была создана "система его эффективного осуществления", проблемы, связанные с Планом Абдул-Баха, пребывали в состоянии неопределенности. Мы склонны забывать, какое значение придавал Хранитель этому фундаментальному замыслу, поэтому обратимся к его собственным словам. В самом начале первого Семилетнего Плана, в 1939 году, он писал Американской Общине: "Используя все находящиеся в их распоряжении ресурсы, они способствуют росту и упрочению того первопродвижного движения, ради которого и был изначально создан весь механизм их Административного Порядка". Восемнадцать лет спустя взгляды Шоги Эффенди в этой связи совершенно не изменились: в августе 1957, незадолго до своей кончины он пишет одному из Европейских Национальных Собраний: "Успехи в деле крайне важной учительской работы и жизненно необходимого процесса обращения отдельных верующих, ради которых и был создан тщательно отработанный механизм Административного Порядка, оставляют желать много лучшего".

Именно Хранитель создал этот "тщательно отработанный механизм" с помощью добровольно-орудий, которых он нашел в лице североамериканских верующих, на лету

схватывавших его мысль, беспрекословно подчинявшихся его командам и всегда спешивших исполнить его распоряжения. Именно Хранитель, один, обладал божественным и непререкаемым правом направлять воинства света Бахауллы в их битве с силами тьмы. "Скоро, - писал Он, - Порядок дня сегодняшнего упразднится и новый придет ему на смену". Этому Порядку суждено было поколебать уклад мира, до сей поры известного людям. Отпрыск Бахауллы и Абдул-Баха оказался в силах не только уловить оттенки Их мысли, но и организовать Их мысли, но и организовать Их учения и Их последователей. Если мы правильно подойдем к событиям 1937 года, произошедшим в начале первого Семилетнего Плана, то увидим, как Шоги Эффенди на сороковом году жизни, подобно боевому генералу армии североамериканских бахаи, выступил в поход за духовное завоевание западного полушария. В то время как другие полководцы, знаменитые в глазах всего мира, вели за собой огромные, сеющие разрушение армии, развязывали неслышанные по жестокости сражения в Европе, Азии и Африке, этот безвестный генерал, непризнанный и никем не воспетый, трудился над замыслом кампании, несущей жизнь и имеющей гораздо более далеко идущие последствия. Тех вдохновляли на битву национальная рознь и амбиции, его - любовь и самопожертвование. Те боролись за сохранение отмирающих понятий и ценностей, за устаревший порядок вещей. Он - боролся за будущее, а наступление сияющего века мира и единства, за единое мировое общество и Царствие Божие на земле. Их имена и сражения, в которых они участвовали, были скоро забыты, но имя Шоги Эффенди и слава его растут день ото дня, и величие его побед никогда не будет забыто. Светило его гения и достижений не померкнут еще тысячу лет, озаряя мир как часть Завета Бахаи.

Обозревая поразительный объем жизненного материала, связанного с Планами Хранителя, не станем забывать, что, хотя первое организованное применение Духовного Наказа Абдул-Баха американскими верующими - заметим также, что этот термин относится не только к верующим Соединенных Штатов, но и к Бахаи всей Северной Америки, - приходится на начало первого Семилетнего Плана, он был уже поддержан группой набожных американских последователей Веры, большинство которых Шоги Эффенди называл "женщинами-первопроходцами", мгновенно откликнувшись на "Скрижаль о Божественном Предначертании", представленную на Одиннадцатый Ежегодный Съезд Бахаи в Нью-Йорке в 1919 году, после чего влияние Скрижали распространилось на Австралию, самые северные столицы европейских государств, на страны Центральной Европы, Балканский полуостров, достигло берегов Африки и Латинской Америки, некоторых стран Азии, а также островов Таити и Тихого океана. На протяжении тридцати шести лет Шоги Эффенди никогда не забывал деяния этих благочестивых душ, постоянно упоминая их в обращениях, посланиях и письмах. Однако он ясно давал понять что подобные "миссионерские" предприятия американских бахаи, зачастую приводившие их на другой конец света, носят "пробный", "несистематический" характер. С началом первого Семилетнего Плана начиналась новая эпоха.

Когда Божественное Предначертание окончательно исполнится - мы не знаем. С огласно легенде там, где радуга касается своим концом зесьли, закопанд золотой клад, так что вполне возможно, что конец нашей славной радуги уходит в Золотой Век нашей Веры. Значению Божественного Плана Хранитель посвятил бесчисленное множество страниц. Он писал, что это "самое масштабное духовное начинание в олозримом прошлом"; "самое могучее средство развития Всемирной Административной Системы"; "первостепенно важный фактор зарождения и расцвета Миропорядка на Востоке и Западе". В руки американских верующих, "привилегированных адресатов этих эпохальных Скрижалей", "авангарда глашатаев Порядка Бахауллы", Провидение дело ключ осуществления Божественного Предначертания", с помощью которого они отомкнут дверь, ведущую к исполнению их непредставимо славной судьбы. Если они последовательно воплотят этот План Учителя в разных его фазах, то, уверял их Шоги Эффенди, он приведет их в Золотой

Век Веры, где свершится обетование Абдул-Баха и они взойдут "на престол вечного господства", когда "вся земля" будет "полниться молитвами" об их "величии и торжестве". Для Шоги Эффенди все было ясно: существовал единый План, все остальное были новые и новые планы! После начала первого Семилетнего Плана на протяжении многих лет и в различных частях света появлялись свои планы - Девятнадцатимесячный, Двухлетний, Трехлетний, Сорокапятимесячный, Четырех с половиной годовой, Пятилетний, Сорокапятимесячный, Четырех с половиной годовой, Пятилетний, Шестилетний и другие; но независимо от того, был ли он сам их инициатором или же они спонтанно возникали в среде бахаи, он всегда четко представлял их место в общей картине. Существовала Богоданная Миссия, заключенная в Богоданном Наказе, доверенном американским верующим; эта Миссия была уготована им от рождения, но исполнить ее они могли, только повинаясь наставлениям Учителя, Его "Скрижали о Божественном Преднамерении", и одерживая победы во всех походах: все прочие планы, писал Шоги Эффенди в 1949 году, есть не что иное, как дополнения к тому обширному предприятию, чьи черты были обрисованы в тех же Скрижалях и которые, по самой их природе, следует рассматривать как местные по масштабу в противоположность всемирному характеру Миссии, доверенной общине первооткрывателей Миропорядка Бахауллы и глашатаев цивилизации, которую этот Порядок в конечном счете учредит".

Если сравнивать Шоги Эффенди с полководцем, то его штабом несомненно было Американское Собрание; оно получало указания непосредственно от него, и отношения между обоими установились самые проникновенные и исполненные духа взаимопонимания. Но он никогда не забывал, что славу войска составляют солдаты, "рядовые" как он безошибочно называл их. Он не уставал взывать к ним, вдохновлять их и напоминать, что каждый североамериканский верующий несет прямую ответственность за успех или неудачу Плана. Зная склонность человеческой природы уклоняться от поставленной цели, он постоянно повторял им, какие задачи уже предприняты, какая ответственность лежит на них, в чем состоят непосредственные нужды. Когда очередной поход близился к завершению, а успех на определенных направлениях оставался под вопросом - его призывы звучали настоящим крещендо, и, повинаясь им, Бахаи одерживали очередную победу. Когда перечитываешь его обращения к американским верующим за тридцать шесть лет, возникает почти реальное ощущение, что он жил бок о бок с ними. Конечно, и они жили, пусть даже не ведая об этом, в его жизни, его мыслях, молитвах, планах - его тревогах и заботах. И, пусть это послужит им в утешение, они принесли ему много радости, подарили немало надежды и никогда не повергали его в отчаяние. Пусть память о них останется непорочно чистой.

Шоги Эффенди, в каком-то смысле очень похожий на вулкан перед извержением, нередко обнаруживал себя предварительными толчками. В 1933 году он дает телеграмму Американскому Съезду, привлекая его внимание к тому, какое огромное значение имеет в данный момент пробуждение сил, которые провозгласят начало эры, чье сияние "должно затмить Героический Век нашего возлюбленного Дела... в которую Горний Сонм ожидает их". Более конкретно звучат строки его послания Бахаи, собравшимся в 1935 году, чтобы отпраздновать завершение купола Храма: "Пробил новый час... он призывает к систематическим общенациональным усилиям в поддержку учительской работы..." Десять месяцев спустя его обращение звучит еще более категорично, почти пророчески - холодное дыхание надвигающейся войны чувствуется в нем: "Новая стадия постепенного развертывания Периода Строительства нашей Веры, в которую мы только что вступили - этап усиленной учительской деятельности, - совпадает с мрачным периодом охватившего весь мир бессилия, нарастающего распада и повсеместного разочарования в судьбах обветшавшего века". В своей телеграмме к Съезду 1936 года он говорит о том, что нельзя терять драгоценные возможности современного момента, требует еще раз обдумать "исторический призыв, провозглашенный Абдул-Баха в Скрижали о Божественном Преднамерении" и решили, как обеспечить его "полное выполнение", в момент когда

человечество "приближается к опаснейшей грани своего существования". Конечно строки послания - жемчужина, которая давно уже зрела в сердце Хранителя: "Во имя Господа каждый штат Американской республики каждая республика американского континента ныне в конце этого славного столетия да проникнется светом Веры Бахауллы воздвигнет структурную основу Его Миропорядка". Итак, путь перед нами был открыт! Прозвучал салют в честь начала Божественного Плана!

Перед новым Семилетним Планом стояла "триединая задача": первое - закончить внешнюю отделку первого Машрик уль-Азкара в западном мире; второе - учредить по одному местному Духовному Собранию в каждом штате Соединенных Штатов Америки и в каждой провинции Канады; третье - создать по одному центру в каждой латиноамериканской республике, "чье вступление в Братство Бахауллы", как писал Шоги Эффенди, "было изначально предусмотрено Планом". Каждая нация западного полушария должна была "органично войти в ткань победносного Порядка Бахауллы", и Хранитель указывал нам, что двадцать независимых латиноамериканских республик "составляют примерно одну треть всего числа суверенных мировых государств" и что План представлял собой не что иное, как "многосложную двуединую кампанию, которая должна разворачиваться одновременно в Северной и Латинской Америке".

Не прошло и двух лет после начала этого исторического учительского движения, как в Европе разразилась война; прошло еще два года - и уже Соединенные Штаты, а практически и вся планета, были вовлечены в военное противостояние. Семилетние военные действия происходили на фоне тяжелейших страданий и самой мрачной угрозы, когда-либо нависавшей над Новым Светом. Усилия, которые Шоги Эффенди прилагал, чтобы следить за выполнением первого Плана Божественного Предначертания, вдохновлять и руководить его осуществлением, кажутся невероятными. Одно за другим он отправлял послания Национальному Духовному Собранию Бахаи Соединенных Штатов и Канады. В 1937 году он уведомил их, что осуществление Двойных предприятий этого Плана озарит заключительные годы Первого Века Бахаи "светом не менее ослепительным", "чем те бессмертные деяния, которые возвестили о рождении и начале Героического Века Веры". В 1938 году он сообщает им, что "тьма, сгущающаяся над Старым Светом", придает их трудам "безотлагательность и важность", которые невозможно переоценить. Латиноамериканская кампания стала "одной из наиболее славных глав в международной истории Веры, и от ее успеха зависит успех будущих Планов. Она знаменовала, тепелеграфировал он, "долгожданное открытие всемирной миссии, составляющей великое наследство Абдул-Баха Общине Бахаи Северной Америки". Она явилась не чем иным, как "прелюдией Первого Действия той величественной Драмы, основной темой которой служит духовное завоевание восточного и западного полушарий". И однако все это следовало считать "лишь началом, пробой силой, первой ступенью еще более грандиозного похода".

По истечении двух лет работы над Планом, когда внешняя отделка Храма стала продвигаться вперед вполне удовлетворительными темпами, а ряд пламенных обращений Хранителя (равно как и его пожертвование девяти сот фунтов, которые он чувствовал "настоятельную необходимость" и был "горд" внести на учреждение девяти постоянных первопроходческих поселений в штатах и провинциях Северной Америки, где и прежде не существовало (заверил, что все предварительные шаги на домашнем фроне успешно предприняты, - Шоги Эффенди взмахом руки направил свои войска вдоль побережий и на острова Центральной Америки, следуя, как он выразился в телеграмме, "методическому продвижению по линиям, начертанным пером Абдул-Баха". Несмотря на груз собственных забот, он уведомил друзей о своем желании лично поддерживать контакт с первопроходцами Северной, Центральной и Южной Америки. Что эти письма значили для, как он выражался, "поддержки разбросанных первопроходческих постов, широко разбросанных по необъятным площадям обеих Америк", в полной мере может судить лишь тот, кто сам получал их, но, я полагаю, что этот и более поздние походы вряд ли

имели бы успех без связи, которую Хранитель поддерживал с верующими. Исходящая от него любовь, доброе, понимающее слово заставляло их удерживать свои позиции. Многие до сих пор стойко удерживают их благодаря письмам с подписью "Истинно ваш брат, Шоги".

Через год после вспышки "всемирного пожара", чье опустошительное пламя, как писал Шоги Эффенди, занявшись на Дальнем Востоке, теперь полыхало над Европой, Африкой и угрожало не только Всемирному Центру, но даже Америке - "главной цитадели Веры", как он определил ее, - всего лишь две латиноамериканские республики еще могли принимать первопроходцев. Обитатели "последней Цитадели", безусловно, исполняли свой долг - "нести священное пламя во все республики западного полушария" - самым подобающим образом. В Персии верующие по-прежнему подвергались преследованиям; в России Вера была подавлена, а национализированному Храму угрожала опасность; в Западной, Юго-Восточной и Центральной Европе бахаи репрессировали, а в Германии движение было полностью запрещено; в Северной Африке верующие становились объектами фанатичных религиозных нападков; распространение военных действий поставило сам Всемирный Центр под весьма серьезную угрозу. Не удивительно, что Шоги Эффенди писал американским верующим, что "Надежды и чаяния огромного числа верующих Востока и Запада, старых и молодых, свободных и угнетаемых", целиком зависят от "успешного свершения" их трудов! Не удивительно, что он призывал их "дерзать, быть стойкими, не бояться жертв, бестрепетно и несгибаемо переносить все трудности до самого конца"! Не удивительно, что он заверял их: "Величие их задачи поистине соизмеримо со смертельными опасностями, которые отовсюду грозят их поколению. По мере того как тьма стучится над терпящим крах миром, сияющие очертания их искупительной миссии делают все отчетливее день ото дня. Симптом охватившей весь мир болезни - смятение - поразило современное общество, и в то время как всемирной религии суждено укрепляться, мир неизбежно придет к катастрофе, из которой родится сознание всемирного братства, сознание, которое одно лишь может стать соответствующей основой для организации всемирного единства, от которого необходимо зависит длительный мир во всем мире, мир, который, в свою очередь, положит начало всемирной цивилизации, наменуемой наступление века единой человеческой расы". Американских верующих, говорил он, "пробудило к действию зрелище медленно разлагающейся цивилизации". Если бы он не выразил им в словах, воспламенивших их воображение, характер их ответственности за состояние мира, они не пробудились бы к столь грандиозным свершениям.

Если мы оглянемся на славные и страшные годы последней войны, успешное завершение первого Семилетнего Плана может поистине показаться чудом. В то время когда число обитателей Европы и Азии сократилось почти в десять раз, когда неслыханные опасности угрожали Всемирному Центру буквально отовсюду, когда Соединенные Штаты и Канады оказались втянутыми в мировой конфликт со всеми сопутствующими бедствиями, ограничениями и вспышками жестокости и ненависти, - горстке людей, бедных ресурсами, но богатых верой, не имеющих достаточного престижа, но в преизбытке наделенных решимостью, удалось не только вдвое увеличить число Собраний Бахаи в Северной Америке и обеспечить существование по крайней мере одного в каждом штате Федерации и каждой провинции Канады, но и завершить исключительно дорогостоящую отделку Материнского Храма на шестнадцать месяцев раньше намеченного срока, и не только образовать сильную группу Бахаи в каждой из двадцати латиноамериканских республик, но и пятнадцать Духовных Собраний по всей территории. В заключительные месяцы Плана Шоги Эффенди отважно штурмовал последние невыполненные задачи во главе своего доблестного небольшого войска, охваченного порывом такого вдохновения, что оно едва ли чувствовало груз усталости, легшей ему на плечи за семь лет непрерывной борьбы. Солнце второго Века Бахаи взойшло в победном сиянии. Обратившись к своим когортам, Шоги Эффенди сказал, что он и весь мир Бахаи испытывают перед ними такую

благодарность, которую невозможно "ни выразить, ни описать". Стоит ли удивляться его словам о том, что эта община "ярко демонстрировала свою способность справиться даже с такими сверхчеловеческими задачами, какие были на нее возложены".

За двадцать лет под руководством Шоги Эффенди, по его эскизу Бахаи выткали ковер трех великих Походов, пришедшихся на годы его служения. Среди многокрасочных сцен кипучей работы, разнообразной и осуществлявшейся по всему земному шару, можно различить три блистающих золотых оси - три великих Столетних Годовщины, исторические вехи, к которым он протягивал нити своих планов, которые возвращались к нему в виде еще более великолепных узоров. Первая из этих Столетних Годовщин - 23 мая 1944 года. Волею Провидения подавляющая часть общин Бахаи за все годы войны не потеряла связи с Хранителем и Всемирным Центром и, невзирая на то, что театр военных действий разрастался, подобно злокачественной опухоли, уцелела в огне сражений. Чудесным образом война не затронула Персию, Ирак, Египет, Индию, Великобританию, Австралию, Новую Зеландию и западное полушарие. Общины этих стран, каждая в соответствии с преобладавшими внутренними обстоятельствами, приступили к празднованию славной столетней годовщины Провозглашения Баба, которое одновременно явилось началом цикла Бахаи и днем рождения Абдул-Баха.

Несмотря на то, что персидские верующие не могли подобающим образом, всенародно отметить первую столетнюю годовщину Веры, свет которой озарил землю их родины, это не означает, что памяти блаженного Баба не были возданы должные почести. Сам Хранитель, исполненный нежных чувств к постоянно гонимой общине, дал национальному органу подробные руководства относительно того, как подобает отметить это славное событие; его специальному представителю, Дженаби Валиулле Варка, Наместнику Хукука, было поручено возложить в комнате дома в Ширазе, где Баб провозгласил Свою Миссию, дорогой шелковый ковер - приношение самого Шоги Эффенди в два часа одиннадцать минут после захода солнца, сто лет спустя после того, как в этой комнате Баб открыл Свое Положение Мулле Хусейну, здесь должны были собраться члены Национального Собрания и Ежегодного Съезда; от имени Шоги Эффенди членов Национального Собрания попросили простереться у порога этого священного места, после чего следовало прочесть первую суру Кайум уль-Асмы. Затем были зачитаны отрывки из Послания Хранителя Бахаи Востока, в которых он восхваляет Баба и значение событий, произошедших в этом святом месте сто лет назад.

Североамериканская Община Бахаи отмечала в этот день еще одну годовщину - пятьдесят лет провозглашения Веры в Западном мире. Как всегда дальновидный и верный своим методам, Шоги Эффенди в ряде посланий, обращенных им к североамериканским бахаи в течение 1943 года, недвусмысленно дал понять что ждет от них достойного празднования этого события, объясняя, почему он хочет, чтобы торжества прошли на высоком уровне: своими "масштабами и величием" они должны были "в полной мере возместить трудности, которые приходится переживать многим общинам в Европе и по всему миру, даже на родине Бахауллы, а также воздать подобающую дань уважения их возлюбленной Вере в столь славный час в ее истории". Проведенные в Америке торжества, писал он, должны увенчать не только труды Американской Общины, но и неустанную работу всех их собратьев на Востоке и Западе.

Празднованию Столетия должна была предшествовать общенациональная широковещательная кампания, направленная на распространение Послания Бахауллы, дабы средствам прессы, радио и всевозможных публикаций ознакомить общественность с целями и задачами Веры, а также с деяниями ее героев, мучеников, учителей, с достижениями ее первопроходцев и администраторов, и объяснить природу ее учреждений. На местном и национальном уровне, на лекциях, конференциях, банкетах и встречах с видными людьми верующие должны были всячески подчеркивать жизнеутверждающий характер этого Праздника.

Вершиной радостных торжеств должен был стать Столетний Всеамериканский Съезд, на который были приглашены делегаты не только от Соединенных Штатов и Канады - впервые за всю историю они избирались Государственным и Провинциальным Съездами при участии всех верующих, а не общинами, где имелись местные Собрания, - но и по крайней мере один представитель от каждой латиноамериканской республики. Ровно в час провозглашения баба торжественная благодарственная церемония намечалась в Храме: на ней на обозрен священного собрания были представлены - миниатюрный портрет Баба, с которым Шоги Эффенди расстался впервые в жизни, а также специальные подарки Хранителя победоносной и горячо любимой Общине; вслед за церемонией был намечен публичный митинг, посвященный памяти Баба и Абдул-Баха. Ничто, как и предсказывал Хранитель, не омрачило "триумфального завершения первого, самого блестящего века Эры Бахаи". Схожие, хотя и не столь пышные собрания, проводились и в других странах. Завершение международных торжеств, по словам Шоги Эффенди, знаменовало конец первой эпохи Века Строительства Веры, продлившейся с 1921 по 1944 год.

Конец одного века и начало другого - подходящий момент, чтобы подвести некоторые итоги развития мира Бахаи. Всякому, кто пожелал бы оценить труды Хранителя, пришлось бы столкнуться с такой лавиной материалов, что, пожалуй, нелегко было бы разобраться в его многочисленных и разнообразных достижениях. Он был не только великим творцом жизненных фактов, но и одаренным, увлеченным статистиком, и мог ярко, драматично изобразить любое событие. Но разве не в этом и самая суть жизни - суметь найти интерес в том, что стороннему поверхностному наблюдателю может показаться обыденным и скучным?

В 1944 году в Хайфе Шоги Эффенди опубликовал небольшую, в двадцать шесть страничек брошюру под названием "Вера Бахаи, 1844-1944", со скромным подзаголовком "Статическая и сравнительная информация"; в 1950 году Издательский Комитет Бахаи в Соединенных Штатах опубликовал расширенный вариант той же брошюры (дополнительный материал так же предоставил Шоги Эффенди), объемом в тридцать пять страниц, с картой; на титульном листе значилось: "Составлено Шоги Эффенди, Хранителем Веры Бахаи". В 1952 году Шоги Эффенди представил новые материалы, и по его просьбе Британское и Американское Национальные Собрания вновь публиковали эту брошюру, сохранив название, однако объем ее увеличился вдвое, и теперь она охватывала период с 1844 по 1952 год. На сей раз Шоги Эффенди снабдил издание новым подзаголовком: "Международный Десятилетний План Учительской и Консолидационной Работы".

Рассматривать эту тему во всех подробностях представляется невозможным. С другой стороны, полностью обойти ее молчанием - несправедливо по отношению к работе, которой на протяжении более тринадцати лет Хранитель уделял столько времени и внимания. Столь свойственная большинству людей способность ошибаться, их непрофессионализм, позволяют догадываться о том, каких сверхъестественных усилий стоило Шоги Эффенди собрать всю эту статистику. Скольких же усилий потребовало тогда воплотить в жизнь многое из того, что нашло в ней отражение! Собираемые им сведения были всегда самыми свежими и актуальными; в дни незадолго до кончины он не переставал вносить в маленькую записную книжку, лежавшую на столе в его спальне, новые данные. Помню, как однажды он с улыбкой сказал мне, указывая на книжку: "Пнимаешь ли ты, что в ней - весь мир Бахаи?"

Чтобы лучше вникнуть в эту статистику, следует прежде уяснить, что стояло для Шоги Эффенди за этими цифрами. Нельзя спорить с фактами; можно ниспровергать идеи, развенчивать дешевую демагогию, приуменьшать значение исторических событий, но когда человеку поккзывают черным по белому зафиксированную сумму, истраченную на то-то или то-то, сообщают, что недавно были узаконены еще семь Национальных Собраний Бахаи, что обряд брагосочетания Бабаи включен в законодательные акты пятнадцати штатов, или когда он читает перечень африканских племен, обращенных в

Веру, список языков, на которые переведены ее учения, - он волей-неволей вынужден признать, что эта Вера - нечто вполне реальное. Факты были той артиллерией, с помощью которой Шоги Эффенди мог защищать Веру от врагов, факты не только придавали бахаи дополнительный запас мужества, но и вдохновляли их на новые усилия.

Одним из самых дорогих, самых главных для него списков был тот, в котором отразилось победное распространение Дела, доверенное ему Абдул-Баха в 1921 году. В рубрике "Страны, открытые Верой Бахауллы" он помечает: за годы служения Баба - 2; за годы служения Бахауллы - 13; за годы служения Абдул-Баха - 20. Любопытно в очередной раз убедиться в том, насколько методичен он был по натуре: так, в брошюре 1944 года на Служение Бахауллы приходится лишь десять. Почему же в брошюре, изданной в 1952, Шоги Эффенди отечает тринадцать? Пакистан стал суверенным государством, а две территории царской России превратились в четыре республики Советского Союза - таким образом три единицы прибавились к периоду Бахауллы, и никуда иначе отнести их было нельзя. Вся эта статистика дает завораживающую картину распространения нашей Веры. Используя доступные мне материалы, продолжу ее вплоть до кончины Хранител. В период с 1844 по 1921 год (учитывая суверенные государства, подмандатные территории, протектораты и колонии) Вера утвердилась еще в тридцати пяти странах. С 1921 по 1932, за одиннадцать лет, к ним прибавились еще пять; с 1932 по 1944 - тридцать восемь за двенадцать лет; с 1944 по 1950 - двадцать две за шесть лет; за 1950-51 добавилось шесть; за 1951-52 - двадцать две; за 1952-53 прибавлений не было; за один только год, с 1953-54 добавилось сто стран - достижение, о котором Шоги Эффенди писал: "наиболее важная и впечатляющая цель Десятилетнего Плана, в сущности, была достигнута еще до каонца первого года этого поразительного десятилетнего предприятия". С этого момента для Бахаи, казалось бы, начинается дефицит еще не завоеванных стран! Тем не менее, с 1954 по 1957 добавилось еще двадцать шесть. Когда Шоги Эффенди стал Хранителем, число их равнялось тридцати пяти, к моменту его кончины их насчитывалось двести пятьдесят четыре - двести девятнадцать добавилось благодаря его дальновидности, решительности, а также самоотверженным усилиям рассеянных по всему миру, полных энтузиазма верующих.

Хотя не имеется точной статистики в отношении многих мест мира, где проживают Бахаи, этих "очагов тепла и целительного света всепобеждающего Откровения", как называл их Шоги Эффенди, маловероятно, чтобы в первое столетие Веры число их превышало тысячу. Самые грубые подсчеты показывают, что к 1952 году их насчитывалось около 2.400. Сам Шоги Эффенди приводит такие цифры: 2.500 в 1953 году; около 2.900 - в 1954; никак не меньше 3.200 в 1955; немного менее 3.700 в 1956; 4.500 в 1957, то есть в общей сложности 2.000 мнее чем за пятилетний период.

Общая картина этих данных ясна и впечатляюща. Но какая из ветвей древа Бахаи росла быстрее? Это нашло отражение в опубликованных Хранителем брошюрах. Когда Абдул-Баха совершал свои исторические поездки по Соединенным Штатам и Канаде, в западном полушарии насчитывалось примерно сорок мест, где проживали бахаи. К 1937 году число их достигло трехсот, увеличившись на двести шестьдесят за двадцать пять лет. К 1944 году в Северной Америке было уже тысяча триста центров, за период первого Семилетнего Плана прирост составил одну тысячу. Последняя цифра, полученная Шоги Эффенди в октябре 1957 года была - 1.570. За тридцать шесть лет своего служения Шоги Эффенди, благодаря непрерывным вдохновляющим посланиям и действию последовательно разворачивавшихся планов, удалось увеличить число центров только в Соединенных Штатах и Канаде по крайней мере на полторы тысячи. Список местных Духовных Собраний в Северной Америке впечатляет не меньше: в 1931 году их насчитывалось сорок семь; в 1944 - сто тридцать одно, таким образом, за тринадцать лет число их выросло на восемьдесят четыре - большая часть добавилась в результате широкой кампании, связанной с первым Семилетним Планом. К 1952 году их было сто восемьдесят четыре, а в апреле 1957 общее число достигло двухсот четырех.

В 1944 году Шоги Эффенди опубликовал первые статистические данные по Латинской Америке: пятьдесят семь центров и пятнадцать Собраний; к 1950 году было уже семьдесят центров и тридцать пять Собраний. К моменту его кончины число центров увеличилось до ста тридцати семи, Собраний - до пятидесяти двух. В брошюре за 1921-1944 год он приводит цифры по Индии (включая и ту часть, которая позднее стала Пакистаном) и Бирме: шестьдесят шесть центров и тридцать одно Собрание; к 1957 году цифры выросли: соответственно - сто сорок центров и около пятидесяти Собраний. Из-за постоянно ужесточавшихся преследований всегда было трудно получать точные данные из Персии, однако в 1952 году Шоги Эффенди публикует следующие цифры: шестьсот двадцать один центр и двести шестьдесят Собраний. На островах Антиподов, которым Шоги Эффенди всегда уделял самое пристальное внимание, несмотря на их изолированность от остального мира Бахаи, за годы его служения произошел удивительный прогресс: в 1934 году там было восемь центров в Австралии и Новой Зеландии и три Собраний; к 1950 году число центров возросло до пятидесяти девяти (более 50 за 16 лет), а число Собраний - до десяти; к 1957 году так было уже более ста центров и двенадцать или тринадцать Собраний. Цифры по Германии и Австрии, впервые зафиксированные Шоги Эффенди в 1950, составляют - тридцать четыре центра и четырнадцать Собраний (в то время как в предвоенные годы они составляли соответственно пятнадцать и пять); в 1957 году там было уже более ста тридцати центров и двадцати пяти Собраний.

В связи со старым Семилетним Планом в брошюре 1950 года появляется новый список, включающий десять европейских стран с соответствующими показателями: тридцать четыре центра и четырнадцать Собраний; к 1957 году это число разросло до более чем ста десяти центров и двадцати семи или двадцати восьми Собраний. С большой осторожностью Хранитель поместил цифры по Аравийскому полуострову (они не изменились в период с 1950 по 1957 году): десять центров, которым приходилось, пожалуй, труднее всего в мире Бахаи. Египет и Судан, долгое время боровшиеся с предрассудками ислама, были занесены в список в 1952 году: тридцать восемь центров и десять Собраний. В 1956 году Шоги Эффенди объявил, что всего в мире существует девятьсот местных Собраний Бахаи. К 1957 году он уже мог сообщить верующим, что число это выросло до тысячи. Маловероятно, что к моменту кончины Абдул-Баха, в 1921 году, на Востоке и Западе их существовало более горстки. Их создал Шоги Эффенди - по образцу, который оставил ему Учитель.

Помимо создания структурной основы Административного Порядка и обеспечения быстрого распространения Веры, Хранитель уделял особое внимание тому, чтобы литература Бахаи, Хранитель уделял особое внимание тому, чтобы литературы Бахаи, переведенная на различные языки, была доступна населению планеты. На многие переводы и публикации он выделял личные средства; чаще всего, в годы, непосредственно предшествовавшие ее смерти в 1939 году, его помощницей в этой крайне важной работе была Марта Рут. В 1944 году книги Бахаи публиковались на сорока одном языке; в 1950 к ним добавилось еще девятнадцать; в 1952 это число возросло до семидесяти одного, за два года число языков расширилось на одиннадцать; в 1955 их было уже сто шестьдесят семь, не менее девяноста шести добавилось за три года; к 1957 литература Бахаи печаталась уже на двухсот тридцати семи языках - семьдесят подключилось за два года. Любопытно отметить, что сразу же вслед за перечнем уже опубликованного неизменно следовал список: "Языки, на которые литература Бахаи переводится в настоящее время".

Хранитель не только с готовностью приветствовал присоединение к Вере как можно большего числа этнических групп, но и постоянно побуждал бахаи вступать в контакты с людьми различных национальностей, расширяя внутри общин кардинальный принцип единства в многообразии. Внимание, уделяемое Хранителем этому вопросу, также нашло отражение в его статистических отчетах; заголовки здесь говорят сами за себя: скажем, "Национальности, входящие во Всемирную Общину Бахаи", причем каждая была

поименована отдельно. В 1944 году таких национальностей было 31; в 1955 - около сорока. "Национальные меньшинства и национальностей, с которыми установлен контакт", и в данном случае каждая указана поименно: в 1944 году их было девять, но уже в 1952 число их возросло до пятнадцати - двенадцати, куда входили американские эскимосы и индейские племена. В 1952 году появилась новая рубрика, несмотря на то, что цифры в ней фигурировали довольно незначительные: "Африканские племена в составе Веры Бахаи"; и - гордо - были выписаны названия двенадцати племен. Периодически он продолжал обнародовать рост этих цифр: девяносто - в 1955 году; сто сорок в 1956; сто девяносто семь - в 1957, соответственно за пять лет список пополнился ста восемьюдесятью пятью новыми именами. В 1954 году он известил мир Бахаи, что в одной лишь Уганде насчитывается пятьсот чернокожих верующих (примерно из восьмисот приверженцев Веры на всем континенте), в 1957 - сообщил, что число африканских верующих превышает три тысячи. Его глубокий интерес к национальным вопросам современности, его острое ощущение ценности различных качеств, которыми Господь наделил различные национальности - побуждали его с готовностью делиться тем, что он считал значительными победами на этом поприще. В 1956 году он сообщил, что в тихоокеанском регионе насчитывается сто семьдесят центров Бахаи, а в 1957 оповестил нас о том, что число это возросло до двухсот десяти и что в регионе теперь живет более двух тысяч верующих коричневой расы.

Росту институтов Веры и ее имущественных владений - мощной стены, ограждающей постепенно становящийся Административный Порядок, - Шоги Эффенди также уделял неослабное внимание. И это не мечта, с которой Бахаулла явился в мир, чтобы сделать из нас мечтателей, а реальность, которую Он дал нам как руководство к действию. Узаконенные учреждения могут на законном основании владеть собственностью. Было и продолжает оставаться непреложным фактом, что растущая Вера должна владеть собственными Храмами, национальными и местными штаб-квартирами, учреждениями, земельными участками, школами и т.д. В этом отношении цифры красноречиво свидетельствуют о прогрессе, достигнутом за годы служения Шоги Эффенди: в 1944 году в разных странах насчитывалось пять узаконенных Национальных Собраний и шестьдесят три местных; в 1952 году цифры эти составляли соответственно девять и сто пять; к 1957 году было уже более двухсот узаконенных местных Собраний Бахаи - за тринадцать лет их стало на сто тридцать семь больше. Если в 1944 году, в начале второго Века Бахаи официально право проводить обряд бракосочетания Бахаи было признано лишь в нескольких местах, то к 1957 году Бахаи пользовались этим правом уже в тридцати точках, а Священные Дни Бахаи были признаны законным основанием для прекращения школьных занятий в сорока пяти местах (под "местом" здесь подразумевается страна, штат или район). В 1952 году бахаи владели только восьмью национальными штаб-квартирами, а к 1957 - уже сорока восьмью; национальные имущественные владения также беспрецедентно умножились, и в том же самом году их насчитывалось пятьдесят в различных столицах мира.

Финансовые активы растущей Веры также быстро увеличивались. Ее нын значительные капиталы в различных странах Шоги Эффенди фиксировал год за годом: в Соединенных Штатах, в 1944 году, ее вклады равнялись одному миллиону семисот шестидесяти восьми тысячам трехсот тридцати девяти долларам; в 1950 - одному миллиону семисот восьмидесяти трем тысячам девятисот пятидесяти восьми долларам; в 1952 году - трем миллионам семидесяти тысячам девятисот пятидесяти восьми долларам, а к октябрю 1957 году сумма эта уже приближалась к пяти миллионам долларов. В 1952 году вклады в Персии оценивались в пятьсот тысяч долларов, в то время как в 1957 году сумма возросла до пяти миллионов долларов. В 1947 году Шоги Эффенди приводил по Всемирному Центру Веры в Святой Земле цифру равную тридцати пяти тысячам фунтов стерлингов (сто сорок тысяч долларов); в 1952 году - пятьсот тысяч долларов; в 1957 году - пять миллионов пятьсот тысяч долларов. По другим странам в 1952 году он приводил цифру

пятьсот тысяч долларов, в 1957 - восемьсот пятьдесят тысяч долларов. Общая сумма, даже если считать ее несколько устаревшей, составит: четыре миллиона пятьсот тысяч долларов на 1952 год и более шестнадцати миллионов триста пятидесяти тысяч долларов на 1957.

Все три опубликованные Шоги Эффенди статистические брошюры не только снабжают нас крайне ценной информацией, они дают нам возможность заглянуть в его внутренний мир, поскольку показывают, чему именно он уделял внимание. Имеются списки дат исторического значения, которые, помимо основных вех истории Бахаи, сообщают нам о таких событиях, как сообружение первого Машрик уль-Азкара Запада и Усыпальницы Баба, о вынесении вердикта исламского суда в Египте, провозгласившего Веру независимой религией, о первой встрече Марты Рут с королевой Марией, о решении Совета Лиги Наций, поддерживавшего требование Бахаи о возвращении Дома Бахауллы в Багдаде, о замыслах различных Планов и т.д. Однако нет никаких данных, касающихся Веры Бахаи, в отношении к самому Хранителю. Человек, запретивший нам отмечать какие-либо даты или годовщины, связанные с ним самим, не фигурирует в собственных списках. Пронумерованы все наиболее известные Писания Баба и Бахауллы; полностью приведен календарь Бахаи; названы все города, которые посетил Абдул-Баха во время Своего трехлетнего путешествия; опечатан список центров в Гренландии, куда пересылалась литература Бахаи; приведены имена всех лиц, которые в то или иное время отдавали дань уважения Вере Бахаи, а также дана и другая, самая разнообразная информация; есть даже еще один весьма необычный маленький список, регулярно воспроизводившийся в каждом новом издании брошюр: "Сравнительные размеры знаменитых купольных построек" - собора Святого Петра в Риме, Святого Павла в Лондоне, Святой Софии в Константинополе, Пантеона в Риме. Список этот, как никакой другой, наводит на размышления. Быть может, Хранитель предвидел день, когда Бахаи будут возводить Храмы во славу Отца, намного превосходящие по размерам знаменитые сооружения прошлого?

В каждом новом выпуске статистических данных графа, касавшаяся Национальных Духовных Собраний, постоянно расширялась. Водрузить эти "Столпы" будущего Всемирного Дома Справедливости Шоги Эффенди считал одной из своих первейших обязанностей. Мало кто из Бахаи может припомнить сейчас девять названий из списка 1930 года: Национальные Духовные Собрания Бахаи Кавказа, Египта, Великобритании, Германии, Индии и Бирмы, Ирака, Персии, Туркестана, Соединенных Штатов Америки и Канады. Хотя два Собрания в России и одно в Персии было по сути переходными - как мы знаем, ввиду отсутствия времени для правильно организованных выборов, в которых могли бы принимать участие все делегаты, центральное Собрание брало на себя функции будущего национального органа, - они, тем не менее, исполняли функции Национальных Собраний. Из-за подавления всякой деятельности Бахаи в России Национальные Собрание Кавказа и Туркестана полностью ликвидировались. Таким образом, к концу первого Века Бахаи оставалось всего восемь национальных органов, к которым в 1934 году добавились Национальные Собрания Австралии и Новой Зеландии.

Старейшее Национальное Собрание Австралии и Новой Зеландии.

Старейшее Национальное Собрание мира Бахаи - Собрание Соединенных Штатов и Канады - к моменту кончины Абдул-Баха существовало под названием "Храм Единства Бахаи"; в 1909 году оно было узаконено, и в том же году был образован его "Исполнительный Комитет". Когда в 1921 году Хранитель взял бразды правления в свои руки, он тут же принялся за введение единообразия в фундаментальных принципах, и с этого момента будущие "Вспомогательные Дома Справедливости" стали называться "Национальными Духовными Собраниями". В 1923 году уже действовали Национальные Собрания верующих Великобритании, Германии, Индии и Бирмы, к которым вскоре присоединились Египет, Судан, Персия, Ирак, а также Австралия и Новая Зеландия. Как бы не хотелось Хранителю поскорее увидеть водруженными новые "Столпы", прежде

следовало убедиться в существовании достаточно надежной и сильной общины - в особенности в достаточно крепкой опоре местных Собраний, - прежде чем приступать к выборам национального органа. В 1948 году он предоставил Канаде возможность независимого административного развития, вслед за тем в 1951 году были образованы Национальные Собрания в Центральной и Южной Америке. Для самого Шоги Эффенди была совершенно ясна причина того, почему двум или более странам предпочтительно объединяться под юрисдикцией одного Национального Собрания, и эту причину он изложил в беседе с индийским паломником-бахай, который и записал его слова в 1929 году: "Он против разделения Индии и Бирмы, поскольку, как он говорит, у нас слишком мало работников и разделение приведет лишь к распылению наших сил и энергии, тогда как в настоящее время мы более всего нуждаемся в консолидации сил и ресурсов"...

Новая фраза административного развития Веры началась с образования двух огромных Собраний - центрально - и южноамериканского, - которые хотя и носили название Национальных Собраний, но, по сути, по структуре и функциям имели региональный характер. Шоги Эффенди никогда не смущался размахом или сложностью стоящей перед ним задачи, в равной степени не обращая внимания на господствующие в то или иное время взгляды и методы. В течение девяти лет он создавал исключительно подобные гигантские "Региональные" Национальные Собрания - за исключением Национальных Собраний Бахаи Италии и Швейцарии, которые были избраны в 1953 году, - сфера деятельности которых была поистине необъятной. Два латиноамериканских Собрания объединяли двадцать стран, а четыре африканских, сформированных в 1956 году, представляли пятьдесят семь территорий. Это означало, что девяти людям, зачастую живущим в странах, разделенных тысячами миль, приходилось принимать совместные решения, управляя редами по большей части молодых и неопытных Собраний и общин, разбросанных на сотнях и тысячах квадратных миль. Безусловно, обратись Шоги Эффенди за советом к своим товарищам Бахаи о том, справедливы или нет такие решения, они могли бы усомниться и предложить в качестве альтернативного варианта чисто Национальные либо гораздо меньшие региональные Собрания. К счастью, Хранитель предпочитал ни с кем не советоваться и, полагаясь лишь на свой трезвый и острый ум, сам взвешивал относительные преимущества и недостатки той или иной политики и выбирал то, что поверхностному наблюдателю могло показаться самым неудачным, тяжеловесным и громоздким. Выбор его обуславливался многими факторами: в первую очередь, он учитывал, что во всех этих странах существует острая необходимость в более централизованном руководстве работой; они уже не могли больше эффективно управляться какими-либо центрами из-за океана и, находясь под эгидой других Национальных Собраний, осуществлять последующие стадии Божественного Предначертания через свои комитеты, сколь бы преданным и способными они ни были. Кроме того обучение Вере в новых районах предполагало возложение на новообращенных ответственности за проведение работы на своих участках. К тому времени в Латинской Америке и Африке уже существовала отборная группа опытных первопроходцев-бахай, администраторов и учителей, но этого количества не хватало для работы двадцати самостоятельных административных органов Центральной и Южной Америки и уж совсем не хватало для того, чтобы направить опытных Бахаи в пятьдесят семь территорий африканского континента. Ответом на вопрос и явились эти временные, промежуточные Национальные Собрания, которым предстояло разбиться на более мелкие единицы по мере того, как в каждой стране возникали бы достаточно надежные системы местных Собраний, состоящих из более зрелых верующих, глубоко проникшихся духом учений, недавно принятых ими, способных взять на себя ответственность управлять и двигать вперед Дело на своих территориях. Замечательные результаты, достигнутые этими Региональными Собраниями, непрестанно вдохновляемыми Шоги Эффенди на выполнение их исторической задачи, доказали полную оправданность его метода.

Уже одним отбором стран, которые он объединял под эгидой единого национального органа, Хранитель широко демонстрировал тот факт, что в своих верованиях и политике Бахаи не интернациональны, а сверхнациональны, то есть стоят над границами, разделяющими нации и народы. Выбирая тех, кому предстояло работать в рамках одного Собрания, он ни в коей мере не учитывал националистические предрассудки, политические пристрастия или религиозные различия. Он не мог позволить подобным мирским соображениям перевесить ту или иную чашу весов, невзирая на то, что глубоко вникал в курс современных событий и никогда не оставался глух к фактам. Он использовал Божественные силы Веры - Веры, которая, по его собственному прекрасному выражению, "питается сокровенными источниками небесных сил" и "распространяется в мире неисповедимыми путями, которые так резко расходятся с тем, что большинство людей считает общепринятым и неопровержимым".

Лишь в 1957 году он решился на образование чисто Национальных Собраний; в апреле этого года свои собственные постоянные органы избрали бахаи Аляски, Пакистана и Новой Зеландии. Это был исторический момент в развитии Административного Порядка, поскольку одиннадцать новых Национальных Собраний практически одновременно вступили в жизнь в этом году, среди них: Региональные Собрания Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, стран Бенилюкса, Аравии, Иберийского полуострова, Скандинавии и Финляндии, Антильских островов, а также северных стран Южной Америки, сформировавших новые органы. То, что до того времени Национальными Собраниями Южной и Центральной Америки, теперь превратилось в два меньших по размеру Региональных Собрания Южной Америки, а центральноамериканское Собрание было частично сокращено, островные же республики объединились для выборов собственного Собрания. По мере того как последний великий Поход Шоги Эффенди приближался к завершению, в каждой республике Латинской Америки появился самостоятельный национальный орган - именно так, как сам он планировал в 1953 году, накануне Столетия, когда в опубликованной в те дни статистической брошюре включил в рамки "Десятилетнего Плана Учительской и Консолидационной Работы Бахаи" как одно из самых волнующих и дерзких предприятий - увеличить более чем в четыре раза число существующих Национальных Собраний, таким образом доведя их общее количество до пятидесяти.

Оценивая результаты работы Шоги Эффенди в такой краткой работе, как эта, невозможно подробно описать прогресс, достигнутый в каждой отдельной стране за годы его служения. Это потребовало бы полноценного исторического исследования и большой исследовательской работы по материалам источников, которые постепенно собираются во Всемирном Центре. Подобно тому как сам он всегда смотрел на свою работу в широчайшей перспективе, и мы должны попытаться уследить за полетом кометы в небесах. Духовное завоевание планеты Земли - главная и священная цель учений Бахауллы - теснейшим образом связано с исполнением Божественного Предначтения Абдул-Баха. По мере того как американские верующие в течение ряда походов следовали по пути, предназначавшему им в Планах Абдул-Баха, в мире Бахаи произошел огромный выплеск новой энергии. Если североамериканскую Общину можно уподобить Гималаям - великому водоразделу сил в распространении Дела Божия, то остальные общины сравнимы с ручейками и реками, сливающимися свои воды в могучие реки, орошающие земные пределы.

Успехи первого Семилетнего Плана вдохновили все прочие общины на великие дерзания. Растущее сознание славных возможностей служения, открывающихся перед миром Бахаи во втором веке эры Бахаи, поддерживалось пламенными посланиями Хранителя к различным Национальным Собраниям. Он часто цитировал наставление Бахауллы: "Соревнуйте друг другу в служении Господу и Его Делу", - и открыто поощрял дух соревновательности в самом благородном смысле этого слова. Одним из путей такого поощрения было использование статистических данных, другим - его собственные слова

из телеграфного послания 1941 года в Америку: "Духовное соревнование побуждающее действию организованных последователей Бахауллы Востоке Западе проникает все глубже чем быстрее близится к завершению первый Век Бахаи". Еще более поразительным было то, что последовало далее, поскольку он назвал символом солидарности Бахаи всех пяти континентов римскую колесницу - каждый из впряженных в нее коней хочет вырваться вперед, но все они едины в стремительном беге. Не слишком уважительно будет сказать, что он призывал к аукциону, торгам - но он всегда без колебаний говорил своим воителям, что их ожидает золотое руно; кто добудет его первым? Конечно, все это было боговдохновенно, однако сколько во всем этом было чисто человеческого тепла, трепетности, сколько подлинной страсти!

Известия о победах, одержанных за годы первого Семилетнего Плана, коотрые вдохновенные послания Хранителя постоянно доносили до верующих Персии, переполняли, по словам из телеграммы Шоги Эффенди от 1943 года, "восточные общины мира Бахаи радостным удивлением... Девяносто пять персидских семей подражая примеру американских первопроходцев" оставили свои дома, чтобы водрузить знамя Веры в Афганистане, Белуджистане, Сулеймания, Хеджазе и Бахрейне. Верующие Индии и Египта были тоже охвачены волнением, а иракские Бахаи ускорили завершение своих планов, чтобы достойным образом, новыми победами на своей земле увенчать конец первого Века Бахаи. Бахаи Востока и Запада вписывали последние славные страницы в летопись первого Века Бахаи. Бахаи Востока и Запада вписывали последние славные страницы в летопись первого века своей Веры.

Три месяца спустя после завершения майских торжеств 1944 года Хранитель извещал североамериканскую Общину: "Памятная глава в истории Веры Бахауллы на Западе окончена. Ныне открывается новая глава, глава, которой суждено затмить блистательные победы столь герически одержанные теми кто столь бесстрашно приступил к исполнению первой стадии Великого Плана предначертанного Абдул-Баха американским верующим". Они стояли на пороге "нового ряда походов которые им предстояло осуществить... дабы те кому были обращены эпохальные Скрижали покинув пределы западного полушария могли достичь отдаленнейших концов земли водрузив там знамя Веры Бахауллы и заложив неколебимые основы ее административной структуры". Большинство вещей на этой земле делается одинаково. В разных сферах приложимы свои методы. Шоги Эффенди был полководцем духа, который вел духовное воинство на завоевание духовных наград, однако метод ведения боевых действий был известен еще с незапамятных времен: организация сил, выработка стратегии, отважное продвижение к намеченной цели, выбор правильной позиции, связь с центром, своевременное подкрепление, гарнизоны на завоеванных территориях, смотр войск и - снова в атаку. По мере того, как армии под блестящим руководством становятся все опытнее, промежутки между кампаниями сокращаются. Все это полностью применимо и к Планам Шоги Эффенди.

Одержав победу в первой большой кампании, он немедленно приступил к развитию успеха: он уведомил Американское Национальное Собрание, что с таким трудом завоеванные местные Собрания должны быть сохранены, группам - придан статус Собраний, число центров следовало увеличить, необходимо также было распространять Веру среди масс и побуждать новых верующих углублять свои знания ее основных положений. Кроме того для успеха работы в латиноамериканских странах следовало увеличить количество переводимой и издаваемой литературы Бахаи; но прежде всего следовало учредить Собрание в каждой республике.

Между окончанием первого Семилетнего Плана, завершившего первую фазу Всемирной Миссии, начатой американскими верующими, и второй стадией этой Миссии - вторым Семилетним Планом - наступило то, что Шоги Эффенди назвал "двухлетней передышкой". Маловероятно, чтобы Американской Общине ее тяжкие труды в период с 1944 по 1946 годы, вершившиеся от Анкориджа на севере до Магелланова пролива на юге западного полушария, - могли показаться "передышкой" пока сам Хранитель не назвал это

так. Когда "истерзанное войной, утратившее иллюзии и окончательно потерпевшее крах общество", прервав шестилетнюю кровавую бойню, после прекращения военных действий на территории Европы летом 1945 года принялось зализывать свои раны, Шоги Эффенди сообщил американским Бахаи, что исполнители Божественного Предначтения должны вновь "препоясать чресла, произвести смотр сил" и подготовиться к следующему шагу на уготованном им пути. Его обращения и призывы в месяцы, непосредственно предшествовавшие началу второго Семилетнего Плана, оставили глубокий след в мыслях и чувствах американских верующих. Он сказал, обращаясь к этим "послам Веры Бахауллы", что "скорбящие, изнуренные тяготами войны, утратившие ориентиры страны и народы" Европы ожидают, что целительное дуновение Веры коснется их так же, как пронеслось оно над народами обеих Америк. Известия о тяжелом положении, в котором оказались верующие Германии и Бирмы - двух старых и испытанных общин, - глубоко тронули и столь опечалили его, что он поспешил обратиться с призывом к "их соратникам и друзьям в других странах которым с помощью Провидения удалось избежать ужасов нашествия и всех последующих бед и несчастий" немедленно организовать коллективную помощь бирманским и немецким бахаи. Особенно это относилось к Американской Общине, которая за годы войны "претерпела менее своих собратьев на Востоке и Западе" и которая к тому же удостоилась чести стать исполнительницей столь великого Плана; Шоги Эффенди призывал американцев сделать все, что в их силах, дабы оказать нуждающимся финансовую и прочую помощь.

Официально второй Семилетний План, "второе коллективное предприятие в истории американских Бахаи", был принят на Съезде 1946 года. Словно бы вся работа, столь успешно осуществлявшаяся начиная с 1921 года: построение мощных административных институтов Веры, семилетнее расширение североамериканской Общины с целью охватить каждый штат в пределах Соединенных Штатов и каждую провинцию Канады (в результате число центров в этих странах возросло с трехсот до тысячи), победоносная духовная кампания в латинской Америке, - предназначалась для того, чтобы создать в западном полушарии протяженный фронт, позиции, с которых Новый Свет мог бы повести хорошо организованное наступление на Старый Свет, на Европу - континент своих прародителей. И вновь Шоги Эффенди произвел смотр своего маленького войска; "духовные батальоны Бахауллы занимают позиции" - уведомляет он друзей. Дитя Старого Света, Америка, ныне юный гигант в расцвете сил, была готова вернуться, исполненная жизненной энергии, чтобы, как писал Шоги Эффенди, "за несколько десятилетий осуществить духовное завоевание континента, не завоеванного исламом, справедливо рассматриваемого как колыбель христианства, источник американской культуры, основная ветвь западной цивилизации"...

И вновь мы видим еще один узор великого ковра Шоги Эффенди, нити которого сходятся к ослепительно сияющей славной оси - на сей раз ко второй великой Столетней годовщине Веры, 1953 году, когда, как уведомил нас Хранитель, исполняется Год Девятый мистического рождения пророческой миссии Бахауллы, когда Он томился в тегеранской темнице Сейях Чаль.

Задачи нового Плана, "преобладающей" целью которого стала Европа и который получил название Европейской Кампании, заключались в следующем: консолидация работы в обеих Америках; завершение внутренней отделки Материнского Храма Запада к празднованию его пятидесятилетнего юбилея в 1953 году; водружение трех столпов будущего Всемирного Дома Справедливости - выборы в Национальные Собрания Канады, Центральной и Южной Америки; систематическая учительская кампания в Европе, нацеленная на учреждение Духовных Собраний на Иберийском полуострове (в Испании и Португалии), в Нидерландах (Голландия и Бельгия), в Скандинавских государствах (Норвегия, Швеция и Дания), а также в Италии. В заключении послания Хранитель сообщал, что жертвует десять тысяч долларов как первоначальный взнос на

"разносторонние задачи славного Похода превосходящего все прежние начинания последователей Веры Бахауллы на протяжении первого Века Бахаи".

Полтора месяца спустя Шоги Эффенди телеграммой уведомил Американское Национальное Собрание, что "девять опытных первопроходцев" направляются в Европу и попытаются охватить как можно большее число стран, что герцогство Люксембург объединяется с Нидерландами и Швейцарией. В результате сложения этих двух и восьми вышеуказанных в словаре Бахаи появилось понятие - "Страны Десяти Целей". Некоторые время спустя ввиду заметного прогресса, достигнутого на севере Европы, Финляндия тоже была включена в сферу действия Плана. Хотя помимо Германии и Великобритании бахаи жили также во Франции, Швейцарии, Норвегии, Швеции, Дании, Югославии, Чехословакии, Болгарии и, возможно, еще в некоторых странах, по большей части они были слишком изолированы либо слишком угнетены, чтобы осуществлять широкомасштабную учительскую деятельность. Начало реализации систематического, хорошо организованного Плана в "истерзанной войной, духовно изголодавшейся Европе" означало, что Американская Община "приступила в обоих полушариях ко второй, несравненно более славной стадии систематического Похода, которому в конце времен предназначено увенчаться духовным завоеванием всей планеты". Это означало, что Американской Общине предстоит нелегкая работа в тридцати странах, и это - помимо обеспечения надлежащей основы для выборов 1948 года в Национальное Духовное Собрание Канады, где местные Собрания во многих провинциях образовались еще совсем недавно и были очень слабы.

Наблюдая за тем, как небольшое войско верующих, от силы насчитывавшее несколько тысяч человек, героически сражается сразу с несколькими левиафанами, неотступно преследуя их, Хранитель проникался к своим воинам все большей любовью и уважением. Хотя он обычно испльзовал форму "вы" в чисто риторическом смысле, в одном из наиболее проникновенных посланий, в самом начале Плана, в этом местоимении ясно чувствуется, насколько глубоко отождествлял он себя с группой своих американских последователей, которые преданно следовали за ним с того самого дня, как узнали, что он вступил в должность Хранителя: "Мы находимся слишком близко к благородному строению, возводимому нашими руками... чтобы оценить тот вклад, который мы, исполнители Наказа Абдул-Баха, первостроители Порядка Бахауллы, глашати цивилизации, предтечей и истоком которой является этот Порядок, ныне вносим... во всемирный триумф нашей Веры..." Поистине они стали его братьями и сестрами!

Не имело смысла, считал Шоги Эффенди, пытаться предугадать на столь ранней стадии, куда может привести новый План; задача дня - вот что было главным; будущее зависит от предпринимаемых сегодня усилий. Не упускать ни одной возможности, не уклоняться ни от одного обязательства, вкладывать в любое дело всю душу, не медлить с решениями. Все ресурсы, материальные и духовные, должны быть сосредоточены на очередной задаче; пусть лепта, вносимая каждым, будет малой, скромной и неприметной, но, отдав все силы без остатка, "усталый, но радостный", он пожнет обетованные плоды. Европейский континент пребывал в состоянии "смятения, политических потрясений, подрыва экономики и духовной ущербности". Но он был ареной, на которой Американской Общине предстояло ныне осуществить "первый этап своего возвышенного межконтинентального предприятия", "среди людей, утративших все иллюзии, таких разных по национальности, языку и взглядам, таких духовно бедных, парализованных страхом, таких растерянных, утративших все нравственные нормы, расколотых внутренними противоречиями..."

Когда "пионеры" второго Семилетнего Плана приступили к своей миссии, в Европе существовало всего две общины Бахаи, достойных своего названия - британская и немецкая; обе имели за плечами большой опыт работы, в обеих еще до войны активно действовали Национальные Собрания; аервая община функционировала непрерывно; вторая, распушенная наци нацистскими властями в 1937 году, после того как вся

деятельность Бахаи была официально приостановлена, постепенно восстанавливалась и ценой героических усилий собирала вокруг себя рассеянную войной паству. В тесном контакте с этими двумя общинами и трудились Образовательный Комитет Американского Национального Собрания и постоянно растущая группа первопроходцев Десяти Стран. Дело подвигалось столь быстро, что к концу второго года нового Плана в этих странах функционировало уже восемь новых местных Собраний, и, поскольку работа продолжала набирать темп, Хранитель решил расширить стоящую перед миссионерами задачу, включив в План Финляндию.

С тем же жгучим интересом, с каким он руководил свершениями первого Семилетнего Плана, теперь он следил за тем, как претворяется в жизнь второй. В 1948 году он сообщает друзьям, что "первенство" Американской Национальной Общины Бахаи "подтвердилось, упрочилось, полностью доказало себя в деле"; что "готовая сохранять свое ведущее положение среди братских общин", она "вызывает чувства восхищения и зависти среди многих общин Востока и Запада". Одержанные в Европе победы, указывал Шоги Эффенди, были тем более почетны, что окружение и среда оказались более неблагоприятными и враждебными, чем в Латинской Америке. Хотя материальный ущерб, причиненный войной, постепенно ликвидировался, основные трудности в обучении европейских народов основам Веры Бахауллы оставались прежними. За несколько месяцев до своей кончины в письме к одному из Национальных Собраний Шоги Эффенди высказался по этому поводу так же ясно и с таким же чувством, как в 1946 году: "Непрестанно заботясь о том, чтобы осветить сердца своих сограждан лучами Откровения Бахауллы, изо дня в день общаясь с людьми по натуре своей крайне консервативными, глубоко укорененными в своих традициях, по большей части скованными цепями религиозной ортодоксии, погрязшими в материализме и в полной мере довольными достигнутым", Бахаи должны "по необходимости вести изнурительно медленную, исключительно трудную и зачастую приносящую ничтожно малые результаты работу... однако семена, посеянные ими ныне...", уверял он, "под бдительной опекой Провидения, а также вследствие бедствий и смут, которые заблудшее поколение рано и поздно навлечет на себя, дадут всходы и в назначенный час принесут такой обильный урожай, который повергнет всех в изумление".

В самый разгар великого европейского начинания, которое поистине распалило воображение Бахаи всего мира, включая новые латиноамериканские общины, даже отправившие несколько собственных пионеров в помощь новому Походу, американские бахаи, которым и без того приходилось нелегко, оказались перед лицом серьезного кризиса. Вследствие неожиданного и резкого роста цен стоимость окончательной отделки из возлюбленного Храма, внутренний орнамент которого по изысканности не должен был уступать внешнему, увеличилась во много раз. Войско Шоги Эффенди оказалось в затруднительном положении. Тщательно ознакомившись с ситуацией, он немедленно решил на шаг, необходимый для того, чтобы спасти ситуацию. Поучительно проследить за тем, что, с точки зрения Хранителя, совершенно очевидно являлось лишним балластом, от которого можно безболезненно избавиться, и что следовало во что бы то ни стало сохранить; бюджеты, выделенные на первостепенно важную работу в Европе, на расширение и поддержку Собраний и центров, созданных в Латинской и Северной Америке, не следовало урезать ни в коем случае; не менее насущным считал он сохранение имущества и фондов Американского Национального Съезда и публикацию "Бахаи Ньюс"; но другую работу - издательскую деятельность, летние школы - следовало "самым жестоким образом сократить или приостановить на два года" (1949 и 1950). Подобно великому полководцу, руководящему сражением, он, в первую очередь, заботился о трех вещах: о передовой линии, об "исходной базе" всех операций и о поддержании связи. Однако новые обстоятельства вынудили Хранителя в 1951 году не только продлить период жесткой экономии в Америке, но и распространить его на весь мир Бахаи. Возведение Усыпальницы Баба, контакт на поставки камня для которой он недавно

подписал, а также образование Международного Совета Бахаи и Общее расширение работы в Святой Земле заставили его призвать все Национальные Духовные Соборания, местные Соборания и отдельных верующих сократить свои бюджеты и ценой самоотверженных общих усилий оказать поддержку Всемирному Центру. "Период суровой экономии, - телеграфирует он, - ранее касавшийся имущественных проблем Американской Общины Бахаи неизбежно следует продлить также распространить весь мир Бахаи учитывая безотлагательные нужды имеющие первостепенную важность в решении славного международного начинания". К 1950 году американские бахаи уже собрали пятьсот тысяч долларов на внутреннюю отделку Храма, что в этот крайне тяжелый момент имело переломное значение.

В эти трудные годы гораздо более малочисленная Канадская Община - партнер Американской Общины по осуществлению Божественного Предначертания - была настолько занята выполнением Пятилетнего Плана, который Хранитель предписал ей начать, когда она достигла самостоятельного статуса в 1948 году, что не могла оказать значительную помощь верующим Соединенных Штатов, образование же в 1951 году еще двух Национальных Собраний в Центральной и Южной Америке потребовало от верующих обеих стран еще большего упорства, еще большего приложения сил и мужества. Однако, несмотря на все тяготы, победы, одержанные этими двумя Общинами в последние годы второго Семилетнего Плана, продолжали множиться.

Шоги Эффенди был настолько доволен духом этой поистине героической Общины, каждый год все больше оправдывающей доверие, которое возлагал на нее Абдул-Баха и великие надежды, которые Он с нею связывал, что летом 1950 года Хранитель предложил, чтобы ко дню Столетия мученической смерти Баба, "связанной для всех нас со столькими мучительными воспоминаниями", община эта в связи со Столетием Миссии Бахауллы, совпадавшим с завершением ее второго Семилетнего Плана, решила "возложить пять подобающих, достойных приношений... на алтарь Веры Бахауллы - укрепив основания учрежденных в Северной Америке институтов; возведя два Столпа будущего Дома Справедливости в Латинской Америке; поддерживая успехи, достигнутые в Странах Десяти Целей в Европе; завершив внутреннюю отделку Храма; и, наконец, помогая сооружению надстройки еще более святого здания во Всемирном Центре Веры. И хотя речь шла о "совсем еще юной и во многом стесненной в своих обстоятельствах общине", Шоги Эффенди напомнил, что "бьющие повсюду источники божественной силы, из которых она может черпать, неиссякаемы, и, безусловно, и впредь будут заряжать ее энергией, если только не ослабеют ее каждодневные усилия и требуемы жертвы будут приноситься с готовностью".

Многочисленные победы, одержанные Бахаи Северной Америки и Канады, к которым можно причислить также появление в последние годы этого Похода непредусмотренных Планом учреждений и служб на африканском континенте, по сути своей намного превзошедшие туманные, влекущие, но смутные цели, маячившие в мареве, окутавшем мир в конце войны, вдохновили Хранителя добавить к пяти приношениям на алтарь Бахауллы шестое, то, которое он называл "прекраснейшим плодом" величественного европейского проекта. В 1952 году он телеграфирует, что "до завершения Американской Общиной второго Семилетнего Плана" должны быть сформированы Национальные Духовные Соборания Италии и Швейцарии, и добавляет: "По окончательном завершении славного начинания рекомендуем Европейскому Образовательному Комитету издать официальное приглашение его духовному отпрыску новообразованному Национальному Соборанию участвовать вместе с братскими Национальными Собораниями Соединенных Штатов, Великобритании, Германии Межконтинентальной Конференции августе сего года столице Швеции". Он объяснил, что в его намерения входило поручить этому самому молодому в Мире Бахаи Соборанию особый план как часть Всемирного Похода в период между первой и второй Столетней годовщиной. Как видим, у Хранителя уже вошло в обыкновение давать новорожденным крошкам-общинам каждой свой план - на зубок!

Легко вообразить, насколько были взволнованы, насколько воодушевлены все последователи Бахауллы подобными известиями. Им показалось, что они увидели маленькое чудо, а их любящий "истинный брат" в своей смиренности, добротой и молитвами, помог им верить, что чудо это - дело их рук. То, что Италии буквально из ничего всего за каких-нибудь десять лет удастся заложить основание для местных Собраний, достаточно сильных для того, чтобы вместе со швейцарскими собратьями образовать независимое Национальное Собрание, превосходило самые смелые мечты.

Чтобы, пусть смутно, представить себе, почему третий Семилетний План, о котором Хранитель неоднократно упоминал, начиная с конца первого Века Бахаи, превратился в Десятилетний, мы должны обратиться к основам учения нашей Веры. Справедливый и любящий Бог требует от человека лишь того, что Сам же дает ему силы совершить. Для стран, наций, отдельных людей - для всех права влекут за собой определенные обязанности. В той мере, в какой они исполняют эти обязанности, им даруется поддержка и благодать; в той мере, в какой они уклоняются от них, они автоматически несут наказание и лишаются дарованных прав. В самом начале первого Семилетнего Плана Шогги Эффенди писал, что "неиспользование этих дивных возможностей... повлечет утрату редчайшей привилегии, дарованной Провидением Американской Общине Бахаи". "Царство Божие, - говорил Абдул-Баха, - располагает бескрайними скрытыми возможностями. Воистину отважным должно быть воинство жизни, чтобы Царствие это не оставляло его своею помощью..." И как бы в подтверждение этого великого закона последователи Бахауллы, на которых было возложено исполнение Божественного Предначтения, все как один откликнулись на зов и с таким благородным самоотвержением принялись за исполнение своих священных обязанностей, что судьба сама поспешила им навстречу и силы небесные поддерживали их на каждом шагу, сторицей окупая каждое их усилие. Победоносным войском, которое смело все стоявшие на его пути препятствия, часто овладевает такое воодушевление, что ему не нужна передышка. Вдохновленное своими победами, оно готово идти дальше. Таково было настроение мира Бахаи в преддверии 1953 Священного года. Его главнокомандующий, никогда не ведавший покоя, не нуждался в особых стимулах, чтобы двигаться вперед. Итак, час настал, настрой был соответствующим, во главе стоял опытный полководец, и, когда походная труба в дни Ризвана 1953 года протрубила сбор, Бахаи ожидала отнюдь не "трехлетняя передышка", а двенадцать тщательно разработанных планов для каждого из Собраний.

Сколь бы ни были замечательны торжества по поводу столетней годовщины появления Веры Бахаи в 1944 году, когда жизнь общин Бахаи была отодвинута далеко на задний план самой страшной из войн, которые когда-либо знало человечество, события связанные с празднованием столетия откровения Бахауллы в тегеранской темнице Сейях Чаль далеко превзошли и затмили их. Накануне юбилея Хранитель с болью в сердце напомнил миру Бахаи о той мощной волне гонений, которая сто лет назад унесла жизни стольких учеников и последователей Баба, стольких мучеников и героев, невинных женщин и даже детей, и которая завершилась заключением в смрадное и мрачное подземелье Высшего Богоявления немедленно вслед за неудавшимся покушением на жизнь Насир ад-Дин-шаха 15 августа 1852 года. Днем начала Святого Года - и одновременно празднования "Года Девятого" - Хранитель избрал середину октября 1952 года. Лихорадочное нетерпение охватило верующих Востока и Запада, которые теперь могли во всех уголках земного шара открыто предаваться радостному ликованию. Пожалуй, впервые за всю их историю у Бахаи появилось трепетное чувство подлинного единства всемирной общины. То, что прежде всегда было вытверженной буквой учения, которому безоговорочно верили, теперь воспринималось и живо ощущалось каждым отдельным человеком как некая великая и славная реальность. Планы на будущее, изложенные в ряде энергичных посланий Шогги Эффенди, еще больше воспламенили это новое окрыляющее чувство.

В телеграмме, обращенной ко всем Национальным Собраниям в конце ноября 1951 года, Шоги Эффенди извещал нас о том, что настал канун долгожданной межконтинентальной стадии административного развития Веры. Пройдя через фазы местной, региональной, национальной и межнациональной деятельности, мы, по его словам, оказались в совершенно новом мире Бахаи - таком, в котором о проблемах нашей учительской стратегии можно было мыслить в масштабах всех пяти континентов планеты. На сей раз Столетие, это великое золотое веретено, с помощью которого Шоги Эффенди ткал узоры своего ковра, было использовано для того, чтобы заставить две совершенно разные вещи вступить во взаимодействие друг с другом и, слившись воедино, превратиться в великий источник творческой силы. С одной стороны, это было прошлое - воспоминание о таких потрясающих душу событиях, как мученическая смерть, принятая многими из первых бахаи, как заточение Бахауллы, мистически открывшееся Ему в Сейях Чаль Его собственное положение, Его изгнание и все то, что эти события означали для продвижения человечества на его пути к Творцу; с другой - сосредоточение уже вполне организованных общин Бахаи всей планеты на выполнении задач огромного Плана - очередного шага в развертывании Божественного Предначертания Абдул-Баха.

Движимый духом этих двух Возвышенных Существ, Который, как заповедал Абдул-Баха в Своем Завещании, будут безошибочно руководить им, обратив все умственные и душевные силы на распространение Веры, Хранителем которой он стал - а английское слово "Хранитель" лишь в очень слабой степени передает смысл арабского "Вали-йе Амрулла", что означает "Защитник Веры", "Вождь", "Главнокомандующий", - Шоги Эффенди присутствовал к обдумыванию следующей стадии Предначертания Учителя. Очертания очередных задач стали складываться в его уме задолго до того, как он опубликовал их подробное изложение в своей брошюре 1952 года, "Вера Бахаи, 1844-1952", с приложением "Десятилетний План Международной Учительской и Консолидационной Работы", которое было обнародовано в начале Святого Года. Предварительно Шоги Эффенди запросил у различных Национальных Собраний названия территорий и наиболее крупных островов пяти континентов, где развивалась деятельность Баха, таким образом дополнив свой обширный перечень, включавший страны, упомянутые Самим Абдул-Баха в Его "Скрижали о Божественном Предначертании", перечень, тщательно составленный с помощью атласов и справочников. Живое вспоминаю, как он работал над собственной картой целей Десятилетнего Плана. Он был очень усталым и подавленным после длительной зимней работы в Хайфе, связанной с Усыпальницей, садами, паломниками, с бесконечной и день ото дня растущей перепиской. С большим трудом я вынудила у него некое полуобещание, что, когда он будет проходить курс лечения на широко известном водном курорте, он действительно отдохнет и посвятит по крайней мере хоть какое-то время своему здоровью. Мягко светило летнее солнце, длинные аллеи развесистых деревьев, по которым больные проходили к источникам, чтобы в положенное время пить разные воды, дарили прохладной тенью, все влекло к дремотной, блаженной расслабленности, однако Шоги Эффенди проводил долгие дневные часы, склонившись над своей картой, заполняя ее с бесконечной старательностью. Тщетными были выговоры, мои и врача, который его лечил, тщетными - мои возмущенные напоминания о данном слове. Он с головой уходил в работу, забывая об усталых мышцах, натруженных глазах, переутомленном мозге.

Главными вехами Святого Года были четыре Межконтинентальные Учительские Конференции, о которых мы узнали из той же ноябрьской телеграммы 1951 года и которые должны были состояться на четырех континентах: первая, весной 1953 года, в Африке, в столице Уганды, Кампале; вторая - во время Ризвана в Соединенных Штатах, в Чикаго; третья - летом в столице Швеции, Стокгольме, и четвертая - осенью в Индии, в Нью-Дели. Сценарий, по которому должны были пройти все эти великие Конференции, заявленные за год до обнародования нового Плана, прояснялся по мере того, как приближалось время их проведения. Все Десницы Дела получили приглашения; на

каждую Конференцию Хранитель посылал в качестве своего специального представителя одну из Десниц, дабы "почтить прямым участием новые мероприятия Всемирного Центра". Таким образом, от Всемирного Центра поочередно предствительствовали Лерой Айоас, Амант уль-Баха Рухийа-ханум, Уго Джакери и Мейсон Рими; эмиссарам предстояло выполнить четырехплановую миссию: они должны были привезти на обозрение друзьям, собравшимся в связи с этим историческим событием, миниатюрный портрет Баба; они доставляли послание Хранителя присутствующим; им предстояло разъяснить характер и цели Всемирного Духовного Похода; они должны были привлечь участников к энергичному, последовательному и вдохновенному выполнению стоящих перед ними грандиозных задач.

Прежде чем вдаваться в дальнейшие подробности, следует вспомнить, что, хотя в ноябрьском послании 1951 года, оповещавшем о проведении Конференций в Святом Году, Шоги Эффенди отдаленно и намекал, что они знаменуют начало новой стадии межконтинентальной деятельности и отразят беспрецедентный уровень солидарности, достигнутый Бахаи, масштаб и интенсивность их действий, тем не менее в глазах мира Бахаи Конференции представлялись прежде всего грандиозными юбилейными собраниями в честь Года Девятого, празднествами, связанными с триумфальным окончанием второго Семилетнего Плана, а также множества планов региональных. И действительно, всего за неделю до того, как телеграмма, оповещавшая о проведении Конференций, достигла мира Бахаи, Хранитель в другом своем послании по-прежнему упоминал о "третьем Семилетнем Плане" - так, что в 1951 году Бахаи еще никак не связывали начало нового похода с этими праздничными собраниями. Необычайный успех, с которым Вера Бахаи шествовала по миру, вдохновенные действия Национальных Собраний Америки и Великобритании, одерживавших великолепные победы в Европе и Африке, повлияли на формирование нового курса, курса, который был взят, по сути, еще за три года до начала Десятилетнего Плана. Пункты и положения этого Плана столь обширны, столь многочисленны сообщения Шоги Эффенди на эту тему - перечни, обращения, статистические справочники, появлявшиеся с 1952 года вплоть до его смерти в ноябре 1957, - что хотя бы вкратце обрисовать их на этих страницах представляется невозможным. С другой стороны, этот Поход венчает его служение и весь труд его жизни, он был для Хранителя непрерывным источником радости, а одержанные в его ходе победы служили утешением его сердечным печалам и тяготам. Поэтому о нем следует рассказать, пусть рассказ наш и будет неполным.

Пожалуй, никто лучше самого Хранителя не смог охарактеризовать суть этого великого Плана, им же задуманного и организованного: "Необходимо расставить точки над "и". Общепризнанной, основной целью этого Духовного Похода является не что иное, как завоевание человеческих сердец. Театром военных действий - вся планета. Продолжительность Плана - целое десятилетие. Начало его совпадает со Столетием Миссии Бахауллы. Его кульминация приходится на Столетие Провозглашения этой миссии".

Хотя все верующие приглашались участвовать в четырех Великих Конференциях Святого Года, Шоги Эффенди выделил среди них особую категорию, а именно, представителей тех Национальных Собраний и общин, которые в первую очередь занимались работой, проводимой на всех четырех континентах. Если начать с первой Конференции, созданной в феврале месяце в Африке, и проанализировать затронутые на ней главные фазы Похода в целом - открытие новых территорий и консолидация уже начатой работы, - можно увидеть, сколь поразительным было влияние этих исторических собраний на историю Бахаи: предстояло развернуть усиленную учительскую деятельность на пятидесяти семи территориях, за что несли ответственность шесть национальных органов, а именно: Национальные Духовные Собрания Великобритании, Америки, Персии, Ирака, Судана, Египта, Индии, Пакистана и Бирмы, которым предстояло открыть тридцать три новые территории и укрепить работу, уже проводимую на двадцати четырех. Не менее

ошеломляющие задачи были поставлены перед общинами западного полушария в лице четырех Национальных Собраний - Национального Собрания Соединенных Штатов, Канады, Центральной и Южной Америки: пятьдесят шесть территорий, в число которых входило двадцать семь новых и двадцать девять уже открытых, включая такие отдаленные и труднодоступные точки, как Юкон и Киватин на севере и Фоклендские острова на юге. Цели, поставленные перед Азией, впечатляли еще больше: в большей сложности азиатским Собраниям предстояло охватить восемьдесят четыре территории, приступить к работе на сорок одной и консолидировать ее на сорока трех, начиная от Гималаев до крошечных островков в Тихом океане; работа здесь была поделена между девятью Национальными Собраниями - Персии, Индии, Пакистана и Бирмы, Ирака, Австралии и Новой Зеландии, Соединенных Штатов, Канады, Центральной Америки, Южной Америки и Великобритании. На европейской Конференции пятьдесят две территории достались пяти Национальным Собраниям - на тридцати работу предстояло начинать с нуля, на двадцати двух - укреплять и развивать. Самому юному из национальных органов мира Бахаи, которому едва исполнилось три месяца отроду, Собранию Италии и Швейцарии, заседавшему среди старейшин - Национальных Собраний Соединенных Штатов, Канады, Великобритании, Германии и Австрии, - сам Хранитель определил семь территорий.

На этих исторических собраниях, проводимых не только на огромном расстоянии друг от друга, но и, в большинстве случаев, удаленных от широко разбросанных местных общин Бахаи, присутствовало три тысячи четыреста верующих, представлявших, как возвестил Шоги Эффенди, все основные человеческие расы и более восьмидесяти стран. Каждая Конференция имела свои отличия. В первой, африканской, Конференции принимали участие не менее десяти Десниц Дела, друзья из девятнадцати стран и представители более тридцати племен и национальностей; особенно выделялось присутствие более ста новообращенных африканских верующих, приглашенных лично самим Хранителем - знак внимания с его стороны, явно свидетельствующий о глубокой симпатии Хранителя к африканским бахаи. И действительно, в своем послании первой Конференции Святого Года он особо подчеркивал слова Бахауллы, Который сравнил цветных людей с "зеницей ока", через которую "осветит нам свет духовный". Шоги Эффенди не только отдавал дань уважения темнокожей расе, он восхвалял африканский континент, континент, который "остался не затронут вульгарным, хищным, всеразьедающим материализмом, подрывающим основы человеческого общества на Востоке и Западе, пожирающим жизненные соки народов, населяющих американский, европейский и азиатский континенты, и, увы, грозящем вовлечь в грандиозную катастрофу большую часть человечества". Не следует ли почаще вспоминать об этом предупреждении, высказанном на историческом перепутье в судьбах африканского континента, тем последователям Бахауллы, которые трудятся над учреждением в Африке основанного на духовности Миропорядка?

Вторая и, как писал Шоги Эффенди, "безусловно наиболее выдающаяся из четырех Межконтинентальных Образовательных Конференций, посвященных памяти Столетия с начала Миссии Бахауллы", знаменующая начало "эпохального, глобального, духовного десятилетнего Похода", состоялась в середине Святого Года и стала центром праздничных торжеств и мероприятий. Эта великая всеамериканская Конференция проходила в самом сердце Северной Америки, в Чикаго, том самом городе, где за шестьдесят лет до этого имя Бахауллы впервые широко прозвучало в западном мире на одной из сессий Всемирного Парламента Религий в связи со Всемирной Колумбовской выставкой, открывшейся 1-го мая 1893 года. Заседаниям Конференции предшествовало завершение начатого полвека назад предприятия: 2 мая был открыт для публичного поклонения Материнский Храм Запада, который, по уверению Шоги Эффенди, не только является "священнейшим Домом Поклонения из всех, когда-либо возведенных во славу Величайшего Имени", но и наделен, по сравнению с другими Домами Поклонения,

"поистине безграничными возможностями", а "роль, которую ему уготовано сыграть в ускорении возникновения Миропорядка Бахауллы", невозможно переоценить.

Открытие макета будущего Храма Бахаи во Всемирном Центре Веры на горе Кармель было еще одним мероприятием, которое сам Шоги Эффенди планировал провести в ходе Конференции - Конференции, которая, по его словам, "войдет в историю как самое грандиозное собрание после конца Героического Века Веры и выступит как самое могущественное орудие, прокладывая путь одному из самых блестящих этапов величайшего похода, когда-либо предпринятого последователями Бахауллы с первых дней зарождения Веры..."

Львиную долю забот, связанных с новым походом во исполнение Божественного Предначтения Абдул-Баха, Шоги Эффенди поручил тем, о ком ласково, с любовью говорил, что "они всегда готовы вынести тяжкое бремя ответственности" и действительно "предназначены" для осуществления этого Плана, являясь его "главными попечителями". В прошлом они доказали свое "неослабное рвение, свершив поистине геркулесовы труды", ныне же двум их национальным органам - Национальным Собраниям Соединенных Штатов и Канады - предстояло вступить в состязание с десятью другими Собраниями, перед каждым из которых тоже стояло немалое число задач, и в нелегкой борьбе отстаивать свое лидерство, одержав новые победы. В мире оставалось еще сто тридцать одна территория, на которой за десять лет следовало привить первые ростки Веры Бахауллы, и сто восемнадцать уже открытых Верой, но нуждающихся в значительной консолидации. Из этих двухсот сорока девяти точек, большая часть которых представляла крупные независимые страны, Соединенным Штатам и Канаде досталось шестьдесят девять, то есть двадцать восемь процентов от общего числа; до 1963 года надо было образовать сорок восемь новых Национальных Собраний, тридцать шесть из них предстояло самостоятельно сформировать Соединенным Штатам. Сооружение первой вспомогательной постройки вблизи от Храма Бахаи также брала на себя эта Община; кроме того ей предстояло приобрести два земельных участка для будущих Домов Поклонения - один в Торонто, в Канаде, второй в Панама-Сити, в Панаме; а также перевести и опубликовать литературу Бахаи на десяти языках проживающих в западном полушарии индейцев, и многие другие задачи.

В присутствии двенадцати Десниц Дела, посетивших эту Конференцию, на которую приехали бахаи из более чем тридцати трех стран, более ста верующих изъявили желание отправиться первопроходцами на выполнение великих задач, с предельной ясностью сформулированных Хранителем в его послании, где он называл верующих Соединенных Штатов "главными исполнителями", канадских верующих - их "союзниками", а верующих Латинской Америки их "младшими партнерами", которые должны, "чувствуя локоть и поддержку друг друга приступить... на всех континентах земного шара к началу межконтинентальной кампании, предназначенной поднять на новую ступень славную работу, уже начатую во многих точках западного полушария". Как писал Шоги Эффенди задолго до этого, от первопроходца "прежде и более всего требовались такие качества, как самоотверженность, упорство, бесстрашие и пылкое рвение". И эти качества, подобно отсвету небесного огня, светились в лицах новых добровольцев, старых и молодых, одиноких и семейных, белых и чернокожих, - авангарда тех ударных сил, за которыми следовало непрерывно растущее, решительно настроенное маленькое войско, собравшееся со всех концов света, штурмовавшее твердыни "неоткрытых" территорий и за один только год завоевавшее сто из них. Первопроходцы получали от Шоги Эффенди титул "рыцари Бахауллы" - его мог удостоиться любой верующих, по возрасту годный для участия в подобном предприятии, который приступал к работе на новой территории, прибывал или был на пути туда до завершения первого года Похода. Впоследствии этот титул получали те, кто первыми прибывали на еще не открытые территории. Интересно, что Абдул-Баха, говоря о "рыцарях Божиих", как бы предвосхитил этот звучный титул.

Все огни на своих маяках Хранитель зажигал от искр, которые бережно собирал в писаниях прародителей.

Открытие Материнского Храма для публичного поклонения, проводимые во время праздничных торжеств митинги, на которых перед аудиторией выступали видные Бахаи и известные люди, не принадлежавшие к Вере, митинги собиравшие тысячи и тысячи людей, широко и энергично освещались в прессе, по радио и телевидению. В течение Святого Года свет Веры поистине ярче всего сиял в Великой Республике Запада, избранной Колыбели ее Административного Порядка. Один из наиболее трогательных, незабвенных моментов этих славных торжеств наступил, когда более двух с половиной тысяч бахаи колонной прошли перед представительницей Хранителя, Ама уль-Баха Рухийа-занум, чтобы получить помазание розовым маслом, которое Шоги Эффенди специально доверил ей для этой цели по случаю церемонии посвящения в Храме, прошедшей исключительно в соответствии с традициями Бахаи, после чего - в установленном самим Хранителем порядке - их избранные отрывки из священных писаний были зачитаны на английском и пропеты на арабском и персидском, вершиной же торжественного акта стало прохождение колонны верующих перед портретами Баба и Бахауллы, когда на один краткий и священный миг они смогли заглянуть в лица Двух Родственных Явлений Божиих, дарованных человечеству в сей Новый День. В молчании, с чувством глубокого удовлетворения, глубоко потрясенные, они покидали Дом Поклонения.

Третью Межконтинентальную Образовательную Конференцию Бахаи, проходившую в июле в Стокгольме, почтило своим присутствием самое большое число Десниц Дела; всего их присутствовало четырнадцать - пять Десниц из Персии и одна из Африки возвращались по указанию Хранителя сразу же после объявления о начале Похода в Чикаго. Точнее всего будет, пожалуй, охарактеризовать это третье собрание как "исполнительную конференцию". Количественно она была гораздо меньше американской, однако обстоятельства позволили присутствовать на ней мощному корпусу наиболее выдающихся и активных членов Национальных Собраний, миссионеров, администраторов и первопроходцев со всей Европы, включая сто десять верующих из Стран Десяти Целей. Присутствовавшие из тридцати стран в течение шести дней посвятили себя не только торжественному и в то же время радостному воспоминанию о событиях, произошедших столетие назад и отмечавшихся в Святом Году, но и кропотливому анализу работы, которую возлюбленный Хранитель поручил трем Европейским Национальным Собраниям и Собранию Соединенных Штатов; единственным из национальных органов, также подключенных к работе в Европе, было Собрание Канады, которому в качестве консолидационной цели досталась Исландия.

В послании по случаю этого исторического события Шоги Эффенди вспоминал как историю Веры Бахаи применительно к Европе - "континенту, который на протяжении двух последних тысячелетий, как ни один другой из континентов земного шара, оказывал мощное влияние на судьбы человеческого рода", - так и воздействию христианства и ислама на становление Веры. Перечисляя достижения и победы, одержанные после окончания второй мировой войны, Хранитель особо подчеркнул, что в значительной степени такой результат был достигнут "благодаря энергичному импульсу в виде ряда национальных Планов, подготовивших почву для начала Всемирного Духовного Похода". Среди них был второй Семилетний План, осуществленный североамериканскими верующими, Шестилетний и Двухлетний Планы, воплощенные в жизнь британскими бахаи, а также Пятилетний План германской и австрийской общин Бахаи. В результате хорошо организованной работы были сформированы местные Собрания и Эйре, Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе, а также в каждой из столиц Стран Десяти Целей, значительно увеличилось число Собраний, центров и верующих по всей Европе, был избран еще один независимый национальный орган и приобретена национальная штаб-квартира Бахаи во Франкфурте. Настал час, писал Шоги Эффенди, "подобающим образом

приступить к проведению европейской кампании Всемирного Похода", который не только расширит основания Веры на континенте, но и "распространит ее свет на соседние острова" и "с Божьей помощью донесет ее сияние до восточных пределов Европы и дальше - до самого сердца Азии". Европа, утверждал он, вступает в то, "что с полным правом можно расценивать как начальный этап великого духовного возрождения, которому суждено затмить любой предшествующий период ее духовной истории". Далее он выражал надежду на то, что "избранные представители Национальных Общин Бахаи, которым доверено руководить ходом грандиозного начинания на земле этого континента", должны "дать мощный толчок сближению, примирению и конечному объединению различных враждующих между собою народов, национальностей и классов, обитающих в пределах переживающего тяжкие муки, смятенного и духовно изголодавшегося континента".

Воодушевленные этими пламенными словами присутствующие решили предпринять немедленные действия: тут же поступило шестьдесят три предложения отправиться первопроходцами в целевые европейские страны, но, что еще более необычно, многие национальные органы и комитеты, члены которых присутствовали в значительном количестве, мгновенно откликнулись на эти предложения, и еще до окончания Конференции первопроходцы были распределены по целям, входившим в сферу задач, стоявших перед европейскими верующими, за исключением территорий, находившихся под советским влиянием. Волнующий проект возведения одного из двух Храмов Бахаи, к осуществлению которого призвал "Десятилетний План Образования и Консолидации" - Материнский Храм Европы предполагалось построить в Германии - получил значительную финансовую поддержку, также как и три других европейских проекта, требовавших больших денежных сумм, а именно, приобретение национального Хазират уль-Кудса британским бахаи и покупка земельных участков для двух будущих Храмов Бахаи в Стокгольме и Риме. Многие первопроходцы были делегированы присутствовавшими на Конференции ревностными, но скованными обстоятельствами верующими, и многие трогательные пожертвования личного имущества поступили от тех, кто не мог внести денежный вклад. Созыв Конференции вызвал широкий и благоприятный общественный отклик, а проведенный в связи с нею публичный митинг привлек самую большую аудиторию из всех, когда-либо собиравшихся под покровительством Бахаи на этом континенте.

Двенадцать месяцев спустя после начала Святого Года, провозглашенного в середине октября 1952, в Нью-Дели, в Индии, состоялась большая Азиатская Межконтинентальная Образовательная Конференция. Хотя было бы логично провести подобное мероприятие в Персии или, на крайний случай, в Ираке, накал страстей среди фанатично настроенного населения этих стран и неугасимая враждебность со стороны мусульманского духовенства категорически воспрепятствовали этому. В таких обстоятельствах великой братской стране Востока, открывшейся для Веры на заре Служения Бахауллы, тем более подобало удостоиться этой чести. В Индию начали стекаться сотни Его последователей со всех концов света, в том числе из таких далеких краев, как Европа, Африка, Австралия, Новая Зеландия, Япония, из многих стран западного полушария, конечно же, из Персии, равно как и пять азиатских Десниц, которые по просьбе Хранителя уже присутствовали на африканской, американской и европейской Конференциях. Прибыли также еще шесть Десниц Дела из Святой Земли, Европы, Америки, Африки и Австралии. В своем послании этой последней из великих Образовательных Конференций Шоги Эффенди, "исполненный надежд и с радостным сердцем" приветствовавший ее участников, указал на уникальные особенности и важность работы на азиатском континенте: в ходе "всемирного по своим масштабам похода" "тройственную Кампанию, охватывавшую азиатский материк, австралийский континент и острова Тихого океана", "с полным правом следовало рассматривать как самую обширную, многотрудную и грандиозную из всех Кампаний". Ее размах "не имел аналогов в истории Веры в восточном полушарии"; она

разворачивалась на земле континента, где "более столетия тому назад было пролито столько священной крови", континента, занимающего исключительное положение в мире Бахаи, континента, где проживает подавляющее большинство последователей Бахауллы, континента, который был "колыбелью главных религий человечества; родиной столь многих цивилизаций, самых древних и самых могущественных из всех, когда-либо процветавших на этой планете; перекрестком, где сходились пути столь многих рас и племен; полем битвы между столькими народами", над чьим горизонтом в новейшие времена воссияли солнца двух независимых самостоятельных Откровений, континента, на котором расположены такие святые места, как Кибла нашей Веры (Бахджи), "Матерь Мира" (Тегеран) и "путеводная звезда благоговеющая мира" (Багдад). Хранитель заканчивал свое послание выражением уверенности и в то же время печальным предвидением того, что могло ожидать первопроходцев в будущем: "Пусть этот Поход, начинающийся одновременно на азиатском материке, соседних островах и островах Антиподов... явится действенным противоядием пагубным силам атеизма, национализма, секуляризма и материализма, которые раздирают этот смятенный континент, и, быть может, вновь подаст пример духовного героизма, который оставит более глубокий, чем какая-либо из светских революций, вечный отпечаток на судьбах наций и народов, обитающих в его пределах".

Задачи, поставленные перед Бахаи в Нью-Дели - самой поразительной из которых была работа на восьмидесяти четырех территориях, наполовину представлявших из себя нетронутые девственные участки, - преисполнили верующих таким же энтузиазмом, как и их братьев и сестер на трех предыдущих Конференциях. Пламя этого энтузиазма разгорелось еще ярче после получения телеграммы от Хранителя, в которой он сообщал, что его личные надежды, которые он выражал еще до начала торжеств в Святом Году, еще более укрепились в связи с завершением надстройки Священной Гробницы Баба. Бахаи немедленно устремились навстречу поставленным целям: семьдесят человек изъявили желание стать первопроходцами, а двадцать пять из них отправились к местам назначения сразу после окончания Конференции; щедрое пожертвование поступало на приобретение трех земельных участков для будущих Храмов Бахаи - в Багдаде, Сиднее и Дели, девять акров земли для последнего были куплены еще до конца мероприятия; обильные даяния поступили на постройку самого дорогого для сердец верующих Храма, который предполагалось возвести в родном городе Бахауллы, столице Персии, и который был одним из двух Храмов, изначально запланированных среди целей Всемирного Похода; более тысячи гостей, в числе которых были многие видные лица, приняли участие в публичных митингах и приемах; приемы, которые президент Индии, д-р Раджендра Прасад, и знаменитый премьер-министр страны Джавахарлал Неру устраивали делегатам Конференции, получили широкий и благоприятный отклик. Перед концом Конференции Шоги Эффенди дал указание Десницам отправиться по отдельности в поездки на несколько месяцев, причем сам обеспечил их необходимой помощью и выбрал пути следования.

Помимо того, что можно было бы назвать каждодневной рутинной работой, и без того отнимавшей у него невероятно много времени, Шоги Эффенди за два года не только проработал все детали Похода и обширных планов юбилейных торжеств, но и завершил книгу "Бог проходит рядом" и ее более короткую версию на персидском. Легко было предположить, что в его творческой активности наступит спад, но это был не такой человек. Перед завершением каждой Конференции письма и телеграммы устремлялись от него, как выпущенные по мишени снаряды. Доведя за четыре года окружавшую его обстановку до градуса кипения, он не позволял ни единой частице энергии пропасть втуне. Типичный пример этого - телеграмма, которую он направил Персидскому Национальному Собранию сразу же после окончания американской Конференции, когда ошеломленный мир Бахаи едва-едва начинал осознавать величие нового Плана: "Доведите сведения друзей более ста двадцати восьми верующих во время торжеств Вилметте

изъявили желание стать первопроходцами включая предложение проводить работу колонии для прокаженных. Призовите друзей вступить в соревнование западными братьями. Сотни должны восстать. Задачи на родине за рубежом должны быть немедленно выполнены. От их отклика действий зависит победа всей общины. Нетерпением жду результатов". Подобные неоднократные воззвания оказали такое влияние на общину, искони существовавшую в ужасных условиях постоянных притеснений и преследований, что когда персидские верующие, сами не веря собственным глазам, увидели, что перед ними открываются врата широких возможностей, они устремились единицами, десятками, сотнями во все концы света; без их помощи, из мощной финансовой поддержки и постоянной готовности к самопожертвованию Поход, ко времени своего завершения в 1963 году, никогда не увенчался бы таким успехом.

Прекрасно понимая, что верующие на Западе достаточно малочисленны, Шоги Эффенди сам часто оказывал им помощь в их проектах. Сразу же после объявления начала Похода на чикагской Конференции он послал пятьсот фунтов стерлингов Национальному Собранию Центральной Америки, чтобы помочь ему приобрести земельный участок для Храма в Панаме и тысячу фунтов Итало-Швейцарскому Собранию для Храма в Риме; одновременно он попросил Национальные Собрание Соединенных Штатов, Великобритании и Индии ускорить публикацию литературы Бахаи на языках, предусмотренных Десятилетним Планом, лично переслав тысячу фунтов в Англию, поскольку знал, что самостоятельно это Собрание не сможет осилить финансовые затраты на столь важную работу. В планы Всемирного Похода был включен девятый один новый язык, на который предстояло перевести литературу Бахаи: среди них - сорок азиатских, тридцать один африканский, десять языков в Европе и десять в Америке; за эту работу несли ответственность Общины Индии, Австралии, Великобритании и Америки. На протяжении всех лет Похода он часто лично оказывал поддержку этой работе, да и за все годы его служения он уделял языковому вопросу особое внимание. Он сам выбирал языки, предпринимал все меры, дабы ускорить публикации, постоянно осведомлялся о том, когда книги выйдут в свет, зачастую оплачивал телеграфные услуги, иногда сам платил за перевод и часто приобретал в Хайфе какую-то долю тиража.

Сочетание дальновидности Шоги Эффенди, его постоянное наблюдение за тем, как ведутся работы, связанные с Делом, а также его регулярная финансовая поддержка, позволили Хукуку (Праву Бога), который был финансово подотчетен ему как Главе Веры в соответствии с Завещанием Абдул-Баха, обеспечить материальную базу для многих начинаний. Он вносил свою лепту мудро и деликатно, иногда как пример другим, иногда как личное участие в предприятиях, особенно дорогих его сердцу, иногда просто потому, что не было иного выхода. Яркий пример тому - пятьдесят фунтов, которые он переслал бахаи Тасмании на осуществление их первой Образовательной Кампании. Неоднократно он оплачивал поездки миссионеров Бахаи, особенно после кончины Учителя, когда верующие Запада столкнулись со многими испытаниями и, как он полагал, нуждались в углублении познания основ веры, в котором им могли помочь старые, испытанные персидские бахаи; впоследствии он финансировал затраты тех Десниц Дела, которые были не в состоянии оплатить поездки, в которые он их направлял. Когда останки матери и брата Абдул-Баха были перенесены с кладбищ Акки на постоянное захоронение на горе Кармель, он пожертвовал, в их память, тысячу фунтов Материнскому Храму Запада. И еще во многих случаях он жертвовал денежные суммы, призывая верующих исполнять с их помощью определенные цели. Нередко эти даяния сопровождались его трогательными заверениями в том, что он сам "лишен права личного участия" и что это был его "первоначальный взнос". Он никогда не упускал ни единого случая оказывать щедрую помощь жертвам различных бедствий. Когда персидские бахаи подвергались преследованиям и погибали смертью мучеников, когда русские поселенцы изгонялись со своих земель и оказывались без средств к существованию, когда стихийные бедствия оставляли друзей без крыши над головой, Шоги Эффенди немедленно приходил им на

помощь. Он предписал Персидскому Национальному Собранию делать ежегодный взнос на приобретение земельных участков, исторически связанных с развитием Веры в этой стране, что составляло одну из его особых задач. Он помогал приобретению национальных штаб-квартир Бахаи и земельных участков для Храмов, а также сам, в знак личного уважения, зачастую оплачивал установку надгробий на могилах видных и горячо любимых им верующих.

Величайшим и исключительным пожертвованием за все годы служения Хранителя был его взнос - треть миллиона долларов - на возведение трех Храмов, запланированных как одна из главных целей Всемирного Похода. То, как ему удалось добиться этого результата, было типичным для его повседневной деятельности. Вспоминаю весь процесс очень отчетливо: сначала он разрабатывал проекты Храмов, затем получал оценку от Национальных Собраний, которым было поручено их возведение, и увязывал ее с продажной ценой; далее, удостоверившись в том, что постройка Храмов обойдется в пределах миллиона долларов и что сто пятьдесят тысяч - сумма вполне доступная для общины, учитывая уровень, которого бахаи могли достичь к тому времени, к концу Похода, он приступал к определению суммы, которую мог внести сам, зная по прошлому опыту, чему равен доход Всемирного Центра и что требовали расходы на другие планы; принимая в расчет непредвиденные обстоятельства, он приходил к цифре в треть миллиона долларов. Если можно так выразиться, одну треть этой трети он оставлял на долю Господа, прекрасно зная, что если Его последователи приложат максимум усилий, то чудодейственные силы помогут им добиться своей цели.

Однако вернемся к только что начатому "судьбоносному, вдохновенному, десятилетнему, всемирному Духовному Походу" с его четырьмя целями: развитие учреждений Всемирного Центра Веры; консолидация фронтов на двенадцати территориях, служащих административной основой двенадцати Планов - составляющих частей общего Плана; консолидация всех территорий, открытых Верой; открытие для Веры еще не затронутых ею территорий. Несмотря на то что руководство Походом было доверено двенадцати Национальным Собраниям, каждый отдельный верующий независимо от его расы, национальности, класса, цвета кожи, возраста и пола должен был внести свою лепту в осуществление этого "грандиозного предприятия". В одном из ярких отрывков своей искрометной прозы Шоги Эффенди приподнял занавес над той сценой, на которой должен был разворачиваться новый План: Где? Повсюду - за арктическим кругом, в пустынях, джунглях, на островах холодного Северного моря, в иссушающем климате Индии и островов Тихого океана. Ради кого? Ради всех народов - ради племен Африки, канадских и гренландских эскимосов, лапландцев с далекого севера, жителей Полинезии и австралийских аборигенов, краснокожих обитателей Америки. В каких условиях? В пустошах и городах, "погрязших в грубом материализме", где люди дышат зловонным воздухом "агрессивного расизма", где они скованы "путами элитарности", ограничены "слепым и воинствующим материализмом", где они находятся в шорах "узко мыслящего и нетерпимого церковного догматизма". Какие цитадели предстоит штурмовать воинами Бахауллы? Цитадели индуизма, буддистские монастыри, джунгли Амазонки, горы Тибета, степи России, бескрайние и безлюдные просторы Сибири, внутренние территории Китая, Монголии и Японии и их постоянно растущим населением, не забывая об изгоях и прокаженных, томящихся в колониях. Обращаю свой страстный призыв, - писал он, - повиноваться, как то подобает Его воинам, наставлениям Бога Сил и готовиться к тому великому Дню, когда Его победоносные отряды под пение незримых ангелов Царствия Абха будут торжествовать свою окончательную победу".

Совершенно ясно, что Хранитель мыслил Десятилетний План как битву, битву "всемирного, преданного, несокрушимого воинства Бахауллы", Его "воинства света", против окопавшихся во всех уголках планеты сил тьмы. "Главкомандующим" этого войска был Абдул-Баха; за Ним стоял Его Отец, "Царь Царей", и помощь Его была обетована "каждому воину, сражающемуся за Его Дело". "Незримые отряды" собирались

"ряд за рядом, дабы пресуществить низошедшее на них благословение". И так, маленькое воинство героев Божиих воссоединилось, "дабы начертать на своих щитах символы новых побед", дабы утвердить "земные символы небесной власти Бахауллы" в каждой стране мира, готовой заложить неколебимые административные основания Его обетованного Христом Царствия Божия на земле.

Окидывая взглядом прошлое, мы видим, что Шоги Эффенди разделил великий Всемирный Поход на четыре стадии. Первая продлилась с Ризвана 1953 года до Ризвана 1954, вторая - с 1954 по 1956 годы и, наконец, третья - с 1956 по 1958 год. Конец четвертой стадии он связывал с завершением сооружения Храмов, строительство которых планировалось в течение Десятилетнего Плана; все три постройки были практически закончены к 1963 году. В самом начале Плана Хранитель внутренне не разделял его на стадии; они явились результатом естественного роста сил, проявившихся в течение Похода, и самой сути одержанных побед, хотя несомненно он руководил этими силами, в первую очередь определяя их цели, а затем - кампании, в которых участвовали двенадцать починенных ему отрядов.

Три недели спустя после провозглашения Похода Шоги Эффенди телеграммой уведомил мир Бахаи, что "главной целью", стоящей перед исполнителями Плана, является острая необходимость в "немедленном, решительном, сплоченном и всемирном" освоении неоткрытых территорий. Шоги Эффенди, с присущим ему острым чувством обязательности, я бы даже сказала божественной обязательности, уведомил главных исполнителей Божественного Предначертания Абдул-Баха, что, учитывая право первенства, которое Он возложил на них в Своих Скрижалях, они пользуются прерогативой посылать своих первопроходцев для осуществления целей братских общин Востока и Запада. Он призвал сто тридцать "воинов Бахаи" восстать и заполнить пробелы на еще не завоеванных территориях земного шара на протяжении первого года. Четыре месяца спустя, еще до созыва Межконтинентальной Азиатской Образовательной Конференции, он оповестил мир Бахаи, что более трехсот верующих изъявили желание стать первопроходцами - сто пятьдесят из Северной Америки, более пятидесяти европейцев, более сорока человек из Азии и более сорока африканцев. Менее чем за пять месяцев двадцать восемь территорий и островов были открыты для Веры. Как всегда вдохновленный успехом, Шоги Эффенди сообщил друзьям, что поскольку общее число стран в мире открытых для Веры превзошло сто пятьдесят, они должны приложить все усилия, дабы довести к концу Святого Года до двухсот. Бахаи почти полностью удалось преуспеть в этом начинании - двести территорий были открыты три недели спустя после окончания Святого Года. В сентябре 1953 года Шоги Эффенди провозгласил первые имена, внесенные им в "Список Чести", который он предполагал установить у входа в Святую Усыпальницу Бахауллы в Бахджи - подобающее место для Его героических "Рыцарей"; в этот список были занесены имена и территории, открытые первопроходцами, и вплоть до конца своей жизни Хранитель продолжал периодически оповещать об их достижениях. К концу 1963 года Список включал представителей всех рас, континентов, мужчин и женщин из разных стран. Девять месяцев спустя после начала Похода Хранитель оповестил мир Бахаи об открытии девяноста территорий - трех четвертей от намеченного числа, исключая страны, входившие в орбиту Советского Союза, а в своем послании к Ризвану 1954 года он сообщил благую весть о том, что "Рыцари Бога Сил, осуществляя свою возвышенную миссию духовного завоевания планеты", открыли для Веры еще сто территорий. Таким образом, начальная стадия Похода была "триумфально завершена... что превзошло все наши ожидания".

Во дни Ризвана того же года Десницы Дела на различных континентах, следуя подробным наставлениям Хранителя, назначили, на каждом континенте, Вспомогательный Комитет, состоящий из девяти человек, которые должны были действовать как их "депутаты, помощники и советники"; помимо этого по его указанию

был основаны пять Континентальных Фондов для поддержки работы новообразованных учреждений.

Учитывая сто поставленных перед нем целей, воинство Бахауллы было теперь полностью загружено. Шоги Эффенди, отчасти успокоившись относительно продвижения линии фронта, немедленно принялся за разработку новых задач. Начинаясь отныне второй этап Плана был в первую очередь связан с консолидацией достигнутых успехов. В своем послании к Ризвану 1954 года Хранитель перечислил тринадцать пунктов, на которых следовало сосредоточить усилия в ближайшие два года: продвижение первоначально важной образовательной работы; сохранение всех достигнутых результатов; поддержка всех местных Собраний; увеличение числа групп и центров, дабы ускорить учреждение сорока восьми Национальных Собраний, запланированное в течение Похода; приобретение земельных участков для Храмов; основание специальных фондов для приобретения Национальных Хазират уль-Кудс; скорое осуществление переводческих задач; покупка земельных участков, связанных с историей Бахаи в Персии; меры по возведению Храмов в Тегеране и Франкфурте; возведение вспомогательных сооружений Храма в Вилметте; учреждение национальных фондов; узаконение местных Собраний; учреждение новых Издательских Трестов. Он обращал свой "пламенный призыв" свершить столь великие труды к ста восьми людям, составлявшим двенадцать Национальных Собраний мира Бахаи - всего к ста восьми из многих миллионов человеческих существ, населяющих планету!

Чудо состояло в том, что подобный призыв, который в глазах "умудренных опытов" людей мог показаться незначительным и жалким, произвел такой эффект. Все бахаи мира, рядовые и вожди, удвоили свои усилия и одержали решительные победы. В 1955 году в своем ежегодном послании к Ризвану Шоги Эффенди оповестил верующих, которые являлись его главным орудием в распространении новых известий о прогрессе Веры, что новый План "продвигается вперед, с каждым днем набирая силы, повсеместно сокрушая барьеры между расами и народами, неуклонно расширяя масштаб своих благотворных действий и обнаруживая все более убедительные признаки своей мощи на пути к духовному завоеванию всей планеты".

Однако помимо неоднократных воодушевляющих посланий Шоги Эффенди иногда был вынужден обращаться к командующим своим отрядами - двенадцати Национальным Собраниям - в довольно резких выражениях. Один из самых ярких примеров - его послание от мая 1955 года, в котором он говорит, что он "вынужден" в этот "нелегкий час" просить друзей вновь оценить "всю полноту возложенных на них полномочий в руководстве Делом" и предупреждает их "не допускать никаких злоупотреблений, которые могли бы ослабить их пыл и решимость". Он обращался ко всем, но в первую очередь к тем, кто "не будучи скован путами, которые мешают их менее привилегированным собратьям", с призывом ускорить темп работы и увеличить объем действий, компенсировав таким образом "временные отступления" постоянно развивающейся, но еще "не полностью обретшей самостоятельность" Веры.

В течение августа того же года мир Бахаи пережил один из периодически повторяющихся кризисов, который отнял у Хранителя много сил и нервов и стал очередной причиной его преждевременной смерти в относительно не старом возрасте. В своем телеграфном послании, переданном всем Десницам и Национальным Собраниям, Шоги Эффенди заявлял, что самая многочисленная община верующих подвергается "непрестанно ужесточающимися гонениями которые на протяжении целого столетия обрушиваются на ее членов на родной земле Бахауллы": Национальная Штаб-Квартал бахаи в Тегеране была захвачена, а здание ее подверглось публичному разрушению по приказу одного из подверглось публичному разрушению по приказу одного из главных персидских священнослужителей - в присутствии и при активной поддержке генерала иранской армии, вслед за чем последовал захват аналогичных местных учреждений в провинциях; парламент страны сделал заявление, объявляющее Веру вне закона; пресса и радио

подвергали бахаи злым нападениям, стараясь опорочить и оклеветать цели их религии; по всей стране бахаи становились жертвами жестоких нападений; Священный Дом Баба был дважды осквернен и почти разрушен; другие Святые Места также были захвачены либо разорены; лавки и дома бахаи подвергались разграблению; бесчинствующие фанатики выкапывали тела умерших на кладбищах Бахаи и уродовали их; взрослых и детей бахаи избивали на улицах, а женщин похищали и насильно заставляли выходить замуж за мусульман; семью из семи человек, самому старшему из которых было восемьдесят, а самому молодому - девятнадцать лет, двухтысячная толпа разрубила на куски под барабанную дробь и звуки труб. Подобные ужасы вызвали волну яростного негодования в мире Бахаи, и тысячи посланий обрушились на персидские власти, причем иногда даже из таких мест, о которых члены парламента никогда не слышали. Руководитель Отдела по правам человека предложил Американскому Национальному Собранию (официальному представителю других органов Бахаи, аккредитованных при Организации Объединенных Наций как неправительственный орган под названием "Международная Община Бахаи") представить отчет о сложившейся ситуации в Комиссию по правам человека и персидскому правительству, между тем как генеральный секретарь Организации Объединенных Наций назначал комиссию из должностных лиц ООН, возглавляемую верховным комиссаром по делам беженцев, и поручил ей обратиться к персидским властям с требованием обеспечить права меньшинства Бахаи в Персии. Хотя еще не полностью обретшая самостоятельность Вера, тем не менее, за сто лет непрерывной борьбы научилась обороняться и достаточно действенно отстаивала свои интересы; значительную поддержку гонимой общине оказала развернутая в Соединенных Штатах публичная кампания, на которую верующие собрали сорок тысяч долларов. Шоги Эффенди не только руководил столь мощной акцией протеста, направленной против варварских нападков на членов мирной и беззащитной общины, но и учредил фонд "Помощи преследуемым", в который сам немедленно внес восемнадцать тысяч долларов и который получил широкую и горячую поддержку негодующих общин Бахаи, развернувших борьбу в обстановке суровых финансовых обязательств.

Именно на втором этапе Всемирного Похода бахаи удалось приобрести земельные участки для десяти из одиннадцати Храмов, сооружение которых входило в число задач Десятилетнего Плана, на общую сумму более ста тысяч долларов, учредить тридцать из пятидесяти одного национального фонда с капиталом в сто тысяч долларов, купить сорок три из сорока девяти национальных штаб-квартир на различных континентах, что обошлось в полмиллиона долларов - в связи с последним Шоги Эффенди многозначительно заявил, что это достижение "с лихвой компенсирует захват Национальной Административной Штаб-Квартиры Веры и разрушение ее здания в персидской столице военными властями".

В первые годы Похода было одержано множество блистательных побед: было приобретено здание тегеранской темницы Сейях Чаль, где впервые забрезжил свет Пророческой Миссии Бахауллы; одновременно с образованием Духовного Собрания в Мекке Его знамя было водружено в самом сердце исламского мира; с особой радостью Хранитель воспринял известие о том, что в некоторых советских республиках, которые в начале Похода считались не открытыми, живут бахаи - остатки общин Кавказа и Туркестана, теперь эти территории можно было считать открытыми, каким бы ни было слабым пламя горящих там светочей духа; на девятости восьми островах мира отныне жили бахаи; во Всемирном Центре начались работы по возведению здания Международных Архивов.

В дни этих побед Шоги Эффенди принял исключительно важное решение о сооружении в процессе Десятилетнего Плана не двух, а трех Домов Поклонения. В Своих Писаниях и Бахауллы, и Абдул-Баха придавали огромное значение этим Машрик уль-Азкарам (первым местам поминания Господа): они возводились, по словам Шоги Эффенди, для "поклонения единому истинному Богу и Его славному Явлению в День Сегодняшний".

Они теснейшим образом связаны как с духовной жизнью индивидуума, так и с общинной жизнью верующих. Хранитель называл Американский Храм "символическим Зданием" Администрации, ее "мощным бастионом, символом ее силы и ее будущей славы", "знаменосцем зарождающейся цивилизации", "символом и провозвестником Всемирного Миропорядка". Подобные "Материнские" Храмы, говорил он, являются великими безмолвными учителями Веры и играют столь важную роль в ее развитии, что, к примеру, Американский Дом Поклонения воплощает в себе душу Американской Общины Бахаи в западном полушарии. Хотя первый Храм и был построен по указанию Самого Абдул-Баха в Ашхабаде еще при Его жизни, Хранитель заверял нас, что первый Храм, возведенный в Новом Свете, навсегда останется самой большой святыней, поскольку Учитель Сам заложил камень в его основание во время Своей поездки по Америке и начинание это было одним из самых дорогих Его сердцу. К 1921 году, когда Шоги Эффенди стал Хранителем, фундамент его был заложен, но сам здание, которое Абдул-Баха так страстно мечтал увидеть еще при жизни, представляло из себя уродливый черный водонепроницаемый цилиндр, похожий на газовую цистерну и одиноко высившийся на пустом месте.

Хранитель считал одной из своих главных обязанностей как можно скорее завершить строительство этого священного здания. Тридцать два года ушло у него на выполнении этой задачи, которую он называл величайшим предприятием западных последователей Веры и самой значительной победой, одержанной за годы Периода Строительства Завета Бахаи. Одним из первых шагов, предпринятых в этом направлении, были девятнадцать фунтов, которые Хранитель переслал в Фонд Храма в 1922 году, а в 1926 он пишет о том, что "отныне с радостью будет вносить девяносто пять долларов ежемесячно в виде скромной лепты"; на протяжении многих лет он часто жертвовал различные суммы на сооружение Храма. Шоги Эффенди вдохновил бахаи превратить большое круглое пространство, которое в будущем должно было быть окружено ступенями Храма, в зал для проведения Съездов и прочих собраний; позднее для подобных целей намечалось построить аудиторию вне здания, которое предназначалось исключительно для поклонения; Съезд 1923 года проводился в помещении, которое с тех пор стало называться Основным залом; чтобы украсить его стены, Хранитель прислал в подарок прекрасные персидские ковры из Усыпальницы Бахауллы; однако вплоть до 1928 года в строительстве Храма не было никакого продвижения. Шоги Эффенди обратился к проходившему в этом году Съезду с посланием, составленным в довольно жестких выражениях, и обязал американских верующих приступить к строительству своего великого Храма, для чего был создан так называемый "План Объединенного Действия", предназначенный для сбора средств на исключительно дорогую работу по возведению надстройки. Несмотря на это к 1929 году требуемая сумма не была собрана, и, поскольку сам Шоги Эффенди в тот момент был не в состоянии послать значительные средства, он решил продать самую большую драгоценность, которой владела Вера в Святой Земле. Он телеграфирует Съезду: "Жертвую самым дорогим украшением Усыпальницы Бахауллы дабы содействовать коллективным усилиями американских верующих напращенных на скорейшее завершение плана объединенного действия призываю к самопожертвованию". Характерно для него и то, что прежде всего он дал телеграмму персидскому верующему, сделавшему столь бесценное приношение: "Работы сооружению Храма Америке продвигаются три четверти суммы требуемой сооружение первого этажа уже собраны. Чувствую настоятельную необходимость продать подаренный вами ешковый ковер. Срочно телеграфируйте сведения возможном покупателе и цене. Благодарю за согласие". Только получив теплый сердечный ответ, в котором даятель советовал продать ковер в Нью-Йорке, он оповестил Америку о своем решении. Бахаи были столь глубоко тронуты этим приношением своего Хранителя, что еще до завершения Съезда увеличили общую сумму сбора до трехсот тысяч долларов. Опасаясь серьезных долгов, которые могли появиться, если вся сумма, необходимая для осуществления будущих работ, не будет

собрана заранее, Шоги Эффенди до поры до времени не разрешал подписывать контракты. Тем не менее Съезду 1930 года удалось наконец собрать деньги, Хранитель дал согласие - и Бахаи решили сами приобрести драгоценный ковер, между тем уже доставленный в Соединенные Штаты. И вновь Хранитель шлет совершенно типичную для себя телеграмму: "Поддерживаю начало проведения работ по всему Храму без внешней отделки учитывая решимость верующих конце концов завершить отделку собственными силами. Полагаю все мы единодушно одобрим проект как нашедший поддержку Самого Абдул-Баха". "Пожертвованный ковер не следует продавать также возвращать обратно. Пусть будет принят как постоянное украшение первого Машрик уль-Азкара Запада". Потрясенные делегаты Съезда телеграммой выразили "глубокую преданность за бесценный подарок". Энтузиазм, порождаемый подобными посланиями и поступками Шоги Эффенди, не был результатом какой-то особой политики с его стороны, скорее, речь шла о глубоком бессознательном инстинкте прирожденного лидера с исключительно чистыми помыслами и благородным сердцем.

В 1931 году Шоги Эффенди обращается к очередному Съезду с телеграммой: "Пресвятой Лист присоединяется ко мне... выражая сердечные поздравления безграничную радость глубокую благодарность практическим завершением надстройки славного здания..." В 1933 году он, вновь упоминая сестру Абдул-Баха в связи с этой работой, телеграфирует: "передайте всем американским верующим изъявления глубокой любви Пресвятого Листа связи непрерывным прогрессом строительства Храма который способен затмить их прежние достижения. Попросите их принять во внимание неотложность моих горячих просьб". Вслед за этим посланием, отправленным в январе, в октябре в Америку летит новая телеграмма: "Призовите находящиеся ситуации американских верующих внять моей последней горячей мольбе не допускать ни малейшей передышки сооружении Храма дабы не бросить тень на великое эпохальное предприятие... обещайте годичный перерыв работе после успешного завершения первого этапа отделки нашего славного Храма". Не удивительно, что он употребляет слово "наш". Он боролся бок о бок с американскими бахаи "на протяжении всего", как он писал, в "тяжелейшего кризиса, который довелось перенести американскому народу в этом столетии"; в самый разгар борьбы он подчеркивал, что только "неколебимые" сторонники Веры способны вносить свою лепту в строительство, только тот, кто "в полной мере осознал" величие Откровения Бахауллы и "безгранично, всем сердцем предан ему"; он увлекал за собой своих товарищей Бахаи, немногочисленных, по большей части небогатых, изо дня в день живущих в тяжелейших условиях экономического бедствия, уверяя их в том, что это важное начинание должно быть поддержано "не только за счет щедрости горстки людей, но за счет совместного вклада всей массы убежденных последователей Веры", подчеркивая, что духовная сила, исходящая от Храма, в значительной степени будет зависеть от "количества и разнообразия вносящих свой вклад верующих, равно как и от природы и степени их самоотверженности, находящей выражение в их добровольных даяниях". Он ободрял, успокаивал их и вел за собой к победе. С гордостью он напоминал им, что - единственные в мире - они удостоены двойного благословения: эффективно действующего Административного Порядка и Храма!

Год за годом послания направлялись в Америку, великолепный Храм рос, и вот наконец, во время второго великого Столетнего юбилея, который отмечался при жизни Шоги Эффенди, мне удалось прочесть следующие слова: "От имени и по поручению Хранителя Веры Бахауллы я имею честь посвятить этот первый Машрик уль-Азкар западного мира открытому поклонению... От имени Хранителя нашей Веры приглашаю вас войти под его своды..."

По этому краткому рассказу о работе, столь дорогой сердцу Абдул-Баха и Шоги Эффенди, можно составить представление о том, какое значение придавали они оба подобным Храмам в жизни общин Бахаи. Поэтому не стоит удивляться, что в самом начале Похода Хранитель обратил внимание на проблему возведения первого Храма Бахаи на родине

Бахауллы. В 1942 году Шоги Эффенди возвестил о том, что персидские Бахаи приобрели три с половиной миллиона квадратных метров земли под Тегераном для своего будущего Машрик уль-Азкара. Во многом их побудил к этому пример американских бахаи, не щадя сил возводивших свой собственный Храм, - точно так же, как в 1903 году американские бахаи решили приступить к строительству своего Храма, поскольку Бахаи Востока начали строительство Машрик уль-Азкара в Ашхабаде. Хранитель отводил важную роль этому историческому и священному Храму. Немаловажно для нас также помнить, что он отверг многие представленные ему проекты, поскольку считал, что их авторы впадают в крайность, чересчур увлекаясь современными модными течениями в архитектуре, несоответствующими целям и духу Веры, которая должна привести к появлению нового Всемирного Миропорядка и цивилизации на протяжении тысячи лет Завета. Он предпочел остановиться на более консервативной концепции, разработанной при его личном участии в Хайфе и "включавшей купол, напоминающий о Священной Успальнице Баба". Полные энтузиазма персидские верующие уже приступили к выполнению пятилетнего плана с целью сбора двенадцати миллионов туманов на его постройку, и Хранитель сам познакомил их с проектом на собрании в Бахджи в первый день Ризвана 1953 года. Этому проекту Шоги Эффенди уделял огромное значение, и наложение запрета на всю деятельность Бахаи в Персии в 1955 году явилось тяжким ударом для него, поскольку он понял, что положение в стране за четверть века его влужения далеко не улучшилась, а напротив, ухудшилась настолько, что завершить постройку подобного здания к концу десятилетнего плана крайне маловероятно. Несмотря на то, что было еще вполне возможно построить первый Машрик уль-Азкар в Европе - второй из намеченных в Плана Храмов - Шоги Эффенди немедленно наносит ответный удар врагам Веры в своей телеграмме от ноября 1955 года: "Историческое решение возведения Материнского Храма Африки в Кампале расположенной самом сердце континента явится великим утешением массы жестоко гонимых отважных братьев колыбели Веры. Каждый континент земного шара за исключением Австралии таким образом сможет извлечь непосредственную духовную пользу собственного Машрик уль-Азкара. Подобающее признание еще больше будет способствовать чудесному распространению Веры поразительному увеличению числа ее административных учреждений на всем континенте..." Так африканские верующие получили, по словам Шоги Эффенди, "удивительный, величественный и уникальный проект сооружения Материнского Храма Африки".

Хотя в Тегеране предполагалось возвести третий из великих Храмов мира Бахаи, а в Германии - четвертый, в действительности европейский Храм по хронологии стал третьим, а африканский четвертым. План Африканского Храма разрабатывался в Хайфе под непосредственным наблюдением Хранителя и был полностью одобрен им. По-иному складывалась история с немецким Храмом: Шоги Эффенди сам выбрал проект и послал его Национальному Собранию Бахаи Германии и Австрии, однако в этих странах уже успела сложиться столь мощная церковная оппозиция, всячески противившаяся возведению Дома Поклонения Бахаи, что Национальное Собрание ответило Хранителю, что избранный им консервативный по стилю проект в стране, где на данный момент предпочтение отдается самым современным архитектурным стилям, лишь усложнит возведение Храма, поскольку это может послужить предлогом к отказу в разрешении на строительство. Исходя из конкретных обстоятельств, Шоги Эффенди разрешил провести конкурс, а затем из присланных ему проектов выбрал один, по которому позднее и был сооружен Храм.

Мне кажется несомненным, что если бы Шоги Эффенди решил спросить мнения Бахаи, они посоветовали бы ему избрать какую-либо иную страну; дело в том, что, когда в 1953 году он объявил о строительстве Европейского Храма, прошло всего лишь восемь лет после страшной войны, и за исключением некоторых стран, где практически не было верующих, все остальные бахи жили на землях, так или иначе пострадавших от Германии и боровшихся с ней в годы войны. Однако Хранитель безбоязненно и неустрашимо,

вопреки всем мирским соображениями преследовал духовные цели всемирного сообщества Величайшего Имени, вверенного его попечению. Общепринятые нормы никогда не были ему указкой, он ориентировался исключительно на нормы, заключенные в писаниях. Постоянно помня о поездке Абдул-Баха в эту страну и о Его любви к этой общине, Шоги Эффенди с самых первых лет своего служения старался поддерживать ее и способствовать ее развитию; это была одна из общин, к которой в те далекие дни 1922 года, когда мир Бахаи был еще так мал, он обращался со своими первыми душераздирающими, полными сомнений письмами. Упомянув об этой общине в 1926 году, он пишет о "растущем числе Центров и приверженцев Веры Бахаи в Германии, о проникновенных словах, в которых наш Возлюбленный говорили о ее будущем и о преобладающей роли, которую ей суждено сыграть в пробуждающейся Европе"; в письме к Марте Рут от 1927 года он пишет, что Германия должна стать средоточием Вашей деятельности, поскольку я придаю огромное значение разнообразным и богатым возможностям, открывающимся перед этой страной..." "Чувствую, что Вам следует уделить больше внимания Германии, так как я полностью разделяю надежды, которые Вы связываете с ее будущим вкладом в духовное возрождение Европы". В 1947 году он упоминает об "удивительном воскрешении" "разрушенной за годы войны Общины Центральной Европы" и утверждает, что внутри Германии скоро сложится "крупнейшая община приверженцев Веры на континенте - община, которой, в соответствии с пророчеством Абдул-Баха, предназначено сыграть главенствующую роль в духовном пробуждении и конечном обращении европейских наций и народов в Веру Его Отца". Франкфурт находился в сердце Германии, Германия - в сердце Европы. Место для будущего Храма было выбрано абсолютно точно.

Все еще серьезно озабоченный преследованием основной массы верующих, проживавших на родине Бахауллы, Шоги Эффенди спокойно приступил к осуществлению нового плана. Он выбрал проект для третьего Храма и поручил Национальным Собраниям Австралии и Новой Зеландии конфиденциально навести справки о том, сколько может стоить его постройка в Сиднее. Когда он получил смету и увидел, что она не ляжет чрезмерно тяжким финансовым бременем на плечи Общин, участвовавших в Походе, он - в своем Послании к Ризвану 1957 года - выступил в волнующим известием о начале "грандиозного трехпланового предприятия, предназначенного возместить тяготы и страдания, претерпеваемые Общиной последователей Его Веры на Его родине, предприятия, поставившего целью сооружение трех Материнских Храмов Европейского, Австралийского и Африканского континентов, в таких отдаленных друг от друга точках, как Франкфурт, Сидней и Кампала, на сумму примерно один миллион долларов, в дополнен к Храмам, уже сооруженным в Азии и Америке". Известие это означало, что потеря персидским верующими своего первого Машрик уль-Азкара будет возмещено возведением в зоне Тихого океана "Материнского Храма Антиподов и всего тихоокеанского региона", а также сооружением в самом сердце африканского континента еще одного Дома Поклонения, который, по словам Шоги Эффенди, "был предназначен оказать огромное влияние на прогресс Дела Божия во всем мире, в значительной степени укрепить становление институтов ниспосланного свыше Порядка и разнести молву о нем по всем континентам земного шара". В своем послании к Ризвану Хранитель известил также о том, что проекты всех трех "монументальных зданий, каждое из которых станет домом, где обитает Дух Господень, и престолом для прославления Его избранного Посланца для сегодняшнего", будут представлены делегатам тринадцати исторических Национальных Съездов Бахаи, первый из которых пройдет во время праздника Ризвана этого года".

Именно на этом, втором этапе Всемирного Похода Американское Национальное Собрание приобрело земельный участок для первой вспомогательной службы своего Храма. Хранитель посоветовал Собранию остановить выбор не на библиотеке - таково было первое предложение, - поскольку она не раскрыла бы полностью цель и значение Машрик

уль-Азкара в мире Бахаи, и в конечном счете было решено построить Дом для Престарелых. В одном из своих последних писем он просил Собрание ускорить строительство Дома, поскольку он должен был внушить людям, что основная задача нашей Веры состоит в служении человечеству, независимо от национальности, убеждений и вероисповедания, и неизбежно привлечь самое широкое внимание.

XVI

Уникальное служение

Благо тому, кто искал убежище в его сени, которую он раскинул над всем человечеством.

Абдул-Баха

В реторте своего творческого сознания Хранитель пресуществил все элементы Веры Бахауллы в единое незримое целое; он создал организованную общину Его последователей, которая в полной мере восприняла Его учения, Его законы и Его Административный Порядок; он соткал из учений двойного Богоявления Совершенный Образец - сверкающий плащ, который будет укрывать и защищать человека тысячу лет, плащ, трудясь над которым руки Шоги Эффенди вышивали узоры, сшивали швы, подбирали подобные драгоценным крепким пряжкам толкования Священных Текстов, неуязвимые до тех пор, пока новый Законодатель не явится в мир и не даст Его творению - человеку - новое божественное облачение.

Внук Учителя был возведен силою Его Завещания в чин Хранителя Веры; принадлежа к высшей, властной касте своих Прародителей, он и сам был властелином. Помимо первенства, право на которое ему давали кровные узы, он обладал способностью к безошибочному руководству, которой наделило его действие Завета Божия. Свое божественное и неопровержимое право стоять у руля Дела Божия Шоги Эффенди полностью подтвердил тридцатью шестью годами непрестанного изнурительного труда. И действительно нелегко будет найти в истории человечества еще один подобный персонаж, который чуть более чем за треть века смог предпринять столь великое множество различных начинаний, который, с одной стороны, находил бы достаточно времени, чтобы уделять внимание мельчайшим подробностям, а с другой - распространять по всей планете свои планы, указания, осуществлять бессменное руководство. Он заложил основания того будущего общества, мысль о котором Бахаулла по-отцовски привил Учителю и которую Он в свою очередь довел до совершенства, после Своей смерти передав Дело в надежные руки Своего преемника.

Тщательно и кропотливо, подобно опытному ювелиру, который, работая над украшением, выбирает из своих запасов какой-нибудь поистине королевский камень, помещая его среди более мелких, но не менее драгоценных, Шоги Эффенди выбирал из Учений определенную тему, изучал ее, полировал ее грани и помещал среди своих блистательных комментариев, где она, извлеченная из-под груды других драгоценностей, ослепительно привлекала наш завороченный взор. Не будет преувеличением сказать, что отныне мы, Бахаи, обитали в помещении, стены которого были сплошь увешаны ярко блистающими бесценными украшениями, которые создал Шоги Эффенди. Он словно уловил солнечный луч Откровения волшебным стеклом, разложив его на спектр и дав нам возможность оценить всю гамму цветов и красок, составляющих ослепительный свет Учения Бахауллы.

То, что мы, казалось бы, и без того знали всю жизнь, неожиданно и самым поразительным образом приобрело новое, доселе неведомое значение. Мысль нашу и воображение постоянно будоражили, не давая им стоять на месте, впадать в спячку. Мы восставали, дабы служить, отарпвляться первопроходцами в далекие страны, жертвовать собою. Мы вырастали под его покровительством, и Вера росла вместе с нами, превращаясь в нечто совершенно отличное от того, чем она была прежде. Остановимся на нескольких из этих мастерских ювелирных изделий - тем, которые Шоги Эффенди в такой блистательной манере раскрыл перед нами. Однажды Бахаулла отдыхал на горе Кармель. Указав на

некое место, Он сказал Абдул-Баха: "Приобрати эту землю, перенеси сюда тело Баба и погребни Его здесь". Учитель перенес Драгоценный Залог на указанное место, сокрыл в лоне горы и поставил над ним здание, сооружение которого стоило Ему стольких седых волос. Хранитель завершил возведение священного Здания, и отныне славная Усыпальница Предтечи Веры безмятежно сияет на горе Кармель - путеводная звезда для взоров всего человечества.

После войны Учитель отправил в Америку несколько драгоценных Скрижалей, написанных в смутные и грозные дни, и помню, как вместе с другими детьми и подростками я участвовала в радостной, приятной церемонии под названием "явление Божественного Предначертания": разбившись на пары, мы тянули за бечевки, и в намеченный момент одна из Скрижалей появилась на задрапированном фоне позади сцены. Абдул-Баха сделал верующим Северной Америки поистине царский подарок, и они радовались ему, но не поняли всего его смысла. Шоги Эффенди, ни на мгновение не теряя из виду сокровище, ныне ранившееся на другом конце света, начал постепенно искать к нему пути. Это заняло у него почти два десятилетия, но в конце концов, в результате невероятных усилий и мук воздвигнув механизм Административного Порядка, он смог добраться до этих драгоценностей и использовать их. Север и Юг были завоеваны, на Востоке и Западе тоже повсюду засияли огни новых центров и Собраний Бахаи - всего их насчитывалось более четырех тысяч двухсот в мире. На двести пятьдесят одну территорию земного шара, которые должны были пробудиться, почувствовав свежее дуновение Божественного Предначертания, Шоги Эффенди направил мощный поток переводов литературы Веры на двухсот тридцати языках. на протяжении двадцати лет, с того момента как силы, скрытые Абдул-Баха в Скрижалях, были приведены в действие, Шоги Эффенди неустанно руководил армией первопроходцев, которые по его приказу, батальон за батальоном, отправлялись завоевывать планету, дабы утвердить на завоеванных землях Знамя Бахауллы.

Разгадав скрытый смысл Скрижали Бахауллы о горе Кармель, Хранитель похоронил Святой Лист рядом с Усыпальницей Баба, перенес останки ее матери и брата, чтобы упокоить рядом с нею, назвал это место центром всемирной администрации, соорудил над ним арку в соответствии со словами Бахауллы о "престоле Господнем", построил первое из великих зданий, которое возвышается над этой аркой, а также непрестанно подчеркивал и разъяснял природу влияния, которое этот великий духовный центр будет впредь оказывать на все нации и народы мира, влияния, основанного на учениях Веры, «по сути своей сверхъестественной, наднациональной, целиком и полностью внеполитической, чуждой фанатизма и диаметрально противоположной любой политике или течению мысли, восхваляющим и превозносящим тот или иной класс, расу или народ»; Веры, чьи «последователи видят в человечестве единое целое и, глубоко озабоченные его жизненными интересами, без колебаний подчинят любой личный, региональный и национальный интерес преобладающим интересам большинства человечества, прекрасно понимая, что в мире взаимозависимых народов и наций преимущество какой-либо части может быть достигнуто прежде всего за счет преимущества целого»; Веры, зародыш которой, по словам Шоги Эффенди, рос и развивался на протяжении Героического Века, чье дитя - общественный Порядок, описанный в учениях Бахауллы, - будет возрастая в Веке Строительства, Веры, которая, достигнув юношеской поры, станет свидетельницей установления Всемирного Порядка, а в зрелом возрасте, в далях Золотого Века, расцветет и превратится во всемирную цивилизацию, глобальную цивилизацию, которая озаменуется «предельное расширение границ организации человеческого общества», которой не грозит упадок, в рамках которой человечество будет продолжать бесконечно развиваться, поднимаясь к новым высям духовной мощи.

Он разделял события, происходящие ныне и имевшие место в прошлом Дела Божия, на части, соотнося каждую с развитием Веры в целом, создавая рельефную карту, коорая давал нам возможность одним взглядом охватить результаты наших трудов и то, как

достижение сиюминутной задачи прокладывает путь следующему неизбежному шагу, который мы должны предпринять, служа Делу Бахауллы. Определения и классификации, которыми он пользовался, не были произвольными, но заложенными в учениях и в самом течении событий, происходящих в лоне Веры. Пророческий Цикл, который начался с Адама и вершиной которого стал Мухаммад, Пророки которого воспитывали ловека, подготавливая его к зрелости, уступил место Циклу Сверхшения, начатому Бахауллой. Единство планеты, ее знания дали человеку возможность, скорее даже вынудили его, создать новое общество, в рамках которого человечество сможет мирно посвятить себя исключительно материальному и духовному развитию и становлению. Благодаря величию происходящих перемен сень Бахауллы раскинется над всей планетой на пять тысяч веков, в первые десять из которых миров будут править установленные Им законы, заповеди, учения и принципы.

Этот тысячелетний Завет Шоги Эффенди разделил на несколько великих Веков. Первый, начавшийся провозглашением Баба и закончившийся смертью Учителя, продлился семьдесят семь лет, и, исходя из природы характеризующих его событий, крещения в кровавой купели, которым было ознаменовано его начало и которое унесло двадцать тысяч жизней, включая Самого Баба, Хранитель назвал Апостольским, или Героически, Веком Веры. Внутри Хранитель разделил этот Век на три эпохи, соответственно связанные со служением Баба, Бахауллы и Абдул-Баха. Второй век, который Шоги Эффенди называл Веком Строительства, Переходным Веком, Железным Веком Веры, стал тем периодом, в течение которого должен возникнуть Административный Порядок - самая крупная веха этого Века, - в течение которого этого Порядок достигнет совершенства и увенчается установлением Миропорядка Бахауллы. Первая эпоха Века Строительства охватывает период от кончины Абдул-Баха в 1921 году до столетия возникновения Веры в 1944 году; непосредственно последовавшие за этим события второй эпохи увенчались окончанием Всемирного Похода в 1963 году, совпавшим со столетней годовщиной Провозглашения Бахауллы. Хотя Хранитель никогда точно не указывал, сколько именно эпох войдут в состав Века Строительства, он подразумевал, что новые, не менее значительные, не менее волнующие эпохи последуют за первым двумя по мере постепенного продвижения Веры к тому, что он называл Золотым Веком, который, как он неоднократно высказывался, возможно, наступит в последние столетия Завета Бахауллы.

Шоги Эффенди говорил, что Дело Божие неизбежно выйдет из мрака безвестности и гонений и будет признано как мировая религия; оно полностью сбросит с себя оковы прошлого, станет государственной религией, и в конце концов возникнет государство Бахаи - новое, невиданное творение во всемирной религиозной истории. По прошествии Века Строительства человек вступит в Золотой Век, о котором еще библейский пророк Аввакум сказал (2, 14): «Ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море».

Историческое воплощение Божественного Предначертания Абдул-Баха Шоги Эффенди также разделил на эпохи, которые, в свою очередь, подразделил на особые фазы, что дало Бахаи возможность во всех подробностях проследить свою деятельность и сосредоточиться на особых задачах. Первая эпоха Божественного Предначертания проходит три таких фазы: первый Семилетний План, второй Семилетний План и Десятилетний Образовательный и Консолидационный План, который мы в конце концов назвали Всемирным Походом. Сам Поход Шоги Эффенди тоже разделил на ряд этапов: первый из них продлился один год, с 1953 по 1954; на этом этапе, говорил Шоги Эффенди, была достигнута одна из жизненно важных целей Плана - присоединение более ста новых стран, вставших под знамена Бахауллы; второй этап - с 1954 по 1956 - был ознаменован уникальными мерами по консолидации и расширению Веры, которое не только подготавливало почву для выборов в сорок восемь новых национальных органов, которые было намечено провести до завершения Плана, но и характеризовалось

беспрецедентными расходами на приобретение Национальных Хазират уль-Кудс и земельных участков для Храмов, а также образованием Издательских Трестов Бахаи; «третий и, судя по всему, наиболее блестящий этап Всемирного духовного Похода», писал он, должен развернуться в период с 1956 по 1958 год, а отличительной чертой его станет невиданное увеличение числа центров Бахаи по всему миру, равно как и образование шестнадцати новых Национальных Собраний. Перед своей кончиной Хранитель указывал, что четвертый этап его величественного Плана, с 1958 по 1963 год, ознаменуется не только беспрецедентным ростом числа верующих и центров во всем мире, но и продвижением работ по сооружению трех Храмов, которое отныне входило в состав задач Десятилетнего Плана.

Но для нас неотвратимо близился конец этого великого руководства, вооружившего нас подобными концепциями, столь блистательно осуществившего работу, начатую Абдул-Баха, столь достойно воплотившего в жизнь не только Его наставления, но и возвышенные указания Самого Богоявления. Никто не догадывался, да и некто не смог бы смириться с мыслью о том, что послание, обращенное к миру Бахаи в октябре 1957 года, будет последним посланием Шоги Эффенди. Это было радостное и вдохновенное послание, полное надежд, полное новых планов - последний бесценный дар человека, который на самом деле уже отложил в сторону се перо и навсегда отвратил лик от земного мира и его скорбей. Скоро, извещал нас Шоги Эффенди, Всемирный Духовный Поход достигнет середины пути. Момент этот следовало ознаменовать созывом пяти Межконтинентальных Конференций в январе, марте, мае, июле и сентябре 1958 годв - в Африке, на островах Антиподов, в Америке, Европе и Азии. Следуя образцу, по котрому в свое время в течение Святого Года проводились в начале Похода первые четыре Межконтинентальные Конференции, Шоги Эффенди определил пять Собраний, под эгидой которых должны были пройти эти грандиозные съезды и чьим председателем предстояло выступать в качестве организаторов. Центральное и Восточное Африканские Региональные Собrania несли ответственность за проведение первой Конференции (наверняка нельзя отнести к разряду случайностей то, что именно Африка дважды за пять лет выступала в качестве застрельщика, проводя у себя первую Конференцию); Национальное Собрание Австралии отвечало за второе мероприятие; Национальное Собрание Соединенных Штатов - за третье Национальное Собрание Бахаи Германии и Австрии за четвертое, а Региональное Собрание Юго-Восточной Азии за последнее. «Перед этими конференциями, - писал Шоги Эффенди, - стоят пять важнейших задач: во-первых, смиренно возблагодарить Божественного Творца нашей Веры, Который в период, когда смятение и тревога, охватившие мир, становились все острее и в развитии судеб человечества настал критический момент, осенил Своих последователей благодатью, позволившей им присутпить к неуклонному выполнению Десятилетнего Плана, предназначенного, чтобы воплотить Великий Замысел Абдул-Баха; во-вторых, произвести анализ и особо отметить ряд знаменательных побед, одержанных одна за другой в каждой из кампаний всемирного Похода; в-третьих, обдумать пути и средства его триумфального завершения; и, наконец, обдумать пути и средства его триумфального завершения; и, наконец, одновременно дать мощный толчок жизненно важному процессу индивидуального обращения - первостепенной задачи Плана в каждой из его сфер, - а также сооружению и завершению трех Материнских Храмов на европейском, африканском и австралийском континентах».

Шоги Эффенди уведомил нас, что «... феноменальные успехи, достигнутые с начал этого Всемирного Похода... затмевают по числу и качеству достижней все предшествующие коллективные предприятия... начиная с конца... Героического Века...» С очевидным чувством радости и торжества он перечислял эти достижения и одержанные победы, характеризуя их как «поистине чудесный прогресс, достигнутый в столь разных областях, за столь короткое время, столь малым числом поистине героических личностей».

Именно в этом послании Хранитель в последний раз назначил очередных Десниц Дела Божия - еще восемь человек присоединился к членам этого «возвышенного института», и таким образом общее число «высокопоставленных служителей стремительно развивающегося Мирового Административного Порядка» достигло двадцати семи; этот акт, ввиду недавнего принятия ими «священной обязанности защитников Веры», требовал образования еще одного Вспомогательного Комитета, по числу членов такого же, как и предыдущие, которому поручалась «особая задача блюсти безопасность Веры». Пять Десниц, избранных Шоги Эффенди для работы во Всемирном Центре, должны были присутствовать на пяти Межконтинентальных Конференциях в качестве его специальных представителей. Двое из них должны были положить в фундаменты Материнских Храмов в Кампале и Сиднее «горсть священной земли из возвышеннейшей Усыпальницы Бахауллы»; другую часть священной земли должны были доставить во Франкфурт и передать Национальному Собранию Германии и Австрии, где ей предстояло храниться до начала сооружения первого европейского Машрик уль-Азкара. Копию портрета Бахауллы и прядь Его драгоценных волос предоставляли на обозрение участникам европейской, австралийской и африканской Конференций, и такие же дары передавали на хранение тем национальным органам, на территории которых возводились великие Дома Поклонения, как знак любви и благосклонности Хранителя. Вместе с Десницей Дела, делегированной на Азиатскую Конференцию, Хранитель передал на обозрение верующим еще одну копию портрета Бахауллы, но ее должны были привезти обратно для надежной сохранности в Святой Земле. На Конференции в Чикаго представитель Шоги Эффенди должен был выставить перед верующими портреты Бахауллы и Баба, которые он предварительно поручил хранить Американскому Национальному Собранию. Это были последние знаки любви, которыми Шоги Эффенди щедро одарял верующих - то самое войско правоверных, пастырем которых он был, которые столь преданно следовали за ним на протяжении столь многих судьбоносных лет.

Когда тысячи бахаи из бесчисленных стран и земель собирались в 1958 году, во исполнение намерений и желаний Шоги Эффенди, на пять великих Межконтинентальных Конференций, то не только с трепетом и благоговением, но и со скорбью в сердце и со слезами на глазах взирали они на священный портрет Основателя своей Веры. Почему Он, пред Чьей славой они склонялись, с Чьими учениями они связали свою жизнь, в глубину Чьих глубоких и всеведущих глаз они сейчас смотрели - почему Он посчитал нужным забрать от них Своего отпрыска? Они не только оплакивали своего Хранителя, они вопрошали о том, где теперь сам институт Хранительства. Это было высшее испытание верой; Бог дал, Бог взял, а «Он творит то, что ему по нраву. Он выбирает, и никому не должно спрашивать, почему Он выбрал так». После Баба, погибшего смертью мученика, остался Бахаулла; после вознесения Бахауллы остался Абдул-Баха; после кончины Абдул-Баха остался Шоги Эффенди. Теперь же словно процессия Царей - невзирая на разницу, огромную разницу в положении между ними, - скрылась, разойдясь по своим покоям. А мы, Бахаи, стояли перед закрытыми дверями и не переставали спрашивать, подобно детям, чьих родителей поглотила развершаяся земля, почему двери эти закрыты отныне наглухо, навсегда?

Пожалуй, ни в один другой момент истории глубоко укоренившаяся в душах Бахаи надежда, связывающая их с их религией, не выступила так открыто и явно, как в год, последовавший за кончиной Шоги Эффенди. Низко опустив головы, терзаясь скорбью, они все-таки держались. Если бы Хранитель не поставил перед верующими пять грандиозных целей, для достижения которых они могли собираться большой и дружной семьей, утешая друг друга и получая наставления от Десниц Дела, которые восстали, чтобы завершить План Хранителя и обеспечить выборы в направляемый свыше Всемирный Дом Справедливости, трудно даже представить себе, какой серьезный урон могла нанести живому телу Веры внезапная и совершенно неожиданная смерть ее возлюбленного Вождя. То, что друзья были активно заняты осуществлением Плана, то,

что внимание мира Бахаи было теперь целиком сосредоточено на его серединной точке, то, что на Конференциях особое внимание уделялось пяти конкретным темам, а также то, что они неоднократно получали исполненные любви и веры, ободряющие послание от Десниц Дела - все это еще больше сплотило Бахаи всего мира. Само несчастье придало их сердцам, очистившимся в паводке скорби, новые силы и внушило еще более глубокую любовь. Они не имели права подвести Шоги Эффенди. Он просил их обдумать пути и средства победоносного завершения Плана • что ж, они сделают это и к 1963 году увенчают свое наступление таким успехом, который заставил бы взволнованно забиться его сердце, и из-под его пера излился бы поток хвалы и благодарности, который всегда служил им самой дорогой наградой.

Ничто так ярко не свидетельствует о мощи Дела, чем триумфальное завершение верующими Всемирного Похода Хранителя. Вначале эта задача казалась ошеломительной, невероятной. То, что Бахаи выполнили ее, то, что на протяжении более пяти лет, лишившись своего Главы и руководителя, они трудились так самоотверженно, как никогда ранее в своей истории, а ведь вместе с Хранителем они лишились тех пламенных призывов, тех сообщений, тех завораживающих словесных картин, которые он рисовал им в своих посланиях, постоянной уверенности в том, что горячо любимый кормчий, стоя у штурвала, ведет их корабль к победе, - то, что Бахаи выполнили ее, представляется почит чудом и свидетельствует не только о том, как прочно было возводимое им здание, но и о справедливости слов Учителя: «Едло таит в себе чудодейственную силу, поистине намного превосходящую разумение людское и ангельское».

Жизнь и смерть телесно переплетены, обе умещаются в едином биении человеческого сердца, и все же смерть всегда кажется нам чем-то нереальным, чем-то выпадающим из нормального хода вещей, - поистине, кто мог ожидать смерти Шоги Эффенди! В то последнее лето он чувствовал себя превосходно, и не только сам говорил об этом, но то же в один голос утверждали и доктора, обледовавшие его за несколько недель до кончины. Н.иИкто и помыслить не мог, что часы, бившиеся внутри этого сердца, близятся к пределу отпущенного им срока. Часто меня спрашивали - неужели я не заметила никаких признаков того, что конец близок. Поколебавшись, я отвечала «нет». Если посередине прекрасного безоблачного дня вдруг разражается страшная буря, то какое-то время спустя человеку может почудиться, что он видел кружившиеся в воздухе соломинки, поднятые ветром, - предвестники урагана. Мне вспоминаются кое-какие подробности, которым можно было бы придать значение, но в ту пору они ни о чем мне не говорили. Я просто не пережила бы и малейшего предчувствия смерти Хранителя, мне удалось это лишь в конце, потому что я не могла оставить его и его драгоценный труд, который свел его в могилу намного раньше, чем кто бы то ни было мог себе это представить.

Одной из задач Десятилетнего Плана, связанных с работой Всемирного Центра, задача, которую Хранитель поставил лично перед собой, было то, что он называл «кодификацией законов и заповедей Китаб-и-Акдаса, Праматери Книг Откровения Бахаи». Работа с книгой такого масштаба, которая вкупе с Завещанием Абдул-Баха, как утверждал Шоги Эффенди, является «главным кладезем бесценных элементов той Божественной Цивилизации, формирование которой есть основная миссия Веры Бахаи», разумеется, подобала прежде всего самому Главе Веры. Шоги Эффенди занимался «кодифицией» примерно три недели весной 1957 года, перед своим отъездом из Хайфы. Поскольку я часто сидела в комнате, когда он работал, громко читая вслух и делая пометки, то из его слов я поняла, что тогда он еще не собирался приступать к законной кодификации положений Акдаса - речь шла, скорее, о компиляции, распределении по темам, которое дало бы Бахаи возможность глубже постичь природу законов и заповедей, оставленных Бахауллой Своим последователям. Именно тогда Шоги Эффенди не раз замечал, что ему вряд ли удастся довести начатое дело до конца. Я не придавала его словам особого

значения, поскольку и он, случалось, сгибался под тяжким бременем непрестанной работы, и приписывала их переутомлению в конце длительного изнуряющего рабочего периода, пришедшегося на последние месяцы, проведенные им дома. Они припомнились мне уже после его смерти и заставили задуматься.

В то последнее лето он частенько отправлялся на прогулку в свои излюбленные места в горах, и это тоже не раз припоминалось мне после того, как случилось непоправимое, но тогда я просто радовалась, видя, как радуется он, ненадолго забывая о тяготах и печалях, которыми была полна его жизнь.

Прежде чем настало время возвращаться в ноябре в Хайфу, Шоги Эффенди поехал в Лондон приобрести еще кое-что из обстановки для недавно достроенного здания Архивов, куда после его возвращения должны были перенести все драгоценные исторические материалы, выставленные и хранившиеся в шести комнатах, где прежде размещались архивы. Пока мы были в Лондоне, над Европой разразилась страшная эпидемия азиатского гриппа и нам обоим не удалось избежать болезни. У нас был превосходный врач, которого Хранитель любил и которому доверял, и заболевание протекало не в очень тяжелой форме, хотя несколько дней у Шоги Эффенди была высокая температура. Врач настоял на том, чтобы он не уезжал из Лондона до тех пор, пока температура не будет держаться в пределах нормы хотя бы неделю, на что Хранитель согласился. Несмотря на жар, он много читал, лежа в кровати, и продолжал вести переписку. Болезни ни на минуту не удавалось сковать его активность, хотя он был очень слаб и почти ничего не ел. Прошла неделя с тех пор, как он ощутил первые признаки недомогания, и он вновь с головой погрузился в работу над последней из своих замечательных карт, которую называл «серединная точка Десятилетнего Похода». Он попросил меня, чтобы в комнату перенесли большой стол, и, разложив на нем карту, часами трудился над ней, сверяясь со мной относительно различных цифр и данных, отражавших картину Похода во всем мире. Когда я принималась укорять его, что он проводит так много времени за работой, еще не восстановив силы после болезни, и умоляла подождать хотя бы несколько дней, пока самочувствие его окончательно не поправится, он отвечал: «Нет, не успокоюсь, пока не закончу. Осталось только выверить. Добавлю еще пару имен из последней почты и сегодня же заканчиваю». Работая, он постоянно повторял слова, которые мне так часто приходилось слышать от него в последние годы его жизни: «Это работа меня убивает! Ну что мне делать дальше? Придется все бросить. Нет сил. Посмотри, сколько мне еще нужно дописать. И ни разу не ошибиться!» Когда работа была закончена, он, вконец обессиленный, снова лег и, откинувшись на подушки, стал читать отчеты. Из всех уголков мира Бахаи к нему непрестанно стекалось такое количество материалов, что несколько часов в день уходило только на их чтение, иначе он рисковал навсегда упустить что-то из виду.

Но слишком велик и непосилен оказался жизненный груз, и рано утром 4 ноября у него произошла закупорка коронарных сосудов. Смерть пришла за ним так внезапно и так неслышно, что он умер, даже не успев понять, что душа его возносится в иной мир. Когда я зашла к нему утром, спросить, как он себя чувствует, то не сразу поняла, что он мертв. Глаза его были полуоткрыты, и ни боли, ни тревоги, ни удивления не читалось во взгляде. Он словно бы недавно проснулся и лежал, удобно расслабившись и спокойно обдумывая что-то. Как ужасно он страдал, когда внезапно узнал о смерти деда! И вот теперь тихий голос призвал его в одночасье соединиться с Ним. Теперь пришел черед других пережить муку неожиданной утраты.

В тот страшный черный день беспросветного страдания я просто не могла себе представить, как смогу сделать для других Бахаи то, что в свое время Хранитель сделал для меня и всех нас. Как смогу я сообщить верующим, что Хранитель вознесся? Что же будет с теми старыми, слабыми и больными, для кого эта весть станет таким же ударом, как известие о кончине Учителя для Шоги Эффенди и моей матери? Именно поэтому я немедленно дала телеграмму членам Международного Совета Бахаи в Хайфе: «Возлюбленный Хранитель заболел азиатским гриппом состояние крайне тяжелое

попросите Лероя оповестить все Национальные Собрания уведомить верующих горячо молиться божественном заступничестве Веры». Я понимала, что через несколько часов мне придется отправить вслед за этой телеграммой другую, в которой будет вся правда, но я не могла хоть как-то не смягчить страшный удар. Позднее я снова отправила в Хайфу телеграмму, где сообщала все подробности смерти Хранителя и просила передать их Национальным Собраниям всего мира. Я чувствовала, что такие новости должны исходить из Всемирного Центра Веры:

Шоги Эффенди возлюбленный всех сердец священный залог оставленный верующим Учителем скоростижно скончался во сне результате сердечного приступа после нескольких дней болезни. Обратитесь верующим просьбой хранить самообладание положиться институт Десниц с любовью возведенный недавно упроченный возлюбленным Хранителем. Только внутреннее единство только единство цели может подобающим образом свидетельствовать преданности всех Национальных Собраний верующих ушедшему Хранителю который самоотверженно отдал жизнь служению Вере.
Рухийя

На следующий день, 5 ноября, все Национальные Собрания получили еще одну телеграмму, на этот раз непосредственно из Лондона:

Возлюбленный в сердцах бесценный Хранитель Дела Божия мирно скончался вчера после перенесенного азиатского гриппа. Призываю Десницы Национальные Собрания Вспомогательные Комитеты поддержать верующих помочь вынести тяжкое испытание. Похороны нашего возлюбленного Хранителя субботу Лондоне приглашаются все Собрания Десницы члены Комитетов также следует публично оповестить скорейшей встрече Десниц Хайфе для разработки обращения миру Бахаи касательно планов на будущее. Провести мемориальные собрания субботу.

Рухийя

Волна скорби, которую жто известие вызвало среди верующих во всех концах света, была не менее мощной, чем та, что обрушилась на Бахаи тридцатью шестью годами раньше после столь же внезапной и невозполнимой утраты - кончины возлюбленного Учителя. Столь же серьезными оказались и проблемы, возникшие в связи с этим событием. По законам Акдаса, защищать которые был поставлен сам Шоги Эффенди, похороны могли проводиться лишь в месте, находящемся на расстоянии не более часа пути от места смерти. Я понимала, что и речи быть не может о том, чтобы нарушить этот закон и перенести останки в Святую Землю. Сколько боли пришлось изведать во время приготовлений к погребению возлюбленного наших сердец на расположенном неподалку от Лондона кладбище - красивом и тихом, окруженном деревьями, в ветвях которых не смолкало птичье пенье. Похороны назначили на 10.30 утра в субботу, 9 ноября. В эти дни Лондон превратился в центр паломничества Бахаи всего мира. Словно притягиваемые мощным магнитом, сюда отовсюду устремлялись послания, раздавались бесконечные телефонные звонки; верующие начали стекаться в Национальный Хазират уль-Кудс, и каждый приносил с собою новую частицу скорби и любви, которые сливались в единое море вокруг застывшей, неподвижной фигуры, вокруг человека с умиротворенным лицом, наконец сложившего с себя всякую ответственность.

Первыми, кто, узнав о страшной новости, поспешили ко мне, были мои товарищи - Десницы Дела. К жившему в Лондоне Хасану Блюзи я обратилась сразу же после первых страшных минут, проведенных мною утром в комнате Шоги Эффенди. Он вскоре приехал, чуть позже появился Джон Ферраби, тоже живший в столице. Вечером того же дня из Рима прибыл Уго Джакери, а на завтра из Хайфы прилетела Милли Коллинз, за столькие годы привыкшая быть рядом со мной в самые тяжелые и ответственные минуты. Одна из Десниц, Адельберт Мюльшлегель, который, к счастью, по профессии был врачом, прибыл из Германии вместе с Германом Гроссманов после телефонного разговора, в

котором я спросила его, не сможет ли он приехать, чтобы обмыть останки Хранителя. Мои друзья и товарищи разделили со мной тяжкий груз хлопот, заверив, что будет сделано все возможное, чтобы каждый верующий подобающим образом мог выразить свое чувство уважения, благодарности и любви. Шли дни, и все новые и новые Десницы прибывали с разных континентов - великое утешение для меня, друг для друга и для верующих. Накануне похорон Шоги Эффенди мы, Десницы, собрались, чтобы распределить обязанности, и это было первое из многочисленных собраний, которые следовали одно за другим по мере того, как поход Шоги Эффенди - год от года, от победы к победе - близился к триумфальному завершению, на которое он надеялся и которое предвидел.

Наконец день последнего прощания настал, сотни верующих последовали за гробом Хранителя, сопровождая похоронный кортеж из шестидесяти автомобилей, медленно двигавшихся в сторону Большого Северного кладбища Лондона. Тем из прибытия уже дожидалась толпа верующих - практически вся Община Великобритании собралась в Лондон, чтобы отдать дань уважения священным останкам Хранителя, которые Господь, руководствуясь неким таинственным замыслом, предпочел доверить земле их родины. Гора ярких цветов усыпала могилу, затем был вынесен катафалк с гробом Шоги Эффенди; безмолвная потрясенная толпа стояла кругом, головы низко опущены, слезы тели по лицам. Погребальная служба состоялась с простой, но величественной кладбищенской часовне, не относившейся ни к какому вероисповеданию, слишком маленькой, для того чтобы вместить всех верующих. Моя заметка, несколько месяцев спустя опубликованная в материалах «Кончина Шоги Эффенди», пожалуй, лучше всего передает происходившее: «Гроб с телом Великого Хранителя внесли внутрь часовни и поставили на укрытое мягким зеленым покрывалом возвышение катафалка. Часовня была переолнена, и многим пришлось остаться за дверями. Все стояли не шелохнувшись, пока по-арабски пели дивной красоты молитву, которую Бахаулла заповедал читать над мертвыми. Затем друзья из Европы, Африки, Америки и Азии - негры, евреи и арии - прочитали еще шесть молитв и отрывки из Писаний на английском и персидском.

Когда гроб вынесли и снова поставили на катафалк, торжественная процессия друзей медленно прошла вслед за ним путь длиною в несколько сот ярдов, отделявший часовню от могилы.

Пока все молча стояли, ожидая, когда гроб опустят в могилу, Рухийя-ханум чувствовала, как скорбные переживания окруживших ее людей смешиваются с ее великой скорбью. Он был их Хранителем. И вот он навсегда скрывался от них, внезапно вырванный из их рядов по непреклонному соизволению Господа, Чью Волю не вправе оспаривать никто из людей. Стоящим в задних рядах было не видно его, они даже не могли приблизиться к гробу. Тогда Рухийя-ханум решила объявить, чтобы, перед тем как гроб опустят в могилу, те из друзей, кто захочет этого, мог подойти к нему и воздать дань последнего уважения. Более двух часов верующие, прибывшие с Востока и Запада, рядами проходили мимо, прощаясь с телом. Большинство, опустившись на колени, прикладывалось к ручке гроба. Поистине, в истории не часты случаи такого проявления любви и скорби. Дети, вслед за матерями, преклоняли свои головки, старики рыдали, традиционная англо-саксонская выдержка - привычка никогда не обнаруживать свои чувства на людях - изменяла людям, сердца которых скорбь жгла раскаленным добела железом. Утро стояло мягкое, солнечное; то и дело начинал накрапывать ласковый дождик, и капли падали на гроб, словно сама природа была не в силах сдержать слез. Некоторые клали небольшие флаконы с персидским розовым маслом в изголовье гроба; кто-то нерешительно положил красную розу - безусловный символ преданного сердца; кто-то, не в силах видеть капли дождя на исполненном благодати и тайны лице, встав на олени, робко пытался стереть их; третьи уносили, крепко зажав в руке, щепотку земли, взятую рядом с гробом. Слезы, поцелуи и торжественные молчаливые клятвы изливались на того, кто при жизни всегда называл себя "истинным братом" всех верующих. В самом конце потрясенной скорбью

процессии к гробу приблизилась Рухийя-ханум и на мгновение преклонила колени для молитвы. Затем она накинула на гроб зеленый покров, поверх него положила расшитую синим и золотым парчу из Усыпальницы бахауллы и свежесрезанные благоухающие ветви жасмина. Затем бранные останки того, кого Абдул-Баха назвал "самой блистательной, несравненной и бесценной жемчужиной, воссиявшей в глуби Двух Морей", медленно пустили в устланную ветвями вечнозеленых кустарников, усыпанную цветами могилу, где они навеки упокоились на ковре из Святой Усыпальницы в Бахджи».

Так - почтительно и благоговейно - расставались Бахаи с прахом благословенного внука Абдул-Баха.

Во все время похорон на гробе лежал большой букет красных и белых цветов, который я специально заказала и в который положила записку, как мне казалось, выражавшую чувства тех, кто, единственные, имели право от своего имени возложить этот благоуханный символ: «От Рухийи и всех, кого ты любил и кто любил тебя, чья душа ныне исполнена скорби». Когда наконец водрузили могильный камень, я положила букет на него, и тысячи и тысячи цветов от Бахаи всего мира, словно волны многоцветного моря, окружили могилу пышным ковром благоуханных соцветий.

Когда похороны закончились, всех верующих мира Бахаи оповестили о проведении мемориальных собраний:

Возлюбленный Хранитель соответствия законами Акдаса после впечатляющей церемонии которой участвовали многие верующие востока запада представлявшие более двадцати пяти стран ныне покоится одном из красивейших кладбищ Лондона. Скоропостижная кончина уверению врачей не причинила страдания благословенный лик запечатлен выражением бесконечной красоты мира величия. Восемнадцать Десниц присутствовавших похоронах просят Национальные Органы уведомить верующих проведении мемориальных собраний восемнадцатого ноября в честь лучезарного божественного руководства которого мы лишились после тридцати шести лет непрерывной бдительности самопожертвования трудов.

Рухийя

В 1958 году, из того же ослепительно белого каррарского мрамора, который он сам выбрал для памятников своим зменитым родственникам в Хайфе, на могиле Хранителя было установлено надгробие - простое, какое, думаю, одобрил бы и он сам. Коринфскую капитель мраморной колонны венчает изображение земного шара с развернутой к зрителю рельефной картой Африки - ибо что как не одержанные на этом континенте победы доставили ему такую радость в последний год его жизни? - а над земным шаром раскинул крылья большой позолоченный бронзовый орел, точная копия прекрасного японского изваяния, которым он всегда так восхищался и которое держал у себя в комнате. И не найти лучшей эмблемы, чем этот символ победы, чтобы украсить место последнего пристанища того, кто сам одержал столько побед, ведя за собой войко последователей Бахауллы в их беспрестанных походах на всех пяти континентах планеты.

Невзирая на все испытания, с твердостью алмазного резца наметив, по словам самого Хранителя, «сложные очертания будущего Административного Порядка, заложив его основы, создав его механизм и приведя его в действие»; обеспечив вемирное распространение и всемерное упрочение Дела Божия благодаря применению принципов Божественного Предначертания Абдул-Баха; возведя Веру Бахауллы на вершины, каких она не достигала прежде, благодаря редкому сочетанию отважного дерзновения и мудрого расчета; продвинув труд, доверенный ему Господом, насколько то позволяли его слабеющие силы; с душой, покрытой шрамами бесчисленных личных нападков, которым он подвергался во все годы своего служения, - Шоги Эффенди оставил свое поприще. Человек, «познавший скорбь и неизреченную горечь несбывшихся надежд, вкусил покоя». Хранитель, которого Абдул-Баха в Своем Завещании назвал «первой ветвью Божественного и Священного Древа Лотос», который благодаря положениями Его

Последний Воли пустил глубокие корни в душах и сердцах верующих после кончины Учителя, навсегда остался тем, кто «искал убежище в его сени, которую он раскинул над всем человечеством».

Перечень иллюстраций

Бесценная жемчужина

"Воистину, дитя это рождено и живет, и от него следует ожидать чудес... в грядущем".
Абдул-Баха

Место, где родился Хранитель.

В этом городе, в 1897 году, в городе-тюрьме Акке родился Шоги Эффенди

"Ныне еще не настало тебе время сидеть за книгами - резвись беззаботно..."
Абдул-Баха

Шоги Эффенди в первые школьные годы

"О Господь! Се ветвь от древа Твоей благодати... нареки его Шоги, дабы он мог взалкать Царствия Твоего..."
Абдул-Баха

"И предстанет он в дивном облике, наделенный беспримерными способностями, абсолютным совершенством, высшею властью и непревзойденным могуществом".
Абдул-Баха

Преемник Учителя

Фотография, по всей видимости относящаяся к периоду, когда Абдул-Баха отправился в свои исторические поездки по Западу

Старший внук Абдул-Баха - Шоги Эффенди

"Взгляните, взор его ясен, как родниковая вода", - слова, принадлежащие Абдул-Баха

Шоги Эффенди в восточном платье

До своего отъезда на учебу в Англию Хранитель обычно одевался именно так

Шоги Эффенди. Годы учебы в Бейруте

Картограф за работой.

Одна из первых карт, с изображением Римской империи, составленная Шоги Эффенди в 1914 году

Юный секретарь Учителя

Шоги Эффенди - за своей маленькой пишущей машинкой - на балконе комнаты, которую он занимал рядом с комнатой Абдул-Баха. Вероятнее всего, будущий Хранитель трудится над переводом Скрижалей своего деда (около 1919 года)

Будущий Глава Веры

Черты лица этого студента уже несут на себе отпечаток качеств, присущих вождю

Студентом в Англии
Шоги Эффенди в возрасте около 23 лет

Баллиольский колледж. Студенты младших курсов. Оксфорд, 1920 год
Шоги Эффенди, в окружении своих соучеников, указан стрелкой. (Фрагмент общей фотографии)

Преемник Абдул-Баха
Примерно в этом возрасте Шоги Эффенди был назначен Хранителем в первой части Завещания Учителя

Дом Абдул-Баха
На крыше - дополнительная пристройка, сделанная для Шоги Эффенди по указанию Пресвятого Листа в 1023 году

Хранитель вместе с Бахией-ханум
Скорее всего, фото сделано в 1919 году перед отъездом Шоги Эффенди в Оксфорд

На этой фотографии Шоги Эффенди 22 года. Бремя, которое нес Абдул-Баха, теперь легло на его плечи

Страница из рукописей Хранителя (персидский текст)
В письме, направленном в "Звезду Запада", Шоги Эффенди извещает Бахаи: "... в силу обстоятельств я вынужден на время полностью препоручить руководство Делом... Пресвятому Листу". (апрель 1922 года - ?)

Новый Хранитель
Шоги Эффенди - Хранитель Веры Бахаи - в саду возле дома Абдул-Баха в Хайфе. 1921.

Абдул-Баха и Шоги Эффенди
Последние годы вместе. Средоточие Завета и будущий Хранитель, в Хайфе, на ступенях дома Учителя

Хранитель обозревает свои сады
Вверху: Шоги Эффенди смотрит на Усыпальницу Баба с вершины горы Кармель. Внизу: Недавно благоустроенный участок в Бахджи

Гробница Бахауллы в Бахджи
На фотографии видны две остроконечные крыши Его Усыпальницы. Здание с арками на заднем плане - Дворец. (Около 1919 года, вид с запада)

Бахджи. Вид с воздуха
Большое здание в центре - Дворец Бахауллы, слева - остроконечная крыша Его Усыпальницы. Сады, разбитые Шоги Эффенди, раскинулись к северу и юго-западу. За поворотом тропинки, в ее конце, небольшое белое строение, с крыши которого Шоги Эффенди наблюдал за ходом работ

Шоги Эффенди в Англии
Вместе с д-ром Дж. Э. Эсслементом, которого Хранитель навещал в лечебнице Борнмута, 1920-1921

Факсимиле писем королевы Марии Румынской

Вверху: конверт в первом письме от королевы к Шоги Эффенди, отправленным 27 августа 1926 года из любимой резиденции королевы в Бране. Внизу: одно из письменных свидетельств Ее Величества о значении учений Бахаи

Шоги Эффенди

Снято, вероятно, в годы, непосредственно накануне вступления в сан Хранителя

Образец почерка Шоги Эффенди

Факсимиле надписи на конверте и отрывок из письма, в котором Хранитель упоминает о Пресвятом Листе после ее кончины

Могила Бахийа-ханум

Усыпальница Баба

Вид на здание, возведенное Абдул-Баха, и склоны горы незадолго до того, как Шоги Эффенди стал Хранителем

Хайфа

Белый прямоугольник - крыша Усыпальницы Баба до начала возведения надстройки в 1949 году. На заднем плане залив Акки.

Усыпальница на горе Кармель

Часть разбитых Шоги Эффенди садов и сооруженных им террас, окружающих надстройку Гробницы Баба

Священное Место

Слева направо: Памятники, венчающие могилы брата, матери, жены и сестры Абдул-Баха, над которыми, обращенные фасадами к дугообразному повороту дороги, будут возвышаться Международные Административные Учреждения Веры

Здания, возведенные Шоги Эффенди

Слева: Здание Международных Архивов. Справа: Усыпальница Баба. Дугообразная дорога между ними образует часть арки, вокруг которой будут сооружены другие здания международного центра

Хранитель в 1957 году

Моментальный снимок Шоги Эффенди у садовых ворот дома Учителя. Хранитель руководит похоронной процессией, несущей гроб старого слуги на кладбище Бахаи

Последнее послание Хранителя

На террасе этой горной гостиницы Шоги Эффенди закончил свое монументальное послание в ознаменование половины пути, пройденного за годы Всемирного Похода

Сцена прощания

Похороны Шоги Эффенди, Лондон, 9 ноября 1957 года

Гроб с телом Хранителя в усыпанной цветами могиле

После похорон

Море цветов вокруг могилы Хранителя

Могила Шоги Эффенди в Лондоне

Корнифская колонна, земной шар из белого каррарского мрамора, на котором рельефно изображена карта Африки, и его японский орел

Позолоченный орел, распростерший крылья над могилой Шоги Эффенди

Хранитель

Последняя фотография Шоги Эффенди за несколько месяцев до его кончины. Увеличенный моментальный снимок запечатлел не властность и величие, столь ощутимо исходившие от него, а добросердечие, благородство и кротость, присущие Хранителю